ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 5, 2022

Nauchnyi Dialog

Volume 11, Issue 5, 2022

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 11, выпуск 5, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
География авторов выпуска	Вологда Воронеж Екатеринбург Иркутск Коломна Краснодар Курск Москва Нижний Новгород Пенза	Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Сочи Тамбов Ташкент (Узбекистан) Тюмень Улан-Удэ Уссурийск Чебоксары
Авторы, имеющие ученую степень	81 %	

Дата выхода в свет 15.06.2022

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 5, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика
Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

Аксарина Н. А., Басова Л. В. Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии 9

Багирова Е. П., Марандина Е. Л. Вербальная репрезентация представлений о материнстве (на материале русских говоров юга Тюменской области) 26

Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э. Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей 48

Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса 69

Димитриева О. А. Об особенностях функционирования вакхической лексики в художественном мире Д. С. Мережковского (на примере романа «Петр и Алексей») 99

Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В. Бурятский язык в полиэтничной Бурятии : функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации 116

Литвинова Т. А., Котлярова Е. С., Заварзина В. А. Фактор гендера в ассоциативных связях слов : данные словаря и дистрибутивно-семантической модели . 136

Павлов С. Г. Образ Святой Руси в поэме А. Блока «Двенадцать» : опыт лингвистической герменевтики 157

Степыкин Н. И. Анализ ассоциативного поля «Politeness» по данным проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» 176

Медиакоммуникации и журналистика

Видинеева Н. Ю. Специфика репрезентации общественных отношений в журнале «Костер» (1970—1980 годы) 195

Гриценко А. Н., Морослин П. В. Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе 211

Ильина Е. Н. «Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора 226

Никонова Е. А. Цитация как основание для дифференциации жанров масс-медиа 243

Литературоведение. Фольклористика

Дубова М. А., Ивашевская Е. А., Ларина Н. А. Мотив «освобожденной души» как миромоделирующая универсалия в лирике С. Парнок 263

Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Вадим Шершеневич как переводчик, либреттист и критик в театральном диалоге с Шекспиром 279

Житенев А. А., Стрельникова Е. С. Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии 302

CC BY

Качоровская А. Е. Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» 320

Кислова Л. С., Рацен Т. Н. «Жизнь других» : феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе 336

Исторические науки

Анисимов О. В. Конституционная революция в Неаполе 1820—1821 годов в освещении российской прессы 363

Бабаджанов Х. Б. Военная индустриализация Узбекистана в 1941—1945 годах 384

Барышников М. Н. С. И. Мамонтов и деятельность Товарищества Невского завода в конце XIX века 401

Зах В. А., Рафикова Т. Н. Тарханский острог и окрестные татары в конце XVII — начале XVIII веков : по выдержкам из писцовых книг и картографии С. У. Ремезова 426

Клочков В. В., Пономарева М. А. Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX в. 445

Куринских П. А. Фольклоризм в культуре жизнеобеспечения населения австрийских Альп в XXI веке 463

Мамяченков В. Н., Куликова Е. С., Львова М. И. Производство товаров широкого потребления промышленностью Среднего Урала в 1971—1980 годах 482

Симоненко Е. С. Сэм Хьюз и преодоление кризиса комплектования канадской армии в разгар Первой мировой войны (1915—1916) 499

Слезин А. А. «Легкая кавалерия» комсомола в середине 1930-х годов : смена приоритетов 515

АВТОРАМ 533

CONTENTS 539

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Александра Андреевна Рачёва, канд. филол. наук (Иркутск)
Виктория Александровна Заварзина, лаборант (Воронеж)
Галина Александровна Дырхеева, д-р филол. наук (Улан-Удэ)
Дамдин Доржиевич Бадараев, канд. социол. наук (Улан-Удэ)
Евгения Евгеньевна Бурова, старший преподаватель (Иркутск)
Елена Вячеславовна Дзюба, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Елена Леонидовна Марандина, канд. филол. наук (Тюмень)
Елена Петровна Багирова, канд. филол. наук (Тюмень)
Елена Сергеевна Котлярова, лаборант (Воронеж)
Ирина Юрьевна Рябова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Лариса Валерьевна Басова, канд. филол. наук (Тюмень)
Наталья Александровна Аксарина, канд. филол. наук (Тюмень)
Николай Иванович Степыкин, канд. филол. наук (Курск)
Сергей Геннадьевич Павлов, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Александровна Литвинова, канд. филол. наук (Воронеж)
Ульяна Эдуардовна Чекмез, преподаватель (Иркутск)
Эржен Владимировна Хилханова, д-р филол. наук (Москва)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Аксарина Н. А. Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии / Н. А. Аксарина, Л. В. Басова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25.

Aksarina, N. A., Basova, L. V. (2022). Semantic Motivation of Nominative Relatives as a Problem of Modern Lexicography. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25

Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии

Аксарина Наталья Александровна
orcid.org/0000-0002-0122-4327
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка и общего языкознания
ctvfynbr@yandex.ru

Басова Лариса Валерьевна
orcid.org/0000-0002-8090-3669
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка и общего языкознания
lbasova73@yandex.ru

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Semantic Motivation of Nominative Relatives as a Problem of Modern Lexicography

Natalya A. Aksarina
orcid.org/0000-0002-0122-4327
PhD in Philology,
Associate Professor
Department of Russian and General Linguistics
ctvfynbr@yandex.ru

Larisa V. Basova
orcid.org/0000-0002-8090-3669
PhD in Philology,
Associate Professor
Department of Russian and General Linguistics
lbasova73@yandex.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Аксарина Н. А., Басова Л. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос о семантической мотивации отыменных релятивов — знаменательных единиц в предложной функции. Осмысливается влияние на объем и структуру лексической части значения отыменных релятивов и их наречных омонимов одних и тех же сем, наследуемых от производящего имени. Рассмотрены особенности семантизации наречных и предложных значений на примерах релятивов *в результате* и *в обход*. Доказано, что неоднозначность представлений о семантической мотивации во многом обусловливает несистемность фиксации омонимичных служебных и знаменательных единиц в словарях: наречия толкуются преимущественно посредством только одного синонима и не имеют в дефиниции описательной составляющей, тогда как для предлогов характерны более развернутые описательно-синонимические дефиниции, включающие по меньшей мере два частичных синонима. Анализ словарных статей и материалов Национального корпуса русского языка позволяет сделать вывод о том, что отыменные релятивы имеют более сложно организованную лексическую часть значения, чем омонимичные им наречия с той же производящей основой. Установлено, что при расширении системы значений служебной языковой единицы наблюдается упрощение семного состава каждого отдельного значения.

Ключевые слова:
мотивирующее значение; отыменные предлоги; омонимичные наречия; семантизация; лексикализация; производное имя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the semantic motivation of denominative relatives — significant units in the prepositional function is raised in the article. The influence on the volume and structure of the lexical part of the meaning of denominative relatives and their adverbial homonyms of the same semes inherited from the deriving name is comprehended. Peculiarities of semantization of adverbial and prepositional meanings are considered on the examples of relatives *as a result* and *bypassing*. It is proved that the ambiguity of ideas about semantic motivation largely determines the non-systematic fixation of homonymous service and significant units in dictionaries: adverbs are interpreted mainly through only one synonym and do not have a descriptive component in the definition, while prepositions are characterized by more detailed descriptive-synonymous definitions, including at least two partial synonyms. The analysis of dictionary entries and materials of the National Corpus of the Russian allows us to conclude that denominative relatives have a more complexly organized lexical part of the meaning than homonymous adverbs with the same generating base. It has been established that with the expansion of the system of meanings of a service language unit, there is a simplification of the seme composition of each individual meaning.

Key words:
motivating value; denominative prepositions; homonymous adverbs; semantization; lexicalization; derived name.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’367.633+811.161.1’367.624

Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии

© Аксарина Н. А., Басова Л. В., 2022

1. Введение = Introduction

В современной русской лексикографии накоплен опыт описания служебных частей речи в целом, в том числе производных предлогов. В разные годы изучением предлогов и предложных форм занимались В. В. Виноградов [Виноградов, 1972], М. В. Всеволодова [Всеволодова, 2011, с. 103—135], А. М. Комарова [Комарова, 2015, с. 147—151], О. В. Куныгина [Куныгина, 2012, с. 63—67], Ю. И. Леденев [Леденев, 1964, с. 179—197], З. Д. Попова [Попова, 1969], М. В. Раевская [Раевская, 2014, с. 21—24], Р. П. Рогожникова [Рогожникова, 2003], О. Н. Селиверстова [Селиверстова, 1999, с. 26—33], Х. В. Султанбаева [Султанбаева, 2012, с. 554—555], Е. С. Шереметьева [Шереметьева, 2011, с. 133—142], Г. А. Шиганова [Шиганова, 2001] и др. Изначально сложные предлоги фиксировались в толковых словарях русского языка. Первые словари служебных частей речи появились в конце XX — начале XXI столетия: «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» [Ефремова, 2001], «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» [Рогожникова, 2003] и др. О проблемах лексикографического описания предлогов заявляли Р. П. Рогожникова [Рогожникова, 2003], Е. С. Шереметьева [Шереметьева, 2011], А. С. Цой [Цой, 2004, с. 105—113] и др. При этом немалое внимание уделяется проблеме категориальной принадлежности составных производных единиц («эквивалентов слова»), выполняющих служебные функции, и связанной с ней проблеме «объема и состава класса служебных слов», которая, в свою очередь, связана с вопросом определения степени / стадии завершенности перехода знаменательной единицы в служебную [Шереметьева, 2011, с. 134]. Однако ответить на вопрос о грамматической принадлежности «служебноподобной единицы» и — шире — о соотношении признаков ее служебности либо знаменательности без осмысления объема ее лексического значения невозможно. Для производного слова (или эквивалента слова) объем лексической части значения прямо обусловлен семантическим диапазоном и потенциалом производящего. Следовательно, учет механизмов образования релятива представляется значимым в решении проблем его лексикографического описания. Термин *отыменный релятив* предложен Е. С. Шереметьевой для обозначения единиц, мотивированных существи-

CC BY

тельным и выполняющим функцию, близкую функции предлога [Шереметьева, 2011, с. 137].

Таким образом, лексикографическое описание производных единиц в служебной функции требует реализации ряда последовательных действий: 1) учета семантической мотивации этих единиц (поскольку производная единица наследует часть сем производящей), 2) осмысления объема лексической части значения релятива, 3) осмысления категориальной принадлежности релятива.

Е. С. Шереметьева, утверждая объективность существования «служебноподобных единиц, не отвечающих в полной мере признакам того или иного класса» [Шереметьева, 2011, с. 135—136], говорит и о важности установления «языковой специфики каждой такой единицы» [Шереметьева, 2011, с. 136]. Одним из вопросов такой специфики считаем вопрос о семантической мотивации отыменных релятивов, имеющих наречные омонимы, также мотивированные существительным: *в обход, в противовес, в результате, в сторону, в угоду, в ущерб, в форме, на радость, на смену, по случаю* и др. Важно ответить на вопрос: отыменные релятивы и их наречные омонимы наследуют от производящего имени одни и те же семы и в одной и той же мере или нет? И как это влияет на объем и структуру лексической части значения этих единиц?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили дефиниции отыменных предлогов и омонимичных им наречий *в результате* и *в обход* в современных толковых словарях и словарях служебных слов, а также примеры употребления этих единиц в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Различия в системе значений и семном составе омонимичных наречных и предложных единиц выявлены посредством компонентного и контекстного анализа.

Рассмотрим особенности семантизации наречных и предложных значений на примерах единиц *в результате* и *в обход*.

2.1. Описание значения предлога в *результате* и омонимичного ему наречия в словарях

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в статье о существительном *результат* указаны предлог *в результате* и союз *в результате того что*:

РЕЗУЛЬТАТ, -а, м. <…> ♦ в **результате** *чего, предлог с род. п.* — вследствие чего-н., из-за чего-н. *Ущерб в результате аварии. Пострадал в результате неосторожности* [Ожегов и др., 1999, с. 674].

Таким образом, предлог *в результате* зафиксирован с единственным значением. Наречное значение для единицы *в результате* в этом лексикографическом источнике не фиксируется.

CC BY

«Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах в словарной статье слова *результат* не маркирует как предлог единицу *в результате*, хотя и приводит пример соответствующего употребления: «◊ в результате. <…> *Реализм Бальзака дался ему в немилосердных схватках с современным французским романтизмом и в результате невиданного труда*. Федин, Бальзак» [ССРЛЯ, 1959, т. 12, столб. 1168—1169].

В той же словарной статье единица *в результате* представлена в наречной функции: ◊ в результате. *Родион Антоныч тоже стрелял, и его Зарез работал на славу; в результате оказалось, что он убил [дупелей] больше всех, потому что стрелял влет без промаха*. Мам.-Сиб. Горн. гнездо, [ССРЛЯ, 1959, т. 12, столб. 1168—1169].

При этом в наречном употреблении из семного состава существительного *результат* в экспликации сохраняется только сема ‘конец, итог’, тогда как в предложном употреблении сохраняются также семы ‘последствие’, ‘связь с деятельностью’, ‘зависимость (от деятельности, усилий)’.

Об этом же позволяют говорить и дефиниции наречия *в результате* и омонимичного ему релятива, или предлога — как маркирует словарь, в словарях служебной лексики. Так, словаре Т. Ф. Ефремовой единица *в результате* представлена как наречие (1) и как предлог (2):

В результате 1 нареч., качеств.-обстоят.

В конце концов.

В результате 2 предлог с род. пад.

Употр. при указании на причину, дающую практический результат, и соответствует по значению сл.: вследствие чего-л., благодаря чему-л. [Ефремова, 2001, с. 126].

Схожие синонимические дефиниции наречия и предлога зафиксированы в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой.

***В РЕЗУЛЬТАТЕ[1]**, *наречие*. В конце концов (в 1 знач.). Они долго спорили; в результате оказалось, что она была права. □ Барышни внесли предложение рассаживаться вперемежку. В результате между каждым кавалером оказалось три, а то и четыре дамы. Антонов, Овраги. <…> ■ с союзами а, и образует союзное единство для выражения результативно-следственных отношений. Она сказала об этом одной подруге, потом другой, а в результате узнали все. <…>

В РЕЗУЛЬТАТЕ[2], *предлог*, с *род. п*. Употр. при указании на причину, дающую практический результат. ● **Вследствие** *чего-л*., **благодаря** *чему-л*. Все важные вопросы решаются в результате широкого обсуждения. <…> [Рогожникова, 2003, с. 105].

CC BY

Значит ли это, что такие отыменные релятивы имеют семантически более сложную лексическую часть значения, чем омонимичные наречия, — то есть в составе значения служебноподобной единицы содержится больше сем, чем в составе знаменательной (причем знаменательная единица — не местоимение)?

2.2. Отражение языковой единицы в *результате* в Национальном корпусе русского языка

Рассмотрим, например, единицу *в результате*, отражаемую в словарях как предлог и как наречие. Наблюдения за единицей *в результате* в наречном и предложном употреблении в Национальном корпусе русского языка (основной подкорпус) [НКРЯ] позволяют утверждать, что наречие — в сравнении с предлогом — наследует не только другую, но и меньшую часть семного состава производящего существительного *результат*. Представим свои наблюдения.

Наречие *в результате* в НКРЯ представлено в трех значениях: 1. Частично синонимичное *в итоге, в конечном итоге, на выходе. В* ***результате*** *получим формулу вида <formula> (4).* (И. А. Барков. Автоматический синтез структурного описания конструкции // «Информационные технологии», 2004) [НКРЯ]. 2. Частично синонимичное *по этой причине*; это значение не отражается в толковых словарях, однако частичная синонимия наречия в результате и наречного сочетания по этой причине представлена в Словаре синонимов ASIS В. Н. Тришина [Тришин, 2013]. *В* ***результате*** *ребёнок получил сотрясение мозга, ушибы различной степени тяжести и был госпитализирован в республиканскую детскую больницу.* (Подросток угодил под колеса иномарки // «Московский комсомолец» в Саранске, 2004.12.23) [НКРЯ]. 3. Частично синонимичное *в конце концов. В* ***результате*** *мы привлекли к ответственности 27 работников военкоматов, большинство из которых уже осуждены.* (Марина Гриднева. За взятку — сажать! // «Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде, 2004.07.30) [НКРЯ].

В отличие от наречия предлог представлен в семи значениях. 1. Собственно результативное значение — указание на прямой результат действия: примерно равно «результатом действия Х стало…»; частичных синонимов не имеет. *Химическая реакция,* ***в результате*** *которой образуется углекислый газ и вода, сопровождается выделением энергии* (Концепция DMFC совершенствуется // «Computerword», 2004) [НКРЯ]. 2. Частично синонимичное *по итогу / по итогам.* ***В результате*** *обсуждения сообщения генерального директора было принято решение переименовать ИПБ России в Институт профессиональных бухгалтеров и аудиторов России* (На заседании Президентского совета // «Бухгалтерский учёт», 2004.12.06) [НКРЯ]. 3. Частично синонимичное *по причине, из-за.* ***В результате***

такого взаимного непонимания ИТ-директора пасуют перед всеми этими проблемами, и проекты замораживаются. (Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerword», 2004) [НКРЯ]. 4. Частично синонимичное *вследствие*. ***В результате*** *изменения государственной политики в отношении культурных ценностей, а также политики в экономической сфере в целом создаются предпосылки для развития антикварного рынка.* (Лариса Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15) [НКРЯ]. 5. Частично синонимичное *благодаря. Позитивный опыт в этом плане получен* ***в результате*** *работы специально созданных Советом консультативных групп по Гаити и Гвинее-Бисау, а также аналогичной группы по Бурунди.* (Ю. В. Федотов. Ответы на вопросы корреспондента ИТАР-ТАСС в преддверии основной ежегодной сессии ЭКОСОС 2004 года // «Дипломатический вестник», 2004) [НКРЯ]. 6. Частично синонимичное *на основании.* ***В результате*** *первичного обследования вуза строится функциональная модель существующей организации работы AS-IS (как есть).* [Информационные технологии в образовательной среде вуза // «Информационные технологии», 2004] [НКРЯ]. 7. Частично синонимичное *посредством, путем.* ***В результате*** *«проигрываний» можно получить статистику происходящих процессов так, как это было бы в реальности.* (Информационные технологии в образовательной среде вуза // «Информационные технологии», 2004) [НКРЯ].

Несмотря на то, что словари не дифференцируют отдельные значения *в результате* в предложном употреблении, мы сочли необходимым их разделить. Так, основанием для дифференциации значений, частично синонимичных предлогам *вследствие* и *благодаря* (в словаре Т. Ф. Ефремовой они представлены как одно значение), стало наличие во втором случае сем «позитивное» и «желаемое».

На схожих основаниях мы разграничиваем значение *в результате*, близкое к *вследствие*, и значение, близкое к *из-за = по причине* (в словаре В. В. Бурцевой они представлены как одно значение) — поскольку они различаются и семным составом, и грамматическими свойствами. Так, оборот с предлогом *в результате* в значении, близком к *вследствие*, свободно замещается придаточным времени, а оборот с предлогом *в результате* в значении, близком к *из-за / по причине*, замещается придаточным причины. Причинное значение представлено, например, в следующем фрагменте текста: *Представление о банках, как о не вполне благонадежных контрагентах, сложившееся в результате периодических банковских кризисов, довершает картину* (Денежные переводы мигрантов — фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004) [НКРЯ]. Здесь возможна замена конструкции с релятивом

CC BY

в результате конструкцией с придаточным причины — ср.: *Представление о банках, как о не вполне благонадежных контрагентах, сложившееся потому, что периодически происходят банковские кризисы, довершает картину*. Адекватная замена конструкцией с придаточным следствия при этом невозможна: *Периодически происходят банковские кризисы — так что / вследствие чего представление о банках как о не вполне надежных контрагентах завершает картину* (?).

Таким образом, проведенный анализ позволяет обнаружить семы, наследуемые наречием и предлогом от производящего имени. Так, наречие наследует такие семы: итог чего-либо (по 1 значению существительного *результат*); последствие чего-либо; то, что вытекает, следует из чего-либо; то, что имеет причину в чем-либо (по 2 значению существительного *результат*). Состав сем, наследуемых единицей в предложной функции, значительно сложнее: указание на прямой результат действия; указание на итог действия или события; указание на следствие действия или события; указание на причину действия или события; указание на основание действия; указание на средство или способ осуществления действия; указание на позитивную оценку действия или события; указание на желательность действия или события.

2.3. Описание значения предлога *в обход* и омонимичного ему наречия в словарях

Рассмотрим, как представлен предлог *в обход* в современных толковых словарях русского языка и словарях служебных слов. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в статье о существительном *обход* предлог *в обход* представлен в двух ЛСВ, наречие — только в одном:

ОБХО́Д, а, м. <…> ♦ в **обход** — обходя стороной. *Пошли не прямо, а в обход. В* **обход** *чего, в знач. предлога с род. п.* — вокруг чего-н. *Идти в обход озера. В* **обход** *кого-чего предл. с род. п.* — минуя, уклоняясь от кого-чего-н. *Действовать в обход инструкции.* || *прил.* **обхо́дный**, -ая, -ое и **обходно́й**, -а́я, -о́е [Ожегов и др., 1999, с. 439—440].

В «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах в словарной статье существительного *обход* представлены наречие *в обход* со значением ‘мимо, обходя что-либо’ и предлог в *обход* в значении ‘игнорировать, пренебрегать, не принимать во внимание’: <> Идти, пойти в обход; двинуть в обход (войска). [Ольга] *вошла в аллею парка. Обломов пошел в обход, мимо горы, с другого конца вошел в ту же аллею и, дойдя до середины, сел в траве.* Гонч. Обломов. [Мюрат] *двинул свои войска на центр и в обход обоих флангов.* Л. Толст. Война и мир. <…> <> В обход закона (законов) в *обход законов он пускался на все пути, которыми лес*

мог пойти на строительство. Леон. Соть. <> в обход кого-либо. Не оказав предпочтения кому-либо. *Хотя в наследнике.. не было недостатка, в обход его избрали лицо, никаких прав на престол не имевшее.* Покров. Русск. ист. [ССРЛЯ, 1959, Т. 8, столб. 495—496].

И наречие, и предлог мотивированы вторым значением существительного *обход*.

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой в двух словарных статьях представлены наречие и предлог:

В обхóд[1] **—** нареч. (качеств.-обстоят.), в данном словаре зафиксировано как многозначное: указаны 4 значения. Первые три отражают лексический состав служебной языковой единицы, четвертая указывает на ее грамматическое значение: **1.** Обходя стороной. // *перен. разг.* Не согласовывая с кем-л. **2.** *перен.* Не соблюдая каких-л. правил. **3.** Окружая кого-л., заходя с флангов. **4.** Употр. как несогласованное определение [Ефремова, 2001, с. 103].

В обхóд[2] **—** предлог с род. пад., *разг.*, стилистически ограничен в употреблении и представлен в двух значениях: **1.** Соответствует по значению сл.: обходя что-л., вокруг чего-л. // *перен.* Соответствует по значению сл.: без согласования с кем-л. **2.** *перен.* Соответствует по значению сл.: минуя что-л., уклоняясь от чего-л., в обход чего-л. [Там же].

Таким образом, согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, наречие *в обход* имеет более разветвленную систему значений, нежели предлог. Это вызывает некоторые сомнения, поскольку в словаре «отсутствует иллюстративный материал, т. е. показ функционирования заголовочных единиц в том или ином значении» [Там же, с. 5]. Такой подход к составлению словарной статьи авторы объясняют стремлением «исключить случайные, разовые употребления слова, непонятные читателю без привлечения иллюстраций» [Там же]. Отсутствие примеров, по словам составителей, компенсируется «уточнением и расширением (по сравнению с другими типами толковых словарей) формулировок толкования описываемых семантических единиц» [Там же].

Однако в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р. П. Рогожниковой видим обратное: в словарной статье наречия *в обход* указано единственное значение, в то время как предлог *в обход* представлен многозначным; для него зафиксировано 4 значения:

В ОБХÓД[1], ○ *наречие, с глаг. движения*. Обходя кругом, стороной, минуя что-л. *Обломов пошел в обход, мимо горы, с другого конца вошел в ту же аллею.* Гонч. Обломов. *Рогачёв не спешил показаться в открытую и шёл стороной, в обход.* Проскурин. Тайга.

В ОБХÓД[2], ○ *предлог с род. п.*

1. Кругом чего-л., минуя что-л. *Катя свернула с просёлка и пошла полем в обход деревни.* □ *Он зашагал в обход базарной площади к её дому.* Ананьев. Межа.

2. Без согласования с кем-л. *Никакая режиссёрская задача не может осуществляться в обход актёра.* Товстоногов, Работа с актёром.

3. Без соблюдения чего-л., каких-л. правил. *За хороший рисунок и стремление к знаниям Каменский принял его в обход всех правил.* Воронова, Шадр.

4. Окружая кого-л., заходя с флангов кому-л. *Лейтенант Шатров вёл свой взвод в обход фланга.* Карпов, Вечный бой [Рогожникова, 2003, с. 76].

В словаре Р. П. Рогожниковой каждое значение заголовочной единицы в статье проиллюстрировано. На наш взгляд, это важно, и мы полностью разделяем точку зрения составителя «Толкового словаря сочетаний, эквивалентных слову»: «Поскольку семантика эквивалента слова — предлога, союза, частицы — наиболее отчетливо реализуется в предложении, словосочетании, то большое значение имеет сочетаемость их с определенными знаменательными лексическими единицами, употребление в определенных структурах предложений» [Там же, с. 11].

Еще более заметны различия между объемом значения наречной и релятивной лексемы при наблюдении за использованием единицы *в обход,* также представленной в словарях как наречие и как предлог.

2.4. Отражение языковой единицы *в обход* в Национальном корпусе русского языка

Представим сравнительный анализ реализации системы значений предлога *в обход* и омонимичного ему наречия в современной речи. В НКРЯ наречие представлено только в двух ЛСВ (причем второй — предикативный): 1. Частично синонимичное *не напрямую, не прямым путём* (пространственное значение). *Мы в **обход** пойдём, то есть чуть-чуть назад* (Андрей Пермяков. Петушки — Москва. Поехал // «Волга», 2016) [НКРЯ]. 2. Частично синонимичное *не прямо, с хитростью, с уловками* (определительное и качественное значение). *Дешёвки! Грошовое повидло, как говорили на Севере. Ничего не прямо, всё в **обход*** (Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик, 1977) [НКРЯ].

Омонимичный наречию релятив реализуется в пяти значениях: 1. Частично синонимичное *мимо* чего-либо, *минуя* что-либо (пространственное значение). *Он обошёл дом, пролез через колючие и влажные от росы кусты крыжовника, с этой стороны кустарник заменял секцию забора, и можно было попасть в огород в **обход** калитки* (Дмитрий Калмыков. Зов глубин // «Волга», 2015) [НКРЯ]. 2. Частично синонимичное *вокруг* чего-либо, *огибая* что-либо (пространственное значение). *Снежные ко-*

CC BY

леи, изображавшие дорогу, загибались вправо, в ***обход*** *еще одного пятиэтажного дома…* (А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016) [НКРЯ]. 3. Частично синонимичное *избегая* чего-либо. *Но выпустить сборник в* ***обход*** *цензуры было делом безнадежным* (И. Н. Вибаров. Андрей Вознесенский, 2015) [НКРЯ]. 4. Частично синонимичное *уклоняясь от* чего-либо, *пренебрегая* кем-, чем-либо. *Неполные пять месяцев нашего «ответа Чемберлену» мы то и дело слышим победные реляции о пресечении то одного, то другого «серого» канала поставок запрещенных товаров в* ***обход*** *санкций* (Сергей Тихонов. Эмбарго с отсрочкой исполнения // «Эксперт», 2015) [НКРЯ]. 5. Частично синонимичное *обманывая* кого-, что-либо. *Не надо платить большие деньги за аренду, электроэнергия чаще всего идет в* ***обход*** *счетчика…* (Ячейка бизнеса // «Огонек», 2015) [НКРЯ].

В результате анализа выявлены семы, наследуемые от производящего имени наречием и предлогом. Наречие сохраняет следующие семы: место, где можно обойти что-либо; непрямой способ действия (по 1 значению сущ. *обход*, мотивированному значением 5 глагола *обходить*, и по 2 значению сущ. *обход*.

Единица в предложной функции сохраняет большее количество сем: указание на движение вокруг кого-, чего-либо; указание на движение стороной, минуя кого-, чего-либо; указание на движение с огибанием препятствий; указание на избегание кого-, чего-либо; указание на уклонение от исполнения чего-либо; указание на совершение действия хитростью, обманом; указание на пренебрежение кем-, чем-либо (по 1 значению сущ. ОБХОД, мотивированному значениями 1 и 3—9 глагола ОБХОДИТЬ).

Как видим, и наречие, и предлог мотивируются и прямым, и переносным значением производящего имени, но предлог всё равно наследует значительно больше сем производящего. Важно также, что наречие представлено только в двух ЛСВ (причем второй — предикативный), а омонимичный ему предлог — в пяти.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Интерпретация результатов сравнительного исследования единиц *в результате* и *в обход*

Осмысление результатов поиска в НКРЯ за последнее столетие позволяет сделать значимое наблюдение: ближе к XXI веку наречных употреблений единиц *в результате* и *в обход* в основном корпусе НКРЯ становится всё меньше, а предложных всё больше, то есть выявляется выраженная тенденция к образованию и фиксации устойчивых грамматических связей релятивных единиц подобного рода. Это, в свою очередь, дает основания

говорить о дифференциации предложных ЛСВ в равной мере за счет элементов лексической и грамматической семантики.

Анализ словарей служебных частей речи и речевая практика позволяют выявить тенденцию изменения состава лексического значения предлога. На современном этапе развития языка расширение семантики производного предлога следует общеязыковому развитию: при расширении системы значений служебной языковой единицы наблюдается упрощение семного состава каждого отдельного значения. Эту зависимость между усложнением системы значения предлога и абстрагированием каждого отдельного значения в этой системе отмечал еще В. В. Виноградов [Виноградов, 1972, с. 560].

При этом производный предлог стремится выразить всю систему обстоятельственных значений в русском языке: пространственные, причинные, следственные и другие обстоятельственные значения. Вслед за О. Н. Селиверстовой, мы склонны считать это свойством лексической части значения предлога, которое, взаимодействуя с грамматической частью, реализует «отношения с распределенными актантными ролями, приписываемыми денотатам знаменательных слов» [Селиверстова, 1999, с. 28]. Семный состав производного предлога позволяет реализовать грамматический потенциал, обусловленный типом конструкции.

3.2. Анализ фиксации омонимичных отыменных единиц в наречном и предложном употреблении в словарях

Примечательно, что отражение наречного употребления единиц подобного рода в словарях наблюдается нерегулярно — в отличие от употребления в функции, близкой предлогу. Так, в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В. В. Бурцевой зафиксировано только предложное употребление единицы *в результате*:

В результате чего, предлог с род. п.

Вследствие чего-н., из-за чего-н.

В результате своей оплошности попал впросак [Бурцева, 2010, с. 95].

Хотя в этом словаре представлена только синонимическая дефиниция, она позволяет выявить в экспликации те же семы, что и дефиниции в рассмотренных ранее словарях.

Учет семантической мотивации, как нам представляется, может быть одним из инструментов решения проблемы полноты отражения в словарях отыменных релятивов и омонимичных им наречий.

Например, в словаре Т. Ф. Ефремовой и как наречие, и как предлог фиксируются единицы *в дополнение, в меру, в обход, в противовес, в результате, в угоду, в ущерб* и др.

CC BY

Только как наречия даются *в надежде, в момент, в наследство, в копеечку, в изобилии, в избытке, в обнимку, в обхват* и др. единицы, не имеющие, по мнению автора словаря, предложного употребления в языке.

Как предикативы (функция, близкая к наречной) даются *в новинку, в неладах, в летах, вне игры, в радость* и др. Считаем, однако, что вполне возможно усмотреть предикативную функцию в единицах *в копеечку, в изобилии, в избытке*, поскольку они имеют идентичную отмеченным в словаре предикативам «правую» и «левую» валентность. На том же основании считаем возможным усмотреть, например, для единицы *в радость / на радость* предложную функцию: *В радость / на радость мне погода улучшилась* и под.

Как наречия и как предикативы даются *вне конкурса, вне себя, в диковинку, в обтяжку, в охотку* и др.

Только как предлоги репрезентированы *в знак, в интересах, в направлении, в лице, в нарушение, в обстановке, во славу, в память, в память о (об), в преддверии, в пределах, в присутствии* и др., объективно не имеющие наречного значения.

Заметим, что в устной разговорной речи отмечена тенденция к усечению правого компонента синтаксической конструкции (часто в сочетании с вводным *так сказать*), вследствие чего релятивы «выглядят» как наречия, функционально сближаются с наречиями: *Давайте подпишем всё в* ***присутствии****, так сказать. Цветы вот дамам заказали к 8 Марта — чуть заранее, в* ***преддверии****, так сказать. Понятно, что мы не просто так это говорим сейчас. Это всё в* ***память****.*

— Много пить-то собираетесь? — Нет, что ты, в ***пределах****!*

Говорящие и слушатели при этом осознают неполноту конструкции, однако коммуникативно не зависят от этой неполноты.

Указанная интерпретационная независимость говорящего и слушающего от неполноты конструкции позволяет, как нам представляется, поднять вопрос о том, можно ли считать, что в условиях живой разговорной речи наречия способны мотивироваться не только существительным, но и приобретать вторичную мотивацию омонимичным им предлогом.

Именно неоднозначностью представлений о семантической мотивации омонимичных служебных и знаменательных единиц во многом обусловлена несистемность их фиксации в словарях.

Рассмотрим, например, единицы с первым компонентом ***в***, которые в речи имеют и наречное, и близкое предложному употребление. В словарях служебной лексики они, по большей части, отражены только в одной функции либо не отражены вообще. Только как наречия представлены следующие единицы: *в довершение, в наказание, в насмешку, в объезд*

CC BY

(хотя *в обход* — и предлог, и наречие), *в объёме, в отместку, в пику, в подтверждение, в такт, в темпе, в унисон.* Как предлоги описываются единицы *в авангарде, в завершение, в заключение, в противоположность* (хотя *в противовес* — и предлог, и наречие), *в согласии* (непонятно, почему не *в согласии с*). Не отражены ни в одной функции единицы *в доказательство, в количестве, в награду, в опровержение, в ответ* (есть только предлог *в ответ на), в сопоставлении с, в добавление к*.

В то же время практика употребления единиц, не отражаемых в словарях ни в предложной, ни в наречной функции — *в доказательство, в количестве, в награду, в опровержение, в ответ, в сопоставлении с, в добавление, в добавление к*, — дает основания утверждать, что лексикализация этих единиц, то есть переход словоформы в отдельное самостоятельное слово [Лопатин, 1990, с. 258], в языке давно состоялась.

Считаем, однако, что учет того, какие компоненты значения, каким образом и в каком объеме наследуют от производящего имени омонимичные друг другу единицы в наречном и в предложном употреблении (в сопоставлении), может дать лексикографам более жесткие основания для их разграничения. Так, единицы, представленные в словарях только как наречия, реализуются в языке и в предложной функции тоже в валентностях *в довершение (чего?), в наказание (кому?), в насмешку (кому?), в объезд (чего?), в объёме (чего?), в отместку (кому?), в пику (кому?), в подтверждение (чего?), в такт (кому? чему?), в темпе (чего?), в унисон (кому?).*

Например, в НКРЯ обнаруживаются примеры как наречного, так и предложного употребления многих из указанных единиц.

В объезд в функции наречия: *Милицейские патрули тормозили автолюбителей и отправляли в объезд* («Российская газета», 2003) [НКРЯ]; в функции предлога: *А вызвал он подозрение таможенников тем, что попытался пересечь границу в объезд пропускного пункта* («Уральский автомобиль», 2004) [НКРЯ].

В объеме в функции наречия: *По-моему, он изначально мыслит не в цвете, а в объеме…* (*М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)*) [НКРЯ]; в функции предлога: *Годовые поставки в объеме 38 млрд кубометров газа в год позволяют предположить, что средняя цена его…* («Эксперт», 2014) [НКРЯ].

В довершение в функции наречия: *В довершение этот специалист сообщил, что в Америке совсем недавно придумали чистую бомбу…* (Г. Горелик, А. Сахаров. Наука и свобода (2004)) [НКРЯ]; в функции предлога: *А в довершение темы можно пробить аллилуйю создателям фильма «Колония»…* («Хулиган», 2003) [НКРЯ].

В такт в функции наречия: *Слушателей много, они подхлопывают в такт, бросают монетки в открытый гитарный футляр* (В. Аксенов.

CC BY

Круглые сутки нон-стоп // «Новый мир», 1976) [НКРЯ]; в функции предлога: *В такт шагам позвякивали наручники, пристегнутые к поясам*. (Б. Екимов. Пиночет (1999)) [НКРЯ].

4. Заключение = Conclusions

В ходе исследования сделаны следующие наблюдения и выводы.

В современных словарях служебных слов омонимичные единицы, маркированные как наречия и предлоги, имеют дефиниции, различающиеся по объему, структуре и полноте отражения лексических компонентов значения.

Отыменные релятивы наследуют значительно большее количество компонентов семантики производящего имени, чем омонимичные им наречия.

Наречия толкуются преимущественно посредством только одного синонима и не имеют в дефиниции описательной составляющей, для предлогов характерны более развернутые описательно-синонимические дефиниции, включающие по меньшей мере два частичных синонима.

В последние десятилетия количество употреблений отыменных наречий в основном корпусе НКРЯ уменьшается, тогда как количество употреблений омонимичных им единиц в предложной функции увеличивается. Это свидетельствует о выраженной тенденции к образованию и фиксации устойчивых грамматических связей отыменных релятивов, что можно считать показателем дифференциации предложных ЛСВ в равной мере за счет элементов лексической и грамматической семантики.

Словари служебных слов и речевая практика свидетельствуют о тенденции: при расширении системы значений служебной языковой единицы наблюдается упрощение семного состава каждого отдельного значения.

Все указанное дает основания говорить о том, что отыменные релятивы имеют более сложно организованную лексическую часть значения, чем омонимичные им наречия с той же производящей основой.

Источники

1. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. — Москва : Русский язык, 2001. — 863 с.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 16.10.2021).

3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений / РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.

4. *Рогожникова Р. П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову : около 1500 устойчивых сочетаний русского языка / Р. П. Рогожникова. — Москва : Астрель ; АСТ, 2003. — 416 с.

5. *Словарь* наречий и служебных слов русского языка / составитель В. В. Бурцева. — 3-е изд., стер. — Москва : Дрофа, 2010. — 750 с.

6. *Словарь* служебных слов русского языка / редактор А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова. — Владивосток : Издательство ДВГУ, 2001. — 363 с.

7. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах / АН СССР. Ин-т рус. яз. — Москва : Издательство АН СССР, 1959. — Т. 8. — Столб. 495—496.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 616 с.

2. *Всеволодова М. В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2011. — № 3. — С. 103—135.

3. *Комарова А. М.* Еще раз о статусе предлога / А. М. Комарова // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2015. — № 6 (69). — С. 147—151.

4. *Куныгина О. В.* О лексическом и грамматическом значении служебных слов : теоретический аспект / О. В. Куныгина // Гуманитарные исследования. — 2012. — № 4 (44). — С. 63—67.

5. *Леденев Ю. И.* О границах и функциях класса неполнозначных слов в русском языке / Ю. И. Леденев // Ученые записки Московского областного педагогического института. — Москва : Издательство МОПИ, 1964. — Т. 148, Вып. 10. — С. 179—197.

6. *Лопатин В. В.* Лексикализация / В. В. Лопатин // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 258.

7. *Попова З. Д.* Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. / З. Д. Попова. — Воронеж : Издательство Воронеж. ун-та, 1969. — 183 с.

8. *Раевская М. В.* Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике / М. В. Раевская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 21—24.

9. *Селиверстова О. Н.* Имеет ли предлог только грамматическое значение? / О. Н. Селиверстова // Вопросы филологии. — 1999. — № 3. — С. 26—33.

10. *Султанбаева Х. В.* К проблеме служебных частей речи в лингвистике / Х. В. Султанбаева // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17, № 1 (1). — С. 554—555.

11. *Цой А. С.* Предлог как лексическая единица русского языка и его отражение в учебном словаре / А. С. Цой // Филологические науки. — Москва, 2004. — № 4. — С. 105—113.

12. *Шереметьева Е. С.* Проблемы лексикографического представления предложных новообразований / Е. С. Шереметьева // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 4. — С. 133—142.

13. *Шиганова Г. А.* Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке : монография / Г. А. Шиганова. — Челябинск : Издательство Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. — 454 с.

Material resources

Burtseva, V. V. (ed.). (2010). Dictionary of adverbs and function words of the Russian. (3 rd ed.). Moscow: Drofa. 750 p. (In Russ.).

Dictionary of the modern Russian literary language. (1959). Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 17/8. 495—496. (In Russ.).

Efremova, T. F. (2001). *Explanatory Dictionary of Service Parts of Speech of the Russian*. Moscow: Russkiy yazyk. 863 p. (In Russ.).
NKRYa — *Russian National Corpus*. Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 16.10.2021). (In Russ.).
Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian: 80000 words and expressions.* (4th ed.). Moscow: Azbukovnik. 944 p. (In Russ.).
Priyatkina, A. F., Starodumova, E. A. (eds.). (2001). *Dictionary of service words of the Russian language*. Vladivostok: Publishing house DVGU. 363 p. (In Russ.).
Rogozhnikova, R. P. (2003). *Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: approx. 1500 stable combinations of the Russian language.* Moscow: Astrel; AST. 416 p. (In Russ.).

References

Komarova, A. M. (2015). Once again about the status of the preposition. *Scientific notes of Orel state university, 6 (69):* 147—151. (In Russ.).
Kunygina, O. V. (2012). On the lexical and grammatical meaning of service words: theoretical aspect. *Humanitarian researches, 4 (44):* 63—67. (In Russ.).
Ledenev, Yu. I. (1964). On the boundaries and functions of the class of ambiguous words in Russian. In: *Scientific notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute*. Moscow: Publishing house MRSU. 148 (10): 179—197. (In Russ.).
Lopatin, V. V. (1990). Lexicalization. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 258. (In Russ.).
Popova, Z. D. (1969). *The system of case and prepositional case forms in the Russian literary language of the 17th century*. Voronezh: Voronezh University Press. 183 p. (In Russ.).
Raevskaya, M. V. (2014). Theoretical problems in studying prepositions in Russian linguistics. *Bulletin of the South Ural state university. Series: Linguistics, 2:* 21—24. (In Russ.).
Seliverstova, O. N. (1999). Does the preposition have only grammatical meaning? *Philology questions, 3:* 26—33. (In Russ.).
Sheremet'eva, E. S. (2011). Problems of lexicographic representation of prepositional new word formation. *The Humanities and social sciences, 4:* 133—142. (In Russ.).
Shiganova, G. A. (2001). *The system of lexical and phraseological prepositions in modern Russian: monograph*. Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. state ped. university. 454 p. (In Russ.).
Sultanbaeva, Kh. V. (2012). On the problem of service parts of speech in linguistics. *Bulletin of the Bashkir University, 17 (1—1):* 554—555. (In Russ.).
Tsoy, A. S. (2004). Preposition as a lexical unit of the Russian language and its reflection in the educational dictionary. *Philological sciences, 4:* 105—113. (In Russ.).
Vinogradov, V. V. (1972). *Grammatical doctrine of the word*. Moscow: Vysshaya shkola. 616 p. (In Russ.).
Vsevolodova, M. V. (2011). To the question of operational methods of categorization of prepositional units. *Moscow university philology bulletin, 3:* 103—135. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.02.2022,
одобрена после рецензирования 04.05.2022,
подготовлена к публикации 18.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Багирова Е. П. Вербальная репрезентация представлений о материнстве (на материале русских говоров юга Тюменской области) / Е. П. Багирова, Е. Л. Марандина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 26—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-26-47.

Bagirova, E. P., Marandina, E. L. (2022). Verbal Representation of Ideas about Motherhood (in Russian Dialects of South of Tyumen Region). *Nauchnyi dialog, 11(5):* 26-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-26-47. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-26-47

Вербальная репрезентация представлений о материнстве (на материале русских говоров юга Тюменской области)

Багирова Елена Петровна
orcid.org/0000-0003-3798-8991
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русского языка
и общего языкознания
bagirovaelena@mail.ru

Марандина Елена Леонидовна
orcid.org/0000-0002-2752-8118
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русского языка
и общего языкознания
e.l.marandina@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Verbal Representation of Ideas about Motherhood (in Russian Dialects of South of Tyumen Region)

Elena P. Bagirova
orcid.org/0000-0003-3798-8991
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian and
the General Linguistics
bagirovaelena@mail.ru

Elena L. Marandina
orcid.org/0000-0002-2752-8118
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian and
the General Linguistics
e.l.marandina@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Багирова Е. П., Марандина Е. Л., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Систематизируются результаты исследования речевого выражения представлений о материнстве в русских говорах юга Тюменской области. Диалектные материалы сопровождаются лингвистическим и культурологическим комментарием с учетом контекстуального употребления лексики. В результате интерпретации вербальных маркеров материнства выявлен спектр ситуаций, приобретающих языковую оценку в сельском дискурсе (названия, обозначающие состояние беременности, рождение ребенка и уход за младенцем, номинации внебрачного и усыновлённого ребёнка, аспекты воспитания), установлен характер лексико-фразеологических единиц, избираемых информантами для обозначения тех или иных понятий (диалектное / общерусское, оценочное / нейтральное и т. д.). Представления о материнстве репрезентированы в богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью наименований одних и тех же реалий, различающихся способами семантической идентификации. Большая часть номинаций характеризуется прозрачной внутренней формой, которая позволяет актуализировать в слове сложившиеся ценностные установки и стереотипы.

Ключевые слова:
русский язык; русские народные говоры; тюменские говоры; диалектное слово; диалектная фразеология; материнство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the speech expression study of ideas about motherhood in Russian dialects of the south of the Tyumen region are systematized. Dialect materials are accompanied by linguistic and cultural commentary, taking into account the contextual use of vocabulary. As a result of the interpretation of verbal markers of motherhood, a range of situations that acquire a linguistic assessment in rural discourse (names denoting the state of pregnancy, childbirth and child care, nominations of an illegitimate and adopted child, aspects of education) are revealed, the nature of lexical and phraseological units chosen by informants for designations of certain concepts (dialect / all-Russian, evaluative / neutral, etc.). Concepts of motherhood are implemented in a rich and detailed vocabulary, characterized by a plurality of names for the same realities, differing in the ways of semantic identification. Most of the nominations are characterized by a transparent internal form, which makes it possible to actualize the prevailing value attitudes and stereotypes in the word.

Key words:
Russian; Russian folk dialects; Tyumen dialects; dialect word; dialectal phraseology; motherhood.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’282.2(571.120):392.3

Вербальная репрезентация представлений о материнстве (на материале русских говоров юга Тюменской области)

© Багирова Е. П., Марандина Е. Л., 2022

1. Введение = Introduction

В статье рассматривается состав номинаций, представляющих понятийную сферу «Материнство» в народной лингвокультуре.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью анализа словарного состава русских народных говоров в разных аспектах, что связано прежде всего с важностью выявления по данным лексики говоров особенностей языковой картины мира, ценностных ориентиров, национально-культурных установок носителей языка.

Целью работы является систематизация лингвистических средств объективации представлений о материнстве, описание их структурно-семантических свойств и культурологического потенциала.

Объектом анализа является лексико-фразеологический пласт русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Предметом изучения служит план содержания номинаций, представляющий собой комплекс компонентов значения, репрезентирующий народные суждения о материнстве, а также план выражения анализируемых компонентов значения, позволяющий варьировать их семантические оттенки.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Лексика понятийной сферы «Материнство» неоднократно становилась предметом рассмотрения в статьях, монографиях, диссертациях. Так, контрастивное описание концепта МАТЬ на материале различных языков представлено в исследованиях Н. К. Аванесян [Аванесян, 2012], М. А. Андреяновой [Андреянова, 2012] и С. Г. Переваловой [Перевалова, 2016]. Лингвисты анализируют национально-культурные признаки концепта, интерпретируют его лингвокультурное варьирование.

В работах М. А. Андреяновой и Г. А. Багаутдиновой [Андреянова и др., 2011], Е. О. Атрощенко [Атрощенко, 2014], И. И. Кареловой [Карелова, 2008], Т. В. Борисенко [Борисенко, 2021], А. А. Кувычко [Кувычко, 2020] уделяется внимание объективации концептов МАТЬ и МАТЕРИНСТВО в текстах художественной литературы и публицистики. Т. В. Борисенко, например, обращает внимание на то, что в медиадискурсе концепт МАТЕРИНСТВО актуализируется через слова и словосочетания, описываю-

CC BY

щие беременность, роды, уход за ребенком, принципы воспитания, чувства к ребенку и т. д. Социальные сети, по мнению автора, позволяют раскрыть противоположные признаки, наполняющие концепт (например, «хорошая мать» — «плохая мать»), и дополнительные, не указанные в лексикографических источниках (например, «усталость», «ответственность», «ухудшение здоровья») [Борисенко, 2021].

Е. О. Атрощенко считает, что концепт МАТЬ в художественных текстах «выступает как биполярный, с преобладанием положительных коннотаций, что выражается в позитивной эстетической оценке художественного денотата» [Атрощенко, 2014, с. 9]. Данная оценка, по мнению автора, «эксплицируется атрибутивными характеристиками объекта, обладающими положительными оттенками значения (добрая, милая, родимая, нежная и др.)» [Там же].

Существует ряд статей, в которых проводится сопоставление смежных концептов. В работе Т. В. Борисенко сравнивается содержание концептов МАТЬ и ОТЕЦ в русской и англоязычной лингвокультурах [Борисенко, 2020]. Г. О. Ибраимова и А. А. Касымова обнаруживают взаимосвязь между мотивирующими признаками макроконцепта МАТЬ (символические признаки ‘богородица’, ‘начало’, ‘причина’, ‘источник’ и т. д.) и мотивирующими признаками концепта СЫН (символические признаки ‘беременность’, ‘потомок’, ‘ребенок’, ‘роды’, ‘рождать’ и т. д.) [Ибрагимова и др., 2021]. С. В. Бурдун, рассматривая концепты ОТЕЦ, МАТЬ и ДЕТИ в контексте кубанской фразеологии, выявляет приращённые значения эксплицирующих контексты лексем, определяет их значимость в отношении к категории «свой — чужой» [Бурдун, 2020].

Внимание некоторых лингвистов сконцентрировано на отдельных составляющих понятийной сферы «Материнство». Лексике крестильно-родильного обряда посвящены исследования Л. С. Кара-оол [Кара-оол, 2019], В. Б. Бакулы [Бакула, 2016], И. В. Поповичевой [Поповичева, 1999], номинации, обозначающие состояние беременности, описываются Е. М. Лазаревич [Лазаревич, 2014] и Г. Р. Каримовой [Каримова, 2020], диалектные обозначения женщины-матери рассматриваются Н. Г. Архиповой [Архипова, 2013] и М. А. Толстовой [Толстова, 2020], особенности семантики слов лексического поля «Воспитание» интерпретируются в работах Т. В. Леонтьевой [Леонтьева, 2013] и С. М. Толстой [Толстая, 2016]. Заслуживают внимания работы языковедов Томского государственного университета, занимавшихся изучением понятия «детство» в традиционной культуре. В рамках исследования авторами на материале среднеобских говоров систематизируются слова нескольких тематических групп, в том числе групп «Беременность, роды», «Воспитание, уход за ребенком»

[Словарь детства, 2018, с. 44—58, 146—160]. Лексика, репрезентирующая представления о материнстве, получает в указанных работах как лингвистические, так и культурологические комментарии.

Основным источником материала послужили лексикографически обработанные неопубликованные полевые записи устной речи диалектоносителей (далее — ЛОНЗ), собранные авторами во время диалектологических экспедиций (с 1998 по 2019 годы). При сборе региональных материалов в генеральную совокупность («множество индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного анализа» [Беликов и др., 2001, с. 191]) были включены респонденты, удовлетворяющие следующим критериям: **место проживания** (постоянное или долговременное проживающие на территории бытования русских старожильческих говоров юга Тюменской области, которые сформировались как говоры вторичного образования (конец XVI — середина XVIII веков) на основе различных диалектов севернорусского наречия [СРСГ, т. 1, с. 5]), **этническая принадлежность** (русский), **возраст** (представитель старшего поколения), **образование** (отсутствие образования), **степень владения диалектом** (высокая степень сохранности диалектных явлений в речи). Такой подход к отбору членов генеральной совокупности представляется наиболее оправданным, поскольку позволяет установить весь спектр ситуаций, приобретающих языковую оценку в сельской местности, и выявить единицы лексической системы говоров от локально ограниченного вокабуляра до лексических явлений, известных общенародному языку.

Для дополнительной верификации номинаций к анализу были привлечены иллюстративные материалы «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» (далее — СРСГ) и «Фразеологического словаря русских говоров Тюменской области (далее — ФСРГ), репрезентирующие лексику периода с 50-х годов прошлого века до наших дней. В качестве материалов для сравнительно-сопоставительного анализа использовались «Словарь русских народных говоров» (далее — СРНГ) и нормативные словари русского языка.

Материалы исследования включают более 500 лексико-фразеологических единиц. Зафиксированные в источниках лексические репрезентанты материнства получают лексикографическое описание, снабжаются лингвистическим и культурологическим комментарием с учетом их контекстуального употребления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение представлений о беременности и рождении ребенка в народной лингвокультуре

CC BY

В говорах юга Тюменской области женщину, вынашивающую ребёнка, называют *бере́менной, брюха́той*, *тяжёлой.* В большей части контекстов указанные обозначения выступают как взаимозаменяемые, поскольку они имеют тождественное значение при разной стилистической (*бере́менная — брюха́тая*) и эмоциональной (*брюха́тая — тяжёлая*) окраске. В качестве синонимических замен по отношению к данным номинациям выступают устойчивые сочетания *на после́дних пора́х, на снося́х*, *бы́ть в тя́гости, бы́ть в положе́нии, прибавле́ния / ребёнка жда́ть, после́днё вре́мё ходи́ть, пу́зо вы́ше но́са, ребёнок у се́рдца лежи́т, дитя́ под се́рдцем носи́ть, две́ души́*. Интегральная сема указанных номинаций (‘быть беременной’) позволяет объединить их в один синонимический ряд, а дифференциальные семы дают возможность проанализировать расширенную семантическую структуру ряда и актуализированные оттенки значения: *на снося́х, на после́дних пора́х, после́днё вре́мё ходи́ть, после́дние дни ходи́ть* → ‘о беременной женщине, которая должна родить в ближайшее время’, *пу́зо вы́ше но́са* → ‘о беременной женщине, у которой заметны значительные изменения фигуры’, *ходи́ть в положе́нии* → ‘о беременной женщине, которая отличается от других женщин особым положением’ (ср.: *положение* ‘состояние, обусловленное какими-л. обстоятельствами’ [МАС]), *жда́ть прибавле́ния* → ‘о беременной женщине, которая ждет появления ребенка’, *дитя́ под се́рдцем носи́ть, ребёнок у се́рдца лежи́т, две́ души́* → ‘о беременной женщине, тело которой воспринимается как вместилище новой жизни’ (ср.: *неплодоно́сная, пуста́я, поро́жняя* ‘бесплодная женщина’) и т. д. Таким образом, устойчивые сочетания, выступающие в качестве непрямого обозначения беременной женщины, акцентируют внимание на смене статуса женщины, изменениях фигуры, сопутствующих новому состоянию, на специфике проявления состояния и задачах, возложенных на будущую мать.

Значительная часть вариативных обозначений состояния беременной женщины носит метафорический характер. Вторичные значения развиваются в результате ассоциаций **с тяжестью** (*бы́ть в тя́гости, бы́ть тяжёлой* ‘быть беременной’, *отяжеле́ть, затяжелеть* ‘забеременеть’), **ношей** (*обере́менеть* ‘*забеременеть*’ от *беремя* ‘нечто тяжкое, трудное; бремя’ [СРСГ, т. 1, с. 52], *быть на сносях* ‘на последнем сроке беременности’, *ребёнка носить* ‘быть беременной’) или **большим животом** (*брюшко нажить* ‘о нежелательной беременности’, *брюха́та* ‘беременная’). Судя по примерам, в таких номинациях реализуется характеристика по яркому, обращающему на себя внимание признаку: *забрюха́тить* ‘забеременеть’, *обрюха́тить* ‘оплодотворить, сделать беременной’, *обере́менеть* ‘забеременеть’ и др. Многообразие обозначений состояния беременности объясняется тем, что в народной культуре обычно «вербализируются те

CC BY

концепты, которые представляются говорящему важными» [Почепцов, 1990, с. 111—112]. Вслед за Е. А. Нефедовой, квалифицируем подобные номинации как «лингвоспецифичные», поскольку они содержат значимую для носителей языка идею. По мнению исследователя, их специфика «проявляется в характере и степени “культурной разработанности” одного и того же фрагмента действительности в литературном языке и диалектной системе» [Нефедова, 2015, с. 258].

Создание дополнительной номинативной единицы может быть связано с намеренной заменой эвфемизмом уже существующего в языке слова. Каузативной основой использования непрямого обозначения является стремление вывести из фокуса внимания адресата те свойства объекта, которые адресант хочет завуалировать. Эвфемизм в ситуации замены может выступать смягченным вариантом замещаемого слова (*бы́ть в положе́нии, дитё под сердцем носить* ‘о состоянии беременности’), маскировать, вуалировать суть явления (*брюхо набегать, брю́шко нажи́ть* ‘о нежелательной беременности’ — иносказательное обозначение вследствие обобщенности содержания позволяет избежать конкретизации состояния объекта эвфемизации), быть субститутом, служащим оберегом (*брюха́та, пу́зо вы́ше но́са* ‘о состоянии беременности’ — замещающая номинация «выводит» из активного сознания адресата информацию о состоянии объекта эвфемизации, перемещает внимание на другие признаки). Появление лексико-фразеологических единиц последней группы связано с верой носителей языка в магию слова, способного защитить мать и будущего ребенка от проблем, сопряженных с её состоянием, которое «считается опасным (иногда нечистым) как для самой беременной женщины, так и для окружающих» в связи «с присутствием в ней двух душ» и её близостью к пограничному состоянию между реальным и потусторонним миром, «к границе жизни и смерти» [Славянские древности, т. 1, с. 160].

С темой беременности и родов в языковом сознании сельского жителя сопрягается сравнительно небольшой репертуар лексем, обозначающих женщину, оказывающую помощь роженицам (*роди́лкам, роди́хам*) в родах (*ро́динах*): *повиту́ха, повива́лка, повива́льная ба́бка, ба́ушка, ба́бка*. Для обозначения деятельности повивальной бабки используются номинации *ба́ушничать, ба́бить, ба́бничать, е́здить по ба́бушкам* (*Катери́на у меня́ ба́ушничяла* [СРСГ, т. 1, с. 43]; *Та́м ба́пка была́, она́ ба́бничяла. Ба́бничять — ра́нешно сло́во, повиту́ха, как вро́де акуше́рка* [Там же, с. 43]; *Она́ е́здила по ба́ушкам, принима́ла ро́ды у же́ньщин* [ФСРГ, с. 91]).

Общая с литературным языком лексема *ба́бушка* (*ба́ушка*) является полисемантом и реализуется в говорах в следующих значениях: 1. Мать отца или матери. *Ба́бушка со мнучя́там во́дится* [ЛОНЗ]; 2. Старая жен-

CC BY

щина, старуха. *Одна́ ба́бушка раска́зывала...* [ЛОНЗ]; 3. Знахарка. *Ра́ньшэ ба́бушки лечи́ли* [СРСГ, т. 1, с. 31]; 4. Женщина, оказывающая помощь во время беременности и родов. *До́ма з ба́шкой рожа́ли, ба́ушка спесыа́льная была́* [ЛОНЗ]. Номинация *ба́бка* объединяет аналогичные значения — ‘родная бабушка’, ‘свекровь’, ‘знахарка’, ‘повитуха’. Несколько значений имеет лексема ***ба́бничать*** — 1. Помогать при родах, принимать детей. *Там ба́пка была́, она ба́бничяла* [СРСГ, т. 1, с. 43] 2. Проявлять повышенный интерес к женщинам. *Он то́лько ба́бничять и уме́т* [ЛОНЗ]. Значение ‘помогать при родах, принимать детей’ также реализуется в слове *ба́бить*. Мотивирующей для него является лексема *бабка* в значении ‘женщина, оказывающая помощь во время родов’. Глагол *ба́ушничать*, образованный от производящей основы *ба́ушка*, используется в значении ‘помогать при вынашивании ребёнка, принимать роды’.

Активное использование дериватов с корневым морфом *-баб-* для маркирования ситуации беременности и родов не случайно. О. В. Никифорова считает, что данные номинации подчёркивают «духовное родство, возникающее между повивальной бабкой и новорожденным, подобно родственной связи бабушки и внука» [Никифорова, 2017, с. 2]. Избираются подобные номинации еще и потому, что именно пожилая женщина, «переходя из возраста бабы в возраст бабушки, согласно народным представлениям, очищается и может помогать другим: принимать роды, лечить больных, обмывать покойника» [Там же].

Рождение ребенка в речи носителей тюменских говоров может обозначаться глаголами с прямым номинативным значением (*рожа́ть, роди́ть, рожда́ть*) и глаголами, исходное значение которых метафорически переосмысляется на основе сближения предметов по разным признакам: ***добыва́ть*** ‘доставать, получать’ [МАС] (ср.: *Име́ли скота́, коси́ли, дете́й добыва́ли* [ЛОНЗ]); ***носи́ть*** / ***наноси́ть*** ‘принести в несколько приемов в каком-либо количестве [МАС] (ср.: *Вза́муш вы́шла, де́ток наноси́ла и фсё так жыву́* [ЛОНЗ]); ***накопи́ть*** ‘копя, собрать в каком-либо количестве’ [МАС] (ср.: *Пя́теро дете́й накопи́ла* [ФСРГ, с. 80]); ***собра́ть*** ‘добывая, разыскивая или приобретая, сосредоточить, скопить где-нибудь’ [ТССРЯ] (*За́муш вы́шла, дете́й собрала́* [ЛОНЗ]); *рассы́паться* ‘распадаться на части’ [МАС] (ср.: *Жана́-то, мо́жэт, и рассы́палась ужэ́, давно́ не пи́шут* [ЛОНЗ]); ***опроста́ться*** ‘стать пустым, опорожниться’ [МАС] (ср: *Опроста́лася* (о соседке) — *сла́вниькой парни́шычко у их.* [СРСГ, т. 2, с. 97]); ***принести́*** ‘дать, доставить’ [МАС] (ср.: *Поко́с подошо́л, а евонна ба́ба фчера́сь принесла́ робёнка* [СРСГ, т. 2, с. 237]); ***найти́*** ‘обнаружить, отыскать’ [МАС] (ср: *Меня́ нашли́ они́, отцу было шысся́т пя́ть лет, а ма́ме со́рок два́* [ЛОНЗ]), ***скинуть*** ‘бросить вниз откуда-либо, с чего-либо; сбро-

CC BY

сить’ [МАС] (ср.: *Рожáли ф пóле, в бáне. Никúтишна до дóму зашлá и скúнула* [ЛОНЗ]).

Представление о родах, таким образом, передаётся посредством бытийной метафоры, позволяющей говорящим интерпретировать ситуацию через сравнение с повседневными действиями. В частности, наблюдаем следующие модели семантических переходов: глагол, указывающий на способ осуществления действия → родить в каком-нибудь количестве (*настрогать, насобирать, накопить, найти*), глагол, обозначающий физическое воздействие на предмет → разрешиться от бремени, родить (*скинуть*), глагол, обозначающий движение сыпучего вещества, распад чего-либо → родить (*рассыпаться*), глагол, обозначающий движение, перемещение в пространстве → родить (*принести*) и т. д. В семантической структуре приведённых метафор соотносятся прямое значение слова, подвергнутого метафоризации, новое предметно-логическое содержание и дополнительная характеристика действия, например, указание на способ его осуществления (*собирать, копить, нажить*), характер протекания (*скинуть* ‘о быстрых и несложных родах’, *опростаться* ‘обычно о трудных, длительных родах’), завершенность, полноту (*добыть*), характер достигаемого действием результата (*рассыпаться, наплодить* ‘произвести на свет в большом количестве’). Как следствие, различные семантические трансформации глаголов позволяют варьировать репрезентацию одного и того же явления, меняя его смысловую и эмоциональность направленность: *Моя́ снохá-та ишó на тóй нидéле опростáлась, парнúшка принеслá* [СРСГ, т. 2, с. 97], *А скóлько я робя́т родúла, скóлько на свет пусты́ла!* [ЛОНЗ], *Рождáли мнóго рáньшэ <…> Мои родúтели пожанúлись и вот накопúли наз дéвядь дéтушэк* [ЛОНЗ].

Вариативность непрямых обозначений рождения ребёнка также может быть обусловлена сложившейся в языке традицией табуирования сакральных тем. Родильная лексика с древности подвергалась разнообразным запретам, поскольку была сопряжена с таинственными и необъяснимыми сферами человеческого бытия, вызывающими страх, «а все пугающее в культуре издавна связано с разного рода защитными обрядами, ритуалами, магическими действиями и запретами» [Славянские древности, т. 4, с. 451]. Метафорические замены, таким образом, позволяли скрыть истинное положение дел и тем самым обеспечивали безопасность матери и ребенка, охраняли их от злых духов. О. С. Орлова считает, что прием метафорического кодирования отвечает стратегии «перефокусирования с существенных характеристик объекта на несущественные или на общую характеристику ситуации» [Орлова, 2020, с. 106]. По мнению Л. Ю. Зориной, в таком наименовании (опосредованном, затемненном) «проявляется

CC BY

семантическая редукция: в эвфемизме по сравнению с прямой номинацией сокращена, стёрта доля информации» [Зорина, 2008, с. 113].

3.2. Социальный аспект материнства и его отражение в диалектной речи

В деревенском дискурсе материнство воспринимается положительно, если ребенок был зачат в браке. К беременности вне брака и внебрачным детям относятся как к ситуации, нарушающей привычный уклад жизни и устоявшиеся моральные нормы: *Стра́м-от како́й — ф подо́ле принесла́* (‘родить вне брака’) [СРСГ, т. 2, с. 291]; *Плохи́х-то одна́ко де́вок не́ было. У на́с ту́т одна́ еди́нственна де́ушка брю́шко нажыла́* [ЛОНЗ]. Данным фактом можно объяснить наличие негативной оценочной мотивации во многих региональных обозначениях внебрачного ребенка: *сура́з* (возможно, от диалектного сибирского *сура́з* ‘несчастье’ [ЭСРЯ] или ‘бедовый случай, удар, огорчение’ [ТСЖВЯ]), *курвёнок* (от бранного *ку́рва* ‘девушка лёгкого поведения’ [ЭСРЯ]), *незаконник* (от слова *незаконный* ‘не основывающийся на законе, нарушающий закон’ [МАС]).

Незаконность появления на свет может подчеркиваться негативно-оценочными лексемами с псевдолокальным значением, указывающим на неправильное, с точки зрения социума, поведение будущей матери: ***заугóльник*** (мотивировано существительным *угол* ‘часть дома, квартиры; жилище, пристанище’ [МАС]), ***подзабóрник*** (мотивировано словом *забор* ‘ограда’ [ТССРЯ]), ***подстóжник*** (мотивировано словом *стог* ‘большая копна сена, соломы или необмолоченного хлеба’ [МАС]), ***нагýленной, нагýльной*** (мотивированы глаголом *нагулять* ‘забеременеть, родить, не состоя в браке’ [МАС]), ***нахóдный, нахóдник*** (мотивировано словом *находить* ‘в результате поисков обнаружить; отыскать’ [МАС]), ***нáйда*** (от причастия *найденный*, образованного от глагола *найти*). Апеллятивы, положенные в основу производных лексем, уточняют способ обретения ребёнка (каким способом? → нагулять, найти и т. д.) или место «предполагаемого зачатия или рождения» [Славянские древности, т. 4, с. 414], которое всегда находится вне дома и оценивается как неправильное, противоречащее естественному ходу событий (где? → под забором, под стогом, за углом). Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в народном представлении нарушение верности неразрывно связано с мотивом изменения места: супруги связаны общим домом, а тот, кто стремится к измене, нарушая границы своей территории, осваивает чужое пространство [Малькова, 2019, с. 47—56; Кучко, 2017, с. 483]. Неслучайно для обозначения беременности, возникшей вне брака, используются негативно-оценочные номинации, образованные с использованием глаголов движения: *нагулять, брюшко набегать*, *в подоле принести.*

CC BY

К коннотативной лексике относится номинация *по́бочень*. Значение ‘внебрачный ребенок’ здесь развивается на базе символической семантики бока и пересекается со значением ‘отойти от основной линии развития, отделиться’ (ср.: *боковой* ‘исходящий сбоку; направленный вбок’ [ТСРЯ]), а отклонение маркируется негативно: *По́бочень — это когда́ не от му́жа ребёнок-от*. [ЛОНЗ].

Названия могут указывать на отсутствие у ребёнка законного отца: *безотцовщина, девичий* или *девкин парень*, *не наше* (*чужое*) *семя*. В сочетании *чужое семя* обобщена легко восстанавливаемая адресатом информация о том, что ребенок был рожден вне брака и воспитывается неродным отцом. В сочетании *девичий парень* актуализируется информация о том, что мать ребёнка, будучи незамужней женщиной, родила его вне брака, что у ребёнка нет отца и воспитывает его одна мать (или же мать и отчим).

Таким образом, в условиях народного речетворчества в слове закрепляется актуальный для говорящего дифференциальный признак объекта номинации, часто социально значимый.

Мать играет важную роль в жизни ребенка (ср. *Отцо́в — как псов, а мать одна́* [ФСРГ, с. 204]). Она вскармливает младенца, заботится о нем, оберегает и защищает, формирует первые представления о норме и антинорме. Не случайно лексема *мать* представлена в изучаемых говорах разноаффиксальными, в основном диминутивными, дериватами: *маменька, мамка, мамонька, мамочка, мамулечка, мамунечка, мамуля, мамынька, матерь, матка, матонька, мату́шенька, матушка*. Помимо указанных образований, в значении ‘мать’ активно употребляется устаревшая лексема *родительница* (*Роди́тельницой зва́ли ма́ть-то ф ста́ры-то го́ды*. [СРСГ, т. 2, с. 238]; *Мне́ уш во́семьдесят, а роди́тельнису-ту свою́ я спомина́ю ка́жэн де́нь*. [Там же]). Оба обозначения обладают схожими коннотациями, однако номинация *родительница* может носить оттенок почтительности и использоваться как официальное уважительное обращение к собственной или к чужой матери.

Действия по уходу матери за младенцем обозначаются разнообразными глаголами: *сосúть* / *насосúть, посóсить* ‘кормить грудью’ / ‘накормить грудью’; *скру́чивать* ‘пеленать’; *ю́кать, зы́бать* / *позы́бать* ‘качать’ / ‘покачать’ (мотивировано субстантивом *зыбка* ‘колыбель’); *води́ться* ‘ухаживать за маленькими детьми; нянчиться’, *ня́нькать* ‘нянчить’. Некоторые лексемы данной группы входят в конверсивные отношения, поскольку описывают попеременные субъектно-объектные действия матери и ребенка, что еще больше подчеркивает неразрывную связь матери и младенца. Так, у глагола *сосúть* в тюменских говорах, помимо указанного, фиксируется значение ‘сосать’ (ср.: *Родя́ца, ме́сец с не́й побу́дут, сосúли гру́ть-то* [СРСГ, т. 2, с. 281] и

Насошу́ робёнка, дак спи́т [Там же, с. 46]). Глагол *о́кать* ‘усыплять баюкая’ называет традиционное материнское действие по отношению к только что родившемуся ребенку, а вот возвратная форма этого же глагола обозначает действие, производимое ребенком — *о́каться* ‘убаюкивать себя (о ребенке)’ (ср.: *О́кайся, сыно́к, о́кайся, засыпа́й.* [Там же, с. 90]).

Глаголы, имеющие в своей семантической структуре первичное значение ‘воспитывать’, представлены в нашей картотеке сравнительно небольшим количеством единиц: ***воспи́тывать*** (*О́н ы робя́т-то свои́х хорошо́ воспита́л* [ЛОНЗ]), ***перевоспита́ть*** (*Хто её перевоспита́т, таку скотоутро́бную, таки́ нехоро́шы посту́пки де́лад дак* [Там же]), ***воспита́нье де́лать*** (*Де́ти плохи́е у их. Пра́вильно воспита́ньё де́лать на́до*) [Там же]. Понятие ‘воспитывать’ вербализуется также посредством прямых обозначений с корнем *-рост- / -раст- / -ращ- / -рос-* (*ро́стить*, *изро́стить, подро́стить, взро́стить, расти́ть, дораста́ть*, *дора́щивать, подра́щивать, взраста́ть*) и переносных. Основным способом вторичной номинации является метафорический перенос. В исследуемых говорах выделяем несколько моделей метафорических переходов, в результате которых формируется система номинаций со значением ‘воспитывать’. Активна, например, модель переноса ‘водить’ → ‘воспитывать’, производящей основой для которой стали глаголы с первичным значением движения — *вывести* ‘привести куда-л., помогая идти, указывая путь или направляя движение’ [МАС], *довести* ‘ведя, доставить до какого-л. места’ [МАС]: *Де́ток в лю́ди вы́вели, пора* <умирать> [ФСРГ, с. 50], *Фсе́х дете́й вы́расьтила, до ума́ довела́* [ЛОНЗ] и т. д. Метафора перемещения объекта в пространстве сближает перечисленные номинации с глаголами *тянуть* ‘тащить, волочить’ [ТСМАС], *подтянуть* ‘таща, волоча, приблизить к кому-, чему-л.; подтащить’ [МАС], *вытянуть* ‘таща, извлечь откуда-л.; вытащить’ [МАС], которые бытуют в говорах в значении ‘вырастить, воспитать ребенка, довести его до самостоятельности’. В основе модели ‘тянуть’ → ‘воспитывать’ обнаруживаем сходство воспитания с движением до определенной точки, какого-либо предела (*подтянуть* — ‘подтащить, приблизить к чему-л.’ [МАС]): *Она́ одна́ двои́х дете́й тя́нет* [ЛОНЗ], *Ишо́ охо́та внучя́т потьтену́ть, подро́сьтить* [СРСГ, т. 2, с. 164] и т. д.

Модель ‘ставить’ → ‘воспитывать’ отражает иное осмысление процесса воспитания. Здесь семантический переход основывается на идее понимания воспитания как оказания поддержки детям, которые еще не стоят на ногах. Модель реализуется на примере глагола *поставить* ‘придавать стоячее положение, располагать, укреплять в стоячем, вертикальном положении’ [МАС]: *Трои́х де́тушэк на́ ноги поста́вила* [ЛОНЗ]. Модель метафорического переноса ‘поднимать’ → ‘воспитывать’ (*на́ ноги подня́ть, на́*

CC BY

ноги подыма́ть) представляет схожее восприятие реципиентами процесса воспитания. Следуя этой модели, метафорически производное значение ‘воспитывать’ развивается в семантике глагола *поднять* ‘переместить, перенести или перевезти куда-л. наверх’ [МАС]: *Мужыка́ уби́ли, дите́й одна́ подьнела́...* [ЛОНЗ], *Я не ро́била, робя́т на ноги подыма́ла* [Там же].

Семантическое развитие модели ‘кормить’ → ‘воспитывать’ отмечается в структуре сочетания *спои́ть-скорми́ть* (*Де́вять* <детей> *она́ спои́ла-скорми́ла, а одна́ померла́* [ФСРГ, с. 62]). Здесь, по мнению С. М. Толстой, проводится «связь между понятиями питания-кормления и воспитания-взращивания потомства» [Толстая, 2016, с. 23]. Переносное, «непищевое» (в терминологии С. М. Толстой), значение входит в семантическую структуру глагола *питать* и его дериватов (*воспи́тывать, воспита́нье де́лать* и др.). Семантический сдвиг ‘кормить’ → ‘воспитывать’ объясняется тем, что «питание является условием поддержания жизни, оно предполагает заботу <...> о детях, которых родители до определенного возраста кормят и воспитывают, т. е. вскармливают не только физически, но и умственно и духовно» [Толстая, 2016, с. 22].

В основе образа ‘шпорить’ → ‘воспитывать’ лежит характеристика способа действия, совершаемого тем, кто воспитывает ребёнка. Примером такого семантического развития являются глаголы *шпорить, пришпорить* с исходным значением ‘ударять шпорами по бокам лошади, чтобы заставить ее быстрее двигаться; перенос. принудить чем-н. к более скорой, энергичной деятельности’ [ТССРЯ]. В данных номинациях эксплицируется мотив воспитания в строгости: *На́до бы́ло сызма́лосьти шпо́рить, не роспушша́ть парни́шка-та.* [СРСГ, т. 2, с. 398]; *Учи́ ево́, шпо́рь, пока́ по-перёк ла́вочки лежы́т* [Там же].

Понимание воспитания, базирующееся на характеристике способа действия, совершаемого в отношении ребёнка, отражается в модели семантического перехода ‘держать’ → ‘воспитывать’ (*держа́ть, держа́ть во всех вожжа́х, держа́ть в стро́гости, держа́ть в рука́х*). Примером такого семантического развития является глагол *держать* (‘служить опорой чему-л.; поддерживать, не давать выпасть’ [МАС]): *Ма́чеха нас хорошо́ держа́ла, жале́ла* [ЛОНЗ], *Дете́й не́ было, дак оне́ покорму́шку держа́ли* [Там же]. Воспитание детей концептуализируется как «сохранение определённого состояния; опека, контроль»: *Лёлька* (‘крёстный отец’) *ничё, держа́л как за свои́х* (*держа́ть как за свои́х* ‘проявлять заботу, относиться с добротой, растить как собственных детей’ [ФСРГ, с. 79]), *Дёржыш во фсе́х вожжа́х, и то́ збива́юца з до́бро́й путе́.* (*держа́ть во всех вожжа́х* ‘воспитывать очень строго, сохранять объект под своим контролем, ограничивать степень его свободы’ [Там же]).

CC BY

В некоторых контекстах реализован семантический перенос по модели ‘ухаживать’ → ‘воспитывать’. Носителем метафорического образа выступают глаголы с типовой семантикой ‘ухаживать, проявлять заботу о комлибо’: *догóить* (‘воспитать, вырастить, дорастить до самостоятельности’), *догáивать* (‘приводить в порядок, ухаживать’), *ухóдить* (‘беречь, сохранять, растить’), *обихáживать* (‘растить детей в заботе’): *Мне бы её* (об умершей дочери) *детей догóить и самóй мóжно уходúть* [ЛОНЗ], *Варúла да догáивала фсéх...* [СРСГ, т. 1, с. 198], *Онá ухóдит детéй, не лúница* [ЛОНЗ], *Дóчка-то у менá обихóтка, за детьмú следúт, обихáжыват* [Там же]. По мнению С. М. Толстой, глаголы, построенные по модели ‘ухаживать’ → ‘воспитывать’, включаются в ряд глаголов одного лексического поля, однако в них крайне слабо по сравнению с другими глаголами прослеживается мотив воспитания, поскольку главный акцент делается на улучшении, усовершенствовании жизни ребёнка [Толстая, 2016, с. 30]. С данными номинациями пересекаются, на наш взгляд, глаголы *нежить*, *изнежить* (‘чрезмерно ухаживать, пестовать’), *извáдить,* (‘избаловать’) с контекстным значением ‘воспитывать, окружив чрезмерным вниманием, нежностью и любовью’: *Взапрáвды онé изнéжыли иё, однá дóчь дак* [СРСГ, т. 1, с. 109], *Нáс ек не нéжыли, рóбидь заставлялú, дак мы нековдú не вéньгивали* [Там же, с. 96], *Извáдили мальчúшку, некакóва заклúку не знáт* [ЛОНЗ].

Таким образом, народное представление о воспитании вербализируется в системе метафорических вариаций, для которых «воспитательная семантика» [Толстая, 2016, с. 30] в большинстве случаев не является основной: *воспитывать* ← *держать, поднимать, ставить, вести, тянуть, шпорить, нежить, питать, заботиться* и др.

Смерть одного или обоих родителей воспринимается как потеря привычного места в семейной иерархии, крушение сложившегося уклада жизни. Не случайно сиротство как новый статус ребенка респонденты связывают с таким набором признаков, как одиночество, бесприютность, утрата дома, семьи. По мнению М. М. Угрюмовой, язык всегда реагирует на подобные отступления от эталонной модели действительности, обозначая ситуацию при помощи соответствующих лексем [Угрюмова, 2014, с. 102—110]. Поэтому в речевых актах респондентов находит отражение широкий круг лексических и фразеологических реализаций, определяющих ребёнка, лишённого семьи: *сирота* (*сиротка, сиротина, сиротинушка*), *óдинок, безродный, бесприродный, жить* / *растú* / *остáться в сирóтстве* (*в сирóтах*), *от мáтери* / *отцá* / *родителей остáться* (*В дéсве ф сирóсве жылá, без мáтери остáлась* [ФСРГ, с. 95]; *Рослú мы ф сирóцтве, ничё хорóшево не видáли* [Там же, с. 232]).

Детей, потерявших родителей, не оставляют без помощи, возможно, потому что в менталитете русского человека заложено представление

CC BY

о том, что ребенок всегда должен быть *приюченным* (‘нашедший приют, убежище’). Мать или отец могли создать другую семью, и тогда функции по воспитанию и иждивению неродного ребенка брали на себя отчим или мачеха (*С мужыко́м-то сошли́ся, о́н привёл свою́ до́чь, дак она́ бу́дёт мне́ па́тчерка* [СРСГ, т. 2, с. 121]; *З де́дом жы́ли три́цадь два́ го́да. Моёва сы́на ро́сьтил как своёва, не бежа́л* [ЛОНЗ]) или крёстные родители (*Ма́му схорони́ли. Дак лёлька, моя́ крёсна, меня́ до неве́ст вы́расьтила* [ЛОНЗ]).

Для обозначения неродной матери в тюменских говорах используется небольшой круг лексем, включающий дериваты от корня *мат- / мач-*. В частности, в синонимическую парадигму понятия ‘неродная мать’ включены общерусская лексема *мачеха* (*А мене́ ничево́ не поку́пывала ма́чеха-та* [ЛОНЗ]), термин кровного родства *мама* и его дериваты *мамка, матушка, ма́монька* (*А ма́монька руга́ца ста́ла, ма́чеха* [Там же]; *Её* (муку) *се́ет ма́монька, ма́чеха моя́* [Там же]). Кроме того, в качестве номинативов для обозначения *мачехи* (собственно, как и *отчима*) используются описательные выражения, включающие прилагательные *неродной, другой, чужой, второй: У меня́ ма́ть неродна́ была́, ма́чеха* [ЛОНЗ]; *Му́ш-то был, да друга́ одби́ла. Я не вы́шла вза́муш, заче́м дете́й обижа́ть чюжы́м отцо́м* [Там же]; *А вза́муш не вы́шла. Фторо́й ходь золото́й, а робя́там фсё во́ччим* [Там же]; *Ма́ть моя́ вы́шла за фторо́ва оца́* [Там же]) и др. Прилагательные, используемые в составе региональных обозначений неродных матери / отца, позволяют очертить «свое» пространство (*родной, свой, кровный*) и «чужое» (*неродной, другой, чужой, чужа́ющий, второй*). Указанная оппозиция разделяет мир ребенка на два полюса — близкий и безопасный (кровно-родственный, семейный) и далекий (чужой, незнакомый). Интересно, что прилагательное *чужой* может использоваться и по отношению к приемным детям: *На чюжы́х дете́й вы́шла за́муш* [ЛОНЗ]; *Ми́шу-та маёва сасе́тка приваражы́ла. Он ат сваёй крави́начки на чюжых дете́й ушёл* [Там же]. Как видим, в обоих случаях прилагательное не только указывает на чужое пространство, но и оценивает его как небезопасное.

Для обозначения усыновленных детей повсеместно употребляются общерусские термины кровного родства *дочь* (*до́чка*, *до́чечка, до́чушка*), *сын* (*сыно́к*, *сыно́чек)*, термины заместительного родства *пасынок* (*па́сын*), *падчерица* (*па́дчерка, па́черка, падчеру́ха*), а также оценочные образования с прозрачной семантикой, указывающей на характер усыновления: *приёмыш, приёмка* (мотивировано глаголом *принять* ‘взять в свое ведение, распоряжение’ [МАС]), *покорму́шка, покормушечка, выкормок* (мотивировано глаголом *кормить* ‘давать корм, пищу’ [МАС]), *приведёнка* (мотивировано глаголом *привести* ‘доставить куда-л.’ [МАС]), *взя́тыш* (мотивировано глаголом *взять* ‘принять с какой-л. целью, обязательством’ [МАС]): *Покорму́шку к себе́*

CC BY

взя́ли [СРСГ, т. 2, с. 169]; *Ковда́ с мужыко́м-то сошли́ся, о́н привёл свою́ до́чь, да́к она́ бу́дёт мне́ па́тчерка* [Там же, с. 191]), *Не родна́ емя́ до́чь-та, приведёнка*... [Там же, с. 191]) и др. Известны тюменским говорам и описательные конструкции *неродная дочь* (*дочка, дочерь*), *приёмна дочь, чужая дочь*; *неродной сын* (*сынок*), *приёмный сын, приёмные дети.* Конструкции могут употребляться и как самостоятельные номинативы (*Неродно́й* (дочери) *ещё бо́льше припаса́ла, штоп люди не осуди́ли* [ЛОНЗ], *От нёприёмной до́чери ремези́ны* (‘лоскут материи’) *не вида́ла* [Там же]), и как уточняющие сочетания в пояснительном контексте (*Поста́ре-то неродна́ мне́ до́чь, па́тчерка* [СРСГ, т. 2, с. 121], *Сы́н-от родно́й, а до́чь-та покорму́шка. Её с пят лед до́черью шишыта́ют* [Там же, с. 169]).

4. Заключение = Conclusions

1. Исследование показало, что среди номинаций, представляющих понятийную сферу «Материнство» в русских говорах юга Тюменской области, к числу активных относятся названия, обозначающие состояние беременности (*бы́ть в тя́гости, две́ души́*), рождение ребенка (*опроста́ться, принести́, ски́нуть*) и ухода за младенцем (*ухо́дить, ня́нькать, о́кать, скру́чивать*), номинации внебрачного (*подзабо́рник, сура́з*) и усыновлённого ребёнка (*падчеру́ха*, *приёмка, покорму́шка*). К числу редко употребляемых относятся устаревающие по экстралингвистическим причинам названия женщины, оказывающей помощь во время родов (*повива́лка, ба́ушка*), и её действий (*ба́бничать, е́здить по ба́бушкам*).

2. Описываемая лексика неоднородна по своему составу и включает общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке (*беременная, роженица, мать*), разговорные (*обрюха́тить, води́ться, безотцо́вщина, нагу́льный*) и собственно диалектные, имеющие ограниченную территорию распространения (*ба́ушничать, соси́ть*). Доминирующее положение занимает лексика, имеющая общерусское распространение. Треть анализируемых единиц является региональными лексемами, среди которых можно выделить собственно лексические (*зы́бать, сура́з, о́динок*), словообразовательные (*роди́лка, роди́ха, падчеру́ха*) и семантические диалектизмы (*накопи́ть, собра́ть, рассы́паться*). Многие относятся к полидиалектным единицам, известным как в русских говорах Тюменской области, так и в говорах севернорусского и южнорусского наречий: *роди́ха* [СРНГ, вып. 35, с. 132], *роди́лка* ‘роженица’ [СРНГ, вып. 35, с. 138], *носи́ть* ‘рожать’ [СРНГ, вып. 21, с. 288], *ба́ушка* ‘повивальная бабка’ [СРНГ, вып. 2, с. 29], *нагу́льный* ‘рожденный вне брака (о ребенке)’ [СРНГ, вып. 19, с. 218] и т. д.

3. Единицы анализируемого лексико-фразеологического пласта включаются в парадигматические отношения. В частности, отмечаем нали-

CC BY

чие синонимических связей, образующих большое количество рядов номинаций с совпадающим денотатом и различными сигнификатами: *оберéменеть — отяжелéть; скинуть — рассы́паться — опростáться*. В синонимические отношения могут вступать отдельные слова, свободные сочетания слов и фразеологизмы: *забере́менеть — брюхо набе́гать; приёмна дочь — неродна́ дочь — приёмка — приведёнка*. Парадигмы слов, находящиеся в синонимических отношениях, могут объединять как разнокорневые (*родить — принести́*), так и однокорневые разноаффиксные синонимы (*покорму́шка — вы́кормок; роженица — роди́лка — роди́ха*), различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской. Среди компонентов синонимических цепочек можно обнаружить абсолютные синонимы (*повитýха — повива́лка, роды — роди́ны*); семантические, различающиеся оттенками значения (*сура́з — курвёнок — по́бочень — заго́льник*) и эмоционально-экспрессивные (*сиро́тка — сироти́на — сироти́нушка; покорму́шка — покорму́шечка*). Употребление синонимов может быть связано с необходимостью фокусировки внимания на конкретных характеристиках объекта номинации (*брюха́тая — тяжёлая*), передачи дополнительных оттенков смысла и акцентирования внимания адресата на нюансах (*пу́зо вы́ше но́са — две́ души́; по́бочень — курвёнок*) и т. д.

4. В лексико-фразеологической макросистеме тюменских говоров выделяются следующие номинации с соотносительной противоположностью значений: общерусские пары (*ма́ть — ма́чеха*), собственно диалектные оппозиции (*плодоно́сная — поро́жняя* ‘бесплодная’), также комбинации компонентов указанных пар (*бездетная — сарыня́стая* ‘многодетная’). Как показывают проанализированные контексты, в количественном отношении в них явно преобладают контрарные пары, состоящие из общенародного и диалектного слов. Пару могут составлять разнокорневые слова (*кровный — чужой*) и однокорневые, различающиеся префиксами (*родна́я — неродна́я* (мать), *кро́вный — некро́вный* (ребёнок)). Нередко парадигму образуют слова разных частей речи, а также описательные обороты: *наха́дный — наха́дник*; *крови́ночка — чужа́ющий ребёнок*). Антонимичность приведенных номинаций подтверждается их неоднократной фиксацией в контрарных контекстах.

5. Результаты исследования лексики тюменских говоров в заявленном аспекте позволяют говорить о многочисленных случаях полисемии, возникшей на базе метафоры. Субстантивные и адъективные метафорические номинанты представлены в тюменских говорах следующими моделями: растительный мир → человек (*неплóдная, неплодоно́сная* ‘о неспособной к деторождению женщине’; *чужое семя* ‘внебрачный ребенок’), человек → человек (*ба́ушка* ‘женщина, оказывающая помощь роженицам’,

CC BY

ма́мка, ма́тушка ‘мачеха’). Глагольная метафора реализуется разными моделями, например, понести → забеременеть; скинуть → родить; насобирать → произвести на свет в большом количестве; держать → воспитывать; шпорить → воспитывать. Наблюдения над явлениями семантической деривации в лексико-фразеологической системе тюменских говоров позволяют сделать вывод о том, что в речевой практике диалектоносителей производные значения чаще развивают общенародные слова, а не диалектные.

Как показало исследование, представления информантов о материнстве реализованы в чрезвычайно богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью наименований одних и тех же реалий, различающихся способами семантического маркирования. Полученные данные дают возможность сформировать представление о системности лексики понятийной сферы «Материнство», а также сделать вывод о своеобразии диалектной картины мира носителей говоров.

Источники и принятые сокращения

1. ЛОНЗ — *Лексикографически* обработанные неопубликованные (рукописные) записи, произведенные авторами с целью изучения русских говоров Тюменской области. (личный архив).

2. МАС — *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.

3. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—2021. — Вып. 1—52.

4. СРСГ — *Словарь* русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 томах / под ред. С. М. Беляковой. — Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2014.

5. ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Москва : Мир книги, 2003. — Том 11. — 400 с.

6. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. — Москва : Астрель, 2003. — 989 с. — ISBN 5-271-06086-1.

7. ТССРЯ — *Толковый* словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Аделант, 2014. — 800 с.

8. ФСРГ — *Багирова Е. П.* Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области / Е. П. Багирова, С. М. Белякова. — Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2020. — 356 с.

10. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — Москва : Прогресс, 1986. — Том 3. — 832 с.

Литература

1. *Аванесян Н. К.* Языковая объективация концептуально-когнитивного фрейма «мать» в английском и русском языках : диссертация … кандидата филологических наук / Н. К. Аванесян. — Пятигорск, 2012. — 207 с.

2. *Андреянова М. А.* Реализация концептосферы «материнство» в русском, английском и французском языках : диссертация … кандидата филологических наук / М. А. Андреянова. — Казань, 2012. — 206 с.

3. *Андреянова М. А.* Реализация концепта ‘мать (mother)’ в русском и английском языках (на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека / М. А. Андреянова, Г. А. Багаутдинова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 17 (232), Вып. 55. — С. 17—22.

4. *Архипова Н. Г.* Образ женщины в народной языковой культуре / Н. Г. Архипова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 60. — С. 123—127.

5. *Атрощенко Е. О.* Функционирование концепта «Мать» в русской художественной прозе XIX века / Е. О. Атрощенко // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2014. — № 97. — С. 1—12.

6. *Бакула В. Б.* Лексика духовной культуры кольских саамов: на материале кильдинского диалекта саамского языка : диссертация … кандидата филологических наук / В. Б. Бакула. — Ижевск, 2013. — 384 с.

7. *Беликов В. И.* Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 2001. — 317 с. — ISBN 5-7281-0345-6.

8. *Борисенко Т. В.* Актуализация концепта материнство в русском медийном дискурсе / Т. В. Борисенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 4 (450). — Филологические науки. — Вып. 124. — С. 15—20. — DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10402.

10. *Борисенко Т. В.* Концепты «МАТЬ» и «ОТЕЦ» в русской и англоязычной лингвокультурах / Т. В. Борисенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 3 (437). — Филологические науки. — Вып. 120. — С. 47—55. — DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10306.

11. *Бурдун С. В.* Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) / С. В. Бурдун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Том 13, Вып. 4. — С. 13—18.

12. *Зорина Л. Ю.* Диалектная лексика говоров Вологодского края : методические материалы и научно-популярные очерки / Л. Ю. Зорина. — Вологда : Вологодский государственный педагогический университет, 2008. — 143 с. — ISBN 978-5-87822-357-7.

13. *Ибраимова Г. О.* Концептуализация родства в русской лингвокультуре: мирское, сакральное и десакрализованное (на примере макроконцепта мать и концепта сын) / Г. О. Ибраимова, А. А. Касымова // Вестник Марийского государственного университета. — 2021. — Т. 15, № 4. — С. 438—446. — DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446.

14. *Кучко С. В.* Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект / С. В. Кучко // Славянский альманах. — 2017. — № 3—4. — С. 479—498.

15. *Леонтьева Т. В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : РГППУ, 2013. — 219 с. — ISBN 978-5-8050-0515-3.

16. *Малькова Я. В.* Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2019. — Т. 11, Вып. 3. — С. 47—56.

17. *Нефедова Е. А.* О региональных вариантах русской национальной картины мира / Е. А. Нефедова // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. — Краков, 2015. — Т. 2. — С. 257—264.

18. *Орлова О. С.* Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти языках : диссертация … кандидата филологических наук / О. С. Орлова. — Москва, 2020. — 305 с.

19. *Перевалова С. Г.* Вербализация концепта «мать» («la mère»)» через пословично-поговорный и фразеологический фонды русского языка (на фоне французского языка) / С. Г. Перевалова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2 (21). — С. 135—141.

20. *Поповичева И. В.* Структура и семантика родильно-крестильного обрядового текста : диссертация … кандидата филологических наук / И. В. Поповичева. — Тамбов, 1999. — 273 с.

21. *Славянские* древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Институт славяноведения РАН, 1995—2009.

22. *Словарь* детства : говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим описанием) / Н. А. Агапова, С. В. Волошина, Т. А. Демешкина и др.; под ред. М. М. Угрюмовой. — Томск : Изд-во Томского университета, 2018. — 200 с. — ISBN 978-5-7511-2566-0.

23. *Толстая С. М.* Питание и воспитание в зеркале славянской лексики / С. М. Толстая // Вопросы языкознания. — 2016. — № 2. — С. 22—36.

24. *Толстова М. А.* Вербализация концепта *ЖЕНЩИНА* (на материале женского диалектного дискурса) / М. А. Толстова // Критика и семиотика. — 2020. — № 2. — С. 114 —128. — DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-114-128.

25. *Угрюмова М. М.* Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья : диссертация … кандидата филологических наук / М. М. Угрюмова. — Томск, 2014. — 164 с.

Material resources

ESRYA — Vasmer, M. (1986). *Etymological Dictionary of the Russian, 3*. Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.).

FSRG — Bagirova, E. P., Belyakova, S. M. (2020). *Phraseological dictionary of Russian dialects of the Tyumen region.* Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 356 p. (In Russ.).

LONZ — *Lexicographically processed unpublished (manuscript) records made by the authors in order to study the Russian dialects of the Tyumen region*. (personal archive). (In Russ.).

MAS — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian, 4*. Moscow: Russian language; Polygraphic resources. (In Russ.).

SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1—52.* (1965—2021). Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ.).

SRSG — Belyakova, S. M. (ed.). (2014*). Dictionary of Russian old-timer dialects of the south of the Tyumen region, 2.* Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. (In Russ.).

TSRYA — Dmitrieva, D. V. (ed.). (2003). *Explanatory Dictionary of the Russian.* Moscow: Astrel. 989 p. ISBN 5-271-06086-1. (In Russ.).

TSSRya — Ushakova, D. N. (ed.). (2014). *Explanatory Dictionary of the Modern Russian*. Ushakova. Moscow: Adelant. 800 p. (In Russ.).

TSZhVYa — Dal, V. I. (2003). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, 11*. Moscow: World of Books. 400 p. (In Russ.).

References

Agapova, N. A., Voloshina, S. V., Demeshkina, T. A. et al. (2018). *Dictionary of childhood: dialects of the Middle Ob region (with a linguoculturological description)*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University. 200 p. ISBN 978-5-7511-2566-0. (In Russ.).

Andreyanova, M. A. (2012). *Implementation of the concept sphere "motherhood" in Russian, English and French*. PhD Diss. Kazan. 206 p. (In Russ.).

Andreyanova, M. A., Bagautdinova, G. A. (2011). Implementation of the concept 'mother (mother)' in Russian and English (based on the novels of M. Gorky and J. E. Steinbeck. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History, 17 (232), 55:* 17—22. (In Russ.).

Arkhipova, N. G. (2013). The image of a woman in folk language culture. *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities, 60:* 123—127. (In Russ.).

Atroshchenko, E. O. (2014.). The functioning of the concept "Mother" in Russian fiction of the XIX century. *Scientific journal of the Kuban State Agrarian University, 97:* 1—12. (In Russ.).

Avanesyan, N. K. (2012). *Linguistic objectification of the conceptual-cognitive frame "mother" in English and Russian.* PhD Diss. Pyatigorsk. 207 p. (In Russ.).

Bakula, V. B. (2013). *Vocabulary of the spiritual culture of the Kola Sami: on the material of the Kildin dialect of the Sami language*. PhD Diss. Izhevsk. 384 p. (In Russ.).

Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolinguistics.* Moscow: Nauka. 317 p. ISBN 5-7281-0345-6. (In Russ.).

Borisenko, T. V. (2020). Concepts "MOTHER" and "FATHER" in Russian and English linguistic cultures. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 3 (437). Philological sciences, 120: 47—55.* DOI 10.24411/1994-2796-2020-10306. (In Russ.).

Borisenko, T. V. (2021). Actualization of the concept of motherhood in Russian media discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 4 (450). Philological sciences, 124:* 15—20. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10402. (In Russ.).

Burdun, S. V. (2020). Concepts MOTHER, FATHER, CHILDREN as representatives of the world of "their own" (based on the Kuban phraseology). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 13(4):* 13—18. (In Russ.).

Ibraimova, G. O., Kasymova, A. A. (2021). Conceptualization of kinship in Russian linguistic culture: mundane, sacred and desacralized (on the example of the macro concept mother and the concept son). *Bulletin of the Mari State University, 15 (4):* 438—446. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446. (In Russ.).

Kuchko, S. V. (2017). Russian dialect vocabulary with the meaning of betrayal in love: semantic and motivational aspect. *Slavic almanac, 3(4):* 479—498. (In Russ.).

Leontieva, T. V. (2013). *Vocabulary of social regulation in Russian folk dialects*. Yekaterinburg: RGPPU. 219 p. ISBN 978-5-8050-0515-3. (In Russ.).

Malkova, Ya. V. (2019). Rivalry in love in the mirror of dialect vocabulary (based on dialects of the Russian North). *Bulletin of the Perm University*. *Russian and foreign philology, 11 (3):* 47—56. (In Russ.).

Nefedova, E. A. (2015). On regional variants of the Russian national picture of the world. In: *Language and Method. Russian language in linguistic research of the XXI century, 2*. Krakow. 257—264. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2020). *The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the theme of birth and death in languages*. PhD Diss. Moscow. 305 p. (In Russ.).

Perevalova, S. G. (2016). Verbalization of the concept “mother” (“la mère”)” through the proverbial and phraseological funds of the Russian language (against the background of the French language). *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and intercultural communication, 2 (21):* 135—141. (In Russ.).

Popovicheva, I. V. (1999). *The structure and semantics of the maternity and baptismal ritual text.* PhD Diss. Tambov. 273 p. (In Russ.).

Tolstaya, S. M. (2016). Nutrition and education in the mirror of Slavic vocabulary. *Questions of linguistics, 2:* 22—36. (In Russ.).

Tolstova, M. A. (2020). Verbalization of the concept WOMAN (based on the female dialect discourse). *Criticism and semiotics, 2:* 114—128. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-114—128. (In Russ.).

Tolstoy, N. I. (1995—2009). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, 5.* Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Ugryumova, M. M. (2014). *Linguistic and cultural portrait of a child in the dialects of the Middle Ob region*. PhD Diss. Tomsk. 164 p. (In Russ.).

Zorina, L. Yu. (2008). *Dialect vocabulary of dialects of the Vologda region: methodological materials and popular science essays*. Vologda: Vologda State Pedagogical University. 143 p. ISBN 978-5-87822-357-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 16.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бурова Е. Е. Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей / Е. Е. Бурова, А. А. Рачёва, У. Э. Чекмез // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 48—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68.

Burova, E. E., Racheva, A. A., Chekmez, U. E. (2022). Story-"Record" vs Spontaneous Narrative in Light of a Comparative Analysis of Linguistic Features. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 48-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68

Рассказ- «пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей

Бурова Евгения Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-2359-9576
ResearcherID ABA-9999-2021
старший преподаватель
abcedik00@yandex.ru

Рачёва Александра Андреевна
orcid.org/0000-0002-2409-7519
ResearcherID ABB-4667-2021
кандидат филологических наук, доцент
aleksandracheva@yandex.ru

Чекмез Ульяна Эдуардовна
orcid.org/0000-0002-0571-741X
ResearcherID AAZ-7430-2020
преподаватель
chekmezu@gmail.com

Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия)

Благодарности:
Публикация подготовлена в рамках поддержанной Иркутским государственным университетом научной темы 111-21-301 «Устный корпус как инструмент лингвистических и междисциплинарных исследований»

Story-"Record" vs Spontaneous Narrative in Light of a Comparative Analysis of Linguistic Features

Evgenia E. Burova
orcid.org/0000-0002-2359-9576
ResearcherID ABA-9999-2021
Senior Lecturer
abcedik00@yandex.ru

Alexandra A. Racheva
orcid.org/0000-0002-2409-7519
ResearcherID ABB-4667-2021
PhD in Philology, Associate Professor
aleksandracheva@yandex.ru

Ulyana E. Chekmez
orcid.org/0000-0002-0571-741X
ResearcherID AAZ-7430-2020
Lecturer
chekmezu@gmail.com

Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

Acknowledgments:
The publication was prepared within the framework of the scientific theme 111-21-301 "Oral corpus as a tool for linguistic and interdisciplinary research" supported by the Irkutsk State University

© Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Нарратив мемуарного типа рассматривается как определенным образом структурированный текст, представленный, по крайней мере, двумя разновидностями устного рассказа: (1) многократно воспроизводимого нарратива (рассказ о войне) и (2) неподготовленного отрезка речи (повествование о жизни в Иркутске в период существования СССР и после его распада). Первая разновидность в научной литературе получила название рассказ-«пластинка». В ходе сопоставления двух фрагментов, относящихся к упомянутым типам повествования, характеризуются фонетические, лексические и грамматические средства, использованные субъектом речи и отражающие специфику рассказа-«пластинки» на тему войны. Благодаря комплексному подходу к языковым особенностям нарратива делаются развернутые выводы относительно его организации. Установлено, что на разных языковых уровнях рассказ-«пластинка» обладает определенными отличительными чертами, важнейшими из которых являются использование функционально нагруженных просодических средств и практически полное отсутствие речевых сбоев, употребление большого количества книжных лексических элементов, а также грамматических конструкций, характерных для официально-деловой, письменной речи. Доказывается, что все выявленные особенности позволяют говорящему придать личным впечатлениям о войне черты коллективно значимого воспоминания.

Ключевые слова:
устный нарратив; рассказ-пластинка; спонтанный нарратив; коллективная память; устный дискурс; просодия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A memoir-type narrative as a structured text in a certain way, represented by at least two types of oral story: (1) a repeatedly reproduced narrative (a story about the war) and (2) an unprepared segment of a speech (a story about life in Irkutsk during the existence of the USSR and after its collapse) is considered in the article. The first variety in the scientific literature was called the “record” story. In the course of comparing the two fragments related to the mentioned types of narration, the phonetic, lexical and grammatical means used by the subject of speech and reflecting the specifics of the story-“record” on the theme of war are characterized. Thanks to an integrated approach to the linguistic features of the narrative, detailed conclusions are drawn regarding its organization. It has been established that at different linguistic levels the story-“record” has certain distinctive features, the most important of which are the use of functionally loaded prosodic means and the almost complete absence of speech failures, the use of a large number of bookish lexical elements, as well as grammatical structures characteristic of the official business language, written speeches. It is proved that all the identified features allow the speaker to give the features of a collectively significant memory to personal impressions of the war.

Key words:
oral narrative; story-record; spontaneous narrative; collective memory; oral discourse; prosody.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 808.56+811.161.1’42+81-114.4

Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей

© Бурова Е. Е., Рачёва А. А., Чекмез У. Э., 2022

1. Введение = Introduction

Одним из наиболее интересных — и вместе с тем наименее изученных — типов устных рассказов являются многократно воспроизводимые нарративы, функционирующие как самостоятельные рассказы или как фрагменты более объёмного повествования. Нарративы такого типа получили название рассказов-«пластинок» [Китайгородская и др., 1995]. Как отмечают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, рассказы-пластинки существуют прежде всего в малых социальных группах, реализуются в ситуациях фатического общения, их словесная форма выверена, при этом в нарративах такого типа часто прослеживается установка рассказчика на определенную художественность повествования [Китайгородская и др., 1995, с. 46].

Подобные рассказы распространены в разных социальных группах: как отмечают исследователи, они могут функционировать как в среде городского населения, так и в группах жителей сельской местности, см.: [Букринская и др., 2015].

Рассказы-«пластинки» разнородны с точки зрения тематики: они могут представлять собой «апокрифы» об известных и «исторических» людях, истории-«апологии», повествующие об экстремальных ситуациях в жизни рассказчиков, анекдотические истории и т. д. [Букринская и др., 2015; Китайгородская и др., 1999, с. 44—45 и др.].

Подобные различия в тематике нарративов-«пластинок», как представляется, обусловливают и различия в их языковом оформлении: отмеченная выше выверенность формы по-разному реализуется в комических историях и рассказах-«апологиях». При этом отличия могут реализовываться на различных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Исследование подобных языковых отличий нарративов-«пластинок» от спонтанно порождаемых текстов, насколько нам известно, до сих пор не проводилось. В рамках данной статьи планируется рассмотреть языковые особенности рассказа-«пластинки», посвящённого участию субъекта речи в Великой Отечественной войне. Такой нарратив можно отнести к историям-«апологиям».

Рассказы-«пластинки» представляют интерес не только с точки зрения изучения языковых особенностей многократно воспроизводимых наррати-

CC BY

вов: тема Великой Отечественной войны чрезвычайно значима для современного российского общества. Представления о войне репрезентируются в устных нарративах различных типов, которые всё чаще становятся объектом исследования в гуманитарных науках, см.: [Колышева, 2020; Кринко, 2020; Летняков, 2021; Лицарева, 2021; Ханипова, 2021] и др.

Воспоминания о войне зафиксированы не только в индивидуальной, личной, но и в коллективной памяти. Подобные коллективные представления «нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний и конкретных деталей происшедшего, это всегда совершенно иначе выстроенные "реконструкции" исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной (национальной, групповой) солидарности, либо с изложением коллективных мифов, идеологем» [Гудков, 2005]. Как представляется, многократно воспроизводимые рассказы-«апологии», репрезентирующие индивидуальный опыт субъекта речи на войне, должны приобретать черты «официального коллективного воспоминания». Такие воспоминания «конституируются некоторыми ценностями всего сообщества и воспроизводятся другими средствами, нежели рассказы частных лиц» [Гудков, 2005]. Изучение того, какое языковое оформление получают подобные формы репрезентации коллективной памяти, также представляет интерес.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Описание языковых особенностей рассказов-«пластинок» предполагает сопоставление воспроизводимых и спонтанных нарративов, продуцируемых одним и тем же субъектом речи: это позволит выявить различия между двумя обозначенными типами дискурса.

В данной статье осуществляется сопоставление двух текстов, записанных в рамках интервью с одним и тем же говорящим: один из них предположительно относится к рассказам-«пластинкам», второй, как представляется, является спонтанным рассказом (подробнее о характеристиках каждого из текстов см. ниже).

Для описания интересующего нас явления было проанализировано интервью с участником Великой Отечественной войны, членом Совета ветеранов Великой Отечественной войны, записанное в рамках проекта «Устная история Иркутска»[1]. Предположение о том, что один из текстов, в котором говорящий рассказывает о Великой Отечественной войне, многократно воспроизводился им, подтверждает цитата из речи самого говорящего: *Я когда рассказываю правду о Великой Отечественной войне, я*

1 Интервью хранится в архиве кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета.

CC BY

рассказываю о тех — рассказываю — своих товарищах, которых нет среди нас, которые отдали свою жизнь за нашу Родину за нашу… советский народ. <…> Молодежь внимательно слушает, и с интересом слушает, потому что они впервые, это я коротко так, а я вот подробно когда начинаю рассказывать о… о той операции, в которой действовал, они… подробно рассказываю про… слушают, и внимательно, задают ряд вопросов всегда. Часть интервью, посвящённая этой теме, представляет собой последовательный рассказ, в котором используются сложные, нехарактерные для спонтанной устной речи синтаксические конструкции, книжная лексика и практически отсутствуют речевые сбои (см. подробнее ниже).

В качестве материала рассматриваются два фрагмента — завершённые нарративы, почти одинаковые по объёму (840 и 816 слов). Первый фрагмент представляет собой рассказ о взятии города Ельни во время Великой Отечественной войны, второй — повествование о жизни в Иркутске в период существования СССР и после его распада.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В рамках исследования осуществлен анализ языковых характеристик двух описанных выше текстов. Ниже последовательно сопоставляются языковые особенности, свойственные каждому из них на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Подобное сопоставление позволит выявить отличительные черты рассказа-«пластинки» на фоне неподготовленного монолога.

3.1 «Пластинка» vs спонтанный нарратив в свете анализа фонетических особенностей

Рассмотрим фонетические особенности анализируемых фрагментов. Если сравнить число пауз в рассказе-«пластинке» и спонтанном нарративе, то их количество примерно одинаково (198 пауз в рассказе-пластинке и 179 пауз в спонтанном рассказе). Однако число заполненных пауз в спонтанном нарративе оказывается существенно выше: 14,5 % от общего числа пауз в спонтанном нарративе по сравнению с 3,5 % в рассказе-«пластинке». Как известно, «заполненные паузы в целом являются сигналом хезитации (колебания) — временных трудностей говорящего в ходе вербализации» [Кибрик и др., 2009, с. 68], которые неизбежно возникают при планировании и порождении речи, поэтому малое их число может свидетельствовать о регулярной воспроизводимости нарратива.

Помимо этого, в выбранных фрагментах содержится 27 обрывов слова, из них 10 обнаружены в рассказе-«пластинке» и 17 — в спонтанном нарративе, то есть в спонтанном рассказе обрывы слов встречаются почти в 2 раза чаще, чем в рассказе-«пластинке».

Значимыми оказываются различия, касающиеся продолжительности абсолютных пауз и их функций в нарративе. Все паузы в каждом из фрагментов были условно разделены на 3 группы: короткие (от 0,06 сек. до 0,5 сек.), средние (от 0,51 сек. до 1 сек.), долгие (более 1 сек.). В рассказе-«пластинке» короткие паузы составляют 34 % от общего числа пауз, средние — 40 %, долгие — 26 %. В спонтанном нарративе короткие паузы составляют 52 % от общего числа пауз, средние — 35 %, долгие — 13 %. Соотношение длительности пауз в рассказе-«пластинке» и спонтанном нарративе можно видеть на рисунке (рис. 1).

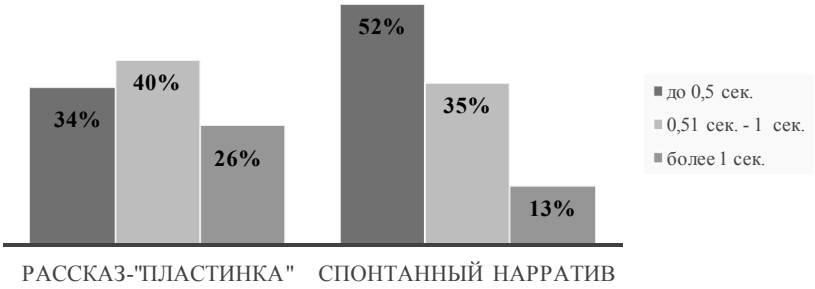

Рис. 1. Соотношение длительности пауз в рассказе-«пластинке» и спонтанном нарративе

Как видим, паузы средней длины в рассказе-«пластинке» и спонтанном рассказе встречаются с примерно одинаковой частотностью, однако количество коротких и долгих пауз значимо отличается. В данном случае в рассказе-«пластинке» в 1,5 раза меньше коротких пауз и в 2 раза больше долгих пауз.

Далее в качестве примеров представлены записи речи, в которых фиксируется вербальная часть речевой партии говорящего, оформленная в соответствии с традиционной орфографией, а также маркируются отдельные явления, характерные для устной речи, в частности, паузы различного типа, обрывы слов и конструкций. Абсолютные паузы обозначаются следующим образом: (0,33), где числовое значение указывает на длительность паузы в секундах. Заполненные паузы фиксируются с использованием символов, отсылающих к типу вокализации, реализуемому в рамках заполненной паузы, например, условное обозначение (э 0,46) сигнализирует о том, что в речи говорящего встречается пауза, заполненная эканьем, которое длится 0,46 сек. Обрыв слова или конструкции обозначается знаком =, который располагается после записи вокализованной части оборванного сегмента, например: *желез*=. Выделение жирным используется для того, чтобы обратить внимание читателя на отдельные явления в структуре дискурса, находящиеся в сфере нашего внимания

CC BY

при анализе того или иного примера. При необходимости сопоставления двух явлений (например, пограничных пауз и пауз хезитации; лексики, свойственной официально-деловому стилю, и лексики, свойственной публицистическому стилю) в рамках высказывания один из маркеров этого явления выделяется в примере полужирным, другой — подчеркиванием.

В спонтанном нарративе короткие паузы чаще всего встречаются внутри элементарной дискурсивной единицы (далее ЭДЕ) (см. примеры 1, 2), то есть могут также восприниматься как маркеры хезитации, так как «внутри ЭДЕ о хезитации свидетельствуют любые типы пауз» [Кибрик и др., 2009, с. 68], как заполненные, так и абсолютные:

(1) *(0,55) у нас ведь* ***(0,40)*** *двадцать шесть тысяч* ***(э 0,44)*** *частных домиков в Иркутске (0,51)*;

(2) *одно* ***(0,40)*** *все это привозное (0,20) а запрети* ***(0,17)*** *ввоз (0,17) и нас* ***(0,48)*** *ограничат этим (0,31) у нас ничего своего выпускать нет (0,76)*.

Долгие паузы в спонтанном нарративе также свидетельствуют о хезитациях (см. примеры 3, 4):

(3) *(0,33) вот такие дома (0,27) подобрать (0,64) и непосредственно* ***(1,63)*** *их (0,83) заказать*;

(4) *(1,78) завод* ***(1,78)*** *непосредственно* ***(2,16)*** *Куйбышева* ***(1,63)*** *такие драги строил (0,38)*.

В рассказе-«пластинке» долгие паузы функционально нагружены: говорящий использует их либо для того, чтобы сигнализировать о завершении только что вербализованного отрезка дискурса и начале следующего (ср. длительность пауз на границах ЭДЕ в примере 2 (0,2; 0,31; 0,76) и примере 5 (0,82; 2,71)), либо для того, чтобы выделить некоторый фрагмент дискурса. Так, в примере 6 паузами отделяются фрагменты дискурса, в которых сообщается о начале войны, о прибытии дивизии 3-его июля в район Смоленска. Очевидно, что говорящий с помощью долгих пауз выделяет ключевые для него фрагменты дискурса:

(5) *получил звание лейтенанта (0,82) и был направлен в воинскую часть в город Барнаул в сто тридцть (0,54) (э 0,47) в сто седьмую дивизию (0,11) шестьсот тридцатый стрелковый полк* ***(2,71)*** *там (0,39) прослужил (0,34) затем меня как (0,75) перспективного командира направили в = (0,86) на курсы «Выстрел» (0,20)*;

(6) *война началась* ***(1,27)*** *двадцать второго (0,78) двадцать пятого мы (0,91) своей дивизией погрузились в эшелоны* ***(2,08)*** *и* ***(1,10)*** *третьего июля прибыли в район города Смоленск* ***(1,54)*** *но за Смоленск уже шли ожесточенные бои* ***(1,38)***.

Отметим, что в рассказе-«пластинке» часто встречаются фрагменты, которые на слух воспринимаются как диктовка, вследствие того что средними

CC BY

и долгими паузами отделяются друг от друга сравнительно короткие речевые отрезки. Как утверждают исследователи, «70 % текста покрывается интонационными фразами (ИФ) длиной от 2 до 6 полнозначных слов» [Кривнова и др., 2016, с. 17], тогда как в рассматриваемом ниже фрагменте паузами отделены такие однословные фрагменты, как *немец, не мог, овладеть*.

(7) *но так как (0,55) немец (1,68) сорок шестым мотострелковым корпусом (0,53) не мог (1,21) овладеть (0,42) городом Смоленском (0,30) прорыв сделал южнее и захватил город Ельня (2,58)*

Отдельного внимания заслуживают эмфатические паузы, оформляющие местоимение *мы* в рассказе-«пластинке».

(8) *двадцать пятого* ***мы (0,91)*** *своей дивизией погрузились в эшелоны (2,08) и (1,10) третьего июля (0,27) прибыли в район города Смоленск*;

(9) *и впервые (0,84) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,43)* ***мы (1,02)*** *перешли в контрнаступление*;

(10) ***мы (0,46)*** *освободили Ельню (0,96) и продвигаться дальше*;

(11) *и вот по одному из сигналов (0,34) в два часа ночи* ***мы (1,19)*** *сделали налет*;

(12) *тем самым* ***мы (0,52)*** *уверенно (0,78) забрасывали (0,61) дома гранатами*;

(13) *а* ***нас (0,23)*** *четыре человека (0,16) наградили Орденами (0,78) Красного Боевого Знамени*.

Как можно заметить, практически все паузы характеризуются средней (или близкой к средней) длиной. Короткую паузу можно наблюдать в последнем примере, в котором использована форма косвенного падежа рассматриваемого местоимения. Представляется, что употребление эмфатических пауз здесь можно связать с семантическими свойствами местоимения *мы*.

Семантика личного местоимения *мы* изучена в лингвистике довольно подробно. В самом общем смысле это местоимение указывает на совокупность лиц, включающую в себя автора, а также группу, с которой автор высказывания себя отождествляет. Указывая на группу лиц, включающую в себя говорящего, местоимение *мы* реализует, в частности, значения ‘я + ты’, ‘я + вы’, ‘я + они’ [Норман, 2002].

По утверждению некоторых исследователей, местоимение *мы* выступает в двух типах употребления: референтном и нереферентном. Первый тип употребления характеризуется дейктической функцией, то есть местоимение *мы* указывает на определенное множество объектов, включая говорящего, а второй — скорее номинативной. В таком случае местоимение *мы* называет неопределенное множество объектов, целый коллектив [Гранева, 2008]. Можно предположить, что употребление в рассказе-«пластинке»

CC BY

мы, выделенного с помощью паузы и получившего эмоциональную окраску, приближается к нереферентному, так как говорящий сообщает о значимых исторических событиях, являющихся фактами коллективной памяти, и скорее называет общность героев-солдат, чем указывает на кого-то конкретного. Исключением может являться последний пример, в котором *мы* относится к конкретным лицам, а формально находится в позиции объекта и отделяется короткой паузой.

Просодическое оформление местоимения *мы*, таким образом, согласуется с военной тематикой рассказа-«пластинки», который содержит, наряду с личными переживаниями, общеизвестные, значимые факты. Эмфатическая пауза в данном случае усиливает идею коллективности, выражаемую местоимением *мы*, и помогает создать героический образ солдат как единой силы, способной сопротивляться врагу.

Примечательно, что в спонтанном нарративе эмфатическая пауза после местоимения *мы* тоже встречается:

(14) *но* ***мы (0,72)*** *наш (0,93) строительный (0,72) строительная индустрия поможет этому (0,19) делу и мы в ближайшее время ну десять-пятнадцать лет пройдет (0,70) Иркутск будет неузнаваемый*.

В этом фрагменте *мы* выделяется с помощью паузы средней продолжительности, и по своим свойствам оно сходно с теми случаями, которые наблюдаются в рассказе-«пластинке». Как кажется, субъект речи хотел выразить эксплуатируемую им ранее идею коллективности, при этом коллектив остается неопределенным (*строительная индустрия*), а употребление *мы* можно отнести к нереферентным. Однако этот пример является единственным в спонтанном нарративе, что может свидетельствовать о слабой выраженности в нем идеи коллективности. Отметим, что почти полное отсутствие употреблений такого типа может быть обусловлено и тематикой текста.

Любопытно, что выделение паузами довольно малых сегментов речи чередуется в рассказе-пластинке с полным отсутствием пауз на довольно продолжительных отрезках дискурса.

(15) *а я вот впервые (0,58) в декабре сорок первого года получил Орден (0,81) Боевого Красного Знамени (2,21)* ***ну и потом несколько раз тоже ходили в тыл выполняли задания в газетах это у меня вот сохранились если хочите я вам покажу потом газету*** *(1,04)*.

Как видим, после двух эмфатических пауз средней длины и долгой паузы, обозначающей границу между двумя фрагментами дискурса, следует фрагмент из 25 словоформ (49 слогов).

Кроме того, для рассказа-«пластинки» характерно употребление сложных в синтаксическом отношении конструкций, произносимых как сплошной текст, без единой паузы:

CC BY

(16) *закончил обратно же в эту часть пришел был командиром стрелковой роты*;

(17) *мы переходили линию фронта у меня пять взводов было*;

(18) *вот нам дали отдыхать и вот в это время меня сфотографировали в газету*;

(19) *а они говорят а о себе почему не рассказываете я говорю обо мне расскажут тогда когда меня может быть не будет*.

С точки зрения традиционного синтаксиса все приведенные выше отрезки являются полипредикативными конструкциями, включающими в себя несколько пропозиций, каждая из которых могла бы быть самостоятельной ЭДЕ, выделенной паузами.

Таким образом, анализ фонетических особенностей сопоставляемых фрагментов показывает, что многократно воспроизводимый нарратив содержит небольшое число просодических маркеров хезитации и довольно много функционально нагруженных пауз, в том числе тех, которые усиливают важную для говорящего идею коллективности. Кроме того, для рассказа-«пластинки» характерно непрерывное произнесение больших отрезков речи, состоящих из нескольких ЭДЕ. Спонтанный нарратив, наоборот, содержит значительное количество пауз хезитации и практически не обнаруживает в себе пауз с функциональной нагрузкой. Из сказанного следует, что говорящий в рассказе-«пластинке» регулярно использует рассматриваемые фонетические средства осознанно, для акцентирования внимания слушающего на фрагментах дискурса, обладающих особой важностью, в то время как в неподготовленном нарративе анализируемые просодические средства зачастую являются сигналами речевых сбоев.

3.2. «Пластинка» vs спонтанный нарратив в свете анализа лексических особенностей

Обратимся к рассмотрению явлений лексического уровня. Рассказу-«пластинке» свойственна книжная лексика, характерная как для официально-делового (выделено полужирным), так и для художественного и публицистического стилей (выделено подчёркиванием). См. примеры:

(20) *в сороковом году в феврале я его закончил (1,05)* ***получил звание лейтенанта*** *(0,82) и был направлен* ***в воинскую часть*** *в город Барнаул в сто тридцать (0,54) (э 0,48) в сто седьмую дивизию (0,11) шестьсот тридцатый* ***стрелковый полк***;

(21) *я там закончил эти курсы «Выстрел» (0,83) это если расшифровать (0,72)* ***высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования начальствующего состава***;

(22) *а затем меня перебросили на северо-западный фронт (2,05)* ***там по указанию (1,40) начальника штаба фронта (0,51) генерал-лейтенан-***

CC BY

та Ватутина Николая Федоровича *(1,13)* ***мне было предложено сформировать (0,43) диверсионно-истребительный отряд (0,97) в количестве (0,50) ста тридцати пяти человек***;

(23) *через линию фронта мы уходили на пятьдесят восемьдесят километров в тыл (1,00)* ***организовывали диверсионные (1,52) мероприятия*** *взрывали эшелоны (0,38) подминировали желез = дорогу (0,93) и (0,79)* ***организовывали (0,55) нападения на отдыхающие и формирующие воинские подразделения*** *которые* ***находились на формировании в*** *глубоком тылу (1,61)*;

(24) *я рассказываю (0,85) о тех (1,22) рассказываю (0,36) своих товарищах которых нет среди нас (0,44) которые отдали свою жизнь за нашу (0,33) Родину за нашу (0,86) советский народ (1,30) (э 0,39) (0,14) отдали свое самое дорогое жизнь вот о них (0,34) о их героизме о их подвиге (0,29) мы должны всегда помнить (0,20) и рассказывать (0,33) из поколения в поколение*.

В некоторых случаях официально-деловая лексика используется исключительно для называния некоторых объектов или ситуаций (*получил звание лейтенанта, воинскую часть, стрелковый полк, высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования начальствующего состава* и т. д.), однако, как представляется, чаще говорящий употребляет подобную лексику для создания эффекта официального публичного сообщения (*по указанию начальника штаба фронта, организовывали диверсионные мероприятия, находились на формировании в глубоком тылу*), так как именно такой способ репрезентации воспоминаний, по его мнению, соответствует значимости описываемых событий для социума.

Вместе с тем для данного фрагмента характерно активное использование экспрессивно окрашенной книжной лексики (*отдали свою жизнь за нашу Родину, советский народ, отдали свое самое дорогое, о их героизме, их подвиге, их поколения в поколение* и т. д.), типичной для публичных выступлений, посвящённых теме Великой Отечественной войны.

При этом анализируемый фрагмент рассказа-«пластинки» практически не содержит знаменательной разговорной лексики (о дискурсивных словах см. ниже).

Все перечисленные выше характеристики, как представляется, обусловлены уже названным выше фактором: репрезентация закреплённых в коллективной памяти представлений о Великой Отечественной войне как о сакральном событии требует от субъекта использования только высокой и официальной лексики. Такая форма нарратива, как рассказ-«пластинка», позволяет проявиться данной черте наиболее ярко: при многократном воспроизводстве в таком тексте складывается «стандарт» использования лексических средств.

CC BY

Рассмотрим ещё одну важную особенность используемой в рассказе-«пластинке» лексики — специфические способы номинации группы деятелей, избираемые субъектом речи. Интерес представляют номинации группы, в которую говорящий включает себя: он может использовать как ожидаемые в таком случае личные местоимения (*мы освободили Ельню*, *через линию фронта мы уходили на пятьдесят-восемьдесят километров в тыл*), так и нарицательные существительные, создающие впечатление «взгляда со стороны» (см. пример 25):

(25) *По указанию Иосифа Виссарионовича Сталина (0,54) Жукову было приказано (1,81) сибирскими дивизиями (0,72) ликвидировать этот выступ, который немцы захватили город Ельня и вклинились в нашу оборону (0,51) вот мы здесь (0,64) сибиряки (0,66) и впервые (0,78) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,46) мы (0,90) перешли в контрнаступление (0,98) немцы (0,20) не выдержав (0,39) натиска* ***сибиряков*** *(0,93) оставляя на поле боя убитых и раненых начали отходить*.

Перейдём к рассмотрению фрагмента, представляющего собой неподготовленный монолог. Значимо, что в нём также используется книжная лексика, однако таких единиц в данном фрагменте гораздо меньше (*строительные* ***организации***, ***ликвидировали*** *обувные фабрики*): если в рассказе-«пластинке» подобные элементы составляют 22 % от общего числа лексем, то в неподготовленном нарративе доля книжной лексики — 6 %. Вместе с тем анализируемый нарратив содержит большее количество разговорной лексики:

(26) *А щас ведь однокомнатные (0,64)* ***квартирка*** *стоит миллион рублей* ***где*** *рабочему можно купить когда он получает две тыщи три тыщи рублей* ***где*** *он может купить одну*;

(27) *Вот построили ему за ГЭС там* ***особнячок*** *этот всё (0,37) и он в нем так и жил (0,39) никуда ничего*;

(28) *Ну (эв 0,66) (0,26) здесь (0,91) должны подходить (э 0,15) дифференцированно к этим домам (0,69) потому что в центре города есть такие* ***развалюшки*** *которые не пос = не подлежат восстановлению*.

Интересен пример (28), в котором в ближайшем контексте говорящий использует разговорные (*развалюшки*) и книжные слова (*дифференцированно*, *не подлежат восстановлению*): подобное контрастное сочетание стилистически разнородных средств характерно для разговорной речи: «…в текстах разговорной речи встречаются самые разнообразные в тематическом и стилистическом отношении группы лексики» [Земская, 1979, с. 28].

Кроме того, в анализируемом фрагменте частотны случаи неточного словоупотребления, также характерного для разговорной речи. Особенно показательно в данном случае использование слова *непосредственно*

CC BY

(см. примеры 29—31). Подобные употребления отсутствуют в рассказе-«пластинке».

(29) *(1,78) завод (1,78) непосредственно (2,16) Куйбышева (1,63) такие драги строил (0,38) для Дальнего Востока и-и и-и других государств*;

(30) *Вот это вот я я считаю что (эш 0,90) (0,69) промышленность (0,82) и непосредственно надо создавать у себя*;

(31) *...но надо (0,56) выбрать (0,33) те дома (0,56) которые непосредственно построены еще (0,22) сто лет тому назад.*

В кругу лексических средств, представляющих интерес в рамках сопоставительного анализа рассказа-«пластинки» и неподготовленного повествования, рассматриваются также дискурсивные маркеры — незнаменательные единицы, регулирующие «дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Кибрик и др., 2009, с. 146] (см. также [Дараган, 2003; Кобозева, 2007]). В нарративе-«пластинке» используются маркеры *вот* (15 употреблений) и *ну* (2 употребления). Остановимся подробнее на функциях маркера *вот*.

(32) ***Вот*** *мы здесь (0,64) сибиряки (0,66) и впервые (0,78) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,46) мы (0,90) перешли в контрнаступление*;

(33) *Житель (0,23) местный этой деревни (0,66) когда мы остановились в лесу он к нам подошел и говорит о том что в этой деревне (1,34) наших (0,26) местных жителей никого не осталось (1,27) немцы заняли а мы все ушли и мы (0,21)* ***вот*** *местные жители находимся* ***вот*** *в лесу (0,14)* ***вот*** *в таком-то месте расположены* ***вот*** *вся (0,25) все местные жители кто что мог унести (0,40)* ***вот*** *там и и находятся.*

Основными функциями *вот* в анализируемом фрагменте являются акцентирующая (см. примеры выше; всего 9 употреблений) и финальная: говорящий, используя маркер *вот* в акцентирующей функции, стремится выделить какой-либо фрагмент своего повествования; используя *вот* в финальной функции — маркировать завершение фрагмента дискурса. Значимым представляется тот факт, что большинство акцентирующих употреблений *вот* (5 из 8) используются говорящим при передаче чужой речи (см. пример 33).

В отрывке интервью, представляющем собой спонтанный рассказ, используются дискурсивные маркеры *вот* (21 употребление), *ну* (2 употребления), *там* (5 употреблений), *вон* (1 употребление). Обращает на себя внимание не только большее разнообразие дискурсивных маркеров, но и изменение наиболее частотной функции *вот*: в анализируемом фрагменте наиболее частотной функцией является маркирование анафорической связи (10 употреблений). С помощью подобных употреблений *вот* говорящий указывает на кореферентность языковых выражений. См. пример (34).

CC BY

(34) *Потому что в центре города есть такие развалюшки которые не пос = не подлежат восстановлению (0,36)* ***вот*** *их (0,43) надо заменять.*

Большое количество подобных употреблений в спонтанном монологе и меньшее их количество (4 употребления) в нарративе-«пластинке» позволяет предположить, что в случае спонтанного рассказа говорящий испытывает дополнительную потребность в маркировании связей между элементами дискурса, тогда как в рассказе-«пластинке» подобное подчёркивание анафорических элементов не требуется, так как внутритекстовые связи уже были выстроены и многократно воспроизводились. Безусловно, данное предположение требует проверки на более объёмном и разнообразном материале.

Интересны и дискурсивные употребления *там*: в обнаруженных примерах данная единица выполняет функцию маркера несущественной детали, указывая на то, что информация не является важной для повествования, в некоторых случаях подобные употребления имеют пейоративный оттенок (см. подробнее [Пеньковский, 2004; Шмелёв, 2007]):

(35) *Чтоб построить* ***какой-то*** *(0,34)* ***дворец там отдельные особняки там*** *сделать всё.*

Следовательно, говорящий с помощью данного дискурсивного средства выражает субъективную оценку излагаемой информации. Подобные дискурсивные средства выражения оценки отсутствуют в нарративе-«пластинке», и это позволяет предположить, что в сопоставляемых типах текстов используются различные средства выражения оценки: характерные для кодифицированного литературного языка — в нарративе-«пластинке» и свойственные разговорной речи — в неподготовленном рассказе.

Таким образом, проведённый анализ позволил увидеть значительные различия в использовании лексических средств в рассматриваемых фрагментах: неподготовленный, спонтанный рассказ субъекта речи в большом количестве содержит лексические элементы, типичные для РР (в том числе и дискурсивные маркеры) и нехарактерные для официальных выступлений, тогда как для нарратива-«пластинки», наоборот, характерна высокая, книжная лексика и нетипичны разговорные элементы.

3.3 «Пластинка» vs спонтанный нарратив в свете анализа грамматических особенностей

Рассмотрим грамматические явления, характерные для нарратива-«пластинки» и спонтанного рассказа. Прежде всего обращает на себя внимание грамматическая стройность, свойственная рассказу-«пластинке»:

(36) *По указанию Иосифа Виссарионовича Сталина (0,54) Жукову было приказано (1,81) сибирскими дивизиями (0,72) ликвидировать этот выступ который немцы захватили город Ельня и вклинились в нашу*

оборону (0,51) вот мы здесь (0,64) сибиряки (0,66) и впервые (0,78) в июле сорок первого года когда армия отходила (0,46) мы (0,90) перешли в контрнаступление (0,98) немцы (0,20) не выдержав (0,39) натиска сибиряков (0,93) оставляя на поле боя убитых и раненых начали отходить.

Подобная морфологическая и синтаксическая правильность создаёт сильный контраст с многочисленными грамматическими нарушениями в построении высказываний за пределами нарратива-«пластинки». См. примеры:

(37) *а есть такие дома (0,94) резьба полностью на= на= на доме на (э 0,43) ш= ставни вырезаны все остальное цвета такие которые (0,33) вот такие дома (0,27) подобрать (0,64) и непосредственно (1,63) их (0,83) заказать о том что они являются памятниками для того чтобы их не трогать а чтобы их (0,47) поддерживать*.

Одним из языковых средств, активно используемых говорящим в рассказе-«пластинке», являются отглагольные существительные (в особенности на *-ние*).

(38) *...и* [мы. — *А.Р.*] *организовывали (0,55)* ***нападения*** *на отдыхающие и формирующие воинские подразделения которые находились на* ***формировании*** *в глубоком тылу*;

(39) *мы (0,90) перешли в* ***контрнаступление.***

Значимы различия в количестве употреблений отглагольных существительных в двух анализируемых фрагментах: в нарративе-«пластинке» их 38, в тексте, представляющем собой неподготовленный рассказ, — 12. В рассказе-«пластинке» большинство используемых отглагольных существительных выступают в качестве элемента составного сказуемого, тогда как в неподготовленном рассказе отглагольные существительные в большинстве случаев выполняют роль подлежащего (*дак у нас было с= (0,08) своё (0,63) личное (0,36)* ***производство***). Частотное употребление отглагольных существительных, в особенности в качестве элемента составного именного сказуемого, характерно прежде всего для официальной тональности.

Остановимся ещё на одном грамматическом средстве, характерном для рассказа-«пластинки», — конструкциях с краткими страдательными причастиями (фрагмент объёмом 840 слов содержит 8 таких конструкций, см. примеры 40—43). Следует отметить, что в неподготовленном рассказе подобные конструкции также частотны: в нём обнаружено 6 страдательных причастий (примеры 44—45).

(40) *в сороковом году в феврале я его закончил (1,05) получил звание лейтенанта (0,82) и* ***был направлен*** *в воинскую часть в город Барнаул*;

CC BY

(41) *Мне **было предложено** сформировать (0,43) диверсионно-истребительный отряд (0,97) в количестве (0,50) ста тридцати пяти человек*;

(42) *Всего **было уничтожено** в этой деревне четыреста пятьдесят человек (0,80) немцев*;

(43) *по указанию Иосифа Виссарионовича Сталина (0,54) Жукову **было приказано** (1,81) сибирскими дивизиями (0,72) ликвидировать этот выступ*;

(44) *Там за каких-то пятнадцать-двадцать лет может быть (1,35) в Иркутске **построено** восемь микрорайонов (0,57) жилья только*;

(45) *Но надо (0,56) выбрать (0,33) те дома (0,56) которые непосредственно **построены** еще (0,22) сто лет тому назад.*

Как известно, конструкции страдательного залога как средство преобразования исходной синтаксической структуры позволяют изменить коммуникативный ранг участника ситуации, переместить фокус внимания с исходного подлежащего на исходное дополнение (см. [Вежбицкая, 1996], [Плунгян, 2011]). В приведённых примерах такое преобразование вызвано различными причинами: так, в контекстах 40, 41 (рассказ-«пластинка») и 44, 45 (неподготовленный монолог) использование страдательных причастий, как представляется, обусловлено прежде всего тем, что говорящий не знает, кто именно осуществлял определённое действие, или не считает необходимым называть его при описании событий. Использование пассивного залога в таком случае является одним из наиболее естественных способов описания ситуации: говорящий выбирает между неопределённо-личным предложением (ср. тождественные по смыслу конструкции: *меня направили в воинскую часть*, *в Иркутске построили 8 микрорайонов жилья* и т.д.) и страдательной конструкцией. Другие способы представления событий выглядят менее естественными, ср.: *NN направил меня в воинскую часть*, *NN построил 8 микрорайонов жилья*.

Однако в примерах 42 и 43 деятель известен говорящему: в примере 42 сам субъект речи был в составе группы, уничтожавшей немцев; в примере 43 субъект назван с помощью конструкции с предлогом *по* (*по указанию Иосифа Виссарионовича Сталина*). Последний пример заслуживает особого внимания, так как говорящий в данном случае «ранжирует» деятелей: центральную позицию занимает отдающий приказ И. В. Сталин, позицию объекта в страдательной конструкции — Г. К. Жуков. Реальные же исполнители приказа — *сибирские дивизии* — оказываются на периферии высказывания, выполняя в предложении синтаксическую функцию косвенного дополнения. Значимо, что словосочетание *сибирские дивизии* стоит в форме творительного падежа: деятель в данном случае представлен как инструмент, средство, с помощью которого выполняется приказ. Таким образом, наиболее высоким коммуникативным рангом обладает субъект,

CC BY

отдающий приказ, наиболее низким — исполнители этого приказа. Примеры подобного типа не встречаются за пределами рассказа-«пластинки».

По всей видимости, подобная семантико-синтаксическая организация конструкций в примерах 42 и 43 связана с особенностями концептуализации событий, описываемых в рамках нарратива-«пластинки»: в коллективно значимом подвиге важность действий отдельных лиц-исполнителей (в том числе и говорящего) снижается, нивелируется.

Обращает на себя внимание также использование деепричастных оборотов в нарративе-«пластинке» (*немцы, **не выдержав натиска сибиряков, оставляя на поле боя убитых, раненых**, начали отходить*); подобные конструкции отсутствуют в неподготовленном рассказе. Использование данного грамматического средства является приметой официальной (и прежде всего письменной) речи, так как, отмечает Е. А. Земская, «деепричастия как форма глагола чужды разговорной речи» [Земская, 1979, с. 85].

Таким образом, для рассказа-«пластинки», посвященного теме Великой Отечественной войны, характерны не только лексические, но и грамматические средства, типичные для официальной, письменной речи. При этом роль данных языковых элементов не сводится к созданию официальной тональности: они позволяют автору представить свои личные воспоминания как коллективно значимые события, не каузированные им самим или другими.

4. Заключение = Conclusions

Обобщая результаты проведённого анализа, отметим, что сопоставление рассказа-«пластинки», посвящённого теме Великой Отечественной войны, с неподготовленным повествованием позволило выявить значимые различия между двумя типами нарративов на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Для рассказа-«пластинки» характерна просодическая и грамматическая стройность: почти полное отсутствие пауз хезитации и сбоев при построении сложных грамматических конструкций, например, деепричастных оборотов. Это может свидетельствовать о том, что когнитивные операции осуществляются в соответствии с уже имеющейся в сознании говорящего схемой, сформированной в процессе неоднократного воспроизведения этого фрагмента дискурса. В рассказе-«пластинке» присутствует эмфатическая нагруженность, обеспечиваемая использованием, во-первых, долгих пауз, сигнализирующих об особой выделенности некоторого фрагмента дискурса, во-вторых, экспрессивно окрашенной книжной лексики. Всё это позволяет говорящему придать личным впечатлениям черты коллективно значимого воспоминания: война

CC BY

представлена как сакральное событие, повествование о котором требует высокой и официальной лексики, в рамках которого значимым является коллектив, а роль индивидуальности нивелируется.

Подобные характеристики резко контрастируют с особенностями повествования, посвящённого более поздним событиям: в этом случае говорящий активно использует разговорную лексику и сочетает в одном контексте стилистически разнородные средства и дискурсивные маркеры, что является типичным для неподготовленной речи. В спонтанном нарративе наблюдаются многочисленные речевые сбои, проявляющиеся в большом количестве заполненных и незаполненных пауз хезитации, в обрывах слов и грамматических нарушениях, что может свидетельствовать о сложности осуществления когнитивных операций, связанных с вербализацией впервые конструируируемого дискурса. Это позволяет заключить, что обозначенные выше характеристики нарратива-«пластинки» не присущи речи говорящего «по умолчанию», а специфичны именно для определённого типа повествования.

Безусловно, исследование и описание различных особенностей рассказа-«пластинки» не может ограничиться предложенным анализом: необходимо сопоставление нарративов такого типа, производимых (точнее — воспроизводимых) разными говорящими, выявление характеристик разных типов рассказов-«пластинок», оценка степени проявления индивидуальности в нарративах-«пластинках» и т. д.

Литература

1. *Букринская И. А.* Рассказ-пластинка в диалектном социуме / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : тезисы докладов Международной конференции, 30 октября — 01 ноября 2015 г. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2015. — С. 25—27.

2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с.

3. *Гранева И. Ю.* О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2008. — Выпуск 4. — С. 206—210.

4. *Гудков Л. А.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян» [Электронный ресурс] / Л. А. Гудков // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html (дата обращения: 20.10.21).

5. *Дараган Ю. В.* Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства [Электронный ресурс] / Ю. В. Дараган // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2003». — Режим доступа : http://www.dialog-21.ru/media /2618 /daragan.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

6. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. — Москва : Русский язык, 1979. — 240 с.

7. *Кибрик А. А.* На пути к естественной грамматике русского языка / А. А. Кибрик // Русская грамматика 4.0 : сборник тезисов Международного научного симпозиума. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 36—40.

8. *Китайгородская М. В.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. —395 с.

9. *Китайгородская М. В.* Русский речевой портрет: фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва, 1995. — 127 с.

10. *Кобозева И. М.* Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) / И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2007». — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2007. — С. 250—255.

11. *Колышева О. Н.* Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») / О. Н. Колышева // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11., №. 2. — С. 398—411. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411.

12. *Кривнова О. Ф.* Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, Е. В. Моисеева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2016. — № 4 — С. 733.

13. *Кринко Е. Ф.* Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе / Е. Ф. Кринко // Новое прошлое. — 2020. — № 4. — С. 8—24. — DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-8-24.

14. *Летняков Д. Э.* Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти / Д. Э. Летняков // Дискурс-Пи. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 61—76. — DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_612021.

15. *Лицарева А. Ф.* Фольклорные мотивы и сюжеты в устных нарративах о «священной войне» [Электронный ресурс] / А. Ф. Лицарова // Studia Humanitatis. — 2021. — № 2. — Режим доступа: http://st-hum.ru/content/licareva-af-folklornye-motivy-i-syuzhety-v-ustnyh-narrativah-o-svyashchennoy-voyne (дата обращения: 20.10.21).

16. *Норман Б. Ю.* Русское местоимение мы: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian Linguistics. — 2002. — Vol. 26, № 2. — P. 217—234.

17. *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Очерки по русской семантике. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 13—50.

18. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. — 669 с.

19. *Рассказы* о сновидениях : корпусное исследование устного русского / под редакцией А. А. Кибрика; В. И. Подлесской. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 736 с. — ISBN 978-5-9551-0303-7.

20. *Ханипова И. И.* Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории / И. И. Ханипова // Историческая этнология. — 2021. — Т. 6, № 1. — С. 43—64. — DOI: 10.22378/he.2021-6-1.43-64.

21. *Шмелёв А. Д.* Частица «там» как маркер несущественной детали / А. Д. Шмелев // Язык как материя смысла : сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 2007. — С. 208—215.

References

Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2015). A story-plate in dialect society. In: *Actual problems of Russian dialectology. To the 100th anniversary of the publication of the Dialectological Map of the Russian in Europe: Abstracts of the International Conference, October 30 — November 01, 2015*. Moscow: V. V. Vinogradov's Institute of the Russian. 25—27. (In Russ.).

Daragan, Yu. V. Parasitism or symbiosis: a mechanism for overcoming communication failures and verbal means serving it. In: *Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference Dialog 2003*. Available at: http: www.dialog-21.ru/media/2618/daragan.pdf (accessed: 21.10.2021). (In Russ.).

Graneva, I. Yu. (2008). On the referent and non-referential use of the pronoun we. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky. Series: Philology, 4:* 206—210. (In Russ.).

Gudkov, L. A. (2005). "Memory" about the war and the mass identity of Russians". *Emergency reserve, 2.* Available at: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html (accessed: 10.20.21). (In Russ.).

Khanipova, I. I. (2021). The Great Patriotic War in the memory of the people: the potential of sources of personal origin and materials of oral history. *Historical ethnology, 6/1:* 43—64. DOI: 10.22378/he.2021-6-1.43-64. (In Russ.).

Kibrik, A. A. (2016). On the way to the natural grammar of the Russian language. In: *Russian Grammar 4.0: collection of abstracts of the International Scientific Symposium*. Moscow: State A. S. Pushkin's Institute of the Russian. 36—40. (In Russ.).

Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds). (2009). *Dream stories: a corpus study of oral Russian*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 736 p. ISBN 978-5-9551-0303-7. (In Russ.).

Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). Russian speech portrait: phono-chrestomathy. Moscow. 127 p. (In Russ.).

Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1999.). *Speech of Muscovites: a communicative and cultural aspect*. Moscow: Institute of the Russian Language V. V. Vinogradova. 395 p. (In Russ.).

Kobozeva, I. M. (2007). Polysemy of discursive words and an attempt to resolve it in the context of a sentence (on the example of the word here). In: *Dialogue 2007.* Moscow: Russian State University for the Humanities. 250—255. (In Russ.).

Kolysheva, O. N. (2020). Narrative as a mnemonic text (based on the narratives of "children of war"). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 11/2:* 398—411. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411. (In Russ.).

Krinko, E. F. (2020). A man at war: what researchers write about him and what he tells about himself. *New past, 4:* 8—24. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-8-24. (In Russ.).

Krivnova, O. F., Knyazev, S. V., Moiseeva, E. V. (2016). Studies of the prosodic articulation of a sounding text on the material of the Russian language. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 4:* 733. (In Russ.).

Letnyakov, D. E. (2021). Contested Past: Towards a Substantiation of the Pluralistic Approach to Historical Memory. *Discourse-Pi, 18/2:* 61—76. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_612021. (In Russ.).

Litsareva, A. F. (2021). Folklore motifs and plots in oral narratives about the "holy war". *Studia Humanitatis, 2.* Available at: http://st-hum.ru/content/licareva-af-folklornye-motivy-i-syuzhety-v-ustnyh-narrativah-o-svyashchennoy-voyne (accessed: 20.10.21). (In Russ.).

Norman, B. Yu. (2002). Russian pronoun we: internal dramaturgy. *Russian Linguistics, 26/2:* 217—234. (In Russ.).

Penkovsky, A. B. (2004). On the semantic category of "alienness" in the Russian. In: *Essays on Russian semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 13—50. (In Russ.).

Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 669 p. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2007). Particle "there" as a marker of an insignificant detail. In: *Language as a matter of meaning.* Moscow: Azbukovnik. 208—215. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition. Moscow*: Russian dictionaries. 416 p. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (1979). *Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems.* Moscow: Russian. 240 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 28.04.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дзюба Е. В. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 69—98. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-69-98.

Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Category of Situationality in Narrative Model of Artistic and Legal Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 69-98. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-69-98. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-69-98

Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса

Дзюба Елена Вячеславовна [1]
orcid.org/0000-0002-3833-516X
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного
ev_dziuba@uspu.me

Рябова Ирина Юрьевна [2]
orcid.org/0000-0001-5904-8971
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи
i.y.ryabova_3012@mail.ru

[1] Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

[2] Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

Category of Situationality in Narrative Model of Artistic and Legal Discourse

Elena V. Dziuba [1]
orcid.org/0000-0002-3833-516X
Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language
ev_dziuba@uspu.me

Irina Yu. Ryabova [2]
orcid.org/0000-0001-5904-8971
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian, Foreign Languages and Culture of Speech
i.y.ryabova_3012@mail.ru

[1] Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

[2] Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia)

© Дзюба Е. В., Рябова И. Ю., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования в данной статье является специфика категории дискурсивной ситуативности, обусловившей проблематику романа Ч. Диккенса «Холодный дом» (1853). Цель статьи — построение типологии ситуативности (выделяется ситуативность прототипическая, интертекстуальная, интенциональная, когерентная) и выявление средств языковой репрезентации категории ситуативности в тексте, функционирующем в условиях взаимодействия двух дискурсов — правового и художественного. Языковые приемы, репрезентирующие различные типы ситуативности, делятся на текстовые (прием «задержания», перебивка повествовательных ракурсов, пролонгированный синтаксис и др.), лексико-семантические, включающие класс стилистических фигур речи (метафора, прецедентное имя, ономастическая аллюзия, сравнение, оксюморон, ирония, сарказм, эмотивный синтаксис и др.) и стилевые, отражающие включение элементов официально-делового стиля в художественную речь (отглагольные существительные, глагольно-именные сочетания и др.). Элементы официально-делового стиля речи находят выражение в речах персонажей при дознании, на выступлениях в суде, в деловой переписке героев романа, также они фрагментарно вплетаются в авторское повествование (выделяются при этом кавычками). В ходе исследования подчеркивается, что категория дискурсивной ситуативности проявляется на всех уровнях реализации нарративной модели художественно-правового дискурса.

Ключевые слова:
художественно-правовой дискурс; нарративная модель художественно-правового дискурса; прототекст; категория ситуативности; типы дискурсивной ситуативности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of research in this article is the specificity of the category of discursive situationality, which determined the problematics of the novel “Bleak House” by Ch. Dickens (1853). The purpose of the article is to build a typology of situationality (the situationality is prototypical, intertextual, intentional, coherent) and to identify the means of linguistic representation of the category of situationality in a text that functions in the conditions of interaction of two discourses — legal and artistic. Language techniques representing various types of situationality are divided into textual ones (“detention” technique, interruption of narrative angles, prolonged syntax, etc.), lexical-semantic ones, including a class of stylistic figures of speech (metaphor, precedent name, onomastic allusion, comparison, oxymoron, irony, sarcasm, emotive syntax, etc.) and style, reflecting the inclusion of elements of official business style in artistic speech (verbal nouns, verb-nominal combinations, etc.). Elements of the official business style of speech are expressed in the speeches of the characters during the interrogation, in court speeches, in the business correspondence of the heroes of the novel, and they are also fragmentarily woven into the author’s narrative (they are highlighted with quotation marks). The study emphasizes that the category of discursive situationality is manifested at all levels of the implementation of the narrative model of artistic and legal discourse.

Key words:
artistic and legal discourse; narrative model of artistic and legal discourse; prototext; category of situationality; types of discursive situationality.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42+821.111Dickens.07

Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса

© Дзюба Е. В., Рябова И. Ю., 2022

1. Введение

Концептуальная информация из юридической сферы, интегрированная в литературное произведение, порождает особый формат дискурса — художественно-правовой, который отличается специфичной формально-содержательной организацией и набором языковых приемов и средств репрезентации концептуально значимых для данного гетерогенного новообразования смыслов. Синергия языковых средств и концептов, возникающих на стыке двух дискурсов — юридического и художественного, — и обусловленность смыслового поля художественно-правового дискурса определенной исторической реальностью, воссозданной в литературном произведении, задают условия для анализа текста, функционирующего в данном типе дискурсе, как «генератора новых смыслов» и одновременно «конденсатора культурной памяти» [Лотман, 1996, с. 21].

Нарратив в исследовании рассматривается как социокультурная практика, тесно связанная с социально-политическим устройством общества и правовыми институтами, отражающими культурно-историческое наследие страны в романной прозе Англии. Как отмечает один из основателей нарратологии Ж. Женетт, «в качестве нарратива повествование существует благодаря связи с историей, которая в нем излагается…» [Женетт, 1972, с. 66]. Юридический сюжет в художественном произведении имеет цель вскрыть острые социальные проблемы и конфликты, присущие сфере правового регулирования в конкретную историческую эпоху. В основу произведения положены реальные судебные дела: выявляются негативные моменты реальных жизненных ситуаций, которые кажутся неразрешимыми в рамках существующей правовой системы. Автор художественного текста стремится привлечь внимание общественности к вопросам, требующим незамедлительных решений и структурных перемен в юридической сфере. Правовая тематика художественного произведения неизбежно влечет включение в ткань текста речей судей, высказывания героев при дознании, фрагментов деловой переписки с ярко выраженными чертами официально-делового стиля. Под *художественно-правовым дискурсом* в исследовании понимается такая дискурсивная практика, при которой неразрешимые в рамках замкнутой (юридической) сферы вопросы выносятся на широкое обсуждение в виде художественного

CC BY

текста правовой тематики с целью привлечения внимания к острым проблемам судопроизводства и стимулированию изменений правовой системы в стране. При этом взаимодействие дискурсов обнаруживается в виде включения элементов официально-делового стиля в художественный текст.

Одним из литературных произведений, функционирующих в художественно-правовом дискурсе, является роман Ч. Диккенса «Холодный дом», изданный в 1853 году. Описание событий разворачивается на фоне бесконечной судебной тяжбы «Джарндисы против Джарндисов», рассматриваемой Канцлерским судом и продолжающейся более 50 лет. Этот факт подчеркивается автором в предисловии к книге: «There is another well-known suit in Chancery, not yet decided, which was commenced before the close of the last century…» [Dickens, 2018, p. 6] / «В Канцлерском суде разбирается и другая знаменитая тяжба, все еще не решенная, а началась она в конце прошлого столетия…» [Диккенс, 1960, с. 6].

Бездействие чиновников, всеобщая путаница, несправедливость английского судопроизводства в лице Канцлерского суда становятся символами формализма и бюрократизма в стране. Судьба всех персонажей романа в той или иной степени связана с «этим зловреднейшим из старых грешников» (*most pestilent of hoary sinners* [Dickens, 2018, p. 9]) — Канцлерским судом. Следует отметить, что в романе фокус внимания обращен не только в сторону юридической, но также философской, психологической, культурологической сущности происходящего. По мнению А. М. Пыж, «мир художественного произведения — это не реальный мир и не его “фотографическая” копия, а модель, отражающая закономерности реального мира сложным и опосредованным способом…» [Пыж, 2015, с. 214]. Роман Ч. Диккенса вскрывает драматичный характер положения Канцлерского суда в обществе, отражает последствия его гибельного воздействия на людей, находящихся в зависимости от системы правосудия, транслирует идею о необходимости судебной реформы, которая впоследствии действительно была осуществлена в серии Парламентских актов, выходящих начиная с 1870-х годов.

Формально-содержательная организация текста, созданного на стыке двух дискурсов, рассматривается в работе с позиции ***нарративной модели художественно-правового дискурса*** как особой структуры литературного произведения, в основе которой лежит изображение реальных событий исторической эпохи. Данная модель обобщает компоненты смысловой, понятийной, лексико-семантической, синтаксической структуры текста и базируется на понятии прототекста. Вслед за Т. Е. Литвиненко, под прототекстом понимается не только текст-знак, а речемыслительный процесс, отражающий и «перерабатывающий» некоторую историческую реальность, особого рода «динамическое образование, которому, несомненно, прису-

CC BY

щи ситуативность, цельность, интенциональность, информативность (новые смыслы) и интертекстуальность, проявляющиеся при его порождении и восприятии» [Литвиненко, 2012, с. 146].

Исследование любой дискурсивной деятельности и ее результата (текста), как отмечает Е. С. Кубрякова, должно выходить за пределы языковых форм, ср.: «Хотя при текстовом анализе семантическое пространство можно замкнуть им самим, ограничивая наблюдения внутритекстовыми связями и работая внутри непосредственной данности текста, сегодня предпочитается дискурсивный анализ, при котором то же семантическое пространство рассматривается как связанное тысячью нитей с условиями его создания, целями и задачами…» [Кубрякова, 2001, с. 80]. Похожую точку зрения на дискурсивный характер текстопорождения высказывает М. Я. Дымарский, подчеркнувший, что художественный дискурс конкретной исторической эпохи маркирован «привязанностью к конкретному моменту физического времени — пространства, к “злобе дня”» [Дымарский, 1999, с. 62]. Романная проза переносит читателя в особую историческую эпоху, она несет реминисцентно-ретроспективный посыл, реализуя диалогические отношения между прошлым и настоящим. С этой точки зрения обусловленность художественной картины мира историческими фактами правовой действительности отражается в категории ситуативности художественно-правового дискурса.

Ситуативность художественно-правового дискурса — ключевая категория гетерогенного дискурсивного пространства, сформированного под влиянием исторической действительности, описание которой, подтвержденное в документальной форме, фиксирует конкретную коммуникативную ситуацию.

Ситуативность рассматривается здесь как категориальный феномен. Е. В. Дзюба отмечает, что «категории определяются совокупностью равноправных между собой составляющих — элементов категории, которым свойствен одинаковый набор характерных, типичных для категории признаков, позволяющих включать эти элементы в одну категорию» [Дзюба, 2018, с. 179]. В основу настоящего исследования положена гипотеза о том, что категория дискурсивной ситуативности объединяет различные ее типы — прототипическую ситуативность (историческую и индивидуализированную), интертекстуальную (документально-романную), интенциональную, когерентную — в рамках ситуации общения, которая может быть представлена в виде коммуникативной схемы: автор — читатель — текст — два языковых кода (правового дискурса и художественного текста) — условия коммуникативного взаимодействия.

Цель и задачи работы заключаются в выделении категории ситуативности художественно-правового дискурса, построении типологии ситуа-

CC BY

тивности и описании средств языковой репрезентации разных типов ситуативности в тексте, функционирующем на пересечении двух дискурсов. Предметом исследования является специфика категории дискурсивной ситуативности, обусловившей проблематику романа Ч. Диккенса «Холодный дом» об особенностях судопроизводства в Канцлерском суде Англии в первой половине XIX века.

Для достижения цели и решения поставленных задач применяются общенаучные методы (гипотетико-дедуктивный, сопоставительный, метод анализа и синтеза), а также лингвистические и лингвокогнитивные методы (когнитивно-таксономический, когнитивно-дискурсивный, методы концептуального, контекстуального и структурно-семантического анализа с привлечением более частных методик компонентного, дефиниционного и этимологического анализа).

Гипотетико-дедуктивный метод, лежащий в основе данного исследования, позволяет выдвинуть гипотезу о функционировании категории дискурсивной ситуативности в художественном тексте с юридической сюжетной линией и подтвердить рациональность выделения конкретных типов ситуативности с опорой на историческую реальность, нашедшую отражение в официальных документах правового института, предвосхитивших создание романа. Сравнительно-сопоставительный метод призван провести исследование и сравнение толкования исторических фактов в пределах нарративного дискурсивного пространства с учетом фактических данных официальных юридических документов и профессионального опыта писателя. Когнитивно-таксономический метод дает возможность выделить типы и виды дискурсивной ситуативности в рамках данной категории на основании признаков их гомогенности и гетерогенности. Когнитивно-дискурсивный метод нацелен на исследование художественно-правового дискурса как коммуникативного явления, созданного в процессе интеграции двух видов знания — из юридической сферы и области художественно-эстетического творчества — на основе аккумуляции знания об историческом событии и особенностей его интерпретации в романе. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы и дополнительные коннотации в смысловой структуре художественного текста, впоследствии интегрированные в концептуальное пространство «смешанного» формата дискурса. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств выражения сквозь призму синтагматических связей и во взаимосвязи с другими фрагментами текста. Структурно-семантический метод позволяет проследить изменения значений в слове посредством актуализации его этимологического компонента, выявления категориальных и дифференциальных сем, участвующих в формировании значения слова,

CC BY

а также выявить экспрессивно-эмоциональные и оценочные оттенки высказывания на основании его структурно-синтаксической организации.

Методология исследования, направленная на изучение категории дискурсивной ситуативности, позволяет обратиться к языку права — инструменту, используемому за рамками сугубо правового дискурса — и юридической концептосфере, выраженной в сюжетно-композиционной структуре романа, как к культурному коду, транслирующему знание о состоянии дел в Канцлерском суде Англии в первой половине XIX века.

2. Историческая реальность как первооснова романа Ч. Диккенса «Холодный дом»

Для изучения формально-содержательной организации нарратива, сформированного вокруг «прототекста» (первоочередного речемыслительного процесса, отражающего историческую реальность), в настоящей работе предлагается ***нарративная модель художественно-правового дискурса***, частично базирующаяся на методике А. Анкерсмита [Анкерсмит, 2003, с. 94]. Скорректированная для реализации концепции настоящего исследования данная модель обобщает элементы пяти уровней структурной и смысловой организации текста, созданного на стыке дискурсов: 1) поверхностная структура текста (событийный ряд, фактуальная информация); 2) «семантическое ядро» содержания; 3) детализация или генерализация описания ситуации; 4) грамматические средства выражения смысла; 5) прототекст.

Подобная структурно-семантическая матрица позволяет проследить бинарную природу смыслопорождения в художественно-правовом дискурсе: с одной стороны, сопоставить исторические факты с их толкованием в художественной картине мира, выявить новые смыслы и прагматические установки автора текста; с другой стороны, проследить интеграцию знания в единое пространство, акцентировать внимание на роли языка права и языковых средствах художественного текста в выражении правовой концептосферы, выявить признаки сосуществования и взаимодействия элементов разных стилей речи в одном пространстве для реализации имитационно-пародийной функции художественного текста — ярко и образно передать суть работы правоприменительного органа. Реальная коммуникативная ситуация, связанная с проблемами судебно-правовой системы, приводит к взаимовлиянию дискурсов (взаимодействие юристов и писателей, отражение дискурса права в литературном творчестве, привлечение литературы для решения проблем в области права и под.), что влечет создание текста как официального «представителя», результата такого взаимообогащающего процесса.

CC BY

Ключевой категорией, связывающей реальную историческую картину мира с ее художественно-образной обработкой в романе, становится ***категория дискурсивной ситуативности***, под которой понимается класс типов ситуативности в художественно-правовом дискурсе на основе общего категориального признака — включенности в первоочередной речемыслительный процесс, характеризующий историческую реальность.

Дискурсивное пространство романа Ч. Диккенса «Холодный дом» маркировано существованием трех разновременных отрезков: исторический период, повлекший описание в романе системы правосудия, сам процесс создания сочинения и эпоха рецепции современным читателем. Такого рода «разорванность» во времени и пространстве заставляет обратиться к актуальным для исторического периода данным — официальным документам, биографии автора — с целью систематизации и структурирования знания о предпосылках создания романа.

В предисловии к книге «Холодный дом» Ч. Диккенс подчеркивает свою главную цель — описать «то, что именно происходило» в Канцлерском суде: «I mention here that everything set forth in these pages concerning the Court of Chancery is substantially true, and within the truth» [Dickens, 2018, p. 5] / «… заявляю, что все написанное на этих страницах о Канцлерском суде — истинная правда и не грешит против правды» [Диккенс, 1960, с. 5]. Отметим, что скандальное положение дел в Канцлерском суде обусловлено конфликтогенной природой столкновения двух социальных групп — судебных чиновников и народа — в силу разнонаправленности их интересов. Как замечает В. И. Карасик, «такие столкновения … характеризуются высоким эмоциональным накалом, имеют типовое поливариантное строение и дают возможность охарактеризовать изменения приоритетов эпохи в их коммуникативном проявлении» [Карасик, 2020, с. 49].

В качестве официального документа, подтверждающего описанную в романе «художественную» картину мира, становится отчет Канцлерской Комиссии 1826 года, представляющий собой детализованное описание «проверки» корректного применения правовых норм в Канцлерском суде. Он включает 188 предложений (propositions) по улучшению работы Суда, которые, обладая парадоксальной природой, не несут кардинальных перемен: «… we humbly conceive, some improvement may safely be attempted, without infringing upon those principles, by which a court of Equity ought to be guided» [Chancery Commission, 1826, p. 37] / … как мы смиренно предполагаем, можно безопасно попытаться добиться некоторого улучшения, не нарушая тех принципов, которыми должен руководствоваться суд справедливости (здесь и далее перевод цитат наш. — *Е. Д., И. Р.*).

CC BY

Полувековое судебное разбирательство рассматривается Канцлерской Комиссией как норма, обусловленная жизненной ситуацией: «The term "Delay" has indeed been so frequently misapplied… it is material to observe, that a large portion of suits in Chancery embrace the administration of Trusts… the suit must last until such infants attain their ages of 21 years… may therefore happen, and **often does happen, that, in this sense, a Chancery suit will usefully endure for more than half a century**» [Chancery Commission, 1826, p. 14] / Термин «Задержка в работе» действительно так часто употреблялся неправильно… значительная часть судебных исков в Канцлерском суде касается управления трастами… иск должен длиться до тех пор, пока такие младенцы не достигнут возраста 21 года ... может поэтому случается, **и часто случается, что в этом смысле судебный иск с пользой продержится более полувека**.

П. Арчер не без иронии замечает следующее: «К началу XIX столетия тяжущийся, чтобы дожить до окончания своего процесса, начатого в Суде канцлера, должен был предварительно запастись здоровьем и достаточными средствами. Описания Диккенса очень злы, но они едва ли далеки от действительности…» [Арчер, 1959, p. 52—53].

Яркими примерами абсурдности правовой ситуации в отчете Канцлерской Комиссии становятся факт исполнения одним лицом (солиситором) обязанностей адвоката одновременно для обеих сторон — истца и ответчика — в судебном деле, упразднение одной выплаты судебным клеркам и одновременное введение новой (*a liberal fee upon the completion of all reports* / *щедрая плата за заполнение всех отчетов*), возложение ответственности за успешный исход судебного разбирательства на стороны процесса и адвокатов (*very much, after all, in suits, must depend upon the zeal and activity of agents, and not a little also upon the vigilance of parties themselves, in looking after their own interests* / *в конце концов, в судебных процессах очень многое должно зависеть от усердия и активности адвокатов, а также в немалой степени от бдительности самих сторон, заботящихся о своих собственных интересах*) и др. [Chancery Commission, 1826, p. 35, 45, 46].

Ч. Диккенс в силу жизненных обстоятельств и своей профессиональной деятельности в области права был осведомлен о подробностях работы «этого зловреднейшего из старых грешников» — Канцлерского суда. М. Мэтьюз пишет: «Критика Чарльза Диккенса в адрес юристов и судов была основана на его собственном опыте работы с правовой системой. В 1827 году, в возрасте пятнадцати лет, он поступил на работу в юридическую контору "Ellis and Blackmore" младшим клерком. Именно там он увидел темную сторону закона, о чем свидетельствуют такие места, как Fleet Prison, Newgate и Marshalsea (где его собственный отец был заключен в тюрьму за долги)» [Matthews, 2015].

CC BY

Диккенс еще больше «познакомился» с Канцлерским судом, когда столкнулся с двумя случаями нарушения своих авторских прав. Если в первый раз он подал иск и выиграл (но судебные издержки превзошли сумму, которую он мог взыскать), то во второй раз он отказался от судебных разбирательств, объяснив своему адвокату свою позицию: «It is better to suffer a great wrong than to have recourse to the much greater wrong of the law» / «Лучше пострадать от большой несправедливости, чем прибегнуть к гораздо большей несправедливости закона» [Там же].

«Черпая» материал для литературного творчества из жизни, Ч. Диккенс вкладывает в уста своих героев неслучайные высказывания. В предисловии к книге автор обнародует шутку, отпущенную одним из Канцлерских судей о том, что один-два «незначительных промаха» «почти безупречного» суда случились по вине «скаредного общества», которое «решительно отказывалось увеличить количество судей в Канцлерском суде»: «Эти слова показались мне шуткой, и, не будь она столь тяжеловесной, я решился бы включить ее в эту книгу и вложил бы ее в уста Велеречивого Кенджа или мистера Воулса, так как ее, вероятно, придумал либо тот, либо другой» [Диккенс, 1960, с. 5].

Описание несовершенств судебно-правовой машины приобретает неповторимый колорит на страницах романа Ч. Диккенса. Исследуя роль Ч. Диккенса в английской литературе, Дж. М. Гест замечает: «… there is the history of law, that is, the scenes and movements in legal annuals which history has made famous. To know the spirit of those times, to realize the operation of the old rules now gone, to feel their meaning in human life, to appreciate the bitter conflicts and their lessons for today, this deepest sense of reality for the past, we shall get only in the novels, not in the statute books...» [Gest, 1913, p. iiiv, 7] / … существует история права, то есть события и действия, описанные в юридических ежегодниках, которые история сделала знаменитыми. Познать дух тех времен, осознать действие старых правил, которые теперь исчезли, почувствовать их значение в человеческой жизни, оценить горькие конфликты и их уроки для сегодняшнего дня, это глубочайшее чувство реальности прошлого мы получим только в романах, а не в сводах законов….

О правдоподобности случаев, взятых писателем для построения сюжетно-фабульной структуры романа, пишет Дж. Фостер, его лучший друг: «… Dickens was encouraged and strengthened in his design of assailing Chancery abuses and delays… Anyone who examines the tract* will see how exactly true is the reference to it made by Dickens in his preface. “The case of Gridley is in no essential altered from one actual occurrence, made public by a disinterested person who was professionally acquainted with the whole of the monstrous of wrong from beginning to end”» [Foster, 1904, p. 144] / Диккенс вооду-

CC BY

шевился и укрепился в своем намерении бороться со злоупотреблениями и задержками в Канцлерском суде… Любой, кто изучит трактат*, увидит, насколько точна ссылка на него, сделанная Диккенсом в его предисловии. “Дело Гридли ни в коей мере не изменилось по сравнению с одним фактическим происшествием, обнародованным незаинтересованным человеком, который был профессионально знаком со всей чудовищной несправедливостью от начала до конца”.

Дж. Фостер дает сноску, указывая на человека — эсквайра (почетный титул в Великобритании: чиновник, занимающий должность, связанный с доверием правительства) — того, кем была предоставлена информация Ч. Диккенсу: «By W. Challinor **Esq.** of Leek in Staffordshire… » [Там же] / W. Challinor, эсквайр из Лика в Стаффордшире….

Существующая в середине XIX века правовая реальность становится триггером и впоследствии неотъемлемой частью художественного мира в романе Ч. Диккенса «Холодный дом». Автор переносит проблемы из правовой сферы в область литературного искусства, тем самым продуцируя возможность их освещения и последующего решения вне закрытой юридической сферы и запутанной судебной практики. Подтвержденная фактическим материалом историческая действительность «просвечивает» в художественном произведении при описании всех этапов судопроизводства, обыденной жизни героев, в речах судей и персонажей, в деловой переписке с судебными органами, в речах при дознании и в авторской речи. В ткани художественного произведения появляются «включения» из области правового дискурса в виде юридических терминов и элементов официально-делового стиля. Инкорпорирование указанных элементов в текст романа рассмотрим далее с позиции типов категории дискурсивной ситуативности, неразрывно связывающей реальную (историческую) и художественную картины мира.

3. Типы дискурсивной ситуативности в аспекте стилистических приемов и языковой репрезентации в романе Ч. Диккенса «Холодный дом»

Как отмечалось выше, художественно-правовой дискурс обладает различной природой: прототипической, интертекстуальной (документально-романной), интенциональной и когерентной. В связи с этим ситуативность как лингвистическая категория реализует следующие функции: создание прообраза исторической реальности или отдельной реалии, транслирование интенции автора текста, погружение читателя во внутренний мир героя, а также обращение к вопросам правовой сферы с гуманистических позиций.

3.1. Прототипическая ситуативность

Подобно тому, как структурирование информации в концептуальной сфере осуществляется по принципу прототипа, в художественном произ-

CC BY

ведении основой для моделирования образа социально-культурной исторической реалии становится непосредственно объект действительности (или конструируется прообраз такого объекта как типичный образец сообщества / действительности, обладающий доминантными признаками). К. С. Шиляев, вслед за Э. Рош, определяет прототип как «схематическую репрезентацию наиболее выраженных, ядерных характеристик, связанных с членами рассматриваемой категории» [Шиляев, 2018, с. 29]. Выделяя ***прототипическую ситуативность***, подчеркнем, что в ее основе лежит комплекс ключевых характеристик основного репрезентанта рассматриваемой категории. Следует акцентировать внимание на двух видах прототипической ситуативности: исторической и индивидуализированной. ***Исторический вид прототипической ситуативности*** представляет собой такой вид ретроспективы, при которой в художественном произведении рефлексируется не отдельная историческая реалия, а культурно-национальный феномен исторической эпохи. ***Индивидуализированный вид прототипической ситуативности*** базируется на описании или моделировании образа конкретного объекта, характеристики которого находят отражение в фактографическом описании реальности.

К основным приемам речетворчества, отражающим прототипическую ситуативность на лексико-семантическом уровне, относятся ***ономастическая аллюзия***, ***сравнение***, ***лексический повтор***, ***прецедентное имя***, ***языковая игра***, а в структурно-синтаксическом аспекте — ***рамочные конструкции***.

Под ***аллюзией*** понимается прием-воспоминание о другом произведении, главном герое, его поведении, стиле жизни и др.; этот прием позволяет переосмыслить образ объекта реальной действительности. ***Ономастическая аллюзия*** представляет собой упоминание имени героя другого произведения, также обладающее, по замечаниям Г. Плетт, «пробуждающим воспоминания потенциалом» («evocative potential») [Plett, 1991, p. 139]. И. Р. Гальперин замечает, что аллюзия является ключевым способом репрезентации ситуативной содержательно-подтекстовой информации, которая «возникает в связи с фактами, событиями, описанными ранее или известными адресату из других источников» [Гальперин, 2006, с. 45].

Важным языковым средством исторического вида прототипической ситуативности являются ***лексические повторы*** как своеобразный механизм выдвижения какого-либо смыслового компонента. Как подчеркивает И. В. Арнольд, все типы выдвижения (средства создания экспрессивности) «помогают заметить существующие в сообщении связи, относительную значимость отдельных идей, образов, или событий для смысла целого, т. е. относительную ценность информации» [Арнольд, 1999, с. 195].

CC BY

Для моделирования образа Канцлерского суда Ч. Диккенс использует ***прецедентное имя*** в качестве имени-символа. По замечаниям Д. Б. Гудкова, «прецедентное имя выступает как некий образцовый пример характеристик и / или поступков, задающий модели поведения, того, что нужно / не-нужно делать» [Гудков, 2003, с. 116].

Синтаксическим средством введения авторской речи и способом фокусирования внимания читателя на значимых элементах структурной организации сверхфразового единства в романе становятся ***рамочные конструкции*** (синтаксические приложения), под которыми понимаются высказывания, вводимые автором в повествование посредством тире или скобок.

Обратимся к иллюстрации того, как указанные стилистические приемы используются автором для описания исторической действительности.

Индивидуализированная прототипическая ситуативность находит отражение в романе в образе Канцлерского суда, созданного посредством ономастической аллюзии. Об упущенных возможностях судящихся повествует контекст: *Both the world of fashion and the Court of Chancery are things of precedent and usage:* ***oversleeping Rip Van Winkles*** *who have played at strange games through a deal of thundery weather; sleeping beauties whom the knight will wake one day, when all the stopped spits in the kitchen shall begin to turn prodigiously!* [Dickens, 2018, p. 17] / *И большой свет и Канцлерский суд скованы прецедентами и обычаями: они — как* ***заспавшиеся Рипы Ван-Уинклы****, что и в сильную грозу играли в странные игры; они — как спящие красавицы, которых когда-нибудь разбудит рыцарь, после чего все вертелы в кухне, теперь неподвижные, завертятся стремительно*! [Диккенс, 1960, с. 19]. Усыпленный гномами, Рип — герой одноименной фантастической повести американского новеллиста В. Ирвинга — проспал войну за независимость Америки [Диккенс, 1960, с. 553]. Этот персонаж стал символом отставшего от времени человека, проспавшего полжизни и проснувшегося, когда все его знакомые умерли. ***Сравнение*** со «спящими красавицами» иронически подчеркивает апатичность представителей судебной власти, «которых когда-нибудь разбудит рыцарь».

Лавка Мистера Крука — «подопечного» судебной тяжбы «Джарндисы против Джарндисов», — в которой скупают все — от костей до дамского платья, — носит название *Канцлерский суд*, а самого Крука называют *Лорд-канцлером*. Автор так описывает сущность работы лавки: *And I* ***can't abear*** *to part with anything I once lay hold of (or so my neighbours think, but what do THEY know?) or* ***to alter anything, or to have any sweeping, nor scouring, nor cleaning, nor repairing*** *going on about me. That's the way* ***I've got the ill name of Chancery*** [Dickens, 2018, p. 78] / *А уж если что-то попадет ко мне в лапы, того я из них не выпущу (то есть соседи мои так думают, но что они знают,*

CC BY

эти люди?); а я еще ***я терпеть не могу никаких перемен, никакой уборки, стирки, чистки, ремонта*** *у себя в доме. Потому-то* ***лавка моя и получила столь зловещее название — "Канцлерский суд!"*** [Диккенс, 1960, с. 76].

Образ суда дополняет ***языковая игра***, представленная в романе полисемией слова *court*: «1. a body of people presided over by a judge, judges, or magistrate; 2. area surrounded by a building or group of buildings; 3. used in the names of large houses or blocks of flats» [ABBYY, 6] / 1. группа людей, возглавляемая судьей, судьями или магистратом; 2. территория, окруженная зданием или группой зданий; 3. используется в названиях больших домов или многоквартирных домов.

В переулке (*court*) расположен трактир «Солнечный герб», где на втором этаже в зале «заседают» коронер, присяжные и другие судейские: *The Sol neither turns off its gas nor shuts its door all night, for any kind of public excitement makes good for the Sol and* ***causes the court to stand in need of comfort*** / *А солнечный герб всю ночь не гасит газа и не закрывает дверей, так как всякий переполох, от чего бы он ни случился, приносит доход трактиру,* ***вызывая в обитателях переулка жажду успокоения***... [Диккенс]. По замечаниям В. В. Набокова, «это характерный диккенсовский прием: *словесная игра*, заставляющая неодушевленные слова не только жить, но и проделывать фокусы, обнажая свой непосредственный смысл» [Набоков, 1998, с. 111].

Официально-деловой стиль английского языка XIX века отличает его своеобразная модальность, выраженная в частотном обращении к адресату (*Your Majesty* — в тексте отчета, *My Lord, Your ladyship* — в романе и под.), выражении своего впечатления (в отчете Канцлерской Комиссии на 236 страницах 56 раз встречается слово *satisfied*) и включении инородных элементов. Так, слова *mere / merely* употребляются в отчете Канцлерской Комиссии 47 раз, например: *from the mere habit of procrastination* / *от простой привычки промедления в принятии решений*, *considered merely as a tax towards a fund* / *рассматривается просто как налог, уплачиваемый в фонд*, *supplemental Bill is a merely formal proceeding* / *дополнительный иск — просто формальная процедура* и т. д. [Chancery Commission, 1826, p. 22, 34, 40]. Следует обозначить и конвенциональные элементы официально-делового стиля: конструктивная сложность предложений (с включением перечислений, предложных, герундиальных и причастных оборотов), использование специфической нормативной лексики (*obliged / обязан*, *with respect* / *с уважением*, *for the time being* / *на данный момент* и др.), изобилие пассивных конструкций, а также замена наречий предложно-именными сочетаниями (вместо *accurately — with entire accuracy*, *with tolerable accuracy* и т. д.) [Chancery Commission, 1826, p. 41, 42].

CC BY

С позиции существовавших в XIX веке языковых норм официально-делового стиля рассмотрим фрагмент разговора Мистера Гаппи (поверенного) с Миссис Дедлок (великосветской особой): — *That* ***your ladyship*** *would have* ***the kindness to oblige me*** *with a little conversation, returns Mr. Guppy, embarrassed… I am, as I told* ***your ladyship*** *in my first letter, in the law. Being in the law, I have learnt the habit of not committing myself in writing, and therefore I did not mention to* ***your ladyship*** *the name of the firm with which I am connected and in which* ***my standing — and I may add income — is tolerably good*** / *Мне желательно, чтобы* ***Ваша милость соблаговолили немного побеседовать со мной****, отвечает Мистер Гаппи в смущении. Как я уже предуведомил* ***Вашу милость*** *в своем первом письме, я служу по юридической части. И вот, служа по юридической части, я привык не выдавать себя ни в каких документах, почему и не сообщил вашей милости, в какой именно конторе я служу, хотя* ***мое служебное положение — и жалованье тоже, — в общем, можно назвать удовлетворительными*** [Диккенс]. Помимо маркеров официально-делового стиля, транслирующих специфику ведения деловых переговоров, автор посредством рамочной конструкции саркастически акцентирует внимание на заинтересованности представителей судебной власти в материальной стороне своей службы. Отметим, что другим важным компонентом настоящих деловых переговоров становится ***лексический повтор*** из уст поверенного: *in confidence* / *all is in strict confidence* — «*все очень конфиденциально*».

Прототип исторической действительности формируется в романе в сложном взаимодействии целого и отдельных частей. На уровне текста повседневное общение героев насквозь «пропитано» вопросами и делами юридической сферы — тяжбой в Канцлерском суде, личными тайнами с правовым контекстом, неразберихой в политическом устройстве общества. Это выражается в сюжетно-фабульном построении, а также в структурно-синтаксической организации текста, его стилевом оформлении и на лексико-семантическом уровне.

3.2. Интертекстуальная ситуативность

По замечаниям Ю. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста…; … стадию порождения авторского текста следует считать уровнем структурирования интертекстуальной информации, установления межтекстовых диалогических отношений» [Кристева, 2004, с. 167].

Интертекстуальную природу информации в художественном тексте с юридической сюжетной линией характеризует взаимодействие двух языковых и культурных кодов. Языковые маркеры юридического дискурса (терминология юридического дискурса и элементы официально-делового стиля) «включаются» в художественный текст, формируя в нем дополни-

CC BY

тельные смыслы и коннотации. Словно зеркально отражая абсурдность сложившейся правовой реальности, они углубляют понимание художественного текста, созданного по следам официальных правовых документов, фиксирующих судебную тяжбу. ***Интертекстуальная (документально-романная) ситуативность*** отражает влияние реальной документации, с которой работал Ч. Диккенс, на художественный текст, «принимающий» элементы официально-делового стиля. Под ***интертекстом*** в нашем исследовании понимается не только прямое цитирование, «текст в тексте», но и обращение непосредственно к исторической действительности, так как автор изнутри знал правовую ситуацию того времени, сам работал с реальной судебной документацией.

К приемам речетворчества, используемым для передачи интертекстуальной ситуативности, относятся ***метафора***, ***ирония***, ***оксюморон***, «***закавычивание***» и ***пролонгированный синтаксис***.

Основным приемом, позволяющим проследить трансфер знания между двумя концептуальными областями сквозь призму исторической реальности, описанной в романе Ч. Диккенса «Холодный дом», становится ***метафора***. Итальянский лингвист Дж. Конте выявляет следующие интертекстуальные связи между двумя текстами: метафорическая реактивация знака; простое тождество отрезков разных текстов; ироническая реминисценция и др. [Conte, 1976, p. 579—587]. Следуя за мыслью автора, обозначим, что в тексте, существующем в точке пересечения двух дискурсов, активизируются скрытые смыслы, появляются новые, дополненные экспрессивными коннотациями, что свидетельствует о расширении или сужении значения слова в художественном тексте правовой тематики. Ключевыми видами «метафорической реактивации знака» в романе являются ***ироническая*** и ***саркастическая метафора***.

Механизмом, лежащим в основе ***иронии***, а также ***оксюморона***, по замечаниям З. А. Заврумова, может являться «семантический конфликт» [Заврумов, 2015, с. 151]. Исследователь отмечает: «Ироническое переосмысление значения языковой единицы имеет в своей основе желание продуцента дискурса выразить свое отношение к фактам действительности, но сделать это имплицитно путем такого истолкования данной единицы, которое противоречит словарному» [Заврумов, 2015, с. 151].

«***Закавычивание***» как частный случай рамочной конструкции функционирует в интертексте в качестве приема прямого цитирования фрагментов из официально-деловых документов (например, отчетов), приобретая роль стилистической адаптации. Закавыченные конструкции создают впечатление достоверности и объективности изложения.

Пролонгированные синтаксические конструкции в романе выполняют двоякую функцию. С одной стороны, «запутанность» синтаксиса с вве-

CC BY

дением многочисленных деталей, пояснений, комментария автора создают эффект неразберихи на когнитивном уровне восприятия текста. С другой стороны, как отмечалось выше, пролонгация и усложнение предложений с включением разных типов подчинительных связей, обращений к адресату, частичного рамочного оформления и под., являются элементами официально-делового стиля, который частично может быть модифицирован в ткани художественного произведения.

Обратимся к фрагменту, транслирующему знание о том, что «судебный иск с пользой может продержаться более полувека» [Chancery Commission, 1826, p. 14]: ***The little plaintiff or defendant*** *who was promised a new rocking horse when Jarndyce and Jarndyce should be settled has grown up,* ***possessed himself of a real horse, and trotted away into the other world*** [Dickens, 2018, p. 12 / ***Маленький истец или ответчик****, которому обещали подарить новую игрушечную лошадку, как только дело Джарндисов будет решено,* ***успевал вырасти, обзавестись настоящей лошадью и ускакать на тот свет*** [Диккенс, 1960, с. 15]. Конвергенция (термин И. В. Арнольд) двух стилистических фигур — ***иронии*** и ***оксюморона*** — базируется на оппозиции слов — языковых маркеров юридического дискурса *истец, ответчик* и атрибута *маленький*, подразумевающий возраст несовершеннолетнего.

В художественном тексте писатель-реалист имеет возможность не только воспроизвести историческую действительность, дать ответы на некоторые вопросы, но и создать полноценный в эстетическом, образном, эмоциональном аспектах художественный «римейк», когда реализуется «игровая, пародическая установка современного текста по отношению к классическому претексту» [Гимранова, 2021, с. 28].

Причина затяжного характера судебных тяжб — закрытость правовой области, и в частности — сферы судопроизводства. Автор романа определяет Канцлерский суд как «задрапированное святилище»: *Standing on a seat at the side of the hall, the better to peer into the* ***curtained sanctuary****, is a little mad old woman in a squeezed bonnet who is always in court from its sitting to its rising, and always expecting some incomprehensible judgment to be given in her favor* [Dickens, 2018, p. 11] / *Стремясь получше разглядеть все, что происходит в* ***задрапированном святилище****, на скамью у боковой стены взобралась щупленькая, полоумная старушка в измятой шляпке, которая вечно торчит в суде от начала и до конца заседаний и вечно ожидает, что решение каким-то непостижимым образом состоится в ее пользу* [Диккенс, 1960, с. 14].

Метафора *curtained sanctuary* обнаруживает семантический конфликт между элементами словосочетания. «Святилище» транслирует идею божественного начала, надежды на светлое, справедливое будущее и безопас-

ность, что проявляется в семантике слова: *sanctuary* — «1. refuge from pursuit or other danger; 2. a holy place; a temple / 1. убежище от преследования или другой опасности; 2. святое место; храм» [ABBYY, 2014]; «3. a place consecrated for the worship of the Deity / 3. место, освященное для поклонения Божеству» [EPDEL, 1904, p. 547]. С другой стороны, глагол *curtain* репрезентирует идею скрытности, завуалированности, закрытости и отсутствия «света» в судебных делах Канцлерского суда.

Уникальным диккенсовским приемом создания прообраза конкретной персоналии выступает **«*закавычивание*»**, когда, заимствуя образ Гридли из жизни — из записей эсквайра W. Chancellor, — автор использует для него обозначение «человек из Шропшира»: *... Go into the Court of Chancery yonder and ask what is one of the standing jokes that brighten up their business sometimes, and they will tell you that the best joke they have is* ***"the man from Shropshire****". "I," he said, beating one hand on the other passionately, am* ***"the man from Shropshire"*** [Dickens, 2018, p. 295 / *... Подите вон туда, в Канцлерский суд, и спросите судейских, кто тот шут гороховый, что иногда развлекает их во время работы, и они вам скажут, что самый забавный шут — это* ***"человек из Шропшира"****». Так вот, — крикнул он, с силой колотя одним кулаком о другой, — этот* ***"человек из Шропшира"*** *— это я и есть!* [Диккенс, 1960, с. 281].

Пролонгированные конструкции в речи героев — представителей судебной власти имитируют речь официального представителя судебного органа, их сложная синтаксическая организация обусловлена необходимостью исчерпать предмет сообщения: «*"****As a few fresh affidavits have been put upon the file****," says Mr. Tulkinghorn, "and as they are short, and* ***as I proceed upon the troublesome principle of begging leave to possess my clients with any new proceedings in a cause" — cautious*** *man Mr. Tulkinghorn, taking no more responsibility than necessary —"and further, as I see you are going to Paris, I have* ***brought*** *them in my pocket"* [Dickens, 2018, p. 24—25] / ***— Ввиду того, что к делу приобщено несколько новых показаний****, притом коротких, — начинает мистер Талкингхорн, —* ***и ввиду того, что у меня есть прескверный обычай докладывать моим клиентам****, — с их разрешения, — обо всех новых обстоятельствах их судебного дела, —* ***осторожный*** *мистер Талкингхорн предпочитает не брать на себя лишней ответственности, — и далее, поскольку вы, как мне известно, собираетесь в Париж, я принес с собой эти* ***показания*** [Диккенс, 1960, с. 26]. Заметим, что объяснительный оборот занимает начальную — сильную — позицию в предложении, что является непосредственным атрибутом официально-делового стиля. Параллельные конструкции отмечены разным стилевым «оформлением»: первая часть — единица официально-делового стиля,

CC BY

вторая — художественного в силу присутствия прилагательного *troublesome* и эмоционально «заряженного» глагола *beg*.

Данный фрагмент художественной картины мира коррелирует и с фактуальной информацией отчета 1826 года в аспекте адвокатской деятельности, описанной в лице «осторожного» Мистера Талкингхорна: «Solicitors of respectability… are usually entrusted with much **business of importance of a confidential nature**, requiring **their personal and anxious attention**, and which cannot be delegated to a clerk… » / «Добропорядочным солиситорам… обычно поручают много важных **дел конфиденциального характера**, требующих их **личного и пристального внимания** и которые не могут быть переданы клерку… » [Chancery Commission, 1826, p. 32].

Цитаты из официальных документов и коммуникативные ситуации из правовой сферы, представленные в романе в иронической художественно-образной обработке, способствуют созданию «новой» ткани полифонически организованного художественного произведения.

3.3. Интенциональная ситуативность

Текст имеет свою прагматическую ориентацию, «установку» на выражение какой-либо идеи, оценки и под. По замечаниям Е. С. Кубряковой, он «всегда создается для реализации какого-либо замысла… информация вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для чего-то, для достижения определенной цели… и в известном смысле рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата» [Кубрякова, 2001, с. 75]. Интенция автора литературного произведения коррелирует с определенной манерой речетворчества, сопряженной с волевым действием ума в некоторый момент коммуникации. Интенциональный компонент формируется на начальном этапе создания произведения как стратегический замысел оказать воздействие на адресата.

Интенциональная ситуативность выражает стремление автора посредством художественного слова создать у читателя определенное настроение, обратить его взор к «злобе дня». Д. В. Шапочкин замечает следующее: «В зависимости от своей стратегии говорящий выбирает прямые или же косвенные способы языковой манифестации интенции: … прямые конвенциональные языковые средства, например побудительные, желательные, вопросительные и другие высказывания, воспринимаемые адресатом в их основном значении, или же конвенционализированные высказывания, достаточно однозначно “прочитываемые” в определенном социуме» [Шапочкин, 2018, с. 105].

К приемам языковой репрезентации, отражающим данный тип ситуативности, относятся ***риторический парадокс***, ***«черный юмор»***, ***символ***, ***гипербола***, ***эмотивный синтаксис***.

CC BY

В пространстве художественного текста правовой тематики как средства реализации функции не только коммуникативно-информативной, но и имитационно-пародийной широко используется ***парадокс*** как стилистический прием. Создавая ситуацию языковой коммуникации, автор использует потенциал обыденного естественного языка, который отличается отсутствием универсальной логики построения. По замечаниям В. Шмида, «парадокс содержит противоречие между двумя сторонами бытия» [Шмид, 2001, с. 9—16]. Под ***риторическим парадоксом*** понимается структурно-семантическое единство провокационной природы с богатым интерпретационным потенциалом.

Способом «замаскировывания» самых страшных последствий, с которыми могут столкнуться «подопечные» Канцлерского суда, становится у Ч. Диккенса ***«черный юмор»***. По замечаниям О. Л. Флеоновой, «черный юмор» выражает «несогласие автора с существующими нормами и порядками в различных сферах жизни: политической, общественной, культурной…» [Флеонова, 2003, с. 6]. Являясь не только формой критического, оценочного освоения действительности, но и видом языковой манипуляции, «черный юмор» призван убедить читателя в апокалипсическом положении дел в судебной системе.

Приемом реализации «стилистического задания», заключающегося в создании своеобразной пародии на существующий объект, в романе становится ***гипербола***. Вслед за американской исследовательницей Дж. Р. Риттер, С. В. Лескина и В. Б. Шаронова замечают следующее: «…основной задачей гиперболы является необходимость быть узнанной, и только в этом случае она (гипербола) сможет работать эффективно; гипербола не должна быть незаметной» [Лескина и др., 2017, с. 32].

В качестве ***символов*** в романе выступают не только имена главных героев и других обитателей «Холодного дома». Имя мисс *Флайт* означает в переводе «летать», и сама она напоминает птичку в клетке Канцелярского суда. Не случайным является то, что птички, ее друзья, носящие имена Радости, Надежды, Юности, Счастья, умирают одна за другой в ее жалкой каморке, не дождавшись решения суда. В роли символа работает и погода «Туманного Альбиона» (туман, дождь, сырость, слякоть, грязь) и связанная с ней авторская образность повествования.

Ключевым синтаксическим приемом, несущим определенный эмоциональный заряд, становятся в романе эмфатические конструкции, основная цель которых — вызвать эмоции у читателя. По замечаниям О. А. Турбиной, «*эмотивный синтаксис* — это система синтаксических структур, заключающих в себе потенцию эмоциональности…; конструкции эмотивного синтаксиса рождаются в процессе речевого акта импровизационными

CC BY

средствами и, следовательно, по преимуществу имеют окказиональный (индивидуальный или субъективный) характер» [Турбина, 2013, с. 4].

Обратимся к иллюстрации того, как языковые средства и приемы речетворчества модифицируют эмоциональный фон высказывания.

При встрече Эстер — осиротевшей девочки, которую на попечение берет в свой дом мистер Джарндис и воспитывает как будущую гувернантку, — со старушкой Мисс Флайт показательно приветствие последней: *She answered for herself directly. "**A suitor, my child**. At your service. **I have the honour to attend court regularly**. With my documents. Have I the pleasure of addressing **another of the youthful parties** in Jarndyce?" said the old lady…* [Dickens, 2018, p. 73—74 / *Она сию же секунду сама ответила вместо меня: — **Истица, дитя мое**. К вашим услугам. **Я имею честь регулярно присутствовать в суде**. Со своими документами. Не имею ли я удовольствия разговаривать **еще с одной юной участницей тяжбы Джарндисов**? — проговорила старушка…* [Диккенс, 1960, с. 7—72]. *Парадоксально* сосуществование в одном контексте юридической терминологии (*истица*), элементов официально-делового стиля (*имею честь, участница тяжбы*) и разговорных обращений (*дитя мое*) в диалоге с несовершеннолетним. Абсурдность подобных выражений служителей суда (*Истица, дитя мое*) помогает автору акцентировать внимание на холодном и черством, бессердечном отношении к судьбам детей, негативном влиянии судебных тяжб на жизнь юного поколения — подростков как участников процесса.

Изнуряющий характер затянувшихся и бессмысленных судебных дел в Канцлерском суде передан Ч. Диккенсом с помощью приема *«черного юмора»*: *"Tom Jarndyce was often in here… talking to the little shopkeepers and telling 'em to keep out of Chancery, whatever they did. "For," says he, "**it's being ground to bits in a slow mill**; **it's being roasted at a slow fire**; **it's being stung to death by single bees**; **it's being drowned by drops**; it's going mad by grains"* [Dickens, 2018, p. 68] / *— Том Джарндис частенько забегал в наши края… болтал с лавочниками и советовал им ни в коем случае не обращаться в Канцлерский суд. "Ведь это, — говаривал он, — все равно что **попасть под жернов, который едва вертится**, но сотрет тебя в порошок; все равно что **изжариться на медленном огне**; все равно что **быть до смерти закусанным пчелами**, **которые жалят тебя одна за другой**; все равно что **утонуть в воде, которая прибывает по каплям**; все равно что сходить с ума постепенно, минута за минутой*" [Диккенс, 1960, с. 77]. Отметим, что в основе данного приема лежит *гиперболизация* — нарочитое преувеличение (здесь: преувеличение того вреда, который может нанести Суд). Атмосфера ужаса создается за счет столкновения изначально динамичного процесса с абсурдной медлительностью. В социально-приемлемой форме «мрачной

шутки» автор реализует смысловую доминанту: смерть истца как один из возможных исходов судебного разбирательства.

Непрофессионализм представителей судебной власти и «непрозрачность» их правовых действий находят отражение в романе в образе всеобщего тумана. «Туманный ореол вокруг головы Лорд-канцлера» олицетворяет неопределенность и нескончаемость дел Канцлерского суда: *On such an afternoon, if ever, the Lord High Chancellor ought to be sitting here — as here he is — **with a foggy glory round his head**, softly fenced in with crimson cloth and curtains, addressed by a large advocate with great whiskers, a little voice, and an interminable brief, and outwardly directing his contemplation to the lantern in the roof, where he **can see nothing but fog*** [Dickens, 2018, p. 9—10] / *День выдался под стать лорд-канцлеру — в такой, и только в такой вот день подобает ему здесь восседать, — и лорд-канцлер здесь восседает сегодня **с туманным ореолом вокруг головы**, в мягкой ограде из малиновых сукон и драпировок, слушая обратившегося к нему дородного адвоката с пышными бакенбардами и тоненьким голоском, читающего нескончаемое краткое изложение судебного дела, и созерцая окно верхнего света, **за которым он видит туман и только туман*** [Диккенс, 1960, с. 12—13]. Маркированная национально-культурной спецификой страны тема туманного Альбиона подвергается смысловой трансформации, переплетается с образом «святого» Лорда-канцлера и выступает как ***символ*** всеобщего хаоса в Канцлерском суде, состояния недоразумения, как эмблема разрушительной силы. ***Эмотивная синтаксическая конструкция*** *can see nothing but fog* усиливает тему неразберихи в Суде.

А. Н. Безруков замечает следующее: «Сам механизм инкорпорирования “чужого” дискурса в текст принципиально отличается от традиционного аллюзийно-реминисцентного аппарата. Данный процесс служит целям “приращения” эстетического потенциала принимающего текста» [Безруков, 2005, с. 23]. В связи с этим подчеркнем, что благодаря богатому образному потенциалу, которым обладает художественный текст, нарративная практика становится социально-значимым и социально-приемлемым «оружием» в борьбе с несправедливостью.

3.4. Когерентная ситуативность

Каждый фрагмент текста романа обладает логико-смысловой завершенностью и связностью идей между собой на прагматическом и содержательном уровнях. Одной из ключевых характеристик формально-содержательной организации текста, функционирующего в художественно-правовом дискурсе, является когерентность, рассматриваемая как имманентное свойство дискурса и реализованное в произведении через идеи фрагментации и интеграции. *Когерентная ситуативность* как отдельный

CC BY

тип категории ситуативности создает условия для формирования единого смыслового пространства посредством связанных системой пространственно-временных координат сюжетных линий, когда все персонажи романа в большей или меньшей степени оказываются вовлеченными в судопроизводство.

Ключевыми текстовыми и языковыми приемами для выражения данного типа ситуативности становятся ***прием «задержания»***, ***прием тематической «раскрутки»***, ***перебивка повествовательных ракурсов***, ***анафорический коннектор***.

На текстовом уровне фрагменты правовой картины мира как будто нарочно вплетены в канву художественного произведения разрозненно; описание прерывно, рассеяно на некотором пространстве текста и чередуется с повествованием о ежедневной бытовой жизни главных персонажей. По замечаниям Т. И. Сильмана, жанрово-описательный фон романа подвижен, «он ожил», сюжетные линии — романтические встречи, судебные перипетии, великосветская жизнь капиталистического общества — «связаны многообразно переплетающимися нитями, все движется и заново перекрещивается… » [Сильман, 1958, с. 121]. Как следствие, основным приемом создания «лоскутности» смысловой организации текста у Ч. Диккенса становится ***прием «задержания»***. По замечаниям Р. Барта, «прием “задержания” — интенсивный способ разъединения элементов, позволяющий оставить сюжетную последовательность открытой. Прием “задержания»” как бы играет с повествовательной структурой, подвергая ее риску лишь затем, чтобы укрепить еще более; в плане интеллигибельного восприятия сюжета он выполняет функцию самого настоящего thrilling’а» [Барт, 1966, с. 227].

Внутренняя целостность текста и его цельнооформленность обеспечиваются его тематической связностью. Одной из важных языковых единиц текстового пространства, актуализирующей ситуативно значимую семантику (актуальные семы), является тематическая единица — повтор слова конкретной тематической группы. И. В. Арнольд подчеркивает, что «наиболее существенными для смысла целого текста являются повторяющиеся в нем значения, составляющие его тематическую основу или сетку. Эти значения могут быть выражены повторами слов, повторами сем или повторами тем… » [Арнольд, 1999, с. 213]. Как следствие, в качестве ключевого для моделирования образа объекта, героя, исторической реальности следует выделить ***прием тематической «раскрутки»***, под которым понимается содержательное единство повторяющихся в текстовом фрагменте сем, характеризующееся динамизмом развертывания темы.

Противоположную функцию — фрагментации — выполняет прием ***перебивки повествовательных ракурсов***, который одновременно становит-

ся механизмом перспективизации в романе — «смещения фокуса в сторону личностного восприятия мира и его отражения в системе языка» [Петрова, 2017, с. 136]. Взяв Эстер, одну из главных героинь романа, в соавторы (половина книги написана от ее лица), Ч. Диккенс дает возможность читателю «войти в жизнь сломленных обществом жертв; зато в других главах, где повествование ведет автор, он увидит в совокупности систему травли и преследований» [Уилсон, 1975, с. 86]. Техника, заимствованная автором в жанре детективного романа, явилась новым композиционным приемом для повествования такого рода, создающим мощный эффект отстранения и одновременно позволяющим читателю проникнуть во внутренний мир героя.

На синтаксическом уровне функцию интеграции выполняет ***анафорический коннектор***. Под коннектором, по словам Д. В. Шапочкина, понимается «совокупность элементов, с помощью которых осуществляется связь между текстовыми фрагментами» [Шапочкин, 2018, с. 107]. Автор уточняет функцию коннекторов и разделяет на виды: конъюнкция, выражающая отношение аддитивности событий; дизъюнкция, заключающаяся в выборе одного из событий; контраюнкция, противопоставляющая два рассматриваемых явления [Шапочкин, 2018, с. 107]. В нашем исследовании под анафорическим коннектором понимается словосочетание, участвующее в создании параллельных конструкций.

Обратимся к примеру, иллюстрирующему конвергенцию ***приема тематической «раскрутки»*** и ***анафорического повтора***: ***Well may*** *the court be* ***dim****, with wasting candles here and there;* ***well may*** *the* ***fog hang heavy*** *in it, as if it would never get out;* ***well may*** *the stained-glass windows lose their colour and* ***admit no light of day*** *into the place;* ***well may*** *the uninitiated from the streets, who peep in through the glass panes in the door, be deterred from entrance … where the Lord High Chancellor looks into the lantern that* ***has no light in it*** *and where the attendant wigs are all* ***stuck in a fog-bank****!* [Dickens, 2018, p. 10] / *Да* ***как же*** *суду этому* ***не*** *тонуть во мраке, рассеять который бессильны горящие там и сям свечи;* ***как же*** *туману* ***не*** *висеть в нем такой густой пеленой, словно он застрял тут навсегда;* ***как*** *цветным стеклам* ***не*** *потускнеть настолько, что дневной свет уже не проникает в окна;* ***как*** *непосвященным прохожим, заглянувшим внутрь сквозь стеклянные двери, осмелиться войти сюда,* ***не*** *убоявшись этого зловещего зрелища и тягучих словопрений, … где восседает лорд верховный канцлер, созерцая верхнее окно,* ***не пропускающее света****, и где все его приближенные париконосцы* ***заблудились в тумане****!* [Диккенс, 1960, с. 13]. Тематическая цепочка «туманность (*dim*) — густой туман (*heavy fog*) — отсутствие света (*no light of day, has no light in it*) — блуждание в тумане (*stuck in a fog-bank*)» свидетельствует об ухудшении положения дел в Суде.

CC BY

Обобщим языковые приемы, репрезентирующие категорию дискурсивной ситуативности, в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Реализация типологии дискурсивной ситуативности в языковых приемах

	Тип ситуативности / вид ситуативности	**Языковые приемы, соотнесенные с типом ситуативности**
Категория дискурсивной ситуативности	интертекстуальная ситуативность	оксюморон ирония ироническая метафора саркастическая метафора «закавычивание» пролонгированный синтаксис
	интенциональная ситуативность	риторический парадокс «черный юмор» символ гипербола эмотивный синтаксис
	прототипическая ситуативность	ономастическая аллюзия сравнение лексический повтор языковая игра прецедентное имя рамочные конструкции
	когерентная ситуативность	прием «задержания» прием тематической «раскрутки» перебивка повествовательных ракурсов анафорический коннектор

Средства и приемы языковой репрезентации категории дискурсивной ситуативности находят отражение на всех уровнях реализации нарративной модели художественно-правового дискурса: на тематическом, понятийном, синтаксическом, лексико-семантическом уровнях и в непосредственной связи с прототекстом. Исследование данного формата дискурса с позиции идеи диалогизма двух удаленных во времени и пространстве смысловых полей позволяет углубить знание об истинном замысле литературного произведения и прагматических установках его автора, осмыслить взаимовлияние нескольких сюжетных линий, понять роль исторической реалии в цепочке отдельных микро-событий, сконструировать образ исторической эпохи с опорой на документальные данные. Типы дискурсивной ситуативности тесно переплетены в смысловом, текстовом и прагматическом аспектах в рамках одного произведения, поэтому они часто сосуществуют, создавая единое живое, динамически развивающееся пространство.

CC BY

4. Заключение

Сложная историческая ситуация в правовой системе Англии середины XIX века получает в романе Ч. Диккенса художественное толкование, максимально приближенное к действительности. Взаимодействию двух полярных дискурсов способствует несколько событий. Во-первых, замкнутость судебно-правовой системы (ее имманентное свойство) находит выход в социокультурной практике нарратива. Во-вторых, автор (Ч. Диккенс), одновременно вовлеченный в обе сферы деятельности и имеющий доступ к официальным документам судопроизводства, получает возможность доподлинно осуществить трансфер знания из одной области в другую. В-третьих, художественный текст с широким спектром языковых средств и приемов выразительности призван создать мультипликативный эффект и воздействовать на читателя в эстетическом, эмоциональном и даже воспитательном плане.

Трансфер знания между дискурсами обусловливает сложную иерархию отношений внутри текста, функционирующего в гетерогенной среде художественно-правового дискурса. Ключевыми характеристиками текста, функционирующего в данном дискурсе, становятся интеграция языковых маркеров юридического дискурса, с одной стороны, и «включение» элементов официально-делового стиля (языковых и текстовых) в ткань художественного произведения, с другой стороны, посредством таких коммуникативных событий, как общение представителей власти с участниками судебной тяжбы при дознании, деловой переписке между судебными органами и под.

Языковые средства, репрезентирующие категорию дискурсивной ситуативности в романе, являются ярким свидетельством таланта и гениальности писателя, проявлением его язвительного сарказма, искрометного юмора и тонкой иронии, безжалостного высмеивания притворности судебно-правовой системы и всех ее «вершителей правосудия». Дискурс права в художественно-образной обработке приобретает новый аксиологический заряд, акцентируя внимание читателя на абсолютной ценности человеческой жизни

Источники и принятые сокращения

1. *Диккенс Ч.* Собрание сочинений : в 30 томах / Ч. Диккенс. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1960. — Том 17: Холодный дом : Главы I—XXX. — 564 с.

2. *Диккенс Ч.* Холодный дом [Электронный ресурс] / Ч. Диккенс. — Режим доступа : https://studyenglishwords.com/book/Холодный дом/306 (дата обращения : 24.05.2022).

3. ABBYY — *ABBYY* Lingvo x6 [Электронный ресурс] : англо-русский электронный словарь / разработчик «ABBYY». — Москва : 2014. — Выпуск 16.1.3.49. — Электронная программа.

4. CDSA — *A Complete* Dictionary of Synonyms and Antonyms / Samuel Fallows (ed.). — New York : Chicago : Toronto : Fleming H. Revell Company, 1886. — 516 p.

5. Chancery Commission — *Copy* of the report made to His Majesty by the commissioners appointed to inquire into the practice of Chancery. — London, 1826. — 236 p.

6. *Dickens C.* Bleak House I / C. Dickens. — Moscow : T8 RUGRAM, 2018. — 462 p.

7. EPDEL — *Etymological* and Pronouncing Dictionary of the English Language / James Stormonth (ed.). — Edinburgh : London : William Blackwood and sons, 1904. — 816 p.

Литература

1. *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. — Москва : Идея-Пресс, 2003. — 360 с. — ISBN 5-7333-0058-2.

2. *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / И. В. Арнольд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 444 с.

3. *Арчер П.* Английская судебная система / П. Арчер. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 134 с.

4. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 196—238.

5. *Безруков А. Н.* Поэтика интертекстуальности : учебное пособие / А. Н. Безруков. — Бирск : Бирская государственная социально-педагогическая академия, 2005. — 70 с.

6. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : УРСС : КомКнига, 2006. — 139 с. — ISBN 978-5-484-00618-2.

7. *Гимранова Ю. А.* Интертекстуальный анализ : учебно-методическое пособие / Ю. А. Гимранова. — Челябинск : Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2021. — 140 с. — ISBN 978-5-907409-80-4.

8. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-7.

9. *Дзюба Е. В.* Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2018. — 280 с. — ISBN 978-5-7186-0976-9.

10. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст: (на материале русской прозы XIX—XX вв.) / М. Я. Дымарский. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 281 с.

11. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 томах. / Ж. Женетт. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — 944 с. — ISBN 5-8242-0064-5.

12. *Заврумов З. А.* Импликационал художественного текста: языковая игра в ироническом модусе / З. А. Заврумов // Гуманитарные исследования. — 2015. — № 4 (56). — С. 150—154.

13. *Карасик В. И.* Восстание: интерпретативная матрица сюжета / В. И. Карасик // Язык и культура. — 2020. — № 50. — С. 41—56.

14. *Кристева Ю.* Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 652 с.

15. *Кубрякова Е. С.* О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. — Москва : Наука, 2001. — Том 1. — С. 72—81.

16. *Лескина С. В.* Языковая специфика гиперболизации публицистических текстов на русском и английском языках / С. В. Лескина, В. Б. Шаронова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2017. — Т. 14, № 1. — С. 31—35. — DOI: 10.14529/ling170106.

17. *Литвиненко Т. Е.* Прототипичность VS. инвариантность / Т. Е. Литвиненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 2s(18). — С. 140—147.

18. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.

19. *Набоков В. В.* Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. — Москва : Издательство Независимая Газета, 1998. — 512 с. — ISBN 5-86712-042-2.

20. *Петрова Н. Ю.* Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. Ю. Петрова. — Москва, 2017. — 528 с.

21. *Пыж А. М.* Использование юридической терминологии в художественных текстах / А. М. Пыж // Научные исследования : от теории к практике. — 2015. — № 1 (2). — С. 214—218.

22. *Сильман Т. И.* Диккенс. Очерки творчества / Т. И. Сильман. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — 408 с.

23. *Смирнов И. П.* Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака) / И. П. Смирнов. — Санкт-Петербург : Языковый центр СПбГУ, 1995. — 189 с. — ISBN 5-87403-058-1.

24. *Турбина О. А.* Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / О. А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2013. — Т. 10, № 2. — С. 4—9.

25. *Уилсон Э.* Мир Чарльза Диккенса / Э. Уилсон. — Москва : Прогресс, 1975. — 319 с.

26. *Флеонова О. Л.* Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы чёрного юмора: автореферат диссертации … кандидата филологических наук / О. Л. Флеонова. — Москва, 2003. — 24 с.

27. *Шапочкин Д. В.* Прототипические модели в языках и дискурсах / Д. В. Шапочкин. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 148 с. — ISBN 978-5-400-01520-5.

28. Шиляев С. К. Введение в когнитивную лингвистику: учебно-методическое пособие / С. К. Шиляев. — Томск : Томский государственный университет, 2018. — 46 с.

29. *Шмид В.* Заметки о парадоксе / В. Шмид // Парадоксы русской литературы : сборник статей. — Санкт-Петербург : Инапресс, 2001. — С. 9—16.

30. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.

31. *Conte G. B.* Memoria dei poeti e sistema letterario: Catullo, Virgilio, Ovidio, Lucano / G. B. Conte. — Turin: Giulio Einaudi editore, 1974. — 108 p.

32. *Foster J.* The life of Charles Dickens / J. Foster. — London : Chapman & Hall, 1904. — 590 p.

33. *Gest J. M.* Lawyer in Literature / J. M. Gest. — Boston : Boston book company, 1913. — 276 p.

34. *Matthews M.* Law Meets Literature : Bleak House and the British Court of Chancery [Electronic resource] / M. Matthews. — 2015. — Access mode : https://www.mimimatthews.com/2015/04/06/law-meets-literature-bleak-house-and-the-british-court-of-chancery/ (accessed: 24.05.2022).

35. *Plett H. F.* Intertextuality / H. F. Plett. — Berlin; New York : de Gruyter, 1991. — 139 p. — ISBN 3-11-011637-5.

Material resources

ABBYY — *ABBYY Lingvo x6: English-Russian electronic dictionary, Issue 16.1.3.49*. Electronic program. (2014). Moscow. (In Russ.).

CDSA — Samuel Fallows (ed.). (1886). *A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms*. New York: Chicago : Toronto: Fleming H. Revell Company. 516 p.

Chancery Commission — *Copy of the report made to His Majesty by the commissioners appointed to inquire into the practice of Chancery*. (1826). London. 236 p.

Dickens, C. (1960). *Collected Works, 30 (17): Cold House: Chapters I—XXX*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 564 p. (In Russ.).

Dickens, C. (2018). *Bleak House I.* Moscow: T8 RUGRAM. 462 p.

Dickens, C. *Cold House*. Available at: https://studyenglishwords.com/book/Holodny Dom/306 (accessed: 05.24.2022). (In Russ.).

EPDEL — James Stormonth (ed.). (1904). *Etymological and Pronouncing Dictionary of the English Language*. Edinburgh: London: William Blackwood and sons. 816 p.

References

Ankersmit, F. (2003). *Narrative logic: a semantic analysis of the language of historians*. Moscow: Idea-Press. 360 p. ISBN 5-7333-0058-2. (In Russ.).

Archer, P. (1959). *English judicial system*. Moscow: Publishing house of foreign literature. 134 p. (In Russ.).

Arnold, I. V. (1999). Semantics. Stylistics. Intertextuality: a collection of articles. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. 444 p. (In Russ.).

Bart, R. (2000). Introduction to the structural analysis of narrative texts. In: *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*. Moscow: Progress. 196—238. (In Russ.).

Bezrukov, A. N. (2005). *Poetics of intertextuality: study guide*. Birsk: Birsk State Social and Pedagogical Academy. 70 p. (In Russ.).

Conte, G. B. (1974). *Memoria dei poeti e sistema letterario: Catullo, Virgilio, Ovidio, Lucano.* Turin: Giulio Einaudi editore. 108 p.

Dymarsky, M. Ya. (1999). *Problems of text formation and artistic text: (based on Russian prose of the 19th—20th centuries)*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. 281 p. (In Russ.).

Dzyuba, E. V. (2018). *Cognitive linguistics: a textbook for higher educational institutions.* Yekaterinburg: Publishing house of the Ural State Pedagogical University. 280 p. ISBN 978-5-7186-0976-9. (In Russ.).

Fleonova, O. L. (2003). *Linguistic-stylistic and semiotic features of American literature of black humor: author's abstract of PhD. Diss*. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Foster, J. (1904*). The life of Charles Dickens*. London : Chapman & Hall. 590 p.

Galperin, I. R. (2006). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: URSS: KomKniga. 139 p. ISBN 978-5-484-00618-2. (In Russ.).

Genette, J. (1998). *Figures, 2.* Moscow: Publishing house. Sabashniko. 944 p. ISBN 5-8242-0064-5. (In Russ.).

Gest, J. M. (1913). *Lawyer in Literature*. Boston : Boston book company. 276 p.

Gimranova, Yu. (2021). A. *Intertextual analysis: teaching aid*. Chelyabinsk: Publishing house of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 140 p. ISBN 978-5-907409-80-4. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication.* Moscow: Gnosis. 288 p. ISBN 5-94244-007-7. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2020). Uprising: interpretative matrix of the plot. *Language and Culture, 50:* 41—56. (In Russ.).
Kristeva, Y. (2004). *Selected Works: The Destruction of Poetics*. Moscow: ROSSPEN. 652 p. (In Russ.).
Kubryakova, E. S. (2001). On the text and criteria for its definition. In: *Text. Structure and semantics, 1*. Moscow: Nauka. 72—81. (In Russ.).
Leskina, S. V., Sharonova, V. B. (2017). Language specifics of hyperbolization of journalistic texts in Russian and English. *Bulletin of SUSU. Series "Linguistics", 14 (1):* 31—35. DOI: 10.14529/ling170106. (In Russ.).
Litvinenko, T. E. (2012). Prototypicality VS. invariance. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University, 2s (18):* 140—147. (In Russ.).
Lotman, Yu. M. (1996). *Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*. Moscow: Languages of Russian culture. 464 p. (In Russ.).
Matthews, M. (2015). *Law Meets Literature : Bleak House and the British Court of Chancery*. Available at: https://www.mimimatthews.com/2015/04/06/law-meets-literature-bleak-house-and-the-british-court-of-chancery/ (accessed: 24.05.2022).
Nabokov, V. V. (1998). *Lectures on foreign literature*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publishing House. 512 p. ISBN 5-86712-042-2. (In Russ.).
Petrova, N. Yu. (2017). *Principles and strategies of perspectivization in a dramatic text*. PhD. Diss. Moscow. 528 p. (In Russ.).
Pyzh, A. M. (2015). The use of legal terminology in literary texts. *Scientific research: from theory to practice, 1 (2):* 214—218. (In Russ.).
Schmid, V. (2003). *Narratology.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
Shapochkin, D. V. (2018). *Prototypical models in languages and discourses*. Tyumen: Publishing house of the Tyumen State University. 148 p. ISBN 978-5-400-01520-5. (In Russ.).
Shilyaev, S. K. (2018). *Introduction to cognitive linguistics: teaching aid.* Tomsk: Tomsk State University. 46 p. (In Russ.).
Shmid, V. (2001). Paradox Notes. In: *Paradoxes of Russian literature:* collection of articles. St. Petersburg: Inapress. 9—16. (In Russ.).
Silman, T. I. (1958). *Dickens. Essays on creativity*. Moscow: State publishing house of fiction. 408 p. (In Russ.).
Smirnov, I. P. (1995). *Generation of intertext (elements of intertextual analysis with examples from B. Pasternak's work)*. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University. 189 p. ISBN 5-87403-058-1. (In Russ.).
Turbina, O. A. (2013). Nature of emotive syntax and its categories. *Bulletin of SUSU. Series "Linguistics", 10(2):* 4—9. (In Russ.).
Wilson, E. (1975). *The World of Charles Dickens*. Moscow: Progress. 319 p. (In Russ.).
Zavrumov, Z. A. (2015). Implicational of a literary text: a language game in an ironic mode. *Humanitarian Studies, 4 (56):* 150—154. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.01.2022,
одобрена после рецензирования 31.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Димитриева О. А. Об особенностях функционирования вакхической лексики в художественном мире Д. С. Мережковского (на примере романа «Петр и Алексей») / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 99—115. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-99-115.

Dimitrieva, O. A. (2022). Features of Functioning of Bacchic Vocabulary in Novel of D. S. Merezhkovsky "Peter and Alexei". *Nauchnyi dialog, 11(5):* 99-115. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-99-115. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-99-115

Об особенностях функционирования вакхической лексики в художественном мире Д. С. Мережковского (на примере романа «Петр и Алексей»)

Димитриева Ольга Альбертовна
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Researcher ID AAZ-3038-2020
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков; старший научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогики имени академика РАО Г. Н. Волкова
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары, Россия)

Features of Functioning of Bacchic Vocabulary in Novel of D. S. Merezhkovsky "Peter and Alexei"

Olga A. Dimitrieva
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Researcher ID AAZ-3038-2020
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Chuvash Languages; Senior Researcher, the Research Institute of Ethnopedagogics named after Academician of the Russian Academy of Education G. N. Volkov
olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

© Димитриева О. А., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности ситуации винопития, ее индивидуально-авторская интерпретация в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей». Актуальность работы связана, во-первых, с вхождением ее в круг исследований авторского идиостиля, во-вторых, с определением влияния взглядов автора-символиста на представление деталей быта, в частности ситуации винопития. Материалом для изысканий послужила выборка контекстов, имеющих в своем составе вакхическую лексику. Новизна исследования видится в том, что данный роман рассматривается с точки зрения репрезентации бытовых ценностей в контексте историософского романа, в то время как традиционно роман определяется как символистский и подчеркивается его значимость в выражении религиозно-философских взглядов автора. Выявлено, что включение слов, обозначающих наименование посуды (*чан, ушат, фляга* и т. п.), в картину «всепьянейших соборов» Петра придает винопитию черты всеохватности и масштабности. Уделяется внимание символическому прочтению вина, а также отмечается, что сакральное и профанное находятся в постоянной взаимосвязи и часто имеют вакхическую интерпретацию. Указывается, что в сцены винопития вводится лексика с семантикой смерти, что задает символическое толкование и эксплицирует авторскую оценку.

Ключевые слова:
Д. С. Мережковский; объект винопития; семантика; культура винопития; национальный менталитет; идиостиль; индивидуально-авторская картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the situation of wine drinking, its individual author's interpretation in D. S. Merezhkovsky's novel "Peter and Alexei" are considered. The relevance of the study is connected, firstly, with its inclusion in the circle of studies related to the study of the author's idiostyle, and secondly, with determining the influence of the views of the author-symbolist on the representation of the details of everyday life, in particular the situation of drinking wine. The material for the research was a selection of contexts containing Bacchic vocabulary. The novelty of the study is seen in the fact that this novel is considered from the point of view of the representation of everyday values in the context of a historiosophical novel. While traditionally the novel is defined as a symbolist one, its importance in expressing the religious and philosophical views of the author is emphasized. It was revealed that the inclusion of words denoting the name of the dishes (*chan, ushat, flyaga*, etc.) in the picture of Peter's "most drunken cathedrals" gives wine-drinking features of inclusiveness and scale. Attention is paid to the symbolic reading of wine, and it is also noted that the sacred and the profane are in constant relationship and often have a Bacchic interpretation. It is indicated that vocabulary with the semantics of death is introduced into the wine-drinking scenes, which sets a symbolic interpretation and explicates the author's assessment.

Key words:
D. S. Merezhkovsky; object of wine drinking; semantics; culture of wine drinking; national mentality; idiostyle; individual-author's worldview.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’42+811.161.1’37

Об особенностях функционирования вакхической лексики в художественном мире Д. С. Мережковского (на примере романа «Петр и Алексей»)

© Димитриева О. А., 2022

1. Введение = Introduction

Данная работа является продолжением исследований автора такого фрагмента семантического поля художественного текста, как «Винопитие», в его индивидуально-авторской интерпретации. В художественной литературе второй половины XIX века одной из особенностей в репрезентации ситуации винопития является его социально-иерархическая оценка. Так, в романах Ф. М. Достоевского мы находим национально-обусловленные вакхические качества личности: <...> ***в России пьяные люди у нас самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные*** (Братья Карамазовы) [Достоевский, 2004, с. 209] (подробнее см. [Димитриева, 2019]). В произведениях Н. С. Лескова часто указывается на связь между вероисповеданием, национальностью и употреблением спиртного: *Делать Вишневскому здесь было нечего, и он начал «чудить». Прежде всего он надумал импонировать москвичам своей* ***хохлацкой «нацыей»****. Он не хотел никого знать — одевался по-хохлацки, много* ***пил «запридуху»*** *и ел, будто, одно только медвежье мясо* (Старинные психопаты. Эпопея о Вишневском и его сродниках) [Лесков, т. 7, с. 452] (подробнее см. [Димитриева, 2020]). В художественном мире Л. Н. Толстого отдается предпочтение этически и социально эксплицированной оценке. *Лет десять уж проходили, и размах кончался, и Никите* [Серпуховскому] *становилось грустно жить. Он начинал уже попивать, то есть хмелеть от вина, чего прежде с ним не бывало.* ***Пить же, собственно, он никогда не начинал и не кончал*** (Холстомер). Употребление спиртного становится общественной константой, маркером социального положения (подробнее см. [Димитриева, 2021]).

Литературе XX века присущи свои характеристики. Н. М. Солнцева, описывая некоторые универсалии новой литературы, отмечает, что литература «отмежевалась от главного мифа предшественников — о национальном характере» [Солнцева, 2002], здесь происходит «неприятие классических представлений о русских добродетелях». Другой значимой чертой является то, что в отличие от XIX века — «века ответов» «литературный XX в. — век Фомы, сомнений, вопросов, ересей, утопий» [Там же]. При-

CC BY

веденные свойства имеют свое выражение и в описаниях быта, в оценке ситуации винопития и ее осмыслении.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Д. С. Мережковский является основоположником русского символизма и одним из ярких представителей Серебряного века (старший символист). Основные свои воззрения на эстетику и философию символизма он изложил в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» [Мережковский, 1995]. «Наше время должно определить двумя противоположными чертами, — пишет Д. С. Мережковский, — это время самого крайнего *материализма* и вместе с тем самых страстных *идеальных* порывов духа» [Там же, с. 536]. Автор называет также три главных элемента искусства: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [Там же, с. 538], причем «символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности», как и символические характеры, а «художественная впечатлительность», или импрессионизм, отражают «жадность к неиспытанному, погоню за неуловимыми оттенками, за темным и бессознательным в нашей чувствительности» [Там же, с. 538].

С одной стороны, исследователи творчества Д. С. Мережковского изучают жанр романа, его особенности и место в истории литературы. Так, И. М. Михайлова отмечает, что романы в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» не случайно имеют два названия («Смерть богов. Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», «Антихрист. Пётр и Алексей»): «одно из них указывает на исторический сюжет, другое — на центральный мономиф — “вторую действительность”» [Михайлова, 2009, с. 3]. Автор определяет жанр романа как «первый опыт русского историко-мифопоэтического романа» [Там же, с. 21], в котором Мережковский «выстраивает собственную мифологическую концепцию» [Михайлова, 2007, с. 17]. О. И. Плешкова считает роман о Петре не историческим, а скорее «философским, эсхатологическим романом-предупреждением, конструктивным принципом которого выступает мистицизм» [Плешкова, 2010, с. 63]. А. М. Лобин пишет, что историософия становится «продуктивной, когда объектом рефлексии становятся наиболее спорные и неоднозначные исторические лица и периоды» [Лобин, 2021, с. 24], а такой неоднозначной является эпоха Петра I.

С другой стороны, исследователи выявляют языковые средства, с помощью которых Д. С. Мережковский воссоздает историческую мифопоэтику романа. С. Д. Титаренко уделяет особое внимание изображению произведений искусства в трилогии как репрезентантам мифологического

CC BY

кода, «создающего образ религиозной культуры языком визуального» [Титаренко, 2020, с. 137]. В своем исследовании И. А. Хромова изучает тропы, которые являются не столько средством выразительности, сколько «конструктивными приемами, которые держат религиозно-философскую и художественную конструкцию романа» [Хромова, 2006, с. 18]. Т. А. Неверова исходит из изучения концепта «Антихрист», который является ключевым в романе и одновременно «единицей картины мира Д. С. Мережковского», «продуктом его религиозно-философских взглядов» на деятельность Петра I и подчеркивает негативную его оценку [Неверова, 2021, с. 125].

Таким образом, исследователи творчества Д. С. Мережковского единодушны в том, что роман о Петре I становится экспликатором религиозно-философских взглядов автора-символиста на эпоху.

Символическое прочтение действительности и окружающих образов находит свое отражение в деталях быта. Так, Е. И. Абрамова подчеркивает роль костюмной детали в противопоставлении Петра-Антихриста и Алексея: костюмы Петра и Алексея, мотив карнавальной маски, на «костюмном уровне» осуществлено и противопоставление нового государства старой боярской Руси — все это в целом отражает двойственность мира [Абрамова, 2010]. Особым смыслом наделяются и другие аспекты бытовой культуры, в частности, ситуация винопития. Предметом рассмотрения данной статьи является вакхическая лексика, участвующая в интерпретации ситуации винопития, и особенности ее функционирования.

Материалом для исследования является последний в трилогии «Христос и Антихрист» роман Д. С. Мережковского — «Антихрист. Петр и Алексей». Используются метод сплошной выборки, описательный, контекстуальный и интерпретативный анализ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вакхическая лексика, вербализующая объект

Одна из особенностей репрезентации винопития в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» заключается в описании застолий Петра, или «всепьянейших соборов», которые автор называет не иначе как *попойка* (19 словоупотреблений). Эти собрания имеют маскарадный характер, что отрицательно оценивалось церковью — в православии это один из признаков бесовства [Лотман, 1999, с. 100]. Во время этих собраний процесс винопития ритуализируется, иронически уподобляется церковному, происходит искажение церковных молитвенных формул (1), создается «вакхический» инвентарь, обслуживающий ритуал пития (2):

(1) *На одном конце стола восседал шутовской князь-папа, окруженный кардиналами. Он возгласил торжественно: — Мир и благословение всей*

CC BY

честной кумпании! ***Во имя Отца Бахуса, и Сына Ивашки Хмельницкого, и Духа Винного причащайтесь! Пьянство Бахусово*** *да будет с вами! — Аминь! — ответил царь, исполнявший при папе должность протодьякона. Все по очереди подходили к его святейшеству, кланялись ему в ноги, целовали руку, принимали и выпивали большую ложку перцовки: это чистый спирт, настоянный на красном индийском перце* [Мережковский, 2004, с. 102];

(2) *Если был когда-нибудь человек, менее всего похожий на христианина, то это Петр. Какое ему дело до Христа? Какое соединение между Марсовым железом и Евангельскими лилиями? Рядом с набожностью кощунство. У князя-папы, шутовского патриарха,* ***панагию заменяют глиняные фляги с колокольчиками. Евангелие — книга-погребец со склянками водки; крест — из чубуков*** [Там же, с. 118].

Масштаб винопития эксплицирован посредством наименований посуды: помимо типичных для застолий емкостей типа *рюмка, стакан, кубок, чара, кружки, бутылка, шкалик, штоф*, встречаются такие, как *фляга, бочка, чан, ушат, большая деревянная ложка*. Рассмотрим следующий пример: *На длинных, гнувшихся от тяжести шестах царские гренадеры принесли* ***огромный ушат перцовки****. Кроме лиц духовных, которые здесь так же присутствовали, как и на других подобных шутовских собраниях, все гости, не только кавалеры, но и дамы, даже девицы, должны были по очереди подходить* ***к ушату****, принимать от князя-папы большую* ***деревянную ложку с перцовкою*** *и, выпив почти все, несколько оставшихся капель вылить на жертвенник; потом кавалеры целовали Венус, смотря по возрасту, молодые в ручку, старые в ножку; а дамы, кланяясь ей, приседали чинно, с «церемониальным куплементом». Все это, до последней мелочи заранее обдуманное и назначенное самим государем, исполнялось с точностью, под угрозой «жестокого штрафа» и даже плетей. Старая царица Прасковья Федоровна, невестка Петра, вдова брата его, царя Иоанна Алексеевича, тоже* ***пила водку из ушата*** *и кланялась Венере* [Там же, с. 31]. В этом примере так же, как и в приведенных выше, описывается последовательность действий — церемониал поклонения (в данном фрагменте — Венус), обязательно включающий в себя употребление спиртного и поцелуй или поклон в зависимости от пола участника ритуала. Спиртное «сакрализуется», с одной стороны, за счет участия в ритуале, с другой стороны, из-за своего состава, описываемого в первом примере, — *чистый спирт* (вспомним вечерний ужин Маргариты со свитой Воланда — напиток, предложенный Маргарите, тоже спирт).

Сакральная функция вина, представляемая официальной церковью — таинством евхаристии, противопоставляется в романе *пиву (пивушку)* в речи сектантов: (1) *И наклонившись к Тихону, прибавил* [Емельян] *шепотом: —*

CC BY

Есть церковь истинная, новая, тайная, светлица светлая, из кипариса, барбариса и аниса срубленная, горница Сионская! Не сухарей тех черствых, а пирожков горяченьких, да мягоньких, прямо из печи там кушают — слов живых из уст пророческих; там ***веселие райское****, небесное,* ***пиво духовное****, о нем же церковь поет; приидите,* ***пиво пием новое****, нетления источник, из гроба одождивша Христа. — То-то* ***пивушко****! Человек* ***устами не пьет, а пьян живет****, — воскликнул Парфен Парамоныч и, вдруг закатив глаза к потолку, фистулою неожиданно тонкой запел вполголоса: Варил* ***пивушко****-то Бог, Затирал Святой Дух…* [Там же, с. 456]. В описании истинной церкви используется в качестве показателя райской жизни *пиво*, что отличается от традиционного представления, например, в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» таким напитком является *вино*: (2) *Старец приподнял Алешу рукой, тот поднялся с колен. —* ***Веселимся****, — продолжает сухенький старичок, —* ***пьем вино новое, вино радости новой, великой****; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и премудрый архитриклин,* ***вино новое пробует****. Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь* [Достоевский, 2004, с. 364]. В обоих фрагментах говорится о веселии как райском состоянии (*веселие райское, небесное* — пример 1; *веселимся, вино радости* — пример 2), символикой этого состояния является у Д. С. Мережковского *пиво духовное, пиво новое, пивушко*, у Ф. М. Достоевского — *вино новое; вино радости великой*. И тот, и другой автор пишут о новой духовной идее (*пиво новое / вино новое*), последователи которой ее исповедуют, то есть *пьют / пробуют*. Приведенные фрагменты непосредственно связаны с евангельским высказыванием Христа о новом учении: *И никто не вливает* ***молодого вина*** *в* ***мехи ветхие****; а иначе молодое вино прорвёт мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но* ***молодое вино должно вливать в мехи новые****; тогда сбережётся и то и другое* (Мф. 9:17).

Впоследствии в сюжете романа «Петр и Алексей» обнаруживается ложность «*пива духовного*», исповедуемого сектой Аверьяна Беспалого. На протяжении всего романа герой Тихон занят поисками веры истинной, и люди («детушки Божьи»), с которыми ему приходится встречаться, сектанты, или староверы, или старцы в скиту (ортодоксы), испытывают состояние опьянения своей духовной мыслью, идеей: *Тихон заметил, что у о. Сергия, когда он говорил это,* ***глаза*** *были такие же* ***пьяные****,* ***как у «детушек Божьих»****: только там* ***краткое, буйное****, — а здесь* ***вечное, тихое****,* ***как бы трезвое, пьянство*** [Мережковский, 2004, с. 483].

Таким образом, с помощью упоминания объекта винопития (в частности, наименований посуды) создается ощущение массовости употребления спиртного и масштабности события. Ложность учения маркируется с помощью временного введения в статус сакрального «нетрадиционного» на-

CC BY

питка — *пива*. Фанатичное следование какой-либо идее приравнивается к вакхическому состоянию.

3.2. Репрезентация вакхического состояния

В романе «Петр и Алексей» состояние опьянения чаще всего передается с помощью прилагательного *пьяный (пьян)*. При описании «массового» питья — попоек и состояния, испытываемого участниками, в состав характеристик включается лексика с семантикой смерти: употребляются прилагательное *смертельный,* наречия *замертво*, *смертельно*, сравнения *как мертвый*, *как тела убитых после сражения,* глагольная пара *умереть — умирать*, указывается степень опьянения или предел — с помощью словосочетания *до смерти.* Приведем примеры:

(1) *Она* [царевна Марья] *хотела что-то возразить, но вдруг опять взглянула на него своим острым, колючим взором. — Что это, царевич, лицо у тебя такое? Не можется, что ли? Аль пьешь? — Пью. Насильно поят. Третьего дня на спуске корабельном* ***замертво вынесли*** [Мережковский, 2004, с. 79];

(2) *Вице-адмиралу Крюйсу раскроили голову бутылкою. Князь Меншиков* ***упал замертво со страшно посиневшим лицом****: его растирали и приводили в чувство,* ***чтобы он не умер****:* ***на таких попойках часто умирают****. Царского духовника, архимандрита Федоса, рвало. «Ох смерть моя! Матерь Пресвятая Богородица!» — жалобно стонал он. Князь-папа храпел, навалившись всем телом на стол, лицом в луже вина <…> Царевич* ***лежал на полу****,* ***совершенно пьяный, как мертвый****, между этими двумя шутами, двумя призраками древнего величия — русским царем и русским патриархом* [Там же, с. 105];

(3) *Во дворце, за обычной попойкой, первый раз в жизни выпил* [Алексей] *стакан водки, чтобы согреться, и сразу охмелел. Голова закружилась, в глазах потемнело. <…> Шатаясь, встал он, подошел к отцу, посмотрел на него исподлобья, как затравленный волчонок, хотел что-то сказать, что-то сделать, но вдруг побледнел, слабо вскрикнул, покачнулся и* ***упал к ногам отца, как мертвый*** [Там же, с. 223];

(4) *Иногда эти шутки ужасны, особенно во время святочных попоек, так называемого славления. «Сия потеха святок, — говорил мне один старый боярин, — так происходит трудная, что многие к тем дням приуготовляются,* ***как бы к смерти****». Таскают людей на канате из проруби в прорубь. Сажают голым задом на лед.* ***Спаивают до смерти*** [Там же, с. 112];

(5) *Меня нарочно* ***спаивали****. Я ослабел духом* ***от смертельного пьянства*** *и от гонений. Впрочем, отец в прежнее время был ко мне добр* [Там же, с. 259].

CC BY

Танатальная интерпретация попоек в приведенных фрагментах имеет двоякое проявление: с одной стороны, описывается результат — приобретенное состояние, вербализуемое глаголами со значением расположения в пространстве (*упал* (2), (3), *лежал* (2), *вынесли* (1)), с другой стороны, указывается на воздействие извне, не зависящее от субъекта состояние, выраженное односоставными неопределенно-личными предложениями (*насильно поят* (1); *меня нарочно спаивали* (5); *спаивают до смерти* (4)).

Проявление семантики жертвы напрямую связано с метафорой военного сражения: «всепитейный собор», разного рода пиршества уподобляются полю брани, на котором есть «раненые» и «погибшие»:

На соседних кораблях пробили зорю. И у нас послышался звук барабана: сам царь — он отличный барабанщик — бил отбой. Это значило: «с Ивашкой Хмельницким (русским Вакхом) была ***великая баталия****, и он всех* ***пошиб****». Гренадеры* ***выносили на руках пьяных вельмож, как тела убитых с поля сражения*** [Там же, с. 106]; *Чем больше пил* [о Петре]*, тем становилось скучнее. Вставал, садился, опять вставал,* ***бродил между телами пьяных, лежавших на полу, как тела убитых на поле сражения****, и не находил себе места* [Там же, с. 368]; *Как ни строга была полиция, но в этот день ничего не могла поделать* ***с пьяными****: они* ***валялись всюду по улицам, как тела убитых на поле сражения****. Весь город был сплошной кабак. И Сенат, где разговлялся царь с министрами, был тот же кабак; здесь так же галдели, ругались и дрались* [Там же, с. 421].

Лексика, характерная для описаний места военных действий, употребляется применительно к ситуации винопития: сражение (*великая баталия*) — место сражения (*поле сражения*) — участники (*тела убитых*) — их расположение (глаголы *выносить на руках, валяться всюду, лежать*). В первом примере указывается имя неприятеля — *Ивашка Хмельницкий (русский Вакх)* — нанесшего поражение (*он всех пошиб*). Постоянное повторение как эксплицитных (*как тела убитых на поле сражения*), так и имплицитных сравнений формирует оценочный модус высказывания: например, в последнем фрагменте целый город и Сенат (*царь с министрами*) сравниваются с кабаком, что задает оценочную сетку, в которую помещается читатель, и это закрепляет его негативное отношение к происходящему.

Лексемы *кровь* и *вино* (в некоторых фрагментах — *водка*) появляются в одном ряду и выступают как визуальные маркеры деятельности Петра, которая может быть воспринята только в негативном ключе:

(1) *В то время как царь пировал в хоромах, выходивших окнами на площадь, ближние бояре, шуты и любимцы рубили головы. Недовольный их работою — руки неумелых палачей дрожали — царь велел привести к столу, за которым пировал, двадцать осужденных и тут же казнил их*

CC BY

собственноручно под заздравные клики, под звуки музыки: выпивал стакан и отрубал голову; стакан за стаканом, удар за ударом; ***вино и кровь лились вместе, вино смешивалось с кровью*** [Там же, с. 60]; (2) [дневник фрейлины Арнгейм] *Проклятая страна, проклятый народ!* ***Водка, кровь и грязь****. Трудно решить, чего больше. Кажется, грязи* [Там же, с. 87]; (3) *И представился ему, как в видении, бесконечный ряд голов, лежащих у Лобного места, на длинном бревне, вместо плахи, затылками вверх, лицами вниз — русые, рыжие, черные, седые, лысые, кудрявые.* ***Навеселе, только что с попойки****, вместе с Данилычем и прочими гостями, он ходит с топором в руках, засучив рукава, как палач, и рубит одну за другой эти головы. А когда устает, гости берут у него топор, по очереди, и тоже рубят.* ***Все пьяны от крови****. Платье обрызгано* ***кровью****; на земле лужи* ***крови****; ноги скользят в* ***крови****. Вдруг одна из этих голов, когда он уже занес над нею топор, тихонько приподымается, оборачивается и глядит ему прямо в глаза. Это он, Алеша!* [Там же, с. 330]; (4) *Петр налил* ***красного вина в хрустальные кубки****. Подняли, сдвинули. Хрусталь зазвенел.* ***Вино*** *в луче солнца* ***зардело, как кровь****. — За мир, за дружбу вечную! — сказал Петр. Оба выпили сразу до дна* [Там же, с. 336].

Первый и второй примеры содержат однородные ряды *кровь, вино, водка*. В первом отрывке автор описывает казнь стрельцов и прибегает к семантическому повтору: *вино и кровь лились вместе, вино смешивалось с кровью*. Глаголы *пировать* и *рубить (головы)* с разноплановой оценкой помещаются в один контекст и воспроизводят жуткую картину казни: фон ситуации *под заздравные клики, под звуки музыки* наполняется событийными действиями *выпивал стакан и отрубал голову;* повторяющиеся словоформы подчеркивают их интенсивность *стакан за стаканом, удар за ударом*. В третьем примере повторение слова *кровь* в разных формах (родительном, творительном, именительном, предложном падежах), с одной стороны, делит общую картину на фрагменты (люди, их одежда, части тела (ноги), окружение — земля), с другой — объединяет их разнородность и подчеркивает мрачность сцены кровопролития. В четвертом отрывке выстраивается семантический ряд красного спектра — *красное (вино) — зардеть — (как) кровь*, создающий некоторый «мостик», переход от вина к крови.

В конце романа слова с семантикой смерти в вакхической ситуации вновь сочетаются со словами, эксплицирующими символическую (христианскую) функцию вина: оно выступает символом крови, и это непосредственно касается взаимоотношения между царем Петром и сыном — царевичем Алексеем:

Взор Петра остановился на лице сына. ***Царевич был пьян****. Лицо* ***мертвенно бледно****; длинные жидкие пряди волос прилипли к потному лбу;*

CC BY

глаза осоловели; нижняя губа отвисла; пальцы, которыми держал он полную рюмку, стараясь не расплескать вина, тряслись, как у пропойцы [Там же, с. 368]; *А царевич пел и плакал.* ***Потом склонил голову на стол, опрокинув стакан с вином****, — по скатерти разлилась* ***красная, точно кровавая, лужа****, — подложил руку под голову, закрыл глаза и заснул. Петр долго смотрел на это* ***бледное, как будто мертвое, лицо рядом с красною, словно кровавою, лужею****. Денщик подошел к царю и доложил, что лошади поданы. <…> Царь вышел из палаты, где продолжалась попойка, никем не замеченный, сел в кибитку и поехал в Петербург* [Там же, с. 370].

Мережковский дважды дает одну и ту же характеристику Алексея на основе цветового контраста, что усиливает акцент, предвещает последующий кровавый исход: описание лица — *мертвенно бледно; бледное, как будто мертвое* (в примерах выше сравнение *как мертвый* также применялось к описанию пьяного Алексея) и пролитого вина — *красная, точно кровавая, лужа; рядом с красною, словно кровавою, лужею*.

С. Л. Михеева, исследуя портретные зарисовки на материале второго романа трилогии «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи», описывает роль прилагательного, в том числе и повторяющегося: «таким приемом утверждаются стержневые особенности героев произведения», определяется «поведенческий статус персонажа» [Михеева, 2021, с. 171]. Таким образом, повторяемость целых фраз, эпитетов, сравнений в относительно большом фрагменте, описывающем некоторый временной период, свидетельствует о постоянстве и неизменности ситуации, герой выступает как носитель определенного атрибута, неких свойств характера; повторяемость же в пределах предложения или абзаца нагнетает эмоциональный фон, имеет экспрессивное воздействие на адресата, носит персуазивный и суггестивный характер.

3.3. Вакхическая лексика как источник образной номинации для описания природы и чувств

Интересным представляется употребление вакхической лексики в описании состояния природы параллельно с описанием внутренних переживаний героя. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Сани быстро неслись по пустынному бору <…> Снег не падал сверху, а снизу клубился по ветру столбами, курился как дым. И* ***светлая лунная вьюга играла, точно пенилась, в голубовато-мутном небе, как вино в чаше****. Он* [царевич Алексей] *вдыхал морозный воздух с наслаждением. Ему было* ***весело****, словно в душе его тоже* ***играла светлая вьюга, буйная, пьяная и опьяняющая****. И как за вьюгой луна, так за его весельем была* ***мысль****, которой он сам еще не видел, боялся увидеть, но чувствовал, что это ему* ***от нее так пьяно, страшно и весело****. В заиндевелых*

CC BY

окнах изб, под нависшими с кровель сосульками, ***как пьяные глаза под седыми бровями****, тускло рдели огоньки в* ***голубоватой лунной мгле****. «Может быть, — подумал он, глядя на них, — там теперь* ***пьют за меня, за надежду Российскую!****» И ему* ***стало*** *еще* ***веселее****. Вернувшись домой, сел у камелька с тлеющими углями и велел камердинеру Афанасьичу приготовить* ***жженку*** [Там же, с. 175].

(2) *Первый раз в жизни он* [царевич Алексей] *чувствовал себя сильным и страшным отцу. Как тогда, в ту памятную ночь, во время болезни Петра, когда за морозным окном играла* ***лунная вьюга, синяя, точно горящая синим огнем, пьяная*** *— у него захватило дух от радости.* ***Радость опьяняла сильнее вина****, которое он* ***продолжал пить****, почти сам того не замечая, стакан за стаканом,* ***глядя на море, тоже синее, точно горящее синим огнем, тоже пьяное и опьяняющее*** [Там же, с. 264].

Метельный мотив в приведенных фрагментах отличается от традиционного, в частности, от представленного в поэзии. Е. Юкина, М. Эпштейн описывают два облика русской зимы в поэзии: «солнечный, блестящий, торжественный, райский — и метельный, мрачный, разрушительный, бесовский» [Юкина и др., 1979]. Мотив вьюги и метели в литературе архетипически связывается с «универсалией хаоса» [Синякова, 2019, с. 97], а также является «знаком возможных изменений судеб» [Нагина, 2011, с. 47].

Описание природы становится способом передачи состояния внутреннего мира героя, его переживаний и чувств. Образы луны и вьюги служат для характеризации ощущений героя (царевича Алексея), вызванных в нем мыслью о возможном царствовании (*за вьюгой луна <…> за его весельем была мысль*). Подчеркивается существование двух вьюг: *светлая лунная вьюга играла* как во внешнем мире, так и внутри героя. Прилагательные, используемые для описания состояния природы, следующие: *лунная (вьюга), голубовато-мутное (небо), голубовато-лунная мгла*; глаголы, передающие текущие действия, — *играла, пенилась (как вино в чаше)*; в отношении вьюги внутри героя повторяется глагол *играла*, прилагательное *светлая* и добавляются указания на новые свойства эмоционального состояния героя *буйная, пьяная, опьяняющая*, передающие его *веселье*, а также слова категории состояния — *пьяно, страшно, весело*. Таким образом, Д. С. Мережковский находит в мире внешнем отражение мира внутреннего, что почти повторяет то, что автор написал об Анне Карениной: «И в сладострастии, и в буре есть нечто стихийное, страшное и веселое, ледяное и жгучее» [Мережковский, 2000, с. 446]. Вакхическими словами наполняется вся описываемая ситуация: макромир — природа, окружающие предметы, дома (*как вино в чаше; окна изб как пьяные глаза*), люди в них (*пьют за меня, за надежду Российскую*!), микромир — эмоциональное состояние Алексея,

CC BY

преобразующееся в физическое состояние опьянения (*велел камердинеру Афанасьичу приготовить жженку*).

Описываемая во втором отрывке ситуация связана с побегом Алексея за границу. Находясь в независимости от отца, он снова переживает состояние, похожее на то, которое испытывал во время болезни царя. Алексей вспоминает свое состояние радости и мир природы — *вьюга, луна, опьянение, огонь*, здесь же другая стихия — *море* — обладает «вьюжными» свойствами: *синее, точно горящее синим огнем* (сравнение, повторенное дважды), и как реминисценция звучат теперь о море те же слова *пьяное, опьяняющее.* Итак, голубой (синий) цвет, стихия, огонь, опьянение (как эмоциональное, так и физическое — герой *продолжал пить <…> стакан за стаканом*) становятся маркерами желанной Алексеем перемены в его жизни.

Не всегда однозначной в оценке автора является стихия. Вьюга как образная параллель положительных эмоций может сменить свой полюс на отрицательный: *Дабы «учинить сатисфакцию» светлейшему, царевича выгнали из дома и поставили на караул у дверей, как ставят в угол школьника. Была зимняя ночь, мороз и вьюга. Он — в одном кафтане, без шубы. На лице слезы и кровь замерзали.* ***Вьюга выла, кружилась, точно пела и плясала, пьяная***. *И* ***за освещенными окнами дома тоже плясала и пела пьяная старая шутиха****, князь-игуменья Ржевская.* ***С диким воем вьюги сливалось дикая песня****: Меня матушка плясамши родила, А крестили во царевом кабаке, А купали во зеленыим вине. Такая тоска напала на Алешу, что он готов был размозжить себе голову о стену* [Там же, с. 229].

Проводятся параллели в характеристиках вьюги (*выла, кружилась, точно пела и плясала, пьяная*) и действиях шутихи Ржевской (*плясала и пела пьяная*), дикий вой вьюги и дикая песня становятся одним целым в восприятии Алексея. Повторяющиеся слова, маркирующие макромир героя, эксплицируют внутреннее эмоциональное состояние героя: *такая тоска напала на Алешу*.

4. Выводы = Conclusions

В романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» интерпретация ситуации винопития включает следующие особенности:

1) введение наименований посуды, прежде всего крупных сосудов (*чан, ушат, фляга* и т. п.), их включение в картину попоек передает массовость, всеохватность и «масштабность» ситуации винопития;

2) танатальные слова включаются в описания «всепьянейших соборов», чтобы передать значение фатального развития событий либо манифестировать крайнюю степень опьянения;

CC BY

3) вакхическая лексика в описаниях состояния природы («вьюжные», стихийные мотивы) и человека эксплицирует эмоциональные переживания героя, отражает возможные перемены в его судьбе;

4) слова с семантикой вакхического состояния в текстовых фрагментах, посвященных теме поиска истинной веры, являются маркерами фанатизма и ложности исканий;

5) при символическом прочтении спиртного напитка в оппозиции *вино — пиво* сакральным, истинным является первый элемент, традиционный для христианской культуры и литературы в целом, второй же указывает на фальшивость веры. Взаимоотношения отца и сына, Петра и Алексея, показаны через символику, постоянно проявляющуюся во время их общения, в нашем случае — в ситуации винопития: Алексей падает *замертво* пьяный, цвет пролитого им вина красный как кровь, цвет лица *мертвенно бледный*, что косвенно подготавливает читателя к трагической развязке. Одним из приемов, излюбленных писателем, является лексический повтор, часто почти дословный, характеристик героя или его описаний, что имеет эмоциональный и суггестивный эффект.

Сакральное и профанное в романе находятся в постоянной взаимосвязи и часто имеют вакхическую интерпретацию: на всепьянейших соборах используется христианская, церковная символика, во время пребывания Тихона в той или иной обители христианское пересекается с антихристовым, причем участники объединяются по состоянию (стать как пьяные) или проявлению во внешности (пьяные глаза).

Таким образом, ситуация винопития в романе Мережковского перерастает бытовую ситуативность, приобретая ярко выраженный символический характер благодаря различным смысловым преобразованиям.

Источники и принятые сокращения

1. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы : роман / Ф. М. Достоевский. — Москва : АСТ, 2004. — 781 с.

2. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 11 томах [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков. — Москва : ГИХЛ, 1956—1958. — Режим доступа : https://rvb.ru/leskov/toc.htm (дата обращения: 14.03.2022).

3. *Мережковский Д. С.* Петр и Алексей : роман / Д. С. Мережковский. — Москва : Захаров, 2004. — 496 с.

Литература

1. *Абрамова Е. И.* Своеобразие костюма Петра I в романе Д. С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» / Е. И. Абрамова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — № 2 (2). — С. 190—193.

2. *Димитриева О. А.* «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) / О. А. Димитриева // Мир русского слова. — 2019. — № 3. — С. 56—61. — DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056.

3. *Димитриева О. А.* Образ вакхического человека в произведениях Л. Н. Толстого [Электронный ресурс] / О. А. Димитриева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — № 4. — Режим доступа : https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK421.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

4. *Димитриева О. А.* Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н. С. Лескова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 70—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.

5. *Лобин А. М.* Образ Петра первого в историософском романе Д. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» / А. М. Лобин // Филологические аспекты медиакультуры — 2021 / редактор. М. Е. Крошнева. — Ульяновск : УлГТУ, 2021. — С. 24—30.

6. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1999. — 415 с.

7. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. — Москва : Наука, 2000. — 587 с.

8. *Мережковский Д. С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы [Электронный ресурс] / Д. С. Мережковский // Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — Москва : Республика, 1995. — С. 522—560. — Режим доступа: https://merezhkovsky.ru/doc/o-prichinakh-upadka-i-o-novykh-techeniyakh-sovremennoy-russkoy-literatury.html (дата обращения: 14.03.2022).

9. *Михайлова И. М.* Мифологизация русской истории вхудожественном творчестве Д. С. Мережковского: роман «Антихрист (Петр и Алексей)» : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. М. Михайлова — Санкт-Петербург, 2009. — 22 с.

10. *Михайлова И. М.* Принцип двоения в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» / И. М. Михайлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2007. — № 1/1. — С. 15—18.

11. *Михеева С. Л.* О роли имен прилагательных в портретных описаниях (на материале романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи») / С. Л. Михеева // Linguistic typology 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии : материалы II Международного симпозиума. — Ижевск : Удмуртский университет, 2021. — С. 165—172.

12. *Нагина К. А.* «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции / К. А. Нагина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2011. — № 3. — С. 47—55.

13. *Неверова Т. А.* Специфика реализации концепта «антихрист» в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» / Т. А. Неверова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 2. — С. 115—127. — DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-115-127.

14. *Плешкова О. И.* Образ Петра I в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» / О. И. Плешкова // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. — 2010. — № 4. — С. 63—71.

15. *Синякова Л. Н.* «Метельный» текст в прозе А. П. Чехова: поэтика и функции / Л. Н. Синякова // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 4. — С. 88—100. — DOI: 10.17223/18137083/69/8.

16. *Солнцева Н. М.* О некоторых универсалиях новой литературы [Электронный ресурс] / Н. М. Солнцева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. —

2002. — № 2. — С. 35—46. — Режим доступа: https://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1123 (дата обращения: 14.03.2022).

17. *Титаренко С. Д.* Функции визуальных образов в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» / С. Д. Титаренко // Культура и текст. — 2020. — № 4(43). — С. 126—143. — DOI: 10.37386/2305-4077-2020-4-126-143.

18. *Хромова И. А.* Роман Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» (мир художественных образов и символов) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. А. Хромова. — Смоленск, 2006. — 24 с.

19. *Юкина Е.* Поэтика зимы [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. — 1979. — № 9. — С. 169—201. — Режим доступа: https://voplit.ru/article/poetika-zimy (дата обращения: 14.03.2022).

Material resources

Dostoevsky, F. M. (2004). *The Brothers Karamazov: a novel*. Moscow: AST. 781 p. (In Russ.).

Leskov, N. S. (1956—1958). *Collected works, 11*. Moscow: GIHL. Available at: https://rvb.ru/leskov/toc.htm (accessed: 03.14.2022). (In Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (2004). *Peter and Alexei: a novel*. Moscow: Zakharov. 496 p. (In Russ.).

References

Abramova, E. I. (2010). The originality of the costume of Peter I in the novel by D. S. Merezhkovsky “The Antichrist. Peter and Alexei”. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities, 2/2:* 190—193. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2019). “In Russia, drunk people are the kindest among us ...” (On the image of a drunk person in the works of F. M. Dostoevsky). *World of the Russian Word, 3:* 56—61. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2020). Features of the conceptualization of the situation of wine drinking in the works of N. S. Leskov. *Nauchnyi dialog, 2:* 70—84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2021). The image of a Bacchic man in the works of L. N. Tolstoy. *World of Science. Sociology, philology, cultural studies, 4*. Available at: https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK421.pdf (accessed: 03.14.2022). (In Russ.).

Khromova, I. A. (2006). *Roman by D. S. Merezhkovsky “The Antichrist (Peter and Alexei)” (the world of artistic images and symbols): author’s abstract of PhD. Diss.* Smolensk. – 24 p. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2021). The image of Peter the Great in the historiosophical novel by D. Merezhkovsky “The Antichrist. Peter and Alexei”. In: *Philological aspects of media culture — 2021*. Ulyanovsk: UlGTU. 24—30. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1999). *Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century)*. St. Petersburg: Art-SPB. 415 p. (In Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (1995). On the causes of decline and new trends in modern Russian literature. In: *L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions*. Moscow: Respublika. 522—560. Available at: https://merezhkovsky.ru/doc/o-prichinakh-upadka-i-o-novykh-techeniyakh-sovremennoy-russkoy-literatury.html (accessed: 03.14.2022). (In Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka. 587 p. (In Russ.).

Mikhailova, I. M. (2007). The principle of doubling in the novel by D. S. Merezhkovsky “The Antichrist (Peter and Alexei)”. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism, 1(1):* 15—18. (In Russ.).

Mikhailova, I. M. (2009). *Mythologization of Russian history in the artistic work of D. S. Merezhkovsky: the novel "Antichrist (Peter and Alexei)":* author's abstract of PhD. Diss. St. Petersburg. 22 p. (In Russ.).

Mikheeva, S. L. (2021). On the role of adjectives in portrait descriptions (based on D. S. Merezhkovsky's novel "The Resurrected Gods, or Leonardo da Vinci"). In: *Linguistic typology 2: Problems of linguistic typology and cultural studies: materials II International Symposium*. Izhevsk: Udmurt University. 165—172. (In Russ.).

Nagina, K. A. (2011). The "blizzard" world in the works of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov against the backdrop of literary tradition. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism, 3:* 47—55. (In Russ.).

Neverova, T. A. (2021). The specificity of the implementation of the concept of "Antichrist" in D. S. Merezhkovsky's novel "Peter and Alexei". *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 2:* 115—127. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-115-127. (In Russ.).

Pleshkova, O. I. (2010). The image of Peter I in the novel by D. S. Merezhkovsky "The Antichrist (Peter and Alexei)". *Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy, 4:* 63—71. (In Russ.).

Sinyakova, L. N. (2019). "Snowstorm" text in A. P. Chekhov's prose: poetics and functions. *Siberian Journal of Philology, 4:* 88—100. DOI: 10.17223/18137083/69/8. (In Russ.).

Solntseva, N. M. (2002). On some universals of the new literature. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 2:* 35—46. Available at: https://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1123 (accessed: 03.14.2022). (In Russ.).

Titarenko, S. D. (2020). Functions of visual images in the trilogy of D. S. Merezhkovsky "Christ and Antichrist". *Culture and text, 4 (43):* 126—143. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-4-126-143. (In Russ.).

Yukina, E., Epshtein, M. (1979). *Poetics of winter. Questions of Literature, 9:* 169—201. Available at: https://voplit.ru/article/poetika-zimy (accessed: 03.14.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.03.2022,
одобрена после рецензирования 10.05.2022,
подготовлена к публикации 01.06.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в полиэтничной Бурятии : функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации / Г. А. Дырхеева, Д. Д. Бадараев, Э. В. Хилханова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135.

Dyrkheeva, G. A., Badaraev, D. D., Khilkhanova, E. V. (2022). Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 116-135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135

Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации

Дырхеева Галина Александровна [1]
orcid.org/0000-0003-3477-6280
доктор филологических наук
an5dag1@mail.ru

Бадараев Дамдин Доржиевич [1]
orcid.org/ 0000-0001-8173-7175
кандидат социологических наук, доцент
damdin80@mail.ru

Хилханова Эржен Владимировна [2]
orcid.org/0000-0001-9369-343X
доктор филологических наук, доцент
erzhen133@mail.ru

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)
[2] Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII—XXI вв.)», № 121031000243-5

Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations

Galina A. Dyrkheeva[1]
orcid.org/0000-0003-3477-6280
Doctor of Philology, Chief Researcher
an5dag1@mail.ru

Damdin D. Badaraev [1]
orcid.org/ 0000-0001-8173-7175
PhD in Sociology, Associate Professor
damdin80@mail.ru

Erzhen V. Khilkhanova [2]
orcid.org/0000-0001-9369-343X
Doctor of Philology, Associate Professor
erzhen133@mail.ru

[1] The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)
[2] Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out within the framework of the state task, the project "Russia and Inner Asia: the dynamics of geopolitical, socio-economic and intercultural interaction (XVII—XXI centuries)", № 121031000243-5

© Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ некоторых результатов социолингвистического обследования, проведенного в 2020 году в Республике Бурятия. Особенностью данного обследования является обширная выборка (1289 респондентов бурятской и русской национальности) и широкий охват проблем функционирования бурятского языка. Сравнительный анализ с результатами прошлых обследований показал, что продолжается падение уровня владения родным языком бурятами и степень его использования в различных сферах общения. Выявлено позитивное и толерантное отношение к изучению бурятского языка со стороны русского населения при одновременно низкой оценке его «необходимости» как русскими, так и бурятами. Установлена причинно-следственная связь между обязательным преподаванием бурятского языка в школах и увеличением количества людей, читающих и пишущих по-бурятски. Выявлено, что при выборе языка изучения территориальная мотивация является основной для русских, для бурят — мотивация этнической идентичности. При этом этноидентификационный фактор в последнее время теряет свою значимость, что проявляется в высоком уровне двойной (этно)языковой идентификации и уменьшении количества бурят, считающих бурятский язык родным.

Ключевые слова:
бурятский язык; функциональная дистрибуция бурятского и русского языков; языковая компетенция; родной язык; Республика Бурятия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis of some of the results of a sociolinguistic survey conducted in 2020 in the Republic of Buryatia is presented in the article. A feature of this survey is a large sample (1289 respondents of Buryat and Russian nationality) and a wide coverage of the problems of the functioning of the Buryat language. A comparative analysis with the results of previous surveys showed that the level of proficiency in the native language of the Buryats and the degree of its use in various areas of communication continues to decline. A positive and tolerant attitude to the study of the Buryat language on the part of the Russian population was revealed, while at the same time a low assessment of its "necessity" by both Russians and Buryats. A causal relationship has been established between the compulsory teaching of the Buryat language in schools and an increase in the number of people who read and write in Buryat. It was revealed that when choosing a language of study, territorial motivation is the main one for Russians, for Buryats it is the motivation of ethnic identity. At the same time, the ethnoidentification factor has recently lost its significance, which is manifested in a high level of dual (ethno) linguistic identification and a decrease in the number of Buryats who consider the Buryat language to be their native language.

Key words:
Buryat language; functional distribution of the Buryat and Russian languages; language competence; attitude towards languages; native language; Republic of Buryatia.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’272+811.512.31’26

Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации

© Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В., 2022

1. Введение = Introduction

Бурятский язык регулярно становится объектом социолингвистического и социологического изучения. Вследствие этого динамика его функционирования, степени владения языком в корреляции с постоянными переменными (возраст, образование и т. д.) являются достаточно хорошо изученными. В целом констатируется ухудшение положения с бурятским языком, снижение уровня владения им, см., например: [Сундуева, 2005; Трегубова, 2016; Дырхеева, 2017; Бурятский язык …, 2020; Хилханов и др., 2021]. Проведенные исследования показывают, что в последние десятилетия предпринимаются значительные усилия для сохранения и развития бурятского языка, но, несмотря на это, российские буряты, где бы они ни проживали, лучше владеют русским языком, чем родным. Развитие бурятского языка в русскоязычном окружении определяется разнонаправленными тенденциями: усиливается действие интерференции под влиянием русского языка, продолжается процесс стихийной нормализации, усилиями СМИ и национальной школы делаются попытки преодоления смешения бурятских и русских литературных языковых норм. Обычно бурятский компонент бурятско-русского двуязычия у бурят представляет собой диалект или говор, но в случае, если носитель языка обучался в школе родному языку, в его речи наблюдается явление диглоссии, перемежаются литературная и диалектная формы бурятского языка, а также элементы русского. В целом же бурятский язык всё больше уступает место русскому, причём даже в просторечье, в быту.

Несмотря на значительное количество исследований в этой области, гораздо меньше внимания уделяется оценкам, отношению к языкам и мотивациям, лежащим в основе языкового поведения жителей Республики Бурятия, а также сопредельных регионов, где проживают буряты. При этом именно эти, «привязанные к говорящему» факторы представляют особенный интерес в свете активизации деятельности «обычных» людей, bottom-up инициатив в деле сохранения миноритарных языков по всему миру, включая и Россию. Сегодня в социолингвистике в целом (и тем более — в лингвистической антропологии) центр научных интересов смещается от изучения функционирования структур и институтов к анализу

CC BY

поведенческих стратегий на микроуровне — ценностных ориентаций и мотиваций деятельности отдельных людей и малых групп (семья, община, землячество, корпорация и т. д.); см., например: [Иванова, 2021; Языковое сознание …, 2016].

Применительно к бурятскому языку, безусловно, есть работы, которые делают акцент на субъективных факторах. При этом используется широкий спектр методов: ассоциативный эксперимент [Дырхеева, 2020] (хоть работа и написана в лингвокультурологическом, а не социолингвистическом ключе, изучение языкового сознания билингвов может пролить свет на функционирование бурятского языка в условиях двуязычия), фрейм-анализ [Пильчинова, 2015], методика (техника) вербальных масок — *verbal guise technique* [Языковое сознание …, 2016], анализ языкового ландшафта как материализации мнений и языковых практик жителей и владельцев бизнеса в Улан-Удэ [Иванов, 2021], традиционные социологические методы [Будаева, 2015]; см. об этом также в [Степанова, 2016].

Целью данной статьи является комплексный (триангуляционный) анализ объективных и субъективных параметров, характеризующих языковую ситуацию в Республике Бурятия в конце первой четверти XX века, в сравнении с данными по предыдущим годам, начиная с 1989 года. В качестве объективных параметров исследуется функциональная дистрибуция бурятского и русского языков и языковая компетенция жителей Бурятии в отношении владения бурятским языком в синхронном и диахронном аспекте, в качестве субъективных — их мотивации и отношение к языкам.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного социологической группой Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) в 2020 году в рамках Государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2014—2020 гг.». Опрос был проведен в конце 2020 года в г. Улан-Удэ и сельских районах республики. Наша статья представляет собой первую публикацию по результатам данного обследования, целью которого было выявление положения бурятского языка в полиэтническом пространстве Республики Бурятия с позиций его востребованности в условиях глобализирующегося общества.

Объем выборочной совокупности при опросе составил 1289 человек. Из них 43,99 % мужчины, 55,62 % женщины. Возраст респондентов: 18—35 лет — 36,38 %, 36—59 лет — 42,44 %, старше 60 лет — 20,71 %. С точки зрения национальности 37,16 % составили буряты, 58,73 % — русские, 3,8 % — представители других национальностей. По уровню образования

CC BY

участники исследования распределились следующим образом: 33,59 % имели общее среднее образование, 35,07 % — среднее профессиональное, 30,02 % — высшее, специалитет, 0,93 % имели ученую степень. Были опрошены представители разных социальных групп, сфер деятельности, проживающие в г. Улан-Удэ (56,86 %) и пяти сельских районах: Тарбагатайском (7,76 %), Кабанском (7,45 %), Кижингинском (8,22 %), Закаменском (8,22 %) и Иволгинском (8,22 %).

В данном масштабном обследовании применяется интегрированный подход к изучению состояния бурятского языка в условиях языковой неоднородности с анализом следующих её компонентов:

1. Функциональный статус бурятского языка — функциональная дистрибуция бурятско-русского двуязычия в регламентируемых и нерегламентируемых сферах: семейном общении (с детьми, родителями, со старшими родственниками); образовании; общественных местах; на работе; в массовой коммуникации и межличностном общении (бытовом, внутрисемейном, дружеском).

2. Языковая компетенция (уровень владения бурятским языком) бурят и русских в комплексе детерминирующих ее факторов и актуальных тенденций развития российского многоязычия. Под детерминирующими факторами имеется в виду характер национально-языковых отношений в современной России, тип языковой политики, защита языков России, включая бурятский язык, правовыми актами.

3. Этноязыковая идентичность и ее связь с функциональным статусом и уровнем владения этническим языком. Анализируются особенности речевого поведения (выбор родного языка; выбор языка обучения, выбор языка в массмедиа, мотивация изучения языков невладеющими). Учитывается психолингвистический фактор, выражающийся в языковых оценках и ориентациях личности, проявляющийся, в частности, в языковых ассоциациях. Выявляются мнения жителей Бурятии, их оценка эффективности государственных, образовательных, научных, религиозных, общественных организаций, СМИ в деятельности по развитию бурятского языка.

Ограниченные форматом статьи, мы остановимся на некоторых результатах вышеописанного полевого исследования, а именно, как уже было сказано во введении, на функционировании бурятского и русского языков, языковой компетенции жителей Республики Бурятия, на их оценках и мнениях по отношению к разным языковым вопросам — языковому образованию, выбору языка обучения и т. д. Тем самым используемый подход можно обозначить как триангуляционный в широком понимании термина *триангуляция*. Согласно Ó Хифеарнайну, триангуляция может включать опрос, (включенное) этнографическое наблюдение и критический анализ

CC BY

как декларируемой, так и фактической языковой политики отдельных лиц, групп носителей языка, (языковых) активистов, учебных заведений и властей [Ó hIfearnáin, 2018, с. 151—152].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Функциональная дистрибуция бурятского и русского языков

В современной социолингвистике наиболее значимым считается функциональный подход, который учитывает прежде всего объем и характер социальных функций, выполняемых тем или иным языком. Функциональный статус языка является доминирующим признаком понятия «языковая ситуация» [Аврорин, 1975, с. 51]. Как известно, существует прямая зависимость между количеством социальных функций языка, активностью употребления его в различных сферах и его жизнеспособностью.

К сожалению, функциональный статус бурятского языка все более понижается, сокращается количество сфер его активного применения. В целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная система с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении: от полнофункционального русского языка до языков, которые используются только в быту. Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком, незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, информационное обслуживание на бурятском языке ничтожно мало, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается.

Так, судя по результатам проведенного опроса, в целом по республике самой высокочастотной сферой использования бурятского языка является сфера общения со старшим поколением. Для сравнения: если с бабушками и дедушками постоянно общаются 21,02 % опрошенных, с родителями — примерно столько же (20,71 %), с родственниками — 16,76 %, то с детьми — только 10,32 %, а иногда 9,54 %. Пока семейно-бытовая сфера остается основной сферой поддержки бурятского языка, так как на работе (5,12 % — постоянно, 8,15 % — иногда и 11,17 % — редко) и в общественных местах (4,19 % — постоянно, 11,25 % — иногда, 15,21 % — редко) он почти не используется, особенно если учесть, что доля бурят среди опрошенных составляет 37,16 %.

Оплотом дальнейшего существования и развития бурятского языка являются сельские районы республики, в которых относительно компактно проживают носители языка. Среди таковых опросом были охвачены Кижингинский (родным признали бурятский язык 55,66 % опрошенных), Закаменский (бурятский язык родной у 41,51 % респондентов) и Иволгинский районы (соответственно 30,19 %). В такой же последовательности можно

CC BY

распределить и активность использования бурятского языка опрошенных респондентов: кижингинцы чаще всех общаются на родном языке дома (постоянно с родителями — 53,77 %, с бабушками / дедушками — 48,11 %, родственниками — 50 %, с детьми — 39,62 %), на работе (29,25 %) и в общественных местах (25,47 %). Закаменцы, соответственно, постоянно используют бурятский язык с родителями — 41,51 % (практически это все, кто признал родным бурятский язык), с бабушками / дедушками 39,62 %, родственниками — 33,02 %, детьми — 26,42 %, на работе — 10,38 %, а в общественных местах только 3 (2,83 %) человека активно говорят на родном языке в общественных местах.

Подобная ситуация характерна и для большинства регионов России. Как отмечает Н. И. Иванова, «установки сельских саха, как представителей моноэтничного гомогенного социума, отличаются от установок городских саха большим стремлением к двуязычности, что продиктовано стремлением к урбанизации, вследствие тяжелых социально-экономических условий жизни на селе и интегративными интенциями в городском пространстве» [Иванова, 2021, с. 241].

Интересно, что эта тенденция — значительные различия между употреблением бурятского языка дома и в общественных местах — сохраняется уже длительное время: при опросе 1989 года [Дырхеева и др., 1999, с. 31] в г. Закаменске среди бурят она составляла около 60 %. В пригородном Иволгинском районе 41,51 % респондентов используют бурятский язык при взаимодействии с родителями, с бабушками и дедушками — 33,02 %, с родственниками — 20,75 %, с детьми — 8,4 %. Небольшой процент участников опроса (7,55 %) используют его на работе и еще меньше (2,83 %) — в общественных местах. Можно отметить, что в пригороде наблюдается самый низкий показатель общения с детьми на родном языке среди опрошенных сельских районов, что, скорее всего, как и при прошлых социолингвистических опросах, объясняется тем, что в пригородах авторитет языка города влияет на выбор речевого поведения.

В формировании двуязычной языковой личности образовательный уровень носителей языка имеет большое значение. Обычно фактор образованности в условиях российской языковой неоднородности сопутствует снижению языковой компетенции носителей малых языков, поэтому необходимо подробнее рассмотреть их корреляцию на социолингвистическом материале.

Однако, судя по результатам опроса, оказалось (табл. 1), что почти во всех рассматриваемых сферах среднее, средне-специальное, высшее образования не дают существенных расхождений в использовании бурятского языка. Возможно, на показатели речевого поведения информантов с родителями, бабушкой / дедушкой и детьми оказывают влияние значения от-

CC BY

Таблица 1

Использование бурятского языка в зависимости от образования

Ситуация использования	Среднее		Среднее профессиональное		Высшее	
	Постоянно	Иногда	Постоянно	Иногда	Постоянно	Иногда
На работе	5,31	6,00	5,53	8,19	4,65	10,34
Дома с родителями	21,71	8,55	19,91	7,08	21,19	8,01
С детьми	12,7	8,55	10,4	9,51	8,01	10,85
С родственниками	17,78	11,55	16,59	9,96	16,54	11,37
С бабушками / дедушками	21,02	7,39	20,8	5,31	21,45	6,2
В общественных местах	3,7	9,93	4,65	11,06	4,39	12,92

рицательных ответов: отсутствие родителей у более старшего поколения, отсутствие детей у молодых. Кроме того, можно предположить (и это было отмечено ранее [Дырхеева и др., 1999, с. 71—72]), что социальный параметр образования более значим в отношении применения русского языка.

Данные таблицы представляют интерес в плане сравнения колонок «постоянно» и «иногда»: в большинстве семейно-бытовых ситуаций (с родителями, родственниками, бабушкой / дедушкой) данные в колонке «постоянно» превышают показатели колонки «иногда», которую можно интерпретировать как двуязычную ситуацию. В общении же с детьми наблюдаются небольшие отклонения: респонденты с высшим образованием предпочитают общаться с детьми на двух языках, так же, как и в случае «на работе» и «в общественных местах», где независимо от образования двуязычная ситуация встречается чаще, чем одноязычная бурятская.

Для выявления динамики изменения функционального статуса бурятского языка носителями бурятского языка можно провести сравнение (табл. 2) с результатами социолингвистического обследования, проведенного в 1989 году [Дырхеева и др., 1999].

Необходимо отметить, что при опросе 2020 года в анкету не был включен вопрос о степени владения и использовании в различных сферах русского языка. Кроме того, оценка использования бурятского языка проводилась по иным параметрам, которые в таблице приведены в соответствие с опросом 1989 года: «в основном на бурятском» = «постоянно» при опросе 2020 года, «на обоих языках» = «иногда». В 1989 году в анкете

CC BY

Таблица 2

Республика Бурятия, 1989 и 2020 гг.:
использование бурятского и русского языка бурятами
в различных ситуациях (%)

Ситуация использования	В основном на бурятском		В основном на русском		На обоих языках	
	1989	2020	1989	2020	1989	2020
На работе	18,9	11,69	62,4	-	17,1	17,54
Дома с родителями	60,6	53,03	17,9	-	8,9	17,75
С детьми	33,7	25,47	31,1	-	11,4	21,71
С родственниками	60,1	42,17	20,5	-	15,0	25,68
В общественных местах	9,2	9,39	66,7	-	17,1	23,38
С бабушками / дедушками		53,24		7,52	-	13,99
При чтении	4,8		76,6	-	11,3	-
При прослушивании радио / просмотре телепередач	16,1		83,8	-	18,7	-
При переписке	15,9		65,3	-	6,9	-

отсутствовал вопрос об использовании бурятского языка с бабушками / дедушками. А в 2020 году, соответственно, не были включены вопросы об использовании языка при чтении, переписке, прослушивании радио / просмотре телепередач.

Сравнительный анализ данных из таблиц 1 и 2 свидетельствует о том, что большинство показателей использования преимущественно бурятского языка в разных коммуникативных сферах (а именно на работе, в общении с родителями, детьми, родственниками) уменьшились. Можно предположить, что так же обстоит дело и с его использованием при чтении, переписке и восприятии информации в СМИ. Исключение составляют сферы «в общественных местах» (9,2 % и 9,39 % по показателю «в основном на бурятском») и «на работе», где бурятский язык почти стабильно используется параллельно с русским (17,1 % и 17,54 %). В то же время увеличились почти все показатели паритетного использования обоих языков в обследуемых сферах.

3.2. Степень владения бурятским языком (языковая компетенция)

Языковая компетенция является одним из основных компонентов объективной языковой ситуации, соответствующий термин используется для обозначения языковых навыков говорящего, способности воспринимать и

CC BY

производить грамматически правильные высказывания; см. также: [Словарь …, 2006].

В нашем исследовании для определения уровня владения языком анализировались стандартные виды языковой компетенции: понимание, говорение, чтение, письмо. Для оценки уровня владения бурятским языком использовалась пятибалльная система как наиболее удобная для респондентов тем, что она ассоциируется со школьной системой оценок: «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», незнание языка отмечалось маркером «не владею».

По результатам опроса среди бурят, родным признали бурятский язык 57,62 %, русский — 12,94 %, оба языка — 29,02 %. Последний показатель говорит об очень высокой двойной (этно)языковой идентификации. Сравним эти данные с данными Всесоюзной переписи 1989 года, когда 89,4 % бурят указали бурятский язык в качестве родного, 10,56 % указали русский язык, о свободном владении русским языком в качестве второго заявили 73,6 % [Национальный состав …, 1990]. Разница налицо: количество указавших (только) бурятский как родной уменьшилось на 31,78 % за 31 год, то есть, условно говоря, убывало по 1 % в год. Таким образом, за постсоветский период связка «язык — этничность» постепенно разрывается не только в академическом дискурсе, но и в обыденном сознании, которое, по-видимому, отражает таким образом самооценку бурятами их языковой компетенции.

Среди русских почти все (93 %) признали родным русский язык, 1,32 % (10 человек) — бурятский, 4,49 % (34 человека) — оба языка. При этом 16 человек (2,11 %) ответили, что хорошо владеют бурятским языком. Почти 6 % «очень хорошо» и «хорошо» понимают, почти 3 % — говорят по-бурятски. Если посмотреть динамику, то в 1989 году (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года) лишь 0,3 % русских, проживавших в Бурятской АССР, владели бурятским языком [Государственный комитет СССР по статистике, 1990]. (Следует отметить, что неофициальные сведения сильно отличаются от данных переписи: согласно сведениям, опубликованным в газете «Правда Бурятии», в том же 1989 году в сельской местности около 40 % русскоязычного населения в той или иной степени владели бурятским языком, а в городе доля носителей русско-бурятского двуязычия составляла 27 % [Проблема …, 1998]). По данным первой Всероссийской переписи 2002 года, доля владеющих бурятским языком среди русского населения Республики Бурятия увеличилась более чем вдвое, но всё равно осталась незначительной — 0,7 % [Всероссийская перепись …, 2002].

Очевидно, что степень владения языком соответствует степени активности его использования. Как уже отмечено выше, самые высокие показатели использования бурятского языка выявляются в сельских районах

CC BY

Бурятии. Соответствует им и уровень языковой компетенции кижингинцев, закаменцев и иволгинцев (табл. 3). Данные в таблице представлены по оценке «очень хорошо». Показатели по Тарбагатайскому и Кабанскому районам незначительные, максимальными являются значения по 6,25 % (6 человек) у кабанцев, которые «очень хорошо» и «плохо» понимают по-бурятски. В районах г. Улан-Удэ (Октябрьский, Железнодорожный и Советский) показатели использования бурятского языка распределились относительно равномерно.

Таблица 3

Степень владения бурятским языком по районам Бурятии

	Кижинг. район	**Закамен. район**	**Иволгин. район**	**Октябр. район**	**Железнод. район**	**Советский район**
Понимаю	43,4	29,25	21,7	13,39	13,3	12,75
Говорю	36,79	26,42	20,75	9,29	11,93	9,4
Читаю	26,42	19,81	12,26	7,1	7,34	6,71
Пишу	22,64	14,15	8,49	4,37	6,42	6,71

Результаты опроса также подтвердили, что образовательный уровень, как и в случае использования бурятского языка в различных коммуникативных сферах, существенно не влияет на языковую компетенцию. В среднем уровень «очень хорошего» и «хорошего» понимания бурятского языка в Бурятии составляет около 30 %, говорения — 24 %, чтения — около 20 %, письма — более 17 % у респондентов со средним образованием и около 16 % — со средним специальным и высшим образованием.

В таблице 4 приведены результаты опросов 1989 и 2020 годов, которые позволяют сравнить языковую компетенцию бурят в общении на родном языке, условно говоря, в конце первой четверти XXI века и в последней четверти XX века.

Если судить по данным таблицы, по сравнению с показателями 1989 года увеличились цифры удовлетворительного и плохого владения, а также количество не владеющих коммуникативными компетенциями, необходимыми для общения на бурятском языке, — «понимаю» и «говорю». Оценка «очень хорошо» и «хорошо» понимающих родной язык среди бурят в сумме, соответственно, оказалась ниже: 81,9 % по форме «понимаю» в 1989 году и 68,39 % в 2020 году; по форме «говорю» — 72 % в 1989 году и 60,33 % в 2020 году. Примечательно, что виден определенный эффект от восстановления преподавания бурятского языка в школе: незначительно увеличился процент «очень хорошо» и «хорошо» читающих по-бурятски

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 4

Республика Бурятия, 1989 и 2020 гг.:
формы и степень владения бурятами родным и русским языками (%)

Форма	Уровень	Степень владения бурятским языком					Степень владения русским языком				
		Очень хорошо	Хорошо	Удовлетво-рительно	Плохо	Не владеют	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетво-рительно	Плохо	Не владеют
	1989, n = 2710										
Понимают	РБ	39,9	42,0	11,	3,2	1,5	42,1	51,1	4,0	0,4	-
	2020, n = 479										
	РБ	40,29	28,1	16,49	7,1	5,64				-	-
Говорят	1989										
	РБ	31,2	40,8	14,9	6,5	4,6	29,9	57,8	9,7	0,6	-
	2020										
	РБ	33,61	26,72	15,45	11,69	10,65				-	-
Читают	1989										
	РБ	21,9	25,3	15,0	14,8	20,6	35,2	56,8	5,3	0,3	-
	2020										
	РБ	23,17	25,68	20,88	11,9	14,2				-	-
Пишут	1989										
	РБ	19,8	22,4	12,6	14,6	28,1	31,5	57,9	7,6	0,5	-
	2020										
	РБ	17,54	27,71	21,09	14,82	20,46				-	-

и значительно — более чем на 5 % — читающих по-бурятски «удовлетворительно». Более чем на 8 % уменьшилось количество респондентов, не умеющих писать на родном языке.

В связи с этим можно отметить, что почти половина всех опрошенных (47,63 %) изучала бурятский язык в школе, хотя положительно оценили повышение уровня его знания около 32 % респондентов.

3.3. Мотивации и отношение к языкам

Вопрос о том, как изучать мнения людей и языковые установки, требует отдельного теоретико-методологического комментария. Отсылая читателя к работе, где об этом говорится более подробно [Языковое созна-

CC BY

ние …, 2016], скажем кратко, что для социолингвистики методологически важным является разграничение между такими схожими понятиями, как «установки» и «мнения». К. Бейкер определяет мнение как нескрываемое убеждение без аффективной реакции. В отличие от него, установки содержат аффективную реакцию. Во-вторых, мнения вербализуемы, в то время как установки являются скрытыми и проявляются как вербальным, так и невербальным способом. В-третьих, опросы общественного мнения и опросы по выявлению установок — это разные вещи. Опросы общественного мнения направлены скорее на локализацию предпочтений или желаний группы или сообщества. Они представляют индикаторы точек зрения / мнений населения. Опросы по выявлению установок сосредоточиваются больше на связи установок с другими переменными в попытках понять человеческие действия [Baker, 1992, p. 14]. Чувства, эмоции также можно выявить посредством прямого опроса, хотя косвенные методы тут подходят больше (подробнее об этом см. в: [Языковое сознание …, 2016]).

В нашем исследовании изучаются в первую очередь мнения, поэтому метод опроса является адекватным целям исследования. Только два вопроса из 63 запрашивают ассоциации опрашиваемых с бурятским и русским языками. Эти вопросы апеллируют как к метаязыковому сознанию респондентов, так и к неосознаваемым языковым установкам. Однако отношение к языкам присутствует и в объяснении причин изучения (бурятского) языка, и тем более — в оценке эффективности обучения бурятскому языку, которые и будут рассматриваться в данном разделе.

Как известно, становление языковой личности в условиях языковой неоднородности, ее языковые ориентации и установки, речевое поведение во многом определяются характером дистрибуции языков в образовании и воспитании личности, местом родного языка в системе коммуникативных навыков и умений человека. Доминирующими сферами языковой социализации детей-билингвов признаются прежде всего двуязычное семейное общение и обязательное включение компонента родного языка в систему образования.

Осознанный выбор родителями или законными представителями языка обучения и воспитания детей состоит из множества факторов и в целом расценивается как выражение этнической идентичности самих родителей и их намерения к воспроизводству языка. В ходе проведенного опроса была сделана попытка выявить значимость для жителей республики системы языкового образования, включая преподавание бурятского языка.

Выше мы уже говорили о том, что 47,63 % опрошенных изучали бурятский язык в школе. Среди бурят это процент составил 71,4 %, а среди русских — 35,01 %. Положительно оценили эффективность обучения 53,02 % бурят и 20,48 % русских (ответы «определенно лучше стал знать язык» и

CC BY

«немного лучше стал знать»). Интересно, что дополнительно его изучают 11,9 % (57 человек) бурят и 6,21 % (47 человек) русских.

На вопрос «Почему Вы изучаете / изучали бурятский язык?» большинство бурят ответили, что изучали / изучают бурятский язык, потому что он родной (56,58 %), его преподавали в школе (32,36 %), респондент живет в Бурятии (30,48 %), язык помогает в общении с друзьями, родственниками (18,37 %), «хочу слушать и петь песни на бурятском языке» (13,36 %) и т. д. Довольно ожидаемыми являются ответы русских респондентов, большинство из которых изучали бурятский язык, так как его преподавали в школе (25,36 %), 10, 83 % — потому что они живут в Бурятии, 3,83 % — поскольку он помогает в общении с друзьями, родственниками. При этом на вопрос «Если Вы не изучаете бурятский язык, то почему?» 29,33 % русских ответили, что это не их родной язык, у 26,95 % нет времени для его изучения, 23,12 % ответили, что он им не пригодится в жизни, для 20,08 % бурятский язык неинтересен и т. д. Для бурят основными причинами являются следующие: они и так его знают (48,23 %), у них нет времени для его изучения (17,75 %), испытывают трудности при изучении языков (11,9 %), для 7,93 % опрошенных не хватает материалов, книг и пособий для его изучения.

Что касается выбора языка обучения, то более 50 % бурят считают обязательным преподавание бурятского языка для всех детей в детских садах и школах. Большинство русских респондентов (около 40 %) считают, что обучение должно проводиться для всех, но только по желанию. Согласны с обязательным преподаванием бурятского языка в школе / садике для всех детей независимо от национальности 18,76 / 22,06 % русских респондентов, только для детей бурятской национальности — 16,38 / 22,19 %.

Жизнь в цифровую эпоху несет высокие риски для этнокультурного развития детей в национальных регионах. Эти риски связаны с новыми инновационными технологиями (гаджеты, мобильные телефоны), усилением влияния русскоязычных СМИ, что в целом способствует формированию не билингвизма, а (русского) монолингвизма. О том, насколько сильны этнохранительные чувства бурят в этих условиях, в некоторой степени можно судить по данным психолингвистического блока исследования 2020 года. Ассоциаты на стимул «бурятский язык» и «русский язык» были получены при ответах на следующие вопросы:

Какими словами Вы охарактеризовали бы бурятский язык?

Какими словами Вы охарактеризовали бы русский язык?

Варианты ответов по обоим языкам: сложный, родной, богатый, древний, красивый, непонятный, чужой, интересный, необходимый.

Психолингвистический эксперимент позволил установить отношение респондентов к русскому и бурятскому языкам, выявить их наиболее ак-

CC BY

туальные характеристики в сознании респондентов. В целом по корпусу для подавляющего большинства опрошенных (86,6 % русских и 80,17 % бурят) русский и бурятский языки, соответственно, являются в первую очередь «родными». Это отражает высокую ценность этнических языков для респондентов, их отношение к данным языкам как к достоянию своей национальной культуры.

Далее по порядку: бурятский язык для бурят «красивый» (56,37 %), «интересный» (50,1 %), «богатый» (43,63 %), «сложный» (41,34 %), он «необходимый» (41,54 %) и «древний» (30,9 %), но «непонятный» (22,76 %), и для небольшой группы «чужой» (6,68 %). Русские респонденты оценили бурятский язык следующим образом: «непонятный» (59,31 %), «сложный» (58,12 %), «чужой» (40,55 %), но в то же время «интересный» (28,8 %), «древний» (21,27 %), «красивый» (16,12 %) и «богатый» (11,49 %). Лишь 8,32 % отметили его «необходимость».

Отношение к русскому языку, соответственно, выглядит следующим образом: для бурят так же, как и для русских, он, в первую очередь, «необходимый» (67,01 % и 62,75 %), он «богатый» (58,46 %), «интересный» (36,95 %), «красивый» (36,53 %), «древний» (31,52 %), и для большой части опрошенных уже «родной» (30,48 %). Негативные реакции «сложный» (23,59 %), «чужой» (15,24 %), «непонятный» (7,1 %) оказались в конце списка.

Очевидно, что оба языка имеют преобладающую положительную характеристику, причем значительную долю составляют эстетические характеристики. Однако в первую очередь язык здесь выступает как этноидентифицирующий маркер, а на втором месте стоит его прагматическая, утилитарная характеристика. Значительное число реакций со значением «трудный» (непонятный, сложный) в определенной степени объясняется системными проблемами в их освоении. Как отмечает Н. Б. Вахтин, чем реже используется язык, тем труднее его осваивать [Вахтин, 2001, с. 234].

4. Заключение = Conclusions

Представленный в статье анализ данных, полученных в ходе масштабного социолингвистического обследования 2020 года, показал, что реальная языковая ситуация в Республике Бурятия остается не очень благоприятной для настоящего и будущего бурятского языка. Сейчас бурятский язык превалирует только в семейно-бытовой сфере, в первую очередь при общении с родителями — ситуация, типичная для миноритарных языков. Этот паттерн языкового поведения характеризуется устойчивостью, не допускает варьирования в зависимости от образования. Именно старшее поколение выступает в качестве хранителей национальных традиций и национального языка. В плане различий «город — село» также наблюдается из-

CC BY

вестная социолингвистическая закономерность: село выступает основным локусом бытования бурятского языка, причем чем ближе село к городу, тем сильнее языковой сдвиг в сторону русского языка.

Сужение остальных сфер функционирования бурятского языка ведет к тому, что все меньше становится стимулов для овладения им как для самих бурят, так и для русских, несмотря на относительно благожелательное отношение последних к изучению бурятского языка. Это проявляется, в частности, в том, что всё реже среди русского населения встречаются противники внедрения бурятского языка как предмета обучения в городских школах и детских садах. Это изменение отношения к бурятскому языку можно охарактеризовать как сдвиг в сознании русского населения республики. Вместе с тем бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие у русских по-прежнему представлено редко, оно отличает в основном лиц, живущих в сельской местности, в окружении одноязычных носителей бурятского языка.

Обобщая, можно сказать, что развитие бурятского языка в русскоязычном окружении определяется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, исследование показало в целом позитивное и толерантное отношение к языкам в Бурятии. Положительным моментом в языковой ситуации в республике последних десятилетий является то, что языковой вопрос стал привлекать все больше внимания государственных и общественных органов, распространилось понимание того, что проблема существует и её надо решать. Налицо психологический сдвиг в сознании людей, как бурят, так и русских. С другой стороны, несмотря на это, бурятский язык все больше уступает место русскому языку даже в просторечье, в быту, хотя в сельских районах Бурятии он все еще сохраняет свои позиции.

С точки зрения языковой компетенции увеличивается количество людей, слабо владеющих естественными формами общения на бурятском языке — понимание и говорение. Однако при этом стало немного больше людей, читающих и пишущих по-бурятски, что является результатом краткого периода преподавания бурятского языка в школе как обязательного предмета (с начала 1990-х годов до 2015 года). Это говорит о важности системы образования для сохранения миноритарных языков. Однако сейчас, когда решение о преподавании титульных языков в школах отдано на откуп родителям и школьной администрации, только мотивация идентичности и некоторое осознание своего проживания на территории Бурятии пока еще сохраняют бурятский язык в школах. При этом территориальная мотивация является основной для русских, для бурят — мотивация этнической идентичности.

На этноидентификационной мотивации как факторе поддержки бурятского языка следует остановиться особо. С одной стороны, связка «язык — этничность» остается достаточно сильной для бурят, с другой стороны, в послед-

CC BY

ние годы происходит её ослабление, которое проявляется и в высоком уровне двойной (этно)языковой идентификации, и в последовательном уменьшении (по 1 % в год с 1989 года) количества людей, которые считают бурятский язык родным. Это можно считать продолжением начавшейся в советский период (этно)языковой ассимиляции. В более широком контексте можно констатировать, что представления о неразрывной связи языка и этничности, о которых многие исследователи говорили как характерных для россиян [Стефаненко, 1999; Krist et al., 2022], постепенно ослабляются. Полагаем, что это неизбежное следствие глобализации. С точки зрения перспектив бурятского и других миноритарных языков оно, однако, является неблагоприятным, лишая их основной мотивации для знания / изучения данных языков.

К этому глобализационно-обусловленному тренду добавляются прагматичные мотивации, выражающиеся в оценках перспективности языков с точки зрения того, «пригодятся ли они в жизни». Ассоциаты, полученные в психолингвистическом блоке исследования 2020 года, показали, что как буряты, так и русские отметили «необходимость» русского языка и лишь немногие — «необходимость» бурятского языка, несмотря на положительные эстетические качества обоих языков. В совокупности такие оценки и мнения складываются, как говорил В. М. Алпатов, в отсутствие социальной мотивации для изучения миноритарных языков («…развитие образования на национальных языках сдерживается отсутствием мотивации») [Алпатов, 2010, с. 2].

Источники и принятые сокращения

1. *Всероссийская перепись* населения 2002 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 (дата обращения 23.04.2022).

2. *Население СССР :* По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Государственный комитет СССР по статистике, Информ.-изд. центр. — Москва : Финансы и статистика, 1990. — 44 с.

3. *Национальный состав* населения РСФСР : по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР). — Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1990. — 747 с.

4. *Проблема* двуязычия в свете общественного мнения // Правда Бурятии : газета. — 1998. — 27 мая.

Литература

1. *Аврорин В. А*. Проблемы изучения функциональной стороны языка : (К вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд., 1975. — 276 с.

2. *Алпатов В. М.* Двадцать лет спустя / В. М. Алпатов // Язык и общество в современной России и других странах : международная конференция (Москва, 21—24 июня 2010 г.) : доклады и сообщения / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. — Москва, 2010. — С. 1—5.

3. *Будаева Д. Ц.* Оценка жителями Улан-Удэ современной языковой ситуации / Д. Ц. Будаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 14—1. — С. 167—172.

4. *Бурятский язык* в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития : монография / отв. ред. Д. Д. Бадараев. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2020.

5. *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. — 338 с.

6. *Дырхеева Г. А.* Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) : монография / Г. А. Дырхеева ; отв. ред. Б. Д. Цыренов ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2020. — 237 с.

7. *Дырхеева* Г. А. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект) : коллективная монография / Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. — 143 с.

8. *Иванов В. В.* Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ / В. В. Иванов // Социолингвистика. — 2021. — № 1 (5). — С. 147—163. — DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.

9. *Иванова Н. И.* Языковая ситуация в Республике (Саха) Якутия : якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект) : диссертация ... доктора филологических наук / Н. И. Иванова. — Якутск, 2021. — 375 с.

10. *Пильчинова М. М.* Фрейм-анализ как способ представления видения индивидами языковой ситуации: на примере Республики Бурятия / М. М. Пильчинова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11, № 3. — С. 329—335.

11. *Словарь* социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. — Москва : Институт языкознания РАН, 2006. — 312 с.

12. *Степанова А. А.* Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка : социо- и психолингвистические исследования / А. А. Степанова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 30. — С. 206—215.

13. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — Москва : Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. — 320 с.

14. *Сундуева Д. Б.* Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект : монография / Д. Б. Сундуева. — Чита : Читинский гос. ун-т, 2005. — 182 с.

15. *Трегубова Д. Д.* Бурятский язык в глобальной языковой системе / Д. Д. Трегубова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2016. — Т. 9, № 4 (26). — С. 75—82.

16. *Хилханов Д. Л.* Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы) / Д. Л. Хилханов, Э. В. Хилханова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Философские науки. — 2021. — № 3 (39). — С. 55—65. — DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

17. *Языковое* сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева, Л. М. Любимова, Д. Б. Сундуева. — Москва : Наука-Восточная литература, 2016. — 174 с.

18. *Baker C.* Attitudes and language / C. Baker. — Clevedon : Multilingual Matters, 1992. — 173 p.

19. *Father Baikal* and his Cosmopolitans: Buryats in Europe / S. Krist (ed.). — Wien : Prasens Verlag, 2022. — 218 p. — ISBN 978-3-7069-0599-2.

20. *Ó hIfearnáin T.* The Ideological Construction of Boundaries Between Speakers, and Their Varieties / T. Ó hIfearnáin // New Speakers of Minority Languages : Linguistic Ideologies and Practices / C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). — Basingstoke : Palgrave McMillan, 2018. — P. 151—164.

Material resources

All-Russian population census of 2002. (2002). Available at: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11. (accessed 23.04.2022). (In Russ.).

Population of the USSR: According to the All-Union Population Census of 1989. (1990). Moscow: Finansy i statistika. 44 p. (In Russ.).

The national composition of the population of the RSFSR: according to the All-Union Census of 1989. (1990). Moscow: Respublikanskiy informatsionno-izdatelskiy tsentr. 747 p. (In Russ.).

The problem of bilingualism in the light of public opinion. (1998). *Pravda Buryatii: newspaper, 27 may*. (In Russ.).

References

Alpatov, V. M. (2010). After twenty years. In: *Language and society in present-day Russia and other countries: International conference (Moscow, June 21—24, 2010): Reports and communications*. Moscow. 1—5. (In Russ.).

Avrorin, V. A. (1975). *Problems of studying the functional side of the language: (On the subject of sociolinguistics)*. Leningrad: Nauka, Leningr. otd. 276 p. (In Russ.).

Badaraev, D. D. (ed.). (2020). *The Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: state, problems, factors of preservation and development: monograph*. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University. (In Russ.).

Baker, C. (1992). *Attitudes and language*. Clevedon: Multilingual Matters. 173 p.

Budaeva, D. Ts. (2015). Assessment of the current language situation by the residents of Ulan-Ude. *Bulletin of the Buryat State University, 14—1:* 167—172. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A. (2020). *The Buryat language in the context of bilingualism: features of the transformation of linguistic consciousness (according to the results of an associative experiment): monograph.* Ulan-Ude: Publishing House of BNC SB of the Russian Academy of Sciences. 237 p. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A., Budaev, B. Zh., Bazheeva, T. P. (1999). *Buryat language: modern state (social-linguistic aspect): monograph*. Ulan-Ude: BNC SB of the Russian Academy of Sciences. 143 p. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (2021). Buryat language in the language landscape and language practices in the city of Ulan-Ude. *Sociolinguistics, 1 (5):* 147—163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2021). *The language situation in the Republic (Sakha) of Yakutia: the Yakut language in the context of linguistic heterogeneity (ethnosociopsycholinguistic aspect): Doct. Diss*. Yakutsk. 375 p. (In Russ.).

Khilkhanov, D. L., Khilkhanova, E. V. (2021). The phenomenon of cultural distance in modern conditions (Linguistic and religious factors). *MCU Journal of philosophical sciences, 3 (39):* 55—65. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06. (In Russ.).

CC BY

Khilkhanova, E. V., Dyrkheeva, G. A., Lyubimova, L. M., Sundueva, D. B. (2016). *Linguistic Consciousness and Linguistic Attitudes of the Residents of the Border Regions of the East of Russia (on the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory).* Moscow: Nauka-Vostochnaya literatura. 174 p. (In Russ.).

Krist, S. (ed.). (2022). *Father Baikal and his Cosmopolitans: Buryats in Europe*. Wien: Prasens Verlag. 218 p. ISBN 978-3-7069-0599-2.

Mikhalchenko, V. Yu. (ed.). (2006). *Dictionary of sociolinguistic terms*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 312 p. (In Russ.).

Ó hIfearnáin, T. (2018). The Ideological Construction of Boundaries Between Speakers, and Their Varieties. In: *C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave McMillan. 151—164.

Pilchinova, M. M. (2015). Frame analysis as a way of presenting the individual's vision of the language situation: on the example of the Republic of Buryatia. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research. 11 (3):* 329—335. (In Russ.).

Stefanenko, T. G. (1999). *Ethnopsychology.* Moscow: Institute of Psychology RAS, Akademicheskiy proekt. 320 p. (In Russ.).

Stepanova, A. A. (2016). Ethnical identity and language consciousness of Buryats: sociolinguistic and psycholinguistic studies. *Journal of psycholinguistics, 30:* 206—215. (In Russ.).

Sundueva, D. B. (2005). *Buryat-Russian bilingualism in the Aginsky Buryat Autonomous Okrug: sociolinguistic aspect: monograph.* Chita: Chita State University. 182 p. (In Russ.).

Tregubova, D. D. (2016). Buryat language in the global language system. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS, 9; 4 (26):* 75—82. (In Russ.).

Vakhtin, N. B. (2001). *Languages of the peoples of the North in the 20th century. Language shift essays*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 338 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Литвинова Т. А. Фактор гендера в ассоциативных связях слов : данные словаря и дистрибутивно-семантической модели / Т. А. Литвинова, Е. С. Котлярова, В. А. Заварзина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 136—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-136-156.

Litvinova, T. A., Kotlyarova, E. S., Zavarzina, V. A. (2022). Gender Factor in Associative Links of Words: Dictionary and Distributive-Semantic Model Data. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 136-156. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-136-156. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-136-156

Фактор гендера в ассоциативных связях слов: данные словаря и дистрибутивно-семантической модели

Литвинова Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-6019-3700
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Регионального
центра русского языка,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
компьютерной семасиологии
centr_rus_yaz@mail.ru

Котлярова Елена Сергеевна
orcid.org/0000-0002-4162-5002
лаборант научно-исследовательской
лаборатории компьютерной семасиологии
kray-voronezh@mail.ru

Заварзина Виктория Александровна
orcid.org/0000-0001-6484-4606
аспирант, лаборант научно-
исследовательской лаборатории
компьютерной семасиологии
zva0604@yandex.ru

Воронежский государственный
педагогический университет
(Воронеж, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-78-10148 «Моделирование значения слова в индивидуальном языковом сознании на основе дистрибутивной семантики»

Gender Factor in Associative Links of Words: Dictionary and Distributive-Semantic Model Data

Tatyana A. Litvinova
orcid.org/0000-0002-6019-3700
PhD in Philology, Researcher,
Regional Russian Language Center;
Leading Researcher, Research
Laboratory of Computer Semasiology
centr_rus_yaz@mail.ru

Elena S. Kotlyarova
orcid.org/0000-0002-4162-5002
Laboratory Assistant, Research
Laboratory of Computer Semasiology
kray-voronezh@mail.ru

Victoria A. Zavarzina
orcid.org/0000-0001-6484-4606
Post-graduate Student, Assistant,
Research Laboratory
of Computer Semasiology
zva0604@yandex.ru

Voronezh State
Pedagogical University
(Voronezh, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 21-78-10148 "Modeling the meaning of a word in individual linguistic consciousness based on distributive semantics"

© Литвинова Т. А., Котлярова Е. С., Заварзина В. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью работы является сравнительный анализ ассоциативных связей полнозначных слов из верхней зоны частотного списка, составленного на основе исследовательского корпуса текстов блогов на русском языке, в психолингвистическом эксперименте и дистрибутивно-семантической модели Global Vectors (GloVe), обученной на данном корпусе. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного исследования психологически актуального значения слова. Новизна исследования заключается в том, что подобный анализ проводится с учетом фактора гендера респондента / автора текста. Использование комплекса методов интеллектуального анализа данных (кластеризация, классификация) и визуализации его результатов позволило установить влияние гендера на состав семантических ассоциатов анализируемых слов (то есть слов с близкими векторами в дистрибутивно-семантической модели) и отсутствие такого эффекта у их ассоциатов, зафиксированных в ассоциативном словаре. Как показало исследование, дистрибутивно-семантические модели и словарные ассоциативные нормы отражают разные аспекты психологически актуального содержания слова и должны использоваться как комплиментарные источники при моделировании психологически актуального значения слова с учетом индивидуальных характеристик говорящего, при этом при проведении подобного анализа целесообразно использовать методы интеллектуального анализа данных.

Ключевые слова:
ассоциативный эксперимент; дистрибутивная семантика; дистрибутивно-семантическая модель; корпус текстов; интеллектуальный анализ данных.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the work is to make a comparative analysis of the associative links of full-meaning words from the upper zone of the frequency list, compiled on the basis of a research corpus of blog texts in Russian, in a psycholinguistic experiment and the distributive-semantic model Global Vectors (GloVe), trained on this corpus. The relevance of the work is due to the need for a comprehensive study of the psychologically relevant meaning of the word. The novelty of the study lies in the fact that such an analysis is carried out taking into account the gender factor of the respondent / author of the text. The use of a set of methods for data mining (clustering, classification) and visualization of its results made it possible to establish the influence of gender on the composition of the semantic associates of the analyzed words (that is, words with close vectors in the distributive-semantic model) and the absence of such an effect in their associates recorded in the associative dictionary. As the study showed, distributive-semantic models and dictionary associative norms reflect different aspects of the psychologically relevant content of the word and should be used as complementary sources when modeling the psychologically relevant meaning of the word, taking into account the individual characteristics of the speaker, while conducting such an analysis it is advisable to use data mining methods.

Key words:
association experiment; distributive semantics; distributive-semantic model; corpus of texts; data mining.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’23

Фактор гендера в ассоциативных связях слов: данные словаря и дистрибутивно-семантической модели

© Литвинова Т. А., Котлярова Е. С., Заварзина В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Важным направлением современных семантических и психолингвистических исследований является изучение психологически актуального для носителей языка содержания слова [Пищальникова, 2019б; Васильева, 2020]. В подобных работах активно используются такие методы исследований, как ассоциативный эксперимент (направленный и свободный), семантическое шкалирование и др., при этом ассоциативный эксперимент является «одним из основных методов сбора эмпирических данных при моделировании ассоциативного поля, которое … используется для решения самых разных теоретических и прагматических задач» [Ассоциативный эксперимент …, 2019, с. 5].

Подобная методология обладает большой объясняющей силой при условии учета влияния на результаты экспериментов совокупности собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, в том числе связанных с характеристиками респондентов. В последние годы создаются специальные ассоциативные словари (например, ассоциативный словарь школьников [Гольдин, 2017], гендерный психолингвистический словарь [Гендерный…, 2020]), возрастной психолингвистический словарь [Возрастной…, 2020]) и базы данных, которые содержат информацию о респондентах (прежде всего пол, а также возраст, профессия) (PAT, СИБАС). Указанные источники содержат уникальный психолингвистический материал, который до настоящего времени не в полной мере исследован и осмыслен.

Сбор и интерпретация данных ассоциативных экспериментов представляют собой сложную исследовательскую задачу (см. подробнее об этом: [Пищальникова, 2019а]), требующую значительных временных и трудовых ресурсов. В связи с этим в исследованиях последних лет (преимущественно англоязычных) для изучения феномена психологически актуального содержания слова стали применяться дистрибутивно-семантические модели (далее также — ДСМ), основанные на идее о том, что слова, которые используются в похожих контекстах, близки по значению [Kumar et al., 2021], при этом в дистрибутивной семантике контекст, как правило, понимается как окно заданной длины, в которое входит искомое слово (например, 2 слова до и после искомого слова).

CC BY

Следует отметить, что ДСМ разрабатываются и используются преимущественно для решения прикладных задач информационного поиска (определение тематики документа, кластеризация документов и т. д.) специалистами в области компьютерной лингвистики, IT-специалистами. Однако стремительное развитие данной области, разработка готовых (предобученных) моделей, доступных для скачивания, привела к появлению исследований, в которых подобные модели используются для решения теоретических проблем семантики, см. подробнее об этом: [Boleda, 2020]. Преимуществом ДСМ в сравнении с традиционными психолингвистическими методами изучения значения слова является то обстоятельство, что с помощью первых можно исследовать семантическую структуру лексикона того или иного языка в полном объеме, тогда как, к примеру, самая большая база данных ассоциаций на английском языке “Small World of Words” [De Deyne, 2019] содержит 12 000 стимулов, что намного меньше общего числа слов в языке.

Взрывной рост интереса к названным моделям отмечается начиная с выхода модели word2vec [Mikolov et al., 2013], авторы которой предложили принципиально новый (основанный на использовании нейронных сетей) способ получения векторов малой размерности (см. подробнее о развитии ДСМ в работе [Kumar et al., 2021]). Такие низкоразмерные векторные представления каждого слова по корпусу (набору) текстов носят название *word embeddings*, не имеющее общепринятого перевода на русский язык. Предполагается, что знание о смысле слова распределено между всеми компонентами вектора, при этом каждая компонента отвечает за некоторый признак, входящий в значение слова [Потапенко, 2018].

В последние годы семантические модели, использующие машинное обучение (их называют предсказательными), активно развиваются; появляются новые модели, основанные на методах глубокого обучения [Kumar et al., 2021].

В настоящее время появляются экспериментальные доказательства того, что представление значений слов в дистрибутивно-семантических моделях ближе, чем тезаурусное представление, к тому, как значение слова хранится и обрабатывается в мозге человека [Sassenhagen et al., 2020]. Высказываются мысли о том, что модели векторного представления значений слов являются новой методологией исследования человеческого разума [Там же].

Заметим, однако, что большинство собственно лингвистических исследований с применением аппарата ДСМ выполняется на материале английского языка; как справедливо отмечает М. К. Тимофеева, лингвистические аспекты дистрибутивной семантики применительно к русскому языку остаются малоисследованными [Тимофеева, 2018а, 2018б].

CC BY

Дистрибутивно-семантические модели, однако, не позволяют напрямую идентифицировать семантические характеристики слова, в связи с чем основным методом анализа значения слова при использовании ДСМ является анализ его ближайших соседей, то есть слов, чьи вектора наиболее близки к вектору данного слова, а значит, «находятся с входным словом в определенном семантическом отношении» [Тимофеева, 2018б, с. 77]. В нашей работе мы будем условно называть ближайших соседей слова в ДСМ *семантическими ассоциатами* (вслед за создателями сервиса RusVectōrēs, содержащего набор семантических моделей для русского языка; данный термин применительно к ближайшим соседям слова в ДСМ используется, например, в работах М. К. Тимофеевой [Тимофеева, 2018а, 2018б], в которых было показано, что наиболее частотными типами семантических отношений между искомым словом и его семантическими ассоциатами в проанализированных ею ДСМ русского языка являются отношения гипонимии и согипонимии).

Важно отметить, что ДСМ, как правило, обучаются на корпусах текстов, содержащих речевую продукцию большого числа носителей языка, при этом индивидуальным характеристикам авторов текстов не уделяется внимание. Названное обстоятельство ведет к получению обобщенных семантических представлений, не отражающих специфику психологически актуального для отдельного индивида значения слова.

В то же время ДСМ могут быть чрезвычайно полезны для изучения аспектов значения слова, актуальных для мужчин и женщин, лиц разных возрастных и социальных групп и т. д. В исследованиях, направленных на сравнение ассоциатов, зафиксированных в психолингвистическом эксперименте и отраженных в базах данных (словарях) (далее будем называть их словарными ассоциатами), и ассоциатов ДСМ, полученных на основе корпусов текстов (семантических ассоциатов), не уделяется внимания характеристикам респондентов / авторов текстов, чем обусловлена новизна работы.

Целью исследования является сравнительный анализ словарных и семантических ассоциатов слов из верхней зоны списка самых частотных полнозначных слов корпуса блогов с учетом фактора гендера респондента / автора блога с использованием комплекса методов data mining, в том числе многомерного анализа и визуализации данных.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

В российской лингвистике накоплено множество данных об особенностях ассоциативных реакций мужчин и женщин, лиц разных возрастных групп и т. д. [Горошко, 2001; Значение как феномен актуального…, 2015].

CC BY

Однако, несмотря на то что «ассоциативные нормы благодаря своей статистической “благонадежности” легко поддаются математической обработке, являясь уникальным материалом для выдвижения и проверки статистических гипотез» [Леонтьев, 1997, с. 2], выводы об особенностях ассоциативных реакций лиц тех или иных групп делаются, как правило, на основании простого сравнения пропорций (например, 14 % женщин и 20 % мужчин дают реакции N на слово-стимул A), без какого-либо статистического анализа и проверки гипотез. Мы полностью разделяем мнение Е. И. Горошко о том, что дополнение обычно проводимого в подобных работах качественного анализа статистическими методами привело бы к существенному повышению надежности выводов исследований, выполняемых на основе данных ассоциативного эксперимента [Горошко, 2001]. Кроме того, во многих работах анализируются ассоциативные реакции небольшого числа респондентов; практически не учитывается взаимодействие факторов, которые оказывают влияние на характер ассоциативных реакций (например, пола, возраста, профессии информантов).

Вопрос о вызванных теми или иными связанными с характеристиками авторов текстов различиях в семантических ассоциатах слов также является сложным и малоисследованным; не разработана методология подобных исследований. Существующие единичные решения требуют большого объема данных и сложны в реализации. Как показали наши экспериментальные исследования, одной из наиболее удачных из предложенных на сегодняшний день является методика, изложенная в работе 2022 года [Rodriguez et al., 2022]. Преимуществом предложенного авторами подхода является то, что он дает интерпретируемые результаты. Кроме того, названный подход позволяет выявлять статистически значимые отличия в семантических ассоциатах слов, обусловленные теми или иными анализируемыми факторами (например, характеристиками авторов текстов), путем анализа групповых эмбеддингов. Кроме того, предложенный в работе [Rodriguez et al., 2022] подход позволяет получать вектора даже для слов, отсутствующих в предобученной модели (путем усреднения векторов соседних слов), и работать с корпусами малого объема.

В трудах, направленных на качественное сравнение словарных и семантических ассоциатов слов, как правило, отмечается невысокий процент их совпадения, что рядом исследователей объясняется различиями в структуре и типологических характеристиках ассоциативных полей и ДСМ [Nematzadeh et al., 2017; Rodriguez et al., 2020].

Высказывается мнение о том, что словарные ассоциаты слов, являясь воплощением внутренних языковых моделей (Internal language models, I-language), отражают язык как совокупность знаний в мозгу говорящего; ДСМ

CC BY

рассматривают язык как внешний объект (External language models, E-language), состоящий из всех высказываний говорящих на языке [Taylor 2012].

Новейшие исследования, выполненные с привлечением визуальных данных [Kumar et al., 2021], показали, что словарные и семантические ассоциаты слова отражают его значение на разных уровнях.

В целом, как свидетельствует проведенный нами анализ литературы, проблема сопоставления словарных и семантических ассоциатов слов является активно изучаемой в настоящее время (см. обзоры [Kumar, 2021; Kumar et al., 2021]), и многое в данной области еще предстоит открыть и многие гипотезы проверить.

Следует отметить, что подавляющее большинство подобных исследований проводится на материале английского языка. Существуют единичные работы, направленные на сравнение ассоциатов слов, отраженных в ассоциативных словарях и извлеченных с помощью ДСМ, применительно к русскоязычному материалу. Так, в работе [Антипенко и др., 2020] проводилось сравнение словарных ассоциатов, выбранных из ассоциативных словарей русского языка, и семантических ассоциатов, полученных с использованием ДСМ word2vec, обученной на текстах соцсетей. Было показано, что для большинства исследуемых слов процент совпадения между словарными и семантическими ассоциатами не превышает 10—15 %. Авторы указанной работы объясняют названный факт прежде всего динамикой языкового сознания русскоговорящих (словарные ассоциативные нормы отражают результаты экспериментов, проведенных в более ранние периоды времени, чем время написания текстов, на которых обучали word2vec).

В указанных выше исследованиях не принимаются во внимание характеристики информантов / авторов.

В качестве материала настоящего исследования использовался созданный нами корпус текстов блогов на русском языке объемом 3 072 866 токенов (после удаления стоп-слов), средняя длина текста одного автора (все посты автора объединялись в один) составила 1300 токенов (sd = 865 слов). Авторов-женщин в анализируемом корпусе — 966, мужчин — 1398. Алгоритм сбора корпуса описан нами в работе [Litvinova et al., 2018]. Для целей настоящего исследования корпус был подвергнут ручному анализу: удалялись профили, в которых сведения о поле автора не совпадали с полом автора, эксплицитно выраженным через соответствующие грамматические формы; профили авторов, чьи тексты целиком состояли из заимствованных текстов (новостей и т. д.). Очищенный таким образом корпус доступен в созданной нами базе данных RusIdiolect, специально предназначенной для идиолектных исследований [Litvinova, 2021]. Средний возраст женщин в корпусе — 32,7 года (sd = 9,9), мужчин — 39,5 года (sd = 11,3).

CC BY

Насколько нам известно, только в двух общедоступных ассоциативных базах данных приведена информация о характеристиках респондентов: это РАТ и СИБАС, однако время проведения ассоциативных экспериментов, результаты которых легли в основу СИБАС (2008—2013), ближе ко времени создания блогов (2014—2018), в связи с чем именно СИБАС (основной корпус) был выбран нами в качестве материала для сравнения, несмотря на возможную региональную специфику ассоциативных полей. Как было показано в работе [Антипенко и др., 2020], а также в многочисленных работах, в которых сравнивались словарные ассоциаты слов в различных ассоциативных базах, в том числе РАС и СИБАС (см., например, [Кафтанов, 2019]), состав многих ассоциативных полей изменяется со временем, в связи с чем в данном эксперименте нами была выбрана СИБАС в качестве материала для сравнения семантических ассоциатов исследуемых слов как наиболее близкая база из существующих по времени сбора материала ко времени создания текстов исследовательского корпуса и содержащая данные о гендере информантов.

Для каждого анализируемого слова (список слов и критерии их отбора приведены ниже) из СИБАС нами выбирались ассоциаты с частотностью не менее 4 (как для респондентов-женщин, так и для респондентов-мужчин).

Хорошо известно, что обработка текста перед проведением дальнейших экспериментов является важным этапом работы, которому необходимо уделять пристальное внимание [Rodriguez et al., 2022].

В наших экспериментах мы применяли минимальную предобработку: удалили токены, не являющиеся словами (символы, знаки препинания), привели текст к строчному виду. Были исключены токены, встречающиеся в корпусе менее 5 раз. Служебные слова удалены с использованием пакета quanteda [Quanteda…, 2018], лемматизация проводилась с использованием морфоанализатора Treetagger [Schmid, 1994].

Отбор слов для анализа осуществлялся по следующей схеме: были выбраны самые частотные леммы (первые 40 лемм) в блогах женщин и блогах мужчин (вычислялись относительные частоты), после чего из двух полученных списков были выбраны совпадающие леммы. Итоговый список слов, чьи словарные и семантические ассоциаты сравниваются в нашей работе, после удаления наречий, порядковых числительных, а также слов, ассоциаты которых отсутствуют в СИБАС, выглядел следующим образом: *год, свой, человек, очень, время, самый, день, наш, новый, говорить, сказать, место, дело, работа, сделать, друг, делать, мир, слово, первый, видеть, хороший, думать, дом*.

Для выявления семантических ассоциатов исследуемых слов нами была выбрана модель *GloVe* [Pennington et al., 2014]. Выбор названной модели об-

CC BY

условливался следующими обстоятельствами. Во-первых, названная модель была апробирована в работе авторов метода выявления группо-специфичных семантических ассоциатов [Rodriguez et al., 2022]. Во-вторых, как было показано в работе [Лыченко и др., 2019], несмотря на то что данная модель редко используется при проведении исследований на русскоязычном материале, она требует пристального внимания и изучения на материале русскоязычных корпусов текстов, так как показывает очень хорошие результаты при решении задачи анализа тональности текстов на русском языке. В-третьих, GloVe требуется намного меньше времени на обучение, чем word2vec.

В открытом доступе находится предобученная многоязычная модель *GloVe*, в том числе для русского языка, однако, поскольку нашей задачей являлось сравнение семантических ассоциатов выбранных слов в текстах женщин и мужчин, мы не использовали предобученную модель, а обучали *GloVe* на собранном нами корпусе текстов блогов, снабженном информацией о гендере их авторов, с использованием параметров, рекомендуемых в работе [Rodriguez et al., 2022] (размерность — 300, длина окна — 6), и пакетов quanteda [Quanteda…, 2018] и text2vec [Selivanov et al., 2020].

Для отобранных для анализа слов вычислялось соотношение мер косинусового расстояния для каждого из 10 его ближайших соседей в ДСМ, построенной на текстах блогов авторов-женщин и авторов-мужчин, с использованием функции Nearest neighbors cosine similarity ratio (nns_ratio) пакета ‘conText’ [Rodriguez, Spirling, 2022]. Полученные отношения отражают уровень различий во встречаемости семантического ассоциата того или иного слова в текстах женщин и мужчин (указанная функция позволяет также оценивать статистическую значимость найденных отличий).

Пример визуализации результатов анализа с использованием названной функции представлен далее (рис. 1).

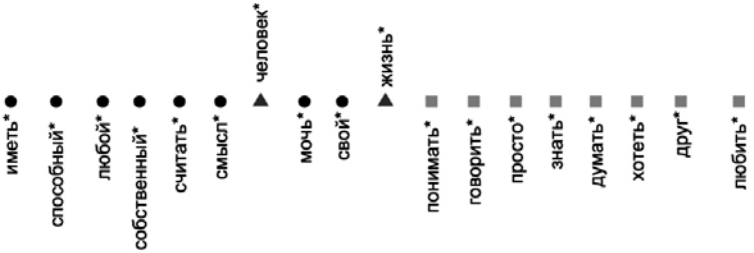

Рис. 1. Пример визуализации результатов анализа, направленного на выявление различий в составе семантических ассоциатов слова *человек* в векторном пространстве, построенном на текстах мужчин и женщин (кругом обозначены семантические ассоциаты слова *человек*, характерные для текстов мужчин, квадратом — для текстов женщин, треугольником – общие ассоциаты, $p < 0,01$)

CC BY

Словарные ассоциаты слова *человек* в СИБАС у респондентов-мужчин (в порядке убывания частотности ответов) таковы: *разумный 21; существо 12; обезьяна 10; волк; животное; личность 8; я 7; паук 6; добрый; и закон 5*. Реакции респондентов женщин на указанный стимул выглядят следующим образом: *разумный 14; личность; существо 10; обезьяна; паук 9; жизнь; хороший 8; друг; животное 7; добрый; люди 6; тело 5*.

На основе полученных данных вычислялся индекс гендерной дифференциальности (ИГД) ассоциативного значения для каждого анализируемого слова в словаре и ДСМ как отношение числа несовпадающих ассоциатов в реакциях респондентов-женщин и респондентов-мужчин (ближайших соседях слова в ДСМ, построенной на текстах блогов женщин и мужчин) к общему числу разных ассоциатов анализируемого слова.

Далее мы объединили все ассоциаты каждого слова в один файл (словарные и корпусные ассоциаты входили в разные файлы), получив таким образом 92 текстовых файла (46 файлов, содержащих словарные ассоциаты изучаемых слов, — отдельно респондентов-женщин и респондентов-мужчин; 46 файлов, содержащих семантические ассоциаты тех же исследуемых слов, — отдельно для текстов женщин и мужчин). Полученные таким образом датасеты были проанализированы с использованием пакета quanteda: была создана матрица встречаемости признаков (ассоциатов), после этого произведен анализ полученного набора данных методом главных компонент (PCA), и рассчитаны связи между фактором (гендер респондента / автора текста) и компонентами (анализ проводился с использованием пакета factoMineR [Lê et al., 2008]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Как свидетельствуют данные, представленные на рис. 2, ИГД ассоциативных значений изучаемых слов в ДСМ в среднем выше, чем в словаре, что подтверждается также статистическим тестом ($W = 50$, $p = 0{,}0000025$).

Корреляционный анализ значений индексов гендерной дифференциальности ассоциативного значения исследуемых слов в ДСМ и словаре не выявил корреляций между ними ($S = 1338{,}6$, $p = 0{,}114$), однако, как показывает рис. 2, можно отметить тенденцию, согласно которой ряд слов с высоким индексом гендерной дифференциальности ассоциативного значения в ДСМ имеют также высокий индекс гендерной дифференциальности ассоциативного значения в СИБАС (дело, место, время).

3.1. Сравнительный анализ словарных и семантических ассоциатов анализируемых слов с учетом гендера информанта / автора текста

Как показал анализ, словарные ассоциаты исследуемых слов тесно связаны с реалиями периода сбора материала, например, среди реакций

CC BY

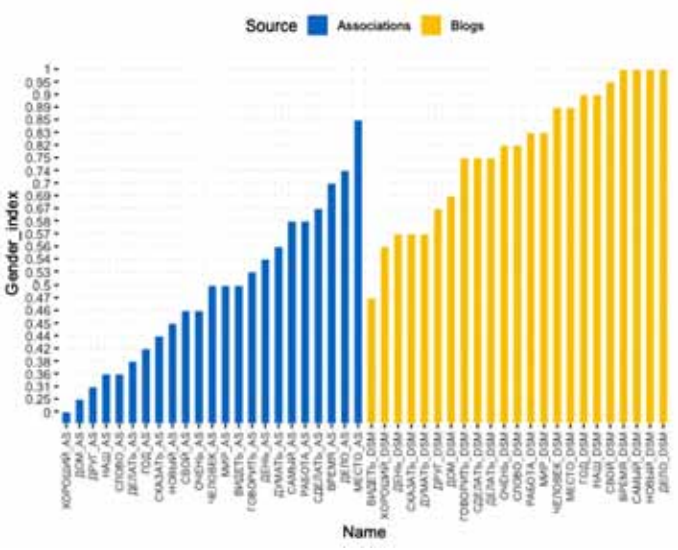

Рис. 2. Индекс гендерной дифференциальности
ассоциативного значения исследуемых слов в ДСМ и СИБАС

на стимул *год* как у женщин, так и у мужчин содержатся такие ассоциаты, как *2008, 2010* (годы проведения эксперимента), *свиньи* и т. д. Семантические ассоциаты связаны с заглавным словом тематически: *май, сентябрь, февраль, декабрь* (семантические ассоциаты, характерные для текстов авторов-мужчин), *неделя, сегодня, день, месяц* (семантические ассоциаты, характерные для текстов авторов-женщин). Также наши наблюдения показывают, что для словарных ассоциатов характерны синтагматические связи (время — *бежит, идет*), для семантических — парадигматические (время — *неделя, день, момент, год*). Полученные данные находятся в соответствии с наблюдениями, сделанными в работе [Антипенко и др., 2020], а также в работах М. К. Тимофеевой [Тимофеева, 2018а, 2018б].

Среднее значение совпадений словарных и корпусных ассоциатов слов составляет 3 %.

Анализ семантических ассоциатов анализируемых слов в текстах мужчин и женщин методом главных компонент, проведенный с использованием пакета factoMineR, показал, что первая компонента достоверно связана с фактором «пол» ($R^2 = 0{,}091$, $p = 0{,}042$) (рис. 3), как и вторая компонента ($R^2 = 0{,}095$, $p = 0{,}0368$). Иными словами, гендерный эффект является системным и оказывает влияние на состав семантических ассоциатов всех рассматриваемых слов в совокупности.

CC BY

Для словарных ассоциатов связи с гендерным фактором выявлено не было.

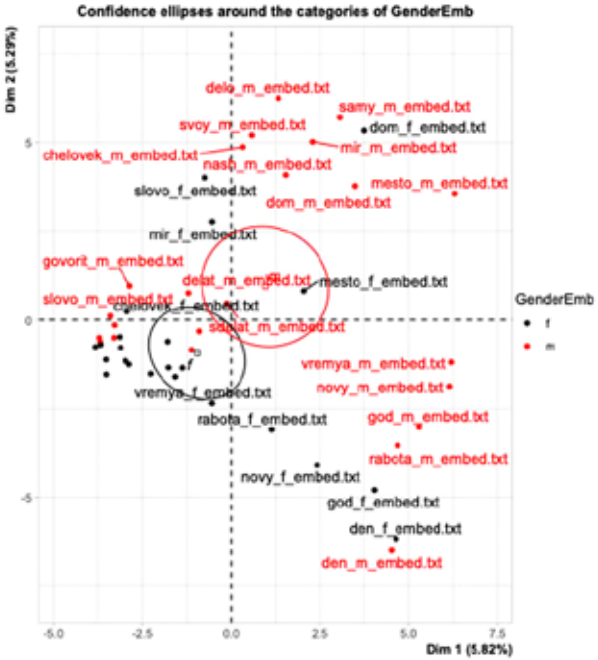

Рис. 3. Анализ семантических ассоциатов анализируемых слов в текстах мужчин и женщин с использованием метода главных компонент

Для текстов женщин более характерны (в порядке убывания значения v-test) семантические ассоциаты *хотеться, любить, хотеть, наверное, общее, хороший*, для мужчин — *свой, мочь*.

Далее мы провели эксперимент по классификации ассоциативных значений анализируемых слов в зависимости от гендера респондента / автора текста с использованием алгоритма PLS-DA с 5-фолдной кросс-проверкой. Было установлено, что на основе набора семантических ассоциатов возможно классифицировать значение анализируемых слов как характерное для женщин / мужчин со средней ошибкой CER = 0,33913. Пермутационный тест показал, что различия между классами являются значимыми (p = 0,006). Для словарных ассоциатов различий между классами не выявлено (CER = 0,56957, p = 0,924). Иными словами, классификатор показал, что ассоциативное значение анализируемых слов, отраженное в ДСМ, имеет гендерную специфику.

CC BY

Также мы выполнили кластерный анализ ассоциатов анализируемых слов (использовались разные меры расстояния; на рис. 4—5 представлены результаты кластерного анализа с использованием меры расстояния Жаккарда, специально предназначенной для бинарных данных, по методу Варда). Подобное представление данных позволяет выявить кластеры слов, чьи ассоциаты наиболее близки друг другу, для дальнейшего содержательного анализа.

На рис. 4 выделяются «гендерные» кластеры, отражающие различия в ассоциативных значениях слов в терминах ДСМ в текстах женщин и мужчин.

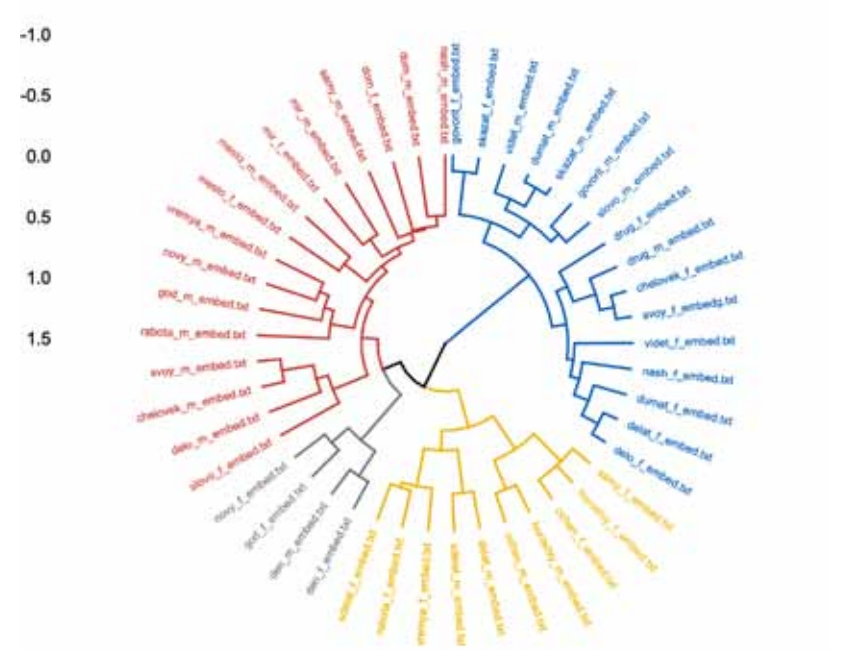

Рис. 4. Кластерный анализ семантических ассоциатов исследуемых слов

Как показывает рис. 5, словарные ассоциаты исследуемых слов, зафиксированные в реакциях женщин и мужчин, объединяются в мелкие кластеры. Более крупные кластеры образуют слова, близкие по значению; их ассоциаты схожи, независимо от гендера информантов (например, серый кластер, содержащий слова-стимулы *слово, говорить, сказать*; синий подкластер, состоящий из слов-стимулов *наш, свой*; желтый кластер — *делать, сделать*).

CC BY

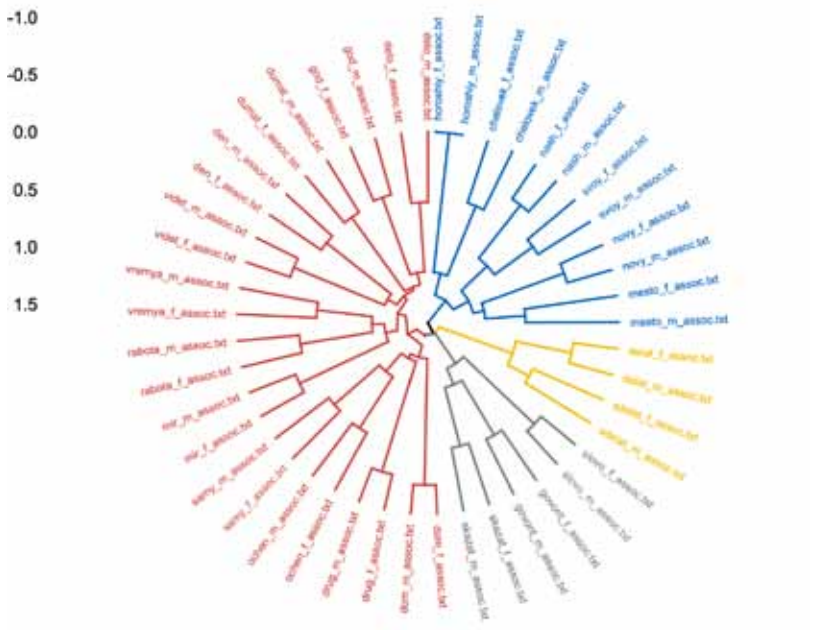

Рис. 5. Кластерный анализ словарных ассоциатов исследуемых слов

Отметим, что в данном случае мы использовали бинарные значения (наличие / отсутствие слова среди ассоциатов искомого слова); учет силы ассоциативной связи (выраженной как отношение числа респондентов, давших реакцию на заданный стимул, к общему числу респондентов в случае словарных ассоциатов либо значение отношения мер косинусового расстояния в случае семантических ассоциатов) может дать еще более точную картину, отражающую близость ассоциативных значений слов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проведенное нами сравнительное исследование ассоциативных связей исследуемых слов по данным ассоциативного словаря и дистрибутивно-семантической модели в гендерном аспекте позволило сделать следующие выводы.

Задача выявления гендерно-специфичных семантических ассоциатов слова (ближайших соседей слова в дистрибутивно-семантической модели) является сложной исследовательской задачей, методология решения которой еще только начинает разрабатываться. При выборе методов ее ре-

CC BY

шения следует учитывать возможность интерпретируемости результатов и применимости методов к текстам малого объема. Подход, сочетающий в себе регрессионный анализ и представление векторов редких слов на основе усреднения векторов соседних слов, предложенный изначально для решения задач социальных наук (в частности, исследования тех или иных концептов в речи представителей различных политических партий), может быть успешно использован для сравнительного исследования семантических ассоциатов слов в гендерном аспекте.

Списки семантических и словарных ассоциатов анализируемых слов имеют низкий процент совпадений (в среднем 3 %). Низкий процент совпадений названных типов ассоциатов отмечался ранее в многочисленных исследованиях, выполненных на материале английского языка, а также в работе, выполненной на материале текстов соцсетей на русском языке. Названное обстоятельство свидетельствует о том, что словарные и семантические ассоциаты отражают разные аспекты психологически актуального содержания слова.

Словарные ассоциаты тесно связаны с реалиями периода их сбора, что необходимо учитывать при проведении анализа.

Индекс гендерной дифференциальности ассоциативного значения слов в ДСМ выше, чем в словаре, что подтверждается статистическим тестом.

С помощью различных методов многомерного анализа нами был выявлен системный эффект гендера, оказываемый им на ассоциативное значение наиболее частотных слов корпуса блогов на русском языке, извлеченное при помощи дистрибутивно-семантической модели. Для словарных ассоциатов данного эффекта не наблюдалось.

Кластерный анализ ассоциатов анализируемых слов позволяет выявить группы слов с близким ассоциативным значением, что позволяет перейти от анализа значений отдельных слов к выявлению взаимосвязей между ними.

Безусловно, наше исследование, являясь пилотным, имеет ряд ограничений. Мы исследовали только один жанр текстов, один тип ДСМ и одну базу данных ассоциаций (причем региональную). Однако проведенное пилотное исследование показало, что фактор гендера оказывает системный эффект на ассоциативное значение самых частотных полнозначных слов анализируемого корпуса. Все дистрибутивно-семантические модели отражают значения слов, представленные в корпусах текстов, на которых они обучались. Следовательно, при отборе текстов для обучения ДСМ необходимо уделять пристальное внимание характеристикам авторов текстов. В настоящее время названному вопросу не уделяется внимания, что приводит к тому, что предобученные ДСМ отражают взгляды доминирующей социальной группы [Shah et al., 2020].

Дистрибутивно-семантические модели и словарные ассоциативные нормы, по всей видимости, отражают разные аспекты психологически актуального содержания слова и должны использоваться как комплиментарные методы при моделировании значения слова с учетом индивидуальных характеристик говорящего. Преимущество первого типа данных заключается в том, что они могут быть собраны и проанализированы в достаточно короткие сроки, однако при этом необходимо уделять внимание разметке корпуса по факторам идиолектного варьирования, относящимся как к зоне «Автор», так и к зоне «Условия осуществления идиолектной деятельности» [Litvinova, 2021].

Российскими исследователями собраны уникальные базы ассоциаций с данными об информантах, но их исследовательский потенциал еще не раскрыт в полной мере. В частности, перспективным направлением дальнейших исследований является анализ ассоциаций с использованием программных пакетов, специально предназначенных для построения и анализа семантических сетей. Комбинирование подобных инструментов и разработанных отечественными психолингвистами [Пищальникова, 2019а; Пищальникова, 2019б] методов исследования отношения «стимул — реакция» (в противоположность наиболее распространенному в текущей исследовательской практике анализу конкретного содержания ассоциата и частотности отдельных ассоциатов) позволит получить принципиально новые результаты моделирования содержания слова.

Комплексный анализ дистрибутивно-семантических моделей и словарных ассоциаций в совокупности с метаданными о респондентах (авторов текстов) с применением новых методов data mining и визуализацией результатов позволит получить новые данные о психологически актуальном значении слова для говорящих с учетом их индивидуальных характеристик.

В качестве ближайших перспектив исследования следует отметить проведение анализа применительно к словам, отобранным не по частотности, а в зависимости от их принадлежности к тем или иным лексико-семантическим группам, а также семантическую разметку словарных и семантических ассоциатов.

Источники и принятые сокращения

1. РАТ — *Русский* ассоциативный тезаурус [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://tesaurus.ru/dict/ (дата обращения 21.11.2021).

2. СИБАС — *(Сибирский ассоциативный словарь)* Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) [Электронный ресурс]. — 2008—2020. — Режим доступа : http://adictru.nsu.ru (дата обращения 24.11.2021).

3. GloVe — *Global* Vectors [Electronic resource]. — Access mode : https://www.cs.cmu.edu/~afm/projects/multilingual_embeddings.html (accessed 24.11.2021).

4. RusVectōrēs — *Веб-сервис* дистрибутивно-семантических моделей для русского языка. — Режим доступа : http://rusvectores.org/ru/ (дата обращения 24.11.2021).

5. Selivanov, D., Bickel, M., & Wang, Q. (2020). text2vec: Modern text mining framework for R. Version 0.6.1. https://cran.rstudio.com/web/packages/text2vec/.

Литература

1. *Антипенко А. А.* Сравнительный анализ ассоциаций в корпусах социальных сетей на основе дистрибутивно-семантических моделей для русского языка / А. А. Антипенко, О. А. Митрофанова // International Journal of open information technologies. — 2020. — № 1. — С. 27—33.

2. *Ассоциативный* эксперимент : Теоретические и прикладные перспективы психолингвистики : монография / В. А. Пищальникова ; под ред. В. А. Пищальниковой. — Москва : Р-Валент, 2019. — 200 с. — ISBN 978-5-93439-575-0

3. *Васильева С. П.* Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX—XXI веков / С. П. Васильева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44.

4. *Возрастной* дифференциальный психолингвистический словарь русского языка / сост.: И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Воронеж : Центр коммуникативных исследований ВГУ, 2020. — 158 с. — ISBN 978-5-6045255-5-5.

5. *Гендерный* дифференциальный психолингвистический словарь / науч. ред. : И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Воронеж : Ритм, 2020. — 198 с. — ISBN 978-5-6045255-7-9.

6. *Гольдин В. Е.* Проект «Ассоциативный словарь школьников : стабильность и динамика» / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 4 (34). — С. 174—187.

7. *Горошко Е. И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. — Харьков ; Москва : РА — Каравелла, 2001. — 320 с.

8. *Значение* как феномен актуального языкового сознания носителя языка : материалы межрегиональной научной конференции / науч. ред. И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2015. — 69 с.

9. *Кафтанов Р. А.* Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) / Р. А. Кафтанов // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — Т. 17. — № 1. — С. 149—160. — DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160.

10. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 1997. — 287 с. — ISBN 5-89357-191-6.

11. *Лыченко Н. М.* Сравнение эффективности методов векторного представления слов для определения тональности текстов / Н. М. Лыченко, А. В. Сороковая // МСиМ. — 2019. — № 4 (52). — С. 97—110. — DOI: 10.24147/2222-8772.2019.4.97-110.

12. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019а. — Т. 23. — № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.

13. *Пищальникова В. А.* Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований / В. А. Пищальникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2019б. — Т. 8. — № 3. — С. 52—63. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4.

14. *Потапенко А. А.* Семантические векторные представления текста на основе вероятностного тематического моделирования : диссертация … кандидата физико-математических наук : 05.13.17 / А. А. Потапенко. — Москва, 2018. — 147 с.

15. *Тимофеева М. К.* Возможности использования сервиса RusVectōrēs для выявления семантических ассоциатов глаголов русского языка / М. К. Тимофеева // Научный диалог. — 2018а. — № 9. — С. 117—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-117-131.

16. *Тимофеева М. К.* Типология семантических отношений, выявляемых посредством инструмента RusVectōrēs / М. К. Тимофеева // Научный диалог. — 2018б. — № 8. — С. 74—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-74-87.

17. *Boleda G.* Distributional Semantics and Linguistic Theory / G. Boleda // Annual Review of Linguistics. — 2020. — Vol. 6 (1). — Pp. 213—234. — DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011619-030303.

18. *De Deyne S.* The “Small World of Words” English word association norms for over 12,000 cue words / S. De Deyne // Behav Res Methods. — 2019. — Vol. 51 (3). — Pp. 987—1006. — DOI: https://doi.org/10.3758/s13428-018-1115-7/.

19. *Kumar A. A.* A Critical Review of Network-Based and Distributional Approaches to Semantic Memory Structure and Processes / A. A. Kumar, M. Steyvers, D. A. Balota // Topics in cognitive science. — 2021, Jun 6. — DOI: 10.1111/tops.12548.

20. *Kumar A. A.* Semantic memory : A review of methods, models, and current challenges / A. A. Kumar // Psychon Bull Rev. — 2021. — Vol. 28 (1). — Pp. 40—80. — DOI: https://doi.org/10.3758/s13423-020-01792-x.

21. *Lê S.* FactoMineR : A Package for Multivariate Analysis / S. Lê, J. Josse, F. Husson // Journal of Statistical Software. — 2008. — Vol. 25 (1). — Pp. 1—18. — DOI: 10.18637/jss.

22. *Litvinova T.* Profiling the Age of Russian Bloggers / T. Litvinova, A. Sboev, P. Panicheva // Communications in Computer and Information Science. — 2018. — Vol. 930. — Pp. 167—177. — DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_16.

23. *Litvinova T.* RusIdiolect : A New Resource for Authorship Studies / T. Litvinova // Lecture Notes in Networks and Systems. — 2021. — Vol. 186. — Pp. 14—23. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-66093-2_2.

24. *Mikolov T.* Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space / T. Mikolov, K. Chen, G. Corrado, J. Dean // Proceedings of Workshop at ICLR, arXiv. — 2013. — Pp. 1301—3781.

25. *Nematzadeh A.* Evaluating Vector-Space Models of Word Representation, or, The Unreasonable Effectiveness of Counting Words Near Other Words / A. Nematzadeh, S. Meylan, T. Griffiths // Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Cog- nitive Science Society. — London, UK : [b. i], 2017. — Pp. 859—854.

26. *Pennington J.* GloVe : Global Vectors for Word Representation / J. Pennington, R. Socher, C. Manning // Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). — 2014. — Vol. 14. — Pp. 1532—1543.

27. *Quanteda :* An R package for the quantitative analysis of textual data / K. Benoit, K. Watanabe, H. Wang, P. Nulty, A. Obeng, S. Müller, A. Matsuo // Journal of Open Source Software. — 2018. — Vol. 3 (30). — 774 p. — DOI: 10.21105/joss.00774.

28. *Rodriguez M. A.* Word associations and the distance properties of context-aware word embeddings / M. A. Rodriguez, P. Merlo // CONLL. — 2020. — November 19—20. — Pp. 376—385. — DOI: 10.18653/v1/2020.conll-1.30.

29. *Rodriguez P. L.* Word Embeddings : What Works, What Doesn’t, and How to Tell the Difference for Applied Research / P. L. Rodriguez, A. Spirling // The Journal of Politics. — 2022. — Vol. 84 (1). — Pp. 101—115. — DOI: https://doi.org/10.1086/715162.

30. *Sahlgren M.* The Distributional Hypothesis. From context to meaning / M. Sahlgren // Distributional models of the lexicon in linguistics and cognitive science (Special issue of the Italian Journal of Linguistics), Rivista di Linguistica. — 2008. — Vol. 20. — № 1. — Pp. 33—53.

31. *Sassenhagen J.* Traces of Meaning Itself : Encoding Distributional Word Vectors in Brain Activity / J. Sassenhagen, C. Fiebach // Neurobiology of Language. — 2020. — Vol. 1 (1). — Pp. 54—76. — DOI: https://doi.org/10.1162/nol_a_00003

32. *Schmid H.* Probabilistic Part-of-Speech Tagging Using Decision Trees / H. Schmid // Proceedings of International Conference on New Methods in Language Processing. — Manchester : UK, 1994.

33. *Taylor J. R.* The mental corpus : How language is represented in the mind / J. R. Taylor. — Oxford : University Press, 2012. — 384 p.

Material resources

RusVectōrēs — *A web service of distributive semantic models for the Russian language.* Available at: http://rusvectores.org/ru / (accessed 24.11.2021). (In Russ.).

GloVe — *Global Vectors.* Available at: https://www.cs.cmu.edu/~afm/projects/multilingual_embeddings.html (accessed 24.11.2021).

RAT — *Russian associative thesaurus.* Available at: http://tesaurus.ru/dict / (accessed 21.11.2021). (In Russ.).

Selivanov et al. — *Selivanov, D., Bickel, M., Wang, Q.* (2020). text2vec: Modern text mining framework for R. Version 0.6.1 / D. Selivanov, M. Bickel, Q. Wang. Available at: https://cran.rstudio.com/web/packages/text2vec/.

SIBAS — *(Siberian Associative Dictionary) Russian Regional Associative database (Siberia and the Far East).* (2008—2020). Available at: http://adictru.nsu.ru (accessed 24.11.2021). (In Russ.).

References

Age differential psycholinguistic dictionary of the Russian language. (2020). Voronezh: VSU Center for Communication Studies. 158 p. ISBN 978-5-6045255-5-5.

Antipenko, A. A., Mitrofanova, O. A. (2020). Comparative analysis of associations in social network corpora based on distributive semantic models for the Russian language. *International Journal of open information technologies, 1:* 27—33. (In Russ.).

Associative experiment: Theoretical and applied perspectives of psycholinguistics: monograph. (2019). Moscow: R-Valent. 200 p. ISBN 978-5-93439-575-0. (In Russ.).

Boleda G. (2020). Distributional Semantics and Linguistic Theory. *Annual Review of Linguistics,* 6 (1): 213—234. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011619-030303.

De Deyne, S. (2019). The "Small World of Words" English word association norms for over 12,000 cue words. *Behav Res Methods, 51 (3):* 987—1006. DOI: https://doi.org/10.3758/s13428-018-1115-7/.

Gender differential psycholinguistic dictionary. (2020). Voronezh: Rhythm. 198 p. ISBN 978-5-6045255-7-9. (In Russ.).

Goldin, V. E., Sdobnova, A. P. (2017). Project "Associative dictionary of schoolchildren: stability and dynamics". *Questions of psycholinguistics, 4 (34):* 174—187. (In Russ.).

Goroshko, E. I. (2001). *Integrative model of a free associative experiment.* Kharkiv; Moscow: RA — Karavella. 320 p. (In Russ.).

Quanteda: An R package for the quantitative analysis of textual data. *Journal of Open Source Software, 3 (30):* P. 774. DOI: 10.21105/joss.00774.

Kaftanov, R. A. (2019). Dynamics of the image of war in the Russian linguistic consciousness (psycholinguistic aspect). *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 17 (1):* 149—160. DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160. (In Russ.).

Kumar, A. A. (2021). Semantic memory: A review of methods, models, and current challenges. *Psychon Bull Rev, 28 (1):* 40—80. DOI: https://doi.org/10.3758/s13423-020-01792-x.

Kumar, A. A., Steyvers, M., Balota, D. A. (2021). A Critical Review of Network-Based and Distributional Approaches to Semantic Memory Structure and Processes. *Topics in cognitive science. Jun 6.* DOI: 10.1111/tops.12548.

Leontiev, A. A. (1997). *Fundamentals of psycholinguistics.* Moscow: Smysl. 287 p. ISBN 5-89357-191-6. (In Russ.).

Lê, S., Josse, J., Husson, F. (2008). FactoMineR: A Package for Multivariate Analysis. *Journal of Statistical Software, 25 (1):* 1—18. DOI: 10.18637/jss.

Litvinova, T., Sboev, A., Panicheva, P. (2018). Profiling the Age of Russian Bloggers. *Communications in Computer and Information Science, 930:* 167—177. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_16.

Litvinova, T. (2021). RusIdiolect: A New Resource for Authorship Studies. Lecture Notes in *Networks and Systems, 186:* 14—23. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-66093-2_2.

Lychenko, N. M., Sorokovaya, A. V. (2019). Comparison of the effectiveness of methods of vector representation of words for determining the tonality of texts. *MSiM, 4 (52):* 97—110. DOI: 10.24147/2222-8772.2019.4.97-110. (In Russ.).

Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G., Dean, J. (2013). Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. In: *Proceedings of Workshop at ICLR, arXiv.* 1301—3781.

Nematzadeh, A., Meylan, S., Griffiths, T. (2017). Evaluating Vector-Space Models of Word Representation, or, The Unreasonable Effectiveness of Counting Words Near Other Words. In: *Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Cog- nitive Science Society.* London, UK: [b. i]. 859—854.

Pennington, J., Socher, R., Manning, C. (2014). GloVe: Global Vectors for Word Representation. In: *Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), 14:* 1532—1543.

Pishchalnikova, V. A. (2019a). Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistics methodology. *Russian Journal of Linguistics, 23 (3):* 749—761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A. (2019b). Experiment as an integral part of the methodology of comparative studies. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 8 (3):* 52—63. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019 .3.4. (In Russ.).

Potapenko, A. A. (2018). *Semantic vector representations of text based on probabilistic thematic modeling.* PhD Diss. Moscow. 147 p. (In Russ.).

Rodriguez, M. A., Merlo, P. (2020). Word associations and the distance properties of context-aware word embeddings. *CONLL. November 19—20.* 376—385. DOI: 10.18653/v1/2020.conll-1.30.

Rodriguez, P. L., Spirling, A. (2022). Word Embeddings: What Works, What Doesn't, and How to Tell the Difference for Applied Research. *The Journal of Politics, 84 (1):* 101—115. DOI: https://doi.org/10.1086/715162.

Sahlgren, M. (2008). The Distributional Hypothesis. From context to meaning. *Distributional models of the lexicon in linguistics and cognitive science (Special issue of the Italian Journal of Linguistics), Rivista di Linguistica, 20 (1):* 33—53.

CC BY

Sassenhagen, J., Fiebach. C. (2020). Traces of Meaning Itself: Encoding Distributional Word Vectors in Brain Activity. *Neurobiology of Language, 1 (1):* 54—76. DOI: https://doi.org/10.1162/nol_a_00003.

Schmid, H. (1994). Probabilistic Part-of-Speech Tagging Using Decision Trees. In: *Proceedings of International Conference on New Methods in Language Processing.* Manchester: UK.

Sternin, I. A. (ed.). (2015). *Meaning as a phenomenon of actual linguistic consciousness of a native speaker: materials of an interregional scientific conference.* Voronezh: Istoki. 69 p. (In Russ.).

Taylor, J. R. (2012). *The mental corpus: How language is represented in the mind.* Oxford: University Press. 384 p.

Timofeeva, M. K. (2018). Possibility of Extracting Semantic Associates of Russian Verbs by the Instrument RusVectōrēs. *Nauchnyy dialog, 9:* 117—131. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9- 117-131. (In Russ.)

Timofeeva, M. K. (2018). Typology of Semantic Relations Extracted by the Instrument RusVectōrēs. *Nauchnyi dialog, 8:* 74—87. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-8-74-87. (In Russ.).

Vasilyeva, S. P. (2020). Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX—XXI Centuries. *Nauchnyi dialog, 1:* 27—44. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-1-27-44. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022,
одобрена после рецензирования 06.05.2022,
подготовлена к публикации 01.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Павлов С. Г. Образ Святой Руси в поэме А. Блока «Двенадцать» : опыт лингвистической герменевтики / С. Г. Павлов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 157—175. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175.

Pavlov, S. G. (2022). Image of 'Holy Russia' in A. Blok's Poem "The Twelve": Experience of Linguistic Hermeneutics. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 157-175. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175

Образ Святой Руси в поэме А. Блока «Двенадцать»: опыт лингвистической герменевтики

Павлов Сергей Геннадьевич [1,2]
orcid.org/0000-0001-8622-9022
Researcher ID V-6985-2018
кандидат филологических наук, доцент
sergeypavlov70@mail.ru

[1] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия)

[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 2001200310

Image of 'Holy Russia' in A. Blok's Poem "The Twelve": Experience of Linguistic Hermeneutics

Sergey G. Pavlov [1,2]
orcid.org/0000-0001-8622-9022
Researcher ID V-6985-2018
PhD in Philology, Associate Professor
sergeypavlov70@mail.ru

[1] Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russia)

[2] National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00310

© Павлов С. Г., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено поэме А. Блока «Двенадцать». Новизна исследования состоит в применении лингвогерменевтического подхода к толкованию поэмы и обращении к её недостаточно изученному аспекту — идеологеме «Святая Русь». Актуальность работы обусловлена не ослабевающим до настоящего времени вниманием к поэме, обусловленным как её содержанием, так и своеобразием языка. Приведён обзор научной литературы по выбранной проблематике, демонстрирующий преимущественно литературоведческий интерес к поэме. Кратко сформулирована специфика лингвистической герменевтики художественного текста, ориентированной на максимальное приближение к авторскому замыслу. Обоснована необходимость обращения лингвистической герменевтики к биографическим и культурно-историческим материалам. Основными методиками исследования стали структурно-семантический анализ и анализ внутритекстуальных парадигматических отношений. Показано, что оппозиция *Святой Руси* и нового мира маркирована различными языковыми и образными средствами. Продемонстрированы семантически инверсированные интертекстуальные связи между *Петрухой* и апостолом Петром. Сделан вывод о том, что *Святая Русь* представляет собой единственного серьёзного оппонента нового мира. Высказано предположение, что преображённые ценности *Святой Руси* станут элементом будущей русской культуры.

Ключевые слова:
А. Блок; поэма; Двенадцать; интерпретация; герменевтика; лингвистическая герменевтика; Святая Русь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The research is devoted to of A. Blok's poem "The Twelve". The novelty of the study lies in the application of a linguo-hermeneutic approach to the interpretation of the poem and the appeal to its insufficiently studied aspect — the ideologeme "Holy Russia". The relevance of the work is due to the attention to the poem that has not weakened to date, due to both its content and the originality of the language. A review of the scientific literature on the selected issue is given, demonstrating a predominantly literary interest in the poem. The specificity of the linguistic hermeneutics of a literary text, focused on the maximum approximation to the author's intention, is briefly formulated. The necessity of addressing linguistic hermeneutics to biographical and cultural-historical materials is substantiated. The main research methods were structural-semantic analysis and analysis of intra-textual paradigmatic relations. It is shown that the opposition of *Holy Russia* and the new world is marked by various linguistic and figurative means. Semantically inverted intertextual connections between *Petrukha* and the Apostle Peter are demonstrated. It is concluded that *Holy Russia* is the only serious opponent of the new world. It is suggested that the transformed values of *Holy Russia* will become an element of the future Russian culture.

Key words:
A. Blok; poem; Twelve; interpretation; hermeneutics; linguistic hermeneutics; Holy Russia.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’373+821.161.1Блок.07

Образ *Святой Руси* в поэме А. Блока «Двенадцать»: опыт лингвистической герменевтики

© Павлов С. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Языковые единицы в художественном произведении образуют уникальную систему сочетаний и оппозиций, во взаимодействии которых рождаются специфические знаки художественного текста — образы. Индивидуальная реализация системы языка создаёт смысловой объём текста, в котором авторская установка скрыта под уровнем фактуальной информации. Специфическая организация позволяет информационно насыщать художественный текст, не прибегая к его удлинению, что генерирует имплицитные смыслы, не вычитываемые с помощью стандартной читательской компетенции.

Концептуальная информация художественного текста возникает не в дискретной семантике языковых форм, а в их творческом синтезе, осуществляемом авторским художественным сознанием. Она появляется в результате взаимодействия языковой семантики, внетекстовых сведений и авторской интенции, превращающей линейную организацию языковых знаков в нелинейный комплекс смыслов. Отсюда следует тривиальный методологический вывод, обещающий нетривиальные герменевтические результаты: интерпретация художественного текста с необходимостью предполагает лингвистические методики.

Поэма А. Блока «Двенадцать» имеет массу интерпретаций, с наглядностью демонстрирующих одно из герменевтических положений: художественный текст обретает историю в процессе рефлексии над ним. Каждая эпоха, каждое индивидуальное сознание видит в тексте уникальную конфигурацию смыслов, обнаруживая в ней что-то новое, ранее не замеченное. Интерес к поэме «Двенадцать» свидетельствует о том, что поднятые в ней проблемы выходят за рамки современной Блоку политической повестки.

Каждое обращение к поэме вызвано стремлением эстетической рецепции исчерпать неисчерпаемость содержания художественного текста. В нашем случае оно обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, несмотря на большое количество посвящённых поэме работ, идеологема «Святая Русь» остаётся на исследовательской периферии, в то время как, на наш взгляд, именно она представляет собой одну из доминант текста. Во-вторых, почти все просмотренные нами интерпретации получены на основе литературоведческого или семиотического анализа.

CC BY

Таким образом, новизна настоящей работы заключается в попытке ранее почти не используемым инструментарием реконструировать в блоковском тексте неочевидные смыслы, обойдённые вниманием в литературоведческих штудиях. Цель исследования — представить лингвогерменевтическое прочтение поэмы «Двенадцать» посредством апелляции к идеологеме «Святая Русь».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили канонический текст поэмы А. Блока «Двенадцать» и её черновые варианты. В качестве источников использовались публицистические работы, дневники и записные книжки поэта.

Исследователи, обращающиеся к поэме «Двенадцать», используют в основном традиционный литературоведческий анализ: [Богданова, 2018; Бродский, 1995; Жирмунский, 1922; Климова, 2007; Лотман и др., 2001; Розенблюм, 1994; Сарычев, 2020; Сокурова, 2012; Стратановский, 1991; Щербак, 2018]. Исключение составляет лингвистическая работа М. И. Лекомцевой [Лекомцева, 2016]. В гуманитаристике выбор исходной аксиоматики и метода оказывает значительное влияние на обнаружение тех или иных параметров изучаемого объекта. Литературоведческий анализ художественного текста даёт один результат, лингвистический — другой. В свою очередь разные лингвистические методы моделируют разные аспекты текста. Толкование с преимущественным анализом языковых (текстуальных) данных мы называем *лингвистической герменевтикой художественного текста* (ЛГХТ).

ЛГХТ представляет собой совокупность лингвистических методик, ориентированных на максимальное приближение к авторскому замыслу в границах смыслового диапазона, который можно приписывать автору. По отношению к творчеству Блока, часто не объяснявшего, что именно он имел в виду и разрешавшего противоположные толкования своих произведений [Блок, 1997, с. 652—653], реконструкция авторского замысла приобретает некоторую условность.

Адекватный интерпретационный диапазон определяется герметической рамкой текста и экстралингвистическими факторами, привлекаемыми в качестве его информационного фона (личность автора, биографические данные, социокультурная среда, специфика литературного направления, жанра произведения и т. п.). Лингвогерменевт обращается к нелингвистическому материалу, не переставая быть лингвистом в своих приоритетных задачах и используемых методах. Точно так же остаётся литературоведом филолог, в целях толкования применяющий элементы лингвистического анализа и привлекающий сведения из самых разных сфер жизни.

CC BY

На наш взгляд, внетекстуальная информация лингвогерменевтически существенна и во многих случаях без интерпретационных потерь проигнорирована быть не может. Её можно, mutatis mutandis, аналогизировать прагматическим условиям коммуникации. Экстралингвистический фон художественного текста выполняет функцию эксплицированной пресуппозиции, на основе которой интерпретируются языковые данные, а вместе с тем он служит и способом верификации интерпретационных версий. Подробнее о принципах ЛГХТ см. в работах [Павлов и др., 2020; Павлов, 2021; Павлов и др., 2021].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ *Святой Руси*

Ведущий конфликт поэмы основан на столкновении старого и нового мироустройства. В оппозиции «старый мир vs новый мир» эксплицирован только первый член оппозиции (*старый мир*). Второй, олицетворяемый красноармейским патрулём, прямо не называется. Старый мир включает духовную и материальную составляющие, знаками которых являются соответственно словосочетание *Святая Русь* и существительное *буржуй*. Стоит оговориться, что данная оппозиция в контексте поэмы, возможно, отчасти нейтрализована. Ко времени её написания слово *буржуй* (*буржуа* — ‘представитель класса буржуазии; собственник-эксплоататор’ [БАС, 1950, с. 697]) приобретает в узусе расширенную денотативную отнесённость: «Буржуем называется всякий, кто накопил какие бы то ни было ценности, хотя бы и духовные» [Блок, 1965, с. 377]. Красноармейцы называют *буржуем* «разбогатевшего» *Ваньку*. Таким образом, в строчках *Мы на горе всем буржуям Мировой пожар раздуем*[1] речь может идти обо всех, кто материально и / или духовно богаче красноармейцев.

М. И. Лекомцева обратила внимание на то, что представители старого мира не стоят на ногах [Лекомцева, 2016, с. 517]. Другим признаком надвигающейся гибели «буржуазного» мира является его находящаяся на грани распада коммуникация. Новый мир формулирует идеи (*Вся власть Учредительному Собранию!*) и лозунги (*Вперёд, вперёд, Рабочий народ!*); старый — стоит *безмолвный, как вопрос*. Все неанонимные представители старого мира лишены внятной коммуникативности: *писатель-вития* говорит *вполголоса* (импликативные смыслы ‘не слышно для других’ и ‘неконструктивно’); *старушка* «не видит» текста плаката; священник (*долгополый*, *поп*) и *буржуй* совсем не получают голосов; *барыня* успевает только произнести *Уж мы плакали, плакали* и падает. *Старый мир* сравнивается

1 Поэма «Двенадцать» цитируется по изданию: [Блок, 1999].

CC BY

с *голодным*, *безродным псом* и *волком*. Зооморфные сравнения дополняют картину обречённости диалога между отживающим и рождающимся. Красноармейцы в монологическом режиме грозят *псу* и *старому миру*:

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пёс паршивый,
Провались — поколочу!

Несмотря на явные признаки деградации, одряхлевшая Россия таит угрозу революции. В прицел красноармейцев попадает каждый подозрительный, но в качестве объекта стрельбы названа только *Святая Русь*. М. Н. Климова приводит мнение первого текстолога «Двенадцати» П. Н. Медведева, согласно которому начало работе над поэмой было положено строчками *Товарищ, винтовку держи, Не трусь Сразим мы пулей Святую Русь* [Климова, 2007, с. 51]. Исходящая от *Святой Руси* угроза обусловлена приоритетом духовного начала перед материальным: власть сакральной идеи сильнее власти денег. Формулирует правила жизни Церковь, *буржуй* лишь собирает капиталы. В поэме пять раз встречается слово *враг* — трижды с эпитетом *неугомонный*, по одному разу с эпитетами *незримый* и *лютый*. За первым случаем употребления слова *враг* следует конкретизация:

Революционный
держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь…

В параллельной связи предложений последовательно реализованы причинные, следственные и целевые смысловые отношения: *Революционный держите шаг!* [потому что] *Неугомонный не дремлет враг!* [поэтому] *Товарищ, винтовку держи, не трусь!* [чтобы выстрелить] *в Святую Русь*. Абстрактный *неугомонный враг* вполне определён. *Старый мир* дискредитируется уничижительными зооморфными сравнениями, его обещают *поколотить*. *Святая Русь* вызывает страх. В неё собираются стрелять, а предваряется убийство ободряющим императивом *не трусь*. Природа данного страха в священном ореоле, окружающем Церковь в сознании народа, расценивающего выступление против неё как кощунство и богоборчество. Благоговейный страх перед *Святой Русью* санкционирован высшим авторитетом, и это делает её в глазах красноармейцев особенно опасной. Видимо, под *лютым* и *незримым врагом* подразумевается тоже она. *Буржуй* осязаемо конкретен и, как уличный пёс, почти безвреден. *Святая Русь* абстрактна и неуловима. Она невидимо живёт в человеке. С её идеократией

CC BY

и вступают в бой революционеры, что изображено в образе *Петрухи* (см. ниже).

На имплицитном уровне оппозиция «Святая Русь vs новый мир» дана в самом начале поэмы. В первой строфе мир концептуализируется как творение Бога и вводятся органичные для Святой Руси «географические» координаты: *Ветер, ветер — На всём Божьем свете!* Интерпретация иногда должна учитывать потенциальные варианты текста — парадигматику написанного и возможного. Авторский выбор способен подсказывать толкование. Осуществляя селекцию варьируемых компонентов в клишированном выражении *белый / Божий свет*, Блок останавливается на втором модификаторе, хотя ритм стихотворения к этому не вынуждает. В ритмическом отношении словоформа *белом* (*свете*) тождественна варианту *Божьем* и несколько предпочтительнее его в эвфоническом плане. Причём отказ от слова *белый* не продиктован желанием избежать лексического повтора. В черновом варианте, где слово *белый* отсутствует (*Тёмный вечер И снег)*, тоже стоит *На всём Божьем свете* [Блок, 1999, с. 118].

Аксиологическим диссонансом к первой звучит вторая строфа, где представлена альтернативная традиционной система ценностей. В пространстве *Божьего мира* задаются новые нравственные координаты:

Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

В деминутивах (*снежок*, *ледок, бедняжка*), в семантическом контрасте однородных членов (*скользко* — небольшое физическое неудобство, *тяжко* — ментальная скорбь), в междометии *ах* слышится ирония над человеком. Ирония то ли легкомысленная, действительно не понимающая масштаба событий, то ли предельно злобная, сознательно сводящая драматизм ситуации к метеорологическим условиям и мелким неприятностям. В любом случае повествователь отказывается от традиционной нравственности, запрещающей не только глумление над экзистенциальными запросами человека, но и насмешку над его бытовыми проблемами.

Атрибутивные признаки *Святой Руси* (*кондовая*, *избяная*, *толстозадая*) распределены между *старушкой* и *попом*. *Старушка* иллюстрирует первые два. Экспликация эмотивного потенциала обоих прилагательных вполне очевидна. В употреблении красноармейцами прилагательного *кондовый* («2. Перен. Старинный, исконный» [ССРЛЯ, т. 5, стб. 1282]) актуализированы пейоративные коннотативно-ассоциативные смыслы ‘отсталая’, ‘невежественная’, коррелирующие с рядом аналогичных коммуникативных смыслов прилагательного *избяная* > ‘деревенская’ > ‘неграмотная’,

CC BY

‘невежественная’. *Старушка*, возможно, неграмотная буквально. Она видит в плакате только материю, которая, по её мнению, пригодилась бы на *портянки*.

Старушка произносит две фразы, и обе со вздохом:

— Ох, Матушка-Заступница!

— Ох, большевики загонят в гроб!

Междометие *ох* (семантика страдания) противопоставляет носителя культуры Святой Руси её антагонистам с их междометием *эх* (семантика пьяного разгула): *Эх, эх, без креста! Эх, эх, согреши!* и т. п. Даже контекстуально ожидаемое междометие *ох* заменяется в частушке о красноармейцах на междометие *эх*: *Эх ты, горе-горькое…*

Священник в поэме назван двумя пейоративными номинациями — *долгополый* и *товарищ поп*. В этом карикатурном образе профанируется Святая Русь и её структурообразующий элемент — Церковь. Блок очень критично относился к духовенству, называя его сословием «нравственно тупых людей» [Блок, 1963б, с. 329—330]. По его мнению, в своём современном виде Церковь не служила интересам народа и не имела морального права на роль его руководителя: «Религия — грязь (попы и пр.)» [Блок, 1963б, с. 326]. Эта позиция художественно сконцентрирована в двух ключевых словах поэмы — *вперёд* и *впереди*.

Наречие *вперёд* обозначает вектор движения. *Вперёд* идут красноармейцы. Использовано оно и в описании главного представителя *Святой Руси — попá*:

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперёд,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Слово *живот*, присутствующее в черновом варианте, заменено в итоге на просторечное *брюхо*, чтобы подчеркнуть плотоугодие и духовную пустоту духовенства. Объёмистый живот священника предполагает корреляцию с одним из признаков *Святой Руси*, обозначенным прилагательным *толстозадая*. Во время Крестного хода Крест как символ страданий несут впереди, символически указывая людям путь, которым они должны идти вслед за Христом. У Блока крест, сияющий на выдвинутом *вперёд* животе *попá*, следовательно, тоже движется «впереди», но навстречу народу. В лице священнослужителя *Святая Русь* идёт *на народ* (импликативный смысл ‘против народа’), а крест его слепит (импликативный смысл ‘нравственно ослепляет’).

Наречие локативной семантики *впереди* обозначает в тексте поэмы первенствующую роль субъекта движения. К слову *впереди* устремлён весь сюжет. Оно становится последним апеллятивом текста. После него лишь

CC BY

имя собственное — *Исус Христос*. Новый мир вступает в борьбу с символикой *Святой Руси*, метонимически обозначающей её идеологию. Место креста на животе священника занимает новый путеводный символ — *кровавый флаг* в руках Христа, идущего перед разрушителями *Святой Руси*.

Социальный катаклизм и сопутствующая ему ревизия ценностей проходят на фоне ветра и вьюги. Блоковский символизм обретает фольклорную форму природно-психологического параллелизма: внутренний мир человека описывается через образы природы. Амбивалентный образ очищающей стихии и смерти представляет собой метель.

Для *Святой Руси* метель революции превращается в препятствие на пути — сугроб. Через сугроб *перемотнулась* старушка, за сугроб шагнул *долгополый* (*поп*). В существительном *сугроб* Блок, вольно или невольно, кодирует мотив смерти. Атрибутивные признаки слова *сугроб* создают образ могилы. В плеоназме *сугроб холодный* воплощена устойчивая фольклорно-поэтическая формула могилы (склепа); словосочетание *сугробы пуховые* ассоциативно связано с ритуальным оборотом *земля пухом*. *В* эпизоде со *старушкой* слово *сугроб* рифмуется со словом *гроб*. В сцене убийства *Катьки* пуля попадает в сугроб: *Вскрутился к небу снежный прах!..* Культурно-семантический потенциал слова *прах* включает смысловые обертоны, связанные со смертью: *прах* ‘тело человека после смерти; труп, останки’ [ССРЛЯ, т. 11, стб. 63]; *прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3:19) и т. п.

Таким образом, сугроб выполняет функцию своеобразной границы между миром «мёртвых» (*Святая Русь*) и «живых» (красноармейцы).

3.2. Образ нового мира

Грозная ветровая стихия (*на ногах не стоит человек*) приняла вселенский размах (*На всём Божьем свете!*). За счёт обстоятельства *на всём Божьем свете* в слове *человек* референция к прохожему ослабляется и актуализируется родовая семантика ‘человек (вообще)’. Масштаб происходящего укрупняется. Хронотоп повествования теряет пространственную и временную локализацию. События происходят конкретным вечером, но идущим красноармейцам *вьюга пылит*:

Дни и ночи
Напролёт!...

Снежный ветер — безличная стихия революции. Из него появляется революционный патруль:

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Ветер враждебен к прохожим и проповедует революцию:

Крутит подолы,
Прохожих косит.

CC BY

Рвёт, мнёт и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»

Предикаты существительного *ветер* коррелируют с аксиологической позицией повествователя, который посмеивается (или злорадствует) над человеком старого мира, оставшегося один на один со стихией: *Ветер весёлый. И зол и рад.*

В лице двенадцати стихия персонифицируется. Существительное *ветер* и слова, относящиеся к красноармейцам, имеют общую сочетаемость с глаголом *гулять*: *Гуляет ветер — Гуляет нынче голытьба!*; *Гуляй, ребята, без вина!* Наличие общего процессуального признака допускает и противоположную трактовку — деперсонификацию красноармейцев. В них представлена гипертрофированная идеология революции и классовой вражды. У них отсутствуют нормальные эмоциональные реакции. В период слома мироустройства жизнь и здоровье человека теряют прежнюю значимость. В дальнейшем повествовании этот едва намеченный во второй строфе мотив становится явным. Один красноармеец цинично спрашивает убитую: *Что́, Катька, рада?* Второй использует по отношению к ней бранное слово: *— Ни гу-гу... Лежи ты, падаль, на снегу!* Блок, открыто и активно симпатизировавший восставшим, видимо, понимал, что революционное время не просто дезавуирует ценности Святой Руси. Оно призвано изменить природу человека, самые естественные проявления психической жизни которого сверяются с логикой революции и объявляются ненужными, если в неё не укладываются.

Красноармейцы олицетворяют не сам новый мир, временна́я и пространственная локализация которого определяется наречиями *впереди* и *вдали*, а переходную фазу к нему. В ней традиционные ценности меняют знак. Теперь можно не риторически спросить невольного убийцу своей возлюбленной о причине его переживаний:

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

Только третьему вопрошающему приходит в голову столь очевидная причина. Товарищам *Петрухи* его жалость к убитой *Катьке* кажется неуместными сантиментами:

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!

Революционная эпоха возводит в статус нормы неприемлемые в русской культуре поведенческие мотивы и психологические состояния, что

CC BY

отражено в языке поэмы аксиологическими аномалиями. Глагол (*по*)*блудить* воплощает потенциальную возможность императива, не реализованную ранее по этическим соображениям: *С офицерами блудила — Поблудика, поблуди!*; *Эх, эх, поблуди!* В русской языковой картине мира, отражающей аксиосферу Святой Руси, грех концептуализируется как тяжесть на душе, а облегчают её покаянием: *взять* (*принять*) *грех на душу*, *снять грех с души*, *облегчить душу раскаянием* и т. п. У красноармейцев наоборот: *Эх, эх, согреши! Будет легче для души!* В декларации нравственной максимы *Позабавиться не грех!* глагол *позабавиться* получает коммуникативные смыслы ‘грабёж’ (*Нынче будут грабежи*) и ‘пьяный разгул’, на что указывает глагол *гулять* в контексте фразы *Отмыкайте погреба*. Словосочетания *чёрная злоба* и *святая злоба* синонимизируются.

3.3. Образ *Исуса Христа*

Иисус Христос — освящающее Русь *святое имя*, без и против которого идут в будущее красноармейцы. Христос в блоковской трактовке далёк от канонического образа. Для Блока Он не живая Личность и глава Церкви: «Как вообще можно одновременно ненавидеть и любить? Если это простирается на “отвлечённое”, вроде Христа, то, пожалуй, можно…» [Блок, 1962, с. 25]. Вот эту «отвлечённую» идею Блок и воплощает в финале «Двенадцати». Новый мир не может без метафизической поддержки. Ему нужны связи с областью сакрального. Без них он онтологически нелегитимен. Красноармейцы данного понимания лишены. Но это лишь подчёркивает их функцию орудия исторического процесса — по сути, стихийного, несмотря на всю их целеполагающую активность.

На вопрос *что впереди*?, заданный в первой главе анонимно, как бы от лица улицы (= *старого мир*а), ответ дается в последних строчках поэмы. В системе языка наречие *впереди* имеет пространственную и временну́ю семантику. В тексте вопрос прочитывается в объектно-временно́м значении — ‘что будет дальше?’. С появлением Христа конвенциональная интерпретация осложняется субъектно-пространственной — ‘кто виден впереди?’:

Впереди — сугроб холодный. —
Кто в сугробе — выходи!

Впереди оказывается *Исус Христос*. Анализ черновиков поэмы показывает, что появление в её финале Христа не было внезапным озарением. Христос присутствует на ранних этапах работы над текстом [Блок, 1999, с. 309]. Но самому Блоку образ Христа казался неубедительным: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идёт с ними сейчас; а в том, что именно Он идёт с ними, а надо, чтобы шёл Другой» [Блок, 1963б, с. 326]. Почему Блок ищет «Другого»? *Вперёд* должен вести сакральный символ, свободный от церковных

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ассоциаций, а Христос — неотъемлемая часть церковного сознания Святой Руси. В поэме образ Христа объединяют с образом Святой Руси лексические параллели: *пальнём-ка* ***пулей*** *в Святую Русь — от* ***пули*** *невредим*; *их винтовочки стальные на* ***незримого*** *врага — за вьюгой* ***невидим***. «Другого» Блок так и не увидел.

У Христа и революции общая снежная природа. Красноармейцы принимают Его за ветер: *Это — ветер с красным флагом Разыгрался впереди...* Снежный ветер революции порождает нового «Христа» — *Исуса*, который словно соткался из метели:

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной

В словосочетании *снежной россыпью жемчужной* двусмысленно внутрипадежное значение существительного. Его можно понимать как обстоятельственное значение места (‘по снежной россыпи’) или сравнительное (‘подобно снежной россыпи’). Предпочтительнее второе прочтение, потому что в прилагательном *надвьюжной* обстоятельство места уже выражено. Христос идёт *над* вьюгой, на какой бы высоте она ни мыслилась, и, следовательно, не по снежной россыпи.

«Надвьюжность» и эфемерность Христа можно понимать как то, что Он выше политических и церковных интересов. Блок, высказывавший неудовлетворённость образом Христа, тем не менее признаёт его закономерность: «Если бы в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно бы давно “учло” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”» [Блок, 1963б, с. 329—330]. В конструкции *Христос с красногвардейцами* реализованы несимметричные комитативные отношения, в художественной форме раскрытые в поэме. Христос с красноармейцами, в то время как они не с Ним. Красноармейцы идут *без имени святого* и отождествляют *Спаса* с иконостасом. Упомянувшего *Спаса Петьку* спрашивают:

От чего тебя упас
Золотой иконостас?
<...>
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

В результате редукции Христа к элементу храмового интерьера формально не связанные вопросы актуализируют импликативный смысл ‘*Спас* — это идол’. *Спас* не предотвратил убийство, потому что он не более чем *золотой иконостас*, и обращаться к нему не имеет смысла.

Если *старушка* и *поп* уходят за сугроб, то Христос выходит из него (*Кто в сугробе — выходи!*). Красноармейцы стреляют *в товарища*, но он

CC BY

неуязвим. В этом выходе происходит «воскресение» «отвлечённой» идеи Христа [Блок, 1962, с. 25]. Блок видит Христа с теми, на чьей стороне правда. В таком понимании находит объяснение аксиологическое противоречие оксюморона *чёрная злоба, святая злоба.* Красноармейцы не носители правды. Они лишь инструмент истории по созданию будущей гармонии: «Большевизм (стихия) — к “вечному покою”... Это ведь только сначала — кровь, насилие, зверство, а потом — клевер, розовая кашка» [Блок, 1963а, с. 292]. *Чёрная злоба* движет революционерами в настоящем, а неведомый ими Христос освящает её следствия.

3.4. Образ *Петрухи*

Образ *Петрухи* — смысловой центр поэмы, определяющий развитие сюжета и авторскую логику. Он самый сложный её образ, в котором сталкиваются ценности Святой Руси и рождающегося в революционной буре мира. Если красноармейцы лишены внутренней динамики, то *Петруха* показан в разных, аксиологически полярных состояниях. В отличие от других красноармейцев, сосредоточенных исключительно на деле революции, он проявляет человеческие чувства (*Ох, товарищи, родные, Эту девку я любил...*). Его «классовая ненависть» имеет под собой личностную причину. Он ненавидит в *Ваньке* не *буржуя,* а соперника:

Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Петруха сохраняет рудиментарную церковность. Он молится (*Упокой, Господи, душу рабы твоея*), обращается к Спасу, хотя, возможно, и формально (*Ох, пурга какая, Спасе!*). Даже в своём откровенном бесчинстве он мыслит нравственными категориями Святой Руси, правда, наделяя их противоположным содержанием: *Позабавиться не грех!* Его понимание религиозно-этического концепта «грех» не включает грабёж и пьяное гуляние:

Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

На языковом уровне *Петруха* противопоставлен новому миру посредством междометий *ах* и *ох*:

— Из-за удали бедовой
В огневых её очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

CC BY

Уже реализованная рифма *плеча / сгоряча* вдруг отвергается и подбирается рифма к словоформе *очах*. Вместо семантически необходимых при глаголе *загубил* субъектного или объектного актантов появляется междометие *ах*, вступающее в аксиологическую оппозицию к ироничному междометию *ах* в речи повествователя (*ах, бедняжка*). Занимая обособленную семантическую и ритмическую позицию, междометие *ах* подчёркивает специфику личности *Петрухи*, переживающего человеческую трагедию. В его душе жив гуманитарный комплекс Святой Руси, где совесть и милосердие были неотъемлемыми атрибутами человеческой личности.

Петруха, как и *старушка*, минимум дважды охает: *Ох, товарищи, родные; Ох, пурга какая, спасе!* Особенно показателен третий случай: *Ох ты горе-горькое!* Мы полагаем, что фраза принадлежит не *Петрухе*, а повествователю. Каждая строфа в монологе *Петрухи* заканчивается многоточием, а обрамляется он строфами без многоточия — авторскими. Лексический состав фразы *Ох ты горе-горькое!* повторяет частушечную строчку с междометием *эх*. Предваряя монолог *Петрухи*, фраза *Ох ты горе-горькое!* описывает его ментальное состояние и через междометие *ох* включает в контекст страданий *Святой Руси*. Не случайно начинает *Петруха* предвкушением мести (*Ужь я времячко Проведу, проведу...*), продолжает мыслью об убийстве (*Ужь я ножичком Полосну, полосну!..*), а заканчивает молитвой (*Упокой, Господи, душу рабы твоея...*).

Петруха очевидным образом сближается с апостолом Петром на основании своего имени и числа красноармейцев. Между персонажем Блока и апостолом наблюдаются и более глубокие, семантически инверсированные переклички. Апостол Пётр, защищая Спасителя в Гефсиманском саду, отсёк одному из пришедших за Ним ухо (Ин. 18:10). Христос велит вложить нож в ножны, и Пётр повинуется. *Петруха* не только не оставляет ножа (им он убил офицера), но и, отстаивая свою любовь, добавляет к ножу ружьё.

В образе *Петрухи* в зеркальном виде отображён мотив отречения и раскаяния Петра. Апостол трижды отрекается от Христа и начинает *плакать* (Мк. 14:72). Петруха трижды «отрекается» от дела революции — сожалением о погибшей, молитвой о ней и упоминанием *Спаса*. После первого «отречения» Петруха слушает увещевания товарищей и «раскаивается». Выражается это глаголом, обозначающим противоположное апостольскому состояние (*повеселел*). На фразу *Упокой, Господи, душу рабы твоея...* реакции красноармейцев нет, что говорит в пользу мысленной молитвы *Петрухи* или авторского всеведения о его переживаниях. В третий раз *Петруха* выходит за границы революционной идеологии обращением *Спасе*. После «аргументированного» выговора товарищей (*От чего тебя упас Зо-*

CC BY

лотой иконостас?) он окончательно приходит в себя, вторично «раскаивается», знаком чего становится его возвращение в строй.

Все названные по имени персонажи дифференцированы через коннотации гипокористических имён. Маркером «наших» является дружелюбно-фамильярный суффикс *-ух-* (*Андрюха*, *Петруха*). Пренебрежительно-уничижительный суффикс *-к-* обозначает «не наших» — *Катьку* и *Ваньку*. (Единственное исключение — использованный одним из красноармейцев вариант *Ванюшка*). Патрульный «Пётр» по имени назван четырежды — по два раза *Петруха* и *Петька*. Обыденно-нейтральное и сочувственное отношение к Петру выражается именем *Петруха*: *Петруха, сзаду забегай!..*; *Что, Петруха, нос повесил*. Имя *Петька* используется в контексте критического к нему отношения, возникающего после выяснения причины его скорби: *— Ишь, стервец, завел шарманку, Что ты, Петька, баба, что ль?* Второй раз имя *Петька* звучит в ответ на религиозную лексику: *Ох, пурга какая, Спасе!*

Суффиксы субъективной оценки обнаруживают ещё одну интертекстуальную связь с Евангелием. Рыбак Симон проходит антропонимическую инициацию, по велению Христа становясь апостолом Петром (др.-греч. *Πέτρος* ‘камень’) (Мф. 16:18). После воскресения Иисус является апостолам и трижды называет Петра старым именем *Симон*, как бы указывая на его троекратное падение (Ин. 21: 15—17). «Апостол» *Петруха* лишается апостольского статуса посредством обращения *Петька*. Снова вливается он в ряды апостолов революции уже безымянным, деперсонифицированным.

После убийства *Петруха* то ли возглавляет товарищей, то ли обгоняет их сбоку. В любом случае на время он оказывается вне строя красноармейцев: *Всё быстрее и быстрее Уторапливает шаг.* Словосочетание *уторапливает шаг* контекстуально антонимично словосочетанию *революционный шаг*. *Петруха* жалеет *Катьку*, а заодно и себя, но по-настоящему он не раскаивается: его скорбь заканчивается вспышкой жестокой радости. Если бы он действительно раскаялся, ему пришлось бы расстаться с красноармейцами. Они не потерпели бы в своих рядах *бессознательного* бойца. И всё-таки, как только он вспоминает об убитой, звучит *Упокой, Господи, душу рабы твоея…*

Блок полагал, что нужно полностью отказаться от обветшавшего наследия *Святой Руси*. Но он ставит во главе красноармейцев Христа, потому что кто-то должен принести в новый мир обновлённые сакральные ценности. Возможно, именно *Петруха*, как более сложная и эмоционально богатая, чем его товарищи, натура, призван стать камнем новой Церкви, возглавляемой ушедшим из *Святой Руси Исусом Христом*.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Лингвогерменевтический анализ поэмы «Двенадцать» демонстрирует высокую продуктивность метода, ещё не получившего среди специалистов, занимающихся художественным текстом, должного признания. По мысли Блока, век *Святой Руси* закончился. Но она укоренена в сакральном, а для символиста Блока именно невидимая область символических смыслов сообщает миру его онтологическую легитимность. Красноармейцы духовно слепы и не нуждаются во Христе. Тем не менее устанавливаемый ими новый миропорядок должен получить на своё существование Его санкцию.

Основные выводы, полученные лингвогерменевтическим прочтением поэмы, сводятся к следующему:

1. *Святая Русь* — единственный реальный оппонент красноармейцев (нового мира). Пять раз встречающееся в тексте слово *враг* является имплицитным оценочным предикатом словосочетания *Святая Русь*.

2. Диалог *Святой Руси* с новым миром практически невозможен (ущербная коммуникация её представителей, зооморфные сравнения). Выразитель идеологии *Святой Руси* Церковь, метонимически представленная в образе *попа*, идёт против народа и духовно его ослепляет (*И крестом сияло Брюхо на народ*).

3. *Святая Русь* противопоставлена красноармейцам посредством различных языковых средств, отражающих ценностный антагонизм оппонентов: междометия (*ох* ‘страдание’ vs *эх* ‘пьяный разгул’; *ах* ‘сожаление’ vs *ах* ‘ирония’); отсутствие / наличие аксиологически аномальной грамматической формы (* *поблуди-ка* (*Святая Русь*) vs *поблуди-ка* (красноармейцы)); неузуальные коммуникативные смыслы глагола *позабавиться*, существительного *грех* и др.

4. Место священника с крестом на выдвинутом *вперёд* животе занимает идущий *впереди* красноармейцев с кровавым флагом *Исус Христос*, сакральным авторитетом освящающий *чёрную злобу* красноармейцев.

5. Рудиментарное и деформированное мировоззрение *Святой Руси* представлено в *Петрухе*, между которым и апостолом Петром существуют отчётливые интертекстуальные связи. *Петруха*, как можно предполагать, есть камень будущей «Церкви» — основание новой «Святой Руси».

Источники и принятые сокращения

1. *Блок А. А.* Дневник 1917 года / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1963а. — С. 254—312.

2. *Блок А. А.* Дневник 1918 года / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. Автобиография 1915. Дневники 1901—1921. — Москва ; Ленинград : Гослитиздат. Ленингр. отд., 1963б. — С. 313—350.

3. *Блок А. А.* Другие редакции и варианты / А. А. Блок // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 2. Стихотворения. Книга вторая. — Москва : Наука, 1997. — С. 221—516.

4. *Блок А. А.* Записные книжки 1901—1920 / А. А. Блок. — Москва : Художественная литература, 1965. — 663 с.

5. *Блок А. А.* Искусство и революция / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. Проза 1898—1921 гг. Москва ; Ленинград : Гослитиздат. Ленингр. отд., 1962. — С. 21—25.

6. *Блок А. А.* Н. М. Минский. Религия будущего (философские разговоры). Санкт-Петербург, 1905 / А. А. Блок // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 7. Проза (1903—1907). — Москва : Наука, 2003. — С. 176—179.

7. *Блок А. А.* Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 5. Стихотворения и поэмы / А. А. Блок. — Москва : Наука, 1999. — 564 с.

8. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышёв. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965.

Литература

1. *Богданова О. В.* Мистико-гностическая система мира М. Горького и А. Блока / О. В. Богданова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2018. —Т. 19, № 3. — С. 300—314.

2. *Бродский М. А.* Образ Христа в поэме Александра Блока «Двенадцать» / М. А. Бродский // Русская словесность. — 1995. — № 6. — С. 41—45.

3. *Жирмунский В. М.* Поэзия Александра Блока / В. М. Жирмунский. — Петербург : Картонный домик, 1922. — 103 с.

4. *Климова М. Н.* Между Кудеяром и Власом (к вопросу о финале поэмы А. А. Блока «Двенадцать») / М. Н. Климова // Сибирский филологический журнал. — 2007. — № 2. — С. 50—55.

5. *Лекомцева М. И.* Поэма Блока «Двенадцать»: семантика грамматики / М. И. Лекомцева // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2016. — № 9. — С. 514—523.

6. *Лотман Ю. М.* Игровые мотивы в поэме «Двенадцать» / Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — Санкт-Петербург : Искусство—СПБ, 2001. — С. 53—63.

7. *Павлов С. Г.* И. Бродский «На смерть Жукова» : опыт лингвистической герменевтики / С. Г. Павлов, Е. И. Бударагина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 4. — С. 210—216.

8. *Павлов С. Г.* А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник…»: опыт лингвистической герменевтики / С. Г. Павлов // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2021. — Т. 21, № 2. — С. 70—80. — DOI: 10.37482/2687-1505-V089.

9. *Павлов С. Г.* Инфернальные локусы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / С. Г. Павлов, Е. Д. Фомичёва // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2021. — № 5. — С. 209—217.

10. *Розенблюм Л.* «Да. Так диктует вдохновенье…» (Явление Христа в поэме Блока «Двенадцать») / Л. Розенблюм // Вопросы литературы. — 1994. — № 6. — С. 118—152.

11. *Сарычев В. А.* Финал поэмы «Двенадцать» в контексте историософии и религии А. Блока / В. А. Сарычев // Сарычев В. А. Метафизика русской литературы. Избранные

труды. — 2-е изд., испр. и доп. — Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. — С. 207—222.

12. *Сокурова О. Б.* Блок — Россия — «Двенадцать» / О. Б. Сокурова // История и культура. — 2012. — № 9 (9). — С. 204—266.

13. *Стратановский С. Г.* Поэт и революция. Опыт современного прочтения поэмы А. Блока «Двенадцать» / С. Г. Стратановский // Звезда. — 1991. — № 11. — С. 150—161.

14. *Щербак Н. Ф.* Поэма Александра Блока «Двенадцать»: мистика сердца / Ф. Н. Щербак // Prosōdia. — 2018. — № 8. — С. 100—108.

Material resources

Blok, A. A. (1962). Art and revolution. In: *Blok, A. A. Collected works. Prose 1898—1921*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. Leningrad branch. 8/6. 21—25. (In Russ.).

Blok, A. A. (1963a). Diary 1917. In: *Blok, A. A. Collected works*. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 8/7. 254—312. (In Russ.).

Blok, A. A. (1963b). Diary 1918. In: *Blok, A. A. Collected works. Autobiography 1915. Diary 1901—1921*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. Leningrad branch. 8/7. 313—350. (In Russ.).

Blok, A. A. (1965). *Notebooks 1901—1920*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 663 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (1997). Other editions and variants. In: *Blok, A. A. Complete collection of works and letters in 20 vol. Poems. Book two*. Moscow: Nauka. 20/2. 221—516. (In Russ.).

Blok, A. A. (1999). *Complete collection of works and letters in 20 vol. Poems and poems*. Moscow: Nauka. 20/5. 564 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (2003). N. M. Minskiy. Religion of the future (philosophical conversations). Sankt-Peterburg, 1905. In: *Blok, A. A. Complete collection of works and letters in 20 vol. Prose (1903—1907)*. Moscow: Nauka. 20/7. 176—179. (In Russ.).

SSRLYa — Chernyshev, B. I. (ed.). (1950—1965). *Dictionary of the modern Russian literary language A—B*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

References

Bogdanova, O. V. (2018). Mystic-gnostic system of the world by M. Gorky and A. Blok. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 19 (3):* 300—314. (In Russ.).

Brodskiy, M. A. (1995). The image of Christ in Alexander Blok's poem "The Twelve". *Russkaya slovesnost', 6:* 41—45. (In Russ.).

Klimova, M. N. (2007). Between Kudeyar and Vlas (to the question of the finale of A. A. Blok's poem "The Twelve"). *Siberian journal of philology, 2:* 50—55. (In Russ.).

Lekomtseva, M. I. (2016). Blok's poem "The Twelve": the semantics of grammar. *Proceedings of the Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova, 9:* 514—523. (In Russ.).

Lotman, Yu. M., Gasparov, B. M. (2001). Game motifs in the poem "The Twelve". In: *Lotman, Yu. M. History and typology of Russian culture*. St. Petersburg: Iskusstvo—SPB. 53—63. (In Russ.).

Pavlov, S. G., Budaragina, E. I. (2020). I. Brodsky. "On the death of Zhukov": experience in linguistic hermeneutics. *Vestnik of Lobachevsky university of Nizhni Novgorod, 4:* 210—216. (In Russ.).

Pavlov, S. G. (2021). A. Akhmatova. "Twenty first. Night. Monday…": the experience of linguistic hermeneutics. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series:*

Humanities and social sciences, 21 (2): 70—80. DOI: 10.37482/2687-1505-V089. (In Russ.).

Pavlov, S. G., Fomicheva, E. D. (2021). Infernal loci in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Vestnik of Lobachevsky university of Nizhni Novgorod, 5:* 209—217. (In Russ.).

Rozenblyum, L. (1994). "Yes. This is how inspiration dictates…" (The Appearance of Christ in Blok's poem "The Twelve"). *Voprosy literatury, 6:* 118—152. (In Russ.).

Sarychev, V. A. (2020). The finale of the poem "The Twelve" in the context of historiosophy and religion of A. Blok. In: *Sarychev, V. A. Metaphysics of Russian literature. Selected writings*. (2nd ed.). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 207—222. (In Russ.).

Shcherbak, N. F. (2018). Alexander Blok's poem "The Twelve": mysticism of the heart. *Prosōdia, 8:* 100—108. (In Russ.).

Sokurova, O. B. (2012). Blok — Russia — "The twelve". *History and culture, 9 (9):* 204—266. (In Russ.).

Stratanovskiy, S. G. (1991). Poet and Revolution. The experience of modern reading of A. Blok's poem "The Twelve". *Zvezda, 11:* 150—161. (In Russ.).

Zhirmunskiy, V. M. (1922). *Poetry of Alexander Blok*. Peterburg: Kartonnyy domik. 103 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2022,
одобрена после рецензирования 12.05.2022,
подготовлена к публикации 01.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Степыкин Н. И. Анализ ассоциативного поля «Politeness» по данным проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 0—00. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-00-00.

Stepykin, N. I. (2022). Analysis of Associative Field "Politeness" According to Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness". *Nauchnyi dialog, 11(5):* 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-00-00. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-00-00

Анализ ассоциативного поля «Politeness» по данным проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»

Степыкин Николай Иванович
orcid.org/0000-0002-2802-5686
кандидат филологических наук
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
nick1086@mail.ru

Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00160 А

Analysis of Associative Field "Politeness" According to Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"

Nikolay I. Stepykin
orcid.org/0000-0002-2802-5686
PhD in Philology, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
nick1086@mail.ru

Southwest State University
(Kursk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project No. 20-012-00160 A

© Степыкин Н. И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ ассоциативного поля «Politeness» на материале проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости». Цель исследования — выявление прямых и опосредованных связей слова *politeness* в ассоциативно-вербальной сети носителей английского языка. Для достижения поставленной цели был проведён свободный ассоциативный эксперимент с последующей обработкой полученных данных. Применены количественные параметры, характеризующие связи слова *politeness*: вероятность активации сочетания «стимул — реакция», вероятность активации сочетания «реакция — стимул», число опосредований, индекс ассоциативной силы опосредования, число перекрытий и индекс ассоциативной силы перекрытия. Экспериментально установлено, что сочетание *politeness — manners* имеет наибольшую вероятность активации (18 %). Сочетание *manners — politeness* оказалось менее актуальным. Самый высокий индекс ассоциативной силы опосредования обнаружен для сочетания *politeness — good* (0,0424), которое имеет одиннадцать слов-посредников (*behaviour, considerate, consideration, courteous, courtesy, decent, kind, manners, nice, smile, upbringing*). Данные свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют, что слова *politeness* и *courtesy* являются наиболее близкими по смыслу. Восемь общих ассоциатов, выявленных при анализе полей «Politeness» и «Courtesy», являются признаками, детерминирующими близость психологически актуального значения слов.

Ключевые слова:
ассоциативное поле; politeness; стимул; реакция; вероятность активации; опосредование; перекрытие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An analysis of the associative field “Politeness” based on the material of the project “Multilingual associative thesaurus of politeness” is presented in the article. The purpose of the study is to identify direct and indirect connections of the word *politeness* in the associative-verbal network of native English speakers. To achieve this goal, a free associative experiment was conducted with subsequent processing of the data obtained. Quantitative parameters were used to characterize the connections of the word *politeness*: the probability of activation of the combination “stimulus — reaction”, the probability of activation of the combination “reaction — stimulus”, the number of mediations, the index of the associative strength of mediation, the number of overlaps and the index of the associative strength of overlap. It has been experimentally established that the combination of *politeness — manners* has the highest probability of activation (18 %). The combination of *manners — politeness* turned out to be less relevant. The highest index of associative power of mediation was found for the combination *politeness — good* (0.0424), which has eleven intermediary words (*behaviour, considerate, consideration, courteous, courtesy, decent, kind, manners, nice, smile, upbringing*). The data of the free associative experiment indicate that the words *politeness* and *courtesy* are the closest in meaning. Eight common associates identified in the analysis of the “Politeness” and “Courtesy” fields are signs that determine the proximity of the psychologically relevant meaning of words.

Key words:
associative field; politeness; stimulus; reaction; probability of activation; mediation; overlap.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’23+811.161.1’374.2::395.7

Анализ ассоциативного поля «Politeness» по данным проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»

© Степыкин Н. И., 2022

1. Введение = Introduction

В настоящее время в отечественном и зарубежном языкознании насчитывается значительное количество ассоциативных словарей различного типа. В зависимости от представленного объёма стимульного материала и реакций различают тезаурусные и частичные ассоциативные словари [Гольдин и др., 2008] Наиболее представительные словари относятся к тезаурусным и включают более 5000 слов-стимулов [Русский ассоциативный …, 1994; Nelson et al, 1999]. Частичные ассоциативные словари охватывают 100—200 слов-стимулов, как правило, являющихся наиболее частотными лексемами того или иного языка [Леонтьев, 1970; Kent et al., 1910].

Ассоциативные словари могут быть одноязычными (см., например, [Черкасова, 2014] и мн. др.) и сопоставительными ([Санчез Пуиг, 2001; Славянский ассоциативный …, 2004; Пюрбеев, 2019 и мн. др.]).

Отдельно можно отметить аспектные ассоциативные словари, в которых слова-стимулы относятся к определённой тематической или терминологической группе [Филиппович и др., 2001; Rahimi, 2010]. Разрабатываемый нами проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости [Степыкин и др., 2020] является аспектным ассоциативным словарём сопоставительного типа, в котором представлены реакции на стимульные слова, репрезентирующие компоненты концепта ВЕЖЛИВОСТЬ в русской, китайской, итальянской, британской и армянской лингвокультурах.

Основу любого ассоциативного словаря составляют обработанные данные свободного ассоциативного эксперимента, интегрированные в ассоциативном поле (далее АП). АП как одна из моделей ментальной репрезентации в психолингвистике предполагает отражение внутренних и внешних связей и отношений слова как единицы языка [Залевская, 1998].

Совокупность собранных реакций, объединённых в ассоциативные поля, может быть интерпретирована на основе различных теоретических концепций и с помощью различных методов: методологии языкового сознания [Тарасов, 2000], семантического гештальта [Караулов и др., 2000], схемы направления ассоциаций слов-стимулов предметного характера [Гольдин, 2014] и мн. др.

CC BY

Мы рассматриваем каждое сочетание *стимул — реакция* в составе ассоциативного поля «Politeness» как речевое действие, базовый конституирующий компонент речевой деятельности. Актуальность предпринимаемого нами исследования заключается в выявлении глубинных смысловых связей слов, входящих в состав анализируемого АП, на основе теории речевой деятельности А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969] и комплекса количественных параметров, предлагаемых отечественными [Русский ассоциативный …, 1994] и зарубежными исследователями [Nelson et al., 1999].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью предпринимаемого исследования является анализ и интерпретация прямых и косвенных связей слов в составе АП «Politeness» на материале проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости», реализованного на основе массового свободного ассоциативного эксперимента с представителями различных лингвокультур.

Для достижения поставленной цели важен опыт моделирования ассоциативных полей, представленный в работе [Степыкин, 2021а], который показал перспективность опоры на теорию речевой деятельности [Леонтьев, 1969] и уточненную модель речепорождения Леонтьева — Рябовой [Ахутина, 2008], а также использование потенциала формализованных параметров для моделирования речевого действия [Степыкин, 2021 б].

Как было отмечено ранее, «оптимальное количество параметров анализа связи слов в составе АП до сих пор не установлено. Например, в русском ассоциативном словаре (РАС) представлены семь индикаторов... В свою очередь, тезаурус ассоциативных норм университета Южной Флориды фиксирует 29 показателей, характеризующих само слово-стимул, реакцию испытуемого, прямые и обратные связи стимула и реакции, а также совокупные и опосредованные связи стимула и других слов, включённых в обработанный массив [Nelson et al., 1999]» [Степыкин, 2021 б, с. 115].

Для описания речевых действий, репрезентированных сочетаниями стимула и реакции, эффективны количественные параметры: общее количество реакций, количество разных и единичных реакций, общее количество стимулов, интегральная вероятность активации реакции, вероятность активации стимула в эксперименте, опосредования соотношений стимула и реакций, параметр перекрытия по ассоциативному полю. Обозначенные параметры характеризуют структуру и содержание ассоциативного поля и способствуют наиболее точному анализу смысловых связей слов в его составе.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Анализ и интерпретация структуры и содержания ассоциативного поля «Politeness» значимы как с теоретической, так и с практической точки зрения. В теоретическом плане полезны способы моделирования ассоциативного поля с опорой на теорию речевой деятельности и с применением количественных параметров. Практическая ценность состоит в выявлении смысловых связей слов, входящих в ассоциативный тезаурус вежливости, а также в подготовке к изданию части мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости, включающей современные речевые действия британских респондентов.

3.1. Ассоциативное поле «Politeness»

По данным свободного ассоциативного эксперимента с представителями британской лингвокультуры было составлено ассоциативное поле «Politeness», характеризующее вероятность активации той или иной реакции в целом. Этот же показатель был подсчитан отдельно для мужской и женской групп респондентов. Общее количество реакций, количество разных реакций, количество единичных реакций были также включены в описание ассоциативного поля как стандартные параметры (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент ассоциативного поля «Politeness», составленный по данным ассоциативного эксперимента с представителями британской лингвокультуры

Реакция	Вероятность активации реакции среди респондентов женского пола, %	Вероятность активации реакции среди респондентов мужского пола, %	Интегральная вероятность активации реакции, %
Manners	16	20	18
Good	14	20	17
Nice	10	16	13
Kindness	10	8	9
Courtesy	8	4	6
Please	2	4	3
Attention	2	2	2
Courteous	4	0	2
Kind	0	4	2
Expected	2	2	2
Friendly	2	2	2
Rule	2	2	2
Society	0	4	2
…единичные реакции…			
Общее количество реакций: 100 Количество разных реакций: 33 Количество единичных реакций: 20			

CC BY

Среди количественных параметров ассоциативного поля одним из наиболее важных является вероятность активации реакции. Этот параметр характеризует операциональность речевого действия, репрезентированного в соотношении «стимул — реакция». Экспериментальные данные свидетельствуют о наиболее высокой вероятности воспроизведения соотношения *politeness — manners.*

3.2. Вероятность активации реакции *politeness в* свободном ассоциативном эксперименте

Согласно данным свободного ассоциативного эксперимента с носителями английского языка, слово *politeness* активировалось при предъявлении следующих стимулов: *civil, civility, courtesy, gentleman, handshake, manners, please, respect* и т. д. Отразим экспериментальную вероятность активации реакции *politeness* в таблице 2.

Таблица 2

Вероятность активации слова *politeness*
по данным свободного ассоциативного эксперимента
с представителями британской лингвокультуры

Стимулы, на которые получена реакция politeness	**Вероятность активации слова politeness, %**
Manners	4
Civility	2
Civil	1
Courtesy	1
Gentleman	1
Handshake	1
Opening the door	1
Please	1
Respect	1
Tact	1

С помощью слова индивид генерирует смыслы, вербализуемые в том или ином сочетании стимула и реакции. По данным таблицы 2, соотношение *manners — politeness* актуализируется с вероятностью 4 %. Прямое предицирование *politeness — manners* является ещё более частотным и составляет 18 %, что свидетельствует об операциональности как прямой, так и обратной ассоциативной связи между словом-стимулом и реакцией.

Сочетание *civility — politeness* имеет 2%-ную вероятность активации, а обратное соотношение не проявилось в структуре анализируемого ассоциативного поля. Иными словами, у данной группы испытуемых слово *politeness* не вызвало реакции *civility*, что свидетельствует о менее высокой

CC BY

операциональности сочетания *politeness — civility* по сравнению с сочетанием *civility — politeness.*

3.3. Ассоциативное поле «Politeness»: опосредования соотношений стимула и реакций

Для того чтобы понять сущность параметра опосредования соотношения стимула и реакции, рассмотрим двухступенчатый механизм ассоциирования на примере сочетания *politeness — manners*, которое является наиболее частотным по данным проведённого свободного ассоциативного эксперимента. Максимальным числом опосредований для слова *politeness* является 33 (число разных реакций). Поскольку не все ассоциаты были заданы нами в качестве стимулов в эксперименте, в нашем распоряжении оказались данные по 24 ассоциатам. Это число составляет максимально возможное количество опосредований (слов-посредников). Одним из опосредований сочетания *politeness — manners* является слово *good,* то есть испытуемые в рамках эксперимента активировали связи *politeness — good* и *good — manners*, что позволяет выстроить звено *politeness — good — manners* со словом-посредником *good.*

Отобразим схематично двухступенчатый механизм ассоциирования (рис. 1), наглядно демонстрирующий сущность параметра опосредования для условного сочетания *стимул — реакция*, где R_1, R_2 и R_n — слова-опосредования, являющиеся одновременно реакциями на исходный стимул (S) и стимулами, на которые получена реакция (R).

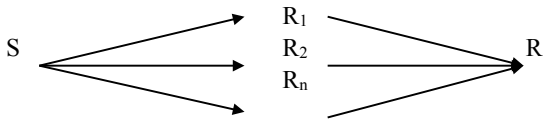

Рис. 1. Двухступенчатый опосредованный механизм ассоциирования

Проанализировав состав 24 ассоциативных полей, полученных в рамках работы над проектом «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости», мы выявили 7 опосредований для сочетания *politeness — manners.* Рассчитаем индекс опосредованной ассоциативной силы сочетания *politeness — manners*, воспользовавшись методикой, предложенной в работе [Nelson et al., 1999].

Сочетание *politeness manners* имеет индекс опосредованной ассоциативной силы равный 0,0216. Каждое опосредование является предикативным признаком речевого действия *politeness manners*. Самая высокая операциональность выявлена для звена опосредования *politeness — good — manners* (0,0119).

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 3

Индекс опосредованной ассоциативной силы
сочетания *politeness manners*

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы S — RO**	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции RO — R**	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Behaviour	0,01	0,10	0,0010
Courtesy	0,06	0,08	0,0048
Handshake	0,01	0,01	0,0001
Good	0,17	0,07	0,0119
Nice	0,13	0,01	0,0013
Please	0,03	0,08	0,0024
Upbringing	0,01	0,01	0,0001
Индекс опосредованной ассоциативной силы			0,0216

Рассмотрим сочетание *politeness — good* и рассчитаем индекс опосредованной ассоциативной силы. В экспериментально полученных ассоциативных данных было выявлено 11 опосредований для этого сочетания (рис. 2).

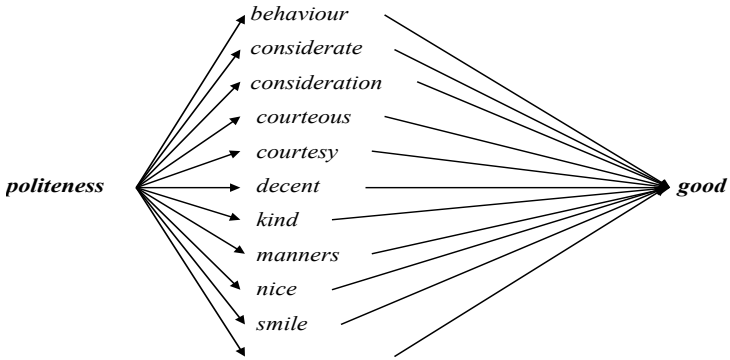

Рис. 2. Слова-посредники сочетания *politeness — good*

Наиболее актуальным словом-посредником является *manners* с индексом ассоциативной силы опосредования для звена *politeness — manners — good* 0,0288. Суммировав индексы ассоциативной силы опосредования для каждого звена, мы получили общий индекс для сочетания *politeness — good*, равный 0,0424.

Девять опосредований было выявлено для сочетания *politeness — nice (considerate, consideration, courteous, courtesy, decent, friendly, good, kind, smile*). Индекс опосредованной ассоциативной силы этого сочетания составил 0,0233 с наиболее ярко выраженным звеном *politeness — good — nice* (0,0136).

Сочетание *politeness — kind* имеет тоже 9 слов-опосредований (*behaviour, considerate, consideration, courteous, courtesy, decent, friendly, good, nice*) с общим индексом опосредованной ассоциативной силы 0,0315, при этом звено *politeness — nice — kind* является самым прочным (0,0143).

Шесть опосредований (*courteous, courtesy, handshake, kind, manners, nice*) отмечено в соотношении *politeness — friendly* с индексом ассоциативной силы опосредования 0,0171 и ведущим звеном *politeness — nice — friendly* (0,0130).

Упорядочим данные по опосредованиям для разных соотношений стимула *politeness* и реакций в таблице.

Таблица 4

Общие данные по опосредованиям ассоциата *politeness*

Реакция на стимул politeness	**Число опосредований**	**Индекс ассоциативной силы опосредования**	**Ведущее звено опосредования**	**Индекс ведущего звена опосредования**
Good	11	0,0424	Politeness — manners — good	0,0288
Kind	9	0,0315	Politeness — nice — kind	0,0143
Nice	9	0,0233	Politeness — good — nice	0,0136
Manners	7	0,0216	Politeness — good — manners	0,0119
Friendly	6	0,0171	Politeness — nice — friendly	0,0130
Behaviour	4	0,0073	Politeness — manners — behaviour	0,0036
Politeness — please	2	0,0036	Politeness — manners/ courtesy please	0,0018
Courtesy	1	0,0018	Politeness —manners — courtesy	0,0018
Considerate	3	0,0009	Politeness — courteous — considerate	0,0003

CC BY

По данным таблицы 4, число опосредований для различных соотношений стимула *politeness* и реакций варьируется от 1 до 11. Самый высокий индекс выявлен для сочетания *politeness — good*, что свидетельствует о большой вероятности активации этого сочетания. Одиннадцать слов-посредников являются признаками, на основе которых осуществляется это предицирование. Для сочетания *politeness — courtesy* обнаружен всего один такой признак (*manners*), при этом индекс ассоциативной силы опосредования этого сочетания в два раза выше, чем сочетания *politeness — considerate* с 3 словами-посредниками (*consideration, courteous, kind*), то есть сочетание *politeness — courtesy* более операционально.

3.4. Анализ параметра перекрытия для ассоциативного поля «Politeness»

Параметр перекрытия (пересечения) отражает количество одинаковых ассоциатов, полученных при предъявлении стимула и реакции соответственно. По данным свободного ассоциативного эксперимента, в составе ассоциативных полей «Politeness» и «Manners» обнаружено 5 одинаковых реакций (*good, behaviour, courtesy, friendly, please*). Воспользуемся методикой [Nelson et al., 1999] для расчёта индекса ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Manners» (табл. 5).

Таблица 5

Индекс ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Manners»

Общая реакция для анализируемых ассоциативных полей	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу politeness**	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу manners**	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Good	0,14	0,16	0,0224
Behaviour	0,01	0,02	0,0002
Courtesy	0,06	0,01	0,0006
Friendly	0,02	0,01	0,0002
Please	0,03	0,01	0,0003
Индекс ассоциативной силы перекрытия			0,0337

Индекс ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Manners» составил 0,0337. Наибольшая зона перекрытия (0,0224) формируется за счёт общего компонента *good*, который обусловливает близость психологически актуального значения слов *politeness* и *manners*. Для наглядности отобразим пересечения общих компонентов анализируемых полей на рисунке.

CC BY

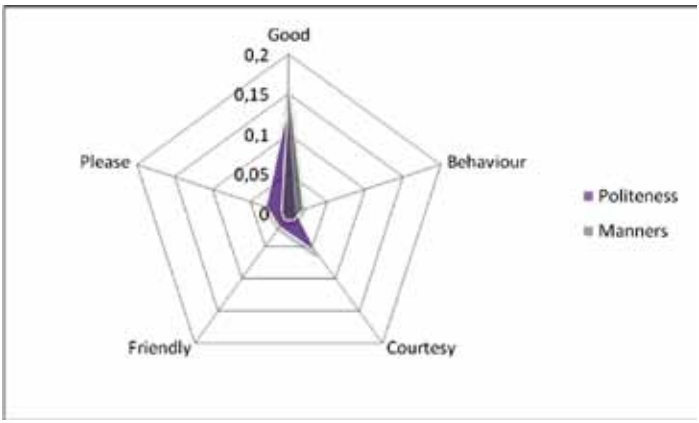

Рис. 3. Пересечения общих компонентов ассоциативных полей «Politeness» и «Manners»

Зона перекрытия общих компонентов ассоциативных полей «Politeness» и «Manners» является основой для продуцирования соответствующего речевого действия.

Рассчитаем индекс ассоциативной силы перекрытия для полей «Politeness» и «Good» (табл. 6).

Таблица 6

Индекс ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Good»

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу politeness**	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу good**	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Nice	0,13	0,08	0,0104
Manners	0,18	0,07	0,0126
Kind	0,02	0,02	0,0004
Behaviour	0,01	0,01	0,0001
Decent	0,01	0,01	0,0001
Kindness	0,09	0,01	0,0009
Well-mannered	0,01	0,01	0,0001
Индекс ассоциативной силы перекрытия			0,0246

Слова *politeness* и *good* активировали больше одинаковых ассоциатов (*nice, manners, kind, behaviour, decent, kindness, well-mannered*), чем слова *politeness* и *manners.* Однако индекс ассоциативной силы перекрытия ассоциативных полей «Politeness» и «Good» оказался ниже (0,0246 vs

0,0337). Следовательно, психологически актуальное значение слов *politeness* и *manners* несколько ближе. Набольшая зона перекрытия образуется по компоненту *manners,* а наименьшая — по компонентам *behaviour, decent* и *well-mannered*, что отражено на рисунке 4.

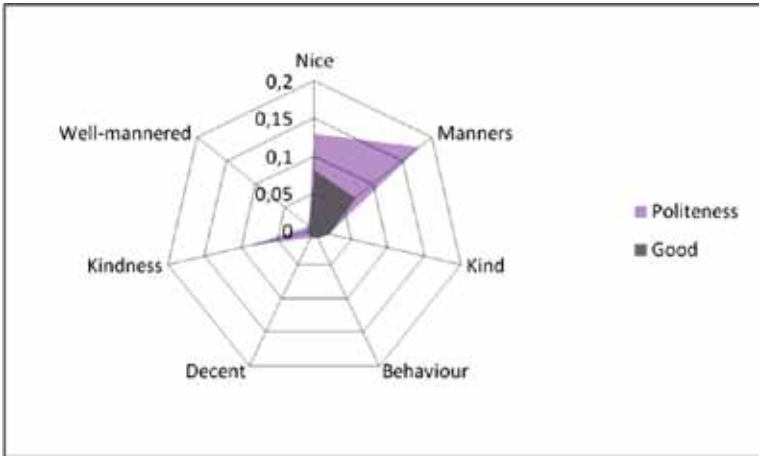

Рис. 4. Перекрытия общих компонентов ассоциативных полей «Politeness» и «Good»

Слова *politeness* и *nice* имеют 4 общих компонента (*kind, friendly, good, manners*). Рассчитаем индекс ассоциативной силы перекрытия для этих полей (табл. 7).

Таблица 7

Индекс ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Nice»

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу politeness**	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу nice**	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Kind	0,02	0,11	0,0022
Friendly	0,02	0,10	0,0020
Good	0,17	0,01	0,0017
Manners	0,18	0,01	0,0018
Индекс ассоциативной силы перекрытия			0,0077

Индекс ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Nice» равняется 0,0077 с 4 выявленными компонентами-пересечениями, при этом зоны перекрытия по направлению каждого из компонентов примерно равнозначны (рис. 5).

CC BY

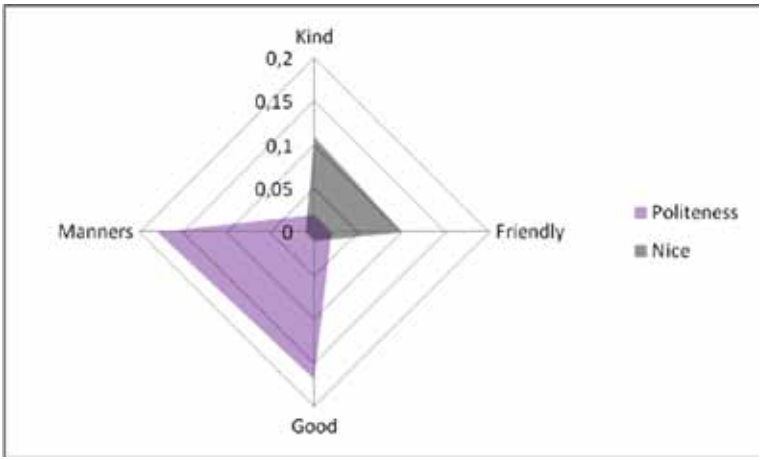

Рис. 5. Пересечения общих компонентов ассоциативных полей «Politeness» и «Nice»

Ассоциативные поля «Politeness» и «Courtesy» имеют 8 пересечений по компонентам *nice, manners, good, kind, please, kindness, thank you* и *well-mannered*. Рассчитаем индекс силы перекрытия для этих слов (табл. 8).

Таблица 8

Индекс ассоциативной силы перекрытия полей «Politeness» и «Courtesy»

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу politeness**	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу courtesy**	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Nice	0,13	0,10	0,0104
Manners	0,18	0,08	0,0126
Kind	0,02	0,03	0,0006
Good	0,17	0,05	0,0085
Please	0,02	0,03	0,0006
Kindness	0,09	0,02	0,0018
Well mannered	0,01	0,05	0,0005
Thank you	0,01	0,01	0,0001
Индекс ассоциативной силы перекрытия			0,0395

Ассоциативные поля «Politeness» и «Courtesy» имеют наивысший индекс перекрытия (0,0395) по сравнению с проанализированными ранее ассоциативными полями, что свидетельствует о высокой степени близости психологически актуального значения слов *politeness и courtesy*. Графиче-

ски пересечение общих компонентов ассоциативных полей «Politeness» и «Courtesy» выглядит так (рис. 6).

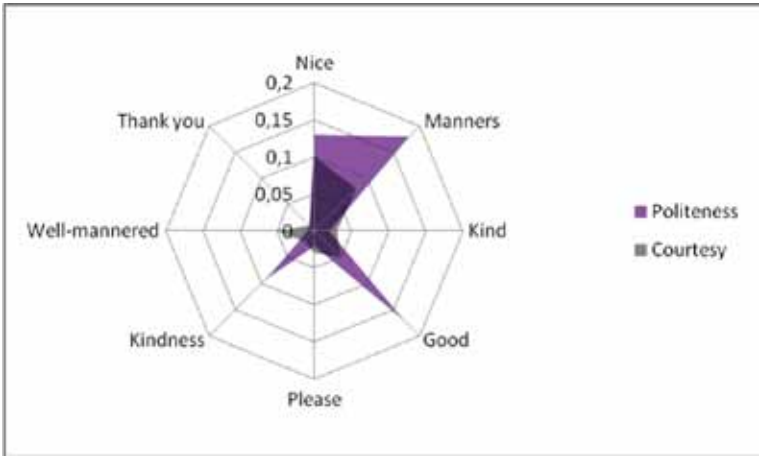

Рис. 6. Пересечения общих компонентов ассоциативных полей «Politeness» и «Courtesy»

Упорядочим данные по пересечениям для разных соотношений стимула *politeness* и реакций в таблице по величине индекса ассоциативной силы перекрытия.

Таблица 9

Количество пересечений и индекс ассоциативной силы перекрытия для разных соотношений стимула *politeness* и соответствующих реакций

Стимул	**Реакция**	**Количество пересечений**	**Индекс ассоциативной силы перекрытия**
Politeness	Courtesy	8	0,0395
	Manners	5	0,0337
	Good	7	0,0246
	Courteous	9	0,0207
	Please	3	0,0171
	Nice	4	0,0077
	Civility	6	0,0045

Число перекрытий показывает, сколько признаков имеется для установления отношения предицирования как в направлении от стимула к реакции, так и в обратном. Индекс силы перекрытия отражает степень близости психологически актуального значения двух слов. По нашим экс-

CC BY

периментальным данным, ассоциативные поля «Politeness» и «Courteous» имеют наибольшее количество общих ассоциатов (9), а самый высокий индекс ассоциативной силы перекрытия выявлен для полей «Politeness» и «Courtesy» (0,0395), что говорит о близости психологически актуального значения этих слов.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило выявить прямые и косвенные связи слова *politeness* (вежливость) (здесь и далее перевод наш. — *Н. С.*) в ассоциативно-вербальной сети носителей английского языка.

Вероятность активации сочетания «стимул — реакция» является одной из важнейших характеристик ассоциативного поля. Потенциал предицирования от реакции к стимулу проявляется в активации исходного стимула уже в качестве реакции на тот или иной ассоциат, предъявленный как стимул. По данным свободного ассоциативного эксперимента, наиболее актуальным сочетанием с вероятностью активации 18 % является *politeness — manners* (вежливость — манеры). В то же время вероятность активации сочетания *manners — politeness* (манеры — вежливость) оказалась значительно ниже и составила всего 4 %.

Косвенные связи слова *politeness* (вежливость) отражаются в параметрах опосредования и перекрытия, которые содержат информацию о количестве слов-посредников, числе перекрытий, индексе опосредования и индексе перекрытия. Эти параметры важны, поскольку с их помощью можно определить признаки, на основании которых активируется связь между стимулом и реакцией. Одиннадцать опосредований было обнаружено для сочетания *politeness — good* (вежливость — хороший): *behaviour* (поведение), *considerate* (внимательный), *consideration* (внимание), *courteous* (учтивый, вежливый), *courtesy* (учтивость, вежливость), *decent* (порядочный), *kind* (добрый), *manners* (манеры), *nice* (приятный), *smile* (улыбка), *upbringing* (воспитание). Эти признаки составляют основу для установления отношения предицирования *politeness — good c* индексом ассоциативной силы опосредования 0,0424.

Число пересечений — это параметр, отражающий количество общих ассоциатов для двух полей. Эти ассоциаты являются признаками, на основе которых устанавливается связь между стимулом и реакцией как в прямом, так и в обратном направлении. Индекс ассоциативной силы перекрытия показывает степень близости психологически актуального значения слов. Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента позволил установить, что слова *politeness* (вежливость) и *courtesy* (учтивость, вежливость) имеют 8 пересечений и самый высокий индекс ассоциативной

CC BY

силы перекрытия (0,0395). Следовательно, эти слова являются наиболее близкими по смыслу.

Полученные экспериментальные данные говорят о том, что для британских испытуемых психологически актуальным содержанием слова *politeness* (вежливость) являются хорошие манеры, добропорядочное поведение и учтивость. Эти компоненты являются универсальными, поскольку репрезентированы в той или иной мере в реакциях респондентов различных лингвокультур. Так, например, для носителей русского языка наиболее частотны сочетания *вежливость — учтивость*, *вежливость — воспитанность* и *вежливость — доброта*. Среди реакций британских респондентов отмечены и этнокультурные реакции, например, *stiff upper lip* (способность сохранять стоическое состояние в трудных ситуациях). Этот концепт рассматривается многими авторами как средство реализации категории вежливости.

Литература

1. *Ахутина Т. В.* Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой : 1967—2005 / Т. В. Ахутина // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2008. — С. 79—104.

2. *Гольдин В. Е.* Ассоциативные словари и образ мира / В. Е. Гольдин // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3. — С. 14—16.

3. *Гольдин В. Е.* К типологии ассоциативных словарей русского языка / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 118—121.

4. *Залевская А. А.* Значение слова и возможности его описания / А. А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование : сборник научных статей / ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 1998. — С. 35—54.

5. *Караулов Ю. Н.* Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания / Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание : содержание и функционирование : тезисы докл. XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1—3 июня, 2000 г.). — Москва, 2000. — С. 107—109.

6. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 214 с.

7. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23, № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-233-749-761.

8. *Пюрбеев Г. Ц.* Опыт создания ассоциативного словаря сравнений / Г. Ц. Пюрбеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 2. — С. 223—226. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48.

9. *Русский ассоциативный* словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова и др. — Москва, 1994. — Режим доступа : http://tesaurus.ru/dict/.

10. *Санчез Пуиг М.* Ассоциативные нормы русского и испанского языков / М. Санчез Пуиг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. — Москва ; Мадрид : Азбуковник, 2001. — 496 с. — ISBN 5-99744-035-X.

11. *Славянский ассоциативный* словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов и др. — Москва : Институт языкознания РАН, 2004. — 792 с.

12. *Словарь ассоциативных* норм русского языка [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Леонтьева. — Режим доступа : http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm.

13. *Степыкин Н. И.* Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021а. — № 3. — С. 106—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

14. *Степыкин Н. И.* Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021б. — № 8. — С. 112—127. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127.

15. *Степыкин Н. И.* Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости / Н. И. Степыкин, Д. М. Миронова. — Курск : Университетская книга, 2020. — 205 с.

16. *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира : сборник научных статей / ред. Н. В. Уфимцева. Москва : САРМА, 2000. — С. 24—32.

17. *Филиппович Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь информационных технологий / Ю. Н. Филиппович, Г. А. Черкасова, Д. Дельфт // Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языке. — Москва : Моск. гос. ун-т печати, 2002. — 299 с. — ISBN 5-8122-0280-х.

18. *Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус [Электронный ресурс] / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2014. — Т. 1—2. — Режим доступа : https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras.

19. *Kent G. H.* Study of association in Insanity / G. H. Kent, A. J. Rosanoff // American Journal of Insanity. — 1910. — № 67. — Pp. 317—390.

20. *Nelson D. L.* The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms [Electronic resource] / D. L. Nelson, C. L. McEvoy, T. A. Schreiber. — Access mode : http://w3.usf.edu/FreeAssociation.

21. *Rahimi Z.* Creating a Wikipedia-based Persian-English word association dictionary / Z. Rahimi, A. Shakery // 5th International Symposium on Telecommunications, IST 2010. — 2011. — P. 562—567. — DOI: 10.1109/ISTEL.2010.5734088.

References

Akhutina, T. V. (2008). The Leontiev-Ryabova Speech Generation Model: 1967—2005. In: *Akhutina, T. V., Leont'ev, D. A. Psychology, Linguistics and Interdisciplinary Relations*. Moscow: Smysl. 79—104. (In Russ.).

Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. (2014). *Russian regional associative dictionary-thesaurus*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. 1—2. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras. (In Russ.).

Filippovich, Yu. N., Filippovich, G. A., Delft, D. (2002). Russian associative dictionary of information technologies. In: *Information Technology Associations: an experiment in Russian and French*. Moscow: Moscow state un-t printing. 299 p. ISBN 5-8122-0280-kh. (In Russ.).

Goldin, V. E., Sdobnova, A. P. (2008). On the typology of associative dictionaries of the Russian. *Journal of Psycholinguistics, 7:* 118—121. (In Russ.).

Goldin, V. E. (2014). Associative dictionaries and the picture of the world. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies, 3:* 14—16. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N., Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. et al. (1994). *Russian associative dictionary. Associative thesaurus of the modern Russian*. Available at: http://tesaurus.ru/dict/. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N., Tarasov, E. F. (2000). Semantic gestalt of the associative field and images of consciousness. In: *Linguistic consciousness: content and functioning. XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*. Moscow. 107—109. (In Russ.).

Kent, G. H., Rosanoff, A. J. (1910). Study of association in Insanity. *American Journal of Insanity, 67:* 317—390.

Leontyev, A. A. (ed.). *Dictionary of associative norms of the Russian*. Available at: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm. (In Russ.).

Leontyev, A. A. (1969). *Language, speech, speech activity*. Moscow: Prosveshchenie. 214 p. (In Russ.).

Nelson, D. L., McEvoy, C. L., Schreiber, T. A. (2004). *The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms*. Available at: http://w3.usf.edu/FreeAssociation.

Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a problem of the methodology of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics, 23 (3):* 749—761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-233-749-761. (In Russ.).

Pyurbeev, G. Ts. (2019). Opyt sozdaniya assotsiativnogo slovarya sravneniy. *Philology. Theory & Practice, 12 (2):* 223—226. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48. (In Russ.).

Rahimi, Z., Shakery, A. (2011). Creating a Wikipedia-based Persian-English word association dictionary. In: *5th International Symposium on Telecommunications, IST 2010*. 562—567. DOI: 10.1109/ISTEL.2010.5734088.

Sanchez Puig M., Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A. (2001). *Associative norms of the Spanish and the Russian.* Moscow; Madrid: Azbukovnik. 496 p. ISBN 5-99744-035-X. (In Russ.).

Stepykin, N. I. (2021a) Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). *Nauchnyi dialog, 3:* 106—120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120. (In Russ.).

Stepykin, N. I. (2021b) Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action. *Nauchnyi dialog, 8:* 112—127. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127. (In Russ.).

Stepykin, N. I., Mironova, D. M. (2020). *Project of a multilingual associative thesaurus of politeness*. Kursk: Universitetskaya kniga. 205 p. (In Russ.).

Tarasov, E. F. (2000). Actual problems of the analysis of linguistic consciousness. In: *Ufimtseva, N. V. (ed.). Linguistic consciousness and the image of the world: a collection of scientific articles*. Moscow: SARMA. 24—32. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, Yu. N. et al. (2004). *Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. 792 p. (In Russ.).

Zalevskaya, A. A. (1998). The meaning of the word and the possibilities of its description. In: *Ufimtseva, N. V. (ed.). Linguistic consciousness: formation and functioning: collection of scientific articles*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. 35—54. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.03.2022,
одобрена после рецензирования 21.05.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Александр Николаевич Гриценко, преподаватель (Москва)
Екатерина Андреевна Никонова, канд. филол. наук (Москва)
Елена Николаевна Ильина, д-р филол. наук (Вологда)
Наталья Юрьевна Видинеева, преподаватель (Пенза)
Петр Васильевич Морослин, д-р филол. наук (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Видинеева Н. Ю. Специфика репрезентации общественных отношений в журнале «Костер» (1970—1980 годы) / Н. Ю. Видинеева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 195—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-195-210.

Vidineeva, N. Yu. (2022). Specificity of Representation of Public Relations in Magazine "Koster" (1970—1980). *Nauchnyi dialog, 11(5):* 195-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-195-210. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-195-210

Специфика репрезентации общественных отношений в журнале «Костер» (1970—1980 годы)

Видинеева Наталья Юрьевна
orcid.org/0000-0002-4412-7631
преподаватель
кафедра «Английский язык»
ya.natashavidineeva@yandex.ru

Пензенский
государственный университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00775 «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике»

Specificity of Representation of Public Relations in Magazine "Koster" (1970—1980)

Natalya Yu. Vidineeva
orcid.org/0000-0002-4412-7631
teacher
Department of English
ya.natashavidineeva@yandex.ru

Penza State University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, the project № 22-28-00775 "Mediatized model of Soviet society in children's periodicals"

© Видинеева Н. Ю., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу различных аспектов общественных отношений позднесоветского периода, нашедших выражение на страницах детского журнала «Костер». Новизна исследования заключается в том, что впервые была реконструирована модель общественных отношений, которая опосредована советскими СМИ. Материалом исследования послужили выпуски журнала «Костер» за 1970—1980 годы в количестве 6 штук объемом от 52 до 68 страниц каждый. Исследование проводилось в русле дискурс-анализа с привлечением приемов риторического анализа. В ходе работы были выявлены аспекты общественных отношений, отражающиеся в журнале «Костер» и реализующие их топосы. Предлагается классификация аспектов отношений и их топосов: взаимоотношения ребенка со взрослым (топосы родительского авторитета, воспитания, одобрения ребенка взрослым), взаимоотношения ребенка и ровесников (топос взаимопомощи), взаимоотношения «ребенок-государство» (топосы морали, патриотизма, идеологического воспитания, государственной заботы о детстве), человек и страна (топосы идеологизации, патриотизма, взаимовыручки, труда, индустриализации), взаимодействие человека и природы (топосы освоения, заботы, адмирации), человек в многонациональной стране (топос приязни), страна в мире (топосы высоких достижений, интернационализма).

Ключевые слова:
детская периодика; СССР; общественные отношения; топосы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of various aspects of social relations of the late Soviet period, which found expression on the pages of the children's magazine "Koster". The novelty of the study lies in the fact that for the first time a model of social relations mediated by the Soviet media was built. The material of the study was the issues of the magazine "Koster" for 1970—1980 in the amount of 6 copies of 52 to 68 pages each. The study was carried out in line with discourse analysis using the techniques of rhetorical analysis. In the course of the study, aspects of social relations reflected in the magazine "Koster" and the topoi realizing them were identified. A classification of aspects of relations and their topoi is proposed: the relationship of a child with an adult (topoi of parental authority, upbringing, approval of a child by an adult), the relationship of a child and peers (a topos of mutual assistance), the relationship "child-state" (topoi of morality, patriotism, ideological education, state care about childhood), man and country (topoi of ideologization, patriotism, mutual assistance, labor, industrialization), interaction between man and nature (topoi of colonization, care, admiration), a person in a multinational country (topoi of friendliness), a country in the world (topoi of superiority, internationalism).

Key words:
children's periodicals; the USSR; public relations; topoi.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 070::347.157“197/198”

Специфика репрезентации общественных отношений в журнале «Костер» (1970—1980 годы)

© Видинеева Н. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

Исследовательский интерес в сфере гуманитарных наук в последние годы обращается к переосмыслению наследия Советского Союза. В частности, исследователи обращаются к изучению периодических изданий, в том числе детских, как к зеркалу происходивших в те годы общественно-политических процессов. Настоящее исследование своей целью имеет выявление и описание особенностей актуализации общественных отношений в СССР, нашедших отражение в ежемесячном детском журнале «Костер».

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые были описаны топосы, которые репрезентируют разнообразные аспекты общественных отношений в детских периодических изданиях. Также впервые была разработана модель общественных отношений в поздний период СССР, репрзентируемая в журнале для детей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью установления прагматических особенностей отношений между советскими гражданами (как школьниками, так и взрослыми) и общественными институтами, нашедших выражение в детских периодических изданиях того времени. Отметим также недостаточную исследованность языка советских детских СМИ и в целом дискурса советской детской периодики.

В ходе обзора трудов предшественников обнаруживается несколько основных подходов к изучению советской детской периодики. Мы выделили ***педагогические исследования*** [Головин и др., 2018а, 2018б; Кудряшёв, 2018; Поздняков, 2019], ***исторические исследования***, в том числе историко-педагогические и историко-культурологические [Капустина, 2014; Наумова, 2017; Кудряшев, 2019; Ермолова, 2021], ***филологические исследования***, включая текстологические работы, анализ визуального модуса, дискурсивные исследования и в русле журналистики [Суздорф, 2011; Коханая, 2018; Маругина, 2018; Савина и др., 2020; Громова, 2021; Сазоненко, 2021]. Тематическое наполнение журнала «Пионер» рассматривается и в связи с историей формирования пространства для детей в советском городе [Хамитова, 2013].

Тематически проанализированные нами работы посвящены ***истории развития*** детских СМИ как в XX веке, так и в более ранние периоды [Суздорф, 2011; Наумова, 2017; Бабкина, 2018; Головин и др., 2018а; Кудря-

CC BY

шёв, 2019]; ***функциям детских СМИ в СССР*** [Капустина, 2014; Кудряшёв, 2018; Головин и др., 2018а; Головин и др., 2018б]. Ряд исследований в центр внимания ставят ***тематику*** публикуемого в советских детских СМИ материала и его ***идеологическую корреляцию с политической ситуацией*** того времени [Суздорф, 2011; Наумова, 2017; Кудряшев, 2018; Савина и др., 2020; Громова, 2021; Ермолова, 2021; Сазоненко, 2021]. Последний тип работ представляет для нас отдельный интерес, так как в рамках данного исследования мы стремимся установить соответствие между тематическими центрами публикаций в детской прессе и идеологическими лейтмотивами позднего советского периода.

Особенности репрезентации различного рода общественных отношений в медиадискурсе и дискурсе СМИ являются объектом изучения в последние годы [Данкова и др., 2014; Михина, 2014; Ерофеева, 2018; Родионова и др., 2018; Комарова, 2020]. Проведенные изыскания позволяют получить более детальное представление о происходящих общественно-политических процессах, которые, возможно, скрыты от взгляда неспециалиста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирической базой исследования стали выпуски журнала «Костер» (6 выпусков объемом от 52 до 68 страниц каждый) за 1970—1980-е годы. Номера отбирались методом простой случайной выборки.

Что касается методологии исследования, то советская детская периодика в научном сообществе изучается, в частности, с позиций ***историко-культурологического подхода*** с применением историко-генетического и типологического методов [Ермолова, 2021], с позиций ***историко-педагогического источниковедения*** [Кудряшёв, 2019], с помощью ***сравнительно-исторического метода*** [Суздорф, 2011]. Также проводились исследования в русле ***дискурс-анализа*** [Савина и др., 2020; Громова, 2021; Сазоненко, 2021]. Применение данных подходов и методов объяснимо и разумно, так как, с одной стороны, речь идет об изучении текстовых источников с диахронической точки зрения, с другой стороны, мы имеем дело с необходимостью исследования интегрированности этих источников в ткань реальности тех времен: социальную, идеологическую и политическую.

Особенности репрезентации общественных отношений изучаются с помощью методик контент-анализа [Михина, 2014; Родионова и др., 2018; Комарова, 2020], нейросетевых технологий [Комарова, 2020], с применением социологического подхода [Ерофеева, 2018], а также риторического анализа с выделением топосов отношений [Данкова и др., 2014].

В настоящем исследовании мы придерживаемся дискурсивного подхода к изучению языка, а также применяем риторический анализ к кон-

CC BY

тенту детских журналов. Кроме того, характер эмпирического материала продиктовал необходимость использования элементов исторического анализа текстовых источников. В ходе исследования мы использовали общенаучные методы наблюдения, описания, классификации, интерпретации, а также контекстный анализ.

Алгоритм исследования состоял из следующих шагов:

— просмотр произвольно выбранных номеров журнала «Костер» за указанный период; внимательное ознакомление с текстами статей и заметок. (отметим, что в фокусе нашего внимания при этом находился только письменный модус);

— установление основных аспектов общественных отношений, нашедших воплощение в журнале;

— выделение, описание и анализ основных топосов общественных отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Общественные отношения, нашедшие отражение в выпусках журнала «Костер», включают в себя следующие аспекты:

— взаимоотношения ребенка со взрослым;
— взаимоотношения ребенка и ровесников;
— взаимоотношения ребенка и государства;
— человек и страна;
— взаимодействия человека и природы;
— человек в многонациональной стране;
— страна в мире.

В рамках каждого из перечисленных аспектов реализуется один или несколько топосов отношений, которые позволяют сделать выводы о специфике отношений, выстраиваемых государством с юными гражданами посредством детской периодики. Проанализируем каждый аспект отношений.

3.1. Взаимоотношения ребенка со взрослым

Данный аспект общественных отношений предполагает отношения ребенка как с близким и важным для него взрослым (отцом, матерью, бабушками и дедушками), так и со взрослыми, задействованными в работе общественных институтов (учителями, работниками экстренных служб и проч.). В рамках данного аспекта отношений реализуются ТОПОСЫ РОДИТЕЛЬСКОГО АВТОРИТЕТА, ВОСПИТАНИЯ, а также ОДОБРЕНИЯ РЕБЕНКА ВЗРОСЛЫМ.

Реализация ТОПОСА РОДИТЕЛЬСКОГО АВТОРИТЕТА в текстах детского журнала позволяет сделать вывод о характере отношений внутри семьи, о необходимости для ребенка подчиняться слову старших родствен-

CC BY

ников, которые несут полную ответственность за самого ребенка, а также за благополучие внутри семьи. Следует отметить, что такие отношения носили воспитательный характер и никак не дискредитировали личность ребенка. Топос родительского авторитета реализуется лексическими единицами с семантикой строгости, например:

Голос у папы был ***такой строгий****, что Марина не посмела спорить <…> да и Гриша только молча кивнул головой* (Костер, 1970, № 2, с. 50) [АА].

Наступила нехорошая пауза. А потом Николай Иванович ***грозно произнес****:*

— Михаил! (Костер, 1980, № 9, с. 3) [Там же].

ТОПОС ВОСПИТАНИЯ тесно связан с топосом родительского авторитета. Однако воспитанием ребенка могут заниматься не только ближайшие старшие родственники, но и другие взрослые, например, школьные учителя. Целью является формирование у ребенка нравственных ценностей и ориентиров, соответствующих нормам общественно принятой морали. Топос реализуется в форме поучительного высказывания, например:

<…> бабушка всегда говорит: ***нельзя быть рабами вещей*** (Костер, 1975, № 4, с. 46) [Там же].

Такие высказывания, будучи помещенными в контекст художественного произведения, могут оказывать влияние на юных читателей, которые соотносят себя с героями повестей и рассказов. Подобным образом формируются аксиологические установки подрастающего поколения граждан страны.

ТОПОС ОДОБРЕНИЯ РЕБЕНКА ВЗРОСЛЫМ призван продемонстрировать, что с мнением и поступками ребенка считаются в обществе взрослых. Одобрение получают общественно-значимые поступки (например, помощь попавшим в беду или продуктивный физический труд), например:

Однажды Василий Михайлович, осмотрев работу, сказал:

— Все. ***Молодцы****. Хоть на выставку отправляй* (Костер, 1975, № 12, с. 43) [Там же].

Одобрение социально значимых поступков взрослыми может мотивировать аудиторию журнала последовать примеру героев заметок, повестей и рассказов и принести пользу обществу. Кроме того, одобрение со стороны старших может помочь юным гражданам легче адаптироваться в обществе, встать на одну ступень с признанными авторитетами, почувствовать себя нужными государству.

Таким образом, в рамках актуализации взаимодействия ребенка и взрослого на страницах журнала реализуется модель внутрисемейной ие-

CC BY

рархии с обязательным подчинением ребенка старшим родственникам. Реализуется воспитательная функция, когда взрослые транслируют важные ценностные установки. Кроме того, одобрение социально полезных действий детей позволяет интегрировать их в общественную жизнь, освоиться в мире взрослых.

3.2. Взаимоотношения ребенка и ровесников

Отношения ребенка с ровесниками на страницах журнала реализуется через единственный ТОПОС ВЗАИМОПОМОЩИ. Необходимость помощи сверстникам прослеживается во многих заметках, рассказах и повестях, посвященных школьной жизни и жизни пионерии. Школьник помогает любому, кто нуждается в этом: отстающему в учебе однокласснику, заболевшему товарищу. При этом такие отношения не тяготят автора помощи, поскольку она оказывается добровольно и всем приносит удовлетворение:

После уроков со мной занимаются *Таня Королькова и Таня Шестакова. <...>* ***Девочки даже хотят, чтобы я стала круглой отличницей*** (Костер, 1970, № 2, с. 43) [Там же].

Петя медленно в палате / Поправляется / ***Лучший друг к нему в халате / Направляется*** (Костер, 1980, № 9, с. 4) [Там же].

Отказ от помощи товарищу порицается в обществе школьников:

В классе разочарованно вздохнули: ***вот тебе и друг!.. Отказался помочь товарищу в трудную минуту***... (Костер, 1980, № 9, с. 14) [Там же].

Таким образом, взаимовыручка манифестируется как основной элемент взаимоотношений школьников. Создание сплоченного детского коллектива представляется одним из этапов успешной интеграции юного гражданина в общественную жизнь целой страны.

3.3. Взаимоотношения ребенка и государства

Данный аспект общественных отношений является достаточно многогранным и затрагивает многие стороны жизни ребенка. Сюда входят вопросы нравственного воспитания, осуществляемого государством, идеологического и патриотического воспитания, а также вопросы заботы государства о физическом и моральном благополучии детей. Топосы, выделенные нами в этос аспекте общественных отношений, пересекаются с данными сторонами жизни ребенка в государстве: ТОПОС МОРАЛИ, ТОПОС ПАТРИОТИЗМА, ТОПОС ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, ТОПОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАБОТЫ О ДЕТСТВЕ.

ТОПОС МОРАЛИ актуализирует главные нравственные качества, которые государство хочет видеть в юных гражданах. На страницах журнала они, как правило, вербализируются в авторской речи редакторов, авторов материалов: именно этими голосами разговаривало с детьми государство. Качества, прививаемые ребенку, концентрировались вокруг ценностей

CC BY

альтруизма, героизма, ответственности, гражданственности, духовных устремлений в будущее. Топос морали реализуется с помощью аксиологически нагруженных лексических единиц, которым противопоставляется лексика с семантикой нечестности, подлости:

В момент ***героического*** *поступка* ***все хорошее****, что заложено воспитанием, семьей, пионерской организацией, собирается воедино* (Костер, 1975, № 4, с. 52) [Там же].

Растите ***настоящими людьми****!* (Костер, 1975, № 12, с. 1) [Там же].

Я считаю, <…> что счастье может узнать каждый человек, если только он ***не жадный****,* ***не трус****,* ***не доносчик****,* ***не подлиза*** (Костер, 1970, № 2, с. 38) [Там же].

Реализация *топоса патриотизма* во многом строится на упоминаниях подвигов героев Великой Отечественной войны, в том числе подвигов детей, ровесников аудитории журнала. Детей просят проявлять заботу и внимание по отношению к ветеранам войны, а также стимулируют их интерес к изучению военной истории страны. Сохранение памяти о героическом прошлом советского народа представляется важным инструментом в воспитании патриотизма школьников:

В 41-м они были еще школьниками. В 42-м — партизанами. ***Запомни их имена****: Ваня и Коля Плотниковы.* ***Они отдали жизнь за Родину*** (Костер, 1975, № 4, с. 12) [Там же].

ТОПОС ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ актуализируется в контексте упоминания роли В. И. Ленина и Коммунистической партии СССР в построении государства. Особенно велика роль личности В. И. Ленина, представленого национальным героем, служению идеалам которого дети должны посвятить свою жизнь:

Я всем своим сердцем и жизнью ***буду стремиться вступить в ряды Коммунистической партии****, созданной Лениным, чтобы* ***своими делами, совестью доказать верность партии, Ильичу*** (Костер, 1975, № 4, с. 3) [Там же].

ТОПОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАБОТЫ О ДЕТСТВЕ реализуется в статьях и заметках об организации учебы и досуга детей. Мероприятия направлены на оздоровление школьников, их моральное и физическое развитие, например:

Первой в мире ***наша страна начала выпускать фильмы для детей*** (Костер, 1975, № 12, с. 34) [Там же].

Таким образом, взаимоотношения ребенка и государства строятся на иерархических началах. Государство является для ребенка своего рода старшим наставником, цель которого — нравственное, патриотическое и идеологическое воспитание подрастающего поколения в соответствии

CC BY

с духом времени. Помимо морализаторских функций, государство выполняет и функции заботы о благополучии детей.

3.4. Человек и страна

Данный аспект общественных связей, как и аспект отношений ребенка и государства, является многогранным. Освещая отношения взрослого человека и страны, государство актуализировало образ человека, в которого должен был превратиться юный читатель журнала через несколько лет. Топосы, выделенные в данном аспекте отношений, отчасти перекликаются с топосами отношений «ребенок — государство». Это обусловлено тем, что начало формирования будущего взрослого, безусловно, начинается с детского возраста. Мы выделили ТОПОС ИДЕОЛОГИЗАЦИИ, ТОПОС ПАТРИОТИЗМА, ТОПОС ВЗАИМОВЫРУЧКИ, ТОПОС ТРУДА, а также ТОПОС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.

ТОПОС ИДЕОЛОГИЗАЦИИ реализуется через признание роли личности В. И. Ленина в построении той страны, в которой жили все тогдашние читатели журнала. Не только дети, но и взрослые признавали В. И. Ленина безусловным авторитетом, моральным ориентиром, восхищались им:

— Я иду по той дороге, которую указал мне Ленин, — ответила Умия (Костер, 1975, № 4, с. 2) [Там же].

Топос идеологизации также актуализируется через антагонистические противоречия с противниками большевиков, которые представляются первопричиной общественных бед страны. Мы встречаем их историческую номинацию, например:

*Русские **меньшевики и эсеры** <...> с первых же дней войны превратились в **контрреволюционеров*** (Костер, 1975, № 4, с. 4) [Там же].

Кроме того, встречается и наименование врагов посредством сниженной, бранной лексики: *сволота меньшевистская и эсеровская, «пугало» — памятник царю Александру III*, *кулаки*. Последним также приписываются антиобщественные действия:

*Это **кулаки хотели уничтожить портрет Ленина*** (Костер, 1975, № 4, с. 1) [Там же].

Все это было призвано вызвать у граждан страны, последователей заветов В. И. Ленина, непринятие иной идеологии.

ТОПОС ПАТРИОТИЗМА во многом обусловлен памятью о борьбе народов СССР с фашистскими захватчиками. Сохранение памяти о героях и их подвигах является ключом к формированию патриотического настроя как среди детей, так и среди взрослого населения:

*Если враг нападет, / Встанет он, **будет биться, как надо**, / **За советский народ**, / **За великих людей Ленинграда*** (Костер, 1970, № 2, с. 17) [Там же].

CC BY

ТОПОС ВЗАИМОВЫРУЧКИ продвигает ценности помощи тем, кто нуждается в этом. Фундамент этих ценностей закладывается еще во взаимоотношениях ребенка со сверстниками в школе. Во взрослом возрасте человек помогает тем, кто попал в сложную жизненную ситуацию, а также неопытным коллегам, трудовому коллективу. При этом личная выгода не является решающим фактором и не влияет на решение помочь:

Рекорды высоко оцениваются, спору нет, но ***еще выше ценится взаимопомощь, когда человек более опытный и умелый помог другим*** (Костер, 1980, № 5, с. 7) [Там же].

Общественно полезный труд также является ценностью в отношениях человека и государства, что нашло отражение в ТОПОСЕ ТРУДА. Любая работа, как демонстрируют заметки и статьи журнала, достойна уважения, если она приносит пользу обществу. Общественное одобрение выражается всем, кто трудится честно и ответственно:

Восторгаться мы будем теми, кто ***добросовестно делает свое дело****. Изо дня в день.* ***Добросовестно и умело****.* ***Это****, знаете ли,* ***самое важное****. И самое трудное* (Костер, 1970, № 2, с. 26) [Там же].

Технологическое развитие страны, пятилетние планы, которые государство ставило перед трудящимися, обусловили появление ТОПОСА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ на страницах журнала. Отметим, что реализация топоса достигается через жанровое своеобразие текстов издания, в частности, в таких рубриках журнала, как *«Алло! Институт? Что нового?»* и *«Новости науки и техники»*. Они должны были вызвать интерес детей к вопросам развития промышленности, науки и техники, а также способствовать профессиональной ориентации читателей.

3.5. Взаимодействие человека и природы

На страницах журнала «Костер» обсуждается и взаимодействие взрослого человека и окружающей среды. Мы склонны полагать, что модель отношений взрослых с природой перенимается детьми. Это реализуется через ТОПОС ОСВОЕНИЯ ПРИРОДЫ, ТОПОС ЗАБОТЫ и ТОПОС АДМИРАЦИИ.

ТОПОС ОСВОЕНИЯ ПРИРОДЫ связан с описанием покорения дикой природы учеными, исследователями и всеми, кто был причастен к выполнению пятилетних планов. Вмешательство человека в природу Сибири или крайнего Севера представляется значительным достижением в научной и промышленной жизни страны. При этом в текстах рассказы о человеческой, рукотворной интервенции органично чередуются с описаниями природных пейзажей, что позволяет заретушировать негативные реалии — возможный экологический урон, нанесенный природе хозяйственной деятельностью человека:

CC BY

Над туманом — ясное белесоватое небо, и по нему — широко шагающие опоры линии электропередачи (Костер, 1970, № 2, с. 2) [Там же].

В целом топос освоения природы подчеркивает качество технологического прогресса, достигнутого в СССР.

Но вместе с этим в материалах журнала актуализируются близкие друг другу ТОПОСЫ — ЗАБОТЫ О ПРИРОДЕ и АДМИРАЦИИ (*восхищения ею*). Несмотря на воспевание господства человека над природой, читателю показывают, что необходимо бережно относиться к окружающей среде, а также видеть ее красоту, в частности, живописность ландшафтов страны:

Во всем мире сейчас говорят об ***охране и защите природы****. Дело это* ***очень важное, работа предстоит большая****. И* ***не простая*** (Костер, 1975, № 12, с. 54) [Там же];

Вот она, ***Волга-река. Красавица****! <…> И такая* ***безмятежная тишина*** *стояла над миром,* ***такая красота и покой*** *были кругом, что* ***у многих бойцов сжалось сердце*** (Костер, 1970, № 2, с. 7) [Там же].

Таким образом, технологическое покорение дикой природы рассматривается как необходимая мера, связанная с задачами улучшения качества жизни советских граждан. При этом экологичность вмешательства, недопущение разрушения естественных природных условий обитания биологических видов находится в приоритете в данном контексте общественных отношений.

3.6. Человек в многонациональной стране

Советский Союз, как известно, представлял собой страну, где на одной территории существовали представители множества национальностей и культур. Для обеспечения внутренней стабильности государства является важным поддержание уважительных, толерантных отношений между представителями разных национальностей. В данном аспекте общественных отношений был выделен ТОПОС ПРИЯЗНИ. Представители народов севера, Сибири, Средней Азии, Кавказа представляются как оптимистичные, приветливые люди, всегда готовые прийти на помощь. Формирование такого образа представителей разных национальностей могло способствовать избеганию межэтнических и межнациональных конфликтов, демонстрировало юной аудитории журнала модель поведения в общении с представителями иной национальности:

<…> ***мои друзья из Бурятии*** *<…> когда познакомились, решили, что когда-нибудь я приеду к ним в гости. <…> потому что* ***сами по себе они отличные ребята*** (Костер, 1970, № 2, с. 44) [Там же];

Радость жизни *и* ***умение донести до других*** *эту радость —* ***вот что*** *характерно для* ***юных художников Армении*** (Костер, 1975, № 12, с. 61) [Там же].

CC BY

3.7. Страна в мире

Если принять во внимание роль СССР как одного из акторов международных отношений в XX веке, данный аспект общественных отношений представляется важным. Он получил отражение в содержании журнала и представлен двумя топосами: ТОПОСОМ ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ и ТОПОСОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА.

ТОПОС ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ демонстрирует ведущие позиции государства в мире во многих направлениях, от промышленности до спорта. Это может быть обусловлено стремлением государства поддержать патриотический дух граждан не только достижениями в прошлом (например, победой в Великой Отечественной войне), но и успехами в настоящем, например:

***На всех мировых выставках**, в которых мы принимали участие, **павильоны нашей страны были в числе лучших**. И для ЭКСПО-70 наши архитекторы, художники, инженеры и строители тоже постарались* (Костер, 1970, № 2, с. 40) [Там же].

ТОПОС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА демонстрирует дружбу народов СССР с народами других стран. Особый акцент делается на содружестве с народами стран социалистического блока, что указывает на идеологическую сплоченность представителей разных государств:

*Редакция <…> передает <…> **сердечный привет** польским харцерам, юным гражданам **братской Польши*** (Костер, 1980, № 5, с. 33) [Там же].

С помощью данного топоса читателям журнала демонстрировались союзники государства в условиях общемировой изоляции страны, в том числе на фоне международных кризисов прошлых лет.

4. Заключение = Conclusions

Модель общественных отношений СССР, нашедшую отражение в журнале «Костер» позднесоветского периода, мы представили в таблице (табл. 1).

Модель общественных отношений, конструируемая в журнале «Костер», служила ролевой моделью для детской аудитории издания. Читая статьи, заметки, рассказы и повести, публикуемые на страницах «Костра», дети учились выстраивать отношения со взрослыми и сверстниками, с природой, с представителями других национальностей. Читатели понимали место страны в мире, получали моральные ориентиры от государства и учились патриотизму. На страницах журнала дети видели взрослые ролевые модели, на которые могли равняться в будущем. Таким образом, детская периодика наряду с другими важными общественными институтами играла для детей роль наставника, воспитателя и проводника во взрослый мир.

CC BY

Таблица 1

Модель общественных отношений по материалам журнала «Костер»

№ п/п	Аспект общественных отношений	Топосы отношений
1	Взаимоотношения ребенка со взрослым	Топос родительского авторитета Топос воспитания Топос одобрения ребенка взрослым
2	Взаимоотношения ребенка и ровесников	Топос взаимопомощи
3	Взаимоотношения «ребенок-государство»	Топос морали Топос патриотизма Топос идеологического воспитания Топос государственной заботы о детстве
4	Человек и страна	Топос идеологизации Топос патриотизма Топос взаимовыручки Топос труда Топос индустриализации
5	Взаимодействие человека и природы	Топос освоения природы Топос заботы Топос адмирации
6	Человек в многонациональной стране	Топос приязни
7	Страна в мире	Топос высоких достижений Топос интернационализма

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

Литература

1. *Головин Ю. А.* Детско-юношеские общественные движения и отечественная детская периодика как факторы ценностного самоопределения личности / Ю. А. Головин, О. Е. Коханая // Знание. Понимание. Умение. — 2018а. — № 2. — С. 132—148. — DOI: 10.17805/zpu.2018.2.13.

2. *Головин Ю. А.* Газета «Пионерская правда» как феномен эффективной коммуникации / Ю. А. Головин, О. Е. Коханая // Реклама и связи с общественностью : традиции и инновации. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения, 2018б. — С. 13—24. — ISBN 978-5-88814-775-7.

3. *Громова М. М.* Трансформация образа Японии в журнале «Мурзилка» в XX в. / М. М. Громова // Stephanos. — 2021. — № 5 (49). — С. 18—24. — DOI: 10.24249/2309-9917-2021-49-5-18-24.

4. *Данкова Н. С.* Репрезентация оппозиции «судебная власть — народ» в дискурсе российских печатных СМИ / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Филология и человек. — 2014. — № 4. — С. 35—46.

5. *Ермолова А. И.* «Саша рисует ракету, а Боря рисует конфету…» : образы космоса в журналах для детей конца 1950—1960-х годов / А. И. Ермолова // Наследие веков. — 2021. — № 2 (26). — С. 24—34. — DOI: 10.36343/SB.2021.26.2.002.

6. *Ерофеева П. А.* «Почти каждой сплетнице есть что вспомнить» : репрезентация сексуального насилия в цифровых таблоидах / П. А. Ерофеева // Журнал исследований социальной политики. — 2018. — № 3. — С. 409—424. — DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-409-424.

7. *Капустина Г. Л.* Детская периодика : исторический, функционально-типологический и содержательный аспекты / Г. Л. Капустина // Вестник Тамбовского университета. Серия : гуманитарные науки. — 2014. — № 1 (129). — С. 99—105.

8. *Комарова Е. В.* Репрезентация образа мигранта в современных медиа (на примере медиатекстов Великобритании) / Е. В. Комарова // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 1 (21). — С. 12—20. — DOI: 10.24833/2410-2423-2020-1-21-12-20.

9. *Коханая О. Е.* Социокинетика детства : взаимодействие детских общественных объединений с детской прессой / О. Е. Коханая // Медиа. Инфоормация. Коммуникация. — 2018. — № 26. — С. 44—55.

10. *Кудряшев А. В.* Газета «Пионерская правда» как историко-педагогический источник / А. В. Кудряшев // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2019. — С. 378—389.

11. *Кудряшев А. В.* Материалы газеты «Пионерская правда» второй половины XX века в реконструкции повседневности советских школьников / А. В. Кудряшев // Поволжский педагогический поиск. — 2018. — № 4 (26). — С. 37—46. — DOI: 10.33065/2307-1052-2018-4-26-37-46.

12. *Маругина Н. И.* Гносеологические задачи организации дискурса детско-юношеского журнала «Юный натуралист» / Н. И. Маругина // Язык и культура. — 2018. — № 41. — С. 169—190. — DOI: 10.17223/19996195/41/11.

13. *Михина Н. В.* Формирование общественного мнения по вопросам культуры через конструирование проблемных полей в СМИ / Н. В. Михина // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2014. — № 6 (45). — С. 102—107.

14. *Наумова М.* «Если завтра война…» Подготовка к войне как часть воспитания советских школьников 1930-х годов (по материалам журнала «Пионер») / М. Наумова // Логос. — 2017. — № 5 (120). — С. 163—186. — DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-163-184.

15. *Поздняков А. Н.* Советские детские журналы 1920—1930-х годов : переплетение политики и педагогики / А. Н. Поздняков // Образование в современном мире. — Саратов : СНИГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2019. — С. 286—294.

16. *Родионова Е. В.* Этнический конфликт в постсоветской России в зеркале СМИ (по материалам контент-анализа прессы) / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Мавродинские чтения. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — С. 482—485.

17. *Савина А. А.* Карикатура как источник по истории советского детства (по материалам газеты «Пионерская правда» второй половины 20-х годов XX в.) / А. А. Савина, К. А. Корнюшкина // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 162. — С. 194—209. — DOI: 10.26907/2541-7738.2020.6.194-209.

18. *Сазоненко М. А.* Атрибуты советского детства : история трансформации (на примере иллюстративного материала детских журналов 1920—1990-х годов) / М. А. Сазоненко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : история, филология. — 2021. — № 6. — С. 85—95. — DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-85-95.

19. *Суздорф Э. А.* Журналы «Еж» и «Чиж» в контексте советской детской печати 1920—1930-х гг. : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.10 / Э. А. Суздорф. — Москва, 2011. — 26 с.

20. *Хамитова Ж. А.* Советская журнальная периодика 1930-х гг. как источник по истории формирования детского пространства социалистического города : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.09 / Ж. А. Хамитова. — Казань, 2013. — 24 с.

Material resources

AA — *The author's archive*.

References

Golovin, Yu. A., Kohanaya, O. E. (2018a). Children's and youth social movements and domestic children's periodicals as factors of value self-determination of personality. *Knowledge. Understanding. Ability, 2:* 132—148. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.13. (In Russ.).

Golovin, Yu. A., Kohanaya, O. E. (2018b). Newspaper "Pionerskaya Pravda" as a phenomenon of effective communication. In: *Advertising and public relations: traditions and innovations.* Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Engineering. 13—24. ISBN 978-5-88814-775-7. (In Russ.).

Gromova, M. M. (2021). Transformation of the image of Japan in the magazine "Murzilka" in the XX century. *Stephanos, 5 (49):* 18—24. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-49-5-18-24. (In Russ.).

Dankova, N. S., Dubrovskaya, T. V. (2014). Representation of the opposition "judicial power — the people" in the discourse of Russian print media. *Philology and Man, 4:* 35—46. (In Russ.).

Ermolova, A. I. (2021). "Sasha draws a rocket, and Borya draws a candy ...": images of space in magazines for children of the late 1950s and 1960s. *Heritage of Centuries, 2 (26):* 24—34. DOI: 10.36343/SB.2021.26.2.002.

Erofeeva, P. A. (2018). "Almost every gossip girl has something to remember": representation of sexual violence in digital tabloids. *Journal of Social Policy Research, 3:* 409—424. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-3-409-424. (In Russ.).

Kapustina, G. L. (2014). Children's periodicals: historical, functional, typological and content aspects. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 1 (129):* 99—105. (In Russ.).

Khamitova, Zh. A. (2013). Soviet magazine periodicals of the 1930s as a source on the history of the formation of the children's space of the socialist city. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 24 p. (In Russ.).

Kohanaya, O. E. (2018). Sociokinetics of childhood: interaction of children's public associations with children's press. *Media. Infoormation. Communication, 26:* 44—55. (In Russ.).

Komarova, E. V. (2020). Representation of the migrant image in modern media (on the example of media texts of Great Britain). *Philological sciences in MGIMO, 1 (21):* 12—20. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-1-21-12-20. (In Russ.).

Kudryashev, A. V. (2018). Materials of the newspaper "Pionerskaya Pravda" of the second half of the XX century in the reconstruction of everyday life of Soviet schoolchildren. *Volga pedagogical search, 4 (26):* 37—46. DOI: 10.33065/2307-1052-2018-4-26-37-46. (In Russ.).

Kudryashev, A. V. (2019). Newspaper "Pionerskaya Pravda" as a historical and pedagogical source. In: *Sources of research on the pedagogical past: interpretation of problems and problems of interpretation.* Moscow: Moscow Pedagogical State University. 378—389. (In Russ.).

Marugina, N. I. (2018). Epistemological tasks of organizing the discourse of the children's and youth magazine "Young naturalist". *Language and culture, 41:* 169—190. DOI: 10.17223/19996195/41/11. (In Russ.).

Mikhina, N. V. (2014). Formation of public opinion on cultural issues through the construction of problem fields in the media. *Bulletin of the Volga Region Academy of Public Service, 6 (45):* 102—107. (In Russ.).

Naumova, M. (2017). "If there is a war tomorrow..." Preparation for war as part of the education of Soviet schoolchildren of the 1930s (based on the materials of the Pioneer magazine). *Logos, 5 (120):* 163—186. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-163-184. (In Russ.).

Pozdnyakov, A. N. (2019). Soviet children's magazines of the 1920s—1930s: the interweaving of politics and pedagogy. In: *Education in the modern world.* Saratov: N. G. Chernyshevsky SNIGU. 286—294. (In Russ.).

Rodionova, E. V., Balan, K. A. (2018). Ethnic conflict in post-Soviet Russia in the media mirror (based on the materials of content analysis of the press). In: *Mavrodinsky readings.* St. Petersburg: Nestor-History. 482—485. (In Russ.).

Savina, A. A., Kornyushkina, K. A. (2020). Caricature as a source on the history of Soviet childhood (based on the materials of the newspaper "Pionerskaya Pravda" of the second half of the 20s of the XX century.). *Scientific notes of Kazan university. Series: Humanities, 162:* 194—209. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.6.194-209. (In Russ.).

Sazonenko, M. A. (2021). Attributes of Soviet childhood: the history of transformation (on the example of illustrative material of children's magazines of the 1920—1990s). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology, 6:* 85—95. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-85-95. (In Russ.).

Suzdorf, E. A. (2011). *Magazines "Hedgehog" and "Chizh" in the context of the Soviet children's press of the 1920s—1930s.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.04.2022,
одобрена после рецензирования 20.05.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Гриценко А. Н. Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе / А. Н. Гриценко, П. В. Морослин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 211—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225.

Gritsenko, A. N., Moroslin, P. V. (2022). New Metaphorical Models in Modern Sports Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 211-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225

Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе

Гриценко Александр Николаевич [1]
orcid.org/0000-0002-0222-023X
преподаватель английского языка
кафедра иностранных языков
scotom @list/ru

Морослин Петр Васильевич [2]
orcid.org/0000-0002-0222-082X
доктор филологических наук,
профессор
кафедра контрастивной лингвистики
mpv_1950@mail.ru

[1] Международный славянский институт
(Москва, Россия)

[2] Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

New Metaphorical Models in Modern Sports Discourse

Alexander N. Gritsenko [1]
orcid.org/0000-0002-0222-023X
English Teacher
Department of Foreign Languages
scotom @list/ru

Peter V. Moroslin [2]
orcid.org/0000-0002-0222-082X
Doctor of Philology, Professor
Department of Contrastive Linguistics
mpv_1950@mail.ru

[1] International Slavic Institute
(Moscow, Russia)

[2] Moscow Pedagogical
State University
(Moscow, Russia)

© Гриценко А. Н., Морослин П. В., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются когнитивные и лингвокультурные аспекты реализации метафоры в русской лингвокультуре на материале образных слов и выражений в спортивном дискурсе. Новизна исследования заключается в выявлении того факта, что все чаще для представления спортивных событий и выстраивания коммуникации с читателем привлекаются новые концептуальные области: различные термины IT-технологий, мира сериалов и компьютерных игр, при этом начинают формироваться новые устойчивые системы сопоставления: «спорт» — «виртуальный мир компьютера», «спорт» — «сериал». Актуальность исследования подтверждается использованием терминов из компьютерных игр и сериалов, помогающих формированию оценки событий или персон в мире спорта. Отмечается, что анализ метафор имеет большое значение не только для изучения различных видов дискурса, но и для понимания алгоритмов освоения картины мира. Выявлено, что основные регулярные метафоры спортивного дискурса строятся на взаимодействии таких концептуальных областей, как «спорт» — «война», «спорт» — «шоу», «спорт» — «труд». Уточняется, что в центре внимания данной статьи оказываются новые концептуальные области, которые обогащают и расширяют человеческие представления о спорте.

Ключевые слова:
модель семантического переноса; спортивный дискурс; спортивная метафора; спортивный нарратив; лингвокультурный подход; когнитивный подход.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The cognitive and linguocultural aspects of metaphor implementation in Russian linguoculture are considered on the basis of figurative words and expressions in sports discourse. The novelty of the study lies in revealing the fact that more and more new conceptual areas are involved in presenting sporting events and building communication with reader: various terms of IT technologies, the world of TV series and computer games, while new stable systems of comparison begin to form: “sport” — “virtual computer world”, “sport” — “series”. The relevance of the study is confirmed by the use of terms from computer games and TV series that help to form an assessment of events or persons in the world of sports. It is noted that the study of metaphors is of great importance not only for the study of various types of discourse, but also for understanding the algorithms for mastering the picture of the world. At the same time, it is recognized that the main regular metaphors of sports discourse are based on the interaction of such conceptual areas as “sport” — “war”, “sport” — “show”, “sport” — “labor”. It is clarified that the focus of this article is on new conceptual areas that enrich and expand human understanding of sports.

Key words:
semantic transfer model; sports discourse; sports metaphor; sports narrative; linguocultural approach; cognitive approach.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’42:659.122

Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе

© Гриценко А. Н., Морослин П. В., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение метафор и их функций давно нацелено не только на описание выразительных средств языка, но и на особенности осмысления объектов и ситуаций, отношения к определенным событиям. Использование метафоры является результатом определенных знаний о мире, так как это сложная последовательность логических фигур, в создании которой участвует несколько компонентов: с одной стороны, проводится сопоставление двух различных объектов, которые обычно существуют в разных несоотносимых системах, с другой стороны, подобие этих объектов устанавливается на основе сближения качеств объекта. Таким образом, построение метафоры — это всегда творческий акт, в котором реализуются уже имеющиеся знания и одновременно рождается новое знание на основе открытия тождества или подобия.

Помимо логических требований к построению метафоры, к ней необходимо предъявлять и вполне определенные коммуникативные требования, так как в конкретном тропе не будет никакого смысла, если он непонятен адресату, если последний неправильно воспринимает интенции отправителя сообщения. Метафора должна содержать старое и новое знание, которые сопряжены таким образом, чтобы из них вытекали недвусмысленные оценки (если, конечно, автор не хочет добиться именно двусмысленности). Старым является знание о свойствах объекта, новым — неожиданное сближение этих свойств. Следовательно, важно, чтобы опора на старое была понятна, это должен быть такой фонд общих знаний, который может быть адекватно воспринят либо всеми, либо входящими в то социальное объединение, которому адресовано высказывание. Бинарная структура метафоры отражена и в известной дефиниции исследователей Ричардса и Блэка, которые отмечали участие в метафоре «двух мыслей о двух разных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или речения, значение которых есть результат их взаимодействия» [Ричардс, 1990, с. 46].

Процессуальная модель метафоры может выглядеть так: отправитель сообщения (= творец метафоры) желает сформировать у реципиента определенный взгляд на объект, передать ему собственные оценки; для этого он

CC BY

избирательно выделяет определенные признаки оцениваемого объекта и прилагает их к другому типу объектов, оценки которых уже сформированы либо как положительные, либо как отрицательные. Таким образом, на новый объект, являющийся основным предметом речи, переносятся оценки, отношение, свойства сравниваемого объекта, а суть метафорической модели заключается в сопоставлении признаковых слов одного класса с признаковыми словами другого класса, в результате которого рождается новое знание, которое выражено в суждении о сходстве, подобии, общности процессов. Описанные подходы к изучению метафоры представлены также во множестве работ, определивших теоретическую базу настоящего исследования [Арутюнова, 1990, с. 5—33; Баранов, 2014; Блэк, 1990, с. 153—172; Вежбицкая, 1990, с. 133—153; Гак, 1998, с. 26; Лакофф и др., 2004; Чудинов, 2001].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Многолетние исследования в данной области позволили выявить «метафорический» потенциал разных групп слов и универсальные модели их использования. Так, максимальным потенциалом обладают качественные прилагательные, за ними следуют глаголы чувства, движения, мысли, затем — существительные, именующие животных. Процессы метафоризации реализуются в различных направлениях, нередко даже противоположных: от мира природы к человеку, от одушевленного к неодушевленному. Однако известная регулярность этих моделей приводит к тому, что их образность постепенно стирается, сходит на нет, так как исчезает неожиданность, определенный шок от смыслового сдвига. Такие метафоры регулярны, закономерны и являются одним из основных источников полисемии. Например, многообразные исследования метафор, описывающих различные эмоциональные состояния человека, показали, что в их основе лежат ассоциации с чем-то жидким и текучим, с процессом горения, а также с характеристикой состояний человека (болезнь, состояние в определенный момент), именно на их основе развивается многозначность. Универсальные модели переноса обусловлены особенностями человеческого мышления и прежде всего антропоцентричностью. При разработке данного вопроса была реализована опора на вышеназванные известные работы [Баранов, 2014; Лакофф и др., 2004; Чудинов, 2001], суть которых заключалась в выявлении подобия различных форм бытия, основанного на использовании семантически близких метафорических моделей в определенных видах дискурса.

Если в художественном тексте главной функцией метафоры признается эстетическая (метафора как украшение речи), то в медийном дискурсе главные функции метафоры: активационная (метафора как средство активизации восприятия адресата), оценочная (метафора как инструмент

CC BY

формирования мнения и отношения), реже — познавательная (метафора как иллюстрация, объяснение объекта). В научном дискурсе на первое место выходит познавательная, эвристическая функция метафоры, в политическом дискурсе, близком к дискурсу СМИ и массовой коммуникации, метафора также выполняет и эвристическую функцию, служа средством осмысления постоянно меняющейся реальности и формулирования новых социальных проектов и смыслов, где важное место занимает и аргументативная (объяснительная) функция, так как она служит средством убеждения аудитории в правильности тех или иных суждений, взглядов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исследование спортивного дискурса как части медийного дискурса

Спортивный дискурс, безусловно, является весомой частью медийного дискурса. В силу игровой природы самого вида деятельности спортивный дискурс нередко отражает и даже пародирует политический дискурс и затрагивает интересы огромного количества социальных групп. В последние десятилетия спорт не только трансформируется в особую отрасль экономики, связанную со сферой услуг и с производством товаров, но также он сам становится объектом проникновения новых технологий, и в частности информационных технологий. Это проявляется также в том, что медийное освещение любого спортивного события является важным фактом, без этого такое событие не существует. Изучение спортивного дискурса, спортивной метафоры и спортивных речевых жанров проводилось различными авторами, в качества объекта исследования здесь выступали различные аспекты: спортивный дискурс в целом [Дроняева, 1989, с. 127—134; Зильберт и др., 2001, с. 45—55; Снятков, 2008], тексты, посвященные отдельным видам спорта [Гриценко, 2015, с. 9—16; Гриценко и др., 2016, с. 135—140; Киселева, 2009; Комлева, 2008, с. 37—41; Кудрин, 2010, с. 127—131; Малышева, 2009, с. 14—20.]. Проведенные исследования были сосредоточены на выявлении основных «наложений», «пересечений» в метафорах при отражении спортивных событий: наибольшей частотностью при описании обладала оппозиция «спорт — война», за ней следовала оппозиция «спорт — театр (шоу)». Целью настоящего исследования было изучение развития указанных концептуальных областей, их детализация, а также дополнение описания новыми областями, находящимися на периферии. Выдвигается гипотеза о том, что постоянно растущий интерес к спорту у широкой аудитории, влияние цифровых спортивных платформ, соцсетей, коммерциализация в целях расширения потенциальных участников дискурса могли привести к расширению или обновлению

CC BY

концептуальной метафорической базы, актуализировать близкие области, вовлечь такие, которые ранее по различным причинам находились в тени.

3.2. Ведущие площадки функционирования спортивного дискурса

Современный спортивный дискурс развивается очень быстро, и ведущими площадками в настоящее время являются не традиционные спортивные издания, такие как газеты, журналы, брошюры, книги, а цифровые платформы, которые включают и уже названные версии текстов, и новые жанровые формы, например блоги. На площадке портала Sports.ru благодаря современным IT-технологиям уравниваются в правах профессиональные спортивные журналисты, различные специалисты, связанные с подготовкой спортсменов, спортивных соревнований, с изготовлением спортивного инвентаря, просто любители спорта, и это во многом изменяет сам дискурс, так как коммуникация между участниками становится прямой, а функции посредника заключаются в организации и систематизации информационных потоков. Ранее именно журналисты СМИ определяли принципы отражения спортивного события и строили свой нарратив на основе других информативных событий реальной жизни: война, политика, экономика, социальная жизнь, культура, теперь это многоголосная полифония различных мнений, аспектов рассмотрения и подходов. Ранее в крупных спортивных СМИ и трансляциях федеральных каналов профессиональные журналисты стремились воспроизводить общий публичный, прежде всего политический, дискурс, в особенности когда речь шла о международных соревнованиях. Сегодня можно заметить изменения, которые проявляются, в частности, во влиянии на профессиональный дискурс информационной повестки соцсетей: актуализации содержания, использования популярных мемов, коммерциализации. Современный спорт давно стал экономической отраслью, в нем на первое место постепенно выходят технологии подготовки, проведения, изготовления и применения, как и в любой другой сфере. Это не может не отразиться и на дискурсе, который в основе своей является общегражданским. Именно поэтому портал Sports.ru был использован как основной источник речевого материала, причем в рассмотрение принимались не только статьи профессиональных журналистов, но и материалы популярных блогеров. Основу исследования составили заголовки и виды текстов, посвященные наиболее популярным видам спорта: футболу, хоккею, фигурному катанию, биатлону. Материал отбирался методом сплошной выборки за последние несколько лет, затем подтверждался посредством конкретных поисковых запросов.

В спортивном дискурсе метафоры эксплицируют концепты, с помощью которых может быть определена спортивная деятельность: игровая сфера (война и шоу), экономика, информационное обеспечение, — именно

CC BY

они составляют тот общий концептуально-метафорический фон, внутри которого становится возможным появление новых элементов, изменяющих или уточняющих наши представления о спорте. Множество концептов спорта (а также совокупность ситуаций) формируют спортивный дискурс как уникальный. Но спорт как вид деятельности не отличается уникальностью, это игровая деятельность человека, ее суть заключается в имитации, поэтому многие концепты, которые находят воплощение в текстах спортивной тематики, вторичны, рождены на основе сопоставления, наложения конкретных сценариев спортивной сферы на конкретные сценарии других видов деятельности: трудовой, игровой, социальной и даже коммуникативной.

3.3. Концептуальные области и их взаимодействие

В специальных работах, посвященных дискурсу спорта, давно установлено, что взаимодействие концептуальных областей «спортивное состязание» ↔ «война», «борьба» наиболее показательно для этой сферы общения. Это утверждение не требует серьезного обоснования ввиду очевидности того, что любое спортивное событие является имитацией борьбы или войны, побуждает участников к активным формам соперничества, конечной целью спортсмена является «победа», а недостижение этой цели воспринимается как «поражение», оно было подтверждено в ряде исследований [Гриценко, 2015, с. 9—16; Гриценко и др., 2016, с. 135—140; Комлева, 2008, с. 37—41; Кудрин, 2010, с. 127—131; Малышева, 2009, с. 14—20; Свистунова, 2004, с. 123—124]. Отметим, что могут наблюдаться частные интерпретации в отражении события в зависимости от вида спорта: командный или индивидуальный, единоборство или скоростно-силовые виды, сложно-координационные или циклические, но участников все равно разделяют на «своих» и «чужих», а «чужие» легко превращаются из соперников во «врагов». Милитаристский характер восприятия спортивного действия проявляется прежде всего в освещении состязаний командных видов спорта. Этот факт был отмечен как в зарубежных исследованиях, например, Х. Майер [Майер, 1984, с. 13—22] о спортивном событии как репортаже с места событий, так и в работах российских ученых, где, например, было показано, что свыше 40 % метафор, отражающих различные события футбола, представляют его как военное сражение [Гриценко и др., 2016, с. 135—140; Свистунова, 2004, с. 123—124]. Е. Г. Малышева обратила внимание на распространенность милитаристской метафоры и ее экспансию в различные референтные области: «политика», «спорт», «труд», «власть», «любовь» и т. д. [Малышева, 2011].

Еще одна модель, неразрывно связанная с первой, вытекает из имитативности спортивного состязания: «спортивное событие» ↔ «шоу», «театр».

CC BY

В некоторых исследованиях даже высказывается мнение о том, что именно эта область является ведущей для дискурсивного представления спортивных событий. Данная точка зрения представляется весьма справедливой, так как события некоторых популярных видов спорта (футбол, фигурное катание, биатлон, хоккей, гимнастика) давно превратились в массовый медийный продукт, возникли и сформировались определенные требования аудитории к их проведению, регламенту, трансляции, и они постоянно корректируются с учетом того, чтобы вызывать все больше интереса и доставлять наслаждение. Нельзя не отметить, что представленные оппозиции касаются прежде всего освещения событий спортивной сферы извне, но если сделать попытку посмотреть на сферу спорта, погрузившись в нее, то наиболее частой и логичной областью сопряжения является сфера труда: «спортивная тренировка» ↔ «труд», «тяжелая работа». Это утверждение также вполне закономерно, так как типичный нарратив подготовки спортсмена строится на мифе тяжелого труда, испытаний, перенесенных страданий.

3.4. Лексика IT-сферы в спортивном дискурсе

Многочисленные исследования спортивного дискурса убедительно показали, что к его базовым метафорам следует отнести, в первую очередь, метафоры войны, шоу (искусство): «спортивное состязание — это война», «спортивное состязание — это шоу (цирк, театр)», «спорт — это искусство / профессионализм / колдовство», «спорт — это труд, работа».

Однако необходимо также отметить еще один важный момент. Освещая различные события, журналисты и блогеры ориентируются на своего читателя, поэтому стараются проводить сближения и сопоставления с такими областями и сферами жизнедеятельности, которые вызывают живой отклик у читателя. Поэтому вовлечение сфер, актуальных для всех концептуальных областей, таких как область информационных технологий, в осмысление спортивных событий вполне ожидаемо, поскольку оно может касаться осмысления жизни спортсмена и «изнутри»: «спорт» — «тяжелая работа», «спорт» — «сложная компьютерная программа, которая может давать сбои», и «снаружи»: «спорт» — «отлаженная операционная система». Отдельные виды спорта, например, фигурное катание, сноубординг и др., давно стали составной частью шоу-бизнеса, а наиболее известные спортсмены являются героями гламурных нарративов, скандальных новостей светской хроники, поэтому совмещение этих двух сред давно осуществляется в столь тесном формате, что очень трудно разобраться, в каком дискурсе существуют данные высказывания.

Таким образом, в спортивный дискурс все чаще вторгаются вполне конкретные «модные» дискурсы, связанные с IT-технологиями и популярными сериалами. Для изучения вопроса были проанализированы в основ-

CC BY

ном заголовки, виды, а также тексты некоторых материалов, размещенных прежде всего на сайте Sports.ru.

Наиболее популярным термином языка IT-технологий является *перезагрузка*. Он используется по отношению к разным видам спорта и ситуациям, но всегда формирует один и тот же образ абсолютного обновления, нового действия с чистого листа, например: ***Перезагрузка*** *Романа Широкова. «Краснодар» снова троллит «Спартак» (24.08.2014); Российское судейство: требуется* ***перезагрузка****. Колонка Михаила Борзыкина (24.04.2017); В русском биатлоне —* ***перезагрузка****. Еще бы избавиться от Тихонова (02.06.2018)*; *Забудьте рекорды Медведевой и Загитовой.* ***Перезагрузка*** *в фигурном катании не бьет по России (24.8.2018)* [АА]. Нельзя не заметить, что данное слово весьма популярно и в других дискурсах, например, в политическом, научном, но его использование вполне однозначно отсылает к определенной операции использования компьютера, в результате которой происходит перезапуск системы и таким образом преодолеваются трудности, которые мешали работе ранее. Вместе с *перезагрузкой* часто используются и синонимические слова, такие как *апгрейд*, *перезапуск*, например: *Андрей Рябинский: Кудряшов проходит усиленный* ***апгрейд*** *в Америке (23.08.2018); «Формула-1» показала мощный* ***апгрейд*** *графики телетрансляций. Выглядит технологично (04.12.2018); Шикарный* ***апгрейд*** *атакующей тройки «Ливерпуля» (21.03.2018); Борисовский апгрейд. Превью к матчу БАТЭ — «Барселона» (20.10.2015);* ***Перезапуск*** *чемпионской гонки*; *La Gazzetta dello Sport: «Леау, дебют на ура, но сейчас он сдал. Произойдет ли* ***перезапуск*** *с Ибрагимовичем?» (04.12.2019); Перезапуск Эредивизи. 9 вещей, которые нужно знать о первой половине чемпионата Голландии 2012 / 2013 (23.12.2012); Финский тренер* ***перезапускает*** *наш волейбол: доверяет молодым, говорит по-русски, ставит на скорость (11.06.2019); Русский вратарь* ***перезапускает*** *карьеру в Нью-Йорке: помогают бывший тренер Овечкина и мощная оборона (24.11.2019)* [Там же].

3.5. Цель эксплуатации в спортивном дискурсе понятий из IT-сферы

Используются в спорте и другие концептуальные понятия из информационной сферы, которые помогают автору взаимодействовать с читателем и передавать оценки происходящего. Например, понятие «антивирус» позволяет расширить понятие «защиты», «устойчивости»: *#MUNFUL. Антивирус (Касперского) Моуринью (09.09.2018); Антивирус Касперовича или почему появились «отказники»?* (26.03.2015) [Там же]; сленговое понятие «бан» (забанить, отправить в бан) помогает передать идею «препятствие», «сопротивление»: *ФИФА хочет забанить ролик, в котором Мутко читает рэп Блаттеру (13.08.2015)*; *HEAD: ИТФ принял неправильное решение забанить Марию (09.06.2016)* [Там же]. Очень близко понятию «перезагруз-

CC BY

ка» «переформатирование», которое актуализирует образы «изменения», «улучшения»: *ETTU готов снова переформатировать чемпионат Европы по настольному теннису (29.092014); Рейтинг команд. Переформатирование (22.11.2014); Кубок Короля: инсталляция памяти (09.12. 2013)* [Там же].

Нельзя не заметить, что понятия, заимствованные из IT-сферы, используются для характеристики системы в целом, ее возможностей, обновления и устойчивости. Слова этой сферы замещают собой другие, передававшие ранее те же смыслы, это система понятий «спорт это — сооружение», например, метафоры строительства: *Перестройка «Атлетико»: рекордные продажи, рекордные покупки, никакой скуки без Гризманна (29.08.2019); Когда нет фундамента. О разгроме «Спартака» в Ливерпуле (07.13.2017); Фундамент бундеслиги. О том, кто и как прорывал немецкий андерграунд (08.12.2014); Итальянский Евроремонт: новый, более успешный выезд Ювентуса в Турцию (28.02.2014); Евроремонт «Спартака» и еще 4 тактических вывода по дерби (30.10.2016)* [Там же]. На это указывают также те факты, что апелляции к миру цифровых технологий становятся более частыми во втором десятилетии и единичными в первом десятилетии нынешнего века.

Желание «обновить» метафорическую базу дискурса связано и с постоянным стремлением к экспрессивности, и с желанием установить более прочный контакт с адресатом, найти своего собеседника, которого интересует то же самое. Именно поэтому расширение образности развивается в сторону массовых увлечений последнего времени, например, компьютерных игр и социальных сетей: *Трусова, Щербакова и Косторная усложнили программы. А Загитова — пока нет: не рискует с четверными и уступает им по контенту. Алиса Лью готова побеждать обновленным техническим контентом в Финале юниорской серии Гран-при — 2019! (04.12.2019); Квестфаллен. Как закончилась сказка «Малаги» (10.04.2013); Острава. Ощущение, как будто ты герой какого-то квеста. «Баник», который сейчас рвется вперед и стадион вокруг промзоны (17.10.2018); Надаль и Джокович начинают квест в Рио в одной половине сетки (03.082015); Команда «Формулы-1» начала поиски лучшего геймера (05.05.2017); Но Тутберидзе все равно внедрила в «Игру престолов» еще один квад — сальхов (02.11.2019); Но это происходит не только за счет квада против двух трикселей. Обратите внимание, что Лиза не прыгает НИ ОДНОГО каскада 3—3 в произвольной программе (15.09.2019)* [Там же]. *Квад* в языке геймеров это — нечто, что увеличивает силу игрока в несколько раз.

Увлечение блокбастерами и сериалами также является важным элементом социально-групповой маркировки. Метафоры, основанные на сближении спортсмена с героем известного фильма или спортивного события и киножанра, выполняют, в первую очередь, оценочную функцию, помогают

CC BY

говорящему передать свои эмоции: *«Матрица» Жубера — главный разрыв нулевых: латексный костюм, дорожки шагов из соседней галактики, безумие на трибунах (16.11.2019); Матрица, перезагрузка. Каким будет предолимпийский сезон? Почему предсезонка Криштиану — лучший сериал этого лета (17.04.2016); Настраивайтесь на новый сезон допинг-сериала: похоже, Россия обманула всех с пробами (и это вскрылось) (24.09.2019); Флэшбек. Лучшие бомбардиры АПЛ: от Тедди Шерингема до Харри Кейна (03.10.2017); Фуркад превратил биатлон в вестерн: уловки с дыханием и кашлем, наезды на чужие лыжи, создание паники (18.09.2019); Казанский вестерн; 5000-й матч КХЛ превратился в увлекательный спектакль, в котором случилось все, что только может случиться в хоккейном поединке: великолепные голы, силовые приемы по правилам и без, драки и удаления различной величины. Настоящее пиршество для болельщика (19.09.2015); «Ливерпуль» вернулся на первое место после триллера в Ньюкасле. Ориги — герой, у Салаха травма (05.05.2019); Триллер на 93-й минуте: Лунев навесил как вингер, Мак забил, но после VAR гол «Зенита» отменили (29.09.2019); Триллер в Mediolanumforum, или Лёд разбитых надежд / часть 1 (25.03.2018); «Ситком» на матче «Оренбург» — «Рубин»*; *Футбольная антиутопия: о провальном старте «Вердера» (30.10.2017)* [Там же].

Отправители информации нередко вступают в своеобразное взаимодействие, игру с реципиентами, накладывая на спортивное событие рамку любимого сериала. Постоянный параллелизм понятий «спорт» — «фильм» характеризует взаимное осмысление события, и автор, и читатели, совмещая схему сериала и, например, ролевые функции игроков, пытаются выстроить новую картину как фильма, так и игры. Это во многом объясняет и истоки возникновения спортивного состязания как зрелищного действия, шоу, определенного увлекательного нарратива, так как любое спортивное событие талантливый комментатор может превратить в интересную историю с захватывающим сюжетом. Стремление человека эмоционально обработать пережитые события, представить их в виде оригинальной версии и определенным образом структурировать отражает его способность к различным формам познания и к творчеству. Наиболее ярко это представлено в попытках и авторов, и читателей совместить свою любовь к спорту и к сериалу «Игры Престолов»: *Баскетбольные фаны не смотрят* ***«Игру Престолов»****, у них есть сериал про НБА; Мир крутился вокруг 15 апреля — дня выхода первой серии нового сезона* ***«Игры Престолов»****, но у фанов, фанаток и простых любителей NBA день X настал раньше — 11 апреля стартовал новый сезон* ***«Игры Подборов»*** *(в оригинале «Game of Zones»); «Майами Хит» станут* ***Ланнистерами****, а «Сан-Антонио» — белыми ходоками (05.05.2019)*; *«Красно-белые ходоки». Афиша к матчу*

«Спартак» — «Ростов» в стиле сериала ***«Игра престолов»*** *(05.05.2019);* ***Белые ходоки****. 5 белокожих спринтеров, которые способны удивить;* ***Игра престолов*** *в НХЛ. Логотипы всех команд лиги в стиле знамен* ***Вестероса****; Месси —* ***Ланнистер*** *или* ***Старк****? Кто* ***Король ночи*** *среди тренеров? Если Реал это —* ***Серсея****, то Роналду это —* ***Джеймс Ланнистер****. Королева и ее брат были связаны не только фамилией (брендом Реала), но и тремя детьми (опять вспомним 3 подряд победы в ЛЧ) (12.04.2019); Чтобы распознать в Барселоне* ***Дейенерис****, нужно просто расшифровать многочисленные титулы претендентки на* ***Железный трон*** *(16.08.2015); Карпин —* ***Джон Сноу****, диктор с голосом* ***Тириона****: «Ростов» превратил матч со «Спартаком» в мир* ***«Игры престолов»*** *(15.04.2019); Германия.* ***Кто король севера****? «Фленсбург» безупречный*! *(10.09.2018)* [Там же].

При исследовании различных номинаций «агентов» — спортсменов, тренеров, менеджеров — в спортивном дискурсе выбираются прежде всего яркие, характеризующие номинации, на что мы указывали ранее [Гриценко и др., 2016, с. 135—140]. Анализ «сериальных» метафор подтверждает этот факт: основная цель этого приема — охарактеризовать участников спортивного действия, распределив их в соответствии с положительными и отрицательными, трагическими или комическими персонажами или событиями популярного сериала. Так участникам дискурса удается выразить собственные оценки, установить прочный контакт с адресатом, а также драматизировать само событие, превратить его в игру. Это выражается в сопоставлении спортсменов, тренеров, судей с героями любимых сериалов, а конкретных событий — с запоминающимися эпизодами.

Еще одно важное наблюдение заключается в том, что стремление представить спортивное событие как популярный сериал свидетельствует о восприятии отдельного события как части, эпизода в длинной, связанной единой интригой цепи. Помимо сериала «Игры Престолов», используются и другие популярные телесаги: «Доктор Хаус», «Во все тяжкие», а также и персонажи известных вселенных, например, Марвела: ***Доктор Хаус*** *для Динамо. Давайте немного поиграем в доктора. Очень часто в последнее время мы слышим, что наша любимая команда больна … каким-то «синдромом выездных матчей» (16.04.2011); «Неопределённость* ***Гейзенберга****». Центральный Дивизион (25.042010); Локо-****Джокеры****. Еще одна причина, почему «Локомотив» на первом месте (11.03.2014);* ***Капитан Марвел****: Как Брайан Робсон стал легендой английского футбола (05.02. 2014)* [АА].

4. Заключение = Conclusions

Театрализация и драматизация спортивных событий осуществляется в том числе и за счет того, что привычное для данного дискурса сближение

CC BY

представлений о спорте и войне дополняется за счет новых популярных областей: IT-сферы, сериалов, компьютерных игр. Метафора выступает в таком случае как основное средство эстетизации события, экспрессии и поддержания интереса к нему, немаловажным для современных спортивных платформ является и фактор усиления ожидаемой социальной реакции. Новизна и оригинальность значительной части метафор эксплицирует эмоциональность как один из основных признаков дискурса спортивных СМИ. Установление новых связей дискурса спорта с другими системами понятий позволяет не только разнообразить коммуникацию с читателем, но и «геймифицировать» ее, постоянно меняя «углы рассмотрения».

Источники

АА — *Архив* автора.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—33. — ISBN 5-01-0015 99-4.

2. *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов // Дескрипторная теория метафоры. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — ISBN 978-5-9905856-7-6.

3. *Блэк М.* Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 153—172. — ISBN 5-01-0015 99-4.

4. *Вежбицкая А.* Сравнение — градация — метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 133—153. — ISBN 5-01-0015 99-4.

5. *Гак В. Г.* Метафора : универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1998. — С. 26.

6. *Гриценко А. Н.* Метафоры в спортивных СМИ, описывающие мир баскетбола / А. Н. Гриценко // Вестник РУДН. Серия: «Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2015. — № 4. — С. 9—16.

7. *Гриценко А.Н.* Метафорические номинации агентов спортивного события в русских спортивных медиа / А. Н. Гриценко, П. В. Морослин // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. — № 4. — С. 135—140.

8. *Дроняева Т. С.* О некоторых особенностях повествования в спортивных репортажах / Т. С. Дроняева // Спорт в зеркале журналистики (о мастерстве спортивного журналиста) : сборник статей. — Москва : Мысль, 1989. — С. 127—134. — ISBN 5-244-00334-8.

9. *Зильберт А. Б.* Спортивный дискурс : базовые понятия и категории ; исследовательские задачи / А. Б. Зильберт, Б. А. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — Выпуск 17. — С. 45—55.

10. *Киселева В. А.* Лексико-фразеологическая экспликация концепта «футбол» в спортивном дискурсе : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. А. Киселева. — Санкт-Петербург, 2009. — 247 с.

11. *Комлева Л. А.* Использование в футбольном дискурсе метафорики других видов спорта / Л. А. Комлева // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. — 2008. — Выпуск 6. — С. 37—41.

12. *Кудрин С. А.* Метафорика спортивного дискурса : “футбол-война” / С. А. Кудрин // Вопросы филологии. — 2010. — № 2 (35). — С. 127—131.

13. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : УРСС Эдиториал, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2.

14. *Майер Х.* Олимпийские игры как модель современного мира / Х. Майер // Международное спортивное движение : Экспресс-информация. — 1984. — Выпуск 19. — С. 13—22.

15. *Малышева Е. Г.* Метафорическая модель «Спорт — это война» в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) / Е. Г. Малышева // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 328 (ноябрь). — С. 14—20.

16. *Малышева Е. Г.* Русский спортивный дискурс : теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. Г. Малышева. — Омск, 2011. — 46 с.

17. *Ричардс А.* Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. — Москва : Наука, 1990. — С. 44—67. — ISBN 5-01-001599-4.

18. *Свистунова Н. И.* Спортивные игры в семиосфере культуры и языка : концепт «футбол» в английском языковом сознании : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. И. Свистунова. — Абакан, 2004. — 188 с.

19. *Снятков К. В.* Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / К. В. Снятков. — Вологда, 2008. — 245 с.

20. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

Material resources

AA — *Author's archive.* (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and discourse. In: *The theory of metaphor.* Moscow: Progress. 5—33. ISBN 5-01-0015 99-4. (In Russ.).

Baranov, A. N. (2014). Descriptive theory of metaphor. In: *Descriptive theory of metaphor.* Moscow: Languages of Slavic culture. 632 p. ISBN 978-5-9905856-7-6. (In Russ.).

Black, M. (1990). Metaphor. In: *The theory of metaphor.* Moscow: Progress. 153—172. ISBN 5-01-0015 99-4. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2001). *Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor. Monograph.* Yekaterinburg: USPU. 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. (In Russ.).

Dronyaeva, T. S. (1989). About some features of narration in sports reports. In: *Sport in the mirror of journalism (about the skill of a sports journalist): collection of articles.* Moscow: Mysl. 127—134. ISBN 5-244-00334-8. (In Russ.).

Gak, V. G. (1998). Metaphor: universal and specific. In: *Metaphor in language and text.* Moscow: Nauka. P. 26. (In Russ.).

Gritsenko, A. N. (2015). Metaphors in sports media describing the world of basketball. *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 4:* 9—16. (In Russ.).

CC BY

Gritsenko, A. N., Moroslin, P. V. (2016). Metaphorical nominations of agents of a sporting event in Russian sports media. *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 4:* 135—140. (In Russ.).

Kiseleva, V. A. (2009). *Lexico-phraseological explication of the concept "football" in sports discourse.* PhD Diss. St. Petersburg. 247 p. (In Russ.).

Komleva, L. A. (2008). The use of metaphors of other sports in football discourse. *Bulletin of the Tambov University. Series. Humanities, 6:* 37—41. (In Russ.).

Kudrin, S. A. (2010). Metaphorics of sports discourse: "football is war". *Questions of Philology, 2 (35):* 127—131. (In Russ.).

Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by.* Moscow: URSS Editorial. 256 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).

Malysheva, E. G. (2009). The metaphorical model "Sport is war" in journalistic sports discourse (based on the texts of modern print and electronic media). *Bulletin of Tomsk State University, 328: (November).* 14—20. (In Russ.).

Malysheva, E. G. (2011). *Russian sports discourse: theory and methodology of linguocognitive research.* Author's abstract of Doct. Diss. Omsk. 46 p. (In Russ.).

Mayer, X. (1984). Olympic Games as a model of the modern world. *International Sports movement: Express information, 19:* 13—22. (In Russ.).

Richards, A. (1990). Philosophy of rhetoric. In: *Theory of metaphor.* Moscow: Nauka. 44—67. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

Snyatkov, K. V. (2008). *Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse.* PhD Diss. Vologda. 245 p. (In Russ.).

Svistunova, N. I. (2004). *Sports games in the semiosphere of culture and language: the concept of "football" in the English language consciousness.* PhD Diss. Abakan. 188 p. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1990). Comparison — gradation — metaphor. In: *The theory of metaphor.* Moscow: Progress. 133—153. ISBN 5-01-0015 99-4. (In Russ.).

Zilbert, A. B., Zilbert, B. A. (2001). Sports discourse: basic concepts and categories; research tasks. In: *Language, consciousness, communication, 17.* Moscow: MAKS Press. 45—55. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.02.2022,
одобрена после рецензирования 15.04.2022,
подготовлена к публикации 12.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ильина Е. Н. «Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 226—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-226-242.

Ilyina, E. N. (2022). "Be Aware of Dogs!" in Context of Post-Folklore Linguistics. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 226-242. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-226-242. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-226-242

«Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
доктор филологических наук
профессор
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
проект 20-012-00082
«Медиаобраз локальной устной
речевой культуры: когнитивные
и языковые механизмы»

"Be Aware of Dogs!" in Context of Post-Folklore Linguistics

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
Doctor of Philology
Professor
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by the Russian
Foundation for Basic Research
project 20-012-00082
"Media Image of Local Oral
Speech Culture: Cognitive
and Linguistic Mechanisms"

© Ильина Е. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема анализа поликодовых текстов массовой коммуникации, функционирование которых определяется их коллективным авторством, а также активным варьированием их вербальных и невербальных составляющих при сохранении сюжетно-тематических, мотивных и персонажных характеристик, связанных с конкретными жанрами народного творчества. Актуальность подобных размышлений связана с тем, что в условиях развития интернет-коммуникаций традиции народного словесного творчества обретают новую жизнь, в том числе при поддержке технологических возможностей конвергентных медиа. В центре внимания данной работы корпус текстов, реализующих мотив запрета вхождения на некую территорию. Анализ поликодового контента в данной статье осуществляется в контексте размышлений о постфольклоре как особой сфере народного творчества современного человека, отличительных свойствах постфольклорных текстов и существующих в современной науке практик их лингвистического анализа. Показано, что тексты, обладающие характерными свойствами культуры постмодернизма (вторичность, прецедентность, ироничность, игровой модус) и сетевой культуры (мультимедийность, интертекстуальность и интерактивность), могут быть отнесены к сфере сетевого фольклора и проанализированы как интернет-мемы, которые продолжают традиции народных картинок, лубочных листов и иных форм креативных поликодовых текстов неавторской коммуникации.

Ключевые слова:
лингвофольклористика; лингвистика массовых коммуникаций; поликодовый текст; постфольклор; сетевой фольклор; интернет-мем.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the analysis of polycode texts of mass communication, the functioning of which is determined by their collective authorship, as well as the active variation of their verbal and non-verbal components, while maintaining the plot-thematic, motive and character characteristics associated with specific genres of folk art, is considered. The relevance of such reflections is due to the fact that in the context of the development of Internet communications, the traditions of folk verbal creativity are gaining new life, including with the support of the technological capabilities of convergent media. The focus of this work is a corpus of texts that implement the motive of the ban on entering a certain territory. The analysis of polycode content in this article is carried out in the context of reflections on post-folklore as a special area of folk art of modern man, the distinctive properties of post-folklore texts and the practices of their linguistic analysis existing in modern science. It is shown that texts that have the characteristic properties of postmodernism culture (secondary, precedent, irony, game mode) and network culture (multimedia, intertextuality and interactivity) can be attributed to the field of network folklore and analyzed as Internet memes that continue the traditions of folk pictures, popular prints and other forms of creative polycode texts of non-author's communication.

Key words:
linguo-folkloristics; linguistics of mass communications; polycode text; post-folklore; network folklore; internet meme.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:778.534.662+82-131

«Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора

© Ильина Е. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Одну из актуальных проблем лингвистики массовых коммуникаций составляет определение методологических принципов и методических приемов анализа поликодовых интернет-текстов, прецедентную основу которых составляют произведения устного народного творчества, в том числе и промежуточных жанровых форм. В фокусе размышлений автора данной статьи оказался жанр *запрета*. Классифицируя его как «языковой (в определенной степени и фольклорный) жанр», Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая характеризуют запрет как жанр свободной структуры, обнаруживающий внутри себя два (*запрет — мотивировка*) или три (*запрет — мотивировка — предписание*) смысловых центра, выражающих потребности носителя традиционного сознания. Цель запрета заключается в «предотвращении угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний» [Виноградова и др., 1999, с. 270]. В основе запрета лежит система поверий, которые передаются из поколения в поколение, закрепляют правила поведения, нарушение которых затрагивает ценности традиционной картины мира, противоречит коллективной безопасности и может нанести вред нарушителю. Запрет как речевой жанр весьма широко представлен в массовой коммуникации. Наше внимание привлекли тексты, вербализующие запрет проникновения на территорию, охраняемую собаками. С одной стороны, такие тексты функционируют в бытовых ситуациях — наиболее известным речевым клише здесь может быть названо выражение *«Осторожно: злая собака!»*. С другой стороны, в интернете бытует значительный по объему корпус текстов, эксплицирующих его базовые семантические компоненты — собственно запрет (*Вход запрещен*; *Стой!* и пр.) и мотивировку, связанную с наличием на этой территории *стража* (*«собака на свободном выгуле», «злая собака, злой хозяин, злые дети, в общем, все злые», «хомяк-террорист», «собака злая, кот — дебил, козёл с петухом — полные отморозки!», «злюкен собакен, яйки клац-клац»* и пр.). Большинство этих текстов совмещают в себе вербальные и изобразительные компоненты: они, как правило, живописуют собственно *стража* (фотографии и рисунки собак сторожевых пород, реже — других животных: крокодила, волка, различных представителей семейства кошачьих и пр. — преиму-

CC BY

щественно в позах проявления агрессии). «Вирусность» распространения подобного рода текстов в сети безотносительно к конкретной прагматической ситуации позволяет рассматривать их как *интернет-мемы* и рождает вопросы о том, в какой мере здесь проявляется коллективное творческое начало, можно ли говорить о принадлежности этих текстов к сфере постфольклора и, наконец, каким образом может быть осуществлен лингвистический анализ этих текстов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На язык фольклора обращали внимание уже основоположники отечественной фольклористики: Ф. И. Буслаев, исследовавший былинный слог в контексте идей мифологической школы, М. А. Колосов, обративший внимание на синтез общенациональных и локальных средств выражения фольклорной образности, А. А. Потебня, изучавший поэтику лирической песни в связи с обращением к проблемам народной ментальности, и др. Фольклористы более позднего времени: В. Я. Пропп, Д. С. Лихачёв, И. А. Оссовецкий и др. — положили начало системному изучению языка русского фольклора, что в итоге определило появление самостоятельного направления научного знания — *лингвофольклористики*. Её основными проблемами стали изучение языка фольклора в целом и отдельных его жанров, исследование специфики вербализации мотивов и образов народного творчества, формульной организации фольклорной речи, сочетания в ней традиционной, локальной и авторской / сказительской составляющих и пр. Российские научные центры лингвофольклористики: *московский*, сложившийся на основе трудов Н. И. Толстого и его последователей, *курский*, объединённый стараниями А. Т. Хроленко, *карельский*, основу которого определил З. К. Тарланов, *сибирский*, представленный работами И. В. Тубаловой, Ю. А. Эмер и др., а также многие другие — исследовали корпус фольклорных текстов, собранных в разные исторические периоды с помощью различных техник фиксации, и выявили особенности слова в фольклорном тексте. Это, во-первых, особый семантический объём, во-вторых, специфика фонетико-интонационной и грамматической структуры, в-третьих, особого рода синтагматика и парадигматика внутри народно-поэтических формул, наконец, функциональная направленность: слово здесь служит средством создания особой образности, эксплицирует фольклорную картину мира [Никитина, 1999; Хроленко, 2008 и др.]. Изменение условий бытования устного народного творчества в XX веке ставит перед учёными новые проблемы: фольклорная коммуникация, сочетающая в себе свойства реальной (естественной, контактной) и отображенной (художественной) коммуникации [Сердюк, 2009, с. 146], особым образом

CC BY

трансформируется под воздействием изменений культурного контекста и под влиянием информационных технологий. В контексте изучения сетевого дискурса как специфического коммуникативного пространства, характеризующегося отсутствиями ограничений во времени и в пространстве, равенством участников коммуникации с точки зрения их коммуникативных интересов и обращения к единому электронному ресурсу, сокращенностью дистанции между ними, быструю скорость коммуникации, особую диалогичность, предусматривающую мгновенный ответ в процессе общения, неограниченный доступ к использованию языковых и неязыковых средств кодирования информации [Асмус, 2005; Лутовинова, 2009 и др.], возникает проблема изучения постфольклора [Неклюдов, 1995], в том числе и «нового фольклора» в интернете, а также проблема применения по отношению к подобным текстам инструментов филологического анализа [Рукомойникова, 2004; Folk-art-net, 2007; Интернет и фольклор, 2009; Колистратова, 2011; Радченко, 2011; Петренко, 2014; Ким, 2018; Душакова и др., 2020 и др.]. В последние десятилетия интернет-фольклор начинает восприниматься как самостоятельное, самобытное образование, генетически связанное с городской культурой в целом и городским фольклором, в частности, обладающее специфическим сетевым способом бытования, который определяет особенности как самих цифровых носителей, так и передаваемых с их помощью текстов, являющих собой единство вербальных, графических, аудиовизуальных знаков. Фольклор как форма существования традиционной культуры, актуализируясь в интернет-пространстве, позволяет сохранить единство культурных страт, позволяя современному человеку, с одной стороны, обращаться к традиционным фольклорным мотивам, образам и жанровым формам, а с другой — вписывать их уже в новый — информационный — уклад [Савченко и др., 2008].

Особого внимания заслуживают в этой связи поликодовые тексты, в том числе *интернет-мем* — продукт коллективного авторства, являющий собой комплекс смыслов, многократно воспроизводимый (тиражируемый) безотносительно к прагматической ситуации с установкой на развлечение адресата [Докинз, 2013; Щурина, 2012 и др.]. Рассматривая интернет-мем в контексте изучения типологических свойств сетевого фольклора: коллективности авторства, гибридного характера общения с опорой на устный способ передачи, поливариантности, связью с традициями, — исследователи обращают внимание на специфику этого жанра, относя его к малым жанровым формам (ср. также байки, пословицы, поговорки, анекдоты, сказки, поздравления и пр.), способным реализовываться в виде вербализованных текстов, изображений, иллюстраций с подписью, а также медиафайлов (видео- и аудиозаписей), характеризующихся краткостью и афористичностью, выполня-

CC BY

ющих развлекательную, информационно-познавательную и эмоционально-экспрессивную функции [Кашина, 2013; Бережной, 2014; Борисова и др., 2021; Вознюк, 2012 и др.]. Ориентируясь на этот перечень свойств, можно сделать вывод, что в отличие от прагматически актуализированных сообщений (например, объявление *«Внимание! Объект охраняется собаками»*, размещенное на входе в официальное учреждение) бытующий в интернете корпус текстов развлекательного характера о злой собаке (*«Осторожно! Собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок!», «Ахтунг! Собака алабай, откусит балалай!», «Посторонним вход воспрещен — штраф одна нога!»* и др.) вполне подходит под это описание. Вирусная передача этого сообщения в интернете реализует, в первую очередь, установку на развлечение участников коммуникации, тогда как коммуникативная цель запрета здесь утрачивает свою прагматическую актуальность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Тексты о злой собаке» в контексте обсуждения проблем коммуникативных и фольклорных жанров

Запрет как одна из составляющих класса директивных высказываний [Шмелева, 1991; Карасик, 2002 и др.], являясь ядром коммуникативного поля запрета [Руссинова, 2006], реализуется с помощью различных моделей, суть которых так или иначе сводится к попытке заставить адресата не совершать какое-либо действие. Интерпретация речевого жанра запрета включает в себя осмысление его иллокутивной природы, а также семантической, синтаксической и прагматической специфики. Так, Т. В. Шмелева, реализуя речеведческий подход к определению речевого жанра [Шмелева, 1997, с. 88—98], рассматривает речевую модель как единство коммуникативной цели (в данном случае — вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения), образы автора и адресата (автор находится в главенствующей позиции, запрет адресован любому предполагаемому адресату), образы прошлого и будущего (запрет налагается на совершение действия, возможного в будущем), тип диктумного (событийного) содержания (запрет может быть обусловлен гендерными, возрастными, социальными и пр. характеристиками субъекта действия, может быть связан с характером самого действия, его пространственно-временными характеристиками или показателями обусловленности), характер языкового воплощения, определяющий спектр потенциально возможных форм выражения содержания запрета, в том числе и метакомпонента (*запрещается*, *запрещено* и пр.) (см. также [Карасик, 2002; Дементьев, 2010 и др.]). Говоря о запрете ***в фольклоре***, Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая рассматривают его либо как составной элемент других жан-

CC BY

ров фольклорного эпоса (былины, сказки, легенды, былички, бывальщины и пр.), либо как самостоятельный фольклорный жанр, реализующий одну из древнейших функций мифологического сознания — запрещение совершать некое действие или комплекс действий, обусловленное необходимостью сохранения основ традиционной картины мира. Содержание запретов может быть любым, однако исследователи отмечают, что чаще всего они связаны с «пограничными» состояниями и событиями (*рождение, смерть*, *болезнь*, *вступление в брак* и пр.), а также с теми сферами деятельности человека, которые в наибольшей мере зависят, по народным представлениям, от потусторонних сил (*скотоводство*, *охота*, *строительство дома* и др.). Запрет налагается на совершение действия в определенное время (*ночью*, *в пост*, *во время грозы* и пр.), в определенном месте (*на кладбище*, *в доме*, *в бане* и пр.), людьми особых гендерных, возрастных, социальных характеристик (*женщинами*, *кровными родственниками*, *детьми* и пр.), по отношению к каким-либо животным или предметам (например, к *змее*, к *хлебу* и пр.), он может быть распространен как на реализацию действия (*роженице нельзя выходить из дома после заката*), так и на ословливание предметов и событий (*запрещено здороваться в доме, где находится покойник*) [Виноградова и др., 1999, с. 262—273]. Семантика, структура и типология запретов в фольклоре достаточно широко описаны в научной литературе [Чернов, 1967; Добровольская, 2005; Сидоренко, 2020 и др.]. Запрет маркирует отношения человека с природой, космосом и в значительной мере с потусторонним миром (умершими предками и нечистой силой), в этих отношениях весьма актуальны представления о *границе* и о *страже*, объектом охраны которой становится как «свой», так и «чужой» мир [Толстой, 1995, с. 537—540; Гура, 1997, с. 100 и др.]. *Собака*, будучи одним из древнейших хранителей пространства (как в сакральном, так и в бытовом, профанном смыслах этого слова), достаточно часто появляется в фольклорных текстах, деля эту функцию то с фантастическими *чудовищами*, то с другими домашними обитателями: *котом*, *петухом* и пр.

3.1. «Осторожно: злая собака!» в культуре повседневности и в современном интернет-дискурсе

Анализируя корпус предостерегающих текстов «о собаке» в культуре повседневности, А. Ю. Котылев подчеркивает их древность (прототипы таких текстов фиксируются уже в Древнем Риме), вариативность формы при единстве содержания, считает их создание проявлением «массового изобразительного и словесного творчества, в основе которого лежит свободный выбор, особый вид доместикации животного и его использования, создание специфической формы презентации дома и его владельца внешнему миру» [Котылев, 2016, с. 57]. Подчёркивая утилитарность предосте-

CC BY

регающих текстов в городском культурном пространстве, автор обращает внимание на то, что в последнее время предостерегающие тексты, как правило, имеют форму плаката, распечатанного из интернета на бумагу или иные, более долговечные носители информации [Там же, с. 58].

По материалам Национального корпуса русского языка [НКРЯ], сочетание «*осторожно, злая собака*», как правило, встречается в контекстах, определяющих его как надпись, плакат, табличку, содержащую в себе предостережение, предупреждение входящему на охраняемую территорию: *Одна из подобных надписей гласила просто «Осторожно, собака» (может, это и не нам вовсе предупреждение), другая — «Осторожно, злая собака, звоните» (но никаких признаков звонка поблизости не было замечено)*; *Над воротами висел плакат: «Осторожно, злая собака»*. Незначительны случаи употребления этой фразы в ином контексте: например, в качестве заголовка статьи, содержание которой так или иначе связано с собаками (например, в «Чебоксарских новостях» за 2019 год: *Осторожно, злая собака! Правительство России утвердило список потенциально опасных собак*; см. также: [Бамбурин и др., 2020]), при описании типичной обстановки провинциального города (*Малоэтажная застройка, частный сектор, осторожно, злая собака, виноград технического сорта «Изабелла» увивает стену до второго этажа …* (Наталья Фомина), а также взаимоотношений между людьми: *А то иногда вывешивают табличку: «Осторожно — злая собака» и не указывают конкретно — кто …»* (Иржи Грошек); *Под каким будем жить мы знаком: // «Осторожно, злая собака» // Или «Собака точка ру»?* (slesarev). Оставляя подобные высказывания за пределами нашего внимания, мы сосредоточимся на поликодовых текстах, бытующих в интернет-пространстве, реализующих развлекательную функцию безотносительно к ситуации охраны дома [АА].

В жанровом отношении исследуемые нами тексты могут быть определены как плакаты (постеры), вербальная и визуальная составляющие которых эксплицируют собственно запрет (*Осторожно! Внимание! Ахтунг! Посторонним вход воспрещён!*) и его мотивировку, называющую субъекта /-ов осуществления наказания (*собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная*; *злая собака, злой хозяин, злая хозяйка, злые дети, все злые-злые!*; *добрый пес, но со слабыми нервами*; *злюкен собакен*; *у меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас?*; *собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок!*; *территорию охраняет бешеный кот* и др.), само наказание (*штраф — одна нога*; *если он тебя не загрызет, то я тебя застрелю*; *Обед с 12-00 до 13-00. Заходи — будет полдник*; *Гав-гав, кусь-кусь, ням-ням!*; *Кобель озабоченный, «любит» всех!*») и его неотвратимость (*наш пес уже бежит до калитки*; *братишка, я жду тебя за забором!*; *цепь —*

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

китайская). Примеры подобного рода текстов, размещённых в открытых интернет-источниках, приводятся ниже (рис. 1, 2).

Рис. 1. Актуализация в меме образа субъекта осуществления наказания за нарушение запрета

Рис. 2. Вокативный предостерегающий сигнал как элемент мема

Разные смысловые центры жанра запрета реализуются в подобного рода текстах неодинаково. Само запрещённое действие вербализуется редко: в составе прецедентных высказываний (*посторонним* ***вход*** *воспрещён …*; ***войдёшь*** *без стука — вылетишь без звука!*), в ряду упоминаний о возможных, но нежелательных действиях (*стерегу … от желающих* ***залезть***; *не* ***наступите***; ***кричите*** *громче — собака глухая* и др.). Чаще о запрете напоминают вокативные предостерегающие сигналы (*Осторожно! Внимание! Ахтунг!*), однако и они могут быть не вербализованы в сообщении, так как проявление осторожности здесь подразумевается как очевидная, наиболее ожидаемая реакция. В сфере мотивировки запрета значительно ярче проявляется творческое начало. Это касается иконической части: присутствуют многочисленные изображения животных, от которых исходит угроза, различных видов оружия, а также иных предметов, связанных с запретом проникновения на территорию: пограничных столбов, предметов военной униформы, заборов, колючей проволоки и пр. В вербальной части сообщений сосредоточено многообразие определений (*злая, хитрая, подлая тварь*; *собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная*; *бешеный кот*; *кобель озабоченный* и др.) и характеризующих описаний субъекта, охраняющего территорию (*собака алабай*; *супер-пёс*; *хомяк-террорист*; *кот — дебил, а петух — ну полный отморозок*; *кот и петух вообще придурки* и др.), в том числе хозяина и членов его семьи (*осторожно: злая собака, а хозяин еще хуже*; *пока моя собака лает, я успею достать ружьё* и др.). Описательно могут быть выражены превосходство стража над своей жертвой в быстроте и поражающей силе (*я добегу до двери за 1 секунду, а ты?*; *у меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас?*; *сильно кусает и быстро бегает*; *прививки не делает, ест что попало, давно мечтает реализовать себя* и др.), невозможность повлиять на поведение стража (*во дворе добрый пес, но со слабыми нервами*; *со-*

CC BY

баки хитрые, быстрые, опытные, агрессивные, ремешки китайские и др.), разнообразие форм нанесения ущерба нарушителю запрета (*посторонним вход воспрещен — штраф одна нога!*; *рву штаны и ягодицы*; *наша собака не кусает, она откусывает*; *кобель озабоченный, «любит» всех!*; *злюкен собакен, яйцен клац-клац!*; *собака без зубов — засосет до смерти!*; *гав-гав, кусь-кусь, ням-ням!* и др.) и др.

В контенте достаточно редко, но тем не менее встречаются рифмованные четверостишия (см. рис. 1), вместе с тем большинство исследуемых текстов оформлено как достаточно краткие риторические восклицания (*Братишка, я жду тебя за забором!*; *Кричите громче, собака глухая!* и др.), реже — вопросы (*Я добегу до двери за 1 секунду, а ты?*; *У меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас?*).

Для данного корпуса текстов типичны реализации следующих средств и приемов:

— ***аллюзии***, отсылающей читателя к текстам народной и конфессиональной культуры (*Если мы вам мешаем, идите с миром!*), прецедентным текстам массовой коммуникации (*Ты заходи, если что, побегаешь!* на фоне изображения волка из мультфильма «Жил-был пёс»; *Я мзду не беру — просто беги!* — отсылка к диалогу Верещагина и Абдуллы из кинофильма «Белое солнце пустыни»), искаженной русской речи немецких солдат времен Второй мировой войны (*Ахтунг! Злюкен собакен, яйцен клац-клац!*), деловой речи (*Посторонним вход воспрещен — штраф одна нога!*; *Обед с 12-00 до 13-00. Заходи — будет полдник* и др.), обеспечивающей восприятие информации в определенном подтексте и столкновение смыслов в практике реализации развлекательной функции текста;

— ***амплификации***, представляющей собой полный или градационный повтор речевых конструкций или слов (*Злая, хитрая, подлая тварь. Сильно кусает и быстро бегает. Собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная. Злые собаки, злые хозяева, злые дети, а кот и петух вообще придурки! Собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок!*), эмоционально усиливающих обоснование запрета и идею неотвратимости наказания;

— ***антитезы***, различных форм противопоставления свойств охраняющей дом собаки (*Во дворе добрый пес, но со слабыми нервами. Маленькая, но очень злая собака. Наша собака не кусает, она откусывает*), собаки и её хозяина (*Осторожно: злая собака, а хозяин еще хуже! Если он тебя не загрызет, то я тебя застрелю*), собаки и её потенциальной жертвы (*У меня 44 зуба и 4 лапы, а у вас? Я добегу до двери за 1 секунду, а ты?*), так выражается внутренний смысл опасности изображаемой ситуации для потенциального нарушителя границы;

CC BY

— ***иронии***, позволяющей воспринимать содержание высказывания в противоположном значении (*Осторожно, добрая собака* (нарисован пёс, душащий в объятиях человека). *Я рад вам, заходите! Очень люблю незнакомцев! Заходи, не бойся — выходи не весь! Заходи, порадуй собачку! Братишка, я жду тебя за забором! Научу бегать и прыгать. Ест всё, любит гостей. Давно мечтает реализовать себя* (рядом с изображением собаки));

— ***эпитетов*** (*Собака хитрая, быстрая, опытная, агрессивная и злопамятная. Осторожно: странная собака и кот непонятный! Территорию охраняет бешеный кот. Собаки хитрые, быстрые, опытные, агрессивные*);

— ***метафор*** (*Посторонним вход воспрещен — штраф одна нога! Во дворе злая собака, цепь — китайская*);

— ***гипербол*** (*Собака без зубов — засосет до смерти!*);

— ***метонимических конструкций*** (*Гав-гав, кусь-кусь, ням-ням!*);

— ***перифразы*** (*Нарушителя дверей поджидает царь зверей. Злая собака. Кот также не внушает доверия*);

— ***вульгаризмов*** и ***эвфемизмов*** (*Собака — злая, кот — дебил, а козел — ну полный отморозок! Кобель озабоченный, «любит» всех! Собака алабай, откусит балалай!*), актуализирующих агрессивно-криминальный, сексуальный и пр. подтексты в восприятии содержания высказывания.

Все эти изобразительные средства, с одной стороны, в целом свойственны текстам плаката и комикса [Магера, 2005; Нефедова, 2010; Ворошилова, 2013 и др.], а с другой стороны, типично используются для реализации комической функции текста [Дземидок, 1974; Панина, 1996; Капацинская, 2004; Коншина, 2006; Рюмина, 2011; Карасик, 2018 и др.], в том числе и в народной смеховой культуре [Лихачев и др., 1976; Рыбаков, 1981; Бахтин, 1990; Пропп, 1997; Пешкова, 2004 и др.], что соответствует новой, развлекательной функции создания и распространения таких текстов.

4. Заключение = Conclusions

По мнению В. П. Аникина, «фольклор — это традиционное художественное творчество народа. Оно равно относится как к устному, словесному, так и иному изобразительному искусству, как к старинному творчеству, так и к новому, созданному в новое время и творимому в наши дни» [Аникин, 2001, с. 12]. Такое определение одного из сложнейших понятий филологической науки дает возможность воспринимать народное творчество в динамике, следить за развитием его новых форм, отражающих специфику бытовой и духовной культуры человечества. Осовремененные формы существования фольклора в эпоху интернета составляют специфическую область народного творчества, которая при наличии традицион-

CC BY

но выделяемых для фольклора свойств (устноречевая форма бытования, безличность, вариативность, полифункциональность, традиционность и синкретизм) имеет отличительные черты поэтики, собственных носителей — пользователей глобальной информационной сети, технологические свойства которой во многом определяют специфику распространения текстов сетевого творчества в виртуальной среде, их интерактивность, разнообразие прецедентной основы и интертекстуальных связей, поликодовость с существенной значимостью визуальной составляющей (фото, коллажи, видео, гиф-анимация и др.).

«Тексты о злой собаке», реализуя традиционный коммуникативно-речевой жанр запрета, существуют в ситуации бытового дискурса, репрезентируя смыслы традиционной (преимущественно городской) культуры охраны частных и подведомственных территорий. Однако наблюдается тенденция к порождению таких текстов с целью развлечения и к их вирусному распространению в интернет-среде в качестве интернет-мемов. Анализ таких текстов даёт возможность убедиться в том, что их структура, система мотивов и образов, а также комплекс используемых стилистических средств, с одной стороны, продолжают традиции существования фольклорного жанра запрета, а с другой, реализуют народно-поэтические традиции смеховой культуры в визуализированных формах современной массовой коммуникации.

Источники

АА — *Архив* автора, сформированный на материале интернет-ресурсов: «Осторожно, злая собака!» — 29 страшных-престрашных предупреждений. — Режим доступа : http://wowow.life/ostorozhno-zlaya-sobaka.html; Прикольные таблички: Осторожно злая собака. — Режим доступа : http://www.shmyandeks.ru/prikolnye-tablichki-ostorozhno-zlaya-sobaka/; Прикольные таблички на забор. — Режим доступа : https://svoizabor.ru/otdelka/tablichki-na-zabor-zlaya-sobaka.html; Прикольные таблички про собак. — Режим доступа : https://yavitrina.ru/prikolnye-tablichki-pro-sobak; Таблички «Злая собака». — Режим доступа : https://printfiles.ru/raspechatat/tablichki-zlaya-sobaka/; Таблички «Осторожно, злая собака». — Режим доступа : https://xn8sbdbjhyarifxb3d5duc.xn--p1ai/tablichki-ostorozhno-zlaja-sobaka.php; Таблички с собаками. — Режим доступа : http://master28.ru/zagruzki/tablichki-ssobakami/; 19 убойных табличек, предостерегающих от злых собак. — Режим доступа : https://umoritelno.com/1036961247816584096/19-ubojnyh-tablichek-predosteregayuschih-ot-zlyh-sobak/ и др.

Литература

1. *Аникин В. П.* Русское устное народное творчество : учебник для вузов / В. П. Аникин. — Москва : Высшая школа, 2001. — 726 с. — ISBN 978-5-06-006139-0.

2. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. Г. Асмус. — Челябинск, 2005. — 266 с.

3. *Бамбурин С. О.* CAPNOCYTOPHAGA CANIMORSUS ИЛИ “ОСТОРОЖНО : ЗЛАЯ СОБАКА!” / С. О. Бамбурин, В. А. Зуева // Forcipe. — 2020. — Т. 3. — № S1. — С. 456—457.

4. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.

5. *Бережной В. А.* Интернет-мем и анекдот : к постановке проблемы / В. А. Бережной // Вестник Запорожского национального университета. — 2014. — № 1. — С. 135—143.

6. *Борисова И. М.* К вопросу о мемах как жанре современного фольклора / И. М. Борисова, С. Д. Васькина // Современные аспекты филологических исследований : сборник научных трудов. — Оренбург : ОГУ, 2021. — С. 32—36. — ISBN 978-5-7410-2566-6.

7. *Виноградова Л. Н.* Запреты (табу) / Л. Н. Виноградова, С. М. Тостая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. — С. 269—273. — ISBN 5-7133-1207-0.

8. *Вознюк К.* Мемы в рекламе и брендинге [Электронный ресурс] / К. Вознюк. — 2012. — Режим доступа : http://www.sostav.ru/news/2012/12/29/memy/ (дата обращения 21.05.2022).

9. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст : ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 194 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.

10. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с. — ISBN 5-85759-056-6.

11. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров : монография / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с. — ISBN 978-5-9551-0409-6.

12. *Дземидок Б.* О комическом : монография / Б. Дземидок. — Москва : Прогресс, 1974. — 223 с.

13. *Добровольская В. Е.* Магические запреты и предписания в сфере регулярной трудовой деятельности сельского населения Северной и Центральной России / В. Е. Добровольская // Palaeoslavica. — 2005. — Vol. 13. — № 1. — С. 243—259.

14. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / Р. Докинз. — Москва : Corpus, 2013. — 512 с. — ISBN 978-5-17-077772-3.

15. *Душакова И. С.* Сегодня мы с братьями Гримм не договорились бы о предметном поле : к вопросу о подвижных границах фольклористики / И. С. Душакова, С. Ю. Неклюдов // Фольклор : структура, типология, семиотика. — 2020. — Т. 3 (2). — С. 10—14.

16. *Интернет* и фольклор. — Москва : ГРЦРФ, 2009. — 320 с. — ISBN 5-86132-068-3.

17. *Капацинская В. М.* Комический текст : монография / В. М. Капацинская. — Нижний Новгород : НФ УРАО, 2004. — 118 с. — ISBN 5-7565-0061-8.

18. *Карасик В. И.* Алгоритмы построения комических текстов / В. И. Карасик // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. — 2018. — № 4. — С. 895—917. — DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.

19. *Карасик В. И.* Язык социального статуса : монография / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2002. — 333 с. — ISBN 5-94244-008-5.

20. *Кашина С. В.* Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами / С. В. Кашина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 20 (680). — С. 243—249.

21. *Ким Л. Р.* Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами : к постановке проблемы / Л. Р. Ким // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 2 (80). — С. 232—236.

22. *Колистратова А. В.* Эпоха постмодерна и фольклор : отсутствие субъекта высказывания / А. В. Колистратова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 2 (9). — С. 88—90.

23. *Коншина С. Г.* Комический текст в аспекте его структурирования и понимания : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Г. Коншина. — Москва, 2006. — 195 с.

24. *Котылев А. Ю.* Табличка “Осторожно, злая собака” в современном городском пространстве / А. Ю. Котылев // Человек. Культура. Образование. — 2016. — № 4. — С. 56—63.

25. *Лихачёв Д. С.* «Смеховой мир» Древней Руси : монография. — Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко. — Москва : Наука, 1976. — 213 с.

26. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 519 с.

27. *Магера Т. С.* Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. С. Магера. — Барнаул, 2005. — 167 с.

28. *Неклюдов С. Ю.* После фольклора / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. — 1995. — № 1. — С. 2—4.

29. *Нефедова Л. А.* Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста / Л. А. Нефедова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2010. — № 10. — № 1 (177). — С. 4—10.

30. *Никитина С. Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / С. Е. Никитина. — Москва, 1999. — 46 с.

31. *Панина М. А.* Комическое и языковые средства его выражения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. А. Панина. — Москва, 1996. — 144 с.

32. *Петренко С. Н.* Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы / С. Н. Петренко // Известия ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения. — 2014. — № 2 (87). — С. 145—149.

33. *Пешкова А. В.* Русская смеховая культура (Истоки и становление (XI—XVIII вв.)) : диссертация ... кандидата культурных наук : 24.00.01 / А. В. Пешкова. — Москва, 2004. — 127 с.

34. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха : монография / В. Я. Пропп. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. — 386 с. — ISBN 5-89329-051-8.

35. *Радченко Д. А.* Сетевой фольклор : перспективы исследования / Д. А. Радченко // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник научных статей. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. — С. 417—427.

36. *Рукомойникова В. П.* «Виртуальный» фольклор в контексте народной смеховой культуры : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / В. П. Рукомойникова. — Йошкар-Ола, 2004. — 220 с.

37. *Руссинова Т. В.* Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. В. Руссинова. — Саратов, 2006. — 219 с.

38. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян : монография / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1981. — 406 с.

39. *Рюмина М. Т.* Эстетика Смеха : Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. — Москва : Либроком, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-397-01130-3.

40. *Савченко А. В.* Философско-антропологические основания Интернет-фольклора как формы коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Савченко, Т. И. Суслова // Credo New. — 2008. — № 4. — Режим доступа : http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3036-filosofsko-antropologicheskie.html (дата обращения 19.05.2022).

41. *Сердюк М. А.* Традиционный фольклорный текст в системе координат «Адресант ↔ Адресат» / М. А. Сердюк // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — Выпуск 4 (72). — С. 145—147.

42. *Сидоренко А. В.* Запрет в системе речевых и фольклорных жанров / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2020. — № 2 (26). — С. 100—109. — DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109.

43. *Толстой Н. И.* Граница / Н. И. Толстой // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. — С. 537—540.

44. *Хроленко А. Т.* Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. — Курск : Издательство КГУ, 2008. — 231 с. — ISBN 978-5-88313-642-8.

45. *Чернов И. А.* О семиотике запретов / И. А. Чернов // Труды по знаковым системам. — 1967. — Выпуск 3. — С. 45—59.

46. *Шмелева Т. В.* Речевые жанры / Т. В. Шмелева // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник : Проспект / Под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : [б. и.], 1991. — С. 89—91.

47. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — № 1. — С. 88—98.

48. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 161—173.

49. *Folk-art-net :* новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности : сборник статей. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. — 200 с. — ISBN 5-86132-057-1.

Material resources

AA — *Author's archive.* (In Russ.).

References

Anikin, V. P. (2001). *Russian oral folk art: textbook for universities.* Moscow: Higher School. 726 p. ISBN 978-5-06-006139-0. (In Russ.).

Asmus, N. G. (2005). *Linguistic features of virtual communicative space.* PhD Diss. Chelyabinsk. 266 p. (In Russ.).

Bamburin, S. O., Zueva, V. A. (2020). CAPNOCYTOPHAGA CANIMORSUS OR "CAUTION: AN EVIL DOG!". *Forcipe, 3 (S1):* 456—457. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance.* Moscow: Fiction. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).

Berezhnoy, V. A. (2014). Internet meme and anecdote: to the formulation of the problem. *Bulletin of the Zaporozhye National University, 1:* 135—143. (In Russ.).

Borisova, I. M., Vaskina, S. D. (2021). On the question of memes as a genre of modern folklore. In: *Modern aspects of philological research: a collection of scientific papers.* Orenburg: OSU. 32—36. ISBN 978-5-7410-2566-6. (In Russ.).

Chernov, I. A. (1967). On the semiotics of prohibitions. *Works on sign systems, 3:* 45—59. (In Russ.).

Dawkins, R. (2013). *Selfish gene.* Moscow: Corpus. 512 p. ISBN 978-5-17-077772-3. (In Russ.).
Dementyev, V. V. (2010). *Theory of speech genres: monograph.* Moscow: Znak. 600 p. ISBN 978-5-9551-0409-6. (In Russ.).
Dobrovolskaya, V. E. (2005). Magical prohibitions and regulations in the sphere of regular labor activity of rural population of Northern and Central Russia. *Palaeoslavica, 13 (1):* 243—259. (In Russ.).
Dushakova, I. S., Neklyudov, S. Yu. (2020). Today the brothers Grimm and I would not agree on the subject field: on the question of the movable boundaries of folklore studies. *Folklore: structure, typology, semiotics, 3 (2):* 10—14. (In Russ.).
Dzemidok, B. (1974). *About the comic: a monograph.* Moscow: Progress. 223 p. (In Russ.).
Folk-art-net: new horizons of creativity. From tradition to virtuality: a collection of articles. (2007). Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 200 p. ISBN 5-86132-057-1. (In Russ.).
Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition.* Moscow: Indrik. 912 p. ISBN 5-85759-056-6. (In Russ.).
Internet and folklore. (2009). Moscow: GRCRF. 320 p. ISBN 5-86132-068-3. (In Russ.).
Kapatsinskaya, V. M. (2004). *Comic text: monograph.* Nizhny Novgorod: SF URAO. 118 p. ISBN 5-7565-0061-8. (In Russ.).
Karasik, V. I. (2002). *Language of social status: monograph.* Moscow: Gnosis. 333 p. ISBN 5-94244-008-5. (In Russ.).
Karasik, V. I. (2018). Algorithms for constructing comic texts. *Bulletin of the RUDN. Series: Linguistics, 4:* 895—917. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918. (In Russ.).
Kashina, S. V. (2013). Meme as a unit of cultural information transmission by linguistic and non-linguistic means. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 20 (680):* 243—249. (In Russ.).
Khrolenko, A. T. (2008). *Linguofolcloristics. Flipping through the years and pages.* Kursk: KSU Publishing House. 231 p. ISBN 978-5-88313-642-8. (In Russ.).
Kim, L. R. (2018). The study of Russian network literature by folkloristic methods: to the formulation of the problem. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 2 (80):* 232—236. (In Russ.).
Kolistratova, A. V. (2011). The postmodern era and folklore: the absence of the subject of utterance. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 2 (9):* 88—90. (In Russ.).
Konshina, S. G. (2006). *Comic text in the aspect of its structuring and understanding.* PhD Diss. Moscow. 195 p. (In Russ.).
Kotylev, A. Yu. (2016). The sign “Beware, the evil dog” in the modern urban space. *Man. Culture. Education, 4:* 56—63. (In Russ.).
Likhachev, D. S., Panchenko, A. M. (1976). “*The Laughing World” of Ancient Russia: a monograph.* Moscow: Nauka. 213 p. (In Russ.).
Lutovinova, O. V. (2009). *Linguoculturological characteristics of virtual discourse.* Doct. Diss. Volgograd. 519 p. (In Russ.).
Magera, T. S. (2005). *Text of a political poster: linguistic modeling (based on the material of regional election posters).* PhD Diss. Barnaul. 167 p. (In Russ.).
Nefedova, L. A. (2010). Cognitive features of comics as a creolized text. *Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”, 10 / 1 (177):* 4—10. (In Russ.).
Neklyudov, S. Yu. (1995). After folklore. *Zhivaya starina, 1:* 2—4. (In Russ.).
Nikitina, S. E. (1999). *Cultural and linguistic picture of the world in thesaurus description.* Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).

Panina, M. A. (1996). *Comic and linguistic means of its expression.* PhD Diss. Moscow. 144 p. (In Russ.).

Peshkova, A. V. (2004). *Russian laughing culture (Origins and formation (XI—XVIII centuries).* PhD Diss. Moscow. 127 p. (In Russ.).

Petrenko, S. N. (2014). Genre traditions of post-folklore in the poetics of modern Russian literature. *News of the VSPU. Actual problems of literary criticism, 2 (87):* 145—149. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1997). *Problems of comedy and laughter: monograph.* St. Petersburg: Aleteya. 386 p. ISBN 5-89329-051-8. (In Russ.).

Radchenko, D. A. (2011). Network folklore: prospects of research. In: *Slavic traditional culture and the modern world: a collection of scientific articles.* Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 417—427. (In Russ.).

Rukomoinikova, V. P. (2004). *"Virtual" folklore in the context of folk laughter culture.* PhD Diss. Yoshkar-Ola. 220 p. (In Russ.).

Russinova, T. V. (2006). *Features of the functioning of the ban (based on the material of the Russian and English languages).* PhD Diss. Saratov. 219 p. (In Russ.).

Rybakov, B. A. (1981). *Paganism of the ancient Slavs: monograph.* Moscow: Nauka. 406 p. (In Russ.).

Ryumina, M. T. (2011). *Aesthetics of Laughter: Laughter as virtual reality.* Moscow: Librocom. 320 p. ISBN 978-5-397-01130-3. (In Russ.).

Savchenko, A. V., Suslova, T. I. (2008). *Form of communication, 4.* Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2008/3036-filosofsko-antropologicheskie.html (accessed 19.05.2022). (In Russ.).

Serdyuk, M. A. (2009). Traditional folklore text in the system coordinates "Addressee ↔ Addressee". *Bulletin of Tomsk State University, 4 (72):* 145—147. (In Russ.).

Shchurina, Yu. V. (2012). Internet memes as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyi dialog, 3:* 161—173. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1991). Speech genres. In: *Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference: Prospect*. Krasnoyarsk: [b. i.]. 89—91. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech, 1:* 88—98. (In Russ.).

Sidorenko, A. V. (2020). Prohibition in the system of speech and folklore genres. *Genres of speech, 2 (26):* 100—109. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109. (In Russ.).

Tolstoy, N. I. (1995). Border. In: *Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 1.* Moscow: International Relations. 537—540. (In Russ.).

Vinogradova, L. N., Tostaya, S. M. (1999). Prohibitions (taboos). In: *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes, 2.* Moscow: International Relations. 269—273. ISBN 5-7133-1207-0. (In Russ.).

Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: keys to reading: monograph.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 194 p. ISBN 978-5-7186-0543-3. (In Russ.).

Voznyuk, K. (2012). *Memes in advertising and branding.* Available at: http://www.sostav.ru/news/2012/12/29/memy / (accessed 21.05.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.03.2022,
одобрена после рецензирования 01.06.2022,
подготовлена к публикации 13.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Никонова Е. А. Цитация как основание для дифференциации жанров масс-медиа / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 243—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-243-261.

Nikonova, E. A. (2022). Citation as a Basis for Differentiating Mass Media Genres. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 243-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-243-261. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-243-261

Цитация как основание для дифференциации жанров масс-медиа

Никонова Екатерина Андреевна
orcid.org/0000-0001-9260-4554
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры Английского языка № 3
ekatnikon2014@yandex.ru

МГИМО МИД России
(Москва, Россия)

Citation as a Basis for Differentiating Mass Media Genres

Ekaterina A. Nikonova
orcid.org/0000-0001-9260-4554
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of English № 3
ekatnikon2014@yandex.ru

MGIMO University
(Moscow, Russia)

© Никонова Е. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается цитация как инструмент жанровой дифференциации текстов масс-медиа. Проведен качественный и количественный анализ цитирования в жанрах «новостное сообщение», «аналитическая статья» и «мнение», представляющих собой тексты с различной степенью представленности авторской оценки, которая может быть выражена в числе прочего цитацией. Выработана система параметров, на основании которой можно проводить жанровую дифференциацию газетных текстов. В нее включены цитаты, тип глагола, вводящего цитату, наличие и характер дополнительной конструкции, а также источник цитаты. Полученные данные свидетельствуют о том, что в аналитической статье преобладают прямые цитаты, вводимые нейтральными глаголами. Отмечается, что в качестве источника сообщения чаще всего встречаются официальные ресурсы, это соответствует стремлению жанра к объективности и беспристрастности. Показано, что в жанре «мнение» цитаты как вкрапление чужого текста встречаются редко; цитация в основном выполняет оценочную и экспрессивную функции, что подтверждается высоким процентом сегментированных цитат, а также превалированием таких источников информации, как коллективные ресурсы и СМИ. Выявлено, что в новостном сообщении цитирование отвечает таким жанровым требованиям, как сжатый объем, информационная компрессия и обобщение.

Ключевые слова:
цитация; аналитическая статья; мнение; новостное сообщение; оценка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Citation is considered as a tool for genre differentiation of mass media texts. A qualitative and quantitative analysis of citation in the genres of “news report”, “analytical article” and “opinion” was carried out, which are texts with varying degrees of representation of the author’s assessment, which can be expressed, including by citation. A system of parameters has been developed, on the basis of which it would be possible to carry out genre differentiation of newspaper texts. It includes quotations, the type of verb introducing the quotation, the presence and nature of the additional construction, and the source of the quotation. The data obtained indicate that the analytical article is dominated by direct quotations introduced by neutral verbs. It is noted that official sources are most often used as a source of information, this corresponds to the genre’s desire for objectivity and impartiality. It is shown that in the genre of “opinion” quotations as interspersed with someone else’s text are rare; citation mainly performs evaluative and expressive functions, which is confirmed by a high percentage of segmented citations, as well as the prevalence of such sources of information as the collective and the media. It was revealed that citation in a news message meets such genre requirements as compressed volume, information compression and generalization.

Key words:
citation; analytical article; opinion; news message; grade.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:070+81’38

Цитация как основание для дифференциации жанров масс-медиа

© Никонова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

Сегодня не возникает сомнений, что авторское отношение прослеживается в любом тексте и может быть выражено более или менее открыто в зависимости от типа дискурса, а в случае дискурса масс-медиа — от жанра публикации или рубрики, к которой относится текст. В связи с этим исследование оценки как зонтичного понятия, объединяющего различные способы выражения авторского отношения к повествуемому, может выступать в качестве инструмента дифференциации жанров масс-медиа, на что указывают работы ряда исследователей [Martin et al., 2005, p. 164; Katajamaki, 2009, p. 205]. Представляется, что условную дифференциацию жанров можно провести не только путем анализа всего комплекса лингвистических маркеров оценки, но и на основе одного из параметров, что позволит сделать вывод об общем, исходя из частного. В рамках настоящего исследования мы остановились на исследовании цитации как средстве выражения авторского отношения или маркере его отсутствия. Поскольку цитация является неотъемлемым элементом журналистского текста, то различные ее аспекты изучения получили достаточное освещение в лингвистике (например, функциональный аспект цитат, в том числе в различных жанрах [Dijk, 1988; Pan, 2010; Smirnova, 2009]; цитирование как инструмент выражения авторского голоса [Pounds, 2010; Sanders, 2010]; цитирование как инструмент реализации идеологического отношения [Sclafani, 2008]; этический аспект цитирования [Fakazis, 2006; Clayman, 1990]; классификация цитат [Алещанова, 2000] и т. д.), однако цитация мало исследовалась с точки зрения основания для жанровой дифференциации текстов масс-медиа. Таким образом, целью данной работы является установление возможности использовать цитацию как инструмент разграничения жанров масс-медиа. Для этого нами были поставлены и решены следующие задачи: 1) проведен качественный и количественный анализ цитирования в жанрах «новостное сообщение», «аналитическая статья» и «мнение», представляющих собой тексты с различным балансом объективное / субъективное, а значит, различной степенью представленности авторской оценки; 2) на основе полученных данных была выработана система параметров, на основании которой можно было бы проводить жанровую дифференциацию газетных тек-

CC BY

стов. Актуальность работы обусловлена наличием пробела в исследовании жанродифференциирующего потенциала цитации. Новизна исследования заключается в выработке системы параметров, на основании которой можно осуществлять жанровую дифференциацию газетных текстов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках данного исследования мы придерживаемся наиболее распространенной точки зрения, согласно которой под *цитатой* понимается отрезок текста-источника, предназначенного для воспроизведения в новом тексте, а под *цитированием* — процесс употребления этого отрезка в принимающем тексте. Поскольку мы фокусируемся на исследовании реализации авторской оценки через цитирование, то нами будет в основном использоваться термин *цитация*, предполагающий включение в оценку наравне с цитатой функционально-прагматического аспекта [Алещанова, 2000, с. 54—55; Комарова и др., 2009, с. 12].

Понятие оценки не сводится к выражению положительного или отрицательного отношения к предмету речи [Харченко, 1976, с. 66] или оцениванию объекта речи по параметру «хорошо / плохо» [Вольф, 2020], но определяется как «широкое понятие, используемое для обозначения отношения говорящего или пишущего к предмету», которое напрямую связано с ценностями [Hunston et al., 2000, p. 5]. Подобное широкое определение оценки наиболее релевантно для исследования текстов масс-медиа, поскольку позволяет выявить имплицитные признаки авторского отношения и оценки в журналистских жанрах, не предполагающих их наличие (например, в новостном сообщении; см. [Bednarek, 2006, p. 12]).

Для реализации цели и задач данного исследования был сформирован корпус цитатного материала путем сплошной выборки, далее применялся количественный метод для подсчета распределения цитат в исследуемых жанрах, а также для выявления закономерностей / тенденций в их использовании. При интерпретации коммуникативно-прагматической направленности цитации проводился анализ содержания конкретного отрезка принимающего текста с последующей многоуровневой текстолингвистической обработкой, включающей учет функционально-целевого аспекта цитирования. При обращении к функциональному аспекту мы исходим из того, что цитация в текстах масс-медиа отличается полифункциональностью, однако при анализе конкретных примеров нами учитывалась наиболее значимая для данного фрагмента / текста функция цитации.

Для выполнения задач исследования методом случайной выборки были собраны тексты жанров «аналитическая статья», «мнение» и «новостные сообщения», посвященные актуальным общественно-политическим вопро-

CC BY

сам. Отбор производился из текстов наиболее известных англоязычных качественных изданий «The New York Times», «The Independent», «The Economist», «The Week» за 2020—2021 годы. Таким образом, в качестве материала исследования послужили 15 текстов жанра «аналитическая статья», 15 текстов жанра «мнение» и 120 новостных сообщений (количество последних превосходит число аналитических статей и мнений ввиду маленького объема новостных текстов: средний объем аналитической статьи или мнения — 1100 слов, в то время как новостного сообщения — 130 слов).

Цитата — это важнейший инструмент информационного сообщения, повышающий доверие к сообщаемому, позволяющий сделать текст более содержательным [Редакционный стандарт, 2019, с. 84]. Будучи одним из обязательных элементов текста масс-медиа, цитирование отличается полифункциональностью. С одной стороны, оно является традиционным инструментом объективации, обоснования и приведения доказательств. Поэтому наиболее часто цитаты встречаются в информационных жанрах, где они могут составлять большую часть текста и призваны дополнять и расширять описание фактов. С другой стороны, «цитата, попадая в интертекстуальное пространство, приобретает вторую жизнь и в зависимости от установки автора, цели дискурса, конкретных условий контекста может подвергаться существенным смысловым модификациям вследствие неточности в передаче» [Иванова и др., 2014, с. 40], что позволяет использовать цитирование в текстах масс-медиа для выражения авторской оценки и формирования у аудитории определенного образа описываемого события.

О функциональной направленности цитаты можно судить по таким параметрам, как тип цитаты, источник цитирования, глагол, вводящий цитату, а также наличие или отсутствие дополнительных конструкций (табл. 1).

Цитаты разделяются на ***прямые, косвенные и сегментированные (фрагментарные)***. ***Прямая цитата*** представляет собой закавыченную полную цитату, никак не адаптированную под контекст сообщения. По объему такая цитата может представлять собой как одно предложение, так и сверхфразовое единство или абзац. Воздействующий потенциал такой цитаты сведен к минимуму, поскольку практически не допускает каких-то интерпретаций. Как правило, такие цитаты распространены в жанрах, в большей степени нацеленных на информирование. Прямая цитата может быть непрерывной (не содержать комментирующих вставок и не разделяться глаголом-связкой) и прерывной (напротив, иметь комментирующую вставку или быть разделенной глаголом-связкой) [Зайцева, 1987]. Прерывание цитирования нейтральным глаголом-связкой является текстоструктурирующим приемом, позволяющим в определенных случаях четче проследить высказываемую в цитате мысль, в то время как добавление комментария

CC BY

или эмоционально-оценочного глагола-связки, как правило, способствует приращению воздействующего потенциала и может выражать отношение / оценку автора. ***Сегментированные*** цитаты представляют собой закавыченные вырезанные из контекста отдельные слова и небольшие по длине словосочетания; цитата получает логическое завершение за счет ближайшего контекста. В соединении с авторской речью и авторскими акцентами сегментированная цитата может не только служить способом лучше, ярче, сильнее выразить авторские мысли, но и стать основой многочисленных интерпретаций и манипулятивных речевых действий. ***Косвенная*** цитата — это пересказ «чужой речи» авторскими словами. Данный тип цитат применим в случаях, когда цитируемая информация не является важной для читателя и выступает в качестве фона для основного повествования, либо в случае, когда автор хочет обыграть слова в выгодном для него свете. Мы относим косвенную речь к цитированию при том условии, если она включает фрагменты чужих текстов, обладающих ссылкой на автора или источник. Таким образом, мы не считаем скрытое косвенное цитирование, для которого характерно отсутствие ссылки на автора, разновидностью косвенной цитаты и при нашем анализе не учитываем.

Поскольку при цитировании предметом оценки может выступать не только информация, содержащаяся в цитате, но и ее источник, то при определении функциональной направленности цитаты и ее воздействующего потенциала необходимо учитывать данный параметр. На сегодняшний день существует ряд типологий источников цитирования, в том числе выработанных на примере текстов масс-медиа (см., например, М. В. Саблина [Саблина, 2011]). В основе этих типологий лежит дифференциация по признаку текста-источника. При выработке типологии для целей и задач настоящего исследования был учтен фактор надежности источника; в ее основу легла типология источников цитации, основанная на редакционном стандарте ТАСС (табл. 1). В соответствии с данной типологией источники подразделяются на ***Официальный источник I уровня, Официальный источник II уровня, Неофициальный источник, Анонимный источник, СМИ, Интернет и социальные сети, Коллективный источник***. Опираясь на эмпирические данные нашего исследования, мы также включили в типологию ***Неопределенно-личный источник информации***.

К категории ***Официальных источников I уровня*** относятся высшие должностные лица, представляющие органы власти, организации, компании и другие структуры, сообщающие информацию открыто, не на условиях анонимности [Редакционный стандарт, 2019, с. 41], и уполномоченные давать комментарий по данному вопросу.

CC BY

В качестве ***Официального источника II уровня*** выступают сотрудники какой-либо структуры, которые не уполномочены делать заявления от имени своей организации или не имеют прямого отношения к обсуждаемому вопросу. Тем не менее предоставляемая ими информация может рассматриваться как отличающаяся высокой степенью надежности.

Анонимный источник представляет собой неназванный источник информации и может, с одной стороны, свидетельствовать о желании автора выдать несуществующую информацию за инсайд, с другой стороны, действительно возможна ситуация, при которой редакция вправе обязать журналиста скрыть свой источник, однако данные случаи редки, касаются резонансных дел и, как правило, оговариваются. Кроме того, использование информации, полученной из анонимного источника, более характерно для таких жанров, как расследование, репортаж, а в исследуемых нами жанрах, как правило, анонимный источник обладает невысокой степенью надежности, поскольку отсылка к нему предоставляет автору широкие возможности для манипулирования информацией.

Неофициальный источник представляет собой человека, который не является сотрудником структуры, связанной напрямую с рассматриваемым вопросом, и не принимает значимых решений по вопросу, о котором идет речь в сообщении [Там же]. В качестве неофициального источника часто используются люди, имена которых находятся на слуху, что увеличивает доверие читателей к информации, а также кликабельность сообщения. Однако в большинстве случаев использование неофициального источника свидетельствует о желании автора «подтасовать» мнение. Реципиенту информации навязывается уже сформированная нужным образом оценка описываемого факта, замаскированная под авторитетную, достоверную точку зрения. Приведение цитат со ***ссылками на другие СМИ*** является привычным приемом для газетных текстов, позволяющим продемонстрировать высокую степень авторской осведомленности и создать транстекстовое единство по данной проблематике. Что касается надежности СМИ как источника информации, то следует учитывать, на какой именно текст (а точнее — жанр) ссылается автор. Частотны случаи приведения цитат из статей-мнений авторитетных изданий, что позволяет создать «эффект объективности» повествования. В случае ссылки на аналитические исследования, в которых приведена выверенная надежная информация, подобное цитирование не следует рассматривать как инструмент воздействия.

Использование ***ссылок на информацию из интернета или социальных сетей*** является относительно новым явлением, функциональный аспект которого еще предстоит изучить в полной мере. Мы исходим из того, что если какая-то информация появилась в частных социальных се-

CC BY

тях официального лица, то она может представлять его частное мнение, а не официальную позицию структуры, которую он представляет, в связи с чем данный источник не является абсолютно достоверным (однако стоит учитывать, что если речь идет о представителях каких-то крупных (например, государственных) структур, то их должность предусматривает ряд ограничений в свободе выражения частного мнения; как правило, публикуемые посты в социальных сетях отличаются большей эмоциональностью, но в целом соответствуют заданному официальному курсу).

Коллективный источник представляет собой безличную форму включения цитат в текст и построен на суммировании мнений аналитиков, официальных представителей или специалистов в определенных областях знаний. Отсутствие четкого указания на источник полученной информации делает подобные цитаты недостоверными, предполагающими предвзятость и субъективность.

Неопределенно-личный источник предполагает отсылку к неопределенно-личному объекту как источнику информации (включаем сюда также пассивные предложения типа *it's believed that* (считается) (здесь и далее перевод наш. — *Е. Н.*). Мы не рассматриваем в качестве источников цитирования пословицы, поговорки, крылатые выражения, считая их разновидностью прецедентных текстов, не обладающих признаками цитаты.

Еще одним существенным параметром, который необходимо учитывать при анализе цитат, является использование для передачи чужой речи глагола с примыкающей к нему конструкцией. За основу типологии глаголов, вводящих чужую речь, была взята классификация М. Беднарек, в соответствии с которой глаголы подразделяются на следующие группы:

— нейтральные (призваны сигнализировать об использовании чужой речи в тексте; они не несут никакой дополнительной информации о говорящем);

— иллокутивные (дают представление о цели (предполагаемой цели) говорящего; подобные глаголы передают «авторский голос» и обладают высокой степенью интерпретативности, поскольку обозначают предполагаемую ситуацию общения, а также проясняют иллокутивную силу цитаты, к которой относятся [Caldas-Coulthard, 2002, p. 305]);

— декларативные (используются при передаче актов речи, возможных только в определенных культурно-институциональных условиях, когда имеются «ограничивающие» факторы, например, только судья может *вынести вердикт*; выделение этого глагольного типа необходимо, потому что один и тот же глагол может выступать в качестве иллокутивного (и нести дополнительную смысловую нагрузку) и декларативного (в таком случае дополнительная смысловая нагрузка отсутствует);

— связующие (определяют связь цитаты с другими частями дискурса);

CC BY

— невербальные (вводят паралингвистические аспекты высказывания) [Bednarek, 2006, с. 57—58].

Конструкции, дополняющие глагол для передачи чужой речи, в ходе анализа мы разделяем на ***информативные*** (когда задается какая-то уточняющая нейтральная информация, например, в отношении должности говорящего) и ***маркирующие*** (передают авторское отношение к предмету речи или говорящему) или указываем на их отсутствие.

Таблица 1

Параметры дифференциации цитат

Тип цитаты	**Тип глагола, вводящего цитату**	**Дополнительная конструкция**	**Источник цитаты**
— прямая; — косвенная; — сегментированная.	— нейтральный; — иллокутивный; — декларативный; — связующий; — невербальный или отсутствует	— маркированная; — информативная или отсутствует	— официальный источник I уровня; — официальный источник II уровня; — неофициальный; — анонимный; — СМИ; — интернет и социальные сети; — коллективный; — неопределенно-личный.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Результаты проведенного исследования показали (табл. 2), что в текстах аналитических статей и новостных сообщений цитация встречается чаще, чем в текстах жанра «мнение». Так, в ходе анализа было обнаружено 189 цитат в тексте аналитической статьи (на одну аналитическую статью приходится в среднем 13 цитат) и 204 цитаты в текстах новостных сообщений, в то время как в «мнении» — только 96 (что почти в два раза меньше). Причина этого видится в специфике жанра. Поскольку он нацелен на передачу позиции автора по определенному проблемному вопросу, то в центре внимания находится сам автор, а цитата как отсылка к мнению других лиц играет вспомогательную роль и поэтому менее частотна. В текстах аналитической статьи и новостного сообщения присутствие голоса автора, напротив, сведено к минимуму, поэтому, помимо информативной и аргументативной функций, цитаты здесь могут выступать в качестве инструмента маскировки авторской оценки. Кроме того, цитаты отличаются высокой степенью информативной плотности [Алещанова, 2000, с. 59], поэтому для новостного сообщения, жанра, ограниченного по объему, они выступают наиболее эффективным

CC BY

средством, оптимизирующим организацию разносторонней информации, в том числе с целью вызвать требуемую реакцию со стороны читателей.

Таблица 2

Распределение видов цитат по жанрам
«аналитическая статья», «мнение», «новостное сообщение»

Жанр	Прямая	Сегментированная	Косвенная
Аналитическая статья	35 %	32 %	33 %
Мнение	25 %	47 %	28 %
Новостное сообщение	6 %	32 %	62 %

Что касается представленности различных видов цитат (прямая цитата, косвенная цитата, сегментированная цитата) в текстах жанров «аналитическая статья», «мнение» и «новостное сообщение», то результаты нашего исследования демонстрируют их равнопредставленность в тексте аналитической статьи. Отметим, что аналитическая статья имеет наиболее высокий процент прямых цитат, что объясняется стремлением автора к обеспечению надежности транслируемой информации, поскольку любой инвариант цитаты может быть нетождественным исходнику по форме и по смыслу.

В текстах мнения наиболее частотны сегментированные цитаты (47 %). Поскольку журналист, пишущий в жанре «мнение», должен демонстрировать личную точку зрения, давать эмоциональную оценку событий, осмыслять ситуацию в контексте своего мнения, то использование именно сегментированных цитат позволяет ему выразить определенные позиции более эмоционально и экспрессивно.

Новостное сообщение характеризуется ограниченным объемом и строгой направленностью на информирование, что не предполагает использование цитат [Беляевская, 2015, с. 9—10]. В связи с этим вводимая прямая речь нуждается в корректировке и в большинстве случаев репрезентируется в новостных сообщениях в формате косвенной речи (составляет 62 % случаев), представляющей собой упрощенный, сокращенный вариант прямой речи, где сохраняется только информативный элемент. Прямая речь в новостных сообщениях составляет только 6 % и, как правило, выступает поводом для новостного сообщения. Сегментированные цитаты встречаются в 32 % случаях. Относительно высокая их частотность объясняется, с одной стороны, тем, что они характеризуются небольшим объемом (представлены отдельными словами или словосочетаниями, отражающими смысл цитируемого высказывания), а с другой — являются практически единственным доступным инструментом формирования оценочности всего текста [Там же, с. 10]. Таким образом, в новостном сообщении сег-

CC BY

ментированная цитата призвана не столько обеспечить точность передачи предполагаемой информации, сколько создать определенную оценочную модальность текста.

3.1. Результаты исследования: глаголы, вводящие чужую речь

Слова автора, вводящие или комментирующие чужую речь, обладают значительным прагматическим потенциалом, поскольку могут переходить в авторский комментарий, содержащий журналистскую оценку цитаты [Варченко, 2007, с. 30], и, таким образом, способны повлиять на восприятие читателями описываемых событий. Через глаголы, вводящие чужую речь, автор может, например, дать характеристику манере, в которой презентовалась информация, или дать оценку самому высказыванию. Например:

(1) *He* (Biden — примечание наше. — *E. A.*) *cited the 120,000 Americans and Afghan allies evacuated in the two weeks since the Taliban seized power in Kabul,* ***boasting*** *that "no nation has ever done anything like it in all of history"* [The New York Times, 31.08.2021] / Он упоминал 120 000 американских и афганских союзников, эвакуированных в течение двух недель с тех пор, как Талибан захватил власть в Кабуле, хвастаясь, что «ни одна нация никогда не делала ничего подобного на протяжении всей истории». Так, в данном примере глагол *boast* (хвастаться; to speak too proudly or happily about what you have done or what you own [Cambridge Dictionary] / говорить чересчур гордо или счастливо о том, что ты сделал или чем владеешь) характеризует высказывание Байдена как заносчивое.

(2) *They* (Rohingya refugees — примечание наше. — *E. A.*) *are seeking $150bn in compensation,* ***alleging*** *that the company did not do enough to stop others from using its platform to incite violence against Rohingyas in Myanmar* [The Economist, 11.12.21] / Они требуют 150 млрд долл. в качестве компенсации, утверждая, что компания не сделала достаточно, чтобы предотвратить использование платформы для распространения жестокости в отношении Рохинджи в Мьянме. Здесь глагол *allege* (утверждать; to say that someone has done something illegal or wrong without giving proof [Cambridge Dictionary] / заявлять, что кто-то сделал что-то нелегальное или неправильное, не предоставляя доказательств) характеризует информацию, вводимую при помощи цитации как недостоверную, непроверенную [Biber et al., 1999, p. 975].

В аналитической статье на долю глаголов, не имеющих эмоционально-оценочного значения, приходится 68 % (нейтральные глаголы составляют 57 %, связующие — 11 %), а также 5 % приходится на цитаты без вводящего глагола / конструкции (см. табл. 3). Данный показатель можно считать существенным, демонстрирующим последовательное желание автора оставаться в роли беспристрастного посредника при передаче чужой речи. В «мнении» сохраняется некий баланс между глаголами без дополнитель-

CC BY

Таблица 3

Распределение глаголов, вводящих чужую речь, в жанрах «аналитическая статья», «мнение» и «новостное сообщение»

Тип глагола	Аналитическая статья	Мнение	Новостное сообщение
Нейтральный	57 %	51 %	33 %
Иллокутивный	27 %	46 %	55 %
Декларативный	—	3 %	6 %
Связующий	11 %	—	3 %
Отсутствует	5 %	—	3 %

ной эмоциональной нагрузки (51 % составляют нейтральные глаголы и 3 % — декларативные глаголы) и глаголами, задающими оценочную рамку высказыванию (иллокутивные глаголы составляют 46 %); доминирование первых подтверждает мысль о том, что журналист, пишущий текст в жанре «мнение», не нуждается в использовании цитат с целью вуалирования собственной оценки. Особый интерес представляют полученные результаты анализа глаголов, вводящих чужую речь, в новостных сообщениях: наблюдается доминирование иллокутивов, на которые приходится 55 % всех глаголов. Это может быть объяснено несколькими факторами. С одной стороны, использование иллокутивных глаголов, таких как *claim* (заявлять), *suggest* (предлагать), *declare* (провозглашать), etc., свидетельствует о желании автора дистанцироваться от высказывания, подчеркнуть нейтральность своей позиции. Так, в следующем фрагменте для передачи позиции китайских властей автор использует глагол *claim*:

(3) *Tehran is not the only government to have spread disinformation about the pandemic's source. A Chinese official recently* ***claimed*** *that the virus had been brought to Wuhan by the US army* [The Week, 28.03.2020] / Тегеран не единственное государство, которое распространяло дезинформацию относительно источника пандемии. Правительство Китая недавно заявило, что вирус был завезен в Ухань армией США.

Данный глагол в Кембриджском словаре получает дефиницию 'to say that something is true or is a fact, although you cannot prove it and other people might not believe it' [Cambridge Dictionary] (утверждать, что что-то верно или является фактом, хотя ты не можешь доказать это и другие люди могут этому не поверить). Введение цитаты именно этим глаголом-скрепой (термин В. В. Варченко [Варченко, 2007]) указывает на желание автора продемонстрировать дистанцию между автором и субъектом речи (анализ причинно-следственной связи предложений в примере (3) подтверждает несогласие

CC BY

автора с мыслью, что коронавирус был завезен в Китай американскими солдатами). Использование более нейтрального глагола *said* (сказал) (to think or believe [Cambridge Dictionary] / думать или верить) не позволило бы реализовать данный коммуникативно-прагматический замысел.

С другой стороны, иллокутивные глаголы могут выступать в качестве эффективного инструмента интерпретации, что касается прежде всего глаголов, описывающих неречевые действия. В примере (4) косвенную речь вводит глагол *hint* (намекать):

(4) *Lieutenant-General Kainerugaba has* ***hinted*** *on Twitter that he might like to succeed his ageing father at the next election, in 2026* [The Economist, 04.06.22] / Генерал-лейтенант Кайнеругаба намекнул в Твиттере, что он, возможно, захочет сменить своего стареющего отца на следующих выборах в 2026 году.

Глагол *hint*, получивший определение ‘to say or do something that shows what you think or want, usually in a way that is not direct’ [Cambridge Dictionary] (сказать или сделать что-то, что показывает (обычно не прямо), что ты думаешь или хочешь), уже в своей семантике предполагает интерпретацию слов субъекта речи. Поскольку в новостном сообщении не приводится весь пост генерал-лейтенанта Кайнеругаба, для того чтобы читатель мог сделать самостоятельный вывод, содержала ли речь намек на его желание участвовать в выборах или нет, косвенную цитату автор вводит, можем предположить, как инструмент маскировки своего мнения.

Таблица 4

Распределение конструкций, дополняющих глагол, вводящий цитаты в тексты аналитической статьи, мнения и новостного сообщения

Дополнительная конструкция	**Аналитическая статья**	**Мнение**	**Новостное сообщение**
Маркированная	11 %	22 %	14 %
Информативная	65 %	28 %	11 %
Отсутствует	24 %	50 %	75 %

Результаты, полученные на основе анализа аналитической статьи, подтверждают ориентированность жанра на беспристрастное информирование, поскольку лишь 11 % конструкций, дополняющих глагол, вводящий цитату, являются маркированными (табл. 4). В большинстве случаев эта конструкция вводит дополнительную уточняющую информацию (65 %); в 24 % случаев — отсутствует. В «мнении» наблюдаем определенный баланс между маркированными (22 %) и информативными (28 %) конструкциями, что свидетельствует о свободе выражения авторской мысли. Отсутствие кон-

CC BY

струкций, дополняющих глагол в новостных сообщениях, в 75 % случаях объяснимо, с одной стороны, ограниченным объемом такого текста: любые дополнительные конструкции могут привести к информационной избыточности. С другой стороны, данная тенденция может быть результатом того, что жанр стремится к отсутствию эксплицитно маркированных зон. Практически равное процентное соотношение маркированных и информативных структур (14 % и 11 % соответственно) говорит о равнонацеленности автора на информирование и оказание воздействия на реципиента.

Таблица 5

Распределение источников чужой речи в текстах аналитической статьи, мнения и новостного сообщения

Источник цитаты	**Аналитическая статья**	**Мнение**	**Новостное сообщение**
Официальный источник I уровня	30 %	16 %	32 %
Официальный источник II уровня	37 %	—	—
Неофициальный	11 %	22 %	—
Анонимный	—	3 %	3 %
СМИ	—	34 %	3 %
Интернет и социальные сети	3 %	3 %	—
Коллективный	17 %	22 %	59 %
Неопределенно-личный	2 %	—	3 %

Что касается источников цитат, то результаты проведенного исследования показали, что в аналитической статье большая часть цитат снабжена отсылкой к наиболее надежным источникам цитирования (официальный источник I уровня составляет 30 % и официальный источник II уровня — 37 %) (табл. 5). Достаточно высокий процент ссылок на коллективный источник (*experts from the National Grid* [The Independent, 10.08.2021] / эксперты из Единой энергосистемы Великобритании); *the Republican lawmakers* [The New York Times, 01.09.2021] / парламентарии от Республиканской партии; *Supporters of Mr. Biden's decision* [Ibid., 31.08.2021] / сторонники решения Байдена, etc) — 17 % — свидетельствует о том, что авторами аналитической статьи подобные отсылки видятся эффективным инструментом маскировки собственного мнения.

Данные, полученные в результате анализа текстов мнения, отличны. Отметим, что здесь наиболее высокий процент ссылок приходится на СМИ

CC BY

(34 %). Предполагаем, что это связано с более низкой степенью достоверности информации, представленной в текстах-мнениях, поскольку отсылка к другим ресурсам снимает с журналиста ответственность за приведенные данные, при этом источник продолжает оставаться в глазах читателя респектабельным, однако не гарантирует надежность ввиду существования огромного количества СМИ сегодня. Такой подход дает широкие возможности для отбора «выгодных» для автора фрагментов информации. Безусловно, данное предположение нуждается в дальнейшей проверке. Также высокий процент ссылок приходится на неофициальные и коллективные источники информации (по 22 % соответственно), что подтверждает мысль о низкой степени надежности информации, приводимой в «мнениях».

Что касается новостного сообщения, доминирующее большинство ссылок (59 %) — это ссылки к коллективному источнику (такой высокий процент говорит о невозможности объяснить результат нашего исследования математической погрешностью), что требует особого внимания и более глубокой оценки полученных данных. На наш взгляд, возможной причиной может быть нацеленность новостей строго на информирование; автор не ставит целью аргументировать что-то или привести точки зрения, но стремится задать общие векторы развития событий. Кроме того, новостное сообщение в какой-то степени представляет собой очень краткую выдержку всех существующих позиций / мнений по описываемому событию, в связи с этим автор не видит смысла в их конкретизации или объективации при помощи отсылки к конкретному лицу, поэтому частотны именно обобщенные отсылки: *Mr. Castillo's supporters* [The Economist, 11.12.21] / сторонники г-на Кастильо; *American authorities* [Ibid., 11.12.21] / правительство Америки; *a team of specialists* [The Week, 11.12.21] / команда специалистов. 32 % ссылок приходится на официальный источник 1 уровня. Отметим, что здесь также учитывались цитаты, которые сами по себе являлись новостью и служили поводом к написанию новостного сообщения.

Во всех трех жанрах отсылки к неопределенно-личному источнику минимальны (аналитическая статья — 2 %, новостное сообщение — 3 %) или отсутствуют (в «мнении»). В ходе контекстуального анализа было выявлено, что уже на уровне предложения задается коннотация ненадежности данных цитат. Так, в примере (5) в качестве неопределенно-личного источника выступают сплетни, что снижает степень доверия к информации:

(5) *Rumors* ***abound*** *that senior members of the government may have ordered the killing* [The Economist, 18.12.2021] / Много слухов, что высокопоставленные члены правительства, возможно, заказали убийство.

Представляется, что низкая частотность отсылок к неопределенно-личному источнику может быть объяснена тем, что журналист, пишущий

CC BY

в исследуемых жанрах, стремится избегать случаев эксплицитной манипуляции информацией.

4. Заключение = Conclusions

Результаты проведенного исследования продемонстрировали различия в использовании цитации в жанрах аналитической статьи, «мнения» и новостного сообщения. В целом полученные данные соответствуют выработанным на сегодняшний день характеристикам жанров. Так, аналитическая статья как жанр, стремящийся к объективному и беспристрастному отражению действительности [Никонова, 2022, с. 69], тяготеет к прямым цитатам, вводимым нейтральными глаголами; в качестве источника сообщения здесь чаще всего встречаются официальные ресурсы. Жанр «мнение», напротив, является произведением, где позиция (отношение) автора выражена эксплицитно; стилистически текст отличается высокой степенью эмоциональности и экспрессии, в результате цитата как вкрапление чужого текста для данного жанра мало востребована. Полученные данные свидетельствуют об использовании цитации в основном в оценочной и экспрессивной функциях, что подтверждается высоким процентом сегментированных цитат, а также превалированием таких источников информации, как коллективный ресурс и СМИ. Что касается новостного сообщения, то цитирование здесь отвечает таким жанровым требованиям, как сжатый объем (в этой связи превалируют косвенные цитаты, а также наблюдается отсутствие дополнительных конструкций, сопровождающих глагол, вводящий цитату), информационная компрессия и обобщение (в связи с этим доминируют коллективные источники информации). Таким образом, можно сделать вывод о продуктивности цитации как жанродифференцирующего параметра газетных текстов. В рамках дальнейших исследований следует уделить внимание прагмакоммуникативному аспекту цитации, что позволит снизить степень погрешности полученных результатов.

Источники

1. *Cambridge Dictionary* [Electronic Resource]. — Access mode : https://dictionary.cambridge.org/ru/ (accessed 18.02.2022).

2. *The Economist* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.economist.com/ (accessed 13.02.2022).

3. *The Independent* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.independent.co.uk/ (accessed 13.02.2022).

4. *The New York* Times [Electronic resource]. — Access mode : https://www.nytimes.com/ (accessed 13.02.2022).

5. *The Week* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.theweek.co.uk/ (accessed 13.02.2022).

CC BY

Литература

1. *Алещанова И. В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. В. Алещанова. — Волгоград, 2000. — 208 с.

2. *Беляевская Е. Г.* Медийный дискурс : когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) / Е. Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 3. — С. 5—13.

3. *Варченко В. В.* Формы и функции цитатной речи в медиа-тексте : на материале английского языка : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Варченко. — Москва, 2007. — 181 с.

4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — Москва : Либроком, 2020. — 278 с. — ISBN 978-5-397-07255-7.

5. *Зайцева С. Ю.* Цитата как сигнал полемичности текста / С. Ю. Зайцева // Значение и смысл слова. — Москва : МГУ, 1987. — 120 с.

6. *Иванова С. В.* Технология оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 39—49.

7. *Комарова З. И.* Когнитивные функции цитаты в естественно-научном тексте / З. И. Комарова, А. А. Шагеева. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — 249 с. — ISBN 978-5-8295-0028-3.

8. *Никонова Е. А.* Реализация категории эвиденциональности в аналитической статье англоязычной качественной прессы / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 67—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83.

9. *Редакционный* стандарт ТАСС : учебное пособие для студентов вузов / автор-сост. А. В. Лебедев ; отв. Ред. М. Г. Филимонов. — Москва : Аспект Пресс, 2019. — 176 с.

10. *Саблина М. В.* Цитата и цитирование в текстах современных российских газет : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. В. Саблина. — Красноярск, 2011. — 172 с.

11. *Харченко В. К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // РЯШ. — 1976. — № 3. — С. 66—71.

12. *Bednarek M.* Evaluation in media discourse analysis / M. Bednarek. — London : Continuum, 2006. — 271 p.

13. *Biber D.* Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech. — London : Longman, 1999. — 141 p. — ISBN 0-582-23725-4.

14. *Caldas-Coulthard C. R.* On reporting reporting : the representation of speech in factual and factional narratives / C. R. Caldas-Coulthard // Advances in written text analysis. — Routledge, 2002. — Pp. 332—336.

15. *Clayman S. E.* From Talk to Text : newspaper accounts of reporter source interactions / S. E. Clayman // Media, Culture & Society. — 1990. — № 12. — Pp. 79—103.

16. *Fakazis E.* Janet Malcolm Constructing Boundaries of Journalism / E. Fakazis // Journalism. — 2006. — № 7 (1). — P. 524.

17. *Hunston S.* Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse / S. Hunston, G. Thompson. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 238 p.

18. *Katajamaki H.* An editorial and its intertextual links : case study of a finnish business newspaper / H. Katajamaki // LSP and Multilingualism at the University of Vaasa. — 2009. — № 36. — Pp. 204—215.

19. *Martin J. R.* The language of evaluation. Appraisal in English / J. R. Martin, P. R. R. White // Palgrave Macmillan, 2005. — 291 p.

20. *Pan F. L.* Direct quotes in Spanish newspapers : Literality according to stylebooks, journalism textbooks and linguistic research / F. L. Pan // Journalism Practice. — 2010. — № 4(2). — Pp. 192—207.

21. *Pounds G.* Attitude and subjectivity in Italian and British hard-news reporting : The construction of a culture-specific 'reporter' voice / G. Pounds // Discourse Studies. — 2010. — № 12 (1). — Pp. 106—137.

22. *Sanders J.* Intertwined voices : Journalists' modes of representing source information in journalistic subgenres / J. Sanders // English Text Construction. — 2010. — № 3(2). — Pp. 226—249.

23. *Sclafani J.* The intertextual origins of public opinion : Constructing Ebonics in the New York Times / J. Sclafani // Discourse & Society. — 2008. — № 19 (4). — Pp. 507—527.

24. *Smirnova A. V.* Reported speech as an element of argumentative newspaper discourse / A. V. Smirnova // Discourse & Communication. — 2009. — № 3 (1). — Pp. 79—103.

25. *Van Dijk T. A.* News as Discourse / T. A. van Dijk. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1988. — 210 p.

Material resources

Cambridge Dictionary. Available at: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (accessed 18.02.2022).

The Economist. Available at: https://www.economist.com/ (accessed 13.02.2022).

The Independent. Available at: https://www.independent.co.uk/ (accessed 13.02.2022).

The New York Times. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 13.02.2022).

The Week. Available at: https://www.theweek.co.uk/ (accessed 13.02.2022).

References

Aleshchanova, I. V. (2000). *Citation in a newspaper text (based on the material of modern English and Russian press).* PhD Diss. Volgograd. 208 p. (In Russ.).

Bednarek, M. (2006). *Evaluation in media discourse analysis.* London: Continuum. 271 p.

Belyaevskaya, E. G. (2015). Media discourse: cognitive models of event interpretation (based on the material of the English language). *Questions of cognitive linguistics, 3:* 5—13. (In Russ.).

Biber, D., Johansson, S., Leech, G. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English.* London: Longman. 141 p. ISBN 0-582-23725-4.

Caldas-Coulthard, C. R. (2002). On reporting reporting: the representation of speech in factual and factional narratives. In: *Advances in written text analysis.* Routledge. 332—336.

Clayman, S. E. (1990). From Talk to Text: newspaper accounts of reporter source interactions. *Media, Culture & Society, 12:* 79—103.

Fakazis, E. (2006). Janet Malcolm Constructing Boundaries of Journalism. *Journalism, 7 (1):* P. 524.

Filimonov, M. G. (ed.). (2019). *Editorial standard of TASS: textbook for university students.* Moscow: Aspect Press. 176 p. (In Russ.).

Hunston, S., Thompson, G. (2000). *Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse.* Oxford: Oxford University Press. 238 p.

Ivanova, S. V., Chanysheva, Z. Z. (2014). Technology of the design of rumors in the political discourse of the mass media. *Political linguistics, 2 (48):* 39—49. (In Russ.).

Katajamaki, H. (2009). An editorial and its intertextual links: case study of a finnish business newspaper. *LSP and Multilingualism at the University of Vaasa, 36:* 204—215.

Kharchenko, V. K. (1976). Differentiation of evaluativeness, imagery, expression and emotionality in the semantics of the word. *RYASH, 3:* 66—71. (In Russ.).

Komarova, Z. I., Shageeva, A. A. (2009). *Cognitive functions of quotations in a natural-scientific text.* Yekaterinburg: USTU-UPI. 249 p. ISBN 978-5-8295-0028-3. (In Russ.).

Martin, J. R., White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation. Appraisal in English.* Palgrave Macmillan. 291 p.

Nikonova, E. A. (2022). Implementation of Category of Evidentiality in Analytical Article of English-Language Quality Press. *Nauchnyi dialog, 11 (1):* 67—83. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83. (In Russ.).

Pan, F. L. (2010). Direct quotes in Spanish newspapers: Literality according to stylebooks, journalism textbooks and linguistic research. *Journalism Practice, 4 (2):* 192—207.

Pounds, G. (2010). Attitude and subjectivity in Italian and British hard-news reporting: The construction of a culture-specific 'reporter' voice. *Discourse Studies, 12 (1):* 106—137.

Sablina, M. V. (2011). *Quotation and citation in the texts of modern Russian newspapers.* PhD Diss. Krasnoyarsk. 172 p. (In Russ.).

Sanders, J. (2010). Intertwined voices: Journalists' modes of representing source information in journalistic subgenres. *English Text Construction, 3 (2):* 226—249.

Sclafani, J. (2008). The intertextual origins of public opinion: Constructing Ebonics in the New York Times. *Discourse & Society, 19 (4):* 507—527.

Smirnova, A. V. (2009). Reported speech as an element of argumentative newspaper discourse. *Discourse & Communication, 3 (1):* 79—103.

Van Dijk, T. A. (1988). *News as Discourse.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 210 p.

Varchenko, V. V. (2007). *Forms and functions of quotation speech in the media text: based on the material of the English language.* PhD Diss. Moscow. 181 p. (In Russ.).

Wolf, E. M. (2020). *Functional semantics of evaluation.* Moscow: Librocom. 278 p. ISBN 978-5-397-07255-7. (In Russ.).

Zaitseva, S. Yu. (1987). Quote as a signal of polemic of the text. In: *Meaning and meaning of the word.* Moscow: Moscow State University. 120 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.04.2022,
одобрена после рецензирования 27.05.2022,
подготовлена к публикации 12.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Александр Анатольевич Житенев, д-р филол. наук (Воронеж)
Анна Евгеньевна Качоровская, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Екатерина Сергеевна Стрельникова, аспирант (Воронеж)
Елена Александровна Ивашевская, старший преподаватель (Коломна)
Лариса Сергеевна Кислова, канд. филол. наук (Тюмень)
Марина Анатольевна Дубова, д-р филол. наук (Коломна)
Надежда Альбертовна Ларина, д-р филол. наук (Москва)
Татьяна Николаевна Рацен, канд. филол. наук (Тюмень)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дубова М. А. Мотив «освобожденной души» как миромоделирующая универсалия в лирике С. Парнок / М. А. Дубова, Е. А. Ивашевская, Н. А. Ларина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 263—278. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-263-278.

Dubova, M. A., Ivashevskaya, E. A., Larina, N. A. (2022). Motive of "Liberated Soul" as a World-Modeling Universal in Lyrics of S. Parnok. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 263-278. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-263-278. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-263-278

Мотив «освобожденной души» как миромоделирующая универсалия в лирике С. Парнок

Дубова Марина Анатольевна [1]
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Ивашевская Елена Александровна [1]
orcid.org/0000-0003-0469-2692
старший преподаватель,
кафедра русского языка и литературы
florizelena@mail.ru

Ларина Надежда Альбертовна [2]
orcid.org/0000-0002-1965-8705
доктор филологических наук, профессор,
кафедра теории и практики
периодической печати
larina-n-a@mail.ru

[1] Государственный
социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

[2] Институт международного права
и экономики имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

Motive of "Liberated Soul" as a World-Modeling Universal in Lyrics of S. Parnok

Marina A. Dubova [1]
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian and Literature
dubovama@rambler.ru

Elena A. Ivashevskaya [1]
orcid.org/0000-0003-0469-2692
Senior Lecturer, Department
of Russian and Literature
florizelena@mail.ru

Nadezhda A. Larina [2]
orcid.org/0000-0002-1965-8705
Doctor of Philology, Professor,
Department of Theory
and Practice of Periodical Press
larina-n-a@mail.ru

[1] State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

[2] A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

© Дубова М. А., Ивашевская Е. А., Ларина Н. А., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу мотивно-образной парадигмы лирики поэтессы Серебряного века С. Парнок. В центре внимания находятся способы стилевой репрезентации миромоделирующих универсалий поэтического мира С. Парнок, важное место среди которых принадлежит мотиву «освобожденной души». Отмечается, что он является точкой отсчета в построении авторской картины мира, в центре которой пролегает путь лирической героини к своей душе: её постижению, принятию её противоречий и воплощению в творческом акте. Новизна исследования состоит в анализе лирики С. Парнок как целостного композиционно-стилевого единства, структурируемого поэтическими лейтмотивами. Актуальность статьи обусловлена обращением к проблемному полю исследований поэтического стиля. Авторами предпринята попытка углубления и расширения научных представлений о стилевом феномене женской поэзии Серебряного века на основе анализа лирики С. Парнок. В выводах исследования обоснована семантическая нагрузка и функциональная роль мотива «освобожденной души» в структурировании авторской поэтической картины мира. Показано, что ведущими приемами ее репрезентации являются метафоризация, эпитеты, в том числе синестетические, антитеза, оксюморон, на уровне синтаксической организации — градация, прием анжамбемана.

Ключевые слова:
миромоделирующая универсалия; картина мира; мотивно-образная парадигма; душа; лексическая репрезентация; стиль; лирика; С. Парнок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the motif-figurative paradigm of the Silver Age poetess S. Parnok's lyrics. The author's attention is focused on the ways of stylistic representation of the world-modeling universals of the poetic world of S. Parnok, an important place among which belongs to the motive of the "liberated soul". It is a starting point in the construction of the author's picture of the world, in the center of which the path of the lyrical heroine to her soul underlies: its comprehension, acceptance of its contradictions and embodiment in a creative act. The novelty of the study is in the analysis of S. Parnok's lyrics as an integral compositional and stylistic unity, structured by poetic leitmotifs. The relevance of the article is due to the appeal to the problematic field of research on poetic style. The authors made an attempt to deepen and expand scientific ideas about the stylistic phenomenon of women's poetry of the Silver Age based on the analysis of S. Parnok's lyrics. The conclusions of the study substantiate the semantic load and the functional role of the "liberated soul" motif in structuring the author's poetic picture of the world. It is shown that the leading methods of its representation are metaphorization, epithets, including synesthetic ones, antithesis, oxymoron, at the level of syntactic organization — gradation, enjambment technique.

Key words:
world-modeling universals; picture of the world; motive-figurative paradigm; soul; lexical representation; style; lyrics; S. Parnok.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Парнок.07

Мотив «освобожденной души» как миромоделирующая универсалия в лирике С. Парнок

© Дубова М. А., Ивашевская Е. А., Ларина Н. А., 2022

1. Введение = Introduction

София Парнок (1885—1933) — яркая и самобытная представительница женской поэзии Серебряного века, литературный критик, переводчик, творчество которой в силу малой степени изученности представляет широкие возможности для научных исследований. Оригинальность её поэтической манеры, «непохожесть» на других отмечали уже современники поэтессы. В частности, В. Ф. Ходасевич писал: она «далека от какой бы то ни было подражательности ..., а её стихи ... имели как бы особый, свой, почерк» [Ходасевич, 1933, с. 3]. В свою очередь, М. Волошин поэтическую манеру С. Парнок охарактеризовал «как бы глубоко сознательный, успокоенный в себе и неожиданно переходящий от шепота до крика страсти голос, о котором хочется сказать словами Т. Готье: “Мне нравится это сияние” ...» [Волошин, 2008, с. 762]. Высокую оценку лирике С. Парнок дала и М. Цветаева, назвав поэтессу в одном из адресованных ей стихотворений «незнакомкой с челом Бетховена» («Ты проходишь своей дорогою …» [Цветаева, 1990, с. 27]). Обычно сдержанная на похвалы А. Ахматова в 1936 году, правда, уже после смерти поэтессы, отметила: «Как мы богаты ..., если у нас есть такие стихи» [Парнок, 1998, с. 23]. «Это чудо, неистовство, темперамент. Это на грани гениального. Какие-то особые стихи, точно Родэн их из мрамора высек», — с восхищением писала о «веденеевских циклах» С. Парнок Ф. Г. Раневская [Там же].

Однако так случилось, что на фоне ярких и талантливых современниц (А. Ахматовой, З. Гиппиус, М. Цветаевой), с именами которых традиционно связывается женская поэзия Серебряного века, ушло в тень творчество поэтесс так называемого «второго плана», чья лирика долгое время оставалась в стороне от пристального внимания исследователей. Однако без этих имен: М. Лохвицкая, Е. Гуро, П. Соловьева, С. Парнок, Т. Щепкина-Куперник, М. Шагинян, Е. Дмитриева (Черубина де Габриак), Н. Тэффи, Н. Львова и др. — невозможно представить феномен женской поэзии Серебряного века во всем присущем ему многообразии и «неслиянной слитности».

Наш научно-исследовательский интерес связан с лирикой С. Парнок как самобытным композиционно-стилевым единством, вписанным в историко-культурный контекст эпохи рубежа XIX—XX веков и литературный

CC BY

процесс Серебряного века, с одной стороны, что, в свою очередь, предопределило возникновение доминантных в её поэтическом творчестве образов и мотивов, сложное объединение которых, с другой стороны, структурирует авторскую картину мира, репрезентируемую в стилевой плоскости оригинальной поэтической манерой. Актуальность статьи определяется тем, что «степень изученности проблем, которые связаны с оформлением индивидуального авторского стиля, стилевым воплощением … тем, мотивов и образов, характеризующих конкретную литературную эпоху, явно недостаточна» [Дубова и др., 2020, с. 268], чем и продиктовано обращение к проблемам формирования поэтического стиля С. Парнок.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При жизни С. Парнок было опубликовано пять её поэтических сборников: «Стихотворения» (1916), «Розы Пиерии» (1922), «Лоза» (1923), «Музыка» (1926), «Вполголоса» (1928). Так называемые «веденеевские циклы» («Большая Медведица» и «Ненужное добро», 1932—1933) были обнаружены только в 1974 году С. В. Поляковой [Полякова, 1983], первым биографом поэтессы. Долгие годы имени С. Парнок, оказавшемуся тесно связанным с цветаевским циклом «Подруга», суждено было находиться в тени М. Цветаевой [Гаспаров, 2001].

Библиография работ, посвященных С. Парнок, на сегодняшний день чрезвычайно мала, причем значительная их часть посвящена различным аспектам творческой биографии поэтессы. Так, биография С. Парнок находится в центре внимания Т. Л. Никольской [Никольская, 1999]; исследования В. Купченко посвящены крымскому периоду жизни поэтессы, в частности, её взаимоотношениям с М. Волошиным [Купченко, 1992]; через призму дружбы с А. Герцык и М. Цветаевой рассматривается образ С. Парнок в статье Т. Н. Жуковской [Жуковская, 1999]; в исследованиях Е. Б. Коркиной [Коркина, 1981] и К. Худабашьяна [Худабашьян, 1973] раскрыта история создания оперы А. Спендиарова «Алмаст» и работа С. Парнок в качестве либреттиста. Статья М. Ратгауза освещает взгляды С. Парнок на процесс творчества, изложенные в её критике, в частности, в статье о поэзии Б. Пастернака [Ратгауз, 1990]. В диссертации Е. А. Романовой «Литературная критика С. Я. Парнок в контексте ее творчества» исследуется корпус литературно-критических работ С. Парнок как одна из сторон её творческого наследия, отражающая основные этапы духовного роста и внутреннего становления автора [Романова, 2002]. В «Опыте творческой биографии Софии Парнок» Е. А. Романова заполняет существовавшие в биографии поэтессы лакуны, а также предпринимает попытку, «рассмотрев в единстве проблематику творческой идеологии, поэтики и

CC BY

авторской идентичности, выявить мифопоэтический стержень личности и судьбы, проследить на фоне широкого биографического контекста основные этапы духовного роста и творческого становления Парнок» [Романова, 2005, с. 8]. Цель диссертации Т. С. Карпачевой — рассмотреть творческую эволюцию С. Парнок, введя в научный обиход ранее неизвестные факты и материалы ее творческого и жизненного пути [Карпачева, 2003].

С. Парнок принадлежит к поэтам, продолжавшим классическую традицию, опиравшуюся на лирику А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета. Она не разделяла взглядов ни одного из литературных направлений эпохи Серебряного века, как принято говорить, писала «вне школ», скептически относясь к символизму и акмеизму и резко отрицательно — к футуризму. Даже если условно выделять ахматовскую и цветаевскую линии в женской лирике рубежа XIX—XX веков, то и здесь С. Парнок шла своим путем, не подражая поэтической манере ни одной из них. При этом близкими себе по духу она называла Сафо (преимущественно в период создания трех первых стихотворных сборников), а также К. Павлову, творческое родство с которой поэтесса отмечала на протяжении всей жизни.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Поэтическое творчество С. Парнок как способ репрезентации душевных переживаний автора

Центральное место в мотивно-образной парадигме авторской картины мира занимает образ души, ключевой в мировоззрении С. Парнок, в её размышлениях о человеческой судьбе и творчестве. И в лирике, и в критических статьях поэтесса упорно и последовательно в продолжение всей жизни осмысливала поэтическое творчество как способ репрезентации душевных переживаний автора, что актуализировало проблему формирования индивидуального поэтического стиля:

Я не девять месяцев —
Сорок лет носила,
Сорок лет вынашивала,
Сорок лет выпрашивала,
Вымолила, выпросила,
Выносила
Душу («Песня») [Парнок, 2010, с. 173].

Строфически и композиционно выделенная в этом стихотворении лексема *душа* является ключевой в размышлениях поэтессы о сути творчества, а мотив освобожденной души — одним из доминантных в лирике С. Парнок, в художественном мире которой *душа* и *творчество* синонимичны. Это первый семантический план раскрытия обозначенного лейтмотива.

CC BY

«Родиной души» называла поэтесса Судак. Годы, проведенные в нем (с 1917 по 1921), она считала временем духовного и творческого формирования. Воспоминания об этом времени нашли своё отражение как в одном из ранних сборников — «Лоза» («Там родина моя, где восходил мой дух …» и др. [Парнок, 1998, с. 99]), так и в более позднем сборнике — «Вполголоса» («Так призрачно и ясно так …»):

И родину моей души [Судак]

Приветствую сердцебиеньем ... [Парнок, 2010, с. 165].

Душа в творчестве поэтессы последовательно проходит три стадии: рождение, плен, освобождение, — каждая из которых получает осмысление в стихотворных сборниках С. Парнок, что и будет нами продемонстрировано ниже.

На протяжении всего творческого пути в лирике поэтессы прослеживается ассоциативная связь мотивов рождения души и рождения стиха, реализующаяся, как правило, в их отождествлении, вышедшая за пределы лирики и получившая осмысление в статьях С. Парнок, где «содержание» произведения рассматривается как важнейший критерий оценки духовного «содержания» его создателя и отмечается влияние «стиля» личности на «стиль» письма [Полянин, 1914, с. 182]. В рамках сформулированного принципа, ставшего определяющим в творческом мировоззрении С. Парнок, поэтесса акцентировала внимание на выборе поэтического слова, которое сумеет воплотить душу поэта. Так в письме к В. Волькенштейну от 14 мая 1906 года С. Парнок замечала: «Слова представляются мне чем-то опасно-ценным, и мне иногда вдруг начинает казаться, что говорить их, не ища, то есть предварительно не испытав все беспокойства искания их, грешно» [Парнок 1998, с. 12]. Обозначенная стилевая особенность требует от исследователей поэтического творчества С. Парнок пристального внимания к лексическим средствам репрезентации центральных образов и мотивов, особенно если объективирующие их лексемы, повторяясь в разнообразных контекстах, тем самым расширяя семантическое поле, становясь своего рода архетипическими константами художественного мира поэта, образуют мотивы, которые, по определению В. Е. Хализева, как компоненты произведения обладают «повышенной значимостью и семантической насыщенностью» [Хализев, 2002, с. 301]. Именно в этой плоскости и следует рассматривать миромоделирующую универсалию «душа»:

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня ... [Парнок, 2010, с. 8].

В статье «Ходасевич» [Парнок, 1994, с. 5], комментируя приведенные строки, С. Парнок пишет: «Душа — это тайное светило, её дыхани-

CC BY

ем — “ропотом огня” побеждено “горькое предсмертье”, “тусклая истома тела … душа выстрадала себя” …» [Там же, с. 8].

3.2. Семантическая бинарная оппозиция «плен — освобождение» и способы её стилевой репрезентации

В контексте сказанного отметим, что рождению души в лирике С. Парнок созвучно её освобождение при помощи творческого акта (поэзии или музыки). Особую семантическую ёмкость осмысление этого мотива получает в музыкальных образах лирики С. Парнок, реализующих одну из стилевых доминант эпохи Серебряного века — синкретизм слова и музыки. В первую очередь это касается стихотворений сборника «Музыка»: стоит дирижеру взмахнуть палочкой, как души музыкальных инструментов обретают свободу от своей плоти — происходит рождение музыки:

И тотчас за струнной решеткой,
На зов чародейный спеша,
Взметнулась, рванулась, забилась
Плененная в скрипке душа … («Дирижер» отрывок из поэмы) [Парнок, 2010, с. 127].

Здесь мотив плененной души вербализуется глагольными лексемами *взметнулась, рванулась, забилась* со значением активного действия, создающими градационный ряд, передающий настойчивое стремление вырваться из оков решетки.

Возникающая в стихотворении семантическая бинарная оппозиция «плен — освобождение» реализуется на лексическом уровне противопоставлением эпитета *тесный* и метафоры «душа — птица». Освобождение души сопричастно мотиву полета, «крылатости» как пути к свободе, который, как правило, реализуется в произведениях С. Парнок, раскрывающих тему творчества. «В полёт отправляет свои стихи лирическая героиня стихотворения “И вправду, угадать хитро …”, однако это полёт не ввысь, а “в стол” (1931 год):

… в стол, в заветный ящик —
Лети, мой стих, животворящий …

И в этой невозможности желанного полета угадывается трагическое противоречие реального и идеального» [Дубова и др., 2020, с. 269].

Отметим, что со временем стилистические приёмы репрезентации этих мотивов в лирике С. Парнок усложняются, хотя их содержательная плоскость остаётся прежней: именно в творчестве находит освобождение душа.

Так, в сборнике «Музыка» мотив плена объективируется метафорой «обморок души», которая реализует новый для С. Парнок взгляд на современный ей страшный мир (революция, гражданская война опосредованно входят в лирику поэтессы, как она ни старается абстрагироваться от них):

CC BY

Здесь неба нет, над этой крышей.
Сквозь страшный обморок души
Я даже музыки не слышу («Я ль не молилась, — отчего ж …») [Парнок, 2010, с. 144].

В стихотворениях сборника «Музыка» внутреннее состояние лирической героини, определяющими характеристиками которого являются угнетенность и духовная усталость, репрезентируется на лингвистическом уровне обилием отрицаний, замкнутостью создаваемого пространства, объективируемого не только контекстуальными антонимами *небо — крыша* (полисемичность образа неба реализуется в совмещении безграничного пространства и духовной свободы), но и метафорой «обморок души». Её происхождение отсылает нас к письмам С. Парнок, адресованным Е. Герцык, в одном из которых поэтесса замечает: «Душевное же состояние не могу лучше определить, как тютчевской строкой “Пройдет ли обморок духовный”. Мне кажется, что он никогда не пройдет. Я ничего не вижу, не слышу (даже музыка не доходит до меня) — со дня твоего отъезда не написала ни одной строчки стихов» [Парнок, 1994, с. 14].

Художественная оппозиция «плен — освобождение (души)» продолжает осмысливаться поэтессой и в следующем стихотворном сборнике «Вполголоса»:

Как в тесном платье, душно в плоти, —
И вдруг, прохладою дыша,
Мне кто-то шепчет: «Сбрось лохмотья,
Освобожденная душа!» («Вокруг — ночной пустыней — сцена …» [Парнок, 2010, с. 161]).

Здесь в её реализации важная роль принадлежит приёму антитезы, благодаря которому структурируется ряд частных оппозиций, как бы нанизывающихся друг на друга: «плоть» и «душа», «теснота» и «духота» — с одной стороны, «дыхание» и «свобода» — с другой. Образность антитезы актуализируется парной рифмовкой: *плоти — лохмотья, дыша — душа*. Риторическое восклицание с доминантным образом освобожденной души содержится в финале стихотворения. К нему подводят три предыдущие строфы, воссоздающие образ страшного мира, в плену которого находится не только лирическая героиня, но и её душа. «В подобном ключе сочетаются в лирике С. Парнок образы души и плоти, употребляемые автором в одном контексте, например, в стихотворении 1926 года “А под навесом лошадь фыркает …”:

... И как слепец за поводыркою
Вновь за душою плоть идет.

Обратим внимание на ведущую роль в этих строках именно образа души, как и во всем сборнике “Вполголоса”: к освобождению души

CC BY

стремится лирическая героиня (“… Сбрось лохмотья, / Освобожденная душа!”); близкую душу ищет она в этом мире (“Я не с ломом, я со словом / Вышла по душу твою”) …» [Ивашевская и др., 2021, с. 435—436].

3.3. Экстралингвистические и стилистические основы метафоры «обморок души»

Страдая от осознания несвоевременности и чуждости сегодняшнему дню, С. Парнок, не изменяя себе и не подстраиваясь под требования времени, продолжала верить в безграничную силу слова: «Признание за душой права на существование, конечно, дороже мне всякого литературного признания … Я счастлива тем, что есть вечный, вневременный язык, на котором во все времена можно объясняться с людьми, и что я иногда нахожу такие, для всех понятные, слова» [Парнок, 1994, с. 24].

Насколько страшным было для поэтессы время безмолвия, когда не было душевных сил писать стихи, не было возможности их публиковать, а саму себя С. Парнок ощущала говорящей «невпопад». Остро ощущаемая в эти годы духовная пустота и легла в основу семантически значимой в раскрытии мотива освобожденной души метафоры «обморок души». Показательно в этом смысле стихотворение «В форточку» (1928), не опубликованное при жизни поэтессы. Оно выделяется уже тем, что, вопреки сложившейся у С. Парнок традиции номинировать свои стихотворения по первой строке, имеет заглавие. Сам способ его грамматического выражения — эллиптическая конструкция, структурируемая предложно-падежной формой существительного В. п. в функции обстоятельства, — подразумевает направленное движение, которого как такового нет. Стилистический эффект эллиптированной конструкции связан с передачей энергичности, стремительности, а значит, интенсивности действия (причем интенсивность увеличивается за счет восклицания в последующем стихе):

Коленями — на жесткий подоконник,
И в форточку — раскрытый, рыбий рот!
Вздохнуть ... вздохнуть ... [Парнок, 2010, с. 249].

Образ форточки репрезентирует мотив плена души (ограниченность пространства, невозможность найти выход).

Точно и лаконично передано душевное состояние лирической героини. Первая в стихотворении глагольная лексема реализует мотив освобождения, акцентируемый лексическим повтором, сопровождаемым многоточием. Повторы создают и соответствующий ритм, точнее, аритмию дыхания, когда попросту не хватает воздуха. Обилие многоточий в этом стихотворении — приём воспроизведения задыхающейся речи, в передаче которой участвуют и многочисленные анжамбеманы. Ощущение аритмии поддерживается на лексическом уровне эпитетом *рыбий* (*рот*), на ритмическом — цезурой то

CC BY

после второй, то после первой стопы, на грамматическом — отсутствием глагольных лексем в двух первых строках. Невозможность лирической героини достичь духовной свободы репрезентируется прежде всего антиномичностью и оксюморонностью образов, пронизывающих текст.

Стихотворение изобилует отрицательными местоимениями, местоименными наречиями и частицами, грамматически оформляющими мотив плена души, оказавшейся в духоте, характеризуемой эпитетом *проклятая*. Воздух же, которым вынуждена дышать лирическая героиня, состояние которой передается через сопоставление внешних и внутренних ощущений, назван *ядовитой жижей*:

Как в бане испаренья грязных тел,
Над миром испаренья темных мыслей ... [Там же].

Именно таков мир, в котором *«… даже настежь распахнув окно, / Дышать душе отчаявшейся — нечем!..»* [Там же]. Рассмотрим подробнее две эти стихотворные строки: ключевое отрицательное местоимение выделено при помощи пунктуационных знаков графически и интонационно, аллитерации на [ш] создают ощущение тяжелого дыхания, а рифма (*дышать — душе*) позволяет говорить о синонимии мотивов дыхания и освобождения души, которой в авторской картине мира суждено пройти долгий и тернистый путь от рождения через плен до освобождения, что реализуется на лексическом уровне рядом эпитетов от *отчаявшейся* и *плененной* к *освобожденной*, получившей крылья, которая *рвалась, билась, металась* и наконец освободилась, а лирическая героиня за сорок лет *вымолила* и *выпросила* её свободу.

3.4. Духовное родство как семантический аспект раскрытия мотива освобожденной души

Однако анализ мотива освобожденной души нам представляется неполным, если не рассмотреть еще один семантический аспект его раскрытия, преломившийся в идее духовного родства, способного поддержать в трудную минуту и спасти от отчаяния. Несмотря на стойкое неприятие современных поэтессе модернистских школ, переклички с голосами современников в поэтическом творчестве С. Парнок, конечно, присутствуют, однако они обусловлены, скорее, мировоззренческой близостью позиций и общностью конкретно-исторического контекста.

Так, близким по духу «братом» на протяжении всей своей жизни С. Парнок считала В. Ф. Ходасевича: не случайно в посвященной ему статье творчество поэта рассматривается в сопоставлении с художественным миром самой С. Парнок. Вообще, заметим, что в ранних стихотворениях, не вошедших в опубликованные при жизни поэтессы сборники, С. Парнок было свойственно довольно частое обращение к поэтам-современникам, которых она, как правило, называла «братьями» (видимо, имея в виду

CC BY

братство по перу), как, например, в стихотворении 1915 года, посвященном В. Ф. Ходасевичу:

Пахнет по саду розой чайной,
Говорю — никому, так, в закат:
«У меня есть на свете тайный,
Родства не познавший брат …» … [Парнок, 2010, с. 201].

Образ розы здесь становится символом духовной связи между людьми. Это же значение он будет реализовывать и в других стихотворениях С. Парнок, в которых развивается мотив духовного родства. Пессимистичное звучание стихотворению придают эпитеты «тайный», «родства не познавший», характеризующие образ «брата», а также слово, сказанное поначалу «никому, так, в закат», без надежды на диалог, хотя в финале произведения обращение персонифицирует адресата:

Владислав Ходасевич! Вот вам
На счастье моя рука [Там же, с. 201].

Мотив духовного родства находит своё отражение и в «Акростихе» 1916 года, посвященном Константину Липскерову, ещё одному современнику С. Парнок, которого поэтесса называет «мой брат по лире и судьбе» [Там же, с. 203].

С течением времени мотив духовного родства, продолжая развиваться в лирике С. Парнок, реализуется в диалоге уже не с современниками, а с предшественниками. В стихотворениях сборника «Розы Пиерии» «сестрой» по духу С. Парнок называет Сафо, обращение к которой связано не просто с увлечением, а с приобщением к миру творчества древнегреческой поэтессы, произошедшим в Крыму. Киммерийская земля стала одним из источников, питавших творческий дух Парнок: очарованная Сафо, она погружается в тот древний мир, чтобы в нем отыскать и саму себя, и вдохновение, и страсть:

Цвет вдохновения! Розы Пиерии!
Сафо, сестра моя!.. [Там же, с. 83].

Мотив родства душ раскрывается здесь в первую очередь через ключевой образ розы, как и в стихотворении, посвященном В. Ходасевичу, однако вновь подчеркнем, что с течением времени не в настоящем, а в прошлом находит С. Парнок источники вдохновения и духовные силы.

Особенно значимым мотив духовного родства становится в стихотворениях, посвященных теме одиночества и вынужденного молчания поэта, раскрываемой в сборнике «Музыка». В частности, в стихотворении «Отрывок» 1925 года С. Парнок называет свой голос «скорбным», «никому не милым», однако в финале с надеждой на то, что когда-нибудь будет по-настоящему услышана, вспоминает имя Каролины Павловой:

CC BY

Но, современницей прожив бесправной,
Нам Павлова прабабкой стала славной [Там же, с. 151].

Так, нить духовного родства, основанного на общности судеб, протягивает она в прошлый век, а затем в стихотворении 1931 года, не опубликованном при жизни поэтессы, и в век грядущий:

Для них-то, для этих правнуков —
Для тех, с кем не встречусь я,
Вот эта моя бесправная,
Бесприютная песня моя («Бог весть, из чего вы сотканы …») [Там же, с. 263].

Таким образом, эволюция мотива духовного родства парадоксальным образом отражает становящееся со временем все более явным и страшным ощущение поэтессой собственного одиночества, обусловленного в первую очередь невозможностью печататься, а иногда и писать, а значит, реализовать основную миссию поэта, ведь творчество для С. Парнок — это выражение внутренних, сокровенных переживаний и, как следствие, — единение с миром.

Так, в статье «Ходасевич» она называет лиру поэта «масонским знаком братства высшего духовного подвига» [Парнок, 1994, с. 10], а своё поколение — «последними в роде», теми, с кем «отмирает … пушкинский период» поэзии. Произошедшая эволюция является следствием изменений в мироощущении поэтессы. Если в 1910-е годы С. Парнок ещё ощущает себя частью некого поэтического братства с современниками, то в 1920-е годы опору она всё чаще находит в прошлом, что, безусловно, является реакцией на страшные исторические события, свидетелем которых становится поэтесса, а к 1930-м годам её, остро ощущающую собственную несвоевременность и ненужность, окутывает мрак безмолвия, преодолеть который представляется возможным, лишь опираясь на веру в духовное родство и пророческое слово поэта.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги исследования мотивно-образной парадигмы поэтического мира С. Парнок, отметим, что центральным в лирике поэтессы является мотив освобожденной души, структурирующий в тесной взаимосвязи с другими доминантными мотивами (творчества, одиночества, музыки, огня и полета) авторскую картину мира.

Лейтмотивы последовательно реализуются в контексте всего поэтического наследия С. Парнок, начиная с первого сборника «Стихотворения» (1916 год) и заканчивая «веденеевскими» циклами, время написания которых относится к 1931—1933 годам. Безусловно, с течением времени эти мотивы эволюционируют как с содержательной точки зрения, так и в фор-

CC BY

мате их стилевой репрезентации, в чем, безусловно, находят своё отражение изменения в жизни и, как следствие — в мировоззрении поэтессы.

Центральный образ авторской картины мира С. Парнок — душа, к постижению которой пролегает путь лирической героини. Причем движение по этому пути возможно в обе стороны: лирическая героиня то идет вперед, то, лишаясь духовных сил, останавливается, а порой и вовсе «возвращается» назад. Движущие силы этого пути — любовь и творчество, в последнем находит выражение душа. Одновременность двух противоположно направленных плоскостей движения основана также на том, что взгляд лирической героини устремлен то внутрь себя, в собственную душу, то вовне, но все равно сквозь призму собственной душевных переживаний. Здесь нет взгляда «со стороны», и в силу этого система координат, положенная в основу авторской картины мира, не получается классически стройной. Создающие эту систему точки расположены на прямых, устремленных к образу души и в ней же пересекающихся. Эти прямые, проходящие через антонимичные точки, могли быть параллельными, однако в мире С. Парнок противоположные понятия оказываются контекстуально синонимичными, и расстояние между ними сокращается по мере приближения к центрообразующей точке «душа». Душа выступает основным мерилом всех ценностных категорий авторской картины мира. Именно по принципу близости к ней распределяются другие доминантные образы лирики С. Парнок: огня, тишины, красоты и т. д., — многие из которых формируют бинарные оппозиции: свет — тьма, ад — рай, дух — плоть и т. п.

Антиномичность — ключевая черта души лирической героини, атрибутивными характеристиками которой являются неоднозначность, двойственность, даже полярность, репрезентирующие мучившие С. Парнок на протяжении почти всей жизни сомнения, в том числе в своем предназначении и силе своего поэтического слова.

Индивидуальность поэтической манеры С. Парнок определяет взаимодействие двух противоположных по своей сути стилевых тенденций на уровне, в частности, лексической организации текста. С одной стороны, поэтесса стремится к выбору наиболее точного в своём лексическом значении, семантически ёмкого слова, что находит отражение в употреблении градационных рядов. С другой — реализуя идею иносказательности, поэтесса прибегает к метафоре, причем для создания того или иного образа или мотива может использоваться одна и та же метафора, становящаяся «сквозной», в различных поэтических контекстах приобретающая символическое значение. Метафоризация, без сомнения, центральный стилевой прием, репрезентирующий в лирике С. Парнок два доминирующих поэтических мотива — души и творчества. Статистический и лингвостилисти-

CC BY

ческий анализ стихотворных сборников поэтессы позволил выделить наиболее частотные метафоры, к числу которых относятся «обморок души», «полет души» и «душа — птица».

С. Парнок всегда была убеждена в особой силе слова, особенно слова поэтического, однако так складывались обстоятельства её жизни, что она теряла возможность говорить со своим читателем, поэтому в стихотворениях, реализующих мотив духовного родства, взгляд лирической героини обращается сначала к современникам, затем в прошлое и, наконец, в неизвестное будущее, а мотив плена души с годами акцентируется, усложняясь, обрастая все новыми приращениями смысла в разных поэтических контекстах: от неумения подобрать нужное слово до невозможности дышать в замкнутом пространстве плоти.

Всё чаще обнаруживается обращение поэтессы к внутренней жизни, и доминантные поэтические мотивы становятся актуальны для выражения внутренней, сокровенной человеческой сути, душевных переживаний. Причем душа осмысливается поэтессой как сложная, противоречивая субстанция, для выражения которой в стилистическом плане С. Парнок идет от антитезы к оксюморонности, то есть от резкого противопоставления образов и мотивов к их парадоксальной, своего рода «неслиянной» слитности: как будто всё, что раньше казалось в жизни четко спланированным и логично расставленным по своим местам, смещается, теряя прежде четкие причинно-следственные связи.

Таким образом, ведущими стилевыми приёмами, воплощающими мотивно-образную парадигму авторской картины мира в поэзии С. Парнок, являются, в первую очередь, система сквозных метафор, получающих в каждом стихотворном сборнике развитие своего значения на основе приобретаемых в поэтических контекстах коннотаций, эпитеты, акцентирование лексических повторов, антитеза, оксюморон, на уровне синтаксической организации поэтических текстов — это градация, прием анжамбемана, недосказанность, реализующаяся в активном использовании многоточий.

Источники

1. *Парнок С. Я.* Вполголоса / С. Я. Парнок. — Москва : ОГИ, 2010. — 312 с.

2. *Парнок С. Я.* Собрание стихотворений / Подготовка текста, предисл. и примеч. С. В. Поляковой / С. Я. Парнок. — Санкт-Петербург : Инапресс, 1998. — 538 с. — ISBN 5-87135-045-3.

3. *Парнок С. Я.* Статьи. Письма. Стихи / С. Я. Парнок // De Visu. — 1994. — № 4—5. — С. 3—49.

Литература

1. *Волошин М.* Собрание сочинений / М. Волошин. — Москва : Эллис Лак, 2008. — Т. 6. — Книга 2. — 1088 с. — ISBN 5-902152-05-4.

2. *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях / М. Л. Гаспаров. — Москва : Фортуна Лимитед, 2001. — 288 с. — ISBN 5-85695-023-2.

3. *Дубова М. А.* Стилевой феномен поэзии С. Я. Парнок : к вопросу о влиянии фетовских традиций / М. А. Дубова, Е. А. Ивашевская // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5 (84). — С. 268—270. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00956.

4. *Жуковская Т. Н.* Дружба трех поэтов : Аделаида Герцык, София Парнок, Марина Цветаева / Т. Н. Жуковская // Борисоглебье Марины Цветаевой. Шестая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9—11 октября 1998 года) : сборник докладов. — Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. — 292 с.

5. *Ивашевская Е. А.* Стилевые приёмы создания картины мира в сборнике С. Я. Парнок «Вполголоса» / Е. А. Ивашевская, М. А. Дубова // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 2 (87). — С. 435—437. — DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-435-437.

6. *Карпачева Т. С.* С. Я. Парнок : эволюция творчества : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. С. Карпачева. — Москва, 2003. — 234 с.

7. *Коркина Е. Б.* С. Парнок и А. Спендиаров (К истории создания и первой постановки «Алмаст») / Е. Б. Коркина // Литературные связи. Русско-армянские литературные связи. Исследования и материалы. — Ереван : [б. и.], 1981. — Т. 3. — 295 с.

8. *Купченко В. П.* С. Я. Парнок и М. А. Волошин. К истории взаимоотношений / В. П. Купченко // Лица. Биографический альманах. — 1992. — Т. 1. — 572 с.

9. *Никольская Т. Л.* Парнок София Яковлевна / Т. Л. Никольская // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1999. — Т. 4. — 717 с.

10. *Полякова С. В.* Закатные оны дни : Цветаева и Парнок / С. В. Полякова. — Ann Arbor, Mich. : Ardis, cop. 1983. — 128 с. — ISBN 0-88233-831-5.

11. *Полянин А.* [рецензия] Наталия Крандиевская. Стихотворения / А. Полянин // Северные записки. — 1914. — № 2.

12. *Ратгауз М.* Страх и Муза / М. Ратгауз // Литературное обозрение. — 1990. — № 11. — С. 86—92.

13. *Романова Е. А.* Литературная критика С. Я. Парнок в контексте ее творчества : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Романова. — Москва, 2002. — 207 с.

14. *Романова Е. А.* Опыт творческой биографии Софии Парнок. «Мне одной предназначенный путь…» / Е. А. Романова. — Санкт-Петербург : “Нестор-История”, 2005. — 402 с.

15. *Хализев В. Е.* Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 2002. — 240 с. — ISBN 5-06-004234-0.

16. *Ходасевич В. Ф.* Некролог / В. Ф. Ходасевич // Возрождение. — 1933. — № 3026.

17. *Худабашьян К.* Автор либретто оперы «Алмаст» А. Спендиарова-София Парнок / К. Худабашьян // Александр Спендиаров. Статьи и исследования. — Ереван : [б. и.], 1973. — 209 с.

18. *Цветаева М. И.* Стихотворения и поэмы / М. И. Цветаева. — Ленинград : Советский писатель, 1990. — 798 с. — ISBN 5-265-01485-3.

Material resources

Parnok, S. Ya. (1994). Article. Letters. Poems. *De Visu, 4—5:* 3—49. (In Russ.).

Parnok, S. Ya. (1998). *Collection of poems.* Saint Petersburg: Inapress. 538 p. ISBN 5-87135-045-3. (In Russ.).

Parnok, S. Ya. (2010). *In a low voice.* Moscow: OGI. 312 p. (In Russ.).

References

Dubova, M. A., Ivashevskaya, E. A. (2020). Stylistic phenomenon of poetry S. Ya. Parnok: on the question of the influence of Fetov traditions. *The world of science, culture, education, 5 (84):* 268—270. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00956. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (2001). *Russian verse of the beginning of the XX century in the comments.* Moscow: Fortuna Limited. 288 p. ISBN 5-85695-023-2. (In Russ.).

Ivashevskaya, E. A., Dubova, M. A. (2021). Stylistic techniques for creating a picture of the world in the collection of S. Y. Parnok "In a low voice". *The world of science, culture, education, 2 (87):* 435—437. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-435-437. (In Russ.).

Karpacheva, T. S. (2003). *S. Ya. Parnok: evolution of creativity.* PhD Diss. Moscow. 234 p. (In Russ.).

Khalizev, V. E. (2002). *Theory of literature.* Moscow: Higher School. 240 p. ISBN 5-06-004234-0. (In Russ.).

Khodasevich, V. F. (1933). Obituary. *Vozrozhdenie, 3026*. (In Russ.).

Khudabashyan, K. (1973). Author of the libretto of the opera "Almast" A. Spendiarov-Sofia Parnok. In: *Alexander Spendiarov. Articles and research.* Yerevan: [b. i.]. 209 p. (In Russ.).

Korkina, E. B. (1981). S. Parnok and A. Spendiarov (On the history of the creation and the first production of "Almast"). In: *Literary connections. Russian-Armenian literary relations. Research and materials, 3.* Yerevan: [b. i.]. 295 p. (In Russ.).

Kupchenko, V. P. (1992). S. Ya. Parnok and M. A. Voloshin. To the history of relationships. *Persons. Biographical almanac, 1:* 572 p. (In Russ.).

Nikolskaya, T. L. (1999). Parnok Sofia Yakovlevna. In: *Russian writers. 1800—1917. Biographical dictionary, 4.* Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 717 p. (In Russ.).

Polyakova, S. V. (1983). *Sunset days: Tsvetaeva and Parnok.* Ann Arbor, Mich.: Ardis, cop. 128 p. ISBN 0-88233-831-5. (In Russ.).

Polyanin, A. (1914). [review] Natalia Krandievskaya. Poems. *Northern notes, 2.* (In Russ.).

Ratgauz, M. (1990). Fear and the Muse. *Literary review, 11:* 86—92. (In Russ.).

Romanova, E. A. (2002). *Literary criticism of S. Y. Parnok in the context of her work.* PhD Diss. Moscow. 207 p. (In Russ.).

Romanova, E. A. (2005). *The experience of Sofia Parnok's creative biography. "I am the one destined path ...".* St. Petersburg: "Nestor-History". 402 p. (In Russ.).

Tsvetaeva, M. I. (1990). *Poems and poems.* Leningrad: Soviet Writer. 798 p. ISBN 5-265-01485-3. (In Russ.).

Voloshin, M. (2008). In: *Collected works, 6 (2)*. Moscow: Ellis Luck. 1088 p. ISBN 5-902152-05-4. (In Russ.).

Zhukovskaya, T. N. (1999). Friendship of three poets: Adelaide Herzyk, Sofia Parnok, Marina Tsvetaeva. In: *Borisoglebye Marina Tsvetaeva. The sixth Tsvetaeva International scientific-thematic conference (October 9—11, 1998): collection of reports.* Moscow: Marina Tsvetaeva House Museum. 292 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 13.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Жаткин Д. Н. Вадим Шершеневич как переводчик, либреттист и критик в театральном диалоге с Шекспиром / Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 279—301. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-279-301.

Zhatkin, D. N., Serdechnaya, V. V. (2022). Vadim Shershenevich as a translator, librettist and critic in a theatrical dialogue with Shakespeare. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 279-301. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-279-301. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-279-301

Вадим Шершеневич как переводчик, либреттист и критик в театральном диалоге с Шекспиром

Жаткин Дмитрий Николаевич [1]
orcid.org/0000-0003-4768-3518,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения
ivb40@yandex.ru

Сердечная Вера Владимировна [2]
orcid.org/0000-0001-8718-3556,
доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

[1] Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

[2] Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»

Vadim Shershenevich as a translator, librettist and critic in a theatrical dialogue with Shakespeare

Dmitry N. Zhatkin [1]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
ivb40@yandex.ru

Vera V. Serdechnaya [2]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

[1] Penza State Technological University
(Penza, Russia)

[2] Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00027 “Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)”

© Жаткин Д. Н., Сердечная В. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается рецепция произведений Уильяма Шекспира в творчестве поэта и переводчика Вадима Шершеневича (1893—1942). Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью рецепции творчества Шекспира в наследии Шершеневича. Новизна исследования состоит в обращении к малоизвестным текстам Шершеневича, представляющим собой переводы и адаптации пьес Шекспира для раннесоветского театра, а также в осмыслении специфики восприятия этих театральных проектов в прессе 1920—1930-х годов. Особое внимание уделено архивным документам, позволяющим подробно воссоздать ландшафт литературно-театрального процесса того периода. Доказано, что Шершеневич стал автором адаптированных текстов для трех постановок по Шекспиру в довоенной Москве: «Ромео и Джульетта» в Камерном театре (1921), «Гамлет» в версии А. Дюма в театре «Романеск» (1923, работа над спектаклем остановилась во время репетиций), «Близнецы» по пьесе «Двенадцатая ночь» в Московском театре оперетты (1939). Предлагается концепция двух переводческих подходов в творчестве В. Шершеневича: точного литературного перевода (так он переводит «Короля Джона» и «Цимбелина») и адаптированного перевода для театра.

Ключевые слова:
Вадим Шершеневич; Уильям Шекспир; раннесоветский театр; принципы перевода; рецепция Шекспира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The reception of the works of William Shakespeare in the work of the poet and translator Vadim Shershenevich (1893—1942) is considered. The relevance of the study is due to the insufficient study of the reception of Shakespeare's work in the legacy of Shershenevich. The novelty of the study lies in the reference to the little-known texts by Shershenevich, which are translations and adaptations of Shakespeare's plays for the early Soviet theater, as well as in understanding the specifics of the perception of these theater projects in the press of the 1920s—1930s. Particular attention is paid to archival documents, which make it possible to recreate in detail the landscape of the literary and theatrical process of that period. It is proved that Shershenevich became the author of adapted texts for three productions based on Shakespeare in pre-war Moscow: «Romeo and Juliet» at the Chamber Theater (1921), «Hamlet» in the version of A. Dumas at the «Romanesque» Theater (1923, work on the performance stopped in rehearsal time), "The Twins" based on the play "Twelfth Night" at the Moscow Operetta Theater (1939). The concept of two translation approaches in the work of V. Shershenevich is proposed: an accurate literary translation (this is how he translates «King John» and «Cymbeline») and an adapted translation for theatrical needs.

Key words:
Vadim Shershenevich; William Shakespeare; early Soviet theater; principles of translation; Shakespeare reception.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82.091+821.161.1Шершеневич.032+82-122+821.111Shakespeare.03

Вадим Шершеневич как переводчик, либреттист и критик в театральном диалоге с Шекспиром

© Жаткин Д. Н., Сердечная В. В., 2022

1. Введение = Introduction

Уильям Шекспир, начиная с его переосмысления Гете, а затем романтиками и символистами, стал ключевым автором мирового театра. Русский театр начал освоение творчества Шекспира в XVIII веке и вписал свои страницы в книгу мировой сценической шекспирианы. Однако необходимо отметить, что история русской рецепции Шекспира как в литературе, так и в театре остается недостаточно исследованной в период начала XX века, эпоху исторических потрясений и культурных переворотов, которая на протяжении многих лет вынужденно освещалась тенденциозно.

В истории русского сценического Шекспира особую, однако мало исследованную роль сыграл поэт и переводчик Вадим Шершеневич (1893—1942). Творческий путь его отразил основные тенденции века: начав с подражания символистам, позже этот даровитый поэт стал футуристом, а затем — ярким представителем имажинизма. Он стал одним из основателей группы эгофутуристов, принимал активное участие в издании «Первого журнала русских футуристов» (1914), переводил книги Ф. Т. Маринетти и публиковал свои статьи по теории футуристической поэзии, в частности, «Пунктир футуризма». В 1918 году он вместе с С. А. Есениным и А. Б. Мариенгофом создает Орден имажинистов и также занимается не только лирикой нового направления, но и теоретическим его осмыслением (в том числе в книге «2x2=5. Листы имажиниста», 1920). В 1919 году Шершеневич был председателем Всероссийского союза поэтов. Однако уже к концу 1920-х годов, в результате идеологического прессинга, он не мог более публиковать свои стихи, а также переводы [Дроздков, 2014, с. 467—468, 483].

Будучи лишен возможности печататься как поэт и переводчик-«формалист», Шершеневич ушел в область театральных адаптаций и музыкальной драматургии, и в своих неоднократных обращениях к Шекспиру (в частности, в переводе пьес «Король Джон» и «Цимбелин») он сочетал умения переводчика, поэта и драматурга.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили малоизвестные разножанровые произведения Вадима Шершеневича, основанные на творчестве Уильяма

CC BY

Шекспира: переводы и адаптации пьес «Ромео и Джульетта» (поставлена в 1921 году в Камерном театре), «Гамлет» в версии Дюма (планировался к постановке в театре «Романеск» в 1923 году), «Двенадцатая ночь», которая стала основой для комической оперы «Близнецы» в постановке Московского театра оперетты в 1939 году, — а также наблюдения В. Шершеневича как театрального критика.

Цель исследования состоит в заполнении «белых пятен» русской шекспирианы на материале творчества В. Шершеневича как переводчика, либреттиста и театрального критика. В ходе исследования авторами осуществляется восстановление шекспировского контекста в творчестве рассматриваемого поэта, а также осмысление специфики восприятия этих театральных проектов в прессе 1920—1930-х годов.

Особое внимание в работе уделено архивным документам, позволяющим подробно воссоздать ландшафт литературно-театрального процесса того периода, и введению в научный оборот новых текстов и фактов рецепции Шекспира.

Творчество В. Шершеневича, в том числе как переводчика, стало предметом скрупулезного изучения в работах В. А. Дроздкова, в частности, в его монографии [Дроздков, 2014] и в подготовленных им материалах к библиографии [Вадим Габриэлевич Шершеневич …, 2019]; однако этот исследователь не уделял пристального внимания шекспировскому контексту творчества Шершеневича и не ставил своей задачей воссоздать «шекспировский след», проходящий через творческую судьбу поэта, переводчика и либбретиста лейтмотивом в течение 20 лет, с 1921 года по 1941-й.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Шершеневич как переводчик-адаптатор в театре

В 1920-е годы В. Шершеневич как талантливый переводчик и поэт нашел свое место в области театра, главным образом в создании либретто по произведениям зарубежных авторов. Как писал В. Л. Львов-Рогачевский, «Шершеневич ушел в театральную работу, и товарищи объявили его ренегатом имажинизма» [Львов-Рогачевский, 1922, с. 235].

В последние десятилетия жизни Шершеневич написал множество оперетт и музыкальных комедий; большинство из них были переводами и адаптациями с французского и немецкого языков. Он много ставился, однако его карьере либреттиста пришел конец из-за клеветнической кампании, развернутой ленинградскими драматургами и поддержанной в той или иной мере редактором «Советского искусства» И. Л. Альтманом, а также ответственным секретарем секции драматургов Союза советских писателей В. М. Киршоном [Дроздков, 2014, с. 468].

CC BY

Сам Шершеневич, будучи сторонником точного перевода, критически относился к своей отчасти вынужденной литературно-драматургической работе. Под постоянным псевдонимом Пингвин [Купцова, 2016, с. 132] он писал в журнале «Зрелища»: «Началось с того, что в один прекрасный день “Эдип-царь” был отнят у Софокла и половинка пьесы (а соответственно, и авторских сумм) была передана Шершеневичу. Это разделение труда сильно пришлось по вкусу Шершеневичу, и с тех пор пошло в ход: Софокл-Шершеневич, Меримэ-Шершеневич, Шекспир-Шершеневич. Словом, как говорит русская пословица — “шершено и переписано” <…>. Вы думаете, что Шершеневич Софокла с греческого переводил. Ничего подобного: с мережковского языка перевел» [Пингвин, 1923, с. 17]. Поэт горько иронизировал над своей литературно-драматургической поденщиной и в то же время стремился к творческому решению любых поставленных задач.

Говоря о текстах для театра, Шершеневич достаточно рано приходит к выводу об их особом статусе; тексты для театра должны быть прежде всего театральными по своим задачам. Так, в статье 1914 года «Декларация о футуристическом театре» он восклицает: «… я понял, наконец, в чем вся ошибка театрального искусства, и для того, чтобы заткнуть рот кинемам, слишком ласково потирающим свои наследнические руки, я решился крикнуть эти гоночные слова: “Театр умер!.. Да здравствует театр!” (разрядка В. Шершеневича. — *Д. Ж., В. С.*). Для того, чтобы создать театр, надо, прежде всего, создать театральное искусство. Императивно: каждое искусство вполне самостоятельно и не может зависеть от других искусств. А между тем, и вы отлично это знаете, наше псевдоискусство театра всегда фундаментировалось на других искусствах» [Шершеневич, 2022, с. 121]. Таким образом, можно заключить, что в русле футуристической поэтики и идеологии Шершеневич приходит к выводу о необходимости выведения театра из парадигмы литературоцентризма, по-своему предвосхищает постдраматический театр.

Таким образом, работу по сценической адаптации зарубежного произведения под нужды театра Шершеневич отличал от собственно перевода, где он был сторонником переводческой точности — той самой, которая была заклеймена как проявление формализма. Вместе с тем рассмотрение его работы над пьесами Шекспира и обзор критических отзывов на них приводит к выводу о том, что на протяжении всей творческой жизни он напряженно решал задачу сочетания принципов точного перевода и театральной адаптации литературного текста.

3.2. Обращение Шершеневича к Шекспиру. «Ромео и Джульетта» в Камерном театре

Хорошо зная немецкий, латынь и французский, Шершеневич, очевидно, изучал английский язык самостоятельно [Дроздков, 2014, с. 446]. К си-

CC BY

стематической работе с английскими текстами Шершеневич приступил с 1918 года, когда он начал заведовать библиографическим отделом газеты «Мир» и стал писать о новых английских книгах [Там же, с. 110].

С Шекспиром, по всей вероятности, он начинает работать в 1919 году, когда А. Таиров отвергает перевод «Ромео и Джульетты» К. Бальмонта — и Шершеневич получает заказ на переделку перевода [Там же, с. 110]. В заявлении правления Камерного театра говорится: «Предложить Шершеневичу исправить перевод “Ромео” по ставкам Всерабиса» [Протоколы заседания членов общества, 1919, л. 4; Протоколы заседаний правления, 1919, л. 64]. Известно, что Бальмонт читал свой перевод Алисе Коонен, которая должна была играть Джульетту, 5 декабря 1919 года [Коонен, 2021, с. 463].

На рубеже 1910-х и 1920-х годов Шершеневич заведовал литературной частью Камерного театра: здесь шли в его переводах, в частности, «Благовещение» П. Клоделя и «Трехгрошовая опера» Б. Брехта. Как отмечает М. Хализева, Шершеневич вместе с Б. А. Фердинадовым, Б. Р. Эрдманом и Б. А. Глубоковским составляли в Камерном театре творческую оппозицию, и, покинув театр в середине 1921 года, Шершеневич с Фердинандовым основали свой Опытно-героический театр, который просуществовал до 1923 года [Хализева, 2021, с. 692], — в нем Шершеневич в том числе выступал как режиссер [Хроника, 1923б, с. 24].

Перевод Бальмонта, выполненный в 1919 году, вновь обнаруженный и опубликованный в 2012 году [Шекспир, 2012], отличается незавершённостью. Как отмечает Е. М. Луценко, «сохранившийся текст — черновая редакция с правкой и режиссера, и переводчика — содержит много стилистических шероховатостей, возможных на первых подступах к тексту, но недопустимых для беловой редакции» [Луценко, 2021, с. 611]. Сам Бальмонт как переводчик в тот момент стоял на перепутье, понимая, что к Шекспиру не слишком применимы ни принципы вольного перевода, которые он использовал для перевода «Ченчи» Шелли, ни символистская палитра (примененная в его варианте «Саломеи» Уайльда); в итоге перевод оказался невыразителен и вторичен. По замечанию Е. М. Луценко, «от вольной интерпретации он обратился к переводу более строгому, следующему принципу оригинала. Ориентация на перевод Аполлона Григорьева явно помешала ему найти свою неповторимую интонацию шекспировской трагедии» [Луценко, 2019, с. 101]. Вероятно, именно неловкая вторичность текста перевода заставила Таирова отказать Бальмонту, с которым он раньше много работал.

Становится также ясно, что Таиров сформировал и свои стилистические требования к переводу, которым Бальмонт не смог соответствовать. Исполнительница роли Джульетты Алиса Коонен вспоминала: «Прежде

CC BY

всего надо освободиться от густой толщи комментариев, забыть о пиетете перед Шекспиром, — говорил Таиров. — Это то зло, которое самое гениальное произведение может превратить в мертвую музейную ценность» [Коонен, 1985, с. 264]. В книге «Записки режиссера» в том же 1921 году Таиров вполне отчетливо дает понять, что театр не является иллюстрацией текста, и литературный текст должен подчиняться целому театрального проекта: «… театр обращается к *литературе* лишь как к необходимому ему на данной ступени его развития *материалу* (курсив А. Я. Таирова. — *Д. Ж., В. С.*)» [Таиров, 1921, с. 112].

Таиров упоминает, очевидно, Шершеневича как того поэта, который помогает Камерному театру адаптировать литературу для театра: «В работе Камерного театра производится сейчас опыт такого сотрудничества поэта в действенном создании театром своих пьес, и очень может быть, что еще в этом сезоне единственно авторитетный во всех творческих вопросах судия — живой спектакль театра — подтвердит это построение» [Там же, с. 112].

Шершеневич так отозвался о необходимости переделать перевод Бальмонта или заново перевести трагедию Шекспира: «Каждый перевод Бальмонта — это вольное переливание воды из пустого в порожнее. Отпадает и замысел, и форма подлинника. Так было с Шелли, с Уитменом, с Гауптманом. То же стало и с Шекспиром. Принять этот текст было невозможно. Ставить в старом тексте, всё же лучшем, чем бальмонтовский, Таиров не хотел. Он заказал мне исправить бальмонтовщину. Я отказался наводить лоск на эту парикмахерскую работу. Пришлось делать новый перевод» [Шершеневич, 1990, с. 637—638].

Ключ к переводческой стратегии Шершеневича, очевидно, можно увидеть в следующих словах Таирова: «Итак, что же такое “Ромео и Джульетта” в современной транскрипции театра? Не будем пугаться слов.

Это скетч.

Да, любовно-трагический скетч. <…> Нет, “Ромео и Джульетта” не сладкая “песнь последней любви”, а симфония дерзновенной и страстной, могучей и всепоглощающей, прекрасной и жестокой любовной стихии» [Таиров, 1970, с. 286—290].

Таиров формулировал свой подход как необходимость заново, по-театральному свободно обратиться к Шекспиру, «очистив» его от музейной почтительности: «К Шекспиру обычно принят подход исторический, этнографический и бытово-психологический. <…> Я же полагаю, что свободная театральная транскрипция Шекспира — единственно правильный путь в работе над ним. <…> Поэтому театр совершенно свободен в своем подходе к автору и его произведению» [Там же, с. 285—286]. Коонен также отмечала: «Ромео и Джульетта по его замыслу меньше всего должны по-

CC BY

ходить на трогательных голубков, гибнущих жертвой роковой любви. — Они — люди Возрождения, — говорил Таиров, — полные страсти, жаждущей утоления, носители извечной стихии любви, безудержной и катастрофической <…> Оба они готовы разрушить все барьеры, которые стоят на их пути» [Коонен, 1968, с. 91].

Таким образом, можно с достаточной долей уверенности предположить, что Таиров, отказавшись от перевода Бальмонта как подражательного и слабого, дал Шершеневичу задание выполнить перевод трагедии Шекспира как текста, освобожденного от историко-бытовой укорененности, как современной и универсальной истории для театра, где «Лоренцо — <…> вечно молодой дух театра, Арлекин» [Таиров, 1970, с. 289], а Ромео и Джульетта были не «бесплотными мечтателями, томно вздыхающими о любви <…>, а страстными, стремящимися [друг к другу] любовниками» [Там же, с. 290]. Очевидно, перевод Шершеневича должен был отражать непосредственность и страстность речи героев, а заодно освободиться от «музейного» почтения, стилистической архаики. Можно вспомнить, что сам Шершеневич в статье «О веселом в искусстве», опубликованной в 1918 году, отзывался о Шекспире как об «арлекинаде»: «Разве не арлекинада Шекспир, кроме его исторических скук?» [Шершеневич, 2022, с. 258].

Как можно судить по архивным материалам, читки и репетиции пьесы начались в декабре 1920 года, активно шли всю весну 1921 года [Журнал репетиций …, 1920, л. 45 об. — 58 об.; Журнал репетиций …, 1921, л. 1—26 об.]. Джульетту репетировали Алиса Коонен и Алла Батаева, Ромео — Николай Церетелли и Александр Румнев. Репетиции затягивались. Так, в «Хронике» 5 апреля 1921 года указано: «Работы по постановке “Ромео и Джульетты” под общим руководством А. Таирова идут с большою интенсивностью. Однако, вследствие очень большой сложности и трудности работ, первое представление состоится лишь в половине апреля» [Хроника, 1921б, с. 59]. В итоге премьеру отложили еще на месяц, и спектакль вышел в Камерном театре 17 мая 1921 года.

Таиров писал уже 20 мая 1921 года, через три дня после премьеры: «Вероятно, ни одна постановка Камерного театра за последнее время не вызывала столько разноречивых мнений и споров, как постановка “Ромео и Джульетты” <…> Со всех сторон поднялись, как встарь, протестующие и негодующие возгласы» [Таиров, 1970, с. 284]. Коонен вспоминала: «Премьера “Ромео и Джульетты” была принята публикой очень горячо, но сразу же вызвала множество споров, дебатов, нападок в прессе» [Коонен, 1985, с. 265].

Неизвестный автор фельетона «Шекспир в калоше» критикует эклектичную, на его взгляд, манеру режиссуры. Уделяет он внимание и переводу, подчеркивая его неудачи:

CC BY

«Вот, только не могу вспомнить: были ли слова?

Как будто были … Пожалуй, действительно были. Ну конечно, были! Вот сейчас вспомнил:

Кто-то о ком-то говорил, что он —

— сел в калошу.

А еще кто-то очень оригинально и свежо скаламбурил насчет ноты *соль* и недостатка *соли*, в пении или в еде, — точно не помню (значит, слова были)» [М-ч, 1921, с. 15].

Развивая остроту своего изложения, автор пишет: «Душа англичанина воссоединилась с душою русского и явилась в живом, ныне сущем, творческом воплощении.

Во образе В. Ш.

То есть —

— Вадима Шершеневича <…>

У русского В. Ш., выражаясь образно (как того требует имажинистская школа, возглавляемая В. Шершеневичем), пьеса эта:

Села в калошу.

Т. е. облеклась в соответствующие нашему времени движенья, жесты, звучанье и зрительную пестроту, и они покрыли словесность пьесы, как калоша покрывает ботинок» [Там же, с. 16].

О переводе упоминает и Эм. Бескин в статье «Революция и театр», также отмечая неуместное, по его мнению, осовременивание текста: «Переводчик Шершеневич позволяет себе упоминать о “калошах” в пьесе, относящейся к XVI столетию, да еще в такой современной вульгарно-обывательской фразе-прибаутке, как “сел в калошу”. Не лучше звучит со сцены и “два сапога — пара”» [Бескин, 1921, с. 34—35].

В рецензии «Вестника театра» о переводе специально не говорилось, но было отмечено восприятие постановки зрителями: «Да, было скучно. Было томительно скучно… <…> Мелькнули двадцать (кажется, двадцать) картин чудесного шекспировского сценария, столь скупо и уныло невыразительно явленного “современным” режиссером» [Треплев, 1921, с. 13]. Рецензент «Вестника работников искусств» упрекал спектакль в излишней теоретизации: «Эстетика отжитого, изломанности, извращенной театральности и сухость, сухость, сухость — до конца <…> Камерный театр заменил внутреннее восприятие пьесы — чрезмерностью рассудочного излома» [Марголин, 1921, с. 123—124]. Известный шекспировед М. М. Морозов назвал спектакль «формалистическим», «пережитком дореволюционного эстетизма»; он писал, что «великая трагедия Шекспира потеряла свой подлинный смысл, потеряла свою *активную* тему, призывающую к борьбе <…> Познавательная ценность его была ничтожна» [Морозов, 1954, с. 61].

CC BY

Таким образом, первый опыт перевода Шекспира для сцены оказался для Шершеневича не самым удачным, и спектакль вызвал много критики. Возможно, необходимое Таирову осовременивание текста вошло в конфликт с формировавшимися переводческими принципами поэта. Однако, судя по тому, что оба рецензента писали о просторечном выражении «сел в калошу», сам по себе перевод не вызвал других серьезных претензий.

Впрочем, не все рецензенты считали спектакль сугубой неудачей. В книге об истории Камерного театра К. Н. Державин отмечал, что трагедия «Ромео и Джульетта» в новой постановке отвечала задачам чистой театральности: «Шекспир абстрагировался от своей исторической среды. Он воспринимался как поэт, проникший до сокровенных глубин эмоциональной природы человека — человека как психофизиологической единицы, человека в очищенности его внутреннего мира от всего временного, случайного, от всего, воспитанного в нем социальной и исторической средой <…> Здесь же заявил о себе и принцип толкования драматургического материала с позиций подчеркнутой и обнаженной театральности» [Державин, 1934, с. 102—103].

Интересно, что К. Н. Державин пишет о деятельности Камерного театра, употребляя слово «имажинистский»: «“Ромео и Джульетта”, а затем “Федра” явились попыткой подчинить имажинистскую систему построения спектакля задачам эмоциональной образности» [Там же, с. 77]; «… этот спектакль был необходим в поисках новых направлений этой линии, рядом с которой продолжал свое развернутое утверждение имажинистский спектакль» [Там же, с. 104], — хотя в данном контексте «имажинистский» в большей мере обозначает «образный», условный, символический театр, а не указывает на движение имажинистов, к которому относился В. Шершеневич.

Отклики на постановку Таирова появились и в эмигрантской прессе. Так, в рижской газете «Новый путь» от 20 мая 1921 года (по старому стилю) была опубликована заметка специального корреспондента, в которой отмечена «новизна внутренней трактовки образов»: «Свободные, яркие, сильные они сорвали обычность традиции и ожили в новых формах» [Рецензии и заметки, 1921, л. 25].

Постановку Камерного театра вспоминал С. Дурылин в своей статье о «Ромео и Джульетте» более десяти лет спустя, отзываясь о ней как о формалистической: «Революционный зритель остался холоден к этому холодному спектаклю. Он быстро сошел с репертуара» [Дурылин, 1935, с. 9]. Однако спектакль упоминался в прессе, оставаясь в репертуаре театра, и в 1923 году [Рецензии и заметки, 1923, л. 107].

Перевод Шершеневича сохранился в Российском государственном архиве литературы и искусства [Шекспир, 1921] и подготавливается нами к публикации.

CC BY

3.3. Шершеневич как театральный критик — о Шекспире

Шершеневич продолжает размышлять о театре; в начале 1920-х годов он публикуется как театральный обозреватель, прежде всего в журнале «Зрелища». Как отмечает П. Марков, Шершеневич, «променявший тогда поэзию на журналистику <…>, увлекся легкой фельетонной журналистикой, писал залихватские фельетоны об оперетте и, что самое неожиданное, чуть ли не в каждом номере давал издевательский фельетон о … Камерном театре» [Марков, 1983, с. 159].

Кроме того, он пишет и о других театрах, в частности, о постановках Шекспира. В 1923 году он размышляет о «Комедии ошибок», поставленной в театре им. Комиссаржевской. В «Зрелищах» под псевдонимом «Аббат-Фанфрелюш» Шершеневич размещает небольшую статью о спектакле, в которой задается вопросом: «Шекспир. — Можно ли его играть в наши дни так, чтобы зритель не скучал?» [Аббат-Фанфрелюш, 1923а, с. 10]. Здесь он, уже имея опыт перевода английского автора для сцены, приходит к выводу о принципиальной несовременности Шекспира в контексте мировой истории: «Шекспир — великий мастер сцены, но всякое старое вино плохо закупоренное — закисает. Шекспир плохо закупорен. Пробка вытащена революционным сдвигом в миропонимании. Переделывать его, осовременивать его — вряд ли стоит. Можно еще написать нового “Ромео”, нового “Отелло”, оставив только фабулу. Но это всегда рискованно: можно написать хуже, чем у Шекспира» [Там же, с. 10].

На ту же постановку Шершеневич откликается в газете «Трудовая копейка»: «Режиссер (Волконский) подошел к Шекспиру прежде всего, как к явлению анахроническому, и поставил старый текст в духе пародии, с нарочитой мелодраматичностью и нарочитой клоунадой <…> Публика смеется не остротам текста, а утрированному тону и смешному положению. Это большая победа режиссера над автором» [Театр имени В. Ф. Комиссаржевской, 1923, с. 4].

Приведенные реплики, несомненно, отражают размышления Шершеневича над вопросами переводимости Шекспира, его актуальности. Намеченную здесь дилемму: можно ли оставить Шекспира «как есть», с его неактуальностью, либо же нужно его переписывать — Шершеневич будет решать в своем творчестве и дальше.

3.4. Шершеневич как переводчик «Гамлета» (с французской версии Дюма)

Среди множества пьес и прозаических произведений, адаптированных и переведенных Шершеневичем, был и «Гамлет», переведенный им, однако, не с оригинала, а с версии А. Дюма-отца. Этот перевод был выполнен для театра «Романеск» и должен был стать основой для третьей премьеры театра.

CC BY

Театр «Романеск» существовал недолго, по сути, проиграв лишь один сезон 1922—1923 годов (хотя в 1925 году было заявлено о его возрождении). В репертуаре театра были «Нельская башня» А. Дюма и Ф. Гайярде, «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, планировались и многие другие постановки. Этот театр организовал В. М. Бебутов, уйдя с группой артистов из мейерхольдовского Театра Актера. Как отмечает Д. И. Золотницкий, «Бебутов в “Романеске” намеревался возродить “великую машину занимательности”, вернуть на сцену “дьявольских виртуозов” интриги. К ним, чудодеям, которые “не были измучены психологическим анализом”, Бебутов относил Дюма, Скриба и почему-то Мериме» [Золотницкий, 1978, с. 32].

«Романеск» пользовался поддержкой А. В. Луначарского, который, в частности, указывал на ценность мелодрамы и романтической драмы для создания «истинно народного театра» [Луначарский, 1964, с. 112]. Упоминая и Дюма, Луначарский писал: «… никакая зрелость масс, никакие победы революции, никакая воспитательность ровным счетом ничего не значат в области театра, если нет основного: увлекательности, и притом именно увлекательности для масс. Самый подлый кинематограф будет бить театры насмерть, пока театр будет нести массам, может быть, и утонченные, но не рассчитанные на ее психологию продукты» [Там же, с. 114]. Таким образом, «Романеск» был призван в некоем «романском» стиле вызвать на сцену мелодраматическую занимательность, привлекающую простого зрителя.

А. В. Луначарский упоминал, что труппа самостоятельна и не требует финансирования: «Они не просят никакой субсидии, стоят на своих собственных ногах, но одну вещь для них необходимо сделать, а именно на приемлемых для них условиях дать им возможность давать один спектакль в неделю в Новом театре» [Луначарский, 1970, с. 384]. В начале 1923 года театр планировал работать с пьесой самого Луначарского «Локис, или Медвежья свадьба» по Мериме [Хроника, 1923в, с. 23], однако эти планы не осуществились.

В журнале «Зрелища» в конце февраля 1923 года было указано: «Начата работа над третьей постановкой театра Романеск: “Трагедия о Гамлете Принце Датском” В. Шекспира, в редакции Александра Дюма-отца <…>. Премьера в конце марта, или в начале апреля» [Хроника, 1923, с. 20]. В газете «Театр и музыка» за 6 апреля того же года появилось имя Шершеневича как переводчика текста трагедии с французского: «Вадимом Шершеневичем сделан для театра перевод “Гамлета” Дюма. Ставит В. М. Бебутов. Гамлета играет В. А. Синицын» [Московская хроника, 1923, с. 686]. Однако премьера была отложена: к осени появились сообщения, что «Гам-

CC BY

летом» в авторстве «Дюма — Шершеневич» должен был открыться сезон театра [Хроника, 1923а, с. 28].

Если Дюма был эстетически важен для вновь созданного театра как один из основоположников театрального мелодраматизма, то ясно, почему понадобилась именно его версия «Гамлета». Еще Белинский писал, что Дюма понял Шекспира «как романтическую мелодраму», что «было причиною неимоверного успеха “Гамлета” на сцене и в печати» [Белинский, 1860, с. 118]. Очевидно, именно в расчете на этот успех театр «Романеск» заказал перевод данной версии пьесы.

В «Зрелищах» 1923 года опубликована краткая характеристика «Гамлета» Дюма: «Особенности французской редакции трагедии Шекспира следующие: количество картин (19) удачно сокращено и сведено к 7; единство места (дворцовый зал) нарушено два раза (явление тени и кладбище); Гамлет не умирает, как у Шекспира; выведена отсутствующая сцена первой встречи Гамлета с Офелией. Мотив отъезда в Англию и гибель Розенкранца и Гельденштерна вовсе исключены; исключены роли Бернардо и Осрика; во всей трагедии уничтожена проза, а пятистопный ямб заменен александринским рифмованным стихом (сохранена разрядка журнальной публикации. — *Д. Ж., В. С.*) — размером Вольтера, Расина и Корнеля, что придает “Гамлету” характер французской классической трагедии» [Хроника, 1923д, с. 11]. Очевидно, этот небольшой текст мог быть написан Шершеневичем, автором «Зрелищ», переводчиком и ценителем французской литературы.

Репетиции (о которых упоминает Шершеневич [Аббат-Фанфрелюш, 1924, с. 12]) шли, но премьера этого спектакля так и не состоялась. Шершеневич пишет статью об актере Синицыне, и его характеристика актерского решения Гамлета, очевидно, проливает свет на трактовку образа и у Дюма, и в переводе: «Гамлет … Не Гамлет-резонер, а Гамлет юноша, Гамлет-влюбленный, Гамлет-благородный даже в своей подлости (а его обращение с Офелией, это, конечно, подлость)» [Там же, с. 12].

Вместе с тем очевидно, что само решение о постановке «Гамлета» по Дюма, а не по Шекспиру Шершеневич оценивал как сомнительное. Так можно заключить по его реплике в апрельских «Зрелищах» 1923 года, напечатанной под псевдонимом Аббат-Фанфрелюш: «Прочел, что в “Романельском” театре даже Гамлет не моего покойного друга эсквайра Вильяма Шекспира, а некоего Дюма. Истинно глаголю вам, что романтика с “дюмонизмом” неразлучны» [Аббат-Фанфрелюш, 1923б, с. 21]. Вероятно, Шершеневич не мог не понимать, что при всей привлекательности эксперимента по переработке «Гамлета» в духе французского классицизма трагедия Шекспира в этом случае сильно теряла в идейном содержании и глубине мысли.

CC BY

3.5. Работа над комической оперой «Близнецы» (по «Двенадцатой ночи» Шекспира)

Шершеневич вернулся к работе с Шекспиром, насколько нам известно, примерно в 1936 году, для перевода «Двенадцатой ночи» в жанре комической оперы в соавторстве с композитором А. А. Шеншиным.

Шеншин и Шершеневич писали позднее о принципах совместной работы: «Наша работа протекала в самом тесном контакте. Ни одна строка поэта-драматурга не миновала одобрения композитора, и в свою очередь каждая музыкальная фраза отдавалась на суд драматурга» [Шеншин и др., 1939, с. 2]. Они указывали на сложности жанра: это «первая попытка советской комической оперы» [Там же], к тому же особая ответственность связана с обращением к наследию Шекспира. Для создания драматургической основы, либретто, использовались различные шекспировские тексты, что позволяет говорить о глубоком погружении Шершеневича в творчество английского драматурга. Кроме того, Шеншин и Шершеневич упоминали об одобрении их работы со стороны шекспироведов (в статье назван А. К. Дживелегов, но можно предположить, что среди этих шекспироведов был и М. М. Морозов, который вскоре поспособствует изданию «Цимбелина» в переводе Шершеневича). Авторы также размышляли о двух культурных пластах в комедии, итальянском и шотландском, которые отражаются в именах героев и которые нашли свое воплощение и в написанной для постановки музыке.

В апреле 1938 года Московский театр оперетты заявил о своих планах поставить по Шекспиру комическую оперу «Двенадцатая ночь» [Двенадцатая ночь, 1938, с. 4]. Однако, по всей видимости, постановке мешали серьезные препятствия. Шершеневич упоминает в отчаянном письме в ЦК ВКП(б) 1938 года, что «потрясающий успех в том же Гурке <Государственная репертуарная комиссия>, на читке в присутствии шекспироведов (проф. Морозова, проф. Дживелегова и др.) имела моя третья работа, два года назад еще одобренная В. И. Немировичем-Данченко: работа с композитором А. Шеншиным над комической оперой “Двенадцатая ночь”» [Шершеневич, 1938, л. 1]. Шершеневич сообщает о своей комической опере: «… она написана для Моск<овского> театра оперетты, и, конечно, ее постигнет та же судьба, что и первые мои работы: она будет слишком сложна для этого не слишком вокального театра и, в конце концов, станет также работой “для своего удовольствия”. Все это создало во мне полную неуверенность в своих силах и целеустремленности. Может быть, я действительно делаю совсем не то, что нужно? Но я делаю то, что я умею, и, как кажется, умею делать неплохо» [Там же].

О сложностях московской постановки свидетельствует и то, что Шершеневич вел переписку с другими театрами, в частности, с Хабаровской

CC BY

музкомедией: в архиве сохранилось письмо к поэту от худрука театра Б. М. Дмоховского от 22 февраля 1939 года, где тот пишет: «Пьеса, безусловно, подходит. <…> Мне очень хотелось осуществить постановку к шекспировским дням в апреле. Для Дальнего Востока это было бы интересно» [Дмоховский, 1939, л. 1].

Однако премьера в Москве все-таки состоялась. В октябре 1939 года она была подробно анонсирована в «Вечерней Москве»: «Ближайшей премьерой театра будет первый шекспировский спектакль в жанре оперетты — лирико-комическая опера композитора А. Шеншина “Близнецы” на сюжет комедии В. Шекспира “Двенадцатая ночь” (либретто В. Шершеневича)» [Новые спектакли …, 1939, с. 3]; здесь же опубликованы сведения о постановочной группе и распределении ролей.

Спектакль поставил В. М. Бебутов, основатель театра «Романеск», для которого Шершеневич переводил «Гамлета» в версии Дюма. Говоря о его режиссуре, один из рецензентов спектакля И. Карин отмечал: «Самой высокой оценки заслуживает работа режиссера В. М. Бебутова, который в содружестве с прекрасным художником Е. Соколовым создал спектакль большой, необычной для оперетты культуры, спектакль яркий и изобретательный, по духу своему несомненно шекспировский» [Карин, 1940, с. 3].

Спектакль активно обсуждался в прессе, в разных жанрах, вплоть до карикатуры; так, в «Декаде московских зрелищ» в дополнение к рисунку Милкос, где два злодея тащат Шекспира в Московский театр оперетты, помещена эпиграмма за подписью Лагран: «В. Шершеневич и Шеншин / Блестящий сделали почин: / Надели оба по берету, / Легко за «Близнецов» сошли, / И В. Шекспира в оперетту / С собою вместе провели… / Пылает радостью душа: / Три автора, и все на “ша”» [Лагран, 1940, с. 17].

В прессе активно обсуждалась сама возможность опереттного «преобразования» Шекспира, а также особенности работы поэта с исходным текстом [Таров, 1939]. Шершеневич переписал текст комедии, адаптируя его под музыкальные задачи. Он не только переставлял эпизоды, но и включал в текст элементы из других шекспировских драм, дописывал сцены на основе внесценических эпизодов, а также добавлял шутки.

Такой подход к Шекспиру встретил как одобрение, так и критику. Так, В. Константинов отмечает в рецензии на постановку: «Много лирики … в “Двенадцатой ночи” Шеншина. В сценическом тексте Вадим Шершеневич использовал, кроме “Двенадцатой ночи”, “Ромео и Джульетту” и “Сон в летнюю ночь”. Что же касается отдельных острот-отсебятин, принадлежащих самому Шершеневичу, то в них, хотя не всегда написанных в стиле шекспировской комедии, все же чувствуется рука поэта. Для театра оперетты, не очень избалованного литературой, это уж не так мало …» [Константинов, 1940, с. 3].

CC BY

В. Гроссман также в целом одобряет необычный подход к классическому тексту: «“Дополнять” Шекспира — шаг чрезвычайно смелый и рискованный. Однако в данном случае авторы проявили большой такт — почти все добавления являются лишь театрализацией того, что у Шекспира дано в рассказе» [Гроссман, 1939, с. 3]. Критик также уточняет жанровую природу постановки: это не оперетта, а «комическая опера с разговорными диалогами», со сложной и развернутой музыкальной формой, разнообразными ансамблями, разработанной музыкальной индивидуальностью героев. Рецензент, впрочем, признает, что у спектакля есть перспективы для совершенствования: «Театру оперетты предстоит большая работа, чтобы освоить этот новый для него жанр. И если театр справится со своей задачей — мы увидим хороший, жизнерадостный музыкальный спектакль» [Там же].

И. Карин, не одобряя смешанный характер жанра, отмечает также, что литературная основа оперы получилась удачной: «За исключением немногих неудачных фраз, стихов, реприз и некоторых вульгарных острот либретто комической оперы “Двенадцатая ночь” сделано В. Г. Шершеневичем добросовестно, литературно доброкачественно и с полным пиэтетом к Шекспиру» [Карин, 1940, с. 3].

М. Чарский отмечает, рассуждая о сценическом тексте: «Откровенно говоря, здесь всего понемножку <…> То стих Шекспира, то рифма Шершеневича; то острота шута елизаветинской сцены, то отсебятина современного комического актера; то ситуация из бессмертной комедии, то выдумка и фантазия соавтора» [Чарский, 1940, с. 14]. Говоря о жанровой природе спектакля, рецензент приходит к выводу о том, что комедия утратила оптимистический антицерковный дух Возрождения, но при этом обрела своеобразие: «В оперетте разыгрывается трогательная история любви, занятная интрига и ряд комических сцен, вызывающих невольный смех зрителей. Это не Шекспир, но это и не Легар, и не Кальман, вообще не “венское” опереточное издание. В этом смысле мы готовы приветствовать в театре оперетты “Двенадцатую ночь” в постановке В. М. Бебутова. Тем более, что она разыгрывается превосходно» [Там же].

Однако В. Виргинский в статье, опубликованной в «Правде» 3 января 1940 года, резко критикует авторский подход: он замечает, что премьера по Шекспиру «свидетельствует о нехватке чувства такта у руководства театра», который «рискнул превратить Вильяма Шекспира в автора либретто “комической оперы”» [Виргинский, 1940, с. 4]. Критик упрекает театр в слишком активной переделке оригинала, в утрате гармонии и полутонов: «Соавторы В. Шекспира поступили с этой целостной гармоничной комедией совершенно безжалостно. Для превращения ее в “комическую оперу” они вырезали и перемещали одни эпизоды и вставляли от себя другие, убирали действую-

щих лиц и — что самое ужасное — вложили в уста сохраненных ими лиц новый текст. В. Шершеневич взял на себя неблагодарную задачу — дополнять Шекспира плохой опереточной отсебятиной» [Там же]. По мнению критика, юмор переписанной комедии «пошл и неостроумен» [Там же].

В архиве ВТО сохранился неатрибутированный отзыв на «Близнецов», в котором отмечено: «С большим тактом Вадим Шершеневич озаглавил свой текст “Близнецы” по теме “Двенадцатой ночи” Шекспира. Автор лишь пользуется Шекспиром, но отнюдь не стремится “воссоздать” его произведение <…> Либретто написано талантливо и с блеском» [Переписка кабинета Шекспира, конец 1930-х гг., л. 61].

Таким образом, отклики на «Близнецов» оказались противоречивыми, но в целом тяготение театра к новому жанру: не просто оперетте, но комической опере, изысканно выполненной на музыкальном и текстовом уровнях, — было высоко оценено критикой. Шершеневич работал здесь не только как переводчик и либреттист, но и как исследователь Шекспира, стремившийся собрать остроты и шутки из разных произведений английского автора в рамках одного драматургического целого.

После «Близнецов» Шершеневич планировал написать либретто для постановки по другой комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». В архиве поэта сохранилась машинопись экспозе к этому либретто, где он разбирает текст Шекспира, привлекая к анализу и опыт постановки «Близнецов» [Шершеневич, 1940].

4. Заключение = Conclusions

Работа В. Шершеневича по воплощению произведений Шекспира на довоенной советской сцене была подчинена стремлению переводчика-буквалиста открыть новые для себя стратегии, создать истинно театральные тексты, не привязанные механически к литературному оригиналу, но вольно трактующие его ради целей театра. Уже в переводе «Ромео и Джульетты» для Камерного театра Шершеневич стремился к отходу от музейной литературности к живому разговорному языку; в постановке «Близнецов» он воплотил этот интерпретационный подход к тексту, создав на материале произведений Шекспира интертекстуальное либретто.

Источники

1. *Вадим* Габриэлевич Шершеневич : Материалы к библиографии : материалы к библиографии. 1911—2018 / сост. Т. В. Котова, В. А. Дроздков ; вступ. ст. В. А. Дроздкова. — Москва : Кругъ, 2019. — 346 с. — ISBN 978-5-7396-0427-9.

2. *Дмоховский Б. М.* Письмо В. Г. Шершеневичу о включении в репертуар Хабаровского театра музыкальной комедии комической оперы «Близнецы» / Б. М. Дмоховский // РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 136. 1 л.

3. *Журнал* репетиций и спектаклей Камерного театра «Ромео и Джульетта», «Король Арлекин», «Два мира», «Виндзорские проказницы», «Женитьба Фигаро», «Принцесса Брамбилла», «Адриена Лекуврер» // РГАЛИ. Ф. 2030. Оп. 1. Ед. хр. 88. 30 лл.

4. *Журнал* репетиций и спектаклей Камерного театра «Благовещение», «Адриена Лекуврер», «Король Арлекин», «Саломея», «Принцесса Брамбилла», «Ромео и Джульетта», «Ящик с игрушками», «Федра», «Сеньора Формика», «Жирофле-Жирофля», «Покрывало Пьеретты», «Голубой ковер», «Жёлтая кофта», «Сакунтала» // РГАЛИ. Ф. 2030. Оп. 1. Ед. хр. 89. 245 лл.

5. *Переписка* кабинета Шекспира при ВТО с Комитетом по делам искусств об иностранном репертуаре для советского театра. Список иностранных пьес, рецензии на переводы и др. материалы // РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 4. Ед. хр. 209. 103 лл.

6. *Протоколы* заседаний правления Камерного театра // РГАЛИ. Ф. 2030. Оп. 1. Ед. хр. 5. 75 лл.

7. *Протоколы* заседаний членов общества «Камерный театр» // РГАЛИ. Ф. 2030. Оп. 1. Ед. хр. 4. 38 лл.

8. *Рецензии* и заметки на спектакли Камерного театра «Жирофле-Жирофля», «Человек, который был четвергом», «Ромео и Джульетта» и «Синьор Формика» // РГАЛИ. Ф. 2030. Оп. 1. Ед. хр. 219. 258 лл.

9. *Шекспир В.* Ромео и Джульетта. Перевод В. Г. Шершеневича / В. Шекспир // РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 32. 70 лл.

10. *Шершеневич В. Г.* Письмо в Культурно-просветительный отдел ЦК ВКП(б) о его литературно-драматургической работе. 1938 / В. Г. Шершеневич // РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 101. 1 л.

11. *Шершеневич В. Г.* Эскпозе «Сна в летнюю ночь». 1940 / В. Г. Шершеневич // РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 84. 2 л.

Литература

1. *Аббат-Фанфрелюш*. Владимир Синицын / Аббат-Фанфрелюш [Шершеневич В.Г.] // Зрелища. — 1924. — № 70 (15—21 января). — С. 12.

2. *Аббат-Фанфрелюш.* «Комедия ошибок» / Аббат-Фанфрелюш [Шершеневич В.Г.]. // Зрелища. — 1923а. — № 56 (2—7 октября). — С. 10.

3. *Аббат-Фанфрелюш.* Театральный дневник аббата / Аббат-Фанфрелюш [Шершеневич В. Г.] // Зрелища. — 1923б. — № 31—32 (5—22 апреля). — С. 21.

4. *Белинский В.* Сочинения. Часть девятая / В. Белинский. — Москва : Типография В. Грачева и К°, 1860. — 508 с.

5. *Бескин Эм.* Революция и театр / Эм. Бескин // Вестник работников искусств. — 1921. — № 7—9. — С. 30—34.

6. *Виргинский В.* Шекспир в Московском театре оперетты / В. Виргинский // Правда. — 1940. — № 3 (3 янв.). — С. 4.

7. *Гроссман В.* Опера «Близнецы» / В. Гроссман // Советское искусство. — 1939. — № 40 (21 апр.). — С. 3.

8. *«Двенадцатая ночь»* в оперетте // Советское искусство. — 1938. — № 42 (2 апр.). — С. 4.

9. *Державин К.* Книга о Камерном театре. 1914—1934 / К. Державин. — Москва : Художественная литература, 1934. — 240 с.

10. *Дроздков В. А.* Dum spiro spero : О Вадиме Шершеневиче, и не только : Статьи, разыскания, публикации / В. А. Дроздков. — Москва : Водолей, 2014. — 800 с. — ISBN 978-5-91763-192-9.

11. *Золотницкий Д. И.* Будни и праздники театрального Октября / Д. И. Золотницкий. — Ленинград : Искусство, 1978. — 255 с.

12. *Карин И.* Шекспир в оперетте / И. Карин // Вечерняя Москва. — 1940. — № 7 (9 янв.). — С. 3.

13. *Константинов В.* «Двенадцатая ночь» / В. Константинов // Советское искусство. — 1940. — № 5 (18 янв.). — С. 3.

14. *Коонен А. Г.* Алиса Коонен : «Моя стихия — большие внутренние волненья». Дневники. 1904—1950 / А. Г. Коонен. — Москва : НЛО, 2021. — 768 с.

15. *Коонен А. Г.* Страницы жизни / А. Г. Коонен. — 2-е изд. — Москва : Искусство, 1985. — 446 с.

16. *Коонен А. Г.* Страницы жизни. Глава XII / А. Г. Коонен // Театр. — 1968. — № 6. — С. 83—100.

17. *Купцова О.* Пресса Камерного театра : журнал «Мастерство театра» и газета «7 дней МКТ» / О. Купцова // «… Глядеть на вещи без боязни». К столетию Камерного театра. Сборник статей. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Камерного театра (16—18 декабря 2014 года). — Москва : Государственный институт искусствознания, 2016. — С. 122—135. — ISBN 978-5-98287-107-7.

18. *Лагран*. Шекспир в оперетте («В. Шершеневич и Шеншин…») / Лагран; рисунок художников Милкос // Декада московских зрелищ. — 1940. — № 1. — С. 17.

19. *Луначарский А. В.* Собрание сочинений : в 8 т. Литературоведение, критика, эстетика. Дореволюционный театр. Советский театр : Статьи, доклады, речи, рецензии (1904—1933) / А. В. Луначарский. — Москва : Художественная литература, 1964. — Т. 3. — 627 с.

20. *Луначарский А. В.* О театре «Романеск». Письмо к Е. К. Малиновской / А. В. Луначарский // А. В. Луначарский. Неизданные материалы. — Москва : Наука, 1970. — С. 383—386.

21. *Луценко Е. М.* «... возможное ли дело — верно переводить Шекспира?» : «Ромео и Джульетта» У. Шекспира в русском зазеркалье / Е. М. Луценко // Шекспир У. Ромео и Джульетта / Изд. подг. Е. М. Луценко. — Москва : Ладомир; Наука, 2021. — С. 583—637.

22. *Луценко Е. М.* Переводческое фиаско К. Д. Бальмонта : черновая редакция «Ромео и Джульетты» У. Шекспира / Е. М. Луценко // Шаги / Steps. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 84—103. — DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-84-103.

23. *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература / В. Львов-Рогачевский. — Москва : ВЦСПО, 1922. — 330 с.

24. *Марголин С.* Весна театральной чрезмерности / С. Марголин // Вестник работников искусств. — 1921. — № 10—11. — С. 122—124.

25. *Марков П.* История моего театрального современника : Главы неоконченной кн. / П. Марков // Марков П. Книга воспоминаний. — Москва : Искусство, 1983. — С. 7—354.

26. *Морозов М. М.* Шекспир на советской сцене / М. М. Морозов // Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. — Москва : Художественная литература, 1954. — С. 52—92.

27. *Московская хроника* // Театр и музыка. — 1923. — № 7 (6 апр.). — С. 684—686.

28. *М-ч.* Шекспир в калоше : [О спектакле «Ромео и Джульетта» (пер. Шершеневича) в Московском камерном театре] / М-ч // Театральное обозрение. — 1921. — № 6. — С. 15—16.

29. *Новые спектакли Театра оперетты* // Вечерняя Москва. — 1939. — 19 окт. — № 240. — С. 3.

30. *Пингвин*. Эволюция драмы / Пингвин [В. Шершеневич] // Зрелища. — 1923. — № 19 (3—15 января). — С. 17.

31. *Таиров А. Я.* Записки режиссера / А. Я. Таиров. — Москва : Издание Камерного театра, 1921. — 200 с.

32. *Таиров А. Я.* «Ромео и Джульетта» : К постановке «Ромео и Джульетты» 1921 г. / А. Я. Таиров // Таиров А. Я. Записки режиссера : Статьи. Беседы. Речи. Письма. — Москва : Всероссийское театральное общество, 1970. — С. 284—291.

33. *Таров*. У авторов оперетты «Близнецы» / Таров // Декада московских зрелищ. — 1939. — № 25. — С. 6.

34. *Театр имени* В. Ф. Комиссаржевской. Мнения о "Комедии ошибок" : Юрий Соболев, В. Шершеневич // Трудовая копейка. — 1923. — № 33 (27 сент.). — С. 4.

35. *Треплев Г.* Камерный театр. «Ромео и Джульетта» / Г. Треплев // Вестник театра. — 1921. — № 91—92. — С. 13—14.

36. *Хализева М.* Комментарии / М. Хализева // Коонен А. Алиса Коонен : «Моя стихия — большие внутренние волненья». Дневники. 1904—1950. — Москва : НЛО, 2021. — С. 553—746.

37. *Хроника* // Жизнь искусства. — 1923а. — № 35 (4 сентября). — С. 28.

38. *Хроника* // Зрелища. — 1923б. — № 19 (3—15 января). — С. 24 ; 1923 в. — № 20 (16—22 января). — С. 22—23 ; 1923 г. — № 25 (20—26 февраля). — С. 20—21 ; 1923 д. — № 53 (11—17 сентября). — С. 10—11.

39. *Хроника* // Культура театра. — 1921. — № 4. — С. 56—60.

40. *Чарский М.* Впечатления : [О спектакле «Близнецы» в Московском театре оперетты] / М. Чарский / Рисунки В. Руднева // Декада московских зрелищ. — 1940. — № 6. — С. 14.

41. *Шекспир У.* Ромео и Джульетта : Трагедия / пер. с англ. К. Д. Бальмонта / У. Шекспир // Солнечная пряжа : Научно-популярный и литературно-художественный альманах. — Иваново ; Шуя : Издатель Епишева О. В., 2012. — Выпуск 6. — С. 132—186.

42. *Шеншин А. А.* «Близнецы» : [О работе над оперой по комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»] / А. А. Шеншин, В. Г. Шершеневич // Декада московских зрелищ. — 1939. — № 2. — С. 2.

43. *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. / В. Г. Шершеневич // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. — Москва : Московский рабочий, 1990. — С. 417—646. — ISBN 5-239-00620-2.

44. *Шершеневич В. Г.* Критические тексты : От футуризма к имажинизму / В. Г. Шершеневич / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. А. Дроздкова, А. А. Николаевой. — Москва : Водолей, 2022. — 480 с. — ISBN 978-5-91763-563-7.

Material resources

Correspondence of the Shakespeare Cabinet at the WTO with the Committee for the Arts on foreign repertoire for the Soviet theater. List of foreign plays, reviews of translations, etc. materials. In: *RGALI. F. 970. Op. 4. Ed. hr. 209. 103 ll.* (In Russ.).

Dmokhovsky, B. M. Letter to V. G. Shershenevich about the inclusion of the comic opera "Gemini" in the repertoire of the Khabarovsk Theater of Musical Comedy. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 136. 1 l.* (In Russ.).

Magazine of rehearsals and performances of the Chamber Theater "Annunciation", "Adrienne Lecouvreur", "King Harlequin", "Salome", "Princess Brambilla", "Romeo and Ju-

liet", "Toy Box", "Phaedra", "Senora Formica", "Girofle-Girofle", "Blanket Pierrettes", "Blue carpet", "Yellow jacket", "Sakuntala". In: *RGALI. F. 2030. Op. 1. Ed. hr. 89. 245 ll.* (In Russ.).

Magazine of rehearsals and performances of the Chamber Theater "Romeo and Juliet", "King Harlequin", "Two Worlds", "Windsor Pranksters", "The Marriage of Figaro", "Princess Brambilla", "Adrienne Lecouvreur". In: *RGALI. F. 2030. Op. 1. Ed. hr. 88. 30 ll.* (In Russ.).

Minutes of meetings of members of the society "Chamber Theater". In: *RGALI. F. 2030. Op. 1. Ed. hr. 4. 38 ll.* (In Russ.).

Minutes of the Board meetings of the Chamber Theater. In: *RGALI. F. 2030. Op. 1. Ed. hr. 5. 75 ll.* (In Russ.).

Reviews and notes on the performances of the Chamber Theater "Girofle-Girofle", "The Man who was Thursday", "Romeo and Juliet" and "Signor Formica". In: *RGALI. F. 2030. Op. 1. Ed. hr. 219. 258 ll.* (In Russ.).

Shakespeare, V. Romeo and Juliet. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 32. 70 ll.* (In Russ.).

Shershenevich, V. G. Escpose "A midsummer night's dream". 1940. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 84. 2 l.* (In Russ.).

Shershenevich, V. G. Letter to the Cultural and Educational Department of the Central Committee of the CPSU (b) about his literary and dramatic work. 1938. In: *RGALI. F. 2145. Op. 1. Ed. hr. 101. 1 L.* (In Russ.).

Vadim Gabrielevich Shershenevich: Materials for bibliography: Materials for bibliography. 1911—2018. (2019). Moscow: Krug. 346 p. ISBN 978-5-7396-0427-9. (In Russ.).

References

Abbot-Fanfrelush. (1923a). "Comedy of errors". *Spectacles, 56 (October 2—7):* 10. (In Russ.).

Abbot-Fanfrelush. (1923b). The Abbot's theatrical diary. *Spectacles, 31—32 (April 5—22):* 21. (In Russ.).

Abbot-Fanfrelush. (1924). Vladimir Sinitsyn. *Spectacles, 70 (January 15—21):* 12. (In Russ.).

Belinsky, V. (1860). *Essays. Part nine.* Moscow: Printing house of V. Grachev and Co. 508 p. (In Russ.).

Beskin, Em. (1921). Revolution and theater. *Bulletin of Workers of Arts, 7—9:* 30—34. (In Russ.).

Chronicle. (1923a). *Life of Art, 35 (September 4):* 28. (In Russ.).

Chronicle. (1923b, 1923v, 1923). *Circuses, 19 (January 3—15):* 24; *20 (January 16—22):* 22—23; *25 (February 20—26):* 20—21; *53 (September 11—17):* 10—11. (In Russ.).

Chronicle. (1921). *Culture of the theater, 4:* 56—60. (In Russ.).

Charsky, M. (1940). Impressions: [About the play "Gemini" at the Moscow Operetta Theater]. *A decade of Moscow spectacles, 6:* 14. (In Russ.).

Derzhavin, K. (1934). *A book about Chamber Theater. 1914—1934.* Moscow: Fiction. 240 p. (In Russ.).

Drozdkov, V. A. (2014). *Dum spiro spero: About Vadim Shershenevich, and not only: Articles, searches, publications.* Moscow: Aquarius. 800 p. ISBN 978-5-91763-192-9. (In Russ.).

Grossman, V. (1939). Opera "Gemini". *Soviet art, 40 (21 Apr.):* 3. (In Russ.).

Karin, I. (1940). Shakespeare in operetta. *Evening Moscow, 7 (January 9):* 3. (In Russ.).

Khalizeva, M. (2021). Comments. In: *Koonen A. Alice Koonen: "My element is great inner unrest." Diaries. 1904—1950.* Moscow: UFO. 553—746. (In Russ.).

CC BY

Konstantinov, V. (1940). "Twelfth night". *Soviet Art, 5 (January 18):* 3. (In Russ.).
Koonen, A. G. (1968). Pages of life. Chapter XII. *Theater, 6:* 83—100. (In Russ.).
Koonen, A. G. (1985). *Pages of life. 2nd ed.* Moscow: Iskusstvo. 446 p. (In Russ.).
Koonen, A. G. (2021). *Alice Koonen: "My element is great inner unrest." Diaries. 1904—1950.* Moscow: UFO. 768 p. (In Russ.).
Kuptsova, O. (2016). The press of the Chamber Theater: the magazine "Mastery of Theater" and the newspaper "7 days of MKT". "... To look at things without fear." To the centenary of the Chamber Theater. In: *Collection of articles. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Chamber Theater (December 16—18, 2014).* Moscow: State Institute of Art Studies. 122—135. ISBN 978-5-98287-107-7. (In Russ.).
Lagrand. (1940). Shakespeare in operetta ("V. Shershenevich and Shenshin ..."). *Decade of Moscow spectacles, 1:* 17. (In Russ.).
Lunacharsky, A. V. (1964). Collected works: In 8 volumes. Literary criticism, criticism, aesthetics. In: *Pre-revolutionary theater. Soviet Theater: Articles, reports, speeches, reviews (1904—1933), 3.* Moscow: Fiction. 627 p. (In Russ.).
Lunacharsky, A. V. (1970). About the Romanesque Theater. Letter to E. K. Malinovskaya. In: *Unreleased materials.* Moscow: Nauka. 383—386. (In Russ.).
Lutsenko, E. M. (2019). K. D. Balmont's Translation fiasco: draft edition of "Romeo and Juliet" by W. Shakespeare. *Steps / Steps, 5 (3):* 84—103. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-84-103. (In Russ.).
Lutsenko, E. M. (2021). ".. is it possible to translate Shakespeare correctly?": "Romeo and Juliet" by W. Shakespeare in the Russian Looking Glass. In: *Shakespeare U. Romeo and Juliet.* Moscow: Ladomir; Nauka. 583—637. (In Russ.).
Lviv-Rogachevsky, V. (1922). *The newest Russian literature.* Moscow: VTSSPO. 330 p. (In Russ.).
Margolin, S. (1921). Spring of theatrical excess. *Bulletin of workers of Arts, 10—11:* 122—124. (In Russ.).
Markov, P. (1983). The Story of my theatrical contemporary: Chapters of the unfinished Book. In: *The Book of Memories.* Moscow: Iskusstvo. 7—354. (In Russ.).
Morozov, M. M. (1954). Shakespeare on the Soviet stage. In: *Selected articles and translations.* Moscow: Fiction. 52—92. (In Russ.).
Moscow Chronicle. (1923). Theater and music, 7 (6 Apr.): 684—686. (In Russ.).
M-h. (1921). Shakespeare in a kalosh: [About the play "Romeo and Juliet" (Shershenevich's lane) at the Moscow Chamber Theater]. *Theater Review, 6:* 15—16. (In Russ.).
New performances of the Operetta Theater. (1939). *Evening Moscow, 240 (October 19):* 3. (In Russ.).
Penguin. (1923). The Evolution of Drama. *Spectacles, 19 (January 3—15):* 17. (In Russ.).
Shakespeare, U. (2012). Romeo and Juliet: A Tragedy. In: *Solar yarn: Popular Science and literary and artistic almanac, 6.* Ivanovo; Shuya: Publisher Episheva O. V. 132—186. (In Russ.).
Shenshin, A. A., Shershenevich, V. G. (1939). "Gemini": [About the work on the opera based on Shakespeare's comedy "Twelfth Night"]. *Decade of Moscow spectacles, 2*: 2. (In Russ.).
Shershenevich, V. G. (1990). A magnificent eyewitness. Poetic memoirs of 1910—1925. In: *My century, my friends and girlfriends. Memoirs of Marienhof, Shershenevich, Gruzinov.* Moscow: Moskovsky rabochy. 417—646. ISBN 5-239-00620-2. (In Russ.).

CC BY

Shershenevich, V. G. (2022). *Critical texts: From futurism to imagism.* Moscow: Aquarius. 480 p. ISBN 978-5-91763-563-7. (In Russ.).

Tairov, A. Ya. (1921). *Notes of the director.* Moscow: Chamber Theater Publishing House. 200 p. (In Russ.).

Tairov, A. Ya. (1970). "Romeo and Juliet": To the production of "Romeo and Juliet" in 1921. In: *Director's notes: Articles. Conversations. Speeches. Letters.* Moscow: All—Russian Theater Society. 284—291. (In Russ.).

Tarov. (1939). The authors of the operetta "Gemini". *Decade of Moscow spectacles, 25:* 6. (In Russ.).

Theater named after V. F. Komissarzhevskaya. Opinions about the "Comedy of Errors": Yuri Sobolev, V. Shershenevich. (1923). *Trudovaya kopiyka, 33 (September 27):* 4. (In Russ.).

Treplev, G. (1921). Chamber Theater. "Romeo and Juliet". *Bulletin of the Theater, 91—92:* 13—14. (In Russ.).

"Twelfth night" in operetta. (1938). *Soviet Art, 42 (2 Apr.):* 4. (In Russ.).

Virginsky, V. (1940). Shakespeare at the Moscow Operetta Theater. *Pravda, 3 (January 3):* 4. (In Russ.).

Zolotnitsky, D. I. (1978). *Weekdays and holidays of theatrical October.* Leningrad: Iskusstvo. 255 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.05.2022,
одобрена после рецензирования 30.05.2022,
подготовлена к публикации 13.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Житенев А. А. Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии / А. А. Житенев, Е. С. Стрельникова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 302—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319.

Zhitenev, A. A., Strelnikova, E. S. (2022). Neo-Mytho-Logic: Experience of Clarifying Modern Research Terminology. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 302-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319

Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии

Житенев Александр Анатольевич
orcid.org/0000-0002-6365-4138
ResearcherID A-6088-2016
доктор филологических наук,
профессор
кафедра издательского дела
superbia@mail.ru

Стрельникова Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-7260-6883
аспирант
кафедра русской литературы
XX—XXI веков, теории литературы
и гуманитарных наук
svstrelnikov@inbox.ru

Воронежский
государственный университет
(Воронеж, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-312-90016

Neo-Mytho-Logic: Experience of Clarifying Modern Research Terminology

Alexander A. Zhitenev
orcid.org/0000-0002-6365-4138
ResearcherID A-6088-2016
Doctor of Philology, Professor
Department of Publishing
superbia@mail.ru

Ekaterina S. Strelnikova
orcid.org/0000-0002-7260-6883
Postgraduate Student
Department of Russian Literature
of the 20th—21st Centuries, Theory
of Literature and the Humanities
svstrelnikov@inbox.ru

Voronezh State University
(Voronezh, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out
with the financial support of the Russian
Foundation for Basic Research
within the framework of a scientific
project № 20-312-90016

© Житенев А. А., Стрельникова Е. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос о терминологическом плюрализме, существующем в парадигме литературоведческих понятий, связанных с категорией мифологического. Актуальность исследования обусловлена отсутствием дифференциации в трактовке понятий, связанных с мифом в литературе. Авторами предлагается свой вариант различения терминов, восходящий к специфике субъектно-объектных отношений авторского и мифологического. Рассматриваются понятия «миф», «мифологическое», «мифологизм» и связанные с ними процессы «демифологизации» и «ремифологизации». Доказано, что мифологическому в художественном произведении свойственна структурная и смысловая замкнутость, а также резистентность к влиянию индивидуально-авторского. Установлено, что становление неомифологического, напротив, изначально подразумевает устремленность авторского сознания (субъекта) к выстраиванию художественного пространства в логике самовоплощения и аксиологически-ориентированного миросозидания. Отмечается, что это обусловливает многоплановость неомифологических элементов и соотносимость разных культурфилософских пластов, имплицитно трансформированных автором в неомифы, а неомифологизм предлагается определять не только как художественный феномен, но и как перспективную методологию литературоведческого анализа. Авторами предлагается разграничить неомифологические тенденции и постмодернистский опыт создания «авторских мифов».

Ключевые слова:
миф; неомиф; неомифологизм; демифологизация; ремифологизация; авторский миф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question is raised about the terminological pluralism that exists in the paradigm of literary concepts related to the category of the mythological. The relevance of the study is due to the lack of differentiation in the interpretation of the concepts associated with the myth in the literature. Based on the totality of the considered studies, the authors propose their own version of the distinction between terms, which goes back to the specifics of the subject-object relations of the authorial and the mythological. The concepts of “myth”, “mythological”, “mythologism” and the processes of “demythologization” and “remythologization” associated with them are correlated with the logic of object domination over the level of the subject-author’s (personal) world-building intention. It is proved that the mythological in a work of art is characterized by structural and semantic isolation, as well as resistance to the influence of the individual author. It has been established that the formation of the neomythological, on the contrary, initially implies the aspiration of the author’s consciousness (subject) to build an artistic space in the logic of self-embodiment and axiologically oriented world-building. This determines the diversity of neomythological elements and the correlation of different cultural and philosophical layers, implicitly transformed by the author into neomyths, and it is proposed to define neomythologism not only as an artistic phenomenon, but also as a promising methodology for literary analysis. At the same time, the authors propose to distinguish between neo-mythological tendencies and the postmodern experience of creating “author’s myths”.

Key words:
myth; neomyth; neomythologism; demythologization; remythologization; author myth.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82.091

Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии

© Житенев А. А., Стрельникова Е. С., 2022

1. Введение = Introduction

Рубежность мировосприятия многим исследователям представляется одной из важнейших характеристик XX—XXI веков. «Общий знаменатель и общая характеристика» рубежной культуры — «катастрофизм», который представляет собой такой сценарий культурных процессов, в котором происходит «стремительная поляризация полюсов оппозиций, деструктивных и конструктивных факторов, стереотипов и инноваций, базовых ценностно-смысловых концептов и ориентаций» [Земсков, 2002, с. 14]. Рубежность порождает лиминальность самоощущения индивида, который нередко отчужден и дезориентирован и на культурном перевале вдруг оказывается «ни здесь, ни там <…> в промежутке между» [Тэрнер, 1983, с. 169]. В таком положении индивид ищет точку опоры — и находит ее, в частности, в мифе как культурном коде, который ассоциируется с устойчивостью и неизменностью.

Обращение русской литературы к мифологическому сознанию — многократно описанное явление, наиболее проявившееся на рубежах XIX—XX и XX—XXI веков. Отмечая способность мифологического гармонизировать мир, исследователи объясняют интерес к нему стремлением преодолеть ощущение тотальной неустойчивости человеческого бытия. Это особенно характерно для рубежа XIX—XX веков с его модернистской идеей вечного повторения и эсхатологическими предощущениями: «Травматический опыт войн, революций и диктатуры заставляет культуру искать безопасности в мифическом мировосприятии» [Сочивко, 2013, с. 13].

Рубеж XX—XXI веков, вписанный уже в ряд постмодернистских категорий и семиотических моделей, больше связан с проблемой соотнесения реального и ирреального (в том числе игрового), первичного и вторичного. Отчужденный от участия в историческом процессе, современный человек начинает сомневаться и в реальности прогресса, и в рациональности его сути. Такая модель мира близка мифологической — с той лишь разницей, что объектом моделирования становятся не силы природы, а механизмы общественного устройства [Лесных, 2009, с. 111—112].

Несмотря на обширную историю вопроса, содержание понятий «миф», «неомиф», «мифологизм» и т. п., как и их взаимосвязь, остаются в науке о литературе далекими от определенности.

CC BY

Очень наглядно обозначенная проблема фиксируется Г. П. Козубовской [Козубовская, 2011], монография которой начинается с перечисления терминов, восходящих к понятию «миф», где исследователь, давая обширные сноски, тем не менее не формулирует собственные определения [Козубовская, 2011, с. 4—5]. Необходимость расподобления близких терминов констатируется в работе М. В. Ерёменко, где исследователем выстраивается и комментируется оппозиция миф — неомиф [Ерёменко, 2001, с. 18—24]. Неоднозначности существующих в литературоведении терминов и важности разведения понятий «мифологизм» и «неомифологизм» посвящено несколько параграфов работы Я. В. Погребной [Погребная, 2006, с. 29—141].

Терминологический плюрализм неизменно порождает неоднозначность понятий, которые зачастую по-разному трактуются исследователями. И. О. Шайтанов сравнивает это явление с энтропией в сфере гуманитарных наук и утверждает необходимость «отрефлектировать терминологический инструментарий» [Шайтанов, 2005, с. 130]. Термины *миф, неомиф, мифологизм, неомифологизм, ремифологизация, демифологизация* используются в современном литературоведении очень часто, что, безусловно, свидетельствует о важности связанных с ними явлений. Однако распространенная практика использования терминов как рабочих определений без ясного эксплицирования их значения создает смысловую путаницу. Во многих работах можно наблюдать разговор об одних и тех же явлениях, но на разных терминологических языках, где, к примеру, один литературовед под *неомифологизмом* подразумевает постмодернистский инструментарий, другой — мировоззренческий феномен начала XX века, третий — панмифологические тенденции в культуре всего XX века, а четвертый приравнивает это понятие к ремифологизации и рассуждает о сюжетных интерпретациях античного мифа.

В данной статье мы предпринимаем попытку разобраться в подходах к толкованию терминов *миф* / *неомиф* / *авторский миф, мифология* / *неомифология* / *индивидуально-авторская мифология*, *мифологизм* / *неомифологизм, ремифологизация* / *демифологизация*, а также предлагаем собственный вариант их смыслового расподобления.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Существует множество подходов к понятию мифа и его отграничению от близких категорий. Одна из наиболее продуктивных стратегий, на наш взгляд, состоит в раскрытии связей мифа и неомифа сквозь призму субъектно-объектных отношений. Приведем доводы в пользу такого предположения.

Говоря о мифе как форме «целостного массового переживания действительности» [Жбанков, 1998, с. 430], специфика которого связана с кол-

CC BY

лективными представлениями, а не личным опытом человека [Мелетинский, 2000, с. 24], исследователи отмечают его исключительную самостоятельность, структурную замкнутость и миросозидающую потенцию. «Наделенный … внутренней гармонией» [Зайнуллина, 2004, с. 3], архаический миф сам по себе — творец, обобщающая сила, созидатель пространства, упорядочивающего хаос реальности.

Архаический миф — условная «вещь в себе», смысл которой обладает собственной ценностью [Барт, 2008, с. 275]; объект, мыслящий сам себя; разум, оставшийся наедине с собой; «мифы мыслят в людях без их ведома» [Леви-Строс, 1999, с. 20]. Логично рассудить, что у такого мифа нет автора — отчасти потому, что автор его «размножен» до бесконечности; отчасти потому, что в момент самого первого «рассказывания» миф уже откуда-то известен нарратору, он и есть — рассказанная история, независимая от формы, человека и его языка, он сам — язык, причем самого высокого уровня [Леви-Строс, 1985, с. 187].

Принципиальная завершенность мифа — основа его важнейшей характеристики: закрытости, в которой возможно лишь воспроизведение уже свершившегося, бесконечный повтор [Жбанков, 1998, с. 430]. «Объект в себе», не нуждающийся в субъекте, архаический миф — это система замкнутая, а значит, подверженная энтропии, допускающая момент, когда в миф перестают верить.

Мифология как «фантастическое отражение действительности в первобытном сознании» и как «форма проявления мировоззрения древнего общества» [ФС, 1975, с. 248] для архаичного человека — инструмент дешифровки явлений, истолкования загадок, выстраивания прогностических моделей. Мифология существует как мир, первичный и по отношению к индивидуальному, и по отношению к общественному сознанию [Зенько, 2012, с. 62]. Мифология замыкается в законах, объективных только внутри её системы, это «остатки древнего сонного сознания человечества» [Волошин, 2007, с. 9].

В рубежные и катастрофические эпохи в развитии культуры миф, способный убеждать вне апелляций к рационалистическим схемам, из области мифологической архаики переходит в плоскость культурного строительства.

Мифологизм называют определяющей чертой XX века [Тернова, 2000, с. 108]. Это явление, которое толкуется и как мироощущение конкретной эпохи, и как художественный приём, возводится к устремлению «оживить» мифологическое на новой культурной почве. В нашем понимании, мифологизм — это попытка «воскрешения» уже имеющегося пласта мифологических сюжетов и образов. Существующее независимо от человеческого сознания, мифологическое и в художественный текст приходит «самосто-

CC BY

ятельно», «конструирует некую *иную* реальность, претендующую на то, чтобы действительно существующую заместить» (курсив наш. — *А. Ж., Е. С.*) [Там же, с. 110].

Мифологизм — это функционирование в общественном сознании взятых из культуры мифологических концептов. Исходно мифологическими при этом могут восприниматься как архаические, так и социальные мифы, но известные, устоявшиеся, закрепившиеся в исторической памяти.

Мифологизм как приём — это использование известных мифов в художественном тексте в «привычной» для них парадигме воплощений и смыслов. Здесь показательна для нас следующая формулировка: «Мифологизм — проникновение элементов мифа в литературу» [Короткова, 2021, с. 16]. Именно *проникновение*, именно «вторжение» извне, именно объектное доминирование на пути к поиску воспринимающего субъекта через авторское сознание.

Мифологизму как явлению сопутствуют процессы де- и ремифологизации. Изначально вписанный в парадигму христианского мировоззрения, феномен демифологизации связан с нарастающим недоверием человека к любой «мифологической речи», которая представляется тем более недостоверной, чем дальше в прошлое уходит «мифическая картина мира» [Бультман, 2004, с. 7—8].

Традиция обращения к описанию такого рода «мифической картины мира» сильна в отечественной словесности, где духовная проблематика была и остается отнюдь не на периферии исследовательского внимания. Работы, посвященные осмыслению христианских культурных кодов, а также поиску их в русской литературе, сегодня довольно многочисленны и обширны. Так, некоторые работы М. Ю. Лотмана посвящены исследованию специфики религиозной и светской письменности [Лотман, 1993]. И. А. Есаулов обращается к исследованию В. Набокова и И. Шмелева с позиции осмысления процесса «дехристианизации культуры» [Есаулов, 2005]. Исследование библейских мотивов и сюжетов в поэтике В. Маяковского позволяют по-новому рассмотреть уже, казалось бы, изученные страницы русской литературы [Шалков, 2008].

Демифологизация в литературе (которая тоже — и Слово, и Нагорная проповедь) — своего рода «разрушение стереотипов мифопоэтического мышления, утративших свою “подъёмную” силу» [Топоров, 1995, с. 5]. Между тем демифологизация изначально — «критическое устранение» новозаветной мифологии и её новая, тоже критическая, экзистенциальная интерпретация, ориентированная на «немифологически мыслящего человека» [Бультман, 2004, с. 15—17]. «Демифологизированное» выводит пласт мифического повествования в область исторических обобщений, ут-

CC BY

верждая не чудо, а «*парадокс* присутствия» (курсив наш. — *А. Ж., Е. С.*) [Там же, с. 40] потустороннего в посюстороннем.

В литературе демифологизация — это «уничтожение» мифа, его «развенчание», расколдование как объективированного «чужого сознания» [Осаченко, 2011, с. 65]. Подчеркнём: именно *чужого*, которое изначально — чуждое и не своё, которое невозможно присвоить даже при стремлении это сделать. «Уничтожение» мифа означает одновременно и утрату им своей мироорганизующей потенции, и заполнение образовавшейся лакуны новыми установками, на поверку — тоже сакрализованными, как, к примеру, произошло с развенчанием фигуры В. Маяковского, вместо «осоветизированного» идола которого в трудах ряда исследователей возникла иная, не менее «сакрализованная» (и потому в той же степени имеющая отношение к действительности), нарочито сниженная фигура, которая «отрицает мир и бога и обрушивается на них всеми доступными ему средствами», «обращается к террору, пытаясь навязать себя женщине, жизни, литературе» [Жолковский, 1994, с. 274].

Процессы де- и ремифологизации неидентичны, неравноценны и функционируют в различных ситуациях: демифологизация осуществляется после «конца» мифа, а ремифологизация — «внутри» него. Ремифологизация — это «восстановление» существующего мифа [Осаченко, 2011, с. 65] и использование в дистанцированной от времени его создания эпохе [Тернова, 2000, с. 111], но не его качественная трансформация. Это *видимое* «становление Нового Мифа», потому что происходит оно лишь «в … *исконном* понимании» (курсив наш. — *А. Ж., Е. С.*) [Жерносенко, 2013, с. 358], даже если и «на почве новой реальности, предполагающей использование её действующих лиц и элементов» [Тернова, 2000, с. 112].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Потенция ремифологизированного — объектна, исходит извне, оказывается явленной в художественном тексте безотносительно фигуры автора, который записывает, а вероятно, (и — да!) несколько перестраивает имеющийся мифологический сюжет или образ, но который сам в эту структуру не вписан, ей не органичен, который не становится миросозидателем и демиургом, потому что остаётся в позиции созерцателя и протоколиста. Это попытка «сделать миф реальностью современности» [Рылова, 2010, с. 102], актуализировать его, сделать «рамой» для «упорядочивания материала, отобранного историей» [Там же, с. 103]. И хотя к понятию «ремифологизация» часто возводят широкий спектр смежных между собой явлений (от использования отдельных мифологических образов и сюжетов, в том числе в виде стилизаций и вариаций, до «авторских мифов» и панми-

CC BY

фологических тенденций [Лесных, 2009, с. 111]), мы склонны утверждать их качественное различение.

3.1. В поисках «нео-»

Исследователи сходятся во мнении, что XX век — эпоха новых мифов и мифотворцев, порожденная стремлением к «преобразованию» «живой жизни» в конструкт, отправной точкой которого является «жизне*строительная* идея» (курсив наш. — *А. Ж., Е. С.*) [Никонова, 2011, с. 11], а направлением развития — следование новым заповедям и канонам. Некоторые исследователи утверждают, что XX век — это отдельная эпоха в литературе, основанная на мифологическом типе сознания, пришедшая на смену реализму века XIX [Максимов, 1979, с. 4—5] и сложно соотносимая с его наследием [Минц, 2004, с. 60].

Миф ещё в период зарождения модернизма осмысляется как первоэлемент новой мировоззренческой парадигмы, а искусство — как форма «постижения мира и его *сотворения*» (курсив наш. — *А. Ж., Е. С.*) [Шлигерская, 2005, с. 201], когда явления мифологического, символического и архетипического осмысляются в нём как «высший класс универсальных модусов бытия» [Топоров, 1995, с. 4]. Однако «поэтический миф нового времени — это построенная с помощью *авторской* фантазии моделирующая “вторая действительность”, взятая в метаисторическом плане или превращенная в фантасмагорию, за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории» (курсив наш. — *А. Ж., Е. С.*) [Максимов, 1979, с. 6]. Поэтому «мифотворчество XX столетия характеризуется не только интересом к классическому мифу, но и созданием авторами своей оригинальной мифологической структуры» [Зайнуллина, 2004, с. 12].

Главное отличие «мифа нового времени» от описанных ранее — в источнике созидающего его начала. Его апелляция к элементам архаического сознания (либо к социальным мифам) не подвергается сомнению, но качественно иным оказывается взаимодействие с ними. «Миф нового времени» — *неомиф* — это всегда история, исходящая от субъекта, от автора, который, даже обращаясь частично к мифу архаическому, перестраивает логику взаимосоотнесения его элементов и всегда отталкивается от позиции своего героя в выстраиваемом «дивном новом» мире. Миф — объектен, неомиф — субъектен. И само его появление в культуре XX века, помимо прочего, доказывает антропоцентрическую аксиологию, находящуюся в центре внимания литературы этого периода, несмотря на кардинальную смену всей системы мировоззренческих координат [Петрова, 2001]. Это не тот миф, что «пробуждается» и ищет реципиента только затем, чтобы вторгнуться в его сознание; ищет автора, чтобы его рукой «воскресить» себя в новой культурной реальности; «прорывает» громаду лет «весомо, грубо и зримо», вторгаясь

CC BY

в современность через единственное пространство, где в него еще могут поверить — через художественное, но оставаясь при этом существовать в привычных условиях и смыслах. Тот миф остается чуждым ткани произведения, ощущается швом, а не одной из множества нитей.

Неомиф же выстраивается автором на основе имеющегося мифологического культурного опыта, но соразмерно особенностям собственного мироощущения. Одно из важных, с нашей точки зрения, отличий неомифа от мифа — в «наглядности» его проявлений в тексте. Как правило, миф явлен в тексте показательно. Один из способов его появления — реминисцентно-аллюзивные отсылки, однозначные, относительно легко опознаваемые и прямо указывающие на миф-источник; другой вариант — «перепроговаривание» известного сюжета, также распознаваемое и подробное; третий — выстраивание системы персонажей как мифологических двойников, иерархически выстроенных относительно друг друга и включенных, как правило, в *один* мифологический контекст. Субъектность неомифа обусловливает, как правило, сознательное оперирование известными мотивами. Категоричное определение его как сознательно творимого требует более широкого исследования. На наш взгляд, субъектность и осознанность неомифа — не обязательно предполагающие друг друга обстоятельства.

Неомифологическое художественное пространство — выстроенное автором и потому более свободное в вариантах собственного бытия — чаще основано на сопряженности нескольких мифологических пластов, каждый из которых выступает в роли «шифра», раскрывающего значение изображаемого. Это обеспечивает неомифологическую множественность значений образов в тексте такого рода. Поэтому важнейшая особенность неомифологического произведения — сложная полигенетичность (термин В. М. Жирмунского), полисемантичность, поликультурность, даже металитературность — и гетерогенность образов и сюжета [Минц, 2004, с. 74].

Неомифологические тексты никогда не являются «подражателями» или стилизациями, а элементы мифа, взятого автором для организации собственного мифотворческого процесса, находятся лишь в ряду «многих равноценных объектов изображения» [Там же, с. 73]. При этом неомиф не только раскрывает смысл событий истории и современности, но и сам объясняется ими, то есть «план выражения и план содержания здесь постоянно и характерно меняются местами» [Там же, с. 74].

Все это обусловливает меньшую степень вербализованности неомифа в отличие от мифа, а в художественном тексте зачастую нет прямых указаний на источники, повлиявшие на его неомифологическое содержание. Одной из главных примет такого языка становятся мифологемы или реминисценции, но предельно свернутые и даже неразличимые при первичном

CC BY

восприятии [Там же, с. 75]. Не менее частотная форма существования неомифа — его незримое «вплетение» в нарративную ткань текста и восстановимость лишь на мотивном уровне без каких-либо прямых номинаций.

«Пропущенный» «через индивидуальное сознание с его рефлексией и авторским свободным отношением к изображаемому» [Максимов, 1979, с. 5—6], неомиф, помимо присутствия в нем ведущей роли авторской интенции, является и порождением эпохи с сопряжением актуальных смыслов, «витающих в воздухе». К примеру, процесс формирования дионисийского неомифа в раннем творчестве В. Маяковского [Давыдов, 2006] хронологически соотносим с появлением работ Вяч. Иванова [Иванов, 1989; Иванов, 1994] и общей устремленностью эпохи модернизма к осмыслению логики дионисийско-аполлонической оппозиции, диалектическое описание которой восходит к рецепции идей Ф. Ницще. Таким образом, внимание к дионисийскому Маяковского — это его авторская интенция, катализированная общей «наполненностью» культурфилософского пространства начала XX века ницшеанскими идеями.

Исследователи отмечают, что зарождение неомифологизма как культурного феномена как раз и произошло в ту эпоху в парадигме модернистского мировоззрения [Минц, 2004, с. 60]. Неомифологизм, помимо прочего, определяется как «мифотворчество» [Можейко, 1998, с. 433], возводимое к влиянию на философские устремления начала века идей Р. Вагнера и Ф. Ницше, повлиявших на попытки художников создавать «авторские мифы» в их нарочитой мифологизированности и «отходе от бытовой эмпирии, от чёткой временной или географической приуроченности» [Лотман, 2008, с. 596]. Неомифологизм как культурфилософское явление обычно усматривается исследователями в поэтике символистов [Сочивко, 2013], хотя мы считаем важным отметить, что, с нашей токи зрения, поэтика футуризма в неменьшей степени философична и устремлена к мифосозиданию — и не только в области лингвистических новаций.

3.2. Методология и «пост-»

Итак, неомифологизм — это расширение смысловых возможностей текста путем включения в него реконструированных мифологических элементов, в результате чего трансформируется сама исходная мифологическая картина мира — она становится индивидуально-авторской, — а мифологическая архаика оказывается не только материалом, но и средством изображения, особой формой художественной герменевтики [Кривонос, 2008, с. 123—124]. Но это же — и перспективная методология современного литературоведческого исследования, намеченная ещё в 1937 году Р. О. Якобсоном [Якобсон, 1987]. Подход этот заключался в рассмотрении любого текста не обособленно — в нерушимой смысло-

CC BY

вой завершенности, — а созависимо с целостным индивидуально-авторским дискурсом.

Открытость неомифа в противоположность энтропийной замкнутости мифа и обусловливает разницу подходов к его толкованию, и предопределяет множественность явлений, которые могут стать его частью, гарантирует возможность включения в её состав самых разнообразных элементов окружающей действительности. Неомифами могут стать факты исторические, культурные, социальные, биографические и проч. — любые, в том числе и те, которые мифологизированы изначально не были. Неомифологизм, таким образом, отличается от мифологизма на уровне предзаданности собственной мифологичности. Диссипативно рассеянные по системе художественного текста, неомифы могут представать перед исследователем на различных уровнях и в разнообразных воплощениях.

Мы рассматриваем неомифологизм, в числе прочего, как литературоведческую м е т о д о л о г и ю, потому что он одновременно и сопрягает частные методы, и доминирует над ними, позволяя обобщить полученные результаты в единую мифотворческую картину. Сегодня методология неомифологизма осмысляется и предлагается нами как способ свести воедино разрозненные (на первый взгляд) тексты-неомифы, проявляющие себя с разной степенью интенсивности и на разных дискурсивных уровнях конкретной авторской поэтики, в которой один неомиф продолжает другой — и одновременно сам является его первоосновой.

Всё чаще о неомифологизме и мифотворчестве говорят не как о культурфилософском феномене или свойстве литературы XX века, а как о философско-методологическом п р и ё м е создания постмодернистского текста [Можейко, 1998, с. 433]. Такого рода неомифологизм не претендует на создание автором глобальной «модели» мироустройства [Лотман, 2008, с. 598]. С нашей точки зрения, в литературоведческой перспективе существует необходимость в дополнительном уточнении понятий, потому что неомифологизм постмодернизма качественно отличается от неомифологизма модернизма по целому ряду свойств.

Главное свойство постмодернистского неомифологизма — понимание субъекта как безразличной части целого. Последнее в первую очередь отличает постмодернистский вариант неомифологизма от модернистского, где личность играет ключевую роль. Неомифологизм в постмодернизме — прием, особенность поэтики, «мифологические образы выполняют лишь роль формы, маски», а «художественная структура текста … деконструирует устойчивую структуру известного мифа» [Зайнуллина, 2004, с. 19]. Такого рода неомифологизм проявляется скорее «мозаично», когда «многочисленные и разнообразные элементы разных мифов, существуя

CC BY

как разнородные, в то же время образуют сложное, многокомпонентное единство» [Короткова, 2021, с. 7].

В этом одна из главных особенностей постмодернистского существования неомифологизма: он стал игрой, совокупностью аллюзий и реминисценций, которые, выполняя свою непосредственную функцию, не являются в полной мере элементами авторского мифотворчества как способа мышления и художественного воплощения. Такого рода неомифологизм дискретен и проявляется не нарративно, а лишь в виде «дискурса», чистой парадигматики мотивов, не более чем фразеологии, корпуса фраз и стереотипов — его нельзя рассказать, но можно толковать и анализировать [Зенкин, 2008, с. 18—19].

Говоря о необходимости терминологического расподобления модернистского и постмодернистского вариантов неомифологизма, мы подразумеваем уже существующий и активно используемый в работах последних лет термин *авторский миф*. Одновременно с этим модернистскому варианту неомифологизма, с нашей точки зрения, ближе якобсоновский термин *индивидуально-авторская мифология*, под которым подразумевается авторский дискурс, функционирующий по собственным художественным и миростроительным законам [Якобсон, 1987, с. 145—147]. Однако тождественность этого понятия неомифологизму не представляется допустимой: индивидуально-авторская мифотворческая структура не всегда — об апелляции именно к мифологическому, не всегда — о неомифе, органически в той или иной степени всё равно восходящем к культурно-социальному мифологическому опыту, хотя и трансформирующем его.

В постмодернистской же парадигме основным «строительным материалом» в создании нового художественного мира является «авторская система мифем», текстовое воплощение которой и получило название «авторского мифа» [Зайнуллина, 2004, с. 11—12]. Работа автора с исходно-мифологическим сводится к его подчеркнутой десакрализации [Там же, с. 16]. В отличие от созидающей потенции модернистского неомифологизма, которая, трансформируя известное, переосмысляет его с целью создания собственного, авторский постмодернистский миф лишь «деконструирует устойчивую структуру известного мифа» [Там же, с. 19].

Авторский миф есть «эмоционально связанный набор фактов», благодаря которому автор свободно распоряжается культурными кодами (в том числе обращаясь и к мифологии), подменяет понятия, включая в текст различные отсылки, которые читателю нужно угадать для того, чтобы полноценно воспринять произведение [Борунов и др., 2021, с. 11]. Из-за этого миф «утрачивает способность быть описательной моделью, стоящей над реальностью». Ему чужда традиционная оппозиция «добро — зло», кото-

CC BY

рая часто является основой модернистского неомифологизма, авторского поиска своего места в выстраиваемом им пространстве. Ему не свойствен иной уровень взаимодействия с категориями истинности и достоверности, кроме осмеяния и деконструкции, и мифологические элементы зачастую обыгрываются саркастически [Там же, с. 18].

Подробное изучение специфики авторского мифа выходит за пределы нашей работы, нацеленной на интерпретацию неомифологических построений как практики организации художественного дискурса на основе полигенетического сочетания контекстов, сопряжённых с субъектно-авторской волей. Присутствие авторского мифа в современной литературе представляется оправданным осмыслять скорее как нарративную стратегию [Пьянзина, 2019, с. 4], что является иным направлением исследовательской интенции, не связанным с логикой субъектно-объектной соотносимости авторского и мифологического, целью которой всегда остаётся поиск человеком органичного ему места и в мире, и в мифе — своём или присвоенном.

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи мы предложили возможный вариант смыслового расподобления понятий, связанных с категорией мифологического. Обзор существующих толкований терминов был сведён нами к разговору о тех подходах, которые представляются нам наиболее аргументированными.

Опираясь на предложенную нами логику субъектно-объектного подхода к осмыслению понятий, связанных с категорией неомифологического, кажется уместным предложить определения ключевых терминов, разведение которых было одной из целей данного исследования.

Неомифологизм как художественное явление — это принцип выстраивания художественного дискурса, который включает в себя сложное полигенетическое сочетание разных культурных и мифологических контекстов, имплицитно сопряжённых по законам субъектно-авторской творческой воли. Неомифологизм как исследовательский подход — это методология литературоведческого исследования, целью которой является обнаружение и воссоздание неомифологической структуры текста.

Неомиф — целостная художественная структура, выстроенная посредством образного, сюжетного и мотивного переплетения разнородных мифологических пластов и индивидуально-авторских мифотворческих интенций, а также значимый элемент такой художественной структуры, восходящий к преломленному авторским творческим сознанием конкретному культурному коду, являющемуся одним из ключевых для восстановления общей логики функционирования неомифологической системы.

CC BY

Разумеется, речь не идет о подведении черты под дискуссией о терминах — скорее, об обозначении параметров, в которых она могла бы быть более продуктивной. Динамика развития художественного берет своё начало от мифологизма, разрабатывающего фундаментальные культурфилософские оппозиции с целью дать универсальную модель разрешения противоречия, и приходит к своему современному варианту, который противоречия не снимает, а натурализует и даже оправдывает. Человеческому сознанию как созидателю не отказывает лишь неомифологическое, которое есть и одновременное проговаривание противоречий, важных для автора и его жизнеустройства, и поиск личной истины в творимом художественном пространстве, подчинённом логике авторского мировосприятия и законам авторской воли.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — Москва : Академический Проект, 2008. — 351 с. — ISBN 5-8242-0048-3.

2. *Борунов А. Б.* Авторский миф в современном постмодернистском романе / А. Б. Борунов, Е. В. Шерчалова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26, № 3. — С. 8—20. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-01.

3. *Бультман Р.* Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного пространства / Р. Бультман // Бультман Р. Избранное : Вера и понимание. Том I—II / пер. с нем. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — С. 7—41. — ISBN 5-8243-0493-9.

4. *Волошин М. А.* Театр — сонное видение / М. А. Волошин // Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6, кн. 1. Проза 1906—1916. Очерки, статьи, рецензии. — Москва : Эллис Лак, 2007. — С. 7—12. — ISBN 978-5-902152-49-1.

5. *Давыдов Т. В.* Дионисийское начало в ранней лирике В. В. Маяковского : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Давыдов. — Москва, 2006. — 166 с.

6. *Ерёменко М. В.* Мифопоэтика творчества Леонида Андреева. 1908—1919 гг. : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Ерёменко. — Саратов, 2001. — 185 с.

7. *Есаулов И. А.* Христианский реализм как художественный принцип русской классики / И. А. Есаулов // Четвертые Гоголевские Чтения : Гоголь и Пушкин. — Москва : Университет, 2005. — С. 100—108.

8. *Жбанков М. Р.* Миф / М. Р. Жбанков // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. — С. 430. — ISBN 985-6235-17-0.

9. *Жерносенко И. А.* Интегративные процессы в современной научной картине мира / И. А. Жерносенко // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 3 (40). — С. 356—360.

10. *Жолковский А.* К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. — Москва : Наука, Восточная литература, 1994. — 426 с. — ISBN 5-02-017743-1.

11. *Зайнуллина И. Н.* Миф в русской прозе конца XX — начала XXI веков : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Н. Зайнуллина. — Казань, 2004. — 24 с.

12. *Земсков Б. В.* Одноглазый Янус. Пограничная эпоха — пограничное сознание / Б. В. Земсков // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного со-

знания. В 2-х частях. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — Часть 1. — С. 6—21. — ISBN 5-9208-0130-1.

13. *Зенкин С.* Ролан Барт — теоретик и практик мифологии / С. Зенкин // Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — Москва : Академический Проект, 2008. — С. 5—69. — ISBN 5-8242-0048-3.

14. *Зенько А. А.* Социальное конструирование аполлонического и дионисийского начал в древнегреческой мифологии / А. А. Зенько // Историческая психология и социология истории. — 2012. — № 1. — С. 62—70.

15. *Иванов Вяч. И.* Дионис и прадионисийство / Вяч. И. Иванов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1994. — 343 с. — ISBN 5-86557-012-9.

16. *Иванов Вяч. И.* Эллинская религия страдающего бога : [Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве] / Вяч. И. Иванов ; публикация Н. В. Котрелева // Эсхил. Трагедии / Эсхил. — Москва : Наука, 1989. — С. 307—350, 556—560.

17. *Козубовская Г. П.* Рубеж XIX—XX веков : миф и мифопоэтика : монография / Г. П. Козубовская. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 318 с. — ISBN 978-5-8810-605-7.

18. *Короткова Н. С.* Модификации жанра романа в творчестве Л. Е. Улицкой : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. С. Короткова. — Воронеж, 2021. — 193 с.

19. *Кривонос В. Ш.* Миф в литературе / В. Ш. Кривонос // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. — Москва : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. — 358 с. — ISBN 978-5-903955-01-5.

20. *Леви-Строс К.* Мифологики. В 4-х тт. Сырое и приготовленное / К. Леви-Строс. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. — Том 1. — 406 с.

21. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / К. Леви-Строс. — Москва : Наука, 1985. — 536 с.

22. *Лесных Н. В.* Де- и ремифологизации истории в пьесе М. Угарова «Зеленые щеки апреля» / Н. В. Лесных // Память литературы и память культуры : механизмы, функции, репрезентации : материалы Всероссийской научной конференции (Воронеж, 16—17 апреля 2009 г.) / под ред. А. А. Житенёва ; Воронежский государственный университет. — Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2009. — С. 111—118.

23. *Лотман Ю. М.* Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание (гл. ред. С. А. Токарев). — Москва, 2008. — С. 593—599.

24. *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. — Таллин : Александра, 1993. — Т. 3. — С. 121—137.

25. *Максимов Д. Е.* О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания) / Д. Е. Максимов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века : Блоковский сборник III (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; выпуск 459) / Отв. ред. З. Г. Минц. — Тарту : [б. и.], 1979. — С. 3—33.

26. *Мелетинский Е. М.* Мифологическое мышление. Категории мифов / Е. М. Мелетинский // Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. — Москва : РГГУ, 2000. — С. 24—31.

27. *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. — Санкт-Петербург : «Искусство—СПБ», 2004. — С. 59—96. — ISBN 5-210-01533-5.

28. *Можейко М. А.* Мифология / М. А. Можейко // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. — Минск : Издательство В. М. Скакун, 1998. — С. 431—434. — ISBN 985-6235-17-0.

29. *Никонова Т. А.* К проблеме периодизации русской литературы XX века : историческая и художественная реальности / Т. А. Никонова // XX век как литературная эпоха : сборник статей. — Воронеж : НАУКА—ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 5—17.

30. *Осаченко Ю. С.* Методологические априори теоретической мифологии : между Сциллой демифологизма и Харибдой ремифологизма / Ю. С. Осаченко // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 342. — С. 62—67.

31. *Петрова Н. А.* Литература в неантропоцентрическую эпоху : Опыт О. Мандельштама / Н. А. Петрова. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2001. — 311 с. — ISBN 5-85218-109-9.

32. *Погребная Я. В.* Неомифологизм В. В. Набокова : способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 / Я. В. Погребная. — Ставрополь, 2006. — 644 с.

33. *Пьянзина В. А.* Авторский миф в современной русской литературе / В. А. Пьянзина // Universum : филология и искусствоведение. — 2019. — № 8 (65). — С. 1—4.

34. *Рылова О. Н.* Русская античность в отечественной литературе : к проблеме культурного диалога / О. Н. Рылова // Вестник ТГПУ. — 2010. — № 5 (95). — С. 100—106.

35. *Сочивко Е. Д.* Ремифологизация в культуре XX века и роль мифологического мышления в литературе / Е. Д. Сочивко // МНИЖ. — 2013. — № 5—3 (12). — С. 12—14.

36. *Тернова Т. А.* История и практика русского имажинизма : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Тернова. — Воронеж, 2000. — 215 с.

37. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс—Культура, 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.

38. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / В. Тэрнер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.

39. ФС, 1975 — *Философский* словарь : под ред. М. М. Розенталя. — Изд. 3-е. — Москва : Издательство политической литературы, 1975. — 496 с.

40. *Шайтанов И.* Триада современной компаративистики : глобализация — интертекст — диалог культур / И. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2005. — № 6. — С. 130—137.

41. *Шалков Д. Ю.* Библейские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912—1918 годов : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. Ю. Шалков. — Ростов-на-Дону, 2008. — 230 с.

42. *Шлигерская Е. В.* Концепция мифа в литературно-критическом наследии М. Волошина / Е. В. Шлигерская // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 8. Філологічні науки (мовознавство і літературознавство). — 2005. — Випуск 1. — С. 199—203.

43. *Якобсон Р. О.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. О. Якобсон // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 145—180.

References

Bart, R. (2008). *Of Mythology.* Moscow: Academic Project. 351 p. ISBN 5-8242-0048-3 (In Russ.).

Borunov, A. B., Sherchalova, E. V. (2021). The author's myth in the modern postmodern novel. *Philological class, 26 (3):* 8—20. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-01. (In Russ.).

Bultman, R. (2004). The New Testament and Mythology. The problem of demythologization of the New Testament space. In: *Favorites: Faith and Understanding, I—II.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 7—41. ISBN 5-8243-0493-9 (In Russ.).

Davydov, T. V. (2006). *The Dionysian beginning in the early lyrics of V. V. Mayakovsky.* PhD Diss. Moscow. 166 p. (In Russ.).

Eremenko, M. V. (2001). *Mythopoetics of Leonid Andreev's creativity. 1908—1919.* PhD Diss. Saratov. 185 p. (In Russ.).

FS, 1975 — Rosenthal, M. M. (ed.) (1975). Philosophical Dictionary. Moscow: Publishing House of Political Literature. 496 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1989). The Hellenic religion of the suffering God: [Fragments of the layout of a 1917 book that died in a fire in the Sabashnikov house in Moscow]. In: *Aeschylus. Tragedies / Aeschylus.* Moscow: Nauka. 307—350, 556—560. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1994). *Dionysus and pradionisism.* St. Petersburg: Aleteya. 343 p. ISBN 5-86557-012-9. (In Russ.).

Korotkova, N. S. (2021). *Modifications of the novel genre in the work of L. E. Ulitskaya.* PhD Diss. Voronezh. 193 p. (In Russ.).

Kozubovskaya, G. P. (2011). *The Turn of the XIX—XX centuries: myth and mythopoetics: monograph.* Barnaul: AltGPA. 318 p. ISBN 978-5-8810-605-7. (In Russ.).

Krivonos, V. Sh. (2008). Myth in literature. In: *Poetics: Dictionary of actual terms and concepts.* Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 358 p. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).

Lesnykh, N. V. (2009). De- and remifologization of history in M. Ugarov's play "April's Green Cheeks". In: *Memory of literature and memory of culture: mechanisms, functions, representations: materials of the All-Russian Scientific Conference (Voronezh, April 16—17, 2009).* Voronezh: Voronezh State University Publishing House. 111—118. (In Russ.).

Levi-Strauss, K. (1985). *Structural anthropology.* Moscow: Nauka. 536 p. (In Russ.).

Levi-Strauss, K. (1999). *Mythologiki. In 4 volumes, 1. Raw and cooked.* Moscow; St. Petersburg: University Book. 406 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1993). Russian literature of the post—Petrine era and the Christian tradition. *Selected articles: in 3 volumes, 3.* Tallinn: Alexandra. 121—137. (In Russ.).

Lotman, Yu. M., Mints, Z. G., Meletinsky, E. M. (2008). Literature and myths. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. Electronic edition.* Moscow. 593—599. (In Russ.).

Maksimov, D. E. (1979). On the mythopoetic beginning in the lyrics of Blok (Preliminary remarks). In: *Creativity of A. A. Blok and Russian culture of the XX century.* Tartu: [b. i.]. 3—33. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (2000). Mythological thinking. Categories of myths. In: *From myth to literature.* Moscow: RSUH. 24—31. (In Russ.).

Mints, Z. G. (2004). On some "neo-mythological" texts in the works of Russian symbolists. In: *Poetics of Russian Symbolism.* Saint Petersburg: "Art—SPB. 59—96. ISBN 5-210-01533-5. (In Russ.).

Mozheyko, M. A. (1998). Mythology. In: *The newest philosophical dictionary.* Minsk: V. M. Skakun Publishing House. 431—434. ISBN 985-6235-17-0. (In Russ.).

Nikonova, T. A. (2011). On the problem of periodization of Russian literature of the twentieth century: historical and artistic reality. In: *The twentieth century as a literary epoch: a collection of articles.* Voronezh: NAUKA—UNIPRESS. 5—17. (In Russ.).

Osachenko, Yu. S. (2011). Methodological a priori of theoretical mythology: between the Scylla of Demythologism and the Charybdis of Remythologism. *Bulletin of Tomsk State University, 342:* 62—67. (In Russ.).

Petrova, N. A. (2001). *Literature in the non-anthropocentric era: The Experience of O. Mandelstam.* Perm: Perm State Pedagogical University. 311 p. ISBN 5-85218-109-9. (In Russ.).
Pogrebnaya, Ya. V. (2006). *Neomythologism of V. V. Nabokov: methods of literary identification of the features of artistic embodiment.* Doct. Diss. Stavropol. 644 p. (In Russ.).
Pyanzina, V. A. (2019). The author's myth in modern Russian literature. *Universum: philology and art criticism, 8 (65):* 1—4. (In Russ.).
Rylova, O. N. (2010). Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue. *Bulletin of TSPU, 5 (95):* 100—106. (In Russ.).
Shaitanov, I. (2005). The triad of modern comparative studies: globalization — intertext — dialogue of cultures. *Questions of literature, 6:* 130—137. (In Russ.).
Shalkov, D. Y. (2008). *Biblical motifs and images in the works of V. V. Mayakovsky 1912—1918.* PhD Diss. Rostov-on-Don. 230 p. (In Russ.).
Shligerskaya, E. V. (2005). The concept of myth in the literary and critical heritage of M. Voloshin. *Naukoviy chasopis NPU imeni M. P. Dragomanov. Series 8. Philological sciences (movoznavstvo i literaturoznavstvo), 1:* 199—203. (In Russ.).
Sochivko, E. D. (2013). Remifologization in the culture of the twentieth century and the role of mythological thinking in literature. *MNIZH, 5—3 (12):* 12—14. (In Russ.).
Ternova, T. A. (2000). *History and practice of Russian imagism.* PhD Diss. Voronezh. 215 p. (In Russ.).
Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic. Favorites*. Moscow: Progress—Culture. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
Turner, V. (1983). *Symbol and ritual*. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russ.).
Voloshin, M. A. (2007). Theater — a dream vision. In: *Collected works, 6 (1). Prose 1906-1916. Essays, articles, reviews.* Moscow: Ellis Luck. 7—12. ISBN 978-5-902152-49-1 (In Russ.).
Yakobson, R. O. (1987). Statue in Pushkin's poetic mythology. In: *Works on poetics.* Moscow: Progress. 145—180. (In Russ.).
Yesaulov, I. A. (2005). Christian realism as an artistic principle of Russian classics. In: *Fourth Gogol Readings: Gogol and Pushkin.* Moscow: University. 100—108. (In Russ.).
Zainullina, I. N. (2004). *Myth in Russian prose of the late XX — early XXI centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 24 p. (In Russ.).
Zemskov, B. V. (2002). One-eyed Janus. Border epoch — border consciousness. In: *Evans and frontiers. Types of borderline epochs — types of borderline consciousness. In 2 parts, 1.* Moscow: IMLI RAS. 6—21. ISBN 5-9208-0130-1. (In Russ.).
Zenkin, S. (2008). Roland Bart — theorist and practitioner of mythology. In: *Bart R. of Mythology.* Moscow: Academic Project. 5—69. ISBN 5-8242-0048-3. (In Russ.).
Zenko, A. A. (2012). Social construction of Apollonian and Dionysian principles in Ancient Greek mythology. *Historical psychology and sociology of history, 1:* 62—70. (In Russ.).
Zhbankov, M. R. (1998). Myth. In: *The newest philosophical dictionary.* Minsk: Publishing house V. M. Skakun. 430. ISBN 985-6235-17-0. (In Russ.).
Zhernosenko, I. A. (2013). Integrative processes in the modern scientific picture of the world. *The world of science, culture, education, 3 (40):* 356—360. (In Russ.).
Zholkovsky, A. K. (1994). *Wandering dreams and other works.* Moscow: Nauka, Oriental Literature. 426 p. ISBN 5-02-017743-1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.04.2022,
одобрена после рецензирования 05.06.2022,
подготовлена к публикации 14.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Качоровская А. Е. Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 320—335. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335.

Kachorovskaya, A. E. (2022). Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus". *Nauchnyi dialog, 11(5):* 320-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335

Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей»

Качоровская Анна Евгеньевна
orcid.org/0000-0001-7841-8181
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра немецкого
и романских языков
для профессиональной коммуникации
kachorovskaya@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus"

Anna E. Kachorovskaya
orcid.org/0000-0001-7841-8181
PhD in Philology, Associate Professor
Departments of German
and Romance Languages
for Professional Communication
kachorovskaya@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Качоровская А. Е., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается влияние творчества Гете на лирико-философскую поэму Липинера «Освобожденный Прометей». Научная новизна обусловлена тем, что в настоящий момент исследования о Липинере в отечественном литературоведении практически не проводятся. Актуальность видится в рецептивном подходе к анализу произведения Липинера, а также в философском ракурсе современной проблемы интерпретации художественного текста. Философские воззрения Гете, нашедшие свое отражение в поэме «Освобожденный Прометей», подробно рассматриваются в связи с литературным мотивом сновидений в духе философии солипсизма. Выполняется обзор европейских литературных источников, отображающих данный мотив. Уделяется внимание биографическому и критическому материалу о творчестве Липинера, позволяющему доказать воздействие творчества Гете на исследуемую поэму. Интерпретация пантеистических представлений Гете в поэме Липинера изучается, в том числе, в рамках прометеевской мифологемы. Исследуется соотношение и взаимосвязь основных философских составляющих в тексте Липинера: солипсизма и пантеизма. Проводятся параллели между отдельными текстовыми отрывками трагедии «Фауст» и поэмы «Освобожденный Прометей», доказывается влияние названных философских концепций Гете на творчество Липинера.

Ключевые слова:
философские воззрения; мотив сновидения; солипсизм; пантеизм; Липинер; Гете.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The influence of Goethe's work on Lipiner's lyric-philosophical poem "Liberated Prometheus" is considered. Scientific novelty is due to the fact that at the moment there are practically no studies about Lipiner in domestic literary criticism. The relevance is seen in the receptive approach to the analysis of Lipiner's work, as well as in the philosophical perspective of the modern problem of interpreting a literary text. The philosophical views of Goethe, reflected in the poem "Liberated Prometheus", are considered in detail in connection with the literary motif of dreams in the spirit of the philosophy of solipsism. A review of European literary sources reflecting this motive is carried out. Attention is paid to biographical and critical material about Lipiner's work, which makes it possible to prove the impact of Goethe's work on the poem under study. The interpretation of Goethe's pantheistic ideas in Lipiner's poem is studied, among other things, within the framework of the Promethean mythology. The correlation and interrelation of the main philosophical components in Lipiner's text: solipsism and pantheism are investigated. Parallels are drawn between separate textual fragments of the tragedy "Faust" and the poem "Freed Prometheus", the influence of the named philosophical concepts of Goethe on the work of Lipiner is proved.

Key words:
philosophical views; dream motive; solipsism; pantheism; Lipiner; Goethe.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.112.2Липинер.07+821.112.2Гете.04

Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей»

© Качоровская А. Е., 2022

1. Введение = Introduction

Имя австрийского поэта Зигфрида Саломо Липинера (S. Lipiner, 1856—1911) мало известно за пределами Австрии. В истории австрийской литературы он остался как переводчик текстов Мицкевича, автор философско-эпической поэмы «Освобожденный Прометей» («Der entfesselte Prometheus», 1876) и поэмы «Ренатус» («Renatus», 1878). Кроме того, он известен как создатель собрания лирики «Книга радости» («Buch der Freude», 1880). Липинер родился в Галиции, учился в Тарнове, затем изучал философию в Вене, Лейпциге и Страсбурге.

Поэма «Освобожденный Прометей», составляющая предмет данного исследования, появляется в печати в 1876 году, через год после получения Липинером «матуры» [Lengauer, 1989, S. 1230] — европейского аттестата зрелости. Оригинальность философских взглядов и поэтическое мастерство молодого поэта отмечают его знаменитые современники, сыгравшие в его творческом становлении немаловажную роль: Ницше (F. Nietzsche, 1844—1900), Вагнер (R. Wagner, 1813—1883) и Малер (G. Mahler, 1860—1911). Обсуждение поэмы становится в дальнейшем тем связующим звеном, на котором во многом основывается переписка Липинера с Ницше, а также контакты с Вагнером и Малером. Не обходит его вниманием и венская пресса: в 1880 году в газете «Deutsche Zeitung» [Ibid., S. 1240] появляется обзорный материал о лирико-философских произведениях Липинера, которым дается высокая оценка.

Структура поэмы включает в себя «Посвящение “К сынам Прометея”» [Липинер, 1908, с. 21—23] и пять песен, последовательно озаглавленных: «Освобождение» [Там же, с. 24—49], «Без богов» [Там же, с. 50—84], «Без цепей» [Там же, с. 85—124], «Сестры судьбы» [Там же, с. 125—146] и «Искупленье» [Там же, с. 147—174]. Неоднородные по стихотворному размеру, частью мистические, частью драматичные и исполненные бунтарского пафоса песни поэмы отображают новую версию античного прометеевского мифа.

Обновленный сюжет прометеевского мифа представляет пробуждающегося от сна Прометея, который спускается с гор к людям в сопровождении поэта-повествователя, чтобы увидеть новое человечество. Разочарованный как умозрительными философскими теориями в духе солипсизма,

CC BY

которыми увлечены отдельные персонажи поэмы, так и революционными преобразованиями, происходящими в новом мире, Прометей обращается к теме искупления в духе христианства: поскольку новое человечество столь же несовершенно, как и древнее, ради блага которого он некогда выкрал у богов-олимпийцев божественный огонь, Прометей заново должен искупить его, бросившись в огненное море. В конце поэмы бессмертная душа древнего титана устремляется ввысь, к новому божественному идеалу, сущность которого, по мысли Липинера, выражается в некоем мистическом синтезе христианских и натурфилософских идей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках данной статьи с помощью сравнительно-исторического метода исследования, а также метода целостного анализа художественного произведения предпринимается попытка проследить, каким образом эволюционирует рецепция лирико-философских идей Гете в поэме Липинера «Освобожденный Прометей», показать постепенный переход от солипсистского мировоззрения к философии пантеизма на текстовых примерах, а также обозначить важность контаминантных моментов в отношении названных философских направлений.

Исследования, посвященные творчеству Липинера, немногочисленны. В начале XX века известный переводчик немецкоязычных лирических произведений Н. А. Холодковский (1858—1921) в своем введении к поэме австрийского литератора Липинера «Освобожденный Прометей» отмечает присутствие в тексте поэмы элементов солипсизма, который он называет «новейшей философией» [Холодковский, 1908, с. 6]. Солипсизм базируется на истинности герметичного, замкнутого на самое себя «я» и постулирует субъективность существования внешнего мира. Положения данной философии интересны тем, что их практически «нельзя опровергнуть» [Артемов, 1997, с. 15] в категориях логики. Наиболее известными приверженцами во многом парадоксальных философских интенций «solus ipse» (лат. «я — один») считаются Декарт (1596—1650), Спиноза (1632—1677), Кант (1724—1804) и Фихте (1762—1814). Согласно общим постулатам солипсизма весь универсум признается плодом индивидуального сознания, существует только в воображении индивида, собственно, является синонимом видения или сна.

Современные западные труды, освещающие прометеевскую тематику с точки зрения эволюции прометеевской мифологемы (например, Д. Бремер, (D. Bremer) [Bremer, 1999, S. 35—41], Г. Петерс (G. Peters) [Peters, 1999, S. 13—34], Э. Панков [Pankow, 1999, S. 127—143], Т. Кебнер [Koebner, 1999, S. 193—215] и др.), связывают образ Прометея прежде всего с идеей технического прогресса, что способствует восприятию античной промете-

CC BY

евской версии в качестве самодостаточной, способной к самовозрождению вечной конструкции, некоего «perpetuum mobile смысловой продукции» [Pankow, 1999, S. 127] и «смысловой структуры не имеющей конца» [Ibid.].

Элементы модного в XIX веке учения о солипсизме редко принимаются во внимание современными исследователями, занимающимися актуализацией прометеевского мифа. Между тем феномен солипсизма, реципируемый в поэзии и прозе в качестве мотива сновидений, выходит далеко за рамки прометеевской тематики, являясь одним из определяющих лирико-философских инструментариев в архитектонике целой плеяды мировых шедевров — от «Божественной комедии» (с 1308 по 1321) Данте (1265—1321) и «Сна в летнюю ночь» (с 1594 по 1596) Шекспира (1564—1616) до «Волшебной горы» («Der Zauberberg»,1924) Манна (T. Mann, 1875—1955) и «Превращения» («Die Verwandlung», 1912) Кафки (F. Kafka, 1883—1924). Символика сна и его многогранное толкование в мистико-философском дискурсе — тема, к которой обращается Гете (J. W. von Goethe 1749—1832), а также представители немецкого романтизма: Шиллер (J. C. F. von Schiller, 1759—1805), Гофман (E. T. A. Hoffmann, 1776—1822) и Новалис (Novalis, 1772—1801) [Daemmrich, 1995, S. 352—356)].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Прометеевский миф в произведениях Гете

Философская интерпретация прометеевской мифологемы, так или иначе связанной с темой сна и сновидений, присутствует как в знаменитой оде Гете «Прометей» («Prometheus», 1789), так и во всемирно известной трагедии «Фауст» («Faust», 1808, 1832).

В оде «Прометей» полные экспрессии, бунтарские строфы, обличающие безмятежный сон богов Олимпа на фоне земных человеческих страданий, посвящаются «тому, кто дремлет в небесах» [Гете, 2019, с. 14], — Зевсу, с образом которого связан пафос борьбы против равнодушия к людским судьбам.

Исследователь творчества Гете и Липинера, переводчик «Фауста» и «Освобожденного Прометея» Н. А. Холодковский в своем комментарии к поэме «Фауст» упоминает «Драматические обработки мифа о Прометее от Эсхила до Шелли и Липинера …» [Холодковский, 2017, с. 4], полагая прометеевский мотив бунтарства человека против богов одной из существенных составляющих всеобъемлющего макрокосма «Фауста».

Также в отношении поэмы «Фауст», в которой «отразились и современные Гете метафизические учения, и теории натурфилософов конца XVIII и начала XIX века» [Там же, с. 2], возможно предположение о контаминации отдельных элементов солипсизма с пантеистической доминантой. Напри-

CC BY

мер, в сцене первой Фауст находит воплощение своих стремлений в книге, где напечатан знак макрокосма — магического символа духов природы. В данном символе Фауст видит собственное отражение — обожествленный им самим, близкий солипсизму «я»-образ. С другой стороны, рассуждения Фауста о спящем разуме, как и восторженное приятие грядущего пробуждения, не чужды философским интенциям пантеизма:

Не Бог ли я? Светло и благодатно
Все вкруг меня! Здесь с дивной глубиной
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая:
О ученик! Восстань, купая
В лучах зари земную грудь!» [Гете, 2021, с. 21].

3.2. Гете и Липинер

Свидетельства современников Липинера позволяют говорить о несомненном влиянии философских воззрений Гете на лирико-философскую поэму «Освобожденный Прометей». В связи с этим не лишено интереса высказывание австрийской представительницы культурной элиты Альмы Малер (Alma Mahler, 1879—1964), упоминающей в своих мемуарах Липинера как литератора, входящего в круг близких знакомых австрийского композитора Густава Малера (Gustav Mahler, 1860—1911). По ее мнению, Липинер «подражал Гете, когда писал» (в оригинале: «*Er goethelte, wenn er schrieb*») [Mahler, 1989, S. 1227].

Интересно, что о «Прометее» Липинера независимо друг от друга высказываются два переводчика «Фауста»: американский и русский. Байярд Дж. Тейлор (Bayard J. Taylor, 1825—1878) высоко оценивает «Освобожденного Прометея», считая произведение «значительнейшей немецкой поэмой со времен «Фауста» Гете» [Lengauer, 1989, S. 1240]. Переводчик поэмы на русский язык Н. А. Холодковский во введении к «Освобожденному Прометею» упоминает поэму Липинера в одном ряду с «Фаустом» Гете, объединяя тексты в единую категорию «мировых поэм» [Холодковский, 1908, с. 2], представляющих извечное стремление человечества с помощью религии, философии и поэзии приблизиться к абсолютному высшему знанию.

Метафизика духовного и земного, божественного и человеческого, нашедшая свое отражение в трагедии «Фауст», присуща в какой-то мере и поэме Липинера. Сквозь призму философских концепций, за которыми постоянно ощущается незримое влияние масонских представлений о едином всемирном духе, воспринимаются не только гетевские персонажи, но и образы в поэме «Освобожденный Прометей».

CC BY

В 1880 году немецкий литературный журнал «Deutsche Rundschau», критикуя поэму Липинера, отмечает: «Поэт не создает никаких образов. С Богом и чертом он одинаково на “ты”, но люди получаются слишком кратко …» [Lengauer, 1989, S. 1240]. Действительно, сцен земной жизни в тексте Липинера гораздо меньше, чем мистических размышлений и отвлеченных философско-теологических концепций. Однако именно отдельные человеческие образы в тексте являются выразителями определенных философских идей, вследствие чего и представляются несколько схематичными. Образы Липинера — это театрализованные фигуры-маски, отличающиеся особым происхождением: согласно мифологии, речь идет о «прометидах» [Холодковский, 1908, с. 14], — людях, созданных не по образу и подобию христианского бога (появляющегося в тексте в качестве самостоятельного персонажа), а по образу и подобию главного героя поэмы — титана Прометея. Прометиды, — хранители прометеевского знания, — живут в долине, в «стране людей» [Липинер, 1908, с. 25]. Прометей опасается, что его освобождение несет прометидам новые кровавые войны, связанные с устрашающим понятием свободы, и сомневается в реальности мира, который видит после пробуждения:

Нет, я душой бы верить предпочел,
Что все еще свободы я лишен,
Что будет вновь терзать меня орел,
Что пробуждение мое — лишь сон! [Липинер, 1908, с. 49].

«Страна людей» Липинера — часть сложной и эклектичной мистико-философской системы, состоящей, в числе прочего, и из солипсистских представлений, апеллирующих к мотиву сна и сновидений. Согласно данным представлениям — весь мир и вся жизнь — суть сон:

Страна людей внизу лежит далеко,
Бреду один, горами окружен,
И вкруг, окутан ночи тьмой глубокой,
Безмолвен мир, вкушая тихий сон [Там же, с. 25].

Можно сказать, что и сам образ Прометея в тексте поэмы Липинера иногда не лишен схематизма, поскольку в некоторых песнях он выполняет функцию связующего сюжетного звена. Сопровождаемый поэтом-повествователем, Прометей перемещается в художественном пространстве поэмы от одного человека, представляющего ту или иную мистическую идею или философскую концепцию, к другому и от одной группы людей к другой, уподобляясь в этом отношении как великим образам Данте и Вергилия в «Божественной комедии», так и не менее великим гетевским персонажам. Речь идет о видениях Фауста, сопровождаемого Мефистофелем, на пути которых также встречаются многочисленные второстепенные обра-

CC BY

зы-маски в духе «народной кукольной драмы» [Холодковский, 2017, с. 14]. Сходство образов в произведениях Гете и Липинера акцентируется также и на уровне философских концепций, выразителями которых данные маски являются. В одной из сцен второй части поэмы «Фауст» Мефистофель ведет диалог с одним из таких образов, условно именуемым «Бакалавром» [Гете, 2021, с. 306—311]. Вначале рассуждения юного Бакалавра о созданном им самим и для себя мире близки философии солипсизма. Мир Бакалавра настолько же юн, насколько юн он сам, но существует только до тех пор, пока существует его молодое «я»:

Да, вот призванье юности святое!
Мир не существовал, пока он мной
Не создан был; я солнце золотое
Призвал восстать из зыбы водяной;
С тех пор как я живу, стал месяц ясный
Вокруг земли свершать свой бег прекрасный [Там же, с. 310—311].

Мотив сотворения мира в духе солипсистских теорий в данной сцене близок и философии Спинозы, а именно — рассуждениям о существовании Бога и собственного «я»: «Под причиною самого себя (sausa sui) я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть представляема не иначе как существующею» [Спиноза, 1993, с. 9]. Вероятно, спинозизм в интерпретации Липинера, составляющий наряду с прочими философскими концепциями предмет философских дискуссий его персонажей, также может восприниматься как рецепция гетевского мировоззрения: «пантеистическая натурфилософия Спинозы» [Лагутина, 2000, с. 41] называется исследовательницей гетевского творчества И. Н. Лагутиной среди тем, интересовавших Гете в связи с модными еще в XVI—XVII веках дискуссиями о природе и мистическом духе.

В «Освобожденном Прометее» Липинера, так же, как и в «Фаусте» Гете, происходят встречи главного героя с театрализованными персонажами-масками. Среди прочих персонажей Прометей встречает Философа — представителя солипсистского мировоззрения. В отличие от фигуры юного и полного надежд Бакалавра в «Фаусте», персонаж Липинера — старик, чей образ носит скорее сатирический характер. Вступающий в диалог Прометей — символическая вечная фигура, мыслящая масштабными метафизическими категориями. Старик-философ, напротив, — олицетворение бренности и суетности человеческого бытия. Но, постулируя иллюзорность мира и настаивая на единственной реальности — реальности собственного «я», Философ утверждает свое тождество с Прометеем:

Вы — только Я! Я это докажу.
Нет ничего: есть только Я; и в этом

CC BY

Вся истина. Я — это целый мир.
Я — это бог и все иные боги
Не существуют. Поняли ли вы?
Несчастен ты: так взор твой говорит мне.
Несчастен, — я? Несчастий Я не знает.
Я — счастливо. Я это докажу.
Несчастен! Да, я прежде был несчастен,
Когда мое вдруг обратилось Я
К Не-Я и «ты» ему сказало. Что же?
Мне это «ты» не возразило: «ты»;
Оно сказало: «Я». Тогда я понял:
Все это — Я. Однако я устал [Липинер, 1908, с. 56].

Эпизоды с Бакалавром («Фауст») и Философом («Освобожденный Прометей») иллюстрируют влияние мистико-философских воззрений Гете на молодого Липинера. За иллюзорными солипсистскими аллюзиями Философа усматривается вечная проблема Фауста. Но если в поэме Гете за метаморфозой старости в юность, совершаемой с помощью мистического природного духа, все же следует вечное спасение Фауста, то есть признание трансцендентного начала, то в поэме Липинера Философ — солипсист, отрицающий трансцендентность, лишает самого себя надежды на возрождение. В метафизическом смысле образ Философа у Липинера — символ безысходности, отрицания вечной жизни в ее христианском понимании, возможно, вследствие того обстоятельства, что, подобно прочим второстепенным персонажам поэмы, старик является не божественным созданием, а смертным прометидом:

Быть может, вы в своем существованье
Уверены? Так вы ошиблись сударь!
Я это докажу! Есть только Я,
А прочее все — сон. Я — грезит, видит
Во сне луну и солнце, небо, звезды,
И мир, и время, Бога и себя!
Бог …Что? При этом слове вы вздрогнули?
Бог — тоже сон. Я это докажу!
Да! Если б Бог на мой призыв явился
Сюда, и я бы рассказал ему,
Как «Я» ответить «ты» мне не хотело, —
В своем он небе был бы побежден!
Он от меня ушел бы, принужденный
Сознаться сам, что он не существует!
Да я не раз и звал его, но он

CC BY

Не приходил. Он — сон и остальное
Все — только сон [Липинер, 1908, с. 56—57].

Взаимосвязь мировоззрений Бакалавра в «Фаусте» и Философа в «Освобожденном Прометее» проявляется и на уровне мотивов: в мыслях старика-философа звучит все тот же первобытный пафос сотворения мира, используется все тот же мотивный инструментарий, что и в пламенной речи юного Бакалавра. Философ Липинера, вслед за Бакалавром Гете, создает собственную космогонию: свое солнце и свою луну, свое небо и свои звезды. Но, если юный Бакалавр полон восторга по отношению к созданной им для себя картине мира, то старик-философ Липинера доводит до логического конца герметичную концепцию сна, окрашенную минорными тонами:

А если б
Возможно это было, я бы умер, —
Исчезло б «Я», а с ним и сны, и мир.
Со мною вместе кончилось бы все
И опустился б занавес всемирный [Липинер, 1908, с. 57].

3.3. Второстепенные персонажи Липинера

Если элементы солипсизма в «Фаусте» — только фрагментарные идеи внутри сложной, тяготеющей к пантеизму мистико-философской концепции, то для схематичных образов Липинера в «Освобожденном Прометее» философия солипсизма до определенного момента является определяющей. В начале поэмы персонажи Липинера только ищут выхода из замкнутого круга солипсистских представлений. Так, в песни первой спящая фигура Прометея представляет собой символ «solus ipse», а грядущий мир, который он видит во сне, является той солипсистской реальностью, которая может существовать лишь в его воображении. Некоторые из фигур-схем, удручающих Прометея-наблюдателя своими речами, так или иначе тяготеют к философии солипсизма. Среди них — Ученый, чья безмятежная созерцательность признает только различные наблюдения над жизнью и их письменное изложение, но не личное участие в ключевых событиях эпохи, а также представители современного искусства и новой молодежи. В одной из сцен, скрывшись от взоров смертных под волшебным «покрывалом» [Там же, с. 63], титан Прометей слушает спор отца и сына. Отец противопоставляет природе искусство как единственный достойный внимания предмет. Сын, следуя своей стезе, предпочитает, чтобы его дух оставался «одинок и чужд для всех» [Там же, с. 64], поскольку искусство для него — лишь синоним лжи. Отец, призывая сына вместо поисков утраченного «сиянья мира светлого богов» [Липинер, 1908, с. 65] принять реальность нового мира «без богов» [Там же], по сути, обвиняет его в солип-

CC BY

сизме, понятом в данном контексте в качестве ухода от действительности в мир грез и сновидений:

... Богов! Опять с отжившей этой сказкой!
Не то уж время, чтобы верить ей!
Проснулся дух, а ты все спишь и грезишь! [Там же].

Одна из театрализованных сцен в мире людей разыгрывается в конце песни второй, носящей название «Без Богов». Действие происходит в доме богатого горожанина Корнелия — предводителя и вождя братства, стремящегося к масонским революционным идеалам. Остающийся невидимым, Прометей слушает пламенную речь Корнелия, вождя революционного клана, обращенную к толпе «сограждан» [Там же, с. 73]. Однако размышления Корнелия наедине с самим собой не так оптимистичны и в отношении «я»-образа близки солипсизму:

... Я существую — только я,
И вне меня — нет ничего. Созданье
Мечты моей — весь мир: он — тот же я.
Э, полно, что терзаться! Грех ... что грех?
Что он, написан, что ли, там на небе
Большими буквами из звезд? [Там же, с. 79].

3.4. Переход к пантеистическому мировоззрению

В конце поэмы «Освобожденный Прометей» философия солипсизма с его отрицанием трансцендентного и культом внутреннего «я» находится в сложном взаимодействии с другим философским направлением — пантеизмом, отождествляющим природу и божественное начало. Предпосылки пантеизма в интерпретациях прометеевского мифа можно найти уже в античной литературе, а именно — в трагедии «Прикованный Прометей» (443—444 до н. э.) древнегреческого драматурга Эсхила (525 до н. э. — 456 до н. э.). Непреходящая актуальность прометеевской мифологемы подчеркивается в драме Эсхила особой формой пантеизма: укрощения человеком различных природных стихий. Кроме того, Прометей Эсхила, по мнению швейцарского исследователя античности А. Боннара (1888—1959), еще и «гениальный творец рождающейся цивилизации» [Боннар, 1997, с. 13], поскольку именно он открывает человеку природу всевозможных искусств, в том числе и науку о сновидениях:

Открыл природу сновидений, что считать
В них вещей правдой [Эсхил, 1989, с. 43].

Прометеевская версия Эсхила, постулирующая божественность природного начала, представляется близкой гетевской версии пантеизма. По мысли А. В. Михайлова (1938—1995), «Гете, достигая своих вершин как поэт (или “политеист”), не только не забывает о волнующих его научно-

CC BY

философских проблемах (проблемах “пантеиста”), но только здесь он и способен передать свою картину мира в особой интенсивной сжатости. Ничто отдельное не могло оторвать его от созерцания (греческой “теории”) мира как целого» [Михайлов, 1988, с. 611]. В поэме Липинера окружающий Прометея мир временами также представляется полиморфным и политеистичным. В некоторых сценах художественное пространство произведения обретает символические черты макрокосма, структура поэмы модифицируется в способную к постоянному перерождению конструкцию, отображающую политеистическую картину мира. Можно предположить, что интерпретация политеизма в поэме Липинера также во многом следует популярным в XVIII веке идеям Гете, а именно — опирается на специфически гетевский «дискурс об истоках религиозных, преимущественно политеистических представлений» [Wellerby, 1999, S. 113].

Экспрессия песни пятой («Искупленье») поэмы Липинера вслед за идеями Гете демонстрирует отход от герметичности философии solus-ipse, которая сменяется восторженным гимном божественной, возрожденной природе:

Постигаю, — дух природу воссоздать в себе сумел!

О, безмерного безмерней, кто безмерное прозрел! [Липинер, 1908, с. 150].

Сцена с Бакалавром в «Фаусте» Гете, изначально опирающаяся на солипсистские идеи, также заканчивается гимном природному духу. «Мрак» заблуждений в духе «solus ipse» остается позади, сменяясь «светом» новых мистико-философских идей всеобщего блага, гармонии и единения:

Не я ли уничтожил мысли гнет,
Сорвал тиски филистерства, свободный,
Я голос духа слушаю природный.
Иду, куда свет внутренний влечет,
Иду, восторга полный. Предо мною
Свет впереди, мрак — за моей спиною! [Гете, 2021, с. 311].

Гимн гетевского Бакалавра природному духу, вероятно, отображает также и близость гетевских идей воззрениям Спинозы, которого немецкий романтизм представлял в качестве философа, «опьяненного богом» («Gotttrunkener») [Нечипуренко, 2004, с. 48], особо выделяя в его учении понятие «Amor Dei» («Любовь к богу») [Там же]. Можно предположить, что, вслед за Гете, натурфилософское понятие «Amor Dei» воспевается также и Липинером: последняя песнь «Освобожденного Прометея» заканчивается символическим вознесением титана в высшие сферы, где царит вселенский «Дух духов» [Липинер, 1908, с. 157]. Здесь образ Прометея уже сам воплощает природную стихию — огонь как источник бесконечного мистического света:

CC BY

Что за свет! Безбрежным морем плещет он везде вокруг,
Льется с запада, с востока, заливает север, юг;
Кто в лицо тебе посмотрит, блеск священного огня?
О, умерь свое сиянье: ослепляешь ты меня!
«Что за сцена! Потрясенный, в высшей сфере дух парит,
Ненасытными очами бесконечное он зрит [Там же, с. 147].

Вознесение Прометея, за образом которого ощущается также и христианский мотив вечного спасения, еще раз демонстрирует близость философских идей Липинера «Фаусту» Гете: как известно, в конце трагедии «бессмертную часть Фауста» [Гете, 2021, с. 532] уносят с собой ангелы.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в рамках данного исследования доказано влияние философских воззрений Гете на творчество Липинера. Выполнен обзор европейских литературных произведений, имеющих отношение к разработке определяющего мотива сна и сновидений, реципируемого в поэме Липинера в качестве составной части мистико-философской концепции солипсизма. Отмечен круг знаменитых современников Липинера, так или иначе оказавших влияние на творческое становление молодого поэта.

На основе текстового материала поэмы «Освобожденный Прометей» и отдельных сцен из трагедии «Фауст» прослежена эволюция рецепции мистико-философских идей Гете в творчестве Липинера. Показано воздействие натурфилософских идей Спинозы, воспринятых Липинером через призму гетевского мироощущения. Сравнительный анализ примеров из исследуемого произведения с текстовыми отрывками из поэмы «Фауст» иллюстрирует постепенный отход персонажей Липинера от солипсизма и обращение к пантеизму в духе мистико-философских тенденций, характерных для творчества Гете.

Кроме того, интерпретация гетевского мировоззрения рассмотрена в ракурсе прометеевской парадигмы, что позволило показать также и эволюцию античного мифа в тексте исследуемой поэмы. В отношении актуализации прометеевской тематики, а также создания нового образа Прометея поэма Липинера не только коррелирует с философскими взглядами Гете, но и, безусловно, является уникальным произведением, презентирующим собственный взгляд писателя на проблемы своей эпохи.

Источники и принятые сокращения

1. *Гете И. В.* Прометей / И. В. Гете ; перевод с немецкого К. Бальмонта // Лесной царь. — Санкт-Петербург: Азбука ; Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-389-16468-0.

2. *Гете И. В.* Фауст. Трагедия / И. В. Гете ; перевод с немецкого Н. Холодковского. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 554 с. — ISBN 978-5-17-098786-3.

3. *Липинер З.* Освобожденный Прометей / З. Липинер ; перевод и введение Н. А. Холодковского. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — 174 с.

4. *Спиноза Б.* Этика / Б. Спиноза ; перевод с лат. Н. А. Иванцова. — Санкт-Петербург : Аста-пресс ltd, 1993. — Выпуск 1. — 246 с. — ISBN 5-85962-044-6.

5. *Эсхил.* Прикованный Прометей / Эсхил ; перевод с древнегреческого А. И. Пиотровского ; примечания В. Р. Ярхо. — Калининград : Янтарный сказ, 1997. — 96 с.

6. *Goethe J. W. von.* Prometheus. Deutsche Gedichte / J. W. von Goethe ; Hrsg. Von L. Moritz. — Köln : Anaconda Verlag, 2005. — 648 S. — ISBN 3-938484-47-0.

Литература

1. *Артемов В. Ю.* Агностический солипсизм как явление философской мысли / В. Ю. Артемов. — Москва : Граффити, 1997. — 64 с.

2. *Боннар А.* О трагедии «Прикованный Прометей» / А. Боннар // Эсхил. Прикованный Прометей / перевод с древнегреч. А. И. Пиотровского ; примечания В. Р. Ярхо. — Калининград : Янтарный сказ, 1997. — С. 9—15.

3. *Качоровская А. Е.* К вопросу о рецепции мифа о Прометее в австрийской литературе XIX—XX веков / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 221—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235.

4. *Лагутина И. Н.* Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы / И. Н. Лагутина. — Москва : Наследие, 2000. — 280 с. — ISBN 5-9208-0054-2.

5. *Малер Г.* Письма / Г. Малер ; под общей редакцией И. А. Барсовой. — Санкт-Петербург : Издательство им. Н. И. Новикова, 2006. — 896 с. — ISBN 5-87991-069-5.

6. *Михайлов А. В.* Западно-восточный диван Гете : смысл и форма / А. В. Михайлов // Гете И.В . Западно-восточный диван. — Москва : Наука, 1988. — 895 с. — ISBN 5-02-012704-3.

7. *Нечипуренко В. Н.* Очерки еврейской философии : Соломон ибн Габироль и Барух Спиноза / В. Н. Нечипуренко. — Москва : Институт философии РАН, 2004. — 68с. — ISBN 5-87450-096-0.

8. *Холодковский Н. А.* Введение к поэме З. Липинера Освобожденный Прометей / Н. А. Холодковский // Липинер З. Освобожденный Прометей / перевод с немецкого Н. А. Холодковского. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — С. 1—20.

9. *Холодковский Н. А.* Комментарий к поэме И. В. Гете «Фауст». Изд.4-е. / Н. А. Холодковский. — Москва : Ленанд, 2017. — 288 с. — ISBN 978-5-9710-4487-1.

10. *Bremer D.* Prometheus. Die Formation eines Grundmythologems / D. Bremer // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg. Von : Edgar Pankow; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

11. *Daemmrich H.u I.* Themen und Motive in der Literatur / H. u I. Daemmrich. — Tuebingen, Basel : Francke Verl., 1995. — 410 S. — ISBN 3-7720-1734-7.

12. *Koebner T.* Wovon traumen die Geschoepfe des Prometheus? Kuenstliche Menschen im Film / T. Koebner // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg. Von : Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

13. *Lengauer H.* Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus / H. Lengauer // Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfaengen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II / Hrsg. von H. Zehman, Graz, 1989. — 850 S. — ISBN 10 379309734X.

14. *Mahler A.* Erinnerungen an Gustav Mahler. Frankfurt, Berlin, Wien. 1980 / A. Mahler // Lengauer H. Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus / H. Lengauer // Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfaengen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II / Hrsg. von H. Zehman, Graz, 1989. — 850 S. — ISBN10 379309734X.

15. *Pankow E.* Prometheus und ein Ende. Bildkultur in Balzacs *Le chef-d'oeuvre inconnu*… / E. Pankow // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg. Von : Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

16. *Peters G.* System Prometheus. Aktuelle Inanspruchnahmen eines Mythos / G. Peters // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg. von: Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

17. *Wellbery D. E.* Die Form der Autonomie. Goethes Prometheus-Ode / D. E. Wellbery // Prometheus : Mythos der Kultur / Hrsg. Von : Edgar Pankow ; Guenter Peters. — Muenchen : Fink, 1999. — 248 S. — ISBN 3-7705-3381-X.

Material resources

Aeschylus. (1997). *Chained Prometheus.* Kaliningrad: Yantarny skaz. 96 p. (In Russ.).

Goethe, J. W. von. (2005). *Prometheus. Deutsche Gedichte.* Köln: Anaconda Verlag. 648 S. ISBN 3-938484-47-0. (In Germ.).

Goethe, I. V. (2019). Prometheus. In: *The forest king.* Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Atticus. 320 p. ISBN 978-5-389-16468-0. (In Russ.).

Goethe, I. V. (2021). *Faust. Tragedy.* Moscow: AST Publishing House. 554 p. ISBN 978-5-17-098786-3. (In Russ.).

Lipiner, Z. (1908). *The Liberated Prometheus.* St. Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 174 p. (In Russ.).

Spinoza, B. (1993). *Ethics, 1.* St. Petersburg: Asta-press ltd, series "Philosophica". 246 p. ISBN 5-85962-044-6. (In Russ.).

References

Artemov, V. Yu. (1997). *Agnostic solipsism as a phenomenon of philosophical thought.* Moscow: Graffiti. 64 p. (In Russ.).

Bremer, D. (1999). Prometheus. Die Formation eines Grundmythologems. In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).

Bonnard, A. (1997). About the tragedy "Chained Prometheus". In: *Aeschylus. Chained Prometheus.* Kaliningrad: Yantarny skaz. Pp. 9—15. (In Russ.).

Daemmrich, H.u I. (1995). *Themen und Motive in der Literatur.* Tuebingen, Basel: Francke Verl. 410 S. ISBN 3-7720-1734-7. (In Germ.).

Kachorovskaya, A. E. (2020). On the Reception of the Myth of Prometheus in Austrian Literature of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 3:* 221—235. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-221-235. (In Russ.).

Kholodkovsky, N. A. (1908). Introduction to Z. Lipiner's poem "The Liberated Prometheus". In: *The Liberated Prometheus*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. Pp. 1—20. (In Russ.).

Kholodkovsky, N. A. (2017). *Commentary on the poem by I. V. Goethe "Faust". Ed. 4-E.* Moscow: Lenand. 288 p. ISBN 978-5-9710-4487-1. (In Russ.).

Koebner, T. (1999). Wovon traumen die Geschoepfe des Prometheus? Kuenstliche Menschen im Film. In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).

Lagutina, I. N. (2000). *Goethe's Symbolic Reality. Poetics of fiction.* Moscow: Heritage. 280 p. ISBN 5-9208-0054-2. (In Russ.).

Lengauer, H. (1989). Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus. In: *Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfaengen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II.* Graz. 850 S. ISBN 10 379309734X. (In Germ.).

Mahler, A. (1989). Erinnerungen an Gustav Mahler. Frankfurt, Berlin, Wien. 1980. In: *Lengauer H. Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus. Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfaengen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II.* Graz. 850 S. ISBN 10 379309734X. (In Germ.).

Mahler, G. (2006). *Letters.* St. Petersburg: N. I. Novikov Publishing House. 896 p. ISBN 5-87991-069-5. (In Russ.).

Mikhailov, A. V. (1988). Goethe's West-East Sofa: meaning and form. In: *Goethe I. V. West-East Sofa.* Moscow: Nauka. 895 p. ISBN 5-02-012704-3. (In Russ.).

Nechipurenko, V. N. (2004). *Essays on Jewish philosophy: Solomon ibn Gabirol and Baruch Spinoza.* Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 68 c. ISBN 5-87450-096-0. (In Russ.).

Pankow, E. (1999). Prometheus und ein Ende. Bildkultur in Balzacs Le chef-d'oeuvre inconnu… In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).

Peters, G. (1999). System Prometheus. Aktuelle Inanspruchnahmen eines Mythos. In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).

Wellbery, D. E. (1999). Die Form der Autonomie. Goethes Prometheus-Ode. In: *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen: Fink. 248 S. ISBN 3-7705-3381-X. (In Germ.).

Статья поступила в редакцию 20.03.2022,
одобрена после рецензирования 02.05.2022,
подготовлена к публикации 12.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кислова Л. С. «Жизнь других» : феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе / Л. С. Кислова, Т. Н. Рацен // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 336—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-336-361.

Kislova, L. S., Ratsen, T. N. (2022). "Lives of Others": Phenomenon of Simulated Reality in Contemporary Popular Literature. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 336-361. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-336-361. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-336-361

«Жизнь других»: феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе

Кислова Лариса Сергеевна
orcid.org/0000-0003-2449-516X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской
и зарубежной литературы
l.s.kislova@utmn.ru

Рацен Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0002-6552-7503
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
и общего языкознания
t.n.racen@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

"Lives of Others": Phenomenon of Simulated Reality in Contemporary Popular Literature

Larisa S. Kislova
orcid.org/0000-0003-2449-516X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
l.s.kislova@utmn.ru

Tatyana N. Ratsen
orcid.org/0000-0002-6552-7503
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
t.n.racen@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Кислова Л. С., Рацен Т. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется корпус современных русских и зарубежных популярных текстов, в которых рассматривается симулятивное пространство и поднимается вопрос о симулятивной реальности как проявлении эскапизма. Теоретическую основу работы составили труды М. А. Черняк, М. А. Литовской, Н. А. Купиной, В. И. Мильдона и других исследователей, посвященные исследованию популярной литературы в различных аспектах. Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня корпус подобных текстов является перспективным социальным проектом, претендующим на одну из доминантных позиций в современном культурном контексте. Отражен опыт многолетней работы авторов статьи в области современной массовой культуры. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается природа такого явления, как феномен симулятивной эмиграции в современной популярной литературе. Показано, что произведения о путешествиях воссоздают национальную картину мира, транслируют национальную специфику и знакомят читателя с особенностями жизни человека в ином географическом пространстве. Отмечается, что массовый текст призван погружать реципиента в состояние эскапизма, заставляя осваивать в том числе и ментально чужую реальность. Утверждается, что популярные тексты о путешествиях создают, как правило, более насыщенную событиями действительность.

Ключевые слова:
геопоэтическая парадигма; локальное пространство; мифологизм; популярная литература; симулякр; травелог; утопическое сознание; эскапизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The corpus of modern Russian and foreign popular texts is analyzed, in which the simulative space is considered and the question of simulative reality as a manifestation of escapism is raised. The theoretical basis of the work was the works of M. A. Chernyak, M. A. Litovskaya, N. A. Kupina, V. I. Mildon and other researchers devoted to popular literature in the broadest aspect. The relevance of the study is due to the fact that today the corpus of such texts is a promising social project that claims to be one of the dominant positions in the modern cultural context. The experience of many years of work of the authors in the field of modern mass culture is reflected in the article. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the nature of such a phenomenon as the phenomenon of simulated emigration in modern popular literature is considered. It is shown that works about travels recreate the national picture of the world, broadcast national specifics and acquaint the reader with the peculiarities of human life in a different geographical space. It is noted that the mass text is designed to immerse the recipient in a state of escapism, forcing them to master, among other things, a mentally alien reality. It is argued that popular travel texts tend to create a more eventful reality.

Key words:
geopoetic paradigm; local space; mythologism; popular literature; simulacrum; travelogue; utopian consciousness; escapism.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82-992+82-311.8+82-313.3

«Жизнь других»: феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе

© Кислова Л. С., Рацен Т. Н., 2022

1. Введение = Introduction

В современной русской и зарубежной популярной литературе наблюдается стремление к изображению экзотического пространства, обладающего мифологической природой, что способствует созданию специфической геопоэтической парадигмы. Сегодня симулятивная реальность принадлежит именно популярной литературе, поскольку она способна перенести читателя из рутинной действительности в другой мир, где сбываются даже самые необычные мечты. Ключевым мотивом является стремление героев уйти в мир грез и иллюзий и погрузиться в то симулятивное пространство, которое позволяет испытать уникальное ощущение свободы от стереотипов. Герои популярной литературы, определенным образом гендерно окрашенной, выбирают для погружения страны далекие, иноположные, жизнь в которых значительно отличается от жизни в собственной стране.

В данной статье на основе типологического подхода анализируется корпус современных русских и зарубежных популярных текстов, в центре которых находится феномен симулятивного пространства. Теоретическую и методологическую основу работы составили труды М. А. Черняк, М. А. Литовской, Н. А. Купиной, Н. А. Николиной, В. В. Абашева, В. И. Мильдона и других исследователей, посвящённые популярной литературе, геопоэтике, а также активному включению в массовую культуру утопических проектов. В настоящей работе впервые подвергается всестороннему анализу феномен симулятивной эмиграции в современной популярной литературе, что и обусловливает новизну исследования. Отметим, что художественные произведения о путешествиях воссоздают национальную картину мира, транслируют национальную специфику, а также знакомят читателей с особенностями жизни людей в определенном урбанистическом ландшафте.

Популярные книги о путешествиях и путешественниках создают, как правило, более насыщенную событиями действительность. Здесь массовый текст призван погружать реципиента в состояние эскапизма, заставляя осваивать, в числе прочего, и ментально чужую реальность и интегрироваться в новую более превалентную культуру.

Таким образом, популярная литература такого рода является перспективным социальным проектом, претендующим на одну из доминантных

CC BY

позиций в современном культурном контексте, что и обусловливает актуальность исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Симуляцию искусства в эпоху постмодернизма отмечал еще Ж. Бодрийяр, утверждавший, что человечество постоянно находится в мире воссоздания фантазий и мечтаний о явлениях и предметах, так или иначе присутствующих в реальности. И задача людей эпохи постмодернизма воспроизвести идеальные явления, значительно отличающиеся от реальных. Симулятивность культуры постмодерна выстраивается вокруг центрального определения симулякра, наследия античной культуры. Симулякрум в трудах Платона — не что иное, как подобие копий, имеющее невысокий социальный статус. Рассматривая теорию Платона, Е. М. Курмелева и Л. Ю. Мещерякова отмечают, что «симулякр является отражением не подлинника-идеи, а всего лишь отражением отражения, он копирует вещь, которая сама есть вещь» [Курмелева и др., 2006, с. 31]. Сегодня *симулякрум* (от лат. *simulare* — подражать, изображать, принимать вид, притворяться) трактуется как «образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности» [Маньковская, 1998, с. 211].

Идею симулякра и теорию симуляции последовательно развивали исследователи теории постмодерна Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида. Ж. Делез настаивает на том, что «все стало симулякром. Но под симулякром мы должны иметь в виду не простую имитацию, а, скорее, действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр — инстанция, включающая в себя различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [Делез, 1998, с. 33]. Таким образом, в концепции Ж. Делеза симулякр воспринимается как «изображение, лишенное сходства; образ, лишенный подобия» [Делез, 2011]. Симулякр определяется как фрагмент, замещающий реальность вымыслом с помощью симуляции и снимающий противостояние реального и идеального, иными словами, симулякр — образ, не имеющий подобия. Ж. Бодрийяр утверждает, что «принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности, целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры» [Бодрийяр, 2021, с. 112]. Таким образом, с теорией симулятивной реальности Ж. Бодрийяра связано внедрение термина

CC BY

симулякр в контекст современной культуры, поскольку истинность симулякров уже не вызывает сомнений в современном постмодернистском пространстве, культурном и социальном.

В эпоху постмодернизма окружающий мир воспринимается лишь сквозь призму симуляции. В настоящее время современные исследователи: А. Н. Асташева, О. В. Богданова, И. И. Булычев, Н. И. Григорьева, В. И. Демченко, В. А. Емелин, С. Зенкин, Д. В. Иванов, А. Н. Кирюшин, Н. Ю. Кликушина, П. Козловский, С. А. Кравченко, Е. М. Курмелева М. Липовецкий, Н. Б. Маньковская, Л. Ю. Мещерякова, Г. С. Пшегусова, И. С. Рукавишникова, Е. А. Савельева и др. [Кирюшин и др., 2012; Коновалова, 2009 и мн. др.] — продолжают активно разрабатывать теорию симулятивности. Так, А. Н. Кирюшин и А. Н. Асташова в работе «Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму», рассматривая концепцию Ж. Бодрийяра и анализируя стратегию Ж. Делеза, отмечают, что «исчезла грань между реальностью и симуляцией. Мир и вместе с ним человек — постепенно лишаются принципа реальности, которая больше не переживается, а лишь симулируется. И мы имеем дело уже не столько с вещами и их однозначными функциями, сколько с настоящими функциональными симулякрами. Усиливается отчуждение человека, вещи заменяют конкретные межличностные и социальные отношения. Так, вещь перестает быть просто способом решения определенной практической проблемы, она вполне способна разрешить и некий психологический, более того, социальный конфликт» [Кирюшин и др., 2012].

В исследовании О. А. Коноваловой «Симулятивизация реальности в эпоху постмодерна» симулятивность рассматривается в коммуникативных процессах: «Среди различных процессов и деятельностных сфер в наибольшей степени процессу симулятивизации подверглась коммуникация <…> Поэтому процесс симулятивизации, ядром которого является отчуждение знака от референтной реальности, в первую очередь затронул именно коммуникативную сферу, именно в ней проявился наиболее ярко и рельефно. Это имело следствием то, что симулятивизированная коммуникация фактически перестала выполнять свою основную функцию (передачу информации, отражающей реальную действительность) и была включена в процесс создания симулякров, определяющих реальность современной культуры» [Коновалова, 2009, с. 74].

О симуляции в визуальных искусствах, о создании новых путей рефлексного поведения, о деформации сущностных характерных ценностей в человеческих отношениях рассуждает в своем исследовании «Симулятивность культуры постмодерна» и И. С. Рукавишникова [Рукавишникова, 2011].

CC BY

Таким образом, симулятивная реальность становится более реальной, нежели реальность объективная. В результате замены действительности симулятивным контекстом, соблазнения и обольщения общества симулятивными образами у каждого человека возникает возможность воссоздавать личностную реальность и жить по вымышленным законам.

В современном литературном процессе граница между элитарной и массовой литературой продолжает размываться. В статье Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы!» (1969) была определена концепция западной и впоследствии отечественной (не только постмодернистской) литературы: «Литература, претендовавшая на эпитет “modern”, “современная”, “новая” <…>, победоносное шествие которой началось незадолго до первой мировой войны и завершилось вскоре после окончания второй, — эта литература мертва, иными словами, она принадлежит истории, а не реальности» [Фидлер, 1993, с. 9]. Л. Фидлер отмечал наличие плюрализма в текстах постмодернистской литературы, основываясь на синтезе элитарного и массового начал. В результате принцип симулятивности выходит за границу постмодернистской культуры и встраивается в пространство культуры массовой. В результате под воздействием культуры симулякров стираются границы между массовым и элитарным искусством, между нормой и безумием, между упорядоченностью и хаосом, реальностью и идеалом.

Массовая литература сегодня продолжает отстаивать тривиальные ценности и оперировать элементарными нравственными установками, а законы жизни переходят в художественную плоскость. Популярная литература воспроизводит ряд общих утопических концепций, претендующих на универсальность, связанную с персонификацией добра и зла, разрешением стандартных конфликтных ситуаций: «Массовая литература несет комплекс социокультурных ценностей, соответствующих уровню потребностей и вкусу массового потребителя <…>. Ощущение комфорта возникает у читателя в результате уверенности в удовлетворении ожиданий. Установка на охват максимально широкой аудитории приводит к тому, что массовая литература непременно воспроизводит ряд неких общих идей. Они должны запечатлеваться таким образом, чтобы претендовать на всеобщность и абсолютность» [Купина и др., 2009, с. 55].

Сегодня и популярная литература освещает темы, чаще встречающиеся в элитарной литературе, и повсеместно репрезентирует рефлексирующего героя, находящегося в мучительных поисках взаимоотношений с окружающим миром: «Если “высокая” гуманитарная художественная культура заинтересована в постановке проблем всех ступеней, то обыденная культура, частью которой является массовая литература, идет по пути упрощения — сведения к готовым формулам, стереотипам, мифам и т. п.» [Там же, с. 56].

CC BY

Популярной литературе становится тесно в рамках традиционных формул. Герои, а особенно героини популярных текстов стремятся ответить себе на сакральные вопросы о смысле бытия и создать новую жизненную концепцию, зачастую выбирая для этого сложные и даже опасные пути. Таким образом, в популярной литературе зачастую разрушается структурно-смысловая жесткость, жанровая определенность (появление литературы мидл-класса или беллетристики), но сохраняется компенсаторная функция, которая «неизменно приобретает в массовой литературе характер утешения и поддержки» [Там же, с. 58]. С помощью массовой культуры утверждается образная система «национальной идентичности, корпус национальных традиций, через постоянную трансляцию существующих стереотипов и внятное для подготовленного "потребителя" внедрение новых. Во многом, именно благодаря массовой литературе, в обществе складывается единая система идей, образов и представлений» [Там же, с. 57]. Массовая литература по-прежнему остается одним из самых устойчивых художественных направлений: такая черта поэтики, как, например, мотив «путешествия», традиционно присутствует в современных популярных текстах. Так, путешествие на Восток отвечает мечтаниям героев о гармоничном пространстве, поскольку массовая литература «переносит читателя из монотонной обыденности в другой мир, где все развивается в соответствии с мечтами» [Там же]. В русской и русскоязычной популярной литературе последних лет появляется своеобразный экзотический контекст. Восточный миф становится чрезвычайно значимым в российском массовом дискурсе. Особенно востребованы читателями произведения, в которых события разворачиваются в незнакомом пространстве. Центральной задачей автора книг о путешествиях становится формирование у читателя восприятия чужого пространства и, как следствие, осознания своего: «Есть предположение, что само существование и непреходящая популярность травелогов — в формировании жизненно важного опыта у читателей и осмысление полученного опыта — у авторов» [Тузова-Щёкина, 2016, с. 203].

Таким образом, перемещение героя в географическом пространстве не только способствует репрезентации в тексте чужого мира, но и позволяет демонстрировать новый взгляд на собственный мир персонажа: «Оформившаяся стратегия движения актуализирует не только дихотомию "свое — чужое", но и идею границы как линии соприкосновения маргинальных миров. С развитием литературы рассказ о путешествии все больше опирается не на идею движения как физического перемещения в пространстве и визуализации ландшафта, погружения в чужую культуру, а переход в качественно иное эго-состояние» [Львова, 2016, с. 40].

CC BY

Хрупкое очарование Азии традиционно привлекает читателя, поскольку для такой литературы характерен эскапизм, погружение в спокойную и гармоничную жизнь: «Внимание к изучению образов географического пространства в культуре неуклонно нарастает, начиная с 1990-х годов. В этом проблемном поле сегодня встречаются и взаимодействуют разные дисциплины и соответствующие им дискурсы: филология, культурология, география, социология, политология» [Абашев, 2006]. Тексты, объективирующие географические и культурные объекты, становятся предметом исследования геопоэтики. По мысли В. В. Абашева «геопоэтика — раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [Там же]. Локальные образы сегодня доминируют в популярной литературе, способствуя созданию синтеза реального и симулятивного, а сплав локального и символического формирует «сам момент взаимодействия и единства земного (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)» [Там же].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Симулятивная реальность в произведениях Эльчина Сафарли

Дебютный роман азербайджанского автора, пишущего на русском языке, Эльчина Сафарли «Сладкая соль Босфора» впоследствии повлек за собой возникновение значительной волны текстов, посвященных жизни на Востоке. Рафинированная проза Э. Сафарли обладает притягательностью, утонченностью и воспринимается как нездешняя сказка, в которой реальность поглощена мечтой и иллюзией. Романы Э. Сафарли неизменно становятся бестселлерами в России, поскольку позволяют «прочитать» многоликий мир Востока: «Восточные люди мечтают о Западе. Западные люди стремятся на Восток. Вечная взаимосвязь. Была и будет. Каждый сам делает свой выбор. Выбор с целью обретения внутреннего счастья» [Сафарли, 2008, с. 258].

Аутентичный ритм жизни Востока в произведениях Э. Сафарли противопоставлен пассионарному образу жизни в западном пространстве. Восток с его неизменной загадкой представляется человеку с Севера пространством, где не столь значимыми становятся невзгоды и происходит погружение в иллюзии. Герои Э. Сафарли («Сладкая соль Босфора», «Туда без обратно», «Я вернусь …», «Любовь со дна Босфора», «Мне тебя обещали», «Там, где должна быть …», «… Нет воспоминаний без тебя», «Если бы ты знал …», «Рецепты счастья», «Когда я без тебя» «Я хочу домой», «Расскажи мне о море». «Когда я вернусь, будь дома», «Дом, в котором

CC BY

горит свет» «Двенадцать») переживают тяжелые личные драмы и, как правило, возрождаются к жизни именно в локальном пространстве Востока.

В атмосферных романах Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора», «Я вернусь …», «Туда без обратно» Стамбул представлен городом мифов, и герои, с которыми встречается автор-персонаж, становятся частью мифа о Стамбуле, поскольку их реальные истории — это не что иное, как мифологические сюжеты. Создавая свой авторский миф о «городе-душе», автор объективирует в романе локальные мифы о близнецах (герой и Босфор), о немой принцессе (Гюльбен), о потерянном рае (отъезд из Стамбула), о возвращении блудного сына (переезд в Стамбул). Таким образом, обретение своего города становится для художника творческим процессом («… Есть места, где ты близок к Богу» [Сафарали, 2008 с. 31]. Героев стамбульских текстов Э. Сафарли объединяет надежда на мифическое будущее, возможное только в Стамбуле: «Есть города, поглощающие тебя целиком. <…> Стамбул именно такой город. <…> Если Стамбул принял тебя в свои объятия, то навсегда. К нему быстро привязываешься. <…> Стамбул не отпускает тебя, ты не отпускаешь Стамбул» [Там же, с. 17—18].

Для героя Стамбул — мистический город, в котором происходят удивительные события, неожиданные встречи. Так, встреча с Арзу, загадочной женщиной в красных туфлях, неприкаянная душа которой появляется в Ортакёе с 1952 года в дождливую погоду, становится для автора-персонажа символом счастья, а впоследствии и личной драмы.

Стамбул словно завораживает повествователя, связывая его судьбу с судьбами других людей: подругой Гюльбен, редактором Шинай-ханым, коллегой Айше, тетушкой Нилюфер. Таким образом, в романе реализуется еще и миф о семье. В Стамбуле героя словно охраняют духи города: «Если верить историям тетушки Нилюфер, прозрачно-облачные тени с синевато-серыми глазами до сих пор витают над городом души, облачившись в яркие, разноцветные одеяния» [Там же, с. 62]. Стамбул представлен в романе «Сладкая соль Босфора» как гармоничное и благостное пространство, наполненное запахами и звуками. В романе же «Туда без обратно» объективирован совершенно другой образ города. Алексе, героине романа, нелегальной иммигрантке из России, Стамбул представляется городом боли и страха. Но этот город тем не менее позволяет Алексе привязаться к нему: «В Ортакёе осознаю, как тесно привязана к Стамбулу. Я и Стамбул — как двое близнецов, воссоединившихся после долгой разлуки…» [Сафарли, 2010б, с. 188]. Героиня вновь и вновь возвращается к Босфору, делится с ним своими переживаниями: «Босфор рядом — молчит, иногда вздыхает, посылая к берегу ощетиненные волны. Будто шепчет: “Снова поверь в себя”» [Там же, с. 29]. В этом романе на пути Алексы также встречается ясновидящая — женщина

CC BY

в красных туфлях, предсказывающая будущее. Отметим, что сюжет о женщине в красных туфлях появляется в разных произведениях Э. Сафарли, позволяя объединить их в единое целое. Стамбул, притягательность которого очевидна, в мультикультурных текстах Э. Сафарли представлен таким образом, что успокаивающая реальность Востока заставляет героев погрузиться в истинную жизнь. Между персонажами разных произведений Э. Сафарли возникает символическая связь, и линии судеб героев, переплетаясь, образуют фрагменты причудливого орнамента, позволяющего увидеть истинное лицо «города души». В прозе Эльчина Сафарли любимый Стамбул изображён сквозь призму культурной ментальности человека Востока. Однако этот город в описании западных авторов, возможно, демонстрирует иные грани: «Дихотомия Востока и Запада в русской культуре то расширяется до пределов самой широкой географии, то сужается до субъективной позиции отдельного человека» [Лотман, 2002, с. 748].

3.2. Мотив «путешествия на Восток» в популярной литературе

В российской популярной литературе после выхода первых романов Э. Сафарли появляется целая группа текстов, в которых именно Турция становится для героев страной мечты. И что показательно — это женские тексты, эмоционально насыщенные, в которых присутствует зримая любовная история или яркая детективная интрига. Таким образом, параллельно с атмосферной прозой Э. Сафарли появляются сюжетные тексты современных российских писательниц: Лолы Боковой «Мое тело — Босфор», Ирины Майоровой «Турецкий берег, край любви», Алионы Хильт «Под турецким небом», Яны Темиз «Рай на земле», Елены Михалковой «Жизнь под чужим солнцем», Ольги Карпович «Стамбульский реванш», «Львы умирают в одиночестве», Ларисы Бортниковой «Бабадурское». События в этих текстах разворачиваются в различных уголках Турции: Стамбуле, Анталье, прекрасном Бодруме, который называют «турецким Сен-Тропе», и фешенебельном Мармарисе. Туристическая география этих текстов свидетельствует о поверхностном восприятии ментальности Турции героинями популярной литературы, чья информированность ограничивается общеизвестными туристическими объектами. Девушки из России немного знают о Турции, воспринимая эту страну как исключительно туристическую. В романе Лолы Боковой «Мое тело — Босфор» рассказывается о пребывании героини в современной Турции. Для Даши Турция — это страна любовных метаний, которую героиня воспринимает как оазис жизни, а московская реальность представляется ей лишь симулякром: *Это моя вторая весна в Турции, и моя жизнь теперь делится на «до» и «после»* [Бокова, 2006, с. 7]. Героиня романа Л. Боковой погружается в пространство Турции, поскольку именно в этой стране она получает запас жизненных сил и желание жить дальше: *Сегодня*

CC BY

я лечу в Стамбул. <…> Мне кажется, я прочитала о нем все, что было написано. Хотя так мне только кажется. Пара статей в Интернете, несколько фото — словно из другого мира, и любовь с первого взгляда. <…> Я стремлюсь к тебе, как ни к кому на этом свете. Мы еще совсем не знакомы. Я придумала тебя с нуля [Там же, с. 36].

Любовь к Востоку позволяет героине обрести те или иные перспективы и формирует, возможно, симулятивную концепцию, утратив которую, героиня, безусловно, утратит и смысл жизни. Таким образом, чужое пространство зачастую способствует созданию ложных смыслов и перспектив. Безумные метания Даши, ее жадные поиски любви — это существование в параллельном мире, вытесняющем живую жизнь: *В моем кабинете на одной стене карта Турции, на другой — большие фотографии Стамбула, которые я сделала во время своей первой поездки. На работе никто ничего не спрашивает у меня, какие бы фотографии ни появились на стене. На подробности меня не раскрутишь, а мое влечение к Востоку и так ни для кого не секрет* [Там же, с. 57].

Роман Алионы Хильт «Под турецким небом», безусловно, менее откровенный текст, но в нем также продемонстрированы попытки героини найти свое место в турецком мире. Лиона (так зовут героиню), встретив в Турции своего возлюбленного, делает все возможное, чтобы стать частью его ментальности: *Я читала турецкие книги, смотрела старые турецкие фильмы, пыталась понять менталитет и сложные для русского восприятия шутки. Я взахлеб слушала <…> об обычаях и традициях, пела при любой возможности турецкие песни <…> Я делала все возможное, чтобы стать турчанкой* [Хильт, 2018, с. 112]. В отличие от героини романа «Мое тело — Босфор», которая воспринимает турецкую реальность как вечный праздник, Лиона встраивается в турецкое пространство и не просто видит в турецкой жизни временное спасение, а рассчитывает на будущее в этой стране. Лиона, разочаровавшись в своей любовной истории, возвращается домой, но это возвращение воспринимается ею как поражение: *Уезжая, я точно знала, что вернусь, я чувствовала, что Турция меня просто так не отпустит, слишком сильной была моя к ней любовь <…> Моей душе было уютно у Средиземного моря, там был мой дом* [Там же, с. 269—271].

Мечта о другом заставляет возвращаться в Турцию не только Дашу и Лиону, но и Веру («Рай на земле»), Алексу («Туда без обратно»), Викторию («Стамбульский реванш»). Виктория посетила Турцию еще в студенческие годы. Она *«влюбилась в эту удивительную страну, совмещающую в себе культурные особенности Востока и бешеный ритм запада …»* [Карпович, 2020, с. 27]. Героини прозы Э. Сафарли, Я. Темиз, А. Хильт, Л. Боковой, О. Карпович ищут под чужим небом свою личную гармонию. Таким обра-

CC BY

зом, «“Соблазн Другого” всегда обесценивает собственную культуру, которая представляется ненастоящей и несерьезной, как симулякр <…>. Люкримакс есть тяга субъекта к “настоящему” и отрицание им собственной жизни как “неподлинной”. Люкримакс непременно ведет к размножению симулякров: чем сильнее вера в недоступную подлинность Другого, тем чаще явления собственного мира признаются фальшивыми и пустыми» [Эткинд, 2001, с. 9—10]. Внешней причиной выбора персонажей становится стремление обрести любовь всей жизни, которая в финале оказывается лишь суррогатом настоящих чувств, но очарование Востоком не проходит даже после утраты любовных иллюзий. Истинной причиной такой жажды к перемене мест становится возможность выбрать себе новый образ, обрести новую личность, расставшись с прежней навсегда, оставив в прошлом все неудачи и ошибки. Восток и, в частности, Турция соответствуют этим устремлениям.

Роман Эльчина Сафарли «Я вернусь …» о любви, страсти и разобщенности героев, о противостоянии Востока и Запада, об антитетичности Стамбула и Москвы. Герои Э. Сафарли живут внутри своих ментальных пространств и не всегда способны понять друг друга. Вернувшись в Москву, героиня испытывает острую тоску по Стамбулу: *Я должна вернуться в ту жизнь. Она — моя. Для меня. Я говорю за себя, но слышу в себе голоса целого поколения женщин, которые уезжали на Восток именно за счастьем* [Сафарли, 2010в, с. 270]. Пребывание в Стамбуле становится испытанием для героини романа Э. Сафарли «Туда без обратно» Алексы, но именно Восток, без которого она не представляет свою дальнейшую жизнь, вдохновляет ее и дает ей надежду на светлое будущее: *Твоя страна там, где живет твое сердце. Мое сердце здесь навсегда. Я не ищу пути обратно: Москва — прошлое, Стамбул — настоящее* [Сафарли, 2010а, с. 153]. Но героиня вынуждена уехать из Стамбула, она находит заветное спокойствие в турецкой провинции, поселившись в маленьком домике на востоке Турции: … *Я жива. Не скучаю по Стамбулу, хотя по-прежнему его люблю. Больше всего тоскую по Босфору. Иногда слышу крики босфорских чаек, это никак не объяснить. Наверное, между мной и Босфором сохранилась волшебная связь…* [Сафарли, 2010а, с. 282].

Героиня рассказа Эльчина Сафарли «Угол ее круглого дома» за год словно проживает три жизни. Поликультурная городская агломерация — Москва, Стамбул и Кемер — позволяет героине справиться с её глубокими душевными переживаниями и обрести долгожданную гармонию. Героиня одинока в Москве, но счастлива в Стамбуле: *Стамбул стал нашим городом. В первый же день он пленил наши сердца бархатными закатами, суетливым галдежом чаек, перламутровыми водами Босфора, солидными гудками паромов, яркостью весенних тюльпанов. Расположения Стамбула — шум-*

CC BY

ного мегаполиса почти с пятнадцатимиллионным населением — не надо завоевывать [Сафарли, 2010а, с. 39]. Но, потеряв возлюбленного, героиня уезжает в тихий Кемер для того, чтобы, примирившись с действительностью, научиться жить без дорогого ей человека. Внутренняя метаморфоза происходит внезапно: она не планировала менять место жительства, но переезд в Кемер позволил ей наконец обрести долгожданный покой и уверенность в завтрашнем дне: *Сегодня первая годовщина моего переезда сюда. Я с легкой тоской вспоминаю тот день, когда меня провожал дождливый Стамбул, и ту злодейку луну, катающуюся в иллюминаторе самолета, словно желток в огромной синей миске* [Там же, с. 62]. Виктория («Стамбульский реванш») так же, как и Алекса, на самом деле создает себе новую личность, новую легенду и новую судьбу. Виктория выбирает для жизни Стамбул, не уставая восхищаться его красотой и не представляя себя в другом пространстве: *После пришло время и для Стамбула с его романтическими розовыми закатами, запахом кофе, где заточали строптивых султанш, со знаменитым дворцом Топ Капы, с ароматом кальяна в районе Султан Ахмед и жареных каштанов на улице Истикляль* [Карпович, 2020, с. 28].

Такая абсолютная вера в счастливое будущее на Востоке и стремление обосноваться в этом мире приобретают среди героинь современной популярной литературы характер пандемии. Острое желание вжиться в чужое, такое непохожее локальное пространство, начертить другое будущее — мечта многих героинь современных текстов. Стамбул, вместивший 26 веков, — рукотворное чудо света, чье уникальное географическое положение объясняет присущий ему магнетизм. Топика Стамбула прекрасна и антитетична, поскольку слияние европейской и азиатской культур в одном пространстве создает особую праздничную атмосферу, что способствует более гармоничному включению героев из другого мира в локальное пространство мегаполиса и их ассимиляции. Районы Стамбула: многолюдный Фатих, богемный Бейоглу, креативный Бешикташ, религиозный Эйюп, интеллигентный Кадыкей, аутентичный Ускюдар, роскошный Бебек, фешенебельный Бейкоз — воспринимаются как отдельные города, основанные в разное время и отличные друг от друга. Однако мечты героинь названных произведений в Турции сбываются крайне редко, поскольку чужое пространство зачастую словно выталкивает их, неизбежно наказывая за измену самим себе, поскольку симулятивная эмиграция не может заменить живую жизнь. Стремление раствориться в стране других и стать другой заставляет Лиону (А. Хильт «Под турецким небом») фанатично работать над своим несостоявшимся браком; Дашу (Л. Бокова «Мое тело — Босфор») — искать новых острых ощущений; Викторию (О. Карпович «Стамбульский реванш», «Львы умирают в одиночестве») — совершать необдуманные,

CC BY

даже безумные поступки; Алексу (Э. Сафарли «Туда без обратно») — забыть о своем прошлом; рассказчика (Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора») — решительно поделить свою жизнь на «до» и «после»: *До переезда в город души тонул в хаосе. Сбившийся ритм приводил к депрессиям* [Сафарли, 2008, с. 156]. Таким образом, турецкое пространство становится излюбленным местом реинкарнации героев в современной популярной литературе, поскольку российские читатели рубежа XX—XXI веков, можно предположить, достаточно знают об этой стране и понимают, как может происходить это перевоплощение в условиях современной Турции.

3.3. Симулятивная эмиграция: индийский трек

Индия — еще одна страна, в которую в поисках будущего отправляются героини современной популярной литературы. За тридцать лет до визита в Индостан португальского мореплавателя Васко да Гамо Индию в 1468—1474 годах посещает тверской купец Афанасий Никитин и создает первое описание не паломнической, а коммерческой поездки, насыщенное наблюдениями о политическом устройстве, экономике, культуре, обычаях и традициях этой страны. Путевые записки А. Никитина получили название «Хожение за три моря». В 1785 году в Индию отправился русский музыкант Герасим Лебедев, автор многочисленных работ об экономике, культуре, географии Индии, ставший одним из первых русских индологов. Путешествию Лебедева посвящена первая пьеса Э. Радзинского «Мечта моя … Индия» (1960). Сегодня тексты об Индии вновь становятся востребованными и приобретают популярность. Такие произведения, как романы Марии Арбатовой «Дегустация Индии», Марины Москвиной «Небесные тихоходы», Юлии Монаковой «Подвенечное сари», «Семейное положение — безвыходное», Алионы Хильт «В ритме Болливуда», знакомят отечественного читателя с современной Индией, которая становится для героинь этих текстов своего рода местом силы: *Все турагентства и кинофильмы врут, Индию пересказать нельзя. В этом смысле я тоже вру, потому что могу изложить только свою «психическую правду» об Индии. У вас она все равно будет другая* [Арбатова, 2007, с. 5]. Мария Арбатова в своем травелоге «Дегустация Индии» (2007) описывает индийскую повседневность, поразившую автора-персонажа своей контрастностью. Здесь яркие цвета соседствуют с крахмально-белыми траурными одеждами, пряные ароматы благовоний сливаются с запахом бензина, вульгарная роскошь контрастирует с нищетой. Индия вовлекает в свое пространство туристов, не позволяя им рационально мыслить и словно завораживая их. В тексте М. Арбатова размышляет о статусе индийских женщин, обращаясь к судьбам героинь, отстаивающих свои права: Индиры Ганди, Сони Ганди, Калпаны Датта, Лакшми Сегал, Фулан Деви. В романе «Дегуста-

CC BY

ция Индии» центральной становится оппозиция «свое — чужое». Героиня понимает, что вряд ли ассимилируется в этом пространстве и никогда не сможет принять Индию полностью, хотя бесконечно очарована ею: *Когда возвращаешься из Индии, понимаешь, как трудно от нее оторваться. Она странная, она безумная, она страшная и смешная. <…> Гуманитарно Индия для меня очень трудная страна, она глуха ко многому тому, что мне важно в жизни … И в то же время она очень моя* [Там же, с. 413]. Понятие «атмосфера» оказывается доминантой эмоционального фона произведения, а носителями атмосферности в травелоге М. Арбатовой становятся все компоненты поэтики текста, основывающиеся на сенсорных характеристиках и ставшие «способом объединения наблюдений над миром, впечатлений от него» [Шах-Азизова, 1996, с. 136]. В травелоге «Дегустация Индии» ключевым становится мотив погружения. Героиня оказывается в Индии и погружается в совершенно новое для нее пространство, уверенная, что оно давно, хотя и заочно освоено ею: *Не помню страны, в которой бы я ощущала на себе такое количество удивленных и изучающих взглядов. Мне казалось, что я еду «своей». Но «своим» в Индии было не просто другое, а противоположное … И, презентуя себя «вдохновенной буддисткой», я выглядела здесь вызывающе выглядящей туристкой* [Арбатова, 2007, с. 213]. Индия М. Арбатовой — это прежде всего безграничные ландшафты со своими этнографическими, культурологическими и историческими кодами (пример «геоэтнической» панорамы») [Топоров, 1997, с. 30]. Индийский текст в травелоге М. Арбатовой становится не просто набором пространственных и культурных характеристик, но воплощением жизненного восприятия автора-персонажа, включенного в экзотическое пространство. В тексте Марии Арбатовой образ Индии философски осмыслен и представлен как калейдоскоп ярких и впечатляющих сенсорных образов. При этом героиня М. Арбатовой не готова мириться с тем, что ее не устраивает в этой стране, ей сложно принять недостатки индийского общества: нищету, антисанитарию, многочисленные нарушения правил уличного движения, жесткую сегрегацию женщин, отсутствие личного пространства: *Женщине по Индии трудно просто гулять и глазеть. Каждый шаг превращается в борьбу за частное пространство, за право быть наедине с собой* [Арбатова, 2007, с. 400]. Но пребывание героини М. Арбатовой в Индии — это, по сути, туристическая поездка, а значит, чем глубже героиня погружается в пространство страны, тем сильнее она тянется к «своему»: *О, как мне хотелось к своим! Когда стайка аэрофлотовских стюардесс зацокала каблучками, я отметила, что наши самые элегантные <…> Аэрофлот я осознаю как продолжение России* [Там же, с. 409]. Важно отметить, что Мария Арбатова принадлежит к более взрослому по-

CC BY

колению, поэтому идея начать новую жизнь в другой стране ее героине не кажется привлекательной. Но в российской популярной литературе появляется группа писательниц (Ю. Монакова, А. Хильт), воспринимающих Индию как страну нескончаемых возможностей для жизни.

Так, героиня романа Юлии Монаковой «Подвенечное сари» (2009), очарованная Индией, выходит замуж и переезжает в страну своей мечты. Героиня мечтает об Индии с детства и ищет возможности «присвоить» это пространство, что ей, безусловно, удается: *Просто Индия уже настолько стала для меня СВОЕЙ страной, что я, пожалуй, впитала в себя национальную гордость местных жителей* [Монакова, 2009, с. 397]. Героиня романа «Подвенечное сари» восхищена этой страной и отказывается критиковать даже отчетливые недостатки, присутствующие в индийском обществе. Таким образом, автор-персонаж выбирает другую реальность и полностью погружается в чужое пространственное измерение: *Я написала эту книгу именно потому, что захотелось рассказать вам о МОЕЙ Индии. О стране, в которую я влюбилась с первого взгляда, которая стала для меня домом и которая каждый день не перестает меня удивлять…* [Там же, с. 398]. Но каково это столь любимое автором пространство, из текста понять сложно. Героиня включена в индийскую картину мира, она стойко переживает трудности, готова мириться с чужими правилами, при этом не раскрывая своих истинных чувств. Роман Юлии Монаковой не объективирует мифологической природы Индии, глубоких культурных традиций этой страны, он концентрируется на бытовых аспектах индийской жизни. Индия кажется знакомой, известной с детства страной: фильмы, танцы, мода, красавцы-актеры, астрология, ведическая медицина — все эти компоненты индийской парадигмы способствуют развитию стремления к симулятивной эмиграции. Кто же откажется от жизни в прекрасной сказке? *Начать, наверное, надо с того, что Индией я болела с детства, как и многие девчонки моего поколения. Фильмы, музыка, танцы, кухня, национальная одежда — все это заставляло мое сердце учащенно биться еще в восьми-девятилетнем возрасте. Я грустила о том, что не родилась индианкой, заворачивалась в шторы (это было мое сари), рисовала точку на лбу маминой помадой и мечтала выйти замуж за Митхуна Чакроборти …* [Монакова, 2009, с. 6].

Индия русским сознанием всегда воспринималась как своего рода духовная родина. Превратившись в вечный симулякр, Индия становится мечтой многих девчонок. Героиня Ю. Монаковой, попав в страну своей мечты, словно получает новое рождение и новые возможности. Автор-персонаж воспринимает Индию не так, как героиня М. Арбатовой: то, что так волнует рассказчицу в романе «Дегустация Индии», в частности социальные проблемы в индийском обществе, почти не усложняет жизнь Юле.

CC BY

В романе Алионы Хильт «В ритме Болливуда» героиня, расставшись со своим возлюбленным, отправляется в Индию без денег и цели. Но именно в Индии она обретает надежду, устраивает свою личную жизнь и готова остаться в этой стране навсегда. С героиней происходит удивительная метаморфоза именно в Индии, стране, в которую она сбегает от проблем: *Времени не существовало, а мой мозг ломался от встречи с другой реальностью. Волшебное место, в котором я наконец-то поняла, что в жизни возможно ВСЕ* [Хильт, 2019, с. 47]. Лиона возвращается в Санкт-Петербург обновленной и самостоятельной, отказавшись от вынужденной симулятивной эмиграции: *Я снова чувствовала себя свободной, хоть и оставила частичку своей души в Мумбае <…>. Я возвращалась в Россию, найдя себя в Индии цельной и уверенной в себе личностью* [Там же, с. 276].

В Индию на поиски ауры покоя и доброжелательности отправляется Люся — героиня повести Ю. Монаковой «Семейное положение — безвыходное», сразу полюбившая эту страну: *Конечно же, это была всего лишь иллюзия. Просто требовалось время, чтобы вновь адаптироваться к привычной среде. Однако после улыбчивых жителей той страны, из которой Люся только что прилетела, после ярких красок, которыми был наполнен тамошний быт, после густого влажного воздуха, насыщенного пряными ароматами, ей было немного странно воспринимать себя снова в России. Её преследовало ощущение, что она здесь в гостях, а не дома. Украшенные сверкающие ёлки, установленные по всему залу аэропорта, только усиливали это ощущение. Новый год казался таким нереальным праздником, таким далёким и чужим, таким … инородным* [Монакова, 2014, с. 3]. Героиня повести — писательница Людмила Малахова, работающая под псевдонимом Глаша Маланина, едет в Индию для того, чтобы разобраться в себе и написать книгу. Эта страна становится для нее сакральным местом, подарившим ей уверенность в себе и внутреннюю гармонию: *Иногда я спрашиваю себя — что дала мне эта поездка (ну, кроме написанной книги, разумеется)? Невозможно сформулировать, всё на уровне подсознания. Одно знаю точно — это было не зря <…>. Индия постоянно, ежедневно, ежеминутно учит всех, кто сюда приезжает* [Там же, с. 253—254].

Позитивная энергетика индийских городов: Дели, Агры, Мумбаи, Джайпура — создает особую атмосферу и расширяет границы сознания каждой из героинь произведений об Индии. Лиона чувствует себя по-настоящему свободной, увидев Тадж-Махал: *Побывав в Тадж-Махале, я открыла для себя новые краски жизни: яркие, без примесей, переливающиеся друг в друга … ВСЕ ВОЗМОЖНО. ВСЕ ГРАНИЦЫ У НАС В ГОЛОВЕ <…>. Осознание пришло ко мне именно в тот час, когда солнце ярко освещало мраморную лестницу, ведущую к вырубленному пальмовому саду …*

CC BY

[Хильт, 2019, с. 46—47]. Люся, оказавшись в Тадж-Махале, испытывает похожие чувства, ее вселенная вдруг утрачивает границы, и она испытывает непередаваемые ощущения: *Тадж в предрассветной розовой дымке выглядел нереальным, воздушным, как кружевной зефир. Его силуэт словно колебался в воздухе. <…>, он выглядел величественным, волшебным, завораживающим … Люся с удивлением почувствовала, как по её щекам текут самые натуральные слёзы* [Монакова, 2014, с. 143—144].

Благодаря индийской действительности, взгляд на мир совершенно меняется и у ироничной героини М. Арбатовой, и у наивной Лионы, и у восторженной Люси, и у влюбленной в эту страну Юлии. При этом автор романа «Подвенечное сари» критически отзывается о тексте М. Арбатовой, стремясь вступить с писательницей в дискуссию в то время, как в повести «Семейное положение — безвыходное» Юлия Монакова включает в текст цитаты из «Индийского цикла» Веры Полозковой в качестве эпиграфов к главам, таким образом словно подтверждая духовное единение с автором «Индийского цикла».

Вера Полозкова в «Индийском цикле» (2008) по-своему «дегустирует» Индию, принимая эту страну и погружаясь в многомерное пространство индийского сна: *Чему учит нас Дели, мой свет? / Тому, как могущественны жара, нищета и лень. / И тому, что все распадется на пепел, мел, полиэтилен. / И тому, что все тлен / и все обратится в тлен. / Чему Дели учит меня? / Тому, что бесценные километры я трачу зря, / Заедая пустотами пустоту, проще говоря, / Еду в Индию, чтобы помнить про этот год / что-нибудь, кроме утра пятого января. / Чему учит нас Индия? Тому, что молчанье речь, / расстояние лучший врач, / Того, чего не имеешь — не потерять, / что имеешь — не уберечь. / Так что обналичь и потрать свою жизнь / до последней старости, / Проживи поскорее прочь* [Полозкова, 2014, с. 37]. В Варанаси у лирической героини создается впечатление, что всё вокруг пропитано пылью и пеплом и даже воды священного Ганга приправлены ароматами бедности и смерти, но город-крематорий на берегу великой реки становится символическим местом, наполненным таинственным смыслом. Каждый, кто побывал в Варанаси, так или иначе узнает все о бессмертии: *Чему учит нас Варанаси, мой свет? / Тому лишь, что жизнь есть сон. / Тому, что всю мощность средства передвижения / заключает в себе клаксон. / Тому, что храмовая мартышка входит в разряд / влиятельнейших персон. / Чему Варанаси учит меня? / Тому, что окажешься на вершине, дойдя до дна. / Тому, что у нас начались последние / а у них еще ветхозаветные времена. / Нелегко придется Тому, Кто родится здесь, / чтоб за все заплатить сполна* [Там же, с. 38].

Лирическая героиня создает авторский миф о волшебной стране. Она воспринимает Индию как инопланетное пространство, с благодарностью

CC BY

воспринимает возможность бороздить индийский космос. И в то же время вновь возникает очарование великим Тадж-Махалом — местом встречи всех людей на земле: *Над портретом Шивы и Парвати лампа, / чтоб глаз приезжего / отдыхал. / Тадж-Махал был построен, чтобы все расы мира / встречались перед воротами в Тадж-Махал. / <…>/ Индия лежит под колесами, словно поверхность Марса, / и остается с тобой честна: / Ничего не забрать отсюда себе на память, как с того / света / или из сна* [Там же, с. 43].

Путешественник, забывший вернуться из страны сна, понимает, что никогда не утратит те незабываемые впечатления, которые он получил в Индии: *Завтра в это время я буду стоять на сцене, / во многих тысячах километров отсюда, / где теперь медленная среда: / Спят собаки между шезлонгами в два ряда, / мертвого краба вылизывает вода, / А там будет мама, Рыжая, / Дзе, наверно, придет туда, / Я взойду и скажу им, как я боялась вернуться, да, / Обнаружить через неделю, как выцветают в тебе / индийские сари, дети, / рассветы, шуточки, города, / как ни остается от них ни камушка, ни следа, — / Только ведь моя Индия из меня не денется никуда. / Моя Индия не закончится никогда* [Там же, с. 53—54].

Индийские впечатления способствуют погружению лирической героини в инопланетное индийское пространство настолько глубоко, что собственное неожиданно становится непривычным и даже чуждым: *Представь себе ужас прожившего месяц в Индии, / мама, / и впервые узревшего снег в аэропорту. / У меня в чемодане песок, на плечах непальская / куртка / и не утешительная ничуть карамель во рту. / Мы вернулись домой, мама, это отнюдь не часто / случается / с заступившими за черту* [Там же, с. 55]. Лирическая героиня боится возвращения, ей представляется, что в этом случае она утратит приобретенные духовные сокровища: *В общем, мы действительно опоздали на самолет. / Ехали в Панаджи — не столько я покидала Гоа, / сколько Гоа стал покидать меня. / Вот они, все мои последние рупии, / указатели на английском и хинди / и вся фигня, — / Следующий рейс из Гоа в Москву / будет только через три дня. / Это премиальные три заката здесь / (пару лет московской зимы по курсу / стоит средний такой закат). / Это десять часов на скутере через тропики, / с поворотами наугад. / Это срочный приказ о твоем помиловании, / когда ты вот-вот будешь расстрелян как ренегат. / Вот тебя отпустили, и ты только и повторяешь, / что oh my / god, / Весь в мурашках от ощущения, как ты ужасно жив, / как неслыханно ты богат* [Там же, с. 52].

В целом локальное пространство Индии воспринимается лирической героиней Веры Полозковой как спасительное. Индия становится для нее местом, где синтез жизни и смерти способствует рождению нового мировосприятия и внутреннего обновления. Лирический цикл Веры Полозко-

CC BY

вой репрезентирует идиллические взаимоотношения лирического субъекта с другой реальностью, и эта идиллия побуждает к симулятивной эмиграции. Лирическая героиня В. Полозковой вновь и вновь возвращается в Индию, что получает развитие в более позднем цикле «Письма из Гокарны» (2017—2019). Погружение в идею бессмертия и отказ от сиюминутного, суетного, мгновенного становятся основной темой цикла «Письма из Гокарны». Индия дарует новые возможности человеку, она устанавливает связь между мирами живых и мертвых. В лирических сборниках Веры Полозковой люди и боги живут в одном мире и взаимодействуют в едином пространстве.

Таким образом, Индия для авторов современной популярной литературы, как и для их героев, становится симулякром, чему способствует знание Индии на уровне музыки, хореографии, кино и философии, ведической медицины и астрологии, но индийская ментальность по-прежнему остается загадкой, поскольку эта страна мало кому открывается на религиозном уровне. О религиозном аспекте индийской культуры, способствующем включению этой цивилизации в вековой духовный форпост, авторы популярных текстов словно бы и не знают. Лишь Мария Арбатова в своем травелоге «Дегустация Индии» характеризует религиозные принципы индийской жизни, что свидетельствует о ее глубоком погружении в индийскую реальность: *Все верующие индусы перед принятием важного решения уединяются хоть на миг с высшими силами. Для этого не обязательно произносить молитвенные слова, нужно просто установить энергетический мост к богам* [Арбатова, 2007, с. 37].

Пример индуистской религиозной медитации мы встречаем в романе американской писательницы Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить». Героиня посещает Италию, Индию и Индонезию, собирая материал для книги, но главной целью Лиз становится стремление разобраться в себе и найти утешение после утраты личных отношений. В Индии героиня поселяется в ашраме, где погружается в медитацию и достигает долгожданного спокойствия и духовного обновления: *Я уверена, что все религии мира имеют в своем основании общий принцип — стремление найти способ общения с Богом. Человек, стремящийся достичь единства с божественным, на самом деле пытается отстраниться от мирской жизни и приблизиться к жизни вечной <…> И все, что для этого нужно, — некая великая идея, способная перенести его туда. Это должна быть действительно мощная концепция, всеобъемлющая, обладающая магическими свойствами и силой, так как с ее помощью предстоит преодолеть неблизкий путь* [Гилберт, 2008, с. 225]. Героиня Э. Гилберт постоянно живет в ашраме, она не путешествует по стране и видит свою Индию — некий духовный оазис. Занимаясь йогическими практиками, Лиз почти достигает нирваны.

CC BY

Ее симулятивная эмиграция длится четыре месяца, и, медитируя в последнюю ночь перед отъездом, она понимает, что обретает наконец веру, которую можно обрести лишь в Индии: *Я закрываю глаза, и в голове сама собой рождается мантра. Пользуясь ее слогами, как ступенями, я спускаюсь в центр покоя внутри своего сердца. Добравшись до него, чувствую, как весь мир останавливается <…>. Я сижу и молча удивляюсь всему, что постигла. Я не совершаю молитву. Я сама стала молитвой* [Там же, с. 230]. Но в отличие от Лиз герои, далекие от духовных практик, не могут ощутить подобной внутренней гармонии в Индии. Так, в документальной книге Татьяны Щербины «Антропологические путешествия» героиня не ощущает духовного единения с этой страной, не может ее принять и согласиться с чуждым ей форматом существования: «Легкость бытия заключена и в самой индийской философии: душа бесконечно переселяется из тела в тело — крутится колесо сансары, главное — не портить или улучшить карму, и когда-нибудь достичь нирваны. Или так и перевоплощаться, из века в век. Смерть — это надежда, что следующая твоя жизнь будет лучше» [Щербина, 2019, с. 340]. Индия с ее религией и традициями вызывает у героини Т. Щербины абсолютное отторжение еще на уровне книжного знакомства, и она искренне не понимает, как другие люди, изучая литературу об этой стране, в нее влюбляются. Автор-персонаж осознает, что Индия — симулякр, и предпочитает лично в этом убедиться.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, стремление к эскапизму за счет симулятивной эмиграции в страны, о которых, на первый взгляд, все известно, приобретает в популярной русской и русскоязычной литературе утопический характер. Мечта о жизни в прекрасном белом городе солнца и моря, южном городе, в котором не будет привычных трудностей и неразрешимых проблем, превращается в навязчивую идею для героинь современных популярных текстов. Утопическая идея начинает в этих произведениях немедленно воплощаться в реальность, поскольку утопическое сознание создает проекты, рассчитанные на воплощение: «Утопия — та же магия: благое (вымышленное) место наделяется свойствами, каких нет у окружающего. Только потому, что эти свойства воображаемы, они могут (таково магическое условие) сделаться действительными. Стоит подумать, и мысленное воплотится. Вероятно, этим вызвано то, что грядущее (место, которого нет) наделялось признаками, свойственными теперешней жизни (месту, которое есть). Это место не понималось другим, в нем лишь устранялись дефекты, в соответствии с магической практикой» [Мильдон, 2006, с. 7]. Превратить иллюзию в реальность и погрузиться в новое мифологическое пространство становится

CC BY

для героинь популярной литературы неизбежным: одни получают новые возможности, для других же ситуация складывается драматично. Основным художественным принципом для такого рода текстов становится попытка погружения автора-персонажа в абсолютно иную, экзотическую, симулятивную реальность, которую, возможно, не получится полностью освоить, но которая не останется чужой и позволит изменить и усовершенствовать личное пространство путешественника: «Путешествие в пространстве — перемещение из точки А в точку Б — связано с путешествием во времени; прибыв в другой пункт, человек меняется духовно <...> Изменения могут оказаться столь серьезными, что вернувшегося обратно человека даже не узнают, как, например, Одиссея, вернувшегося в Итаку после двадцати лет скитаний, — он, безусловно, изменился внешне, но также пережил и серьезную духовную эволюцию» [Головченко, 2017, с. 32—33].

Героини популярной литературы находят в экзотических пространствах то, что им необходимо: эмоции и жизненную энергию в Турции (Л. Бокова «Мое тело — Босфор»; Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора», «Туда без обратно», «Я вернусь …»; О. Карпович «Стамбульский реванш», «Львы умирают в одиночестве»; А. Хильт «Под турецким небом»; Я. Темиз «Рай на земле»; И. Майорова «Турецкий берег — край любви»; Л. Бортникова «Бабадурское»), покой и гармонию в Индии (Э. Гилберт «Есть, молиться, любить»; М. Арбатова «Дегустация Индии»; Ю. Монакова «Подвенечное сари», «Семейное положение — безвыходное»; В. Полозкова «Индийский цикл», «Письма из Гокарны»; А. Хильт «В ритме Болливуда»).

«Новой чертой современной массовой культуры является ее прогрессирующий космополитический характер, связанный с процессами глобализации, стирание национальных различий и, как следствие, —единообразие мотивов, сюжетов, приемов» [Черняк, 2007, с. 11]. Таким образом, в современной русской литературе, как и литературе зарубежной, потребность раствориться в экзотическом мире, обладающем мифологической природой, способствует созданию специфической геопоэтической парадигмы, что позволяет симулятивному пространству занять в утопическом сознании героев место рая. Прерогатива создания симулятивной реальности принадлежит именно популярной литературе, поскольку она способна перенести читателя из рутинной обыденности в другой мир, где, возможно, сбываются даже несбыточные мечты.

Источники и принятые сокращения

1. *Арбатова М.* Дегустация Индии / М. Арбатова. — Москва : Аст, 2007. — 412 с. — ISBN 5-17-040576-6, 5-9713-3550-2, 978-5-9713-3550-4.

2. *Бокова Л.* Мое тело / Л. Бокова. — Босфор. Москва : Зебра Е, 2006. — 238 с. — ISBN 5-94663-307-4, 985-13-6888-1.

3. *Гилберт Э.* Есть, молиться, любить / Э. Гилберт ; перевод с английского Ю. Ю. Змеевой. — Москва : РИПОЛ — Классик, 2008. — 368 с. — ISBN 978-5-386-00954-0.

4. *Карпович О.* Стамбульский реванш / О. Карпович. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — ISBN 978-5-04-105860-9.

5. *Монакова Ю. В.* Подвенечное сари. Русские девушки в объятиях Болливуда / Ю. В. Монакова. — Москва : РИПОЛ-Классик, 2009. — 400 с. — ISBN 978-5-386-01292-2.

6. *Монакова Ю. В.* Семейное положение — безвыходное / Ю. В. Монакова. — Минск : Букмастер, 2014. — 256 с. — ISBN 978-985-549-800-2.

7. *Полозкова В.* Индийский цикл / В. Полозкова // Осточерчение. — Москва : Лайвбук, 2014. — С. 37—55. — ISBN 9785904584443.

8. *Сафарли Э.* Сладкая соль Босфора / Э. Сафарли. — Москва : АСТ, Астрель, 2008. — 285 с. — ISBN 978-5-17-071076-8.

9. *Сафарли Э.* Туда без обратно / Э. Сафарли. — Москва : АСТ, Астрель, 2010а. — 285 с. — ISBN 978-5-17-093281-8.

10. *Сафарли Э.* Угол ее круглого дома / Э. Сафарли // Контурные карты для взрослых [сборник] : сост. Алмат Малатов. — Москва : АСТ, Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010б. — С. 9—63. — ISBN 9785170623631.

11. *Сафарли Э.* Я вернусь… / Э. Сафарли. — Москва : АСТ, Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010в. — 279 с. — ISBN 978-5-17-093279-5.

12. *Хильт А.* Под турецким небом / А. Хильт. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — ISBN 978-5-04-096343-0.

13. *Хильт А.* В ритме Болливуда / А. Хильт. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — ISBN 978-5-04-098557-9.

Литература

1. *Абашев В. В.* Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала [Электронный ресурс] / В. В. Абашев // Дом Пастернака. Память Всеволодо-Вильвы, 2006. — Режим доступа : http://dompasternaka.ru/library/detail.php?id=436 (дата обращения 21.05.2022).

2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — Москва : Рипол-Классик, 2021. — 512 с. — ISBN 978-5-386-13989-6.

4. *Головченко И. Ф.* Литературное путешествие : проблема жанра / И. Ф. Головченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2017. — № 1. — С. 32—38.

5 *Делез Ж.* Различие и повторение / Ж. Делез. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. — 384 с. — ISBN 2130455166 ISBN 5-86708-110-9.

6. *Делез Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. — Москва : Академический Проект, 2011. — 472 с. — ISBN 978-5-8291-1251-6.

7. *Кирюшин А. Н.* Идея симулякра в понимании виртуального : от Платона к Постмодернизму [Электронный ресурс] / А. Н. Кирюшин, А. Н. Асташова // Гуманитарные научные исследования. — 2012. — № 8. — Режим доступа : https://human.snauka.ru/2012/08/1593 (дата обращения 03.05.2022).

8. *Коновалова О. А.* Симулятивизация реальности в эпоху постмодерна / О. А. Коновалова. — Тамбов : Грамота, 2009. — С. 74—76.

9. *Купина Н. А.* Массовая литература сегодня : учебное пособие / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николина. — Москва : Флинта, Наука, 2009. — 424 с. — ISBN 978-5-9765-0102-7.

10. *Курмелева Е. М.* Симулякр и общество в современной социальной теории / Е. М. Курмелева, Л. Ю. Мещерякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : СОЦИОЛОГИЯ. — 2006. — № 2. — С. 31—46.

11. *Лотман Ю. М.* Современность между Востоком и Западом / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2002. — С. 744—751. — ISBN 5-210-01527-0.

12. *Львова О. В.* Рассказ о путешествии : формы литературной рецепции травелога / О. В. Львова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9 (63). — Ч. 3. — С. 38—40.

13. *Маньковская Н. Б.* Симулакр / Н. Б. Маньковская // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — Т. 2. — С. 211. — ISBN 5-7914-0027-6.

14. *Мильдон В. И.* Санскрит во льдах, или возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания / В. И. Мильдон. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0743.

15. *Рукавишникова И. С.* Симулятивность культуры постмодерна / И. С. Рукавишникова // Magister Dixit. — 2011. — № 3. — С. 61—66.

16. *Топоров В. Н.* «Гео-этнические» панорамы в аспекте связей истории и культуры (к происхождению и функциям) / В. Н. Топоров // Культура и история. Славянский мир. — Москва : Индрик, 1997. — С. 23—61.

17. *Тузова-Щёкина С. М.* Современный травелог в поисках «нового» смысла / С. М. Тузова-Щёкина // Художественная литература как культурный ансамбль сборник статей II Международной конференции, посвященной Году Литературы в России. Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино». — 2016. — С. 203—206.

18. *Черняк М. А.* Массовая литература XX века / М. А. Черняк. — Москва : Флинта, Наука, 2007. — 432 с. — ISBN 5-02-034661-1.

19. *Щербина Т.* Антропологические путешествия / Т. Щербина. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 432 с. — ISBN 978-5-17-110895-3.

20. *Шах-Азизова Т. К.* Чехов и западноевропейская драма его времени / Т. К. Шах-Азизова. — Москва : Издательство Наука, 1996. — 164 с.

21. *Фидлер Л.* Пересекайте границы, засыпайте рвы! / Л. Фидлер // Современная западная культурология : самоубийство дискурса. — Москва : [б. и.], 1993. — С. 462—518.

22. *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 496 с. — ISBN 5-86793-145-5.

Material resources

Arbatova, M. (2007). *Tasting of India.* Moscow: Ast. 412 p. ISBN 5-17-040576-6, 5-9713-3550-2, 978-5-9713-3550-4. (In Russ.).

Bokova, L. (2006). *My body. The Bosphorus.* Moscow: Zebra E. 238 p. ISBN 5-94663-307-4, 985-13-6888-1. (In Russ.).

Gilbert, E. (2008). *Eat, pray, love.* Moscow: RIPOLL — Classic. 368 p. ISBN 978-5-386-00954-0.

Hilt, A. (2018). *Under the Turkish sky.* Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-096343-0. (In Russ.).

Hilt, A. (2019). *In the rhythm of Bollywood.* Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-098557-9. (In Russ.).

Karpovich, O. (2020). *Istanbul revenge.* Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-105860-9. (In Russ.).
Monakova, Yu. V. (2009). *Wedding sari. Russian girls in the arms of Bollywood.* Moscow: RIPOLL-Classic. 400 p. ISBN 978-5-386-01292-2. (In Russ.).
Monakova, Yu. V. (2014). *Marital status — hopeless.* Minsk: Bookmaster. 256 p. ISBN 978-985-549-800-2. (In Russ.).
Polozkova, V. (2014). Indian cycle. In: *The exasperation.* Moscow: Live Book. 37—55. ISBN 9785904584443. (In Russ.).
Safarli, E. (2008). *Sweet salt of the Bosphorus.* Moscow: AST, Astrel. 285 p. ISBN 978-5-17-071076-8. (In Russ.).
Safarli, E. (2010a). *There without back.* Moscow: AST, Astrel. 285 p. ISBN 978-5-17-093281-8. (In Russ.).
Safarli, E. (2010b). The corner of her round house. In: *Contour maps for adults [collection].* Moscow: AST, Astrel; Vladimir: VKT. 9—63. ISBN 9785170623631. (In Russ.).
Safarli, E. (2010b). *I'll be back ...* Moscow: AST, Astrel; Vladimir: VKT. 279 p. ISBN 978-5-17-093279-5. (In Russ.).

References

Abashev, V. V. (2006). Geopoetic view on the history of literature of the Urals. In: *Pasternak's house. Memory of Vsevolod-Vilva.* Available at: http://dompasternaka.ru/library/detail.php?id=436 (accessed 21.05.2022). (In Russ.).
Baudrillard, J. (2021). *Symbolic exchange and death.* Moscow: Ripoll-Classic. 512 p. ISBN 978-5-386-13989-6. (In Russ.).
Chernyak, M. A. (2007). *Mass literature of the XX century.* Moscow: Flint, Nauka. 432 p. ISBN 5-02-034661-1. (In Russ.).
Deleuze, J. (1998). *Distinction and repetition.* Saint Petersburg: Petropolis. 384 p. ISBN 2130455166 ISBN 5-86708-110-9. (In Russ.).
Deleuze, Zh. (2011). *Logic of meaning.* Moscow: Academic Project. 472 p. ISBN 978-5-8291-1251-6. (In Russ.).
Etkind, A. (2001). *Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts.* Moscow: New Literary Review. 496 p. ISBN 5-86793-145-5. (In Russ.).
Fiedler, L. (1993). Cross the borders, fill up the ditches! In: *Modern Western cultural studies: the suicide of discourse.* Moscow: [b. i.]. 462—518. (In Russ.).
Golovchenko, I. F. (2017). Literary journey: the problem of genre. *Bulletin of Tver State University. The series "Philology", 1:* 32—38. (In Russ.).
Kiryushin, A. N., Astashova, A. N. (2012). The idea of a simulacrum in the understanding of the virtual: from Plato to Postmodernism. *Humanitarian scientific research, 8:* Available at: https://human.snauka.ru/2012/08/1593 (accessed 03.05.2022). (In Russ.).
Konovalova, O. A. (2009). *Simulativization of reality in the postmodern era.* Tambov: Gramota. 74—76. (In Russ.).
Kupina, N. A., Litovskaya, M. A., Nikolina, N. A. (2009). *Mass literature today: textbook.* Moscow: Flinta, Nauka. 424 p. ISBN 978-5-9765-0102-7. (In Russ.).
Kurmeleva, E. M., Meshcheryakova, L. Y. (2006). Simulacrum and society in modern social theory. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: SOCIOLOGY, 2:* 31—46. (In Russ.).
Lotman, Yu. M. (2002). Modernity between East and West. In: *History and typology of Russian culture.* Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 744—751. ISBN 5-210-01527-0. (In Russ.).

Lvova, O. V. (2016). A story about a journey: forms of literary reception of a travelogue. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 9 (63) / 3:* 38—40. (In Russ.).

Mankovskaya, N. B. Simulacrum. In: *Culturology. XX century: Encyclopedia: in 2 volumes, 2.* St. Petersburg: University Book. 211. ISBN 5-7914-0027-6. (In Russ.).

Mildon, V. I. (2006). *Sanskrit in ice, or the return from Ophir: An essay of Russian literary utopia and utopian consciousness.* Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0743. (In Russ.).

Rukavishnikova, I. S. (2011). Simulativeness of postmodern culture. *Magister Dixit, 3:* 61—66. (In Russ.).

Shah-Azizova, T. K. (1996). *Chekhov and the Western European drama of his time.* Moscow: Nauka Publishing House. 164 p. (In Russ.).

Shcherbina, T. (2019). *Anthropological travels.* Moscow: AST Publishing House. 432 p. ISBN 978-5-17-110895-3. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1997). "Geo-ethnic" panoramas in the aspect of connections of history and culture (to origin and functions). In: *Culture and history. Slavyansky mir.* Moscow: Indrik. 23—61. (In Russ.).

Tuzova-Shchekina, S. M. (2016). Modern travelogue in search of a "new" meaning. In: *Fiction as a cultural ensemble collection of articles of the II International Conference dedicated to the Year of Literature in Russia. Moscow Institute of Television and Radio Broadcasting "Ostankino".* 203—206. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.03.2022,
одобрена после рецензирования 21.05.2022,
подготовлена к публикации 13.06.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Анатолий Анатольевич Слезин, д-р истор. наук (Тамбов)
Вероника Сергеевна Назарова, преподаватель (Ростов-на-Дону)
Виктор Алексеевич Зах, д-р истор. наук (Тюмень)
Виктор Викторович Клочков, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Екатерина Сергеевна Симоненко, канд. истор. наук (Уссурийск)
Елена Сергеевна Куликова, канд. эконом. наук (Екатеринбург)
Майя Ивановна Львова, канд. эконом. наук (Екатеринбург)
Мария Александровна Пономарева, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Михаил Николаевич Барышников, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Олег Викторович Анисимов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Полина Александровна Куринских, научный сотрудник (Сочи)
Татьяна Николаевна Рафикова, канд. истор. наук (Тюмень)
Хасан Бахтиёрович Бабаджанов, PhD (Ташкент, Узбекистан)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Анисимов О. В. Конституционная революция в Неаполе 1820—1821 годов в освещении российской прессы / О. В. Анисимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 363—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-363-383.

Anisimov, O. V. (2022). Constitutional Revolution in Naples 1820—1821 in Coverage of Russian Press. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 363-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-363-383. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-363-383

Конституционная революция в Неаполе 1820—1821 годов в освещении российской прессы

Анисимов Олег Викторович
orcid 0000-0002-6198-9858
кандидат исторических наук
заведующий сектором отраслевого отдела Научной библиотеки
ovanisimov@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бидермайера»

Автор благодарит студенток Института истории СПбГУ В. Е. Григорьеву, Е. А. Кашину, М. А. Колчину, которые начинали предварительную разработку этой темы под руководством к.и.н., доцента М. С. Белоусова

Constitutional Revolution in Naples 1820—1821 in Coverage of Russian Press

Oleg V. Anisimov
orcid.org/0000-0002-6198-9858
PhD in History, Head of the Branch Department Sector of the Scientific Library
ovanisimov@yandex.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The work was supported by the RSF grant number 21-78-10052 “From the Cadiz Constitution to the St. Petersburg Uprising: Transfer of Discourses, Ideas, Emotions in the Biedermeier Era”

The author thanks the students of the Institute of History of St. Petersburg State University V. E. Grigorieva, E. A. Kashina, M. A. Kolchina, who began the preliminary development of this topic under the guidance of PhD, Associate Professor M. S. Belousov

© Анисимов О. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется реакция российской прессы на революционные события в Южной Италии в 1820—1821 годы. Основными источниками стали журналы «Вестник Европы», «Невский зритель», «Сын Отечества» и официальная газета «Санкт-Петербургские ведомости», была привлечена и иностранная печать. Установлены основные приемы донесения информации до читающей публики в России по таким вопросам, как развитие революционного процесса в Неаполе, реакция держав Священного союза, роль общества карбонариев и значение сепаратистского движения на Сицилии. Скорректированы выводы ученых СССР относительно подачи новостной повестки в журналах, близких к декабристским кругам. Новизна исследования видится в том, что было установлено преобладающее влияние австрийской прессы на русскую печать. Отмечается, что последняя импортировала взгляды на конституционный процесс в Неаполе как результат заговора «секты» карбонариев. Выявлены материалы, выбивавшиеся из преобладающей повестки дня и рассматривавшие события Неаполитанской революции 1820 года с точки

Ключевые слова:
Королевство Обеих Сицилий; Неаполь; Сицилия; пресса; общественное мнение; карбонарии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the reaction of the Russian press to the revolutionary events in Southern Italy in 1820—1821. The main sources were the journals “Vestnik Evropy”, “Nevsky Spectator”, “Son of the Fatherland”, and the official newspaper “St. Petersburg Vedomosti”, and the foreign press was also involved. In the course of the study, the main methods of conveying information to the reading public in Russia on such issues as the development of the revolutionary process in Naples, the reaction of the powers of the Holy Alliance, the role of the Carbonari society and the significance of the separatist movement in Sicily were established. It was possible to correct the conclusions of scientists of the USSR regarding the presentation of the news agenda in journals close to the Decembrist circles. The novelty of the study is seen in the fact that the prevailing influence of the Austrian press on the Russian press was established; the latter imported views on the constitutional process in Naples as the result of a conspiracy by the “sect” of the Carbonari. Materials were established that stood out from the prevailing agenda and considered the events of the Neapolitan Revolution of 1820 from the point of view of political economy.

Key words:
Kingdom of the Two Sicilies; Naples; Sicily; press; public opinion; carbonari.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(450).082

Конституционная революция в Неаполе 1820—1821 годов в освещении российской прессы

© Анисимов О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Спустя пять лет после своего создания Священный союз, идеологическое объединение держав — победительниц Наполеона, столкнулся с первым серьезным вызовом — революциями в Южной Европе. И если события в Испании, начавшиеся в январе 1820 года, не так заинтересовали европейские правительства, то совершенно иного рода была их реакция на провозглашение конституции в Королевстве Обеих Сицилий. Прежде всего, свою обеспокоенность проявила Австрийская империя, которая считала Италию сферой своих жизненных интересов, и быстро решила применить оружие против конституционалистов. В силу господства цензуры в империях пресса не могла стать полем битвы дискурсов, но она давала богатый фактологический материал для тех, кто желал перемен в своих государствах и стремился к ним. «Гром отдаленных сражений одушевляет слог авторов и пробуждает праздное внимание читателей, — считал писатель и декабрист А. А. Бестужев. — Газеты превращаются в журналы и журналы в книги» [Цит. по: Очерки …, 1950, с. 226]. Европейские политические новости, подробно информировавшие о борьбе консервативных правительств с революциями, внимательно анализировались в тайных обществах России [Семенова, 2013, с. 47—48].

Напомним основную хронологию девятимесячного конституционного режима в Королевстве Обеих Сицилий: в ночь с 1 на 2 июля 1820 года в городе Нола было поднято восстание военных, к ним присоединились члены местного общества карбонариев. 6 июля восставшие вошли в столицу, и король Фердинанд I был вынужден подчиниться главному их требованию — введению конституции, буквально заимствованной из Испании. 1 октября приступил в работе Национальный парламент, который не смог провести решительные реформы в стране. В декабре король отбыл из Неаполя на конгресс Священного союза в Лайбах, где присоединился к решению великих держав о силовом подавлении революции. В марте 1821 года конституционалисты потерпели военное поражение, и вскоре Неаполь был занят австрийской армией. Тогда же произошло восстание в Пьемонте, подавленное королевскими и австрийскими войсками уже в апреле 1821 года.

CC BY

«Я видел развалины Неаполя, Мессины, Палермо. Я видел тот волшебный, но обесславленный в истории остров (Сицилию. — *О. А.*)», — писал В. К. Кюхельбекер в своих «Европейских письмах» [Кюхельбекер, 1820, ч. 2, с. 48]. Невольно Кюхельбекер актуализировал Южную Европу незадолго до того, как ее сотрясут революционные перемены и внимание читающей публики будет привлечено к ней не через художественные эксперименты, а военно-дипломатическими новостями. Эта антиутопия будущего декабриста печаталась одновременно в двух журналах: письма 1—4 и 9—11 — в «Невском зрителе» (ч. 1—2 за 1820 год), письма 5—8 и 12 — в «Соревнователе просвещения и благотворения» (ч. 8 и 11 за 1820 год). Герой Кюхельбекера декларирует, что борьба за свободу и независимость есть «священнейшие права народов» [Там же, ч. 1, с. 39]. Данная проза с умеренно-либеральными идеями укладывалась в допускаемую цензурой просветительскую традицию с ее приверженностью справедливым законам и правителям-философам [Горемыкина, 2015, с. 18], но опыт революций 1820—1821 годов заставил деятелей общественного движения в России пересмотреть свою стратегию и тактику.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В основу данной статьи положен контент-анализ материалов следующих изданий за период 1820—1821 годов: официальной газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и трех журналов: консервативной направленности «Вестник Европы», умеренно-либеральной «Сын отечества» и занимавший промежуточное положение между ними «Невский зритель». Для иллюстрации отдельных моментов исследования привлекалась иностранная пресса за тот же период. В ходе исследования были установлены основные приемы донесения информации до читающей публики в России по таким вопросам, как развитие революционного процесса в Неаполе, реакция держав Священного союза, роль общества карбонариев и значение сепаратистского движения на Сицилии.

Исследование прессы на современном этапе развития исторической науки облегчается активным применением электронных ресурсов. Так, в частности, ознакомление с материалами было осуществлено на ресурсах Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Национальной библиотеки Австрии, Национальной библиотеки Франции, Баварской государственной библиотеки, Электронной библиотеки Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

В истории российской журналистики и литературной критики специалистов больше занимали вопросы борьбы вольнодумства и цензуры, а также различных направлений в художественной литературе, поэтому

CC BY

влияние политических новостей на общественное мнение 1820-х годов рассматривалось в самом общем плане. В немногочисленной отечественной литературе, посвященной революциям в Южной Италии, заслуживает внимания тезис, что русские средства массовой информации освещали события революции чрезвычайно обстоятельно и весьма объективно; в первую очередь этот вывод касается так называемых передовых изданий. И, напротив, проправительственные и официальные газеты и журналы демонстрировали, напротив, «лютую ненависть» по отношению к революционерам [Ковальская, 1971, с. 203—204]. Проведенное исследование позволяет скорректировать этот вывод.

На современном этапе исторического знания, когда оппозиция «прогрессивной» и «ретроградной» прессы уже давно является снятой, становятся важны такие вопросы, как участие печатных органов в формировании дискурсивных практик, их влияние на распространение мифологемы о «всеевропейском заговоре», рецепция смысловых моделей западноевропейской прессы в русской печати.

В ситуации жесткой цензуры начала 1820-х годов в России пресса была ограничена в своих возможностях донесения информации и публицистического осмысления; подававшая надежды журнальная публицистика практически исчезла [История …, 1973, с. 125]. Еще более жестокий цензурный режим существовал в Австрийской империи, где борьба против итальянского революционного движения остро стояла на повестке дня. Поэтому консервативная печать России охотно использовала материалы главных австрийских изданий, что подтверждает мысль Ч. Рууда о том, что русскую дореволюционную цензуру следует изучать в рамках общеевропейского культурного контекста [Ruud, 2009, p. 7].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные события Неаполитанской революции

Европейские столицы узнали о провозглашении Испанской конституции в Неаполе с двухнедельной задержкой: 20 июля об этом оповестили газеты Парижа, 22 июля — Вены, 25 июля — Берлина. Несмотря на то, что Вена гораздо ближе находилась к территории, охваченной волнениями, из-за цензуры эта новость не пропускалась в печать. «Дух гибели овладел страной, которая в течение последних пяти лет под мудрым правлением проделала счастливый путь во всех сферах общественного благосостояния…», — писала австрийская ежедневная газета [Königreich …, 1820, № 204, S. 1]. Издатели же французского консервативного органа «Journal des Débats» были далеки от мистицизма; они заострили внимание на том, что курьеры из Неаполя достигли Парижа уже через два дня после этих

CC BY

происшествий в начале июля, а все остальное время ситуация не предавалась гласности. «Вот о чем до сего дня ходили слухи и что, без сомнения, должно быть безотлагательно объяснено официальным образом» [France, 1820, 20 juillet, p. 1]. В Британии, где цензурный режим был слабее, чем в Европе, некоторые издания открыто приветствовали Неаполитанскую революцию точно так же, как за полгода до нее они приветствовали и переворот в Испании [Chase, 2016, p. 167].

Первыми в России новость о восстании напечатали журналы «Сын Отечества» и «Вестник Европы» в своих июльских номерах, правительственная пресса сообщила об этом же самом в начале августа 1820 года. Издатели «Сына Отечества» привели сокращенный перевод статьи из берлинской ежедневной газеты: повод для возмущения неаполитанской армии тогда был еще неизвестен; зачинщиками назывались офицеры, служившие в армии короля Неаполитанского Й. Мюрата (мюратисты). Проводилась параллель с действиями испанских военных в январе 1820 года: то же требование конституции и перемены правительства при полном равнодушии народа [Vermischte …, 1820, № 89, S. 6; Новости …, 1820, № 30, с. 190].

Сообщения «Вестника Европы» о начале революции были несколько более подробными: говорилось о выступлении отряда кавалерии, поддержанного вооруженными крестьянами, адресе мятежников к королю с требованием введения «конституции, подобной Испанской»: «Его Величество, видя и в других, еще не присоединившихся к мятежным, войсках подобные же расположения, признал за благо согласиться на общие желания» [Политические и другие …, 1820, № 14, с. 148]. Подчеркивалось, что возмущение носит провинциальный характер: «Давно уже дух беспокойства и мятежа господствовал в Калабрии и Апулии. Неудовольствие возрастало и приближалось к столице» [Новости …, 1820, № 31, с. 235]. В том же номере было произнесено первое имя военного вождя революции — генерала Г. Пепе, которому король поручил усмирить мятежников, но тот присоединился к ним.

Затем последовала информация об отставке правительства и назначении принца Калабрийского Франческо, сына короля Фердинанда, наместником королевства и о принятии им декрета о провозглашении Испанской конституции, а также о демонстративном присоединении к конституционному движению [Политические и другие …, 1820, № 15, с. 233—234].

Сообщения «Невского зрителя» дополняли картину произошедшего. Судя по тому, что эти новости попали в июньский выпуск, журнал выходил с большим опозданием. На его страницах был опубликован призыв наместника к конституционной армии соблюдать «постоянство, порядок и дисциплину» при входе в Неаполь; говорилось об обороне королевского

CC BY

дворца от взбунтовавшейся толпы, об опасениях роста бандитизма в горных районах государства и разногласиях в новом правительстве. «В новом порядке вещей желают соединить выгоды аристократии и демократии, что не может произойти иначе, как когда могущественная власть находится в одном центре» [Политические и другие …, ч. 2, с. 307—308]. В Неаполе же единый центр власти распался: карбонарии владели улицей, либералы и конституционалисты образовали правительство и Временный совет, шла подготовка к созыву Национального парламента, король же сохранил видимость своей власти, хотя все решения проводились от имени его и нации.

При описании событий 2—7 июля в Ноле и Неаполе журналы не решались использовать термин *революция*. Это могла сделать только официальная газета. Начиная с 3 августа «Санкт-Петербургские ведомости» информировали читателей о неаполитанских событиях. В отличие от журналов газета, выходившая раз в 3 дня, могла быстрее подавать и дополнять информацию. Первая статья «Ведомостей» на эту тему не содержала ничего нового по сравнению с журналами, а через две недели случившееся было названо революцией [Вена, 1820, № 66, с. 2]. Опираясь на данные из франкоязычной газеты Франкфурта «Journal de Francfort», «Ведомости» внушали читателям, что согласие короля на введение Испанской конституции было насильственным актом: «… принудили его принять иностранную конституцию, которая еще не утверждена никакими опытами и в коей, напротив того, сами испанцы видят великие недостатки» [Италия, 1820, № 67, с. 3]. Тезис о чуждости Испанской конституции для королевства Обеих Сицилий активно эксплуатировал министр иностранных дел Австрии К. фон Меттерних.

Газета сообщала, цитируя австрийскую прессу, всё новые подробности Неаполитанской революции: в публичном пространстве уживались лозунги «Да здравствует Конституция!», «Да здравствует король!», «Да здравствует свобода!»; повсюду развевался трехцветный (черно-красно-синий) флаг карбонариев, бывший флагом Партенопейской республики 1799 года [Вена, 1820, № 68, с. 4]. Численность восставших оценивалась в 4—5 тысяч.

В двух владениях Папы Римского на территории Королевства Обеих Сицилий (анклавах) — городах Понтекорво и Беневенто — также произошли волнения, их жители «предались всем беспорядкам анархии». Местные карбонарии захватили власть в них, что дало Австрии обвинить Неаполитанское правительство в нарушении международного права. В печати приводились подробности переворота в этих городах: карбонарии Понтекорво пригласили на помощь отряд неаполитанского ополчения под командой капитана Казеллы, а при беспорядках в Беневенто, которые кончились

CC BY

изгнанием папского наместника, были жертвы среди жандармов [Новости …, 1820, № 32, с. 278]. Но революционное правительство Неаполя отказалось каким-либо образом нарушать территориальную целостность Южной Италии и не поддержало карбонариев. Этот факт использовался впоследствии конституционалистами как пример миролюбия нового правительства и залог спокойствия для всей Европы [British and Foreign …, p. 1135]. В «Ведомостях» также сообщалось, что занятие анклавов произошло без санкции Неаполя [Вена, 1820, № 67, с. 4].

Любопытный взгляд на международное значение Неаполитанской революции был предложен на страницах «Невского зрителя», а именно взгляд политэкономический. В августе 1820 года журнал обратил внимание читателей на то, что ожидание предстоящей войны между Австрией и Неаполем подрывало экономическую стабильность Европы: были остановлены многие торговые предприятия, произошел скачок цен и колебания курса, кредиторы и банки терпели убытки. Между тем Австрия наращивала свои военные расходы, укрепляя армию в Северной Италии, и чтобы избежать финансового кризиса, она заключила договор о займе с домом Ротшильдов [Политические …, 1820, ч. 3, август, с. 209—210].

Газеты печатали новости о трудностях конституционного режима в Неаполе: росте недовольства среди населения, в частности, из-за дороговизны товаров и сохранения прежних земельных налогов, отказе Ротшильдов кредитовать правительство, расстроенном положении казны и финансов, армии и флота [Вена, 1820, № 74, с. 3; № 83, с. 4; № 86, с. 2]. Упоминалось о недовольстве в армии командованием генерала Пепе и об адресе 500 офицеров за его отставку [Политические …, 1820, ч. 3, июль, с. 101]. Впрямую опровергались сообщения неаполитанской прессы, связанные с началом деятельности Национального парламента. Тезис о «неописуемом восторге, радости и восхищении» был опровергнут не менее оценочным свидетельством, что «большая часть жителей погружена была в глубочайшее уныние», а торжественная процессия «более уподобилась погребальному шествию» [Вена, 1820, № 91, с. 2].

Работа парламента не освещалась российской прессой вплоть до того момента, как монархи Австрии, Пруссии и России, собравшиеся со своими министрами в Троппау, не решили пригласить Фердинанда I на конгресс в Лайбах. По сути, это было не приглашение, а ультиматум, ибо монархи заявили, что в случае неудачи их предложения они применят оружие, ибо сочтут короля несвободным. Только за его священной персоной они были согласны признавать суверенитет королевства Обеих Сицилий. Письма союзных монархов, адресованные королю, были представлены парламенту, и одно из них, а именно письмо австрийского императора, было оглашено

CC BY

публично. Пресса ограничилась лишь указанием, что парламент санкционировал отъезд короля при условии соблюдения Испанской конституции [Неаполь, 1821, № 3, с. 4]. За этим лапидарным сообщением стояли несколько дней дебатов между двором и парламентом, в ходе которых король попытался отмежеваться от символа революции — Испанской конституции — и предложил десять принципов своей собственной конституции [Diario del parlamento, 1864, p. 264—265].

3.2. Конгрессы Священного Союза и поражение революции

При освещении работы конгресса Священного Союза в Троппау (октябрь — декабрь 1820) газеты долго оперировали исключительно неофициальными источниками и слухами. Судьба Неаполитанской революции решалась великими державами кулуарно, а официальные документы стали появляться только к концу 1820 года, и, таким образом, работа конгресса в Лайбахе (январь — май 1821) была освещена гораздо лучше. В начале сентября местом проведения конференции держав назывался Пешт [Париж, 1820, № 71, с. 4], но, как известно, император Александр I отказался от встречи с австрийским императором в указанном месте, чтобы не превращать «неаполитанский вопрос» в сугубо австро-русское дело [Внешняя политика России, 1979, с. 772]. Было распространено сообщение о решении конференции в Троппау об оккупации Королевства Обеих Сицилий сроком на два года австрийскими силами. Среди возможных командующих экспедиционной армии назывался эрцгерцог Фердинанд Эсте, однако был назначен генерал Фримон. Начало военных действий предполагалось лишь в конце января 1821 года [С берегов Майна, 1820, № 95, с. 2; Австрия, 1820, № 97, с. 3, № 102, с. 2].

Новости о военных приготовлениях Австрийской империи появлялись регулярно начиная с середины августа 1820 года. Официальные источники сообщали, что император Австрии твердо намерен исполнить свою миссию по сохранению спокойствия в Италии [Вена, 1820, № 81, с. 3]. Была опубликована нота Неаполитанского министерства иностранных дел в адрес Папского правительства, что, если иностранные войска пересекут границу Церковной области, то же самое сделает и неаполитанская армия; один корпус конституционалистов уже был сосредоточен на границе [Неаполь, 1820, № 99, с. 3]. «Невский зритель» был более категоричен: война, на которую вскоре пойдет Австрия, основывается на ее обязательствах перед Королевством Обеих Сицилий по договору от 12 июля 1815 года [Политические …, 1820, ч. 3, август, с. 210]. Упомянутый в журнале договор ограничивал возможности короля проводить реформы во избежание «опасных нововведений» и делал Австрию гарантом статус-кво на полуострове [Внешняя политика России, 1979, с. 798].

CC BY

«Вестник Европы» не освещал работу конгресса в Троппау. Только в феврале 1821 года с опорой на информацию «Венской газеты» журнал сообщил о Лайбахской декларации союзных монархов, заявившей о необходимости противостоять «нововведениям конституции в Неаполе, противной безопасности земель соседственных и спокойствию целой Европы», и применить вооруженную интервенцию [Политические и другие …, 1821, № 4, с. 319—320].

В конце декабря 1820 года державы разъяснили свою позицию перед Союзным собранием Германского союза, который находился в городе-республике Франкфурте-на-Майне. В декларации констатировалось, что в Европе еще не истреблен «дух Французской революции» и поэтому державы имеют полное право «употребить меры предосторожности, … особливо когда сей мятежный дух сообщается другим государствам посредством тайных агентов» [С берегов Майна, 1821, № 2, с. 2; Вена, 1821, № 3, с. 2].

Две любопытные статьи, дополнявшие общую политическую повестку, появились зимой 1821 года в столичных «Ведомостях», и обе они были связаны с темой Священного союза. Первая из них — это описание Лайбаха, ныне Любляны. В статье сообщалось, что главный город герцогства Краинского имел 12 тысяч жителей, 930 домов и 10 церквей, перечислялись учебные, научные и просветительские учреждения, а также фабрики [Троппау, 1821, № 4, с. 3]. Вторая — жизнеописание короля Обеих Сицилий Фердинанда I, который встретил в Лайбахе свое 70-летие. «Может быть, из всех европейских государей подвержен был самой непостоянной судьбе», — писалось о монархе, на долю которого выпали раннее царствование, две революции (1799 и 1820 год) и многолетнее изгнание (с 1806 по 1815 год). Из положительных сторон монарха авторы статьи подчеркивали его участие в благотворительности [Разные известия…, 1821, № 9, с. 3—4].

Его сын Франческо, принц Калабрийский и регент королевства, сотрудничал с конституционалистами. В прессе освещались его мероприятия в этом направлении: набор рекрутов в неаполитанскую армию, утверждение законов о модификации конституции [Неаполь, 1821, № 18, с. 3]. Получив в середине февраля 1821 года письмо от короля о том, что державы остались непреклонны в своем решении, регент и правительство решили защищаться и на случай угрозы Неаполю запланировали переезд в Калабрию. Национальный парламент провозгласил, что король должен вернуться в течение 14 дней, иначе он потеряет права на престол. Фердинанд из Лайбаха призвал покориться воле союзных монархов и не сопротивляться австрийской армии. Священный союз, объявивший войну Неаполитанской революции, не ожидал серьезного военного сопротивления; предполагалось, что строевая армия и большая часть населения примут сторону короля [Вена, 1821, № 18,

CC BY

с. 3]. Из Лайбаха было публично заявлено, что в противном случае русские войска придут на помощь австрийским [Там же, № 19, с. 5].

7—9 марта 1821 года конституционные войска генерала Пепе потерпели поражение под городом Риети в Папской области — это сражение считается первой баталией в истории Рисорджименто. В газетах писали, что неаполитанцы не использовали выгоды своей позиции: заняв высоты и открыв огонь по авангарду австрийцев, конституционалисты выдержали всего лишь двухчасовую перестрелку, а затем были вытеснены с высот. Сопротивление их было признано слабым [Там же, № 25, с. 2—3], несмотря на хвастовство в предшествовавших реляциях от Пепе. Сражение не было кровопролитным; вследствие дезертирства корпус конституционалистов потерял боеспособность, а народное ополчение, «составленное страхом и принуждением», разбежалось [Лайбах, 1821, № 26, с. 4—5]. «Вестник Европы» писал, что города и деревни подвергались разграблению неаполитанскими войсками и были оставлены жителями и только по мере приближения австрийцев они стали возвращаться в свои дома. Распространяемые слухи о жестокостях неприятеля, как-то: сожжения деревень и отравление воды — не подтверждались [Политические и другие …, 1821, № 7—8, с. 294—295].

В конце февраля 1821 года парламент предложил регенту стать временным диктатором, но принц Франческо отказался. После получения вестей о поражении он отправил к отцу во Флоренцию курьера с решением парламента подчиниться. 24 марта в 9 часов утра австрийцы вошли в город, они пришли мимо королевского дворца в присутствии регента под единодушные возгласы толпы «Да здравствует король!» [Там же, с. 295]. Парламент был распущен, депутатам было предписано разъехаться, временным неаполитанским губернатором был назначен австрийский фельдмаршал принц Гессен-Гомбургский. Новое правительство приказало чиновникам исполнять их полномочия по состоянию до 6 июля, то есть до победы конституционного движения. Принц-регент не пострадал за свое участие в революции и в 1825 году взошел на престол.

Как раз в тот момент, когда Неаполитанская революция вступила в критическую фазу своего развития, в конце февраля 1821 года начал извергаться Везувий [Неаполь, 1821, № 23, с. 4]. Таким образом, и стихи Пушкина («… Волкан Неаполя пылал …»), и рисунок в записной книжке декабриста Н. А. Крючкова имели не только простое метафорическое или символическое значение [Набоков, 1999, с. 888; Семенова, 2013, с. 47—48], но и реальное фактическое основание.

3.3. Карбонарии

Главными виновниками революции журналы «Вестник Европы» и «Сын Отечества» назвали карбонариев. Имея один и тот же источник —

CC BY

иностранную прессу — журналы ретранслировали тезис о стремлении карбонариев соединить Италию в единую державу [Политические и другие …, 1820, № 15, с. 233; Новости …, 1820, № 31, с. 236]. Политическая программа карбонариев в Королевстве Обеих Сицилий ограничивалась конституционализмом в духе ограниченной монархии, а унификационные тенденции, свойственные тайным обществам, прежде всего Северной Италии, в то время еще не вышли на первый план в идеологии Рисорджименто. Также напрасно карбонариям Юга было приписан лозунг «очищения Апеннинских гор от хищных волков» [Новости …, 1820, № 34, с. 44], который подразумевал изгнание австрийцев и принадлежал североитальянским патриотам.

Первое упоминание о карбонариях на страницах петербургской официальной газеты было связано не с Неаполем, а с Церковной областью. В июле 1820 года газета сообщала о раскрытии заговора карбонариев в Риме. «Сосредоточием революции надлежало быть собственно Риму» [Италия, 1820, №67, с. 3]. В этой статье говорилось о бегстве из Рима некоего Пакка, экс-губернатора города и начальника карбонариев. Это сообщение было в корне неверно: Тиберио Пакка верно служил папскому государству с начала XIX века, являлся прогубернатором и вице-камерленго при Пие VII; он действительно покинул Рим весной 1821 года, запутавшись в своих финансово-административных делах [Dizionario, «Pacca, Tiberio»]. Несколько лет он прожил во Франции, а затем был принят на службу в Пьемонте. Итальянские историки левых убеждений считали его «авантюристом, агентом иезуитов и австрийцев» [Берти, 1959, с. 464], и никаких связей с тайными обществами у него не обнаруживалось.

В том же номере фигурировало имя лидера карбонариев — аббата или каноника Миникини. Луиджи Миникини, великий мастер венты «Муций Сцевола», был одним из главных деятелей движения карбонариев — именно он был соорганизатором восстания в Ноле 2 июля вместе с лейтенантами Морелли и Сальвати. На популярной раскрашенной гравюре того периода было изображено его участие в торжественном параде конституционных войск 9 июля 1820 года в Неаполе. Уроженец восставшей Нолы, он, в духовном облачении и с трехцветной лентой, верхом и со шпагой, возглавлял семитысячный отряд вооруженных карбонариев, и первыми из них шли его земляки [Ковальская, 1971, с. 108]. Миникини не вошел в органы власти конституционного режима, а принялся выполнять различные поручения, среди которых было налаживание связей с патриотическими силами в Северной Италии. После поражения революции он эмигрировал. После однократного упоминания его имя исчезло со страниц российской прессы того времени до следующего сообщения о его бегстве.

CC BY

Австрийская пресса, которую охотно цитировала официальная российская печать, распространяла сведения о затухании политической жизни Неаполя после победы революции. На фоне спада народного энтузиазма политическая жизнь сохранилась только в «клубах»; министры сомневались в правильности своей службы конституционному режиму, они «весьма раскаиваются, что были орудиями неистовых революционеров» [Вена, 1820, № 69, с. 4]. Было замечено размежевание в лагере карбонариев на конституционалистов и республиканцев; выделялись радикалы, которые устраивали агрессивные демонстрации у королевского дворца и домов видных чиновников прежнего режима [Там же, № 70, с. 5].

Газеты опубликовали официальную ноту австрийского министерства от 21 сентября 1820 года, в которой революция объявлялась результатом деятельности карбонариев. «Сколь опасно взирать равнодушно на действия тайных обществ и сокровенных во мраке заговоров», — это был и упрек за нерешительную борьбу с революционным движением, и призыв всем консервативным силам усилить бдительность [Там же, № 81, с. 3]. Карбонариев сравнивали с французскими революционерами, «от коих сначала не могли предвидеть всех бедствий, которые впоследствии навлекли они легковерным своим согражданам» [Там же, № 86, с. 2]. Впоследствии австрийцы акцентировали внимание на том, что карбонарии призывали верить в ложные сущности, ведь жители Обеих Сицилий, включая верховную власть, были знакомы с Испанской конституцией только по газетам [Вена, 1821, № 19, с. 3].

В декабре 1820 года «Вестник Европы» обратился к истории карбонариев. По изложенной здесь версии «секта» состояла из сторонников Мюрата и сторонников объединения Италии, и ее возникновение относится к 1814 году. Журнал также сообщал, что в состав общества входили почти все высшие военные и гражданские чиновники Неаполитанского королевства. Название «i carbonari» автором заметки связывалось с историей Великобритании, когда в ходе Второго якобитского восстания (1745—1746) претендент на трон Карл Эдвард Стюарт (1720—1768), внук изгнанного короля Якова II, после понесенного поражения встретил поддержку шотландских угольщиков [Политические и другие …, 1820, № 24, с. 312]. В этом отрывке миф о происхождении карбонариев сопровожден достаточно вольным изложением вопроса об отношениях Мюрата и тайных обществ.

Отношения эти складывались под влиянием политической обстановки, быстро менявшейся в 1813—1815 годах. После возвращения из похода в Россию Мюрат столкнулся с рядом восстаний карбонариев в провинции, в 1813 году он запретил тайные общества в армии, а в 1814 году ввел смертную казнь за факт принадлежности к сектам. В 1815 году до похода про-

CC BY

тив Австрии он объявил себя покровителем карбонариев [Ковальская, 1971, с. 30]. Его супруга, королева Каролина покровительствовала видному деятелю карбонарского движения Пьер-Жозефу Брио [Dayet, 1957, p. 293]. Таким образом, стремление теснее связать карбонариев с периодом правления Мюрата должно было, по мысли издателей «Вестника Европы», объяснить широкое участие в Неаполитанской революции бывших офицеров и бывших чиновников его режима. Миф же о древнем происхождении названия карбонариев не выдерживал критики уже в то время. Сочинения, выдвигавшие подобные гипотезы, получали суровый отпор в рецензиях (например, отзыв на «Memoirs of the Secret Societies of the South of Italy, particularly the Carbonari» 1822 года в английском реферативном журнале [The Monthly Review, 1822, p. 315—319]). В «Сыне Отечества» выдвигалась иная теория — о том, что «секта» была создана агентами королевы Марии Каролины, жены Фердинанда I, в 1812 году для борьбы с Мюратом [Новости …, 1820, № 34, с. 44].

В целом в прессе четко прослеживается стремление дискредитировать карбонариев и Испанскую конституцию. Побежденных карбонариев «Вестник Европы» в соответствии с духом времени называл «деспотами» — это был удачный риторический прием, который использовался великими державами еще со времен борьбы с якобинцами и Наполеоном [Политические и другие …, 1821, № 7—8, с. 294]. Это звучало в унисон с официальной позицией Австрийской империи: «… Конституция, избранная господствующей партией отнюдь не для блага и сохранения целого, а единственно для произведения в действия адских своих замыслов …» [Вена, 1821, № 19, с. 3]. В этой же статье отмечался подвиг Сицилии, которая не подчинилась «изменническим предприятиям» карбонариев, но была покорена «кровопролитием и опустошениями».

3.4. Сицилия

В июле 1820 года российская читающая публика была проинформирована о такой важной составляющей Неаполитанской революции, как сицилийский сепаратизм. Начиная с первой трети XVIII века остров был связан с Неаполем только личной унией. В ходе французского наступления на Южную Италию в 1805 году король Фердинанд IV нашел убежище на Сицилии, которая была взята под британскую защиту. Английский посланник У. Бентинк фактически вел себя как губернатор и мечтал сделать из острова «королеву английских колоний» [Rosselli, 1974, p. 147]. В 1812 году под его давлением король согласился ввести конституцию, которая дала преимущества крупным земельным магнатам и церкви. В 1815 году по решению Венского конгресса Фердинанд IV принял титул короля Обеих Сицилий под именем Фердинанда I. В новом королевстве автономия острова была отменена в 1816 году. В 1820 году правительство неаполитанских консти-

CC BY

туционалистов столкнулось с «конституционализмом баронов», который был довольно силен на западе острова [Candeloro, 1960, p. 69].

Первые новости о вооруженной борьбе на Сицилии появились в «Сыне Отечества», и издатели удачно акцентировали внимание на ее особой жестокости, напомнив читателям о «памятнике ужасов и кровопролития» — знаменитой Сицилийской вечерне 1282 года, когда поднялось восстание островитян против французов [Новости …, 1820, № 33, с. 330]. Провозглашение конституции в Неаполе обострило вопрос о независимости Сицилии. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о восстании в Палермо народных масс («черни»), освобождении преступников из тюрем, упорном сопротивлении королевских войск, эвакуации высших военных и гражданских чинов [Вена, 1820, № 66, с. 2—3]. Сообщалось также об убийствах крупных феодалов: князей Каттолика, Виллафранки, Куто и Патерно, но эти сообщения были верны лишь частично. Другие источники сообщают, что разъяренная толпа предала смерти князей Каттолика и Ачи, заподозрив их в измене [Palmeri, 1848, p. 21].

Не обошел сицилийскую проблему и «Вестник Европы». Провозглашение конституционной монархии вызвало раскол в обществе на острове: «В Палермо кровь полилась рекою: одни хотят Испанской конституции; другие требуют восстановления прежней, которую ввели, было, Англичане; еще другие не хотят быть в зависимости от Неаполя, а желают оставаться только с ним в союзе» [Политические и другие …, 1820, № 15, с. 234].

В сентябрьских и октябрьских выпусках «Санкт-Петербургских ведомостей» затрагивалась тема нациестроительства на Сицилии. Цитируя австрийскую прессу, газета писала, что сицилийцы требуют своего собственного парламента, ибо «они сами по себе составляют целую нацию» [Вена, 1820, № 74, с. 2]. В эти месяцы был подготовлен интересный материал о Сицилии для «Невского зрителя». Это один из немногих материалов из изученного нами массива, который имеет авторство. Активным сотрудником журнала, поэтом и писателем М. А. Яковлевым была написана статья «О правлении, происшествиях и положении дел на острове Сицилия», которая была переводом статьи из французского журнала «Lettres normandes», выходившего нерегулярно с 1818 по 1820 годы. Ее настоящие авторы не указаны, но вполне возможно, что текст принадлежал перу издателей (или одному из них) издания — журналистам Л. Тьессе и Э.-А. Баллану. Статья носила исторический и политэкономический характер: в ней говорилось о древности сицилийского парламента и его роли в сохранении низкого по сравнению с остальной Европой налогообложения; подчеркивались негативные стороны экономики острова и плачевное состояние его инфраструктуры, зависимость крестьян от феодалов (назывались имена

CC BY

князей Буттеро, Бельмонте, Кассеро, Трабиа и Патерно). «Бедность и невежество большей части населения сицилийцев превосходят всякое описание» [Яковлев, 1820, с. 15]. В «Lettres normandes» были опубликованы две статьи о Неаполитанской революции, однако редакция «Невского зрителя» смогла взять только вторую. Первая из них явно не смогла бы пройти российскую цензуру: «Конституционные монархии, представительные правительства, равным образом благосклонные к власти и свободе, не являются ли они одновременно и гарантией прав народов и незыблемости тронов? Да, без сомнения» [Révolution de Naples, 1820, p. 215].

Неаполитанское правительство направило войска на усмирение острова, и к концу 1820 года в Палермо, центре беспорядков, установилось спокойствие, нарушаемое грабежами, повышением налогов и отъездом знатных семейств [Италия, 1820, № 101, с. 4].

4. Заключение = Conclusions

Российская пресса зависела от иностранных источников информации. На страницах русских газет и журналов наиболее часто цитировались австрийские (в основном «Oesterreichischer Beobachter», реже «Wiener Zeitung») и гораздо меньше германские издания («Hamburgischer Correspondent» и «Journal de Francfort», реже «Berlinische Nachrichten»). Эпизодически давалась информация из неаполитанских газет («Giornale Costituzionale del Regno delle Due Sicilie», «Voce del secolo»), но зачастую источник был скрыт за географическим указанием «Неаполь». Широко цитировала итальянскую прессу французская печать. Источниками информации неитальянской прессы были официальные сведения (дипломатические ноты, декларации, прокламации) и неофициальные (свидетельства корреспондентов, частных лиц, слухи, различного рода инсайдерская информация). Российская официальная периодика была площадкой для трансляции австрийского консервативного дискурса, в ней точно так же были представлены обвинения против «сектантов» — карбонариев, дискредитация Испанской конституции, насилие революционного правительства на Сицилии и внутри континентальной части государства. Стремление к сенсационности, свойственное многим средствам массовой информации, выявляется и при анализе прессы 1820—1821 годов: распространяемые ею новости об убийствах политических или военных деятелей часто не соответствовали действительности.

Российская пресса мало внимания уделила работе Национального парламента Неаполя: по сравнению с информацией о работе английских и французских представительных органов власти доля новостей о парламентаризме в Неаполе была ничтожно мала.

CC BY

Информация из революционного Неаполя печаталась в разделах «Политические новости» (в журналах) и «Иностранные происшествия» (в газетах), и подобная презентация вынуждала к краткой и фактологической подаче. В немного лучшем положении были журналы, но запроса на аналитику неаполитанских событий в начале 1820-х годов не существовало.

В научной литературе сложился взгляд на журнал «Сын Отечества» как на орган, идейно близкий к умеренному крылу декабристов [Русская …, 1959, с. 140—141]. Материалы журнала за вторую половину 1820 и первую половину 1821 годов не отражают издательского интереса к конституционному опыту Неаполя. Дискурс французских и английских газет (а Франция и Англия заняли нейтральную позицию по отношению к революции) в нем не транслировался. В этом смысле он даже оказался близок к консервативному и ученому «Вестнику Европы». Журнал «Невский зритель» выбивается из этого ряда благодаря своим политэкономическим статьям и отсутствию на его страницах типичных приемов австрийской официальной риторики. Таким образом, русские издания, хотя в силу цензурного режима и демонстрировали «завуалированную государственную интерпретацию происходящего» [Белоусов и др., 2021, с. 314], отличались друг от друга в подаче информации.

Какой государственный и политический опыт Неаполитанской революции 1820—1821 годов могли почерпнуть со страниц российской прессы деятели тайных обществ в России и их противники? Мир газетных и журнальных новостей давал довольно много материала для поиска решений следующих проблем: соискания поддержки армии, привлечения народных масс или действий в условиях их равнодушия, призыва к управлению лояльных государственных деятелей, созыва депутатов представительных органов, выбора главнокомандующего и организации обороны в случае вооруженной интервенции, ведения дипломатии в условиях международной изоляции, наличия документа большого символического значения (конституции).

Источники

1. *Австрия* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1820. — № 97. — 3 декабря. — С. 3 ; № 102. — 21 декабря. — С. 2.

2. *Вена* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1820. — № 66. — 17 августа. — С. 2 ; № 67. — 20 августа. — С. 4 ; № 68. — 24 августа. — С. 4 ; № 69. — 27 августа. — С. 4 ; № 70. — 31 августа. — С. 5 ; № 74. — 14 сентября. — С. 3 ; № 81. — 8 октября. — С. 3 ; № 83. — 15 октября. — С. 4 ; № 86. — 26 октября. — С. 2 ; № 91. — 12 ноября. — С. 2.

3. *Вена* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1821. — № 3. — 11 января. — С. 2 ; № 18. — 4 марта. — С. 3 ; № 19. — 8 марта. — С. 5 ; № 25. — 29 марта. — С. 2—3.

4. *Внешняя* политика России XIX и начала XX века : Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 3 (11) : Май 1819 — февраль 1821 г. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий и др. — Москва : Наука, 1979. — 878 с.

5. *Италия* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1820. — № 67. — 20 августа. — С. 3 ; № 101. — 17 декабря. — С. 4.

6. *Кюхельбекер В.* Европейские письма. Предуведомление / В. Кюхельбекер // Невский зритель. — 1820. — Ч. 1. — Февраль. — С. 35—45 ; Ч. 2. — Апрель. — С. 41—56.

7. Лайбах // Санкт-Петербургские ведомости. — 1821. — № 26. — 1 апреля. — С. 4—5 ; № 99. — 10 декабря. — С. 3 ; № 3. — 11 января. — С. 4 ; № 18. — 4 марта. — С. 3 ; № 23. — 22 марта. — С. 4.

8. *Новости* политические : Италия // Сын Отечества. — 1820. — Ч. 63. — № 30. — С. 190 ; Ч. 63. — № 31. — С. 232—236 ; Ч. 63. — № 32. — С. 277—279 ; Ч. 63. — № 33. — С. 330—332 ; Ч. 64. — № 34. — С. 42—44.

9. *Париж* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1820. — № 71. — 3 сентября. — С. 4.

10. *Политические* и другие происшествия : Италия // Вестник Европы. — 1820. — Июль. — Ч. 112. — № 14. — С. 147—148 ; Август. — Ч. 112. — № 15. — С. 233—234 ; Декабрь. — Ч. 114. — № 24. — С. 311—312.

11. *Политические* и другие происшествия : Италия // Вестник Европы. — 1821. — Февраль. — Ч. 116. — № 4. — С. 319—320 ; Апрель. — Ч. 117. — № 7—8. — С. 294—295.

12. *Политические* новости : Неаполь // Невский зритель. — 1820. — Ч. 2. — Июнь. — С. 307—308 ; Ч. 3. — Июль. — С. 101.

13. *Политические* новости : Франкфурт-на-Майне // Невский зритель. — 1820. — Ч. 3. — Август. — С. 209—210.

14. *Разные* известия : Фердинанд I // Санкт-Петербургские ведомости. — 1821. — № 9. — 1 февраля. — С. 3—4.

15. *С берегов* Майна // Санкт-Петербургские ведомости. — 1820. — № 95. — 26 ноября. — С. 2.

16. *С берегов* Майна // Санкт-Петербургские ведомости. — 1821. — № 2. — 7 января. — С. 2.

17. *Tponnay* // Санкт-Петербургские ведомости. — 1821. — № 4. — 14 января. — С. 3.

18. *Яковлев М. А.* О правлении, происшествиях и положении дел на острове Сицилия / М. А. Яковлев // Невский зритель. — 1820. — Часть 4. — Октябрь. — С. 1—15.

19. *British* and Foreign State Papers, 1820—1821. — London : J. Harrison and Son, 1830. — 1334 p.

20. *France* // Journal des débats politique et littéraires. — 1820. — 20 juillet. — P. 1.

21. *Diario* del parlamento nazionale delle due Sicilie negli anni 1820 e 1821 / Per cura di C. Colletta. — Napoli : Stamperia dell'Iride, 1864. — 427 p.

22. *Königreich* beiden Sicilien // Oesterreichischer Beobachter. — 1820. — № 20. — 22 Juli. — S. 1.

23. *Palmeri N.* Storia della rivoluzione di Sicilia nel 1820 / N. Palmeri. — Palermo : [b. i.], 1848. — 127 p.

24. *Révolution* de Naples ; soulevement en Sicilie (premier article) // Lettres normandes. — 1820. — T. 11. — 17 août. — Pp. 215—224.

25. *Vermischte* Nachrichten // Berlinische Nachrichten. — 1820. — № 89. — 25 Juli. — S. 6.

Литература

1. *Белоусов М. С.* Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы / М. С. Белоусов, А. С. Белоусов, А. И. Куру // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 309—327. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-309-327.

2. *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто / Дж. Берти. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 746 с.

3. *Горемыкина М. В.* Утопия и антиутопия в художественной прозе В. К. Кюхельбекера раннего периода творчества : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Горемыкина. — Рязань, 2015. — 22 с.

4. *История* русской журналистики XVIII—XIX веков / под ред. А. В. Западова. — Москва : Высшая школа, 1973. — 518 с.

5. *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. 1808—1821 гг. / М. И. Ковальская. — Москва : Наука, 1971. — 267 с.

6. *Набоков В. В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков ; пер. с англ. под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 1999. — 1008 с. — ISBN 5-93264-001-4.

7. *Очерки* по истории журналистики и критики. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1950. — Т. 1 (XVIII и первая половина XIX века). — 604 с.

8. *Русская* периодическая печать (1702—1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. — 835 с.

9. *Семенова А. В.* «Мы дышим новостями европейскими …» : Италия декабристов / А. В. Семенова // «Друг — зеркало для друга …» : российско-итальянские общественные и культурные связи, X—XX вв. / отв. ред. И. В. Поткина. — Москва : Институт российской истории, 2013. — С. 46—54. — ISBN 978-5-8055-0251-5.

10. *Chase M.* 1820 : Disorder and Stability in the United Kingdom / M. Chase. — Manchester : Manchester University Press, 2016. — 247 p. — ISBN 978-0719087417.

11. *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. In 8 vol. / G. Candeloro. — Vol. 2 — Milano : Feltrinelli Editore, 1960. — 460 p.

12. *Dizionario* biografico degli Italiani [Electronic resource]. — Access mode : https://www.treccani.it (accessed 23.02.2022).

13. *Dayet M.* Caroline Murat et les Carbonari / M. Dayet // Annales historiques de la Révolution française. — 1957. — Vol. 29. — № 149. — Pp. 289—295.

14. *Rosselli J.* Lord William Bentink. The Making of a Liberal Imperialist, 1774—1839 / J. Rosselli. — Berkley, Los Angeles : University of California Press, 1974. — 384 p. — ISBN 978-0520022997.

15. *Ruud Ch. A.* Fighting Words : Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906. — 2nd ed. / Ch. A. Ruud. — Toronto : University of Toronto Press, 2009. — 327 p. — ISBN 978-1442610248.

Material resources

Austria. (1820). *St. Petersburg Vedomosti, 97, 102.* (In Russ.).

British and Foreign State Papers, 1820—1821. (1830). London: J. Harrison and Son. 1334 p.

Diario del parlamento nazionale delle due Sicilie negli anni 1820 e 1821. (1864). Napoli: Stamperia dell'Iride. 427 p. (In Ital.).

France. (1820). *Journal des débats politique et littéraires. 20 juillet.* P. 1. (In Franc.).

From the banks of the Main. (1820). *St. Petersburg Vedomosti, 95. November 26.* P. 2. (In Russ.).

From the banks of the Main. (1821). *St. Petersburg Vedomosti, 2. January 7.* P. 2. (In Russ.).

Italy. (1820). *St. Petersburg Vedomosti, 67, 101.* (In Russ.).

Königreich beiden Sicilien. (1820). *Oesterreichischer Beobachter, 20. 22 Juli.* S. 1. (In Germ.).

Kuchelbecker, V. (1820). *European letters. Forewarning. Nevsky spectator, 1, 2.* (In Russ.).
Laibach. (1821). *St. Petersburg Vedomosti, 26, 99, 18, 23.* (In Russ.).
Miscellaneous news: Ferdinand I. (1821). *St. Petersburg Vedomosti, 9. February 1.* 3—4. (In Russ.).
Narochnitsky, A. L. (1979). *Russian foreign Policy of the XIX and early XX century: Documents Of the Russian Ministry of Foreign Affairs, 3 (11): May 1819 — February 1821.* Moscow: Nauka. 878 p. (In Russ.).
Palmeri, N. (1848). *Storia della rivoluzione di Sicilia nel 1820.* Palermo: [b. i.]. 127 p. (In Ital.).
Paris. (1820). *St. Petersburg Vedomosti, 71. September 3.* P. 4. (In Russ.).
Political and other incidents: Italy. (1820). *Bulletin of Europe, 14, 15, 24.* (In Russ.).
Political and other incidents: Italy. (1821). *Bulletin of Europe, 116 (4); 117 (7—8).* (In Russ.).
Political news: Italy. (1820). *Son of the Fatherland, 30, 31, 32, 33, 34.* (In Russ.).
Political news: Naples. (1820). *Nevsky Spectator, 2, 3.* (In Russ.).
Political news: Frankfurt am Main. (1820). *Nevsky Spectator, 3. August.* 209—210. (In Russ.).
Révolution de Naples; soulevement en Sicilie (premier article). (1820). *Lettres normandes, 11. 17 août.* 215—224. (In Franc.).
Troppau. (1821). *St. Petersburg Vedomosti, 4. January 14.* P. 3. (In Russ.).
Vienna. (1820). *St. Petersburg Vedomosti, 66, 67, 68, 69, 70, 74, 81, 83, 86, 91.* (In Russ.).
Vienna. (1821). *St. Petersburg Vedomosti, 3, 18, 19, 25.* (In Russ.).
Vermischte Nachrichten. (1820). *Berlinische Nachrichten, 89. 25 Juli.* S. 6. (In Germ.).
Yakovlev, M. A. (1820). On the board, incidents and the state of affairs on the island of Sicily. *Nevsky Spectator, 4. October.* 1—15. (In Russ.).

References

Belousov, M. S., Belousov, A. S., Kuru, A. I. (2021). Creation of Kingdom of Poland in the Discourse of Russian Press. *Nauchnyi dialog, 3:* 309—327. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-309-327 (In Russ.).
Bertie, J. (1959). *Russia and the Italian States in the Risorgimento Period.* Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 746 p. (In Russ.).
Candeloro, G. (1960). *Storia dell'Italia moderna, in 8 vol., 2.* Milano: Feltrinelli Editore. 460 p. (In Ital.).
Chase, M. (2016). *1820: Disorder and Stability in the United Kingdom.* Manchester: Manchester University Press. 247 p. ISBN 978-0719087417.
Dayet, M. (1957). Caroline Murat et les Carbonari. *Annales historiques de la Révolution française, 29 (149):* 289—295. (In Franc.).
Dizionario biografico degli Italiani. Available at: https://www.treccani.it (accessed 23.02.2022). (In Ital.).
Essays on the history of journalism and criticism, 1 (XVIII and the first half of the XIX century). (1950). Leningrad: LSU Publishing House. 604 p. (In Russ.).
Goremykina, M. V. (2015). *Utopia and dystopia in the fiction of V. K. Kyukhelbecker of the early period of creativity.* Author's abstract of PhD. Diss. Ryazan. 22 p. (In Russ.).
Kovalskaya, M. I. (1971). *Movement of carbonari in Italy. 1808—1821.* Moscow: Nauka. 267 p. (In Russ.).
Nabokov, V. V. (1999). *Comments on "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin.* Moscow: Intelvak. 1008 p. ISBN 5-93264-001-4. (In Russ.).

Rosselli, J. (1974). *Lord William Bentink. The Making of a Liberal Imperialist, 1774—1839.* Berkley, Los Angeles: University of California Press. 384 p. ISBN 978-0520022997.

Russian Periodical press (1702—1894): Reference book. (1959). Moscow: State Publishing House of Political Literature. 835 p. (In Russ.).

Ruud, Ch. A. (2009). *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906. 2nd ed.* Toronto: University of Toronto Press. 327 p. ISBN 978-1442610248.

Semenova, A. V. (2013). *"We breathe European news...": Italy Decembrists. "A friend is a mirror for a friend ...": Russian—Italian public and cultural relations, X—XX centuries.* Moscow: Institute of Russian History. 46—54. ISBN 978-5-8055-0251-5. (In Russ.).

Zapadov, A. V. (ed.). (1973). *The history of Russian journalism of the XVIII—XIX centuries.* Moscow: Higher School. 518 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.03.2022,
одобрена после рецензирования 13.04.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бабаджанов Х. Б. Военная индустриализация Узбекистана в 1941—1945 годах / Х. Б. Бабаджанов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 384—400. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-400.

Babadzhanov, Kh. B. (2022). Military Industrialization of Uzbekistan in 1941—1945. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 384-400. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-40000. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-400

Военная индустриализация Узбекистана в 1941—1945 годах

Бабаджанов Хасан Бахтиёрович
orcid.org/0000-0002-0008-238X
PhD, доцент,
заведующий кафедрой
гуманитарных наук
bhasanb@inbox.ru

Ташкентский университет
информационных технологий
имени Мухаммада ал-Хоразмий
(Ташкент, Узбекистан)

Military Industrialization of Uzbekistan in 1941—1945

Khasan B. Babadzhanov
orcid.org/0000-0002-0008-238X
PhD, Associate Professor,
Head of the Department
of Humanities
bhasanb@inbox.ru

Tashkent University
of Information Technologies
Named after Muhammad al-Khwarizmi
(Tashkent, Uzbekistan)

© Бабаджанов Х. Б., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается влияние Великой Отечественной войны на перестройку промышленности Узбекистана. Использованы материалы Национального архива Республики Узбекистан, часть из которых ранее не публиковалась. Сообщается, что в довоенные годы в экономике Узбекистана преобладало сельское хозяйство и война стала новым периодом индустриализации республики. Утверждается, что в годы Великой Отечественной войны в ходе массовой эвакуации Узбекистан принял около 190 промышленных предприятий из западных районов СССР. Констатируется, что масштабная эвакуация промышленности, с одной стороны, создала трудности, связанные с размещением оборудования и людей, а с другой — образовала непропорционально разросшийся промышленный потенциал Узбекистана. Акцентируется внимание на том, что экономика выдержала основные трудности перестройки промышленности на военные рельсы. Доказывается, что новые промышленные центры страны стали иметь огромное значение для военной экономики СССР. Подчеркивается, что народ Узбекистана героически трудился на строительстве новых заводов и фабрик, а также занимался восстановлением эвакуированных предприятий.

Ключевые слова:
Великая Отечественная война; промышленность Узбекистана; военная экономика; эвакуация; индустриализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The influence of the Great Patriotic War on the restructuring of the industry of Uzbekistan is considered. The materials of the National Archives of Uzbekistan are used, some of which have not been published before. It is reported that in the pre-war years, the economy of Uzbekistan was dominated by agriculture and the war became a new period of industrialization of the republic. It is stated that during the war years, during the mass evacuation, Uzbekistan received about 190 industrial enterprises from the western regions of the USSR. It is stated that such a large-scale evacuation of industry, on the one hand, created difficulties associated with the placement of equipment and people, and on the other hand, formed a disproportionately expanded industrial potential of Uzbekistan. Attention is focused on the fact that the economy withstood the main difficulties of restructuring industry on a war footing. It is proved that the new industrial centers of the country began to be of great importance for the military economy of the USSR. It is emphasized that the people of Uzbekistan heroically worked on the construction of new plants and factories, as well as on the restoration of evacuated enterprises, which, among other things, made it possible to solve the issue of a stable supply of the army with weapons, and the industry with raw materials and minerals/

Key words:
the Great Patriotic War; industry of Uzbekistan; military economy; evacuation; industrialization.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(575.1)“1941/1945”

Военная индустриализация Узбекистана в 1941—1945 годах

© Бабаджанов Х. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение Великой Отечественной войны является одним из главных направлений отечественной историографии, которое имеет более чем восьмидесятилетнюю историю. За этот период были изданы многотомные книги, монографии, статьи, защищены кандидатские и докторские диссертации. Во многих научных исследованиях, вне зависимости от рассматриваемого аспекта, в комплексе рассматриваются вопросы не только течения военных действий, но и народного хозяйства, вклада экономики СССР и союзных республик в победу. Появилось множество специальных исследований, целью которых было показать роль и заслуги отдельных отраслей экономики СССР в снабжении армии и промышленности страны [Вещиков, 2006; Сирожов, 1981; Советская …1970; Экономический …, 2015 и др.].

После окончания войны учёные постепенно стали изучать архивные документы по истории Великой Отечественной войны. Потребовалось несколько лет для систематизации огромного количества данных и разработки методологических основ для изучения темы. Поэтому научные исследования периода первого десятилетия после 1945 года в основном носили научно-публицистический характер. В этих трудах мало уделялось внимания изучению социально-экономической жизни и развитию промышленности.

В 50—60 годах XX века исследования вышли на новый уровень. Появившиеся в этот период некоторые научные работы имели фундаментальный характер. В это время оживилось изучение истории Великой Отечественной войны в союзных республиках. Наглядным примером может служить подготовленное Институтом истории Академии наук Узбекистана в 1975 году издание «Вклад трудящихся Узбекистана в победу над фашистской Германией» [Вклад трудящихся …, 1975]. В данной книге комплексно были представлены вопросы военной экономики и вклада трудящихся Узбекистана в победу. Исследование отличается высоким уровнем научного изложения и широким использованием архивных документов.

Комплексное изучение экономических вопросов характерно для историографии первой половины 80-х годов XX века. Основной научной работой историков республики этого периода считается 3-томный труд «Узбекистан в годы Великой Отечественной войны» [Узбекская ССР …, 1981].

CC BY

В этом издании использовались новые архивные документы и последние результаты научных исследований, в хронологической последовательности рассматривался комплекс исторических вопросов по истории Узбекистана в 1941—1945 годах. Особое место отводилось вопросам военной экономики и социального положения населения республики. В послесоветский период история Великой Отечественной войны и участие в ней узбекистанцев нашли отражение в научных исследованиях Х. З. Зияева [Зияев, 2011], А. А. Голованова, И. М. Саидова [Голованов и др., 2006]. О последней из упомянтуых работ ср. мнение заведующей отделом Института истории Академии наук Республики Узбекистан, доктора исторических наук Д. А. Алимовой: «Несмотря на то что эта книга содержала много интересных архивных фактов, она была написана в так называемом модном ключе, то есть с резкой критикой руководства страны в осуществлении тех или иных задач в это время» [Ханова, 2021, с. 321].

Значимость и новизна нашей статьи определяются тем, что в ней впервые в комплексе исследовано состояние промышленности Узбекистана в военное время, анализируется эффективность трансформационных процессов в промышленности республики, организационные вопросы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Впервые вводимые в научный оборот документы Национального архива Республики Узбекистан раскрывают процесс трансформации промышленности республики в военных условиях, успехи и промахи данного периода. Хронологические рамки статьи охватывают 1941—1945 годы. Среди использованных архивных документов и материалов особую ценность представляют фонды Совета Народного Комиссариата Узбекской ССР [НАУз, ф. Р 837]. В нем хранятся обширные сведения, изучение которых дает представление о военном времени в масштабе всей республики, а также отдельно по отраслям народного хозяйства и по территориальным единицам, о сложном процессе перехода промышленности Узбекистана на военные рельсы в 1941—1945 годы.

Данные, опубликованные в статистических сборниках, предоставляют, во-первых, богатый фактический материал, во-вторых, возможность наблюдать динамику роста или спада экономики в точных цифрах. Одним из первых статистических сборников по исследуемой исторической тематике является издание «Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» [Народное хозяйство СССР …, 1990]. Статистический сборник позволяет составить представление о промышленности СССР в целом и об экономической ситуации в отдельных союзных республиках, в том числе в Узбекистане в 1941—1945 годах.

CC BY

Особое место в освещении событий 1941—1945 годов занимает периодическая печать. В центральных, а также республиканских газетах, таких как «Правда», «Красный Узбекистан», «Социалистическое земледелие», «Финансовая газета», «Комсомольская правда» и др., параллельно с освещением фронтовых новостей публиковались важные правовые документы по экономическим вопросам, печатались статьи экономической и хозяйственной тематики.

В работе для анализа экономической ситуации 1941—1945 годов в Узбекистане автором использовались статистический и компаративный методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Великая Отечественная война и мобилизация экономики

В 20—30-е годы XX века в СССР шёл процесс формирования единого народно-хозяйственного комплекса, в частности, в годы первой и второй пятилеток в республиках Средней Азии шел активный процесс строительства крупных промышленных предприятий. Однако местная промышленность больше была ориентирована на первичную обработку сельхозяйственного сырья. Узбекская республика обладала богатыми природными ресурсами, в связи с чем открытие предприятий легкой и пищевой промышленности было здесь экономически обоснованным.

Под термином *восточные территории СССР*, который использовался в советской экономической литературе, подразумевались неоднородные с географической и экономической точки зрения территории. Если в республиках Средней Азии, как указывалось выше, развивалась в основном легкая и пищевая промышленность, то на Урале и в Западной Сибири строились предприятия машиностроения и металлургии. Несмотря на отличия в хозяйственной деятельности, восточные территории СССР имели один общий признак: они были новыми экономическими центрами промышленного производства по определенным направлениям.

Начало Великой Отечественной войны стало большим испытанием для экономики советского государства. В период до декабря 1941 года большая часть территории на западной границе СССР была оккупирована нацистской Германией и ее союзниками, что сразу нанесло удар по экономической жизни страны, в том числе по некоторым видам производства, занимавшим лидерующее положение в масштабе СССР (табл. 1).

В период с июня по ноябрь 1941 года объем промышленного производства в СССР упал в 2,1 раза [Вещиков, 2006, с. 14]. Из-за потери огромных ресурсов в первые месяцы войны и критического положения на фронте начались проблемы в обеспечении действующей армии оружием, боеприпа-

CC BY

Таблица 1

Экономический потенциал территорий СССР, оккупированных нацистской Германией

Показатель / Критерий	В целом по СССР (данные 1940 г.)	Оккупированные территории	Доля оккупированных территорий (в %)
Население (млн человек)	190,7	84,9	45
Количество рабочих и служащих (млн человек)	31,2	11,9	38
Производство промышленных товаров, в неменяющихся ценах 1926/1927 годов (млрд руб.)	138,5	45,9	33
Чугун (млн т)	14,9	10,6	71
Сталь (млн т)	18,3	10,5	58
Уголь (млн т)	165,9	105,2	63
Нефть (вместе с газовым конденсатом млн т)	31,1	2,6	8
Электроэнергия (млрд кВтч)	48,3	20,4	42

Источник: [Народное хозяйство СССР …, 1990, с. 21].

сами, необходимыми для ведения военных действий. Эти обстоятельства требовали за короткий срок создания дополнительных производственных мощностей. Для восполнения потерь оккупированных территорий требовалось широкое использование потенциала территорий, находящихся под контролем Советского государства. Требовалось в короткий срок осуществить переход промышленности на военные рельсы и наладить производство военной продукции. Мобилизации и перестройке промышленности власть уделяла особое внимание, поскольку военное производство было непосредственно связано с эффективными трансформационными процессами в промышленности.

Развитие военно-промышленного комплекса в сложившихся условиях стало трудоёмким и технологически сложным процессом. Требовались рабоче-технические кадры высокой квалификации, подготовленный инженерный состав, специальная техника, а также помещения, соответствующие техническим требованиям. Надо отметить, что не все промышленные предприятия имели опыт производства военной продукции. В мирное время промышленные предприятия СССР по специализации выпуска товаров делились на «военные» и «гражданские». «Военные» заводы и фабрики (находящиеся в ведомстве специализированных военно-промышленных

CC BY

народных комиссариатов), производили ⅔ оружия и боеприпасов [Симонов, 1996, с. 154].

Во второй половине 1941 и начале 1942 годов в результате роста военно-технических потерь на фронтах, в том числе большого расхода боеприпасов, резко увеличился спрос на военно-промышленные товары. В то же время в начальный период войны в результате уничтожения или эвакуации «военных» предприятий существенно упали объёмы производства боеприпасов и техники. Ситуация требовала быстрых и качественных решений. От них зависела судьба всей страны. И переход «гражданских» предприятий на производство военной продукции немного ослабил напряжение в обеспечении фронта. В годы войны 65—68 % промышленных товаров, произведенных в СССР, было направлено на удовлетворение потребностей армии [Там же, с. 152].

Чтобы компенсировать потери и наладить производство военной техники и боеприпасов, правительством были осуществлены работы на следующих направлениях:

— во-первых, максимально увеличено производство военной продукции, а также приняты меры по улучшению её качества;

— во-вторых, стимулировался рост производственных мощностей на основе модернизации и реконструкции существующих предприятий;

— в-третьих, созданы новые предприятия (в основном металлургической отрасли и машиностроения);

— в-четвёртых, была реорганизована работа «гражданских предприятий» для производства военной продукции.

3.2. Переход промышленности Узбекистана на военные рельсы

На восточных территориях СССР, в том числе в Узбекистане, срочно была организована работа по указанным направлениям. Несмотря на острую нехватку кадров и дефицит сырья для промышленности, а также топлива, станков и инструментов, к декабрю 1941 года 63 предприятия Ташкента и 230 предприятий республики начали производить товары для военных целей [Новая история Узбекистана, 2000, с. 440]. Завод «Ташсельмаш» (крупный производитель сельскохозяйственной техники в республике) с первых недель войны начал изготавливать военную продукцию. К концу 1941 года завод перевыполнил планы производства военной продукции на 240 % [Голованов и др., 2006, с. 6]. Исходя в первую очередь из потребностей фронта, на предприятия, производящие военно-промышленные товары, были привлечены кадры и техника, принадлежавшие ранее другим предприятиям. В октябре 1941 года на заводах и фабриках республики около 51 % всего производства было выполнено на основе военных заказов [Узбекская ССР …, 1981, с. 112].

CC BY

Для организации выпуска военной продукции обычно требовалось строительство дополнительного корпуса или цеха. Например, на заводе «Колхозник», эвакуированном в Узбекистан, для производства военной продукции было построено два дополнительных цеха. В связи со сжатыми сроками намеченных планов рабочие были вынуждены трудиться более десяти часов в сутки. Благодаря руководству завода и самоотверженному труду рабочих с ноября 1941 производство вооружения было налажено [Там же, с. 110].

Ниже приводится список некоторых предприятий, производивших в Узбекистане военную продукцию (табл. 2):

Таблица 2

Некоторые предприятия в Узбекистане, производившие основную военную продукцию в годы Второй мировой войны

Название завода и предприятия	**Вид произведенного военного товара**
Ташкентский авиационный завод	Военно-транспортные самолёты ЛИ-2
Завод Ташсельмаш	Запчасти для военной техники
Ташкентский паровозо-ремонтный завод	Военно-санитарные и бронепоезда
Завод «Колхозник» в Самарканде	Гранаты, гильзы для снарядов, солдатские котлы; организован ремонт автомашин для армии
Кожевенный завод имени Ахунбабаева	Кожевенная продукция для армии
Фабрика «Худжум»	Пороховые картузы для крупнокалиберных пушок
Промартель «Солнце»	Мины и ручные гранаты
Механический цех Каттакурганского маслозавода	Корпусы и стабилизаторы для мин

Источник: [Узбекская ССР в годы …, 1981, с. 110].

Многие предприятия в Узбекистане, выпускающие военную продукцию, подчинялись в основном всесоюзным наркоматам. Согласно сведениям архивных материалов, в 1943 году заводы под номерами 702, 708, 770, 735, 725, функционировавшие в Узбекистане, находились в ведомстве Народного комиссариата миномётного вооружения СССР, а заводы под номерами 84 и 154 — под руководством Народного комиссариата авиационной промышленности СССР [НАУз, ф. Р 837, оп. 32, д. 3774, л. 218].

В годы войны в Узбекистане было создано 280 новых промышленных предприятий. Надо отметить, что индустрализация Узбекистана в годы войны была сбалансированной. Строились не только металлургические

CC BY

и машиностроительные предприятия, создавались гидроэлектростанции, разрабатывались новые месторождения угля, нефти и других ископаемых. Например, в Узбекистане среди вновь созданных предприятий было несколько химических заводов, которые покрывали потребность республики в химической продукции. Между тем из-за того, что основные химические заводы переориентировались на выпуск взрывчатых средств, производство химических удобрений сильно сократилось, что, конечно, влияло на урожайность в сельском хозяйстве Узбекистана. В целях восполнения дефицита удобрений с 1942 года в срочном порядке началось строительство двух предприятий — Кокандского и Каганского суперфосфатных заводов [Там же, д. 3260, л. 208.].

Конечно, были технические, экономические и организационные проблемы в производстве военной продукции. Из-за неправильного составления планов и неграмотного использования техники предприятия, относящиеся к центральным Наркоматам, выполнили план военного производства в июле 1942 года на 66,9 %, в августе этого же года — на 31,8 %, а в сентябре — на 50 % [Узбекская ССР …, 1981, с. 110]. 21 из 30 заводов в Узбекистане, находящихся в ведомстве Народного комиссариата земледелия СССР и включенных в план предприятий по производству военной продукции, не имели в своем распоряжении необходимого оборудования для реализации этого плана [Верт, 1967, с. 149].

Промышленность Узбекистана в довоенные годы специализировалась в основном на переработке сельскохозяйственной продукции. Во второй половине 1941-го и 1942-м годах изменения в сельском хозяйстве (в основном сокращение общего количества урожая хлопка) стали положительным фактором обеспечения населения продовольственными товарами, поскольку освобождались земли для выращивания других сельскохозяйственных культур, пригодных для употребления в пищу. Но в то же время сокращение физических объемов хлопка повлекло за собой снижение мощностей хлопкоочистительных заводов, в чем видится и отрицательный эффект. В частности, план на первую четверть 1942 года хлопковые заводы республики выполнили только на 48,2 %.

В указанный период масложирные предприятия республики не смогли выполнить план на 16 725 тонн [НАУз, ф. Р 837, оп. 32, д. 3270, л. 414]. Однако изменения в сельском хозяйстве привели к появлению новых предприятий. Например, в годы войны было построено 4 сахарных завода в городах Коканд, Зирабулак, Красногвардейск и Янгиюль [Там же, д. 2289, л. 18].

Следует отметить, что в некоторых случаях, когда возникала острая необходимость выполнить задачи, стоящие перед народным хозяйством, на предприятиях при «народных комиссариатах» производились промышлен-

CC BY

ные товары невоенного предназначения. Например, в 1943 году, когда в республике обнаружилась необеспеченность хлебоуборочного процесса техникой, завод «Красный Аскай» и предприятия под номерами 702, 708 и 735, относящиеся к системе Наркомата миномётного вооружения СССР, временно выпускали некоторые запчасти комбайнов [Там же, д. 3756, л. 102].

Но эти факты не дают основания делать выводы о том, что в годы войны в производстве наблюдался систематический спад. Во-первых, вышеуказанные обратные производственные процессы продолжались короткий период. Во-вторых, «военные предприятия» в производственном процессе невоенной продукции использовали не весь свой потенциал и параллельно производили также военную продукцию.

В годы войны состояние легкой промышленности республики оказалось в более сложных условиях по сравнению с другими промышленными отраслями. Основная причина состояла в том, что до начала войны легкая промышленность воспринималась как второстепенная отрасль и мало привлекалась для выполнения военных заказов. В годы войны мощности легкой промышленности намного выросли, поскольку в регион эвакуировали предприятия текстильной промышленности.

Для осуществления задачи перехода на военное производство сначала было сокращено производство товаров народного потребления и в целом продукции, выпускаемой в мирное время. Швейные предприятия перешли на производство шинелей и телогреек; кожевенно-меховые; обувные предприятия — на производство шапок, сапог, солдатских ботинок, полушубков, перчаток и т. п. Предприятия по производству кожевенных изделий обеспечивали продукцией авиацию, автомобильно-тракторную, танковую и другие военные сферы.

Например, если Ташкентская шорно-седельная фабрика в 1941 году изготовила продукции на 504 тыс. рублей, в 1942 году объём произведенный продукции увеличился в 9 раз и составил 4885 тыс. рублей [Сирожов, 1981, с. 9]. При этом нельзя не признать, что переход на военные рельсы этой промышленной отрасли был сложным, требовал значительных затрат и усилий.

3.3. Проблемы перехода легкой промышленности республики на военное производство

В годы войны переход легкой промышленности Узбекистана на производство военной продукции проходил намного сложнее, чем для других отраслей экономики. Надо отметить, что в исследованиях, освещающих экономическую историю Узбекистана в годы войны, этот вопрос недостаточно освещён. В них приводятся только те сведения, которые показывают рост мощности легкой промышленности. Основные трудности объясняются проблемами освоения новых технологий и изготовления новой продук-

CC BY

ции, поиска нового сырья и его использования в условиях резкого сокращения материально-технической и сырьевой базы.

Снабжение продукцией (пуговицами, булавками, замками и т. д.), ввозимой для легкой промышленности из других союзных республик, в военные годы почти остановилось, уменьшились и капиталовложения в эту отрасль. Например, в 1942 году план государственного капиталовложения в легкую промышленность был выполнен только на 21,5 % по ведомству Народного комиссариата текстильной промышленности Узбекистана и на 5,8 % по линии Народного комиссариата Легкой промышленности Узбекистана [НАУз, ф. Р 837, оп. 32, д. 3318, л. 11].

Легкая промышленность Узбекистана в довоенный период не обладала вспомогательными производственными мощностями. Основная часть обувных колодок, химикатов, красок и проч. ввозилась из других союзных республик. С началом войны поставки остановились. В связи с этим была предпринята попытка организовать производство необходимых товаров в Узбекистане. В этот период выдвигалось очень много рационализаторских предложений, одобренные немедленно внедрялись в отрасль. В итоге наладилось производство многих составляющих уже в местных условиях, что способствовало усовершенствованию производственного процесса.

Использование заменяющего материала вместо дефицитного сырья в годы войны оказало как позитивное, так и отрицательное влияние на технологию производства. Замены такого рода могли оказывать негативное воздействие на эффективность производства, например, приводя к выходу из строя производственное оборудование. Производство сложных технологий и всех химикатов в Узбекистане было невозможным по ряду причин. Нерешенность в короткие сроки проблем в промышленности негативно повлияла на производство, в частности, производство трикотажа по республике упало на 1922,6 тыс. тонн в 1942 году и на 3573,7 тыс. тонн в 1941 году [Там же, д. 2784, л. 205].

В этот период производство носков снизилось на 468,1 тыс. тонн от 13 573,2 тонны, а производство обуви — с 3576,8 до 2638 тыс. пар [Там же, д. 3318, л. 14]. В целом предприятия легкой промышленности республики в 1942 году выполнили производственный план на 52,9 %. Себестоимость продукта была на 7,8 % выше, чем планировалось [Там же, д. 3740, л. 33]. Также наблюдался спад в производстве товаров широкого потребления населения. В 1942 году в системе Узбекбирлашув план производства товаров широкого потребления был выполнен всего на 46 % [Там же, д. 3740, л. 112].

Закономерно, что в процессе увеличения производства военной продукции резко сократился выпуск гражданских товаров. Освобожденные производственные мощности были направлены на выполнение военных заказов.

CC BY

По этой причине наблюдался рост объёма производства продукции, связанной с обеспечением армии. Например, если в 1941 году в Узбекистане было произведено в целом 4040,6 тыс. метров шёлковой и полушёлковой ткани, предназначенной, в частности, для производства парашютов, то в 1942 году выпуск этих тканей увеличился на 4362,8 тыс. метров [Там же, д. 3318, л. 14]. А в результате изменения баланса производства на предприятиях легкой промышленности в пользу военной продукции в 1941—1942 годах производство трикотажных изделий, предназначенных для продажи населению, уменьшилось на 16 %, а обуви на 8 % [История Второй …, 1965, с. 75—76].

В годы войны одежду и обувь можно было найти за очень высокую цену у спекулянтов на базарах. Товары для населения изготавливались из остаточного материала в ремесленных цехах и фабриках, например, верхняя часть сандалий шилась из остатков гимнастёрок, в 1943 году сандалиии стоили 85—100 рублей. Большинство товаров для детей изготовливалось также из остаточного материала: на детскую одежду уходило мало материала, а стоила она дороже. Так, в 1943 году цена одной телогрейки (на взрослого человека) была 62 рубля, а детское пальто стоило 88 рублей [НАУз, ф. Р 837, оп. 32, д. 3756, л. 301]. Несмотря на низкое качество и дороговизну товаров, изготовленных из отходов, их было нелегко найти в магазинах.

Переход основных остраслей экономики на производство военной продукции, уменьшение изготовления товаров народного потребления в определенной степени открыли путь для развития местных промышленных предприятий. В 30-е годы XX века, сколько бы не боролась советская власть против частной экономической инициативы и частной собственности, она не смогла полностью перевести производство под государственное управление. Например, сохранились ремесленные артели и мелкие производственные кооперативы. Несмотря на потерю прежнего авторитета, эти экономические объединения продуктивно работали, производя товары широкого потребления и занимаясь бытовым обслуживанием населения. С началом войны они стали основными структурами, которые обеспечивали население одеждой, бытовыми товарами и оказывали услуги по ремонту одежды, обуви и пр.

Объём валового промышленного производства предприятий, подчиняющихся районам-городам Узбекистана, увеличился с 47,2 млн рублей в 1941 году до 63,4 млн рублей (по плану 1942 года была поставлена задача увеличить его до 57 млн рублей; таким образом, показатели были достигнуты, и даже фиксировалось перевыполнение) [Там же, д. 3318, л. 12]. На предприятиях кооперации инвалидов в 1942 году план также был перевыполнен: рост составил от 30,9 млн руб. в 1941 году до 44,9 млн рублей (по плану 1942 года была поставлена задача в 42,9 млн рублей) [Там же, л. 13].

CC BY

В годы войны предприятия в системе ОРС (Отделы рабочего снабжения) и «Пробснаб» изготовили товары широкого потребления на 50 млн рублей. ОРС наладили производство мыла, обуви, металлических сельскохозяйственных инструментов и проч. из остатков производства на предприятиях, где они вели свою деятельность [Экономический фундамент …, 2015, с. 279].

Одной из проблем, стоящей перед легкой промышленностью Узбекистана и требующей решения, являлась проблема кадров. Привлечение рабочей силы в легкую промышленность было более затруднительным по сравнению с другими сферами. Кроме того, квалифицированные инженеры и оборудование предприятий легкой промышленности были переведены на оборонные предприятия. Дефицит кадров, возникший в результате ухода на фронт нескольких тысяч квалифицированных специалистов, восполнялся за счет молодёжи и женщин. Согласно сведениям, в годы войны около 70 % рабочих фабрик и заводов республики составляла молодёжь, в частности, в Ташкентском текстильном комбинате [Голованов и др., 2006, с. 13].

На швейной фабрике «Кизил тонг» («Красная заря») с первых недель войны места мужчин, ушедших на фронт, заняли молодые мужчины и женщины. К концу 1941 года около 125 женщин освоили профессии электромонтёра, слесаря, механика [Сирожов, 1981, с. 10]. Такое положение складывалось и на других предприятиях. Но все же в годы войны промышленные предприятия не смогли решить полностью проблему кадров.

Технические возможности и организация производства на швейных и ткацких фабриках существенно не изменились. Легкая промышленность до сих пор рассматривалась как второстепенная отрасль, и её развитию не уделялось должного внимания. В 1943—1945 годах в результате нехватки сырья и электроэнергии на большинстве фабрик были перебои в работе. Оборудование предприятий легкой промышленности оставалось неиспользованным от 10 % до 35 % от всего рабочего времени. В 1942 году по причине нехватки топлива и электроэнергии на ткацких предприятиях оборудование простаивало 12,5 % рабочего времени, а на шелкоткацких — больше 16 % рабочего времени [Советская экономика …, 1970, с. 129].

В 1943 году с обеспечением полной эксплуатации эвакуированных предприятий и решением некоторых проблем по снабжению началось восстановление мощностей легкой промышленности. Но уже в последний год войны показатели по основному производству не смогли подняться даже до половины уровня 1941 года. В 1941—1945 годах из изделий легкой промышленности увеличилось только производство шелковых тканей. Если Узбекистан в 1940 году производил 4534 тысячи метров шёлковых тканей,

CC BY

то этот показатель в 1943 году составил 4825 тысяч метров, а в 1945 году — 4725 тысяч метров [Народное хозяйство СССР …, 1990, с. 77].

Давать состоянию легкой промышленности Узбекистана в годы Второй мировой войны только негативную оценку, конечно же, неправильно. Снижение уровня производства и производительности труда в сфере возникло под влиянием проблем, не имеющих отношения к отрасли. Работники легкой промышленности Узбекистана самоотверженно трудились в тяжелых условиях. Помимо этого, в результате внедрения рационализаторских предложений увеличилась производственная продуктивность.

Вышеизложенные трудности не были приняты во внимание, когда в 1942 году коммунистической партией и государственными органами были увеличены требуемые показатели по производственным планам предприятий легкой промышленности. Это задание было разработано с учетом полной мощности всех предприятий, эвакуированных в Узбекистан. Увеличение объёма производства товаров требовало создания соответствующей материально-технической базы и обеспечения отрасли сырьём, топливом и электроэнергией. В 1941—1943 годах в Советском Союзе спрос на ткани, изготавливаемые для удовлетворения нужд фронта, увеличился в 12,5 раз. В октябре 1941 года почти все предприятия легкой промышленности Узбекистана перешли на выполнение заказов для оборонной сферы [Советская экономика …, 1970, с. 120].

В 1941—1945 годах предприятия Народного комиссариата легкой промышленности республики отправили на фронт 7518,8 гимнастёрок, 2636,7 тысяч хлопковых жилетов и 2861,5 пар армейских сапогов [Новая история Узбекистана, 2000, с. 445]. Кроме того, предприятия лёгкой промышленности отправили на фронт 24 469 918 рублей наличными [Зияев, 2011, с. 40]. В годы Второй мировой войны легкая промышленность Узбекистана внесла весомый вклад в победу над врагом. Именно в Узбекистане производилось большинство товаров лёгкой промышленности. В результате трансформации в военных целях работы основных фабрик республика превратилась в центр швейного производства.

В военный период в Узбекистане добыча нефти увеличилась в 4 раза, добыча угля — в 30 раз, производство элекроэнергии — в 2,42 раза, сплав стали — в 2 раза. Мощность по обработке металла выросла в 4,8 раза, а мощность машиностроения — в 13,4 раз [Вклад трудящихся …, 1975, с. 86]. В Узбекистане также выросло значение промышленности в валовом производстве, где ее доля увеличилась с 69,4 % в 1938 году до 80 % в 1945 году [Советская экономика …, 1970, с. 120]. Резкое изменение в соотношении роли промышленности и сельского хозяйства было связано с перераспределением экономических ресурсов в пользу военной промышленности.

CC BY

Благодаря мерам, направленным на мобилизацию экономики, и самоотверженному труду сотрудников промышленности республики весь потенциал экономики Узбекистана был направлен на обеспечение фронта оружием, боевой техникой и материальными ресурсами. В ходе Второй мировой войны Узбекистан поставил фронту 2100 самолётов, 17 342 авиамотора, 2318 тыс. авиабомб, 17 100 миномётов, 4500 единиц оружия для уничтожения мин, около 60 тысяч единиц военно-химической аппаратуры, 22 млн мин и 560 тысяч снарядов, 1 млн гранат, 3 млн штук радиоламп для полевых радиостанций, около 300 тыс. парашютов, 5 бронепоездов, 18 военно-санитарных и банно-прачечных поездов, 2200 передвижных кухонь и другой военной продукции [Новая история Узбекистана, 2000, с. 445].

4. Заключение = Conclusions

По итогам нашего исследования можно сформулировать несколько основных выводов.

1. Начало Великой Отечественной войны стало для экономики СССР испытанием. К концу 1941 года западные территории СССР были завоеваны германскими войсками и их союзниками. Оккупированные территории имели огромное экономическое значение для страны. В эти трудные дни восточные территории СССР (Урал, Западная Сибирь, Средняя Азия и Казахстан) превратились в основного поставщика промышленной продукции для Красной Армии. Во второй половине 1941 и в 1942 годах в результате мобилизации экономики на восточных территориях, в частности в Узбекистане, был налажен выпуск нескольких типов вооружений и боеприпасов.

2. С началом войны производственные мощности промышленных предприятий республики были направлены на выполнение военных заказов. Для осуществления этой цели было сокращено производство товаров народного потребления и продуктов, производимых в мирное время. В результате экономической трансформации решился вопрос непрерывного снабжения армии оружием и другими необходимыми товарами, промышленность была обеспечена сырьём и полезными ископаемыми.

3. Великая Отечественная война оказала влияние на промышленное развитие Узбекистана. В 1941—1945 годах было построено и эвакуировано около пятисот промышленных предприятий, введено в эксплуатацию несколько электростанций и месторождений полезных ископаемых. Значительная индустриализация республики привела к значительному увеличению в годы войны численности предприятий и работающих на них рабочих и служащих. Результатом стало увеличение объемов промышленного производства и роли промышленности в экономике Узбекистана.

Источники и принятые сокращения

1. НАУз — *Национальный* Архив Узбекистана. Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 3774, Л. 218 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 3260, Л. 208 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 3270, Л. 414 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 2289, Л. 18 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 3756, Л. 102, 301 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 3318, Л. 11, 12, 13, 14 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 2784, Л. 205 ; Ф. Р 837, Оп. 32, Д. 3740, Л. 33, 112.

2. *Народное* хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. — Москва : Информационно-издательский центр Госкомстата СССР, 1990. — 235 с.

Литература

1. *Верт А.* Россия в войне 1941—1945 / А. Верт. — Москва : Воениздат, 1967. — 664 с.

2. *Вещиков П. И.* Экономика СССР испытание выдержала / П. И. Вещиков // Военно-исторический журнал. — 2006. — № 1. — С. 14—18.

3. *Вклад* трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне / под редакцией Х. Аминовой. — Ташкент : Фан, 1975. — 250 с.

4. *Голованов А. А.* Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Часть II / А. А. Голованов, Н. М. Саидов. — Самарканд : СамДУ, 2006. — 104 с.

5. *Зияев Х. З.* Узбекистон в годы Первой и Второй Мировой войны / Х. З. Зияев. — Ташкент : Мухаррир, 2011. — 54 с.

6. *История* Второй мировой войны (1939—1945 гг.). / под редакцией В. А. Василенко. — Москва : Воениздат, 1965. — Т. 6. — 377 с.

7. *Новая* история Узбекистана / под редакцией А. Азизходжаева и др. — Ташкент : Шарк, 2000. — Книга 2. — 688 с.

8. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы : темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / Н. С. Симонов. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 1996. — 336 с. — ISBN 5-86004-087-3.

9. *Сирожов О.* Промышленность Узбекистана вгоды войны / О. Сирожов. — Ташкент : Узбекистан, 1981. — 24 с.

10. *Советская* экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / АН СССР. Институт экономики. — Москва : Наука, 1970. — 503 с.

11. *Узбекская* ССР в годы Великой Отечественной войны / АН УзССР. Институт истории. — Ташкент : Фан, 1981. — Т. 1. — 405 с.

12. *Ханова И. Е.* 75 лет Великой Победы — общая победа — общая память : материалы Международной российско-узбекистанской научно-практической конференции / И. Е. Ханова // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. — 2021. — № 4. — С. 316—345. — EDN UNLQZD.

13. *Экономический* фундамент Победы : параллели истории и современности: монография / под общей редакцией И. В. Караваевой. — Москва : Институт экономики Российской академии наук, 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-9940-0521-7.

Material resources

National Archive of Uzbekistan. F. R 837. (In Russ.).

The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941—1945. Statistical collection. (1990). Moscow: Information and Publishing Center of the USSR State Statistics Committee. 235 p. (In Russ.).

References

Amine, H. (ed.). (1975). *Contribution of the workers of Uzbekistan to victory in the Great Patriotic War.* Tashkent: Fan. 250 p. (In Russ.).

Azizkhodzhaev, A. (ed.). (2000). *New history of Uzbekistan, 2.* Tashkent: Shark. 688 p. (In Russ.).

Golovanov, A. A., Saidov, N. M. (2006). *Uzbekistan's contribution to the victory over fascism, II.* Samarkand: SamDU. 104 p. (In Russ.).

Khanova, I. E. (2021). 75 years of the Great Victory — common victory — common memory: materials of the International Russian-Uzbek scientific and practical conference. In: *Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies, 4*: 316—345.

Simonov, N. S. (1996). *The military-industrial complex of the USSR in the 1920s—1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management.* Moscow: Russian Political Encyclopedia. 336 p. ISBN 5-86004-087-3. (In Russ.).

Sirozhov, O. (1981). *Industry of Uzbekistan during the war.* Tashkent: Uzbekistan. 24 p. (In Russ.).

The economic foundation of Victory: parallels of history and modernity: Monograph / Under the general editorship of I. V. Karavaeva. (2015). Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 279 p. ISBN 978-5-9940-0521-7. (In Russ.).

The history of the Second World War (1939—1945), 6. (1965). Moscow: Voenizdat. 377 p. (In Russ.).

The Soviet economy during the Great Patriotic War of 1941—1945 / USSR Academy of Sciences. Institute of Economics. (1970). Moscow: Nauka. 503 p. (In Russ.).

Uzbek SSR during the Great Patriotic War / Academy of Sciences of the Uzbek SSR. Institute of History, 1. (1981). Tashkent: Fan. 405 p. (In Russ.).

Vert, A. (1967). *Russia in the war of 1941—1945.* Moscow: Voenizdat. 66 p. (In Russ.).

Veshchikov, P. I. (2006). The economy of the USSR withstood the test. *Military-Historical Journal, 1:* 14—18. (In Russ.).

Ziyaev, H. Z. (2011). *Uzbekistan during the First and Second World War.* Tashkent: Muharrir. 54 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.01.2022,
одобрена после рецензирования 13.03.2022,
подготовлена к публикации 30.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Барышников М. Н. С. И. Мамонтов и деятельность Товарищества Невского завода в конце XIX века / М. Н. Барышников // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 401—425. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-401-425.

Baryshnikov, M. N. (2022). S. I. Mamontov and Activities of Association of Nevsky Plant at End of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 401-425. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-401-425. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-401-425

С. И. Мамонтов и деятельность Товарищества Невского завода в конце XIX века

Барышников Михаил Николаевич
orcid.org/0000-0002-0636-8864
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
barmini@list.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

S. I. Mamontov and Activities of Association of Nevsky Plant at End of 19th Century

Mikhail N. Baryshnikov
orcid.org/0000-0002-0636-8864
Doctor of History, Professor,
Department of History
barmini@list.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Барышников М. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ деятельности Невского завода под руководством С. И. Мамонтова в 1890-е годы. Целью исследования является определение эффективности семейного контроля над промышленным делом, ориентированным на выпуск продукции разнообразного транспортного назначения. Впервые с привлечением архивных материалов дается характеристика совместной работы С. И. Мамонтова, его родственников и деловых партнеров над реализацией обширного инфраструктурного проекта. Особое внимание уделяется результативности функционирования Товарищества Невского завода в его различных организационных формах, производственных и финансовых ситуациях. Рассматривается способность ключевого собственника согласовывать свои интересы с задачами развития крупной компании на сколько-нибудь обозримую перспективу. Показывается, что итоги деятельности Невского завода в 1890-е годы оказались противоречивы. Отмечается, что, с одной стороны, последовало разорение его крупнейшего акционера, с другой стороны — рост производственного потенциала петербургского предприятия. Сделан вывод, что банкротство С. И. Мамонтова не столько отразило отсутствие будущего у возглавляемых им промышленных и транспортных фирм, сколько показало несоответствие используемой инвестиционной и административной модели ведения семейного дела масштабу стоявших перед ключевым собственником технико-технологических и управленческих задач.

Ключевые слова:
С. И. Мамонтов; Невский завод; акционерная компания; машиностроение; железнодорожный транспорт; судостроение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An analysis of the activities of the Nevsky Plant under the leadership of S. I. Mamontov in the 1890s. The aim of the study is to determine the effectiveness of family control over an industrial business focused on the production for various transport purposes. For the first time, with the involvement of archival materials, a description of the joint work of S. I. Mamontov, his relatives and business partners on the implementation of an extensive infrastructure project is given. Particular attention is paid to the functioning effectiveness of the Nevsky Plant Partnership in its various organizational forms, production and financial situations. The ability of the key owner to coordinate his interests with the tasks of the development of a large company for any foreseeable future is considered. It is shown that the results of the Nevsky Plant activities in the 1890s were contradictory. It is followed by the ruin of its largest shareholder, on the one hand, the growth of the production potential of the St. Petersburg enterprise on the other hand. It is concluded that the bankruptcy of S. I. Mamontov not so much reflected the lack of a future for the industrial and transport companies he headed, but rather showed the discrepancy between the investment and administrative model of family business used and the scale of the technical, technological and managerial tasks facing the key owner.

Key words:
S. I. Mamontov; Nevsky Plant; joint-stock company; mechanical engineering; railway transport; shipbuilding.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 929Мамонтов+94:334.722.8(470.23-25)“189/190”

С. И. Мамонтов и деятельность Товарищества Невского завода в конце XIX века

© Барышников М. Н., 2022

1. Введение = Introduction

История Невского завода вызывает интерес у отечественных исследователей. В значительной мере обращение к данному сюжету было связано с изучением места Государственного банка в поддержке переживавших кризисные ситуации промышленных компаний, а также анализом деловых операций, произведенных С. И. Мамонтовым в последнее десятилетие XIX века [Гиндин, 1960; Гиндин, 1980; Бовыкин, 1984; Гудкова, 2002; Теребов, 2008; Лебедев, 2018]. В частности, в литературе высказывалось мнение о противоречивости итогов участия этого предпринимателя в управлении семейным бизнесом. Вместе с тем анализ деятельности петербургского предприятия уступал по значимости изучению другого фамильного начинания Мамонтовых — строительства железной дороги между Москвой и Архангельском. Тем актуальнее представляется рассмотрение результатов работы завода в 1890-е годы, совпавших с разорением Мамонтова и переходом предприятия под контроль Государственного банка. Сошлемся на имеющуюся оценку, согласно которой в стремлении совместить обширную меценатскую деятельность с масштабными финансовыми операциями этот человек «до конца не осознавал всю сложность поставленной задачи», в результате чего интуиция «предприимчивому дельцу явно изменила, и он не рассчитал своих возможностей» [Боханов, 1989, с. 154—155].

Целью исследования выступает определение эффективности семейного контроля над обширным промышленным делом, включавшим целый ряд деловых начинаний различной отраслевой принадлежности (металлургия, паровозо- и судостроение, транспортное сообщение). В частности, вопрос ставится о способности ключевого собственника согласовывать свои интересы с задачами развития крупного предприятия на сколько-нибудь обозримую перспективу. Применительно к достаточно сложному процессу централизации и обобществления капитала в России [Шепелев, 2006, с. 13] итоги функционирования Невского завода представляют особый интерес. Речь идет о перспективах, вслед за кризисной ситуацией 1880-х годов [Барышников, 2020], его дальнейшей успешной работы в форме акционерного предприятия. Сохранение корпорацией в начале XX века по-

CC BY

зиций одной из ведущих в сфере выпуска технологически емкой для своего времени продукции гражданского и военного назначения свидетельствовало, помимо достигнутого баланса между интересами акционеров и правительственных чиновников, о наличии масштабных инвестиционных и технологических решений [Барышников, 2019(а); Барышников, 2019(б)], к реализации которых столь последовательно, в меру своих сил и способностей, стремились С. И. Мамонтов и его деловые партнеры в 1890-е годы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Среди использованных источников ключевое место занимают три группы документов Российского государственного исторического архива, относящиеся к деятельности завода (Ф. 23 — Министерство торговли и промышленности), транспортным операциям (Ф. 97 — Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства) и финансовому надзору (Ф. 588 — Петроградская контора Государственного банка Министерства финансов). Большую группу источников составляют статистические материалы корпоративной (отчеты компании) и официальной (ежегодно публикуемые сведения о российской промышленности) принадлежности, а также уставные документы предприятия. Методология исследования имеет междисциплинарный характер. Сравнительный анализ личностных аспектов поведения С. И. Мамонтова и его деловых партнеров дополнен изучением производственных и финансовых результатов функционирования Невского завода. Сочетание проблемно-хронологического и структурно-функциональных методов позволяет выявить направленность развития обширного промышленного и транспортного дела в целостный для его истории период — 1890-е годы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Учреждение Московского товарищества Невского механического завода

В апреле 1888 года в связи с неплатежами процентов по облигациям 1-го выпуска, размещенным в Германии, Невский завод, действовавший с 1870 года в виде акционерного Русского общества механических и горных заводов (РОМГЗ), был признан несостоятельным [РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 548, л. 11]. Попытки согласовать позиции заинтересованных сторон (правительственные чиновники, акционеры и держатели облигаций) оказались тщетными. Учрежденное конкурсное управление в течение последующих четырех месяцев завершило работы по имевшимся обязательствам, после чего деятельность предприятия была окончательно остановлена [Исторический …, 1910, с. 7].

CC BY

Судьба некогда одного из крупнейших российских предприятий, размещавшегося с конца 1850-х годов под Петербургом, на седьмой версте Шлиссельбургского тракта, определилась через два года. В июле 1890 года был подготовлен проект создания новой компании, получившей название Московское товарищество Невского механического завода (МТНМЗ). Приобретателями промышленного дела выступили московские предприниматели Савва, Анатолий, Николай Иванович и Иван Федорович Мамонтовы, а также их деловой партнер Михаил Михайлович Горбов. Формально покупателем завода являлся петербургский инженер Валериан Александрович Титов, имевший ранее деловые отношения с Мамонтовыми. 14 августа 1890 года предприятие было приобретено им за объявленную на аукционных торгах цену в 691 тыс. руб., из которых недвижимое имущество составило 499 тыс., движимое — 192 тыс. руб. По достигнутому затем с германскими держателями облигаций соглашению вся сумма пошла на погашение долгов по 1-му займу.

Интересы Мамонтовых были связаны в первую очередь с железнодорожным делом (к этому времени предполагалось значительно увеличить протяженность путей Московско-Ярославской дороги, правление которой возглавлял Савва Иванович), что в значительной мере определило готовность семьи приобрести Невский завод как одно из ведущих предприятий в сфере транспортного машиностроения. Примечательным выглядел процесс согласования между собственниками и правительственными чиновниками организационной структуры будущей компании. Переговоры длились всю вторую половину 1890 года и завершились утверждением устава Товарищества императором Александром III 19 января 1891 года.

В отличие от РОМГЗ, которая действовала как открытая, публичная корпорация (имела, в частности, наблюдательный совет и достаточно демократичную, в 100 руб., стоимость акций), деятельность МТНМЗ обретала характер закрытой, семейной по своему облику компании. Заметим, что данная особенность наложит впоследствии отпечаток на результативность ее функционирования как в финансовом, так и организационном плане. На первом этапе, в июле 1890 года, Мамонтовы предполагали сформировать уставной капитал в размере 2 250 000 руб., который полностью сосредотачивался в руках учредителей: 1 500 000 руб. в виде 300 именных паев по 5 тыс. руб., остальные 750 тыс. руб. в виде облигаций. Первой суммой учредители уже располагали. Целью выпуска облигаций заявлялась необходимость увеличения «по мере надобности» оборотных средств. Поэтому, как отмечали собственники, «означенные облигации мы полагали бы оставить все за собой с тем, чтобы выпускать их в публичную продажу только постепенно, по мере того как усиление заказов, развитие деятельности за-

CC BY

вода, а вместе с тем и увеличение денежных оборотов укажут в том необходимость» [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 2]. Однако вслед за покупкой завода и оценкой его активов Мамонтовы решили сохранить за собой только паевый капитал в 1,5 млн руб., с возможностью его последующего увеличения при условии «преимущественного права на приобретение» дополнительных паев учредителями. Как покажут дальнейшие события, владельцы Товарищества стали использовать для пополнения оборотных средств прежде всего облигационные займы со всеми вытекающими отсюда, в том числе при взаимоотношении с правительственными и частными кредитными учреждениями, последствиями.

Другим важным решением стало согласованное положение о структуре правления, местом размещения которого был назначен Петербург. Вначале предполагалось, что среди трех избранных пайщиками директоров один будет наделяться на общем собрании правами директора-распорядителя и председателя правления. Однако позже, по инициативе С. И. Мамонтова (ему принадлежало более трети всех паев), принимается решение об избрании председателя и директора распорядителя голосами самих директоров. Отметим также позицию устава, касавшуюся общих собраний. Речь шла о недопущении консолидации акций в руках отдельных лиц. Первоначально было заявлено, что более десяти голосов по своим паям и столько же по доверенностям «никто иметь не может». Одновременно среди собственников вводилась жесткая дифференциация по объему полномочий на общих собраниях: если один пай давал право на один голос, то три пая — на два голоса, пять — три голоса, и затем каждые пять паев прибавляли по одному голосу. Остается добавить, что в конечном варианте устава, при сохранении различий среди пайщиков по числу голосов, было снято ограничение по их общему количеству, которое могло предъявить одно лицо на общем собрании [Проект …, 1890; Устав …, 1895]. Созданный механизм работы правления и общих собраний собственников, в полной мере отвечавший интересам С. И. Мамонтова как крупнейшего собственника (в том числе при обращении к тем или иным инвестиционным источникам), обернется целым рядом проблем хозяйственного и организационного характера.

19 февраля 1891 года состоялось первое общее собрание собственников МТНМЗ, на котором присутствовало 11 пайщиков, включая пятерых представителей семейного клана Мамонтовых во главе с Саввой Ивановичем [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 37]. Последним принадлежало более ⅔ всех паев. Присутствующими принимается решение о покупке Невского завода за 1,5 млн руб., в том числе недвижимого имущества — 1 051 962 руб., движимого — 448 037 руб. Прежний владелец В. А. Титов (как отмечалось выше, купивший предприятие за 691 тыс. руб.) был избран директором-рас-

CC BY

порядителем, что по-своему стало первой серьезной ошибкой С. И. Мамонтова. Титов, не имевший опыта руководства крупным промышленным делом, вряд ли мог определить для компании сколько-нибудь реальную перспективу для развития. Отметим также решение пайщиков о пополнении оборотного капитала путем выпуска 6 % облигационного займа на 750 тыс. руб. Данное решение объяснялось в первую очередь задачами модернизации завода, в том числе необходимостью приобретения оборудования, требовавшегося для замены выпуска кузнечных изделий производством стальных отливок. Вслед за этим собственники договорились направить значительные средства на постройку двух мартеновских печей.

3.2. Развитие операций Товарищества в 1891—1894 годах

В 1891 году компании удалось получить первые заказы, в том числе на постройку нескольких 8 и 6-колесных паровозов, а также запчастей к ним и паровых котлов [Исторический …, 1910, с. 8]. За первые 16 месяцев работы балансовая стоимость произведенной продукции составила 1,669 млн руб. При этом чистая прибыль оказалась весьма скромной — 43 тыс. руб. Ее «незначительность» объяснялась В. А. Титовым малым количеством заказов. Вместе с тем, по его уверениям, к сентябрю 1892 года условия деятельности завода «совершенно изменились». Речь шла о том, что к этому времени заказов поступило столько, что работа предприятия была обеспечена до конца 1893 года. Выбранная В. А. Титовым формулировка во многом объяснялась желанием директора МТНМЗ осуществить в условиях значительных затрат на открытие при предприятии сталелитейного производства выпуск дополнительных 3 тыс. облигаций [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 39].

Вопрос об источниках инвестиций был поднят на собрании собственников еще в апреле 1892 года. Тогда же решили «озаботиться приисканием средств» для увеличения уставного и оборотного капиталов путем «наиболее выгодным для интересов» Товарищества. В связи с этим была названа сумма дополнительных средств, необходимых для дальнейшей модернизации предприятия (прежде всего в сфере паровозостроения), — 290,3 тыс. руб. Ориентируясь на внешние источники заимствований, в том числе поддержку Государственного банка, предполагалось развивать в первую очередь собственное прокатное производство, что позволило бы значительно сократить соответствующие расходы по внешним заказам. С другой стороны, была достигнута договоренность об оптимизации расходной части, в том числе путем соблюдения более «строгих норм» при определении заработков рабочих. Принятые решения получили поддержку всех присутствующих пайщиков — С. И., А. И. и Ю. А. Мамонтовых, В. А. Титова, М. М. Горбова, И. А. Игнатьева и В. Н. Печковского [Там же, л. 44—45].

CC BY

Отметим, что первые годы функционирования корпорации свидетельствовали о стремлении Мамонтовых к диверсификации производства, в том числе при определении соотношения заказов правительственных учреждений и частных фирм. В 1892 году вслед за принятым решением о размещении в 1893 году второго выпуска шестипроцентных облигаций на 750 тыс. руб. (по этому поводу руководство МТНМЗ сумело войти в соглашение с «некоторыми французскими капиталистами» [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 72]) Товарищество приступает к реализации 21 крупного контракта на общую сумму 6,073 млн руб. В значительной мере действия руководства компании оказались связаны с избранием в правление инженера-механика М. О. Альберта, по кандидатуре которого (в отличие от В. А. Титова) оказалось возможным согласовать интересы ключевых собственников — С. И. Мамонтова, Д. П. Кандаурова и В. Н. Печковского. Эти три пайщика имели широкие связи в среде владельцев частных железнодорожных компаний, что в немалой степени способствовало получению корпорацией новых заказов на профильную продукцию. Заметим, что набиравший административный вес М. О. Альберт (с 1897 года — директор-распорядитель) достаточно скептически относился к роли других директоров в руководстве предприятием. В частности, это касалось И. Ф. Мамонтова, племянника Саввы Ивановича, которого М. О. Альберт оценивал как «ничего в делах завода не понимавшего», а также И. А. Игнатьева — «почти никогда на заводе не бывавшего» [Процесс …, 1901, с. 9]. Тем не менее по результатам первых согласованных решений директорам удалось заключить договоры с правлениями Общества Рязанско-Уральской железной дороги на поставку 60 паровозов, Юго-Западных железных дорог — 27 паровозов и 15 тендеров, Курско-Киевской дороги — 20 паровозов, Московско-Курской — 16 паровозов, Московско-Ярославской — 6 паровозов, а также с Временным управлением казенных железных дорог на производство 20 паровозов.

Стремление к форсированному наращиванию объемов производства объяснялось, помимо прочего, растущей конкуренцией. В 1892 году паровозостроение становится одним из направлений работы другой крупной отечественной корпорации — Общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. В данной ситуации Мамонтовы решили максимально способствовать развитию еще одной сферы деятельности МТНМЗ — судостроения, которое представлялось чрезвычайно перспективным с точки зрения не только диверсификации операций, но и реализации стратегических целей инфраструктурной направленности. В том же году были согласованы контракты с Главным управлением кораблестроения и снабжения на возведение ледокольного парохода «Могучий», корвета «Моряк» и парового оборудования для парохода «Отваж-

CC BY

ный» [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 47—48]. Особенно значимым явился казенный заказ на постройку 10 миноносцев, подписанный в феврале 1894 году, на общую сумму 1,66 млн руб. [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 525, л. 4]. Кроме того, помимо изготовления паровозов, для частных предприятий продолжали выпускаться листовое и сортовое (круглое, квадратное, угловое) железо и листовая сталь, а также различные изделия из металла для нужд железнодорожных и пароходных фирм.

Следует подчеркнуть, что рост масштабов операций МТНМЗ сопровождался выделением крупных средств на модернизацию производства. Только за четыре года, с 1891 по 1894, балансовая стоимость активов компании выросла с 3,677 до 10,1 млн руб. В ходе выполнения разнообразных паровозо- и судостроительных заказов весь объем быстро растущей выручки использовался главным образом для инвестиций в основной капитал [Там же, л. 56, 132]. Вместе с тем по мере реализации все большего числа государственных и частных контрактов, имевших место в условиях ограниченного авансирования (до 50 %) и медлительности расчетов с казной, С. И. Мамонтов начинает вкладывать в промышленное дело значительно больше личных и партнерских (прежде всего по железнодорожному делу) средств [Исторический …, 1910, с. 9].

3.3. Переход к реализации Северного инфраструктурного проекта

К началу 1895 года С. И. Мамонтов направлял «огромные суммы» на технико-технологическое обновление предприятия (по подсчетам И. Ф. Гиндина, около 900 тыс. руб.) [Гиндин, 1980, с. 128], предполагая превратить МТНМЗ в главную производственную базу для планировавшейся к сооружению северной магистрали. С этой целью еще в июне 1894 года возглавляемая Мамонтовым акционерная компания Московско-Ярославской железной дороги переименовывается в Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги (ОМЯАЖД) [Теребов, 2008 с. 8]. За предыдущее десятилетие эта корпорация превратилась в высокодоходное транспортное дело, увеличив выручку на 31,3 %. По итогам 1894 года железная дорога получила чистой прибыли 2,957 млн руб., из которой учредителям и директорам правления (то есть тем же Мамонтовым и их деловым партнерам) было выдано 279,1 тыс. руб., еще 784,4 тыс. руб. перечислено в виде дивидендов. Кроме того, 1,488 млн руб. были направлены на выплаты по облигациям, большая часть которых (на 1 млн руб.) имела правительственную гарантию [Акционерное …, 1900, с. 1662—1663].

По сути, координация действий Невского завода с ОМЯАЖД, правление которого сумело добиться от Государственного банка значительной кредитной поддержки, должна была стать важной частью реализуемого масштабного Северного инфраструктурного проекта, ключевым элементом которого

CC BY

выступало строительство и функционирование железной дороги до Архангельска. Логичным в данном отношении становилось соединение последней с морскими путями, для чего планировалось укрепить деловое партнерство с Товариществом Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Результатом стало вхождение в состав собственников судоходной компании Саввы Мамонтова, его супруги Елизаветы Григорьевны, дочерей Веры и Александры, а также братьев Анатолия и Николая Ивановичей [РГИА, ф. 97, оп. 1, д. 78, л. 20]. Последний, решением собрания пайщиков, был избран кандидатом в члены правления. В марте 1898 года, вслед за постройкой ледокола «Ермак», при участии Мамонтовых правление пароходства подписало соглашение с правительством, в соответствии с которым взяло на себя «все хозяйственные распоряжения по содержанию, посредством ледокола, морских сообщений в Балтийском море, Санкт-Петербургском порте и Северном ледовитом океане» [Товарищество …, 1899, с. 19]. В будущем предполагалось использовать судно для развития прежде всего морских грузовых перевозок. По мнению члена правления судоходной компании вице-адмирала С. О. Макарова, необходимость передачи ей корабля объяснялась тем, что эксплуатация ледокола «ближе подходит» именно характеру функционирования пароходства, в том числе для осуществления рейсов до рек Обь и Енисей [РГИА, ф. 97, оп. 1, д. 78, л. 27].

Предполагалось, что Северный инфраструктурный проект Мамонтовых будет соответствовать перспективам развития Невского завода. Проблемной в данном случае выступала сохраняющаяся неурегулированность объемов использования технико-технологических и инвестиционных ресурсов двух основных сфер работы предприятия — строительства паровозов и морских судов. Если учитывать намерения Мамонтова сделать ставку на усиленный выпуск локомотивов, то бросалось в глаза сохранявшееся у МТНМЗ преобладание производственных мощностей металлургического отдела (в значительной мере задействованных на кооперацию с судостроительным отделом, использование финансовых ресурсов которого при выполнении казенных заказов исключало их перенаправление на посторонние цели) над соответствующими возможностями железнодорожного [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 132]. В целом ситуация с оборотными средствами паровозостроительного дела по своим последствиям становилась к середине 1890-х годов по настоящему критической для владельцев завода.

В числе причин, побуждавших С. И. Мамонтова к наступательным действиям на отечественном рынке паровозостроения, отметим также начавшийся выпуск локомотивов Путиловским заводом. В 1893 году по инициативе директора Н. И. Данилевского на этом предприятии возводятся новые корпуса с соответствующим оборудованием, в 1894 году выпу-

CC BY

скается первый паровоз [К столетию …, 1902, с. 22, 93]. Быстрый рост производственного потенциала завода, с выходом на уровень ежегодного строительства в 100—120 паровозов, представлялся серьезной угрозой для позиций МТНМЗ в северо-западном регионе России. В этой ситуации на работу МТНМЗ повлиял ряд событий, с одной стороны, обусловивших дальнейший рост масштабов предприятия, с другой — заметно осложнивших ситуацию с финансовым положением корпорации.

При уже достигшем 3 млн руб. долге компании по заказам Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги (как уже отмечалось, заводу не хватало оборотных средств для выполнения быстро растущего количества паровозостроительных контрактов) С. И. Мамонтов инициирует решение, согласно которому все дальнейшие договоры обеспечивались 100%-ной предоплатой со стороны Общества. «Совершенно произвольное субсидирование» в пользу МТНМЗ, как в дальнейшем оценивались последствия этого решения в ходе судебного разбирательства, сопровождалось включением в состав руководства завода близких к С. И. Мамонтову лиц: брата Николая, сына Всеволода и давнего партнера по железнодорожным делам К. Д. Арцыбушева. Результатом стала последующая разбалансировка в работе администрации, вызванная прежде всего напряженными отношениями между М. О. Альбертом и К. Д. Арцыбушевым. Последний, по словам Альберта, «почти живя на заводе, взял на себя распоряжение его устройством, дав предприятию в результате некоторые усовершенствования, но вместе с тем и причинив необдуманным ведением дела огромные убытки» [Процесс…, 1901, с. 9]. Остается добавить, что С. И. Мамонтов, фактически выступая крупнейшим собственником МТНМЗ, практически не контролировал работу правления. По его собственному признанию, о «состоянии Невского завода имел понятие весьма поверхностное, доверяя в этом отношении отзывам Арцыбушева и директора правления Товарищества завода Альберта, которые сообщали ему сведения благоприятные», в связи с чем «считал полезной денежную помощь заводу как должнику железной дороги и в этом смысле давал указания своим сыновьям и брату» [Там же, с. 24].

Действительно, каждый из членов правления по-своему результативно участвовал в управлении заводом, способствуя развитию его производственного потенциала применительно к конкретным направлениям работы (металлургия, паровозо- и судостроение). Однако в целом предпринимаемые усилия оказывались слабо согласованными, прежде всего в финансовом и организационном плане. Данное обстоятельство, с учетом интереса С. И. Мамонтова к выстраиванию межотраслевого объединения предприятий (очередным шагом на этом пути явилось учреждение в 1896 году Об-

CC BY

щества Восточно-Сибирских чугуноплавильных заводов), станет роковым с точки зрения эффективности функционирования промышленного дела в целом. Справедливости ради отметим, что надежды на последовательное развитие заводов связывались с благоприятными оценками перспектив развития ОМЯАЖД: за период с 1891 по 1896 годы цена 150-рублевых акций железной дороги взлетела на Петербургской бирже до 940 руб., Московской — 1 000 руб.; дивидендные выплаты составили 31 % на акцию [Статистика …, 1898, с. 173].

3.4. Вопрос об инвестициях и попытки реорганизации Товарищества Невского завода

В период с 1895 по 1899 годы объем средств, инвестированных в увеличение производственных мощностей МТНМЗ, достиг 10,2 млн руб. Эти огромные вложения были отчасти покрыты в 1895 году ссудой в 1,148 млн руб., выданной С. И. Мамонтовым, в 1896—1897 годах — гарантированным пайщиками займом в 4,7 млн руб., предоставленным в счет будущей дополнительной эмиссии и третьего выпуска облигаций [Исторический …, 1910, с. 10]. Увеличение долговых обязательств совпало с ростом интереса С. И. Мамонтова к театральной жизни. С 1896 года значительные суммы начинают выделяться на содержание Московской частной русской оперы.

3 января 1897 года последовало общее собрание собственников, ставшее рубежным в судьбе компании. Присутствовавшие восемь пайщиков, в том числе С. И. Мамонтов (133 пая), Н. И. Мамонтов (40), И. Ф. Мамонтов (30), В. С. Мамонтов (17), А. И. Мамонтов (11) и С. С. Мамонтов (10), Ю. А. Мамонтов (5), И. А. Игнатьев (5) и М. О. Альберт (4), пришли к соглашению о необходимости существенных изменений в деятельности МТНМЗ. В связи с этим на собрании была избрана особая комиссия в составе правления Товарищества и «наиболее заинтересованных пайщиков» в лице С. И., А. И., И. Ф. и В. С. Мамонтовых, М. О. Альберта и И. А. Игнатьева, которым было поручено выработать «основания» для преобразования Невского завода на «новых началах». Данное решение объяснялось необходимостью поставить предприятие по своему технико-технологическому оснащению и размерам оборотных средств на такую высоту, чтобы оно могло «успешно конкурировать с другими уже усилившимися заводами» в сфере поставок паровозов и морских судов [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 168].

Все пайщики сошлись во мнении о наличии «благоприятного момента» для изменений в работе завода. Речь шла о сохраняющемся увеличении числа как частных, так и казенных заказов. Однако при обсуждении перспектив развития предприятия, с учетом крайне напряженного положения с оборотными средствами, мнения разделились. Одни полагали, что более выгодным было бы выработать проект преобразований в производствен-

CC BY

ной и инвестиционной сферах совместно с «бельгийской группой капиталистов», другие, в том числе С. И. Мамонтов, отстаивали идею самостоятельного определения будущего Невского завода в «видах ограждения интересов Товарищества». Разногласия возникли также по вопросу о конкретных изменениях в финансово-организационной стороне дела: высказывались предложения либо ничего не менять, ограничившись увеличением паевого капитала Товарищества, либо преобразовать промышленное дело в открытое акционерное общество с соответствующим для него размером уставного капитала [Там же, л. 169].

Спустя десять дней, 15 января 1897 года, комиссия, учитывая имевшиеся годом ранее убытки в 393,4 тыс. руб. (возникшие на фоне масштабных расходов на модернизацию производства), сформулировала свое отношение к обсуждаемым вопросам. Возможность сотрудничества с группой бельгийских инвесторов в целях создания Русско-Бельгийского акционерного общества Невского судостроительного и механического завода была отвергнута, поскольку эта группа «не представляет никакой гарантии того, чтобы они в состоянии были осуществить какую-либо серьезную финансовую комбинацию» [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 525, л. 61]. Как позднее пояснял К. Д. Арцыбушев, неудача с бельгийским проектом была связана с кризисной ситуацией на Лондонской бирже, которую предполагалось использовать для эмиссионных операций [Процесс …, 1901, с. 61]. Вместе с тем безрезультатной оказалась попытка получить у Государственного банка кредит в 1 млн руб. (формально отказ объяснялся уже существующей задолженностью в 101 тыс. руб.) [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 525, л. 263]. В связи с этим С. И. Мамонтов предложил собственными силами осуществить изменения в финансовой и организационной структуре компании, преобразовав ее в акционерное общество с сопутствующим увеличением уставного капитала до таких размеров, чтобы можно было погасить имевшиеся долги и «поставить Невские заводы (то есть все направления работ: паровозостроительное, судостроительное и металлургическое производство. — *М. Б.*) на надлежащую высоту в смысле технического оборудования и оборотных средств» [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 170б]. Это решение, связанное, как уже ранее отмечалось, с интересом Мамонтова к использованию партнерских средств и внутренних ресурсов семейного бизнеса в качестве основного источника развития Невского завода, станет драматичным не только для самого ключевого собственника, но и для возглавляемых им компаний.

Речь шла о создании акционерного общества с уставным капиталом 7,5 млн руб. По результатам обсуждения было решено предоставить пайщикам преимущественное право на приобретение по их желанию акций в виде именных или на предъявителя (нарицательной стоимостью

CC BY

в 225 руб.) пропорционально имевшемуся у них количеству паев. В связи с этим пояснялось, что прежде использовавшиеся «именные паи крупного номинального достоинства представляют серьезные неудобства» для потенциальных инвесторов [Там же, л. 253]. Правом голоса планировалось наделять при наличии 25 акций. Директора обязывались вносить в залог 100 акций, директор-распорядитель — 150 акций. Кроме того, предполагался дополнительный выпуск облигаций, с тем чтобы их общий размер не превышал ⅔ уставного капитала.

21 января последовала реакция правительственных чиновников, согласие которых необходимо было получить на переформулированные положения устава. Большинство предложенных собственниками МТНМЗ изменений были приняты, за исключением двух ключевых для Мамонтовых: последовал отказ на преобразование Невского завода из товарищества на паях в акционерное общество, а также на заявленный объем третьего выпуска облигаций (было отмечено, что их общая численность не должна превышать половины уставного капитала). В итоге главным результатом преобразований явилась проведенная в 1898 году дополнительная эмиссия на 6 млн руб., которой был покрыт долг Товарищества по прежней ссуде и займу (использованным на «усиление оборудования завода»), а также реализованный в том же году третий 5%-ный облигационный заем на 2,250 млн руб., позволивший отчасти пополнить оборотные средства [РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 548, л. 11]. Помимо этого, Мамонтовым удалось настоять на изменениях в названии Товарищества: было удалено слово «Московское» и добавлено «Судостроительный» (в последнем случае пайщики признали возрастающую значимость судостроительных работ, достигших 4,256 млн руб.), в результате чего компания стала именоваться Товариществом Невского судостроительного и механического завода (ТНСМЗ) [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 230].

3.5. Кризисная ситуация в компании (1897—1898)

В конце XIX века по количеству изготовленных паровозов Невский завод числился среди лидеров в своей отрасли, занимая второе место (после Коломенского завода) по объему выпущенной за предшествующее тридцатилетие продукции [Иванов, 1920, с. 4]. В 1897 году, получив от Управления казенных железных дорог заказ на 180 паровозов стоимостью 5,715 млн руб. [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 525, л. 61], правление ТНСМЗ приступило к общей масштабной реконструкции завода, сопровождавшейся переоборудованием чугунолитейного и сталелитейного цехов, введением нового для того времени бессемеровского производства для замены поковок стальным литьем, постройкой новых эллингов и электростанции, переоборудованием прокатного цеха. Одновременно был отстранен от управленческой деятельности К. Д. Арцыбушев, что, впрочем, не помешало ему

CC BY

продолжить работу вместе с Саввой (председателем) и Николаем Ивановичами Мамонтовыми в правлении ОМЯАЖД.

Проблемы с управляемостью промышленным и транспортным делом дополнялись ключевой ролью ряда родственников С. И. Мамонтова, прежде всего сыновей Сергея и Всеволода, в реализации денежно-кредитного направления операций компаний. Что касается М. О. Альберта, то в начале 1899 года он настоял на приглашении на должность управляющего Невским заводом инженера-механика И. И. Гиппиуса, которому было поручено возглавить строительство корабельного и пароходно-механического цехов, а также новых металлических эллингов. К этому времени компания смогла получить заказов Морского ведомства и Управления казенных и Сибирской железных дорог на 15 млн руб. [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 278; Исторический …, 1910, с. 10]. Только за три года, с 1896 по 1898 годы, балансовая стоимость активов увеличилась с 13,3 до 21 млн руб. За это же время рентабельность уставного капитала (7,5 млн руб. = 300 именных паев по 5 000 руб., 24 000 именных и на предъявителя паев по 250 руб.) выросла с 3,3 до 6,8 %, активов — с 1,9 до 2,4 % [РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 84, л. 278; Отчет…, 1899, с. 4]. Заметим, что в числе кредиторов компании состояли те же банкирские дома: «Г. Вавельберг», «Братья Джамгаровы», «Э. М. Мейер и К°» и «И. В. Юнкер и К°», — которые выступали финансовыми партнерами Путиловских заводов — конкурентов Невского завода [Там же, оп. 25, д. 565, л. 28—32].

Начало функционирования Товарищества в обновленном формате сопровождалось выплатой по итогам 1898 года первого дивиденда в 6 %. Главными кредиторами предприятия являлись Русский для внешней торговли банк (за упомянутые годы объем предоставленных им средств увеличился с 290,2 до 902,8 тыс. руб.) и банкирский дом Г. Вавельберга (соответствующая сумма достигла 718,4 тыс. руб.). Впрочем, сотрудничество с банкирским домом руководство ТНСМЗ оценивало как «крайне невыгодное» по величине уплачиваемых процентов [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 528, л. 185—189]. В это же время долг Петербургскому учетному и ссудному банку удалось уменьшить с 282,6 до 56,8 тыс. руб., Государственному банку — с 318,9 до 16,8 тыс. руб. В целом благополучное, как казалось Мамонтовым, положение Товарищества благоприятствовало реализации ряда социальных инициатив. Владельцы ТНСМЗ предоставляли значительные средства на образовательные и медицинские цели. При заводе функционировала аптека, больница со стационарным и амбулаторным отделениями, а также школа для детей рабочих и служащих, где к 1897 году получали начальное образование 79 мальчиков и 19 девочек. Позднее, с 1901 года, в связи с резким увеличением числа поступающих, была введена двухсменная система обучения,

CC BY

рассчитанная на 600 школьников. Помимо этого, компанией выплачивались пенсии 78 бывшим работникам завода на общую сумму 12 841 руб. (к 1 января 1899 года их размер варьировался от 36 до весомых 420 руб. в год) [Отчет …, 1896, с. 36—37; Отчет …, 1899, с. 14—20].

С учетом растущей конкуренции на отечественном рынке паровозостроения правление ТНСМЗ продолжало направлять значительные средства на развитие производственных мощностей предприятия. Нередко по личному распоряжению С. И. Мамонтова необходимые суммы снимались со счетов Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, открытых в Русском для внешней торговли банке и банкирском доме «И. В. Юнкер и К°». 10 июля 1898 года Управление казенных железных дорог выдало Невскому заводу очередной заказ — на 45 паровозов с тендерами. Спустя неделю с Морским министерством заключается контракт на строительство 10 эскадренных миноносцев по 350 тонн водоизмещения каждый на общую сумму 4 933 400 руб. [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 528, л. 31, 34]. Еще через три дня, 20 июля, с учетом отсутствия у Товарищества свободных оборотных средств часть его долга железной дороге в размере 6 млн руб. была переведена на Савву и Николая Ивановичей Мамонтовых. Одновременно им был открыт кредит у ОМЯАЖД, в обеспечение которого были приняты паи ТНСМЗ по нарицательной стоимости 6 млн руб. (из них на 3,5 млн руб., принадлежавших Савве, 2,5 млн — Николаю), фактически уже не имевшие к тому времени заявленной ценности.

На фоне этих событий ОМЯАЖД завершает возведение железной дороги. В 1898 году открывается регулярное грузовое и пассажирское сообщение между Вологдой и Архангельском. Строительство дороги одновременно с проведенными работами по углублению фарватеров позволили за восьмилетие (с 1894 по 1901 годы) увеличить грузооборот Архангельского порта с 304,7 до 560,5 тыс. тонн [РГИА, ф. 97, оп. 1, д. 143, л. 129]. По итогам того же 1898 года Невским заводом были изготовлены 111 паровозов и мощный паровой кран, а также выполнены заказы на железо и сталь в объеме 570 тыс. пудов, различные изделия из металла — 62,8 тыс. пудов [Попов, 1899, с. 96]. Предприятием выпускались также товарные вагоны, платформы и другая продукция железнодорожного профиля. Однако за внешне результативными операциями Мамонтовых крылось одно немаловажное обстоятельство: при отсутствии крупных внешних инвесторов развитие Невского завода во все большей степени обеспечивалось средствами партнерской компании — Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Как ранее было отмечено, новые паи ТНСМЗ не были реализованы и при посредничестве С. И. и Н. И. Мамонтовых оказались в залоге у железной дороги, фактически принадлежавшей тем же Мамонтовым. Из капита-

CC BY

лов ОМЯАЖД продолжали черпаться средства для расширения Невского завода как до формального увеличения его уставного капитала, так и после его увеличения до 7,5 млн руб. Эти же капиталы служили источником финансирования еще нескольких предприятий Мамонтовых: уже упомянутого Общества Восточно-Сибирских чугуноплавильных и железоделательных заводов, а также Московского акционерного общества вагоностроительного завода, Северного лесопромышленного общества, Зыряновского горнопромышленного общества в южном Алтае и Северного домостроительного общества в Москве [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 528, л. 39; Гиндин, 1980, с. 128].

В начале 1898 года, когда В. С. Мамонтов напомнил отцу о постоянно растущем долге Невского завода железной дороге, С. И. Мамонтов схватился за голову и, едва не лишившись чувств, произнес: «Меня это губит». Вскоре последовала очередная попытка стабилизировать финансовую ситуацию в семейном деле. От Петербургского международного коммерческого банка С. И. Мамонтов получает под залог принадлежавших ему и его родственникам акций ОМЯАЖД, а также соло-векселей ссуду в 3 млн руб. сроком на 9 месяцев. Вслед за этим, в связи с ее невозвращением в установленный срок, все ценные бумаги, находившиеся в залоге, перешли в портфель банка. По сути, происходившие события грозили Мамонтову банкротством. Позже, уже в ходе судебного процесса по делу о «хищениях и растратах» в ОМЯАЖД, Мамонтов высказал мнение, согласно которому директор банка А. Ю. Ротштейн предложил ему эту ссуду с тем, чтобы поймать в ловушку, поскольку главе кредитного учреждения «не могло не быть известно, что он, Мамонтов, так затянулся средствами в делах Невского завода, что денег для выкупа акций, то есть 3 млн руб., у него никогда не будет» [Бовыкин, 1984, с. 260]. В свою очередь адвокат подсудимого Ф. Н. Плевако заявил по поводу царивших в среде деловых партнеров отношений: «Вместо того, чтобы дело уголовное заводить, следовало отправить в губернское правление заявление о принятии мер по случаю крайнего слабоумия главных акционеров», избравших С. И. Мамонтова председателем правления железной дороги [Там же, с. 261].

3.6. Установление правительственного контроля над Невским заводом

Крайняя запутанность финансовой и организационной составляющих деятельности Мамонтовых сопровождалась при полной пассивности, если не сказать равнодушии прочих акционеров, преимущественно неформальным характером взаимодействия директоров при решении тех или иных вопросов функционирования компаний. В качестве примера сошлемся на события февраля 1899 года, когда члены правления ТНСМЗ санкционировали (в действительности по личной просьбе С. И. Мамонтова) разме-

CC BY

щение на счете М. О. Альберта в банкирском доме Г. Вавельберга облигаций третьего выпуска на огромную сумму в 2,25 млн руб. Вслед за этим Альберт перевел С. И. Мамонтову в Москву через Русский для внешней торговли банк наличными 70 тыс. руб. В свою очередь Мамонтов передал Альберту в «полное распоряжение» 40 паев на 200 тыс. руб., что должно было компенсировать его усилия. В конечном счете после ряда подобных операций выявилась, к крайнему негодованию Альберта, его задолженность Товариществу в размере 110 тыс. руб. [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 529, л. 13, 18—20]. В это же время интересы С. И. Мамонтов находят отражение в предоставлении значительных средств на издание журнала «Мир искусства» и газеты «Россия», а также направлении несколько десятков тысяч рублей в фонд музея Изящных искусств в Москве.

К июлю 1899 года положение в семейном бизнесе Мамонтовых приобретает крайне сложный характер. Одновременно с получением ТНСМЗ очередного заказа — на 33 паровоза стоимостью 525 450 руб. [Там же, д. 528, л. 275] — в кассе Общества Московско-Ярославско-Архангельской дороги обнаружилась недостача на сумму свыше 10 млн руб. Одна часть этой суммы, фактически потраченной С. И. и Н. И. Мамонтовыми на «поддержание» ТНСМЗ, была обеспечена именными паями Товарищества на 1,055 млн руб. и предъявительскими на 6 млн руб., другая, в 3 млн руб. — соло-векселями правления Невского завода [РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 548, л. 12]. В свою очередь ОМЯАЖД оказалось должным по кредитам Петербургскому отделению Государственного банка 5 млн руб., Петербургскому международному коммерческому банку — 3,317 млн руб., Московскому купеческому обществу взаимного кредита — 1 млн руб., еще по 500 тыс. руб. — петербургскому Русскому для внешней торговли банку и Московскому учетному банку (с учетом 6 % выплат петербургским банкам, 7 % — московским).

С целью недопущения срывов при выполнении имеющихся заказов, по испрошенному С. Ю. Витте высочайшему повелению, 23 июля 1899 года последовало постановление о возложении на Министерство финансов полномочий по «наблюдению» за работой Невского завода. Вслед за этим под председательством Витте было образовано Особое совещание в составе нескольких министров (финансов, морского, путей сообщения, юстиции), а также государственного контролера, которыми принимается решение об осуществлении ряда мер в целях обеспечения дальнейшей деятельности ТНСМЗ. Данное событие сопровождалось получением тревожных сведений: к сентябрю 1899 года долг завода железной дороге составил свыше 2,5 млн руб., не считая процентов. ТНСМЗ выдало ОМЯАЖД векселей обеспечения этого долга на 3,777 млн руб. Касса Невского завода была пуста, финансовые перспективы его дальнейшего функционирования требовали согласованных

CC BY

решений нескольких заинтересованных сторон: собственников, кредиторов, правительственных чиновников [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 528, л. 81].

В данном отношении весьма странным по своей поспешности выглядело требование явившегося к С. И. Мамонтову судебного исполнителя о немедленном внесении в кассу железной дороги более 700 тыс. руб. (у владельца нескольких крупных корпораций оказалось при себе лишь 53 рубля), в то время как при возможном досудебном решении о реализации его личного имущества можно было получить 2,66 млн руб. [Боханов, 1989, с. 158]. Своеобразие ситуации заключалась и в том, что производственные показатели Невского завода по итогам 1899 года выглядели вполне весомыми: было изготовлено 117 паровозов, еще 120 находились «в постройке». «В возведении» находились также 13 миноносцев типа «Сокол», 10 эскадренных миноносцев водоизмещением по 350 тонн, 5 миноносцев типа «Циклон», 2 крейсера 2-го ранга по 2 000 тонн. Кроме того, произведено стали в болванках — 650 тыс. пудов, сортовой и листовой — 465 тыс. пудов [Статистика …, 1901, с. 159].

Летом 1899 года на фоне результативных в целом показателей функционирования промышленных и транспортных предприятий семейного дела С. И. Мамонтов окончательно утрачивает над ними контроль. 9 сентября того же года на экстренном собрании пайщиков Невского завода, которое проходило в помещении правления в Петербурге (набережная Екатерининского канала, 14), последовали перевыборы правления. Заседание завершилось определением нового баланса интересов как в составе собственников, так и между ними и правительственными чиновниками. Пост директора-распорядителя сохранил М. О. Альберт. Удаление его (досконально знающего положение дел в корпорации) из числа руководителей могло бы явиться, по мнению управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске, большой «ошибкой». Вместе с тем в должности директоров правления, по предложению С. Ю. Витте и Э. Д. Плеске, были введены несколько высокопоставленных чиновников. Как пояснял Витте, государственная поддержка Невского завода «обязывает правительство установить ближайшее наблюдение за ходом дел», которое «лучше всего» достигается за счет назначения в состав правления представителей Министерства финансов. Хотя, пояснял Витте, подобное совмещение государственной службы с занятием должностей в частных компаниях воспрещено по закону, тем не менее в «интересах» Государственного банка и такого крупного предприятия, как Невский завод, отступление от закона вполне допустимо в силу существующей «целесообразности» [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 529, л. 2]. В состав правления ТНСМЗ были введены директор Департамента таможенных сборов, тайный советник Н. И. Белюстин, «практически изучивший

CC BY

заводское дело во время казенного управления Мальцовскими заводами», и член Комитета Управления железных дорог от Министерства финансов А. К. фон Дрейер. Последнему, человеку чрезвычайно энергичному и деятельному, гордившемуся тем, что его предки обосновались в России еще в царствование Екатерины II, суждено будет сыграть в дальнейшей судьбе компании важную роль [РГИА, ф. 23, оп. 2, д. 1455, л. 47]. Кандидатами в члены правления стали: от пайщиков — купец, потомственный почетный гражданин Г. И. Ягодин, от Государственного банка — старший контролер А. А. Калашников (каждый из них приобрел по 80 паев на 20 тыс. руб.).

По решению Особого совещания Государственный банк выкупил у Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги обесцененные паи Невского завода по цене 30 % от номинала за 2,2 млн руб. Надежды на участие Петербургского международного коммерческого банка в «оздоровлении» ТНСМЗ не оправдались в силу огромных средств, которые необходимо было с этой целью потратить: помимо 2,2 млн руб., требовалось 5,6 млн руб. для погашения долгов, выкупа облигаций и завершения капитального строительства [Гиндин, 1980, с. 130]. В результате Петербургская контора Государственного банка (в лице ее директора С. С. Сольского) приобрела 284 именных паев и 23 520 паев на предъявителя, то есть фактически стала владельцем предприятия, хотя в формальном плане оно продолжало оставаться частным. В принципиальном плане С. Ю. Витте полагал, что в «общегосударственных интересах наиболее желательным было бы продать завод в руки частных капиталистов» [РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 529, л. 41, 216], однако попытка реализовать эту идею в практическом плане оказалась невыполнимой. Очередное обращение к Петербургскому международному коммерческому банку с целью посреднических услуг не встретило у последнего сколько-нибудь заметного энтузиазма. Подобное отношение представлялось вполне объяснимым, учитывая распространявшиеся в заграничных финансовых кругах слухи об уже имевшихся огромных убытках банка в предприятиях Мамонтова. Высказывалось даже мнение, что на этом кредитном учреждении, руководители которого «потеряли авторитет как в России, так и в не ее», «можно поставить крест с точки зрения как материальной, так и моральной, ибо дирекция ничего из себя не представляет» [Россия …, 1996, с. 245]. По крайней мере, применительно к России эти суждения были не беспочвенны, если принять во внимание, с одной стороны, симпатии столичных общественных кругов в пользу Мамонтова, с другой — сильное раздражение Витте итогами участия банка в мамонтовском деле [Лебедев, 2003, с. 130—131, 397].

В феврале 1900 года общее собрание акционеров ОМЯАЖД дало согласие на выкуп железной дороги в казну (1 апреля перешла к государ-

CC BY

ству) [Теребов, 2008, с. 13]. Вместе с тем Мамонтовым удалось сохранить присутствие в составе частных собственников Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства (крупнейшим пайщиком в нем выступало Министерство финансов) [РГИА, ф. 97, оп. 1, д. 122, л. 5—6]. 23 июня того же года в Московском окружном суде начался уголовный процесс по делу о «крупных растратах и многочисленных злоупотреблениях» в транспортной компании. В итоге присяжные сочли доказанным лишь обвинение в том, что члены правления железной дороги с 1895 по 1899 годы, сознательно нарушая доверие акционеров, передали Невскому заводу более 9 млн руб., из которых 6 млн были переведены на С. И. и Н. И. Мамонтовых в виде долга. Вместе с тем обвинение в корыстном присвоении этих средств С. И. Мамонтовым и его деловыми партнерами было отвергнуто [Процесс …, 1901, с. 168—169]. Факт того, что за период с 1891 по 1899 годы масштабные инвестиции в основной капитал позволили увеличить производственный потенциал предприятия в его балансовой стоимости с 1,649 до 10,2 млн руб. (примерно эту же сумму признавали в качестве расходов на модернизацию завода правительственные чиновники) [РГИА, ф. 23, оп. 14, д. 548, л. 1—2], никак не вписывался в трактовку соответствующих «растрат», приписываемых Мамонтовым. Суд вынес резолюцию, которой постановил считать С. И. Мамонтова, его родственников и партнеров оправданными. После этого в рамках гражданского судопроизводства кредиторами Мамонтова было возбуждено дело о признании его несостоятельным. Лишь через полтора года, после удовлетворения претензий, оно было прекращено [Бовыкин, 1984, с. 261].

4. Заключение = Conclusions

Итоги операций Товарищества Невского завода в 1890-е годы оказались противоречивы: с одной стороны, последовало разорение его ключевого собственника, с другой стороны — рост производственного потенциала предприятия, позволившего обеспечить дальнейшую активную паровозо- и судостроительную деятельность под контролем Государственного банка, а затем, с начала 1910-х годов, в кооперации с Обществом Путиловских заводов. Можно сделать вывод, что сложности, с которыми столкнулся С. И. Мамонтов, не столько отразили отсутствие будущего у возглавляемых им промышленных и транспортных фирм, сколько показали несоответствие используемой инвестиционной и административной модели ведения семейного дела масштабу стоявших перед ключевым собственником технико-технологических и управленческих задач. По словам А. Н. Бенуа, этот человек, «такой ловкий, отважный и толковый в делах художественно-творческого порядка, запутался в “делах просто деловых”» [Бенуа, 1993,

CC BY

с. 287]. В конечном счете попытка совместить разнообразные семейные интересы Мамонтовых с интересами развития петербургского предприятия оказалась столь же сложной, как и план реализации на этой основе обширного инфраструктурного проекта. Используя оценку Ф. Н. Плевако, согласно которой проблемы ТНСМЗ заключались не в производственной потенциале, а в слабой организации финансирования и управления [Процесс …, 1901, с. 128], подчеркнем несомненную результативность функционирования Невского завода в рассматриваемый период в контексте активного индустриального переустройства страны. Изменения, которые происходили в сфере машиностроения и транспортного дела, свидетельствовали о непростых, порой драматичных по результатам, но вместе с тем чрезвычайно значимых усилиях по выстраиванию перспективных направлений хозяйственного развития России в конце XIX — начале XX веков.

Источники и принятые сокращения

1. *Акционерное* дело в России. Статистика акционерных компаний. Предприятия по эксплуатации частных железных дорог. — Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1900. — Выпуск VII. — Т. 2. — С. 1611—1775.

2. *Отчет* правления Московского товарищества Невского механического завода за 1895 г. — Санкт-Петербург, 1896. — 59 с.

3. *Отчет* правления Московского товарищества Невского судостроительного и механического завода за 1898 год. — Санкт-Петербург, 1899. — 22 с.

4. *Попов И.* Список главнейших русских горнопромышленных компаний и фирм / И. Попов. — Санкт-Петербург : Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного дела в России Е. Евдокимова, 1899. — 192 с.

5. *Проект* устава Московского товарищества Невского механического завода. — Санкт-Петербург : Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго, 1890. — 17 с.

6. РГИА — *Российский* государственный исторический архив.

7. *Статистика* акционерного дела в России. Условия деятельности и доходность акционерных предприятий / Составил и издал Н. Е. Пушкин. — Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1898. — Выпуск 3. — 656 с.

8. *Статистика* акционерного дела в России. Ежегодник / Издание Н. Е. Пушкина на 1901-2 год. Личный состав всех правлений и ответственных агентств. Очерки деятельности крупных и выдающихся предприятий. — Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1901. — Выпуск 4. — 480 с.

9. *Товарищество* Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Отчет правления за 1898 год. — Санкт-Петербург, 1899. — 50 с.

10. *Устав* Московского товарищества Невского механического завода. — Санкт-Петербург : Типо-Литография Бусселя, 1895. — 34 с.

Литература

1. *Барышников М. Н.* Корпорация и государственные интересы в промышленности : Невский завод в 1855—1888 гг. / М. Н. Барышников // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 321—339. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-321-339.

2. *Барышников М. Н.* Невский завод в начале XX века : перспективы развития под государственным контролем / М. Н. Барышников // Очерки истории и философии науки и техники. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019 (а). — С. 28—53.

3. *Барышников М. Н.* Путиловский и Невский заводы : перспективы взаимодействия накануне и в годы Первой мировой войны / М. Н. Барышников // Клио. — 2019 (б). — № 12. — С. 135—145.

4. *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания / А. Н. Бенуа. — Москва : Наука, 1993. — Т. 2. — 743 с.

5. *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. / В. И. Бовыкин. — Москва : Наука, 1984. — 287 с.

6. *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. — Москва : Наука, 1989. — 192 с.

7. *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы) / И. Ф. Гиндин. — Москва : Госфиниздат, 1960. — 415 с.

8. *Гиндин И. Ф.* Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.) / И. Ф. Гиндин // Исторические записки. — 1980. — Т. 105. — С. 105—149.

9. *Гудкова О. В.* Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии северного региона (1858—1917 гг.) / О. В. Гудкова. — Вологда : Древности Севера, 2002. — 187 с. — ISBN 5-93061-007-X.

10. *Иванов П. Г.* Очерк истории и статистики русского заводского паровозостроения / П. Г. Иванов. — Петроград : [б. и.], 1920. — 19 с.

11. *Исторический* очерк развития Невского судостроительного и механического завода. 1860—1910. (К выпуску 3000-го паровоза). — Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. — 90 с.

12. *К столетию* Путиловского завода. 1801—1901. — Санкт-Петербург : Путиловский завод, 1902. — 120 с.

13. *Лебедев А. В.* Сооружение Архангельской линии Северной железной дороги и ее влияние на регионы Европейского Севера России / А. В. Лебедев // История и перспективы развития транспорта на Севере России. Сборник научных статей. — Ярославль : Цифровая типография, 2018. — С. 7—11.

14. *Лебедев С. К.* Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века : европейские и русские связи / С. К. Лебедев. — Москва : РОССПЭН, 2003. — 528 с. — ISBN 5-8243-0456-4.

15. *Процесс* Саввы Мамонтова и др. Хищения и растраты. Речи гг. Курлова, Цубербиллера, Рейнбота, Быховского, Плевако, Маклакова, Багриновского, Карабчевского и Шубинского. — Москва : журнал «Судебные драмы», 1901. — 172 с.

16. *Россия* и мировой бизнес : дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / под общ. ред. и с пред. проф. В. И. Бовыкина. — Москва : РОССПЭН, 1996. — 312 с. — ISBN 5-86004-058-X.

17. *Теребов В. Н.* Общество Московско — Ярославско — Архангельской железной дороги. Сооружение Вологодско — Архангельской линии (1894—1897). — Саранск : Красный Октябрь, 2008. — 70 с. — ISBN 978-5-7493-1291-1.

18. *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России : XIX — начало XX века. — Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 604 с. — ISBN 5-288-04152-0.

Material resources

Charter of the Moscow Partnership of the Nevsky Mechanical Plant. (1895). St. Petersburg: Bussel's Typo-Lithography. 34 p. (In Russ.).

Draft charter of the Moscow Partnership of the Nevsky Mechanical Plant. (1890). St. Petersburg: Steam Printing House P. O. Yablonskago. 17 p. (In Russ.).

Joint-stock business in Russia. Statistics of joint-stock companies. Enterprises operating private railways, VII (2). (1900). St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich. 1611—1775. (In Russ.).

Partnership of the Arkhangelsk-Murmansk Express Shipping Company. Report of the Board for 1898. (1899). St. Petersburg. 50 p. (In Russ.).

Popov, I. (1899). *List of the most important Russian mining companies and firms.* St. Petersburg: Printing House of the St. Petersburg Joint-Stock Company of Printing in Russia E. Evdokimova. 192 p. (In Russ.).

Report of the Board of the Moscow Partnership of the Nevsky Mechanical Plant for 1895. (1896). St. Petersburg. 59 p. (In Russ.).

Report of the Board of the Moscow Partnership of the Nevsky Shipbuilding and Mechanical Plant for 1898. (1899). St. Petersburg. 22 p. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. (In Russ.).

Statistics of joint-stock business in Russia. Conditions of activity and profitability of joint-stock enterprises, 3. (1898). St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich. 656 p. (In Russ.).

Statistics of joint-stock business in Russia. The yearbook, 4. (1901). St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich. 480 p. (In Russ.).

References

Baryshnikov, M. N. (2019 (a)). Nevsky Zavod at the beginning of the twentieth century: prospects for development under state control. In: *Essays on the history and philosophy of science and technology.* St. Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen State Pedagogical University. 28—53. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N. (2019 (b)). Putilovsky and Nevsky Plants: prospects of interaction on the eve and during the First World War. *Klio, 12:* 135—145. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N. (2020). Corporation and State Interests in Industry: Nevsky Plant in 1855—1888. *Nauchnyi dialog, 5:* 321—339. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-321-339. (In Russ.).

Benois, A. N. (1993). *My memories, 2.* Moscow: Nauka. 743 p. (In Russ.).

Bokhanov, A. N. (1989). *Collectors and patrons in Russia.* Moscow: Nauka. 192 p. (In Russ.).

Bovykin, V. I. (1984). *Formation of financial capital in Russia. The end of the XIX century — 1908.* Moscow: Nauka. 287 p. (In Russ.).

Gindin, I. F. (1960). *State Bank and economic policy of the tsarist government (1861—1892).* Moscow: Gosfinizdat. 415 p. (In Russ.).

Gindin, I. F. (1980). Anti-crisis financing of heavy industry enterprises (late XIX — early XX century). *Historical notes, 105:* 105—149. (In Russ.).

Gudkova, O. V. (2002). *Construction of the Northern Railway and its role in the development of the Northern region (1858—1917).* Vologda: Antiquities of the North. 187 p. ISBN 5-93061-007-X. (In Russ.).

Historical sketch of the development of the Nevsky Shipbuilding and Mechanical Plant. 1860—1910. (For the release of the 3000th steam locomotive). (1910). St. Petersburg: Partnership of R. Golike and A. Vilborg. 90 p. (In Russ.).

Ivanov, P. G. (1920). *An essay on the history and statistics of Russian factory locomotive construction.* Petrograd: [b. i.]. 19 p. (In Russ.).

Lebedev, A. V. (2018). The construction of the Arkhangelsk line of the Northern Railway and its impact on the regions of the European North of Russia. In: *History and prospects of transport development in the North of Russia. Collection of scientific articles.* Yaroslavl: Digital Printing House. 7—11. (In Russ.).

Lebedev, S. K.(2003). *St. Petersburg International Commercial Bank in the second half of the XIX century: European and Russian connections.* Moscow: ROSSPEN. 528 p. ISBN 5-8243-0456-4. (In Russ.).

Russia and world business: deeds and destinies. Alfred Nobel, Adolf Rothstein, Herman Spitzer, Rudolf Diesel. (1996). Moscow: ROSSPEN. 312 p. ISBN 5-86004-058-X. (In Russ.).

Shepelev, L. E. (2006). *Joint-stock companies in Russia: XIX — early XX century.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 604 p. ISBN 5-288-04152-0. (In Russ.).

Terebov, V. N. (2008). *Society of the Moscow — Yaroslavl — Arkhangelsk Railway. Construction of the Vologda — Arkhangelsk line (1894—1897).* Saransk: Red October. 70 p. ISBN 978-5-7493-1291-1. (In Russ.).

The process of Savva Mamontov et al. Embezzlement and embezzlement. Speeches of the Kurlov, Tsuberbiller, Reinbot, Bykhovsky, Plevako, Maklakov, Bagrinovsky, Karabchevsky and Shubinsky. (1901). Moscow: The journal "Judicial dramas".172 p. (In Russ.).

To the centenary of the Putilov plant. 1801—1901. (1902). St. Petersburg: Putilov Plant. 120 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.04.2022,
одобрена после рецензирования 26.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Зах В. А. Тарханский острог и окрестные татары в конце XVII — начале XVIII веков : по выдержкам из писцовых книг и картографии С. У. Ремезова / В. А. Зах, Т. Н. Рафикова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 426—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444.

Zakh, V. A., Rafikova, T. N. (2022). Tarkhan Prison and Surrounding Tatars in Late 17th — Early 18th Centuries: Based on Excerpts from Scribe Books and Cartography by S. U. Remezov. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 426-444. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444

Тарханский острог и окрестные татары в конце XVII — начале XVIII веков: по выдержкам из писцовых книг и картографии С. У. Ремезова

Зах Виктор Алексеевич
orcid.org/0000-0002-3635-5933
доктор исторических наук
viczakh@mail.ru

Рафикова Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0002-6939-1180
кандидат исторических наук
TNRafikova@yandex.ru

Тюменский научный центр
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена по госзаданию
№ 121041600045-8
проект «Западная Сибирь
в контексте Евразийских связей:
человек, природа, социум»

Tarkhan Prison and Surrounding Tatars in Late 17th — Early 18th Centuries: Based on Excerpts from Scribe Books and Cartography by S. U. Remezov

Viktor A. Zakh
orcid.org/0000-0002-3635-5933
Doctor of History
viczakh@mail.ru

Tatyana N. Rafikova
orcid.org/0000-0002-6939-1180
PhD in History
TNRafikova@yandex.ru

Tyumen Scientific Centre
of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The work was carried out according
to the state task № 121041600045-8,
the project "Western Siberia
in the context of Eurasian relations:
man, nature, society"

© Зах В. А., Рафикова Т. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен опыт реконструкции системы расселения и землепользования татарского и русского населения в одном из районов Нижнего Притоболья на основании анализа карт и архивных источников XVII века. В результате сопоставления карты С. У. Ремезова с современным картографическим материалом зафиксировано смещение русел Тобола, Туры и Тапа и большая по сравнению с современной обводненность окрестных водоемов. В то же время делается вывод, что масштабных ландшафтных изменений за последние четыре века в правобережной части Тобола и междуречье Тобола и Туры не произошло. Впервые публикуется выписка из писцовой книги Л. М. Поскочина 1684—1685 годов, зафиксированная в составе «Документов о земельных спорах ясашных татар Ялуторовского уезда Тобольской губернии», хранящихся в архиве Музейного комплекса им. И. Я. Словцова в Тюмени. На основании архивных данных и карты С. У. Ремезова восстановлено количество и местоположение юрт ясашных татар Тарханского острога, подсчитано количество их населения, дана оценка природного потенциала рассматриваемого района, роли производящей и присваивающей отраслей в хозяйстве местного и служилого населения.

Ключевые слова:
Нижнее Притоболье; Тарханский острог; окрестности острога; природные условия; ресурсы; занятия населения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The experience of reconstructing the system of settlement and land use of the Tatar and Russian population in one of the regions of the Lower Tobol region is presented on the basis of an analysis of maps and archival sources of the 17th century. As a result of comparing the map of S. U. Remezov with modern cartographic material, the displacement of the channels of the Tobol, Tura and Tapa and a large water supply of the surrounding water bodies compared to the modern one were recorded. At the same time, it is concluded that large-scale landscape changes over the past four centuries have not occurred in the right-bank part of Tobol and the interfluve of Tobol and Tura. For the first time, an extract from the cadastral book of L. M. Poskochin of 1684—1685 is published, recorded as part of the "Documents on land disputes of the yasash Tatars of the Yalutorovsky district of the Tobolsk province", stored in the archive of the Museum Complex named after. I. Ya. Slovtsov in Tyumen. On the basis of archival data and the map of S. U. Remezov, the number and location of the yurts of the yasash Tatars of the Tarkhansky prison were restored, the number of their population was calculated, in particular, the growth of the male Tatar population was established. In addition, an assessment of the natural potential of the region under consideration, the role of the producing and appropriating industries in the economy of the local and service population is given.

Key words:
Lower Tobol region; Tarkhan prison; the vicinity of the prison; natural conditions; resources; occupations of the population.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 930:528.9+94(=512.145)“169/171”

Тарханский острог и окрестные татары в конце XVII — начале XVIII веков: по выдержкам из писцовых книг и картографии С. У. Ремезова

© Зах В. А., Рафикова Т. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Построенный в 1628 году на правом берегу р. Тобола, на узком останце между обширным бором и рекой, Тарханский острог предназначался для защиты Тобольска и прилегающих территорий от кочевников с юга и контроля над дорогой в Среднюю Азию [Зах и др., 2021, с. 119—132; Сидорова, 2021, с. 276—278]. Острог был единственным значимым русским опорным пунктом в правобережной части Притоболья, между Ялуторовском и Тобольском, среди преимущественно татарского населения, проживавшего на территории междуречья Чакчи и Ревды, образовавшего своеобразный этнокультурный анклав, заселенный в XVII — начале XVIII веков «ясашными Тарханского острога татарами».

К концу XVI — началу XVII веков от Зауралья до Приобья сформировалась линия первых острогов, впоследствии переросших в города: Туринск, Тюмень, Тобольск, Тара и Томск, — расположенных преимущественно на границе лесостепи и южной тайги Западной Сибири. Наличие сухопутных дорог за Камень обеспечивало устойчивую связь территории Зауралья с русскими территориями. Важными были и водные пути по Тоболу, Иртышу и Оби. Природно-климатическое состояние южно-таежных и лесостепных территорий позволяло, наряду со скотоводством и присваивающими формами хозяйства, заниматься земледелием, практиковавшимся еще населением Сибирского Юрта [Зыков, 2013, с. 137—144].

Благоприятные природные условия и поначалу плодородные пашни влияли на возможность адаптации экономики русского населения на широте обозначенных первых укреплений. Нельзя также исключать, что южно-таежные территории были менее залесенными, а природные условия более аридными по сравнению с современными. С точки зрения освоения людьми одной из значимых природных характеристик Западной Сибири, в частности Притоболья, является гидрологический режим рек и озер, повторяющаяся изменчивость которого во времени была обоснована в свое время А. В. Шнитниковым [Шнитников, 1957]. В работах Л. И. Агафонова и других исследователей, посвященных древесно-кольцевой индикации пойменного режима р. Оби и некоторых ее притоков, также указывается на природ-

CC BY

ную цикличность этого явления [Агафонов, 2011]. Во многом синхронны ей циклы колебания уровня озер юга Западной Сибири [Шнитников, 1957].

Примером значительных изменений гидрологического режима западносибирских водоемов является колебание воды в Андреевской озерной системе близ г. Тюмени, в частности в озере Большом Андреевском. Так, по данным картографических материалов С. У. Ремезова, Большой Андреевский остров в конце XVII — начале XVIII веков был отделен от суши, а согласно подробному плану землемера Василия Филимонова 1829 года, он соединялся с берегом и его территория использовалась под покосы [Зах, 2016, с. 69—78]. Данные наблюдения свидетельствуют о нестабильности циклов аридных и гумидных фаз, которые могут варьироваться в пределах 30—40 лет [Там же, с. 73].

Целью настоящей работы является анализ расселения и взаимодействия русского и татарского населения в правобережной части Притоболья; оценка природных и пищевых ресурсов, а также хозяйственная деятельность населения в окрестностях Тарханского острога в природных условиях конца XVII — начала XVIII веков; сравнение гидрологической обстановки, фиксируемой на основе картографических материалов С. У. Ремезова, с современной ситуацией.

Истории Тарханского острога как центра расселения тарханских татар, в отличие от прочих первых русских городов Сибири, не уделяли должного внимания. Тарханский острог упоминается в своде русских городов и острогов, составленном Д. Я. Резуном и Р. С. Васильевским [Резун и др., 1989, с. 246—247], но точное местоположение острога не было известно. Поиск его остатков посредством традиционных археологических методов и магнитной съемки предполагаемой площади, которому предшествовал скрупулезный анализ письменных источников и картографического материала, предпринят В. А. Захом [Зах и др., 2021]. Археологическое изучение памятника начато в 2020—2021 годах.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Работа основывается на анализе картографического материала — чертежной книги С. У. Ремезова, составленной в конце XVII — начале XVIII веков, а также выписки из писцовой книги Л. М. Поскочина 1684—1685 годов, обнаруженной нами в «Документах о земельных спорах ясашных татар Ялуторовского уезда Тобольской губернии», хранящихся в архиве Музейного комплекса им. И. Я. Словцова в Тюмени [ЦУХиП].

Как известно, в 1680—1683 годы «стольником и писцом» Л. М. Поскочиным выполнена перепись г. Тобольска и Тобольского уезда [РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 232, 261, 447], но Тарханский острог и его окрестности по какой-то причине не были затронуты. По всей видимости, перепись этой

CC BY

части уезда была проведена Л. М. Поскочиным позднее, в 1684—1685 годах. Оригинал данного документа нам не известен, но встречено упоминание о выписке из него, сделанной по запросу тарханских татар в 1687 году [Андроников, 1911, с. 102].

«Документы о земельных спорах ясашных татар Ялуторовского уезда Тобольской губернии» состоят из двух частей. Первая — «Приговор о землях тобольских Тарханского острожка ясашных татар» — создана в Ялуторовске в 1687 году и является копией XIX века с оригинала. Вторая — «Приговор о землях ясашных татар Ялуторовского уезда» — выполнена в 1817 году в Ялуторовске, она является оригиналом. Всего в документе 12 листов, исписанных с двух сторон [ЦУХиП].

Документ ранее не публиковался, поэтому приводим отрывок из первой части, содержащий выкопировку из писцовой книги Л. М. Поскочина 1684—1685 годов, в нашем прочтении и согласно орфографии источника.

Л. 2, об. «… в писцовых книгах стольника и пистца Лва Поскочина 193 [*1684, 1685*] году написано Тарханской острожек на речке Тап от реки Тоболу полверсты. А в том острожке в зимнее время съехав да из летних деревень живут ясашные татарове, а летом же ясашные татарове врознь живут по деревням. А те их деревни на каких урочищах и в которой деревни кто именно живут поскольку пашни пашут и то писано в пистцовой книге. Порознь деревня Макша на реке Тобол и на устье речки Регизу от острожку вниз по Тоболу реки восемь верст живут ясашные татарове Албаутко Майтмасов с товарищи пятнадцать человек. Пашни у них паханные у всех вопче около летних юрт двадцать десятин в поле а вдву потому у них же заложной земли под пашне пятьдесят десятин. Поскотинной земли вверх по Таболу реки от летних юрт в длину на версту, а поперечь на пол версты. Сенных у них покосов около поскотинной земли на восемь сот копен, а межа той пашенной и заложъной и поскотинной земли и сенным покосом с верхную сторону Таболу реки по болшое озеро ранв Уда. А ис того озера исток пал устьем в Тобол реку. А с нижную сторону Тобола реки с пашенным крестьянином Левное Федоровым по чисто кочковатое болото. Да у них же сенных покосов против летних юрт за рекою Тоболом на четыреста копен, а межа сенным покосам, что за рекою Таболом с верхную сторону Табола реки по речку Рузанку, а та речка из болот выпала устьем в Табол реку. А в нижную сторону Таболу реки то озеро Матмасное, а то озеро их же татарское ловят рыбу все вопче. Деревня Кобеляцкая на реке Табол и на озере Кобеляке. От острожку вниз по Таболу реки три версты живут ясашные татарове деревня Уточно Якжигулов с товарищи шестнадцать человек пашни у них паханные».

Л. 3. «… около летних юрт у всех вопче дватцать десятин в поле, а в дву потому а в выписке стольника и пистца Лва Поскочина сверх пистцовых

CC BY

книг прописано лишку две десятины у них де заложныя земли, под пашни сорок пять десятин, да у них де поскотинные земли вниз по Таболу реки на версту, а поперечь на пол версты и больши. Вообче с деревнею Карбановою с Утешком Китадановым с товарищи сенных у них покосов с той деревни их вверх по Таболу реки лугов на три тысячи копен вопчеж с деревнею Корбановою а межа той их пашенной и залежной и поскотинной земли и сенных покосов с верхную сторону Таболу реки по озеро Чатарлыское, а в нижную сторону Таболу реки по озеро Равдинское деревня Карбанова на реке Табол живут ясашные татарова от Тарханского острожку в двух верстах вниз по Таболу реки Тлешко Китазанов с товарищи девятнатцать человек. Пашни у них паханные окола деревни у всех вопче восемнацать десятин в поле да вдву потомуж, а поскотинная земля и сенные пососы вопче с деревнею Кобеляцкою с Кутучком Аншигуловым с товарищи. Деревня Сенткулова на реке Таболе и на устье речки Тап живут ясашные татаровя а от тарханского острожку вниз по Таболу реки с версту Маметко Анткулов с товарищи шесть человек. Пашни у них паханные около деревни шесть десятин в поле а вдву потомуж у них же залежные земли под пашню пятнадцать десятин, да у них же поскотинные земли вверх по Таболу реки по озеро Буруткинское. А с нижную сторону Таболу реки Табола реки по ручей, а тот ручей из болот устьем пал в Табол реку. Сенных у них покосов за рекою Тоболом против летних юрт на триста копен, а в выписи стольника и писца Лва Поскорина сверх пистцовых книг приписано лишку двести копен. Деревня Лучкина на реке Таболе живут ясашные татаровя, а от острожку вверх по Таболу в дву верстах Лучка Булатев с товарищи десять человек. Пашни у них паханные около летних юрт одиннацать десятин в поле, а в дву потомуж у них же заложные земли под пашню, двадцать семь десятин да у них же поскотинные земли от летних юрт вниз по Таболу реке в длину на версту, а поперечь на пол версты сенных покосов вверх по Таболу реке на тысячу копен, а межа той их пашенной, заложной и поскотинной земли с верхную сторону Табола реки по речку Иркину, а с нижную сторону Табола реки до Бурубинского озера. Деревня Чечкина на реке Таболе живут ясашные татаровя вверх по Таболу от острожку в пяти верстах Чичкичко Ергитов с товарищи двадцать три человека. Пашни у них паханные около деревни у всех вопче двадцать десятин».

Л. 3, об. «… в поле а в дву потому у них же заложные земли под пашню шестьдесят десятин да у них же поскотинной земли вниз по Таболу реке в длину на версту, а попереч на пол версты и больше, а межа пашенной их и поскотинной земле с верхную сторону Табола реки до прорвы, а с нижную сторону по речке Ирикту, да у них же сенных покосов против летних юрт за рекою Таболом подле речки Атранке по обе стороны на две тысячи

CC BY

копен. Деревня Соярская на реке Таболе живут ясашныя татаровя вверх по Таболу от острожку семь верст Союрко Топиев со товарищи десять человек. Пашни у них паханные против летних юрт за рекою Таболом у всех вопче десять десятин в поле а в дву потому ж у них же заложные земли под пашнею дватцать десятин, сенных у них покосов около пашенных земель на восемьсот копен. А межа той их пашенной и заложной земли и сенным покосам с верхную сторону Табола реки по речку Алтын у зон, а с нижную сторону Тобола реки по речку Юргу, да у них же поскотинной земли около летних юрт в длину на версту, а попереч на пол версты. С верхную сторону Табола реки до Березова Мысу, а с нижную сторону по озеро Курчимское. Владеют они теми пашенными землями и поскотинными и сенными покосы и стари после дедов и отцов своих. Да у них же ясашных татаровя всех деревень вопче рыбные ловли озеро Сангутарское за рекою Таболом против Тарханского острожку от Лучкиной деревни с версту, а то озеро в длину версту, а поперечь на сто сажень. Озеро Аюское от озера Сангутанское сажень стоит озеро Круглое. Озеро Юлатынское на той же стороне от деревни Чичкины с версту. А то озеро в длину на пол версты, а попереч на пятьдесят сажень озеро Караярское за рекою Таболом от той же Чичкиной деревни четыре версты ото озера в длину на пол версты, а поперечь на шесдесят сажень озеро Бахтинское за рекою Таболом от той же деревни вверх по Тоболу пять верст, а то озеро в длину на две версты а поперечь сто сажень. От Бахтинского озера с версту, а то озеро в длину на пол версты а поперечь на сто сажень. Озеро Атояжское на той же стороне от озера Кожбарскнаго версты две, а то озеро в длину на пол версты а поперечь на пятьдесят сажень. Озеро Машкарское вверх по Таболу от озера Атъялского в стороне четверти версты, а то озеро в длину на версту, а поперечь на пол версты. Озеро Чичирское меж Атъялским и меж Паренким озерами. От Машкарского озера с версту, а то озеро в длину на версту, а поперечь на сто сажень. Озеро Алуарайское от Тарханского острожка вверх по Таболу реке пятнадцать верст, а то озеро в длину на версту, а поперечь на пятдесят сажень. Озеро Кренское от Тарханского острожку вверх по Таболу реки десять верст, а то озеро в длину на пол версты, а поперечь на тридцать сажень. Ловят они в тех озерах всякую рыбу все вопче, да у них же рыбная ловля и зверовой промысел. Речка Калалучь, да речка Яурга, да речка Уж Тобул, да речка Кулук, да речка ж другой Кулук».

Л. 4. «да речка Пурубка, да речка Чакча, а по тем речкам ловят всякой зверь и рыбу всех вопче, да у них же зверовой промысел Ярташлы, а по русскому званию Каменный Яр Отърячь а на нем березник болшой да яр Бантумак. А на нем сосняк и березник, а на тех Ярах лисьи норы ловят они ясашныя татаровя всякой зверь все вопче, а той Тарханской волости межа от

CC BY

Тарханского острожку вверх по Таболу реки до речки Чакчи. А до той речки пустыми лесными местами дватцать верст, а та речка Чакча вышла из болота и упала устьем в Табол реку, а вниз по Таболу реке до болшиго кочковатого болота. От острожку и восемь верст от их татарские пашенные и заложные земли и сенные покосы и рыбные ловли речки и озера в таболских пистцовых и переписных книгах за ними не написаны и крепостей никаких на те земли к пистцовому делу тарханские татаровя не положили, а в нынешнем во 195 [*1685*] году по указу великих государей в пистцовых книгах те их татарские земли и сенные покосы и речки и озера и всякие угодья за ними написаны по их скаскам назвали своими старинными землями. А с тех земель и угодий платят они ясак по все годы и в нынешнем во 195 [*1685*] году апреля 12 день».

Современные картографические материалы в совокупности с данными карт конца XVII — начала XVIII веков, а также выдержки из писцовых книг дают возможность в определенной степени оценить имеющийся потенциал природных ресурсов окрестностей острога, количество проживавшего на территории русского и татарского населения, а также взаимоотношения русских и татар.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В исследовании применялся современный картографический материал, который при сравнении с данными С. У. Ремезова позволяет констатировать, что за почти 400-летний период в окрестностях Тарханского острога не произошло значительных изменений в окружающем ландшафте. По сравнению с XVII — началом XVIII века можно отметить лишь некоторую трансформацию русел Тобола и Тарханки (Тапа). В настоящее время в районе их слияния Тобол разрушает берег по направлению к надпойменной террасе, размывая одну из петель р. Тап и, вероятно, предыдущее место впадения р. Тарханки в Тобол, которое находилось северо-западнее (рис. 1). Несколько ниже по течению Тобол продолжает подмывать участок надпойменной террасы, на которой находится д. Тарханы. В остальном прилегающие к Тарханскому острогу окрестные территории не подверглись каким-либо значительным изменениям, не считая колебания уровня водоемов и, вероятно, случающихся половодий.

3.1. Природные условия и деревни (юрты) окрестностей острога

Как свидетельствуют картографические материалы С. У. Ремезова [Чертежная …, 2003; Remezov, 1720], в конце XVII — начале XVIII веков в Притоболье фиксируется повышенный уровень водоемов. Наряду с полноводностью рек, речек, старичных и проточных озер отмечается заполненность водой заболоченных древних участков меандров Тобола [Зах, 2016, с. 69—78; 2021, с. 119—132]. В настоящее время практически обезвоженная старица,

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

обозначенная у С. У. Ремезова как оз. Таповское, во время существования острога соединялась проточкой с Тоболом. На картографических материалах XVII века отмечены небольшие речки и ручьи, которые ныне представляют собой заболоченные низины (рис. 1). Из сказанного следует, что обводненность территорий Притоболья в конце XVII — начале XVIII веков была выше по сравнению с современной, что способствовало, с одной стороны, судоходству на реках, увеличению травостоя, а с другой — заболачиванию территории, в том числе пашенных земель.

Рис. 1. Окрестности Тарханского острога. Фрагмент из Хорографической чертежной книги С. У. Ремезова [Remezov, 1720]. Кружками обозначены юрты (слева направо): Макша (Майтмасовы), Кобеляцкие (Кобяцкие), Карбановы, Сенткуловы, Союровы, Лучкины, Чечкины, квадратом — Тарханский острог.

Согласно «Приговору о землях тобольских Тарханского острожка ясашных татар», окрестности Тарханского острога определяются следующим образом: «… Тарханской волости межа от Тарханского острожку вверх по Таболу реки до речки Чакчи. А до той речки пустыми лесными местами дватцать верст, а та речка Чакча вышла из болота и упала устьем в Табол реку, а вниз по Таболу реке до болшиго кочковатого болота» [ЦУХиП, л. 4]. Вниз по Тоболу граница рассматриваемой территории находится в бассейне р. Регизы в восьми верстах от острога. В основном окрестности острога включают как правобережье Тобола, так и междуречье вверх от слияния Тобола и Туры. Согласно описанию, в междуречье находится масса озер: Аюское, Сангутанское, Круглое, Караярское, Бахтинское, Ато-

CC BY

яжское, Кожбарское, Машкарское, Атъялское, Чичирское, Паренкское и Алуарайское, — названия которых, кроме оз. Машкара, значительно изменились, и определить их местонахождение затруднительно. Все эти озера были «ясашных татаровя всех деревень вопче рыбные ловли» [Там же, л. 3 об.], то есть использовались сообща. Охотничьи угодья также являлись общими — по рекам Пурубке, Чакче, Калалучь (Калалуй) и Яурга (Юрга), а также у яра «Ярташлы, а по русскому званию Каменный Яр Отърячь, а на нем березник болшой да яр Бантумак. А на нем сосняк и березник, а на тех ярах лисьи норы ловят они ясашныя татаровя всякой зверь» [Там же, л. 4]. Прекрасные места для охоты и рыбные озера и ныне находятся в глубине бора на правобережной террасе Тобола по долинам Тапа и Язевки.

Окрестности Тарханского острога представляют собой территории с пашенными землями на высоких местах, зверовыми и рыбными ловлями: «… вниз по Таболу до речки Чакчи увал версты на три и больше. Ялани и дубравы и чистые пахотные места, а в ширину того увалу от Табола реки к Тюмени местами по версте, а и кде и больше, а затем увалом местами болота и ялани до пышминского бору, а смерить тех мест за болотами не можно». Далее в документе значится: «… тою Чикчою речкою и за тою речкою вниз по Таболу реке по тюменской стороне владеют всякими угодьями Тарханские татарова» [Там же, л. 1 об.]. Проживали они, как следует из того же документа, в семи деревнях (юртах) (рис. 1).

Макша. Юрты находятся в устье р. Регизы, в 8 верстах ниже по Тоболу от Тарханского острога. Живет Алабутко Майтмасов, а с ним еще 15 человек. Имеют 20 десятин пашни, 50 десятин залежных земель, площадь поскотины 1 х 0,5 версты и покосов на 800 копен на правом берегу и на 400 на левом.

Кобеляцкая. У Тобола, в 3 верстах вниз от Тарханского острога, у оз. Кобеляка. Живет Уточно Якжигулов, с ним еще 16 человек. Имеют 20 десятин пашни, 45 десятин залежных земель, площадь поскотины 1 х 0,5 версты и покосы совместно с юртами Карбановыми на 3000 копен.

Карбанова. Находится в двух верстах от Тарханского острога, по течению Тобола. Проживают Тлешко Китазанов и еще 19 человек. Имеют пашни 18 десятин и совместные покосы с татарами из Кобеляцких юрт на 3000 копен.

Сенткулова. Расположена в 1 версте от острога по течению Тобола. Живет Маметко Анткулов, а с ним еще шесть человек. Имеют 6 десятин пашенной, 15 десятин залежных земель и покосов на 300 копен.

Лучкина. Находится в 2 верстах вверх по Тоболу от Тарханского острога. Живет Лучка Булатев и еще 10 человек. Имеют 11 десятин пашни, 27 десятин залежной земли, поскотину площадью 1 х 0,5 версты и покосов на 1000 копен.

CC BY

Чечкина. Расположена в 5 верстах вверх по Тоболу от Тарханского острога. Живет Чичкичко Ергитов, а с ним еще товарищей 23 человека. Имеют 20 десятин пашенной, 60 десятин залежной земли, поскотину площадью 1 х 0,5 версты и покосов на 2000 копен.

Соярская. Находится в 7 верстах вверх по Тоболу от Тарханского острога. На картах С. У. Ремезова именно название такое отсутствует, правда, выше Лучкиных указаны юрты Союровы. Вероятно, это и есть Соярская, от имени живущего там Союрко Топиева. У Х. Ч. Алишиной находим: «… от речки Алтын-гузен до р. Юрги написано за бывшею деревней Соярскою, состоящею на той же стороне Тобола, где существуют ныне юрты Чечкинские» [Алишина, 1999, с. 39]. В выписке указывается, что в юртах проживает Союрко Топиев, а с ним еще 10 человек товарищей. Имеют 10 десятин пашенной, 20 десятин залежной земли, поскотину площадью 1 х 0,5 версты и покосов на 800 копен.

3.2. Сведения по Тарханскому острогу

Тарханский острог, согласно проведенным археологическим исследованиям [Сидорова, 2021, с. 276—278; Зах и др., 2021, с. 119—132], находится практически в центре занятой юртами территории.

В «Росписи Сибирским городам и острогам», составленной, по мнению А. А. Титова, не позднее 1640 года, сказано, что «острожок Тарханской стоит над рекою Тоболом; а езду до него из Тоболска зимним путем, лошадми, 4 дни, а летним сухим путем 5 дней, а водяным путем в дощаниках вверх воды Тоболом рекою ходу неделя, а в легких судех 5 дней» [Титов, 1890, с. 16].

В «Описании к чертежу всей Сибири …», составленном П. И. Годуновым в 1667 году, указано, что расстояние от Тобольска до острога составляет 120 верст, а от острога до Ялуторовской слободы — 60 верст [Там же, с. 43].

В приведенной выше выписке из писцовой книги Л. М. Поскочина указано более точное местоположение Тарханского острога: «… на речке Тап от реки Тоболу полверсты». На карте С. У. Ремезова земли восточнее Карбанских, Сенткуловских (Ижберьдеевских) и еще одних юрт (проставленных на карте, но отсутствующих в выписке), название которых читается как «Каскаеа», подписаны «Тарханского острогу пашни и покосы» (рис. 1) [Remezov, 1720].

Необходимость существования русского острога в данном месте обоснована в «Послужном списке тобольских и тюменских служилых людей» 1633 года: «Лета 7140 августа в 8 де … посыланы ис Тоболска татарской голова Иван Внуков да тоболской сын боярское Богдан Аршинской, а с ними тоболские дети боярские и служилые тотарове в поход на Кучюмовых внучат и на государевых изменников на тарских татар и на колмацких

CC BY

людей по их задору которые приходили блиско государевых ясачных волостей Тарханских острошков и на зверовьях государевых ясачных людей грабили и побивали и наругаючись груду у них выпорывали, а глаза вымали и на Белом озере от Тоболска во шти днищах на станишников на тоблсково сына боярсково на Филипа Обольянинов с товарыщи приходили …» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 525, л. 23—24].

Довольно неспокойная этнополитическая ситуация в районе сохранялась и во второй половине XVII века. По оценке П. И. Годунова, для защиты окрестностей Тарханского острога, «на которыя места приход воинским людем Кучюмовым внучатам с Калмыки, быть драгуном роте, а до сего числа были присланы из Тоболска ис Тюмени служивые на годовое» [Титов, 1890, с. 28].

Острог был сооружен, судя по всему, на месте татарского городка, в котором жил ставленник Кучума, имевшего, кроме оборонительной функции, значение административного центра округи, в частности, при сборе ясака [Сибирские летописи …, 2008, с. 321, 412]. Зимой и в неспокойные военные периоды все татары из окрестных юрт собирались под защитой Тархан-каллы. Статус административного центра перешел и к Тарханскому острогу. Как указано в «Приговоре о землях …», «в том острожке в зимнее время съехав да из летних деревень живут ясашные татарове, а летом ясашные татарове врознь живут по деревням» [ЦУХиП, л. 2 об].

В разные годы в остроге находилось от 10—20 до 45 чел. При нападении Девлет-Гирея на острог в 1640 году там располагалось не более 40 человек [Миллер, 1941, с. 112] — годовальщиков из Тобольска и Тюмени. В 176 году (1668 год) годовальщики в Тарханском остроге были заменены 40 беломестными казаками [Оглоблин, 1895, с. 284; Бахрушин, 1955а, с. 279]. Что особенно важно, хлебное жалование им выдали на два года, дальше они должны были «служить с пашни». С 1679 года на смену беломестным казакам вновь приходят годовальшики (45 чел.), к 1686—1687 годам их количество сократилось до 40 человек, а в 1688—1689 годах — до 10 человек, что привело к разорению острога. Во вновь отстроенном остроге с 1696 по 1707 годы находились 20 служилых людей [Пузанов, 2010, с. 223; Зах и др., 2021, с. 129].

3.3. Реконструкция заселенности и ресурсов тарханской округи

Из текста вышеприведенной выписки следует, что количество проживавшего в Тарханском остроге и его округе татарского мужского населения составляло около 146 человек. При условии, что взрослое мужское татарское население имело семьи, в окрестностях острога всего могло проживать 212 человек, а с учетом служилых людей в остроге — около 250 человек. Общая численность населения, если исходить из того, что среднее число де-

CC BY

тей в семье могло составлять 3 ребенка, была в пределах 570 человек: около 530 ясашных татар с детьми и около 40 человек обитателей русского острога.

На татарское население (530 человек) приходилось 105 десятин, или около 114 га, пашенной земли; 217 десятин, или около 237 га, залежной земли; 3 кв. версты поскотины и сенокосных угодий на 8300 копен.

В первой половине XVII века в некоторых районах Сибири, по сравнению с европейской частью России, урожайность была выше, что определялось во многом плодородием только что освоенных земель. В 20—40-е годы в Верхотурском уезде средняя урожайность ржи составляла сам-10, овса — сам-12; в Туринском рожь и овес — сам-6; в Тюменском — рожь сам-8-9, овес — сам-7-8; в Тобольском — соответственно сам-4-5 и сам-3 [Шуньков, 1946, с. 133]. По Ялуторовскому дистрикту в конце XVII — первой половине XVIII веков урожай всех зерновых варьировался в пределах от сам-4,2 до сам-2,1 [Там же, с. 134]. Исходя из нормы высева, приведенной В. И. Шуньковым для Сибири, составлявшей 4 четверти овса и 2 четверти ржи на десятину [Там же, с. 129], определим приблизительно общее количество урожая зерновых, получаемых с татарских пашен, при условии, что рожь и овес высевались на равных площадях. Так как к концу XVII века четверть приравнивалась к 8 пудам, или 131,04 кг, высев ржи на десятину составлял около 262 кг, а овса — соответственно 524 кг. Урожай с одной десятины при сам-4,2 ржи составлял около 1100,4 кг, овса — соответственно 2200,8 кг. В общей сложности при засеве равных площадей всей татарской пашни собирали 577,1 ц ржи и 1155,42 ц овса.

В данном случае нами подсчитан скорее потенциально возможный объем урожая злаковых на указанной территории. Климатические условия Сибири в XVII — начале XVIII веков были нестабильны, и благоприятные годы часто чередовались с недородами и гибелью урожая [Вилков, 1990, с. 134, 135]. В. С. Мыглан на основании письменных источников установил, что в Тюменском и Тобольском уездах в результате заморозков, наводнения или засухи неурожайными выдались 1612—1614, 1624—1625, 1627—1629, 1633—1635, 1642—1644, 1649—1653, 1657, 1667 годы. В ряде случаев собранного урожая не хватало даже на семена [Мыглан, 2010, с. 35—40].

Залежная система земледелия, общее владение пашнями у ясашных татар, переезд в летние юрты на время обработки земель являются свидетельствами полукочевого быта, что характерно для татарского населения Западной Сибири в XVII веке [Бахрушин, 1955б, с. 160]. Как отмечает С. В. Бахрушин, обычный надел татар Тарского уезда составлял 0,5—1 десятину [Там же]. Такая же площадь (по 1 десятине) на семью приходилась и у ясашных татар Тарханского острога. Являясь достаточным подспорьем в хозяйстве ясашных татар, земледелие не носило рыночного характера.

CC BY

В XVIII—XIX веках распространение земледелия в рассматриваемом районе меняется незначительно. По сообщению И. А. Андроникова, из всего Тюменского уезда именно в данном районе земледелие было развито в наименьшей степени: в юртах Куртюганских насчитывалось 74,2 % пахарей, в ю. Карбанских — 72,7 %, в ю. Кулицких — 38,9 %, в ю. Тарханских — 33,3 % [Андроников, 1911, с. 321].

Исходя из того, что в XVII веке ясашные татары из юрт в окрестностях Тарханского острога в общей сложности владели 3 кв. верстами поскотины и сенокосными угодьями на 8300 копен, можно приблизительно оценить размер стада крупного рогатого скота. Если в среднем на одно взрослое животное зимой уходит 2—3 стога сена, состоящих примерно из 6—7 копен, то животных могло быть в пределах 395—690 голов, не считая мелкого рогатого скота и лошадей. Сведений о поголовье овец и коз в рассматриваемом районе в XVII веке мы не имеем, но, по данным на середину XIX века, в Кречетинской волости (юрты Карбанские, Тарханские из рассматриваемых) их количество не превышало 1,2 головы на хозяйство, в Авазбакеевской (юрты Чечкинские и др.) — 2,5 головы [Там же, с. 327—328].

К сожалению, мы не располагаем данными о вылавливавшейся в окрестных водоемах рыбе, добывавшемся звере (пушном и крупнокопытном) и потреблявшихся дикоросах, что не позволяет составить полного представления о ресурсах. Судя по находкам при археологическом исследовании памятника глиняных грузил для сетей и рыболовных крючков разных размеров, обитатели Тарханского острога активно занимались рыбной ловлей.

Косвенно об основных ресурсах района свидетельствует перечень товаров, ввозимых из населенных пунктов, расположенных вверх по Тоболу от Тобольска, в том числе из окрестностей Тарханского острога. Таковыми являлись пушнина, лосиные кожи, хмель, воск, мед, скот и хлеб [Вилков, 1990, с. 54]. Свидетельствуют об этом и тексты челобитных ясачных и служилых татар, владевших землями по Тоболу, с жалобами на русских, которые в их вотчинах «ловят всякого зверя, бобры и выдры, и хмель и орловые гнезда снимают» [Акты исторические …, т. 5, 1842, с. 49; Дополнения к актам историческим …, т. 3, 1848, с. 174—175].

Сведения о развитом зверовом и пушном промысле, которым занимались русские промысловики, а также татары, в том числе ясашные, мы находим во многих источниках. О добывавшемся звере можно судить по составу взимавшегося с ясашных татар ясака, включавшего шкурки соболей, лисиц, бобров, песцов, белых и голубых, куниц, горностаев, рысей, белок и зайцев [Словцов, 2006, с. 69]. «Мягкую рухлядь», а также лосиные кожи привозили для продажи в Тобольск «с ясащным платежом» татары с раз-

CC BY

ных территорий, в том числе тарханские [Вилков, 1967, с. 223], что говорит о большом спросе на пушнину. Однако продавать пушнину в Тобольске, по юртам или на месте ее добычи можно было только тогда, когда «будет внесен в казну ясак мягкой рухлядью» [Там же, с. 224].

К концу XVII века в Тобольском уезде уменьшаются запасы пушного зверя, что приводит к снижению количества и ассортимента пушнины и изменению порядка экономических и торговых отношений [Там же, с. 227—235; Павлов, 1972, с. 105].

Таким образом, природных ресурсов на контролируемых тарханскими татарами территориях в окрестностях острога вполне хватало для проживания. В среднем на одну татарскую семью в составе 5 человек в урожайный год могло приходиться около 5,5 ц ржи, около 10 ц овса и от 3 до 6 голов крупного рогатого скота, не считая овец и лошадей. Количество последних рассчитать сложно, поскольку они вполне могли кормиться самостоятельно, при тебеневке в поймах, в местах, где сохранялась не скошенная летом трава.

Данных о количестве пашенной земли и сенокосов у обитателей самого Тарханского острога в рассматриваемом «Приговоре о землях …» нет. Не дают ясного представления о них и картографические материалы С. У. Ремезова (рис. 1). Отмеченные по карте между поймой и бором пашни и сенокосы, судя по современному состоянию местности, могли иметь ограниченную площадь, пригодную для земледелия. Тем не менее, думается, русские служилые люди были обеспечены объемом ржи, овса, крупным и мелким рогатым скотом, лошадьми на одного человека не менее, чем татарское население.

4. Заключение = Conclusions

Сопоставление современных карт и картографических материалов С. У. Ремезова показало, что масштабных ландшафтных изменений за 400 лет в правобережной части Тобола и междуречье Тобола и Туры не произошло. Выявлено некоторое смещение русел Тобола, Туры и Тапа (Тарханки). На момент сбора данных и составления карты С. У. Ремезова, в конце XVII — начале XVIII веков, отмечается значительная обводненность окрестных водоемов: небольшие речки и ручьи (в настоящее время это лишь заболоченные низины) были заполнены водой [Зах, 2016. с. 69—78; Зах и др., 2021. с. 119—132]. Полноводность рек и протоков подтверждена и анализом маршрута Ермака при его продвижении в Сибирь.

На основании анализа выписки из писцовой книги Л. М. Поскочина, обнаруженной в составе «Документов о земельных спорах ясашных татар Ялуторовского уезда Тобольской губернии» в архиве Музейного комплекса им. И. Я. Словцова в г. Тюмени, сделан вывод о существовании вокруг

CC BY

Тарханского острога семи татарских юрт; их местоположение локализовано благодаря карте С. У. Ремезова. По данным выписки установлено, что количество проживавшего в Тарханском остроге и его округе мужского населения составляло 146 человек. При условии, что взрослое мужское татарское население имело семьи, в окрестностях острога могло проживать 212 человек, с учетом служилых людей острога — 250 человек. Общая численность населения района, включая детей (в среднем три ребенка в семье), составляла 570 человек. В «Приговоре о землях …» указаны размеры пашен, залежных земель, пастбищ, места рыбной ловли и охотничьего промысла. Получаемых зерновых было достаточно для обеспечения семей, рыночного характера земледелие не носило. По данным о размерах пастбищ и заготовляемого сена подсчитано среднее количество скота для каждого хозяйства — от 3 до 6 голов крупного рогатого скота, не считая овец и лошадей, что коррелирует с данными по соседним территориям.

Источники и принятые сокращения

1. *Акты* исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. — Санкт-Петербург : Типография II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. — Т. 5. — 539 с.

2. *Дополнения* к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. — Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1848. — Т. 3. — 572 с.

3. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 214. Оп. 5. Д. 232 ; Д. 261 ; Д. 447 ; Д. 525.

4. ЦУХиП — *Центр* учета хранения и популяризации Музейных фондов Музейного комплекса им. И. Я. Словцова. Коллекция Документы, ОФ-29919.

Литература

1. *Агафонов Л. И.* Древесно-кольцевая индикация гидролого-климатических условий в Западной Сибири : диссертация ... доктора биологических наук : 03.02.08 / Л. И. Агафонов. — Екатеринбург, 2011. — 231 с.

2. *Андроников И. А.* Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии : исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова / при участии чинов Тобольской переселенческой организации В. М. Егорова, К. К. Иванова, М. К. Колпакова, Ф. К. Лискина и А. Р. Шнейдера. Главное управление землеустройства и земледелия, Переселенческое управление Тобольского района. — Тобольск : Губернская типография, 1911. — 395 с.

3. *Алишина Х. Ч.* Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области) / Х. Ч. Алишина. — Тюмень : Издательство ТюмГУ, 1999. — Ч. 2. — 216 с. — ISBN 5-88081-164-6.

4. *Бахрушин С. В.* Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. История народов Сибири в XVI—XVII вв. / С. В. Бахрушин. — Москва : АН СССР, 1955а. — Т. 3. — Ч. 1. — 376 с.

5. *Бахрушин С. В.* Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. История народов Сибири в XVI—XVII вв. / С. В. Бахрушин. — Москва : АН СССР, 1955б. — Т. 3. — Ч. 2. — 299 с.

6. *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конец XVI — начало XVIII в. / О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. — 308 с. — ISBN 5-02-029381-4.

7. *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке / О. Н. Вилков. — Москва : Наука, 1967. — 324 с.

8. *Зах В. А.* Андреевская озерная система (гидрология и использование природных ресурсов по археологическим и картографическим материалам XVIII—XX вв.) / В. А. Зах // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2016. — № 4 (35). — С. 69—78. — DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-069-078.

9. *Зах В. А.* Тарханский острог XVII—XVIII вв. : направления поиска и начало исследований / В. А. Зах, С. И. Цембалюк, Е. В. Сидорова, В. С. Юдакова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2021. — № 3 (54). — С. 119—132. — DOI: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-10.

10. *Зыков А. П.* Земледелие сибирских татар в эпоху позднего средневековья (конец XIV—XVI вв.) / А. П. Зыков // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 2 (39). — С. 137—144.

11. *Миллер Г. Ф.* История Сибири (в 2 т.). / Г. Ф. Миллер. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1937—1941. — Т. 2. — 637 с.

12. *Мыглан В. С.* Климат и социум в Сибири в малый ледниковый период / В. С. Мыглан. — Красноярск : [б. и.], 2010. — 230 с. — ISBN 978-5-7638-1928-1.

13. *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Документы воеводского управления. — Москва : Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. — Ч. 1. — 421 с.

14. *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII в. / П. Н. Павлов. — Красноярск : Красноярский рабочий, 1972. — 350 с.

15. *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVII—XVIII в.) / В. Д. Пузанов. — Санкт-Петербург : Алетея, 2010. — 432 с. — ISBN 978-5-91419-268-3.

16. *Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов / Д. Я. Резун, Р. С. Васильевский. — Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с.

17. *Сибирские* летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). — Рязань : Александрия, 2008. — 688 с. — ISBN 5-94460-031-4.

18. *Сидорова Е. В.* Тарханский острог XVII века у слияния Тобола и Туры / Е. В. Сидорова // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. — Оренбург : Издательство ОГПУ, 2021. — С. 276—278.

19. *Словцов П. А.* История Сибири : От Ермака до Екатерины II. / П. А. Словцов. — Москва : Вече, 2006. — 512 с. — ISBN 5-9533-1139-7.

20. *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке : Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях : с приложением снимка со старинной карты Сибири / А. А. Титов. — Москва : Типография Л. и А. Снегиревых, 1890. — 216 с.

21. *Чертежная* книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Факсимильное издание. — Москва : [б. и.], 2003. — Т. 1. — 50 с.

22. *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария / А. В. Шнитников // Записки Географического общества СССР. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1957. — Выпуск 16. — 337 с.

23. *Шуньков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков / В. И. Шуньков. — Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1946. — 229 с.

24. *Remezov S. U.* Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. 1642-ca. 1720 [Electronic resource] / S. U. Remezov. — Cambridge, Mass : Harvard University. — Access mode : https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$30i (accessed 13.02.2020).

Material resources

Additions to historical acts collected and published by the Archeographic Commission, 3. (1848). St. Petersburg: Printing house of Eduard Prats. 572 p. (In Russ.).

Historical acts collected and published by the Archeographic Commission, 5. (1842). St. Petersburg: Printing House of the II-th Department Of Its Own E. I. V. Chancellery. 539 p. (In Russ.).

Rgada — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214. Op. 5. D. 232, D. 261, D. 447, D. 525.* (In Russ.).

TsUKhiP — *The Center for accounting storage and popularization of Museum funds of the I. Ya. Slovtsov Museum Complex. Collection of Documents, OF-29919.* (In Russ.).

References

Agafonov, L. I. (2011). *Tree-ring indication of hydrological and climatic conditions in Western Siberia.* Doct. Diss. Yekaterinburg. 231 p. (In Russ.).

Alishina, H. Ch. (1999). *Onomasticon of the Siberian Tatars (based on the material of the Tyumen region), 2.* Tyumen: Publishing House of TSU. 216 p. ISBN 5-88081-164-6. (In Russ.).

Andronikov, I. A. (1911). *Materials on land ownership and economic life of settled foreigners of Tobolsk province: a study of the official of special assignments at the Resettlement Administration I. A. Andronikov. The Main Directorate of Land Management and Agriculture, the Resettlement Administration of the Tobolsk district.* Tobolsk: Gubernskaya printing House. 395 p. (In Russ.).

Bakhrushin, S. V. (1955). *Scientific works. Selected works on the history of Siberia of the XVI—XVII centuries. The history of the peoples of Siberia in the XVI—XVII centuries, 3 (1).* Moscow: USSR Academy of Sciences. 376 p. (In Russ.).

Bakhrushin, S. V. (1955). *Scientific works. Selected works on the history of Siberia of the XVI—XVII centuries. The history of the peoples of Siberia in the XVI—XVII centuries, 3 (2).* Moscow: USSR Academy of Sciences. 299 p. (In Russ.).

Miller, G. F. (1937—1941). *History of Siberia: in 2 volumes, 2.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 637 p. (In Russ.).

Myglan, V. S. (2010). *Climate and society in Siberia during the Little Ice Age.* Krasnoyarsk: [b. i.]. 230 p. ISBN 978-5-7638-1928-1. (In Russ.).

Ogloblin, N. N. (1895). *Review of columns and books of the Siberian Order (1592—1768). Documents of the voivodeship administration, 1.* Moscow: University Printing House, Strastnoy Boulevard. 421 p. (In Russ.).

Pavlov, P. N. (1972). *Fur trade in Siberia of the XVII century.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Worker. 350 p. (In Russ.).

Puzanov, V. D. (2010). *Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (the end of the XVII—XVIII centuries).* St. Petersburg: Alethea. 432 p. ISBN 978-5-91419-268-3. (In Russ.).

Rezun, D. Ya., Vasilevsky, R. S. (1989). *Chronicle of Siberian cities.* Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House. 304 p. (In Russ.).

CC BY

Siberian chronicles. Brief Siberian Chronicle (Kungur). (2008). Ryazan: Alexandria. 688 p. ISBN 5-94460-031-4. (In Russ.).

Sidorova, E. V. (2021). Tarkhansky prison of the XVII century at the confluence of Tobol and Tours. In: *LIII Ural-Volga Archaeological Conference of students and young scientists: Materials of the All-Russian (with international participation) conference.* Orenburg: OGPU Publishing House. 276—278. (In Russ.).

Shnitnikov, A. V. (1957). Variability of the total moisture content of the continents of the Northern hemisphere. In: *Notes of the Geographical Society of the USSR, 16.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 337 p. (In Russ.).

Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the history of colonization of Siberia in the XVII — early XVIII centuries.* Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 229 p. (In Russ.).

Slovtsov, P. A. (2006). *History of Siberia: From Ermak to Catherine II.* Moscow: Veche. 512 p. ISBN 5-9533-1139-7. (In Russ.).

Remezov, S. U. *Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. 1642-ca. 1720.* Cambridge, Mass: Harvard University. Available at: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$30i (accessed 13.02.2020).

The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son of the boyar Semyon Remezov in 1701, 1. Facsimile edition. (2003). Moscow: [b. i.]. 50 p. (In Russ.).

Titov, A. A. (1890). *Siberia in the XVII century: A collection of old Russian articles about Siberia and the lands adjacent to it: with the application of a snapshot from an old map of Siberia.* Moscow: Printing house of L. and A. Snegirev. 216 p. (In Russ.).

Vilkov, O. N. (1967). *Craft and trade of Western Siberia in the XVII century.* Moscow: Nauka. 324 p. (In Russ.).

Vilkov, O. N. (1990). *Essays on the socio-economic development of Siberia at the end of the XVI — beginning of the XVIII century.* Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 308 p. ISBN 5-02-029381-4. (In Russ.).

Zakh, V. A. (2016). Andreevskaya lake system (hydrology and use of natural resources based on archaeological and cartographic materials of the XVIII—XX centuries). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 4 (35):* 69—78. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-069-078. (In Russ.).

Zakh, V. A., Tsembalyuk, S. I., Sidorova, E. V., Yudakova, V. S. (2021). Tarkhansky prison of the XVII—XVIII centuries: directions of search and the beginning of research. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 3 (54):* 119—132. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-10. (In Russ.).

Zykov, A. P. (2013). Agriculture of the Siberian Tatars in the Late Middle Ages (late XIV—XVI centuries). *Ural Historical Bulletin, 2 (39):* 137—144. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.03.2022,
одобрена после рецензирования 05.05.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Клочков В. В. Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX в. / В. В. Клочков, В. С. Назарова, М. А. Пономарева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 445—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-445-462.

Klochkov, V. V., Nazarova, V. S., Ponomareva, M. A. (2022). Radicalism and Reformism in Political Controversy Tories in Great Britain in First Third of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 445-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-445-462. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-445-462

Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века

Клочков Виктор Викторович
orcid.org/0000-0003-1850-6096
ResearcherID B-4437-2019
доктор исторических наук, доцент,
кафедра социологии,
истории и политологии
vicpeel@mail.ru

Назарова Вероника Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2583-121X
старший преподаватель,
кафедра социологии,
истории и политологии
doors80@mail.ru

Пономарева Мария Александровна
orcid.org/0000-0001-8135-3067
ResearcherID M-1122-2016
Scopus Author ID 6603544114
доктор исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории
XX—XXI веков
ponomariya@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Radicalism and Reformism in Political Controversy Tories in Great Britain in First Third of 19th Century

Viktor V. Klochkov
orcid.org/0000-0003-1850-6096
ResearcherID B-4437-2019
Doctor of History, Associate Professor,
Department of Sociology, History
and Political Science
vicpeel@mail.ru

Veronika S. Nazarova
orcid.org/0000-0002-2583-121X
Senior Lecturer,
Department of Sociology, History
and Political Science
doors80@mail.ru

Maria A. Ponomareva
orcid.org/0000-0001-8135-3067
ResearcherID M-1122-2016
Scopus Author ID 6603544114
Doctor of History, Associate Professor,
Department of National History
of the XX—XXI centuries
ponomariya@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Клочков В. В., Назарова В. С., Пономарева М. А., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается радикальный и реформистский дискурс о природе и границах «народного элемента» в британской политической системе первой трети XIX века. Исследуются ключевые особенности этого дискурса и роль, которую он сыграл в формировании широкой идентичности тори. Показано, что в исследуемый период акцент политической полемики сместился с проблем суверенитета и королевской прерогативы к вопросам, связанным со справедливым народным представительством и характером необходимых политических реформ. Цель работы заключается в исследовании соотношения радикализма и реформизма в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века. Этот тезис подтверждается документальными свидетельствами, в том числе и впервые введенными в научный оборот. Подчеркивается, что сложившаяся в исследуемый период широкая идентичность тори основывалась на приверженности идеалам конституционного устройства, установленным по итогам Славной революции. Также представлена авторская оценка того, каким образом различные подходы торийских группировок к вопросу о реформе размывали широкую идентичность тори, создавая базу для формирования политических идей консерватизма.

Ключевые слова:
Великобритания XIX века; британское конституционное устройство; партия тори; торийская идентичность, торийский политический дискурс; современная британская историография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A radical and reformist discourse on the nature and limits of the “folk element” in the British political system in the first third of the 19th century is considered. The key features of this discourse and the role it played in shaping a broad Tory identity are studied. It is shown that during the period under study, the focus of political controversy shifted from issues of sovereignty and royal prerogative to issues related to fair popular representation and the nature of the necessary political reforms. The novelty of the study lies in the emphasis on the fact that it was the abuse of power by the “popular element” in the British constitutional system that was the main threat to sustainable development. This thesis is supported by documentary evidence, including those first introduced into scientific circulation. It is emphasized that the broad Tory identity that developed during the period under study was based on adherence to the ideals of the constitutional order, established as a result of the Glorious Revolution. The author’s assessment of how the various approaches of the Tory groups to the issue of reform eroded the broad identity of the Tories, creating a basis for the formation of political ideas of conservatism, is presented.

Key words:
Great Britain of the 19th century; British constitutional order; Tory party; Tory identity; Tory political discourse; contemporary British historiography.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:329(410)“180/183”

Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века

© Клочков В. В., Назарова В. С., Пономарева М. А., 2022

1. Введение = Introduction

В последней трети XVIII века главной темой в той части английской политической полемики, в которой затрагивались вопросы конституционного устройства страны, были проблемы происхождения суверенитета и границ королевской прерогативы [Клочков, 2021, с. 324—341]. Однако после окончания наполеоновских войн полемический акцент стал смещаться именно в сторону вопросов, связанных со справедливым народным представительством и характером реформ, которые подобное представительство могло обеспечить. Дж. Кларк справедливо полагает, что даже американская и французская революции воспринимались в британской политике скорее с точки зрения «лояльности и суверенитета, чем в отношении их связи с изменениями политического представительства и реформ», которые стали результатом этих социальных потрясений [Clark, 2000, p. 238].

Актуальность работы определяется аргументацией исследовательского тезиса о том, что на фоне радикальной агитации и широко распространенных требований парламентской реформы в первой трети XIX века решимость тори защитить конституцию от посягательств народа способствовала появлению их широкой идентичности, создав предпосылки к появлению консервативной партии. В свою очередь новизна исследования заключается в том, что отмеченный политический дискурс рассматривается во всей его полноте, с опорой на журналы «The Anti–Jacobin Review and Magazine», «Blackwood’s Edinborogh Magazine», знаменитый своими консервативными симпатиями журнал «Quarterly Review» и на речи торийских политиков.

Также следует иметь в виду то обстоятельство, что в Великобритании нет писаной конституции в привычном нам смысле, поэтому использование термина *конституционное устройство* обладает в данном случае своей спецификой: речь идет о балансе и соотношении прерогатив короны и полномочий обеих палат парламента и кабинета министров.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В свое время Л. Колли указывала, что тори отнюдь не были аксиоматически против концепции парламентской реформы на протяжении XVIII сто-

CC BY

летия, как не были против и «консервативные виги», но ровно до тех пор, пока Французская революция не наделила народное представительство «радикальными и подрывными коннотациями» [Coley, 1982, p. 170—173]. В свою очередь Дж. Сак отметил, что до 1819 года «довольно трудно найти какую-либо газету или журнал тори, которые открыто осуждали бы парламентскую реформу» [Sack, 1993, p. 151]. Более того, он пришел к заключению, что даже «когда кризис режима [тори] начался в 1828 году, не было ортодоксального отношения тори к парламентской реформе» [Ibid.]. Тем не менее по мере роста радикальной агитации в XIX веке, кульминацией которой стали 1819—1820 годы, откровенная оппозиция парламентской реформе справа получила более широкое распространие [Ibid., p. 151—152].

Отчасти такое изменение политической повестки было следствием отмеченных выше споров, затрагивающих прерогативу монарха. Георг III, находившийся на престоле с 1760 года, пользовался поддержкой легитимистов-тори и вызывал антипатии вигов во время американской и французской революций, активно вмешиваясь в работу парламента. С 1811 года умственное здоровье монарха находилось в состоянии крайнего расстройства, однако принц-регент, который стал в 1820 году королем Георгом IV, практически не вмешивался в дела парламента, следуя традиции, заложенной его отцом. Действительно, несмотря на широко известное утверждение Дж. Кларка о том, что Британия оставалась *«ancien regime»* до 1832 года, даже он признает, что «монархия и ее прерогативы уже не занимали центральное место в политических спорах после 1815 года» [Clark, 2000, p. 238—239].

Подобное смещение фокуса политических дискуссий имеет несколько оснований. С одной стороны, с окончанием наполеоновских войн Великобритания была поражена изнурительной экономической депрессией, поиски выхода из которой так или иначе провоцировали полемику в стенах парламента. С другой стороны, возвращение Бурбонов к власти во Франции сделало политический режим периода Реставрации той моделью, которая могла быть воспринята политическим классом Великобритании как некая противоположность традиционной английской конституции. Именно вследствие этого обстоятельства парламентские дискуссии в Великобритании оказывались неизбежно сосредоточенными на эффективности представительной системы. В этом контексте тори продолжали утверждать, что монарх не должен опасаться конституционных посягательств как таковых, поскольку даже самая совершенная политическая система время от времени требует изменений. Скорее, столкнувшись с возрожденным народным радикализмом и растущими требованиями парламентской реформы, тори беспокоились о том, что «народное влияние» в английской конституционной системе возросло до опасной степени.

CC BY

Решимость тори бороться с этим влиянием получила воплощение в авторитарной предрасположенности к подавлению народного радикализма, в оппозиции к всеобъемлющим конституционным изменениям и, что важно, в отличии идентичности тори от идентичности находящихся в оппозиции вигов. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в исследовании соотношения радикализма и реформизма в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века.

Указанная цель во многом предопределила характер источниковой базы исследования. Наряду с уже отмеченными выше журналами были проанализированы «речи по случаю», выходившие в свет малыми тиражами в первой трети XIX века и сохранившиеся в локальных английских библиотеках. Некоторые отрывки из этих речей впервые введены в научный оборот в данной работе. В частности, это относится к речи члена парламента от партии тори в 1817—1832 годах и автора знаменитого трехтомника «Дневников и писем» Дж. У. Крокера, которую он произнес 4 марта 1831 года по вопросу билля о реформе парламента. Этот отрывок был обнаружен автором в библиотеке университета г. Саутгемптон в 2018 году и ранее не использовался в качестве источника при описании политического дискурса, на котором сосредоточено внимание в настоящей работе [JCS (1)].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussions

3.1. Радикализм и реформизм в политической полемике тори

Изучение указанных выше источников дает ясное понимание того, что после 1815 года большинство тори не испытывало сомнений относительно причин политического недовольства или главной угрозы политической стабильности в Великобритании. По мере нарастания недовольства и распространения радикальной агитации в период 1815—1820 годов торийские парламентарии неоднократно настаивали на том, что свободам британских подданных ни в коей мере не угрожает властная прерогатива, назначение которой в конституционном устройстве страны сводится лишь к тому, чтобы «способствовать равновесию конституции», а главную опасность представляет не корона, а «современные реформисты» [AJ, 1817, Vol. 51, № 225 (February), p. 635]. В цитируемой статье они прямо названы «демагогами, чье намерение состоит лишь в том, чтобы обмануть и предать невежественных, сосредоточившись на старой сказке ... о том, что наши страдания берут свое начало в частичном представительстве в палате общин и в коррумпированном правительстве» [Ibid., p. 636—637] (здесь и далее перевод наш. — *В. К., В. Н., М. П.*). В «Quarterly Review» известный английский поэт Роберт Саути оспорил требования парламентской реформы, поставив под сомнение ее мотивацию: «Находятся ли под угро-

CC BY

зой их [народные] свободы? Разве парламент вот-вот будет приостановлен или выведен из употребления [?] ... Считают ли они, что конституционный порядок власти должен быть установлен ... лишь штыками ганноверцев?» [QR, 1816, № 16 (31) (October), p. 261].

По мнению большинства торийских публицистов, если британской конституции и угрожали подрывной деятельностью в период между 1815 и 1820 годами, то эта угроза исходила исключительно от «народной ветви» конституции, которая, как было метко отмечено в "The Anti–Jacobin Review and Magazine", поразительно «пышно разрослась» за ее пределы. В качестве доказательства того, что «неконституционное господство направлено народом», в журнале отмечалось, что нужно только изучить «диктаторский язык» реформаторов и проследить их попытки сделать «принца-регента одиозным в глазах низших классов». Целью этих нападений было «подорвать его авторитет и подорвать основу его королевской прерогативы». Также отмечалось: «Как показали события во Франции в последнее время, такое поведение служило лишь прелюдией к революции» [AJ, 1817, Vol. 51, № 225 (February), p. 638]. Таким образом, политический дискурс тори совершенно явным образом строился на том, что народные свободы не уменьшились, а увеличились, и теперь именно это их «увеличение» угрожало подорвать власть короны и устоявшееся конституционное устройство.

В ответ на вызов народного недовольства торийская публицистика предлагала ряд авторитарных аргументов и мер, причем риторика тори была куда более жесткой, чем у оппозиционных вигов. Р. Саути настаивал, что «там, где опасность неизбежна, должны применяться сильные средства правовой защиты» [QR, 1817, № 16 (32) (January), p. 513]. Предлагаемые тори «сильные средства» правовой защиты появились в 1817 году, когда было приостановлено действие «Habeas Corpus Act», и завершились в 1819 году серией репрессивных мер, позже получивших печальную известность как «Шесть актов». Эти меры стали следствием несанкционированного массового собрания в Сейнт Питерс филд в августе 1819 года, когда 50 тысяч человек собралось на окраине Манчестера, чтобы услышать реформистскую речь радикала Генри Ханта. Неумелые действия местных магистратов и неоднозначные инструкции, исходящие от министра внутренних дел лорда Сидмута, привели к тому, что, когда власти попытались проникнуть в толпу и арестовать оратора, привлекая для этого военные силы, 11 человек были убиты и более 650 ранены [Poole, 2006, p. 254]. Беспокойство по поводу массовых народных волнений высказывали тогда и находящиеся в оппозиции виги. Тем не менее эта группа выступала за уступки и примирение, тогда как практикуемые тори репрессии воспринимались ими как «анафема для концепции британской свободы» [Austin,

CC BY

1967, p. 13]. В дальнейшем это особое партийное отношение только усилилось, проводя грань между сторонниками тори и вигов.

Виги призвали к парламентскому расследованию «Питерлоо» (такое название получил инцидент в Сейнт Питерс Филд по горькой аналогии с битвой при Ватерлоо) и выступили с яростной оппозицией репрессивному законодательству, предложенному торийским правительством лорда Ливерпула для подавления радикализма. Торийская пресса реагировала на позицию вигов весьма раздраженно. Один рецензент в журнале «Blackwood's Edinborogh Magazine» жаловался, что «худшей из всех особенностей нынешнего сотрясаемого со всех сторон положения дел в нашей стране было поведение не реформаторов, а вигов», которые продолжали «поддаваться народному протесту и увеличивать всеми доступными им средствами трудности избранных хранителей государства» [BEM, 1819, Vol. 6, № 32 (November), p. 211]. В парламенте один из наиболее ярких ораторов тори и будущий премьер-министр Дж. Каннинг подверг резкой критике тех, кто не смог поддержать решимость администрации: «Тот, кто прислушивается к доктринам, в которых подвергается нападкам конституция страны и оскорбляется величие трона, но сомневается в том, что среди тех, кто говорит на таком языке, существует замысел свергнуть всю власть, тот безразличен к сохранению прав и привилегий, которыми он недостоин пользоваться» [CS, 1820, 15 March, p. 281]. Таким образом, широкому авторитарному консенсусу тори во многом способствовало возрождение угрозы британской конституции со стороны различных групп радикалов, что в свою очередь усиливало доктринальные различия между тори и вигами.

Однако далеко не всякое расширение свобод подданных английской короны было встречено тори столь враждебно. Некоторые свободы, такие как частичная публикация парламентских дебатов (напомним, что до судебного решения 1836 года по делу *Hansard vs Stockdale* публикация отчетов была привилегией палаты общин), воспринимались ими как ценное дополнение к уже существующим правам [QR, 1820, № 22 (44) (January), p. 536]. Кроме того, тори никогда публично не посягали на право подданных встречаться, подавать петиции или обсуждать направляемые в палату общин жалобы [CS, 1820, 18 March, p. 304]. Но большие публичные митинги всегда вызывали у них резкую авторитарную реакцию, которая заметно усилила антипопулистские черты в идеологии тори.

3.2. Политические основания полемики тори

При этом логика тори выстраивалась следующим образом: репрессивные меры вместо того, чтобы посягать на свободы подданных, обеспечивают необходимое и оправданное средство их защиты. При этом отмечалось, что радикалами были приложены огромные усилия, чтобы убедить страну

CC BY

в том, что их свободы были существенно ограничены регулированием народных собраний. Однако парламентский «Акт о подстрекательстве к мятежу» (Seditious Meetings Act) оставил «нетронутыми права подданных на все конституционные способы собраний, которые были известны нации с тех пор, как она стала свободной», то есть со времен Славной революции 1688 года [CS, 1820, 18 March, p. 303]. В «Quarterly Review» использовалась сходная риторика: один из рецензентов торийского журнала утверждал: «Рассматривая законодательные изменения, затрагивающие в той или иной степени народные свободы …, важно понимать ..., что в 1689 году собрание огромных и беспорядочных толп с простой целью обсуждения … не было явно запрещено» [QR, 1820, № 22 (44) (January), p. 535] Таким образом, тори продолжали подчеркивать свою верность идеалам 1688 года: члены кабинета министров по-прежнему ощущали себя «слугами короны», полагая, что со времен Славной революции народные свободы лишь возросли и достигли такой степени зрелости, что появилась возможность злоупотребления ими.

Славная революция 1688 года оставалась для торийских публицистов ключевым моментом размышлений о природе идентичности тори и вигов и в первой трети XIX века. Дж. Сак предполагает, что торийская пресса этого периода значительно дистанцировалась от «исторической “партии тори” до 1760 года, все более неохотно принимая само название “тори”» [Sack, 1993, p. 70]. Однако этот процесс, как уже отмечалось, сочетался с ревностной приверженностью институтам, сохранившимся со времен исторического перелома 1688—1689 годов. В первой трети XIX века эта приверженность проявлялась прежде всего в претензии тори на историческую, «истинную» традицию вигов. В 1817 году Р. Саути раскритиковал якобитов как группу, подобную католикам, которые «денатурализировали себя в глубине души» через верность «иностранной державе» [QR, 1817, № 16 (32) (January), p. 524—525]. Впоследствии «Blackwood’s Edinborogh Magazine» утверждал, что «торизм в 1823 году был представителем виггизма в 1688 году», причем автор призывал читателей к «категорическому отстранению от спорных идей, которые лежали в основе идеологии божественного права». Он утверждал, что «некогда само имя тори … было отвратительным из-за его связи с опасными и взорванными доктринами Стюартов ... Но время меняет дух титулов, а также людей, и ныне в своем искреннем почитании Конституции в Церкви и государстве торизм … поддерживает дух нашей Славной революции» [BEM, 1823, № 14 (78) (July), p. 78]. К моменту появления в 1823 году в правительстве лорда Ливерпула «новых», или «либеральных тори» (прежде всего герцога Веллингтона и Р. Пиля) эти доктрины действительно были оставлены, а идентичность тори была серьезно пересмотрена. В первой трети XIX века эта идентич-

CC BY

ность еще отчасти подкреплялась авторитарными и антипопулистскими аргументами, но с абсолютистскими концепциями, базирующимися на идее «божественного права королей», было покончено.

Процесс пересмотра идентичности тори был ускорен в первой трети XIX века повышенной напряженностью в отношении католического вопроса [Sack, 1993, p. 71]. Действительно, тот самый корреспондент «Blackwood's Edinborogh Magazine», предложивший отказаться от термина *тори*, продолжил критиковать «старых тори» за то, что они «смотрят на Римскую церковь полным предвзятости взглядом»; он же хвалил «старых вигов» за то, что они, «признавая связь между произволом власти и католицизмом», были более гибкими в использовании «эффективных средств для обеспечения протестантского господства» [BEM, 1823, № 14 (83) (December), p. 667]. Идентификация с консервативной или «старой» идеологической линией вигов означала, что защита позиции короны больше не влечет за собой защиту произвола власти или даже господства короны в конституционном механизме. Скорее, королевская прерогатива защищалась теперь тори в качестве неотъемлемого институционального элемента этой системы, который защищал нацию от преобладания «эмансипированного народа». Таким образом, подобно дискурсам старых тори и консервативных вигов в конце XVIII века, тори первой трети XIX века приняли консервативную интерпретацию событий 1688 года, что позволило им отвергнуть спорные доктрины прошлого торизма, одновременно поддерживая и защищая власть короны.

3.3. Тори и проблема политического представительства

Очевидное оживление радикализма и периодическое возрождение давления борцов за парламентскую реформу — (сначала в 1816—1823 годах, а затем в 1830—1832 годы — послужили консолидации политических фракций внутри палаты общин. Современный исследователь Ф. О'Горман отмечает, что в 1815—1818 годах 274 депутата палаты общин голосовали исключительно за правительство, 192 — исключительно за оппозицию (всего 71 % депутатов), в то время как 78 депутатов (12 %) голосовали, периодически солидаризуясь с той или иной стороной, а 114 депутатов (17 %) было трудно назвать приверженцами определенной политической линии [O'Gorman, 1997, p. 124; VR, p. 200; O'Gorman et al., p. 68]. Однако те, кто колебался, чаще всего голосовали в поддержку торийского правительства лорда Ливерпула в случаях, когда законодательные предложения последнего оказывались под серьезной угрозой. [Hill, 1985, p. 195]. Поддержка вигами парламентской реформы была представлена торийской публицистикой как еще одна ошибочная попытка атаковать полномочия короны. В 1820 году Дж. Каннинг описал стороны как вовлеченные в «насильственный конфликт» по поводу того, что англичане должны поддерживать в неприкосновенности монархию, при ко-

CC BY

торой страна так долго процветала [CS, 1820, 15 March, p. 284]. Но должны ли они — ставил он далее вопрос — тратить свои силы на бурю в стакане воды, выступая в пользу парламентской реформы, задуманной под предлогом совершенствования конституции, рискуя впоследствии оказаться перед фактом ее полного разрушения? [Там же].

На фоне дебатов по законопроекту о реформе парламента «Blackwood's Edinborogh Magazine» представил аналогичный по составу аргументов анализ ситуации. Виги, не способные «избавиться от королей по имени и личности», теперь стремились уничтожить монарха «по существу и власти». Неизбежным следствием реформы было бы превращение власти короля в чисто номинальную: он «не должен был быть правителем или даже равным подданному; он должен быть рабом-душеприказчиком последнего»; если «доктрины божественного права и легитимности ошибочны, это вовсе не означает, что король не имеет никаких прав» [BEM, 1821, № 30 (187) (November), p. 705—706]. Таким образом, тори продолжали защищать корону, даже не апеллируя к аргументам старого торизма, а их решимость «защищать конституцию и, в частности, полномочия короны от народного посягательства» определяла четкое различие между ними и вигами [JCS (1), p. 17].

В первой трети XIX века тори со всей последовательностью утверждали, что всеобъемлющая перестройка избирательной системы не сможет разрешить реальные проблемы нации. В 1816 году Р. Саути обвинил «апостолов анархии» в том, что они используют «временное и частичное бедствие», чтобы разжечь толпу «к мятежу и восстанию» [QR, 1816, № 16 (31) (October), p. 226]. Он отметил, что вовсе не случайно требования политических реформ совпадали с приступами изнурительной экономической депрессии. Р. Саути четко показал, что большие расходы военного времени удерживали британскую экономику на плаву, способствуя спросу, и именно их сокращение привело к падению рынков и депрессии. Более того, в разгар конфликта иностранные государства научились производить товары, ранее экспортируемые Великобританией. Эти факторы сочетались с плохим сельскохозяйственным сезоном, причины которого вряд ли можно было связать с недостатками репрезентативной системы [QR, 1816, № 16 (31) (October), p. 245]. Здесь обращает на себя внимание главный аргумент тори: «Поскольку британская конституция и парламентская система не были причиной существующего бедствия, так и никакие изменения в этой конституции не могут ни в малейшей степени ни облегчить это бедствие, ни принести пользу народу каким-либо иным образом» [Ibid., p. 272]. Этот аргумент повторялся и в ходе прений по реформе парламента в 1831—1832 годах. Когда в 1831 году в палату общин был внесен первый билль о реформе политического пред-

CC BY

ставительства, очередной экономический кризис был в разгаре и тори снова отрицали, что парламентская реформа будет решением проблемы [JCS (2), p. 605—606]. Спустя полгода герцог Веллингтон зашел так далеко, что обвинил в экономической депрессии сам законопроект. Он писал: «Как только этот билль был предложен ... те, кто ранее жил, исходя из полной суммы своих доходов, стали считать это своими процентами … и именно этим обстоятельствам я склонен приписывать недостаток коммерции и торговли в стране» [WS, Vol. 2, p. 532—533].

Таким образом, в первой трети XIX века все еще существовала некоторая двусмысленность в отношении того, что на самом деле представляет собой сбалансированная конституция Великобритании. Тем не менее аргументы тори, изложенные выше, давали понять, что конституционный баланс будет нарушен растущим влиянием «народа» в палате общин. «The Anti-Jacobin Review and Magazine» выдвинул знакомое обоснование того, что британская конституция была структурой, в которой «три возможные формы правления» были «смешаны в одну гармоничную систему», при этом указывалось, что «безопасность, благополучие и счастье нации ... подвергаются опасности, когда какая-то из форм начинает преобладать» [AJ, 1817, Vol. 52, № 229 (June) p. 351]. На этом основании Дж. Ганн высказал обоснованное предположение, что торийские публицисты первой трети XIX века все чаще исходили из того, что сбалансированный характер конституции должен быть проявлен прежде всего в палате общин [Gunn, 1974, p. 320—327]. Сходной была позиция, занятая обозревателем «Blackwood's Edinborogh Magazine», высказавшим предположение, что «какой бы ни была теория конституции …, ее фактический смысл заключается в том, что три власти уравновешивают себя в палате общин» [BEM, 1831, № 29 (178) (March) p. 435]. Реформа же политического представительства неизбежно увеличит «народное влияние» в палате общин, которое, по мнению тори, уже давно набирает силу. «Неизбежным результатом» этого увеличения будет «эффективное исключение (полное или частичное) того влияния, которым до сих пор обладали в этой стране аристократия и корона», отмечалось в одной статье в «Quarterly Review» [QR, 1831, № 44 (88) (February) p. 579]. Ее автор писал, что «это привело бы к полному расстройству того механизма, с помощью которого до сих пор движения парламентской машины регулировались, контролировались и стабилизировались» [Ibid.]. Наконец, аналогичным образом высказался в палате лордов и герцог Веллингтон, который настаивал на том, что, если «три ветви власти» короля, лордов и палаты общин будут разделены и каждая из них станет «независимой от другой и неконтролируемой в своих действиях», правительство станет «неосуществимым» [WS, Vol. 1, p. 470]. Таким образом,

CC BY

по мнению торийских обозревателей, монархическое и аристократическое влияние в нижней палате было совершенно необходимо для поддержания равновесия в британском конституционном механизме.

3.3. Отношение тори к реформам в сфере политического устройства

Характерно, что в обоснование своей позиции тори приводили примеры из истории других государств, показывающие, что расширение власти народного представительства может происходить только за счет других конституционных ветвей власти. Во время подготовки билля о реформе парламента свежий пример был дан революционными событиями во Франции. В 1831 году «Blackwood's Edinborogh Magazine» посвятил целую серию эссе французской революции 1830 года и парламентской реформе как преобладающим темам дня, сразу же связав их. Частые размышления о природе Французской революции 1789 года, предпринятые торийскими авторами журнала, показали, что целью этой серии эссе было не просто установление параллелей с современными беспорядками во Франции. В этих публикациях администрацию вигов лорда Грея часто сравнивали с банкиром Неккером и французским либеральным дворянством, которые искали популярности, чтобы завоевать должность, высвобождая дух, который, по мнению тори, они теперь не смогли бы контролировать [BEM, 1831, № 29 (180) (May) p. 761]. По мнению тори, события 1793 года служили важным уроком против уменьшения власти короны в ответ на народные требования: «Людовик XVI ... шел на поводу у народа. Нация требовала Генеральных штатов — он их созывал; они требовали народного представительства и удвоение числа депутатов от Tiers Etat — он безропотно соглашался; требовали отмены феодальных прав — он их отменял. Он согласился отказаться от всех прерогатив его короны ... Вся его жизнь была одной непрерывной чередой уступок и реформ, и взамен его вывели на эшафот» [Ibid.]. Что же касается Великобритании, то она в конце XVIII века, по мнению тори, предложила альтернативный пример: британская конституция была «спасена», а урок, вынесенный из революционных событий во Франции, состоял в том, что не чувство справедливости, а «простая сила человеческой порочности возбуждала в нации дух, который быстро становился неконтролируемым» [BEM, 1831, № 30 (182) (July) p. 31]. Таким образом, тори утверждали, что народный бунт в любом случае должен быть встречен сопротивлением, поскольку уступка приведет к конституционному краху. Эта позиция подчеркивала авторитарный и антипопулистский характер идентичности тори в первой трети XIX века.

Однако следует помнить, что далеко не все тори были против понятия реформы. Так, «либеральные тори» в том числе Дж. Каннинг и лорд Ливерпул, премьер-министр с 1812 по 1827 годы, признавали необходимость

CC BY

проведения незначительных реформ в конкретных случаях, когда те или иные злоупотребления были явным образом продемонстрированы. Здесь мы сталкиваемся с еще одним интересным проявлением консервативной доктрины: изменения необходимы лишь в том случае, когда они предотвращают недовольство явными пороками конституционной системы. Как пояснил некогда Дж. Каннинг, реформа должна происходить «по принципу конкретного наказания за правонарушение, ... но не с целью продвижения радикальных изменений, системы, а скорее для того, чтобы предотвратить их путем устранения "конкретных несоответствий"» [CS, 1820, 18 March, p. 321—322]. Аналогичным образом в 1821 году лорд Ливерпул поддержал билль, предложенный вигом, лордом Дж. Расселом, и принятый палатой общин, о лишении избирательных прав корнуэльского «гнилого местечка» Грэмпаунд за коррупцию. В то время как ультра-тори, включая лорда-канцлера Элдона, активно сопротивлялись принятию этого билля, Ливерпул объяснил, что он поддерживает «нынешний законопроект не потому, что он был близок парламентским реформаторам, а потому, что он устранял конкретный повод для недовольства» [Gash, 1984, p. 172]. Важно отметить, что лорд Ливерпул выступил против более радикального предложения Дж. Рассела о переводе двух мест, некогда принадлежавших Грэмпаунду, городу Лидс на том основании, что «это будет представлять собой разрыв с прецедентом». Вместо этого Ливерпул внес успешную поправку о передаче упомянутых мест графству Йоркшир [Ibid., p. 173]. Лорд Ливерпул и Дж. Каннинг не были приверженцами общих спекулятивных схем, которые расширяли бы «народную основу» конституции, поскольку «принципы торизма» опираются на ясно объявленную оппозицию диким теориям неопределенных реформ, которые стремились не исправлять, а разрушать; не исправлять то, что может быть неправильным в системе представительства, но «стремиться к системе, основанной исключительно на том, что называется властью народа» [CS, 1820, 8 March p. 242].

После смерти Каннинга, в 1827 году, принцип консервативного улучшения был поддержан новой группой «либеральных тори», включая герцога Веллингтона и будущего премьер-министра и основателя консервативной партии Р. Пиля. Однако в 1828 году этот принцип был использован для оправдания изменений в избирательной системе, идущих значительно дальше от «прецедента Грэмпаунда». Коррупция в районах Пенрин и Ист-Редфорд убедила министров в том, что избирательное право этих «гнилых местечек» должно быть передано Манчестеру и Бирмингему. Первоначально был достигнут компромисс, в соответствии с которым право голоса на выборах в парламент от Пенрина будет передано Манчестеру, а от Ист-Редфорда — в округ Бассетлоу, где «ультра-тори», герцог Ньюкасл, мог беспрепятственно

CC BY

избираться. Однако этот компромисс был сорван, когда палата лордов провела собственное расследование и пришла к выводу, что обвинения в избирательной коррупции в местечке Пенрин не имеют под собой достаточных оснований. Впоследствии группа «либеральных тори» Дж. Каннинга, теперь возглавляемая У. Хаскиссоном, проголосовала против правительства в отношении избирательного права Ист-Редфорда, утверждая, что эти места должны перейти к Бирмингему. Хаскиссон утверждал: это «лучший курс — не только в отношении общих интересов, но и самый безопасный и самый благоразумный для тех, кто, как и я, хочет защититься от растущей опасности абстрактных и общих реформ» [WHS, Vol. 3, p. 480]. По его мнению, предоставление избирательных прав в Бирмингеме было единственным средством, с помощью которого опасность, создаваемая Бирмингемским политическим союзом, образованным в 1829 году для «поднятия всеобщего призыва к парламентской реформе», могла быть нейтрализована [Ibid., p. 481].

Поддержка У. Хаскиссоном передачи франшизы Ист-Редфорда в Бирмингем была значимой в двух отношениях. Во-первых, несмотря на свою поддержку этой меры, У. Хаскиссон продолжал объявлять себя решительным «врагом того, что называется парламентской реформой в принципе; то есть любой общей реформы в формировании палаты общин, которая основана на принципе теоретического совершенствования» [Ibid., p. 491]. Тем не менее его политика была противоречивой: предоставляя растущему промышленному городу доступ к избирательному праву, У. Хаскиссон не мог не осознавать того, какую угрозу это представляет в перспективе для традиционного торийского «земельного интереса». Эта позиция не соответствовала мнению большинства тори, которые продолжали защищать господство земельной собственности как необходимого элемента в британской конституции. В 1830 году герцог Веллингтон указал, что «представительство народа в настоящее время содержит большую часть собственности страны ... в котором земельный интерес имеет преобладающее влияние», и это преобладание он одобрил [WS, Vol. 1, p. 338]. Выступая в палате лордов, он говорил: «Если я когда-нибудь столкнусь с созданием конституции, то попытаюсь сделать ее как можно более приближенной к уже существующей, в которой собственность и особенно собственность на землю должна быть преобладающей» [Ibid., p. 458]. Разногласия, возникшие в рядах тори в отношении политического статуса «земельного интереса» и растущего значения промышленности и городов в британской экономике, создавали очевидную брешь в идентичности тори. Достаточно признать, что «либеральный» характер У. Хаскиссона, особенно в отношении экономических вопросов, гарантировал ему не только конфликты с «ультра-тори», но и фактическое изгнание из партии к моменту его смерти в сентябре 1830 года.

CC BY

Вторая «пробоина» в торийской идентичности касалась вопроса об эмансипации католиков (предоставлении им гражданских и политических прав, в том числе права быть избранными в палату общин). По иронии судьбы именно отставка У. Хаскиссона привела к дополнительным выборам в ирландском графстве Клэр и последующим выборам лидера движения за эмансипацию Д. О'Коннелла в парламент. Результаты этих выборов имели огромное значение для решения вопроса об эмансипации католиков, в конечном итоге обеспечив прохождение соответствующего билля в парламенте, пока кабинет Веллингтона находился у власти. Таким образом, к 1830 году последний торийский кабинет потерял поддержку не только «либеральных тори», окружавших У. Хаскиссона, но и поддержку примерно 40 «ультра-тори» [O'Gorman, 1997, p. 359]. Более того, «ультра-тори» и поддерживающие их издания и политики выступили тогда в поддержку умеренной реформы парламентского представительства. Впрочем, эту поддержку не следует переоценивать: влиятельные «ультра-тори», включая Р. Вивиана, Ч. Уэзерелла и герцога Ньюкасла, оставались противниками перемен. Даже там, где «ультра-тори» поддерживали реформу парламента, они были мотивированы не симпатией к демократии, а возмущением по поводу растущего либерализма правительства, что, по их мнению, привело к экономическому краху и принятию билля об эмансипации католиков. В ноябре 1830 года последнее правительство тори герцога Веллингтона потерпело поражение по предложениям, касающимся сокращения цивильного листа (233 голоса против 204 голосов), при этом «ультра-тори» проголосовали 33 голосами против 8 в пользу предложений оппозиции. Администрация подала в отставку, и виги под руководством лорда Грея, наконец, пришли к власти [Ibid., p. 360]. В мае 1831 года, через два месяца после того, как первый законопроект о реформе был принят палатой общин, виги одержали победу и на выборах в парламент. «Blackwood's Edinborogh Magazine» утверждал тогда, что именно «фатальные разногласия в партии тори привели страну к ее нынешнему опасному состоянию» [Hilton, 2006, p. 421].

4. Заключение = Conclusions

Успех вигов на парламентских выборах 1831 года обеспечил принятие второго билля о реформе политического представительства, который прошел в палате общин с комфортным большинством в 136 голосов. Противостояние переместилось в палату лордов, где разногласия между тори и вигами спровоцировали уличные беспорядки в Лондоне. В мае 1832 года «Blackwood's Edinborogh Magazine» прямо посетовал на «влияние демократического пыла на пэров» [BEM, 1832, № 31 (194) (May), p. 854]. В то время как «шесть месяцев назад» лорды «отклонили законопроект по су-

CC BY

ществу таким же, как и сейчас, большинством в сорок один голос», они «теперь приняли его большинством в девять голосов» [Ibid., p. 855].По мнению торийского обозревателя, «перед лицом демократической победы только одно могло спасти нацию от разрушения: правительство тори, идентифицированное в принципе, по ощущениям и по духу, с народом тори» [Ibid., p. 855—856]. Однако надежды автора оказались несбыточными: билль о реформе получил королевское одобрение в июне 1832 года.

Таким образом, становится очевидно, что, во-первых, в отношении «гражданского элемента» традиционной британской конституции развитию особой идентичности тори способствовало беспокойство, диаметрально противоположное опасениям оппозиции. Тори полагали, что именно узурпация власти народом представляет собой главную конституционную опасность. Реагируя на заблуждения относительно происхождения политического суверенитета и права на сопротивление, отношений между законодательной и исполнительной властью или требований парламентской реформы, тори последовательно выражали желание защитить конституцию от посягательств народа. Во-вторых, в конце XVIII века пересмотр старой идеологии тори, в частности отход от понятий абсолютной монархической власти и неотъемлемого права на трон, позволил тори присвоить себе статус последовательных защитников королевской прерогативы и, с учетом долголетнего пребывания тори у власти, «министров короны». Именно это составляло главное отличие тори от оппозиционных им вигов в начале XIX века и способствовало появлению новой идентичности тори. Эта идентичность разительно отличалась от идентичности вигов и подкреплялась ревностной приверженностью идеалам конституционного устройства, установленным в ходе Славной революции. В-третьих, уже в первой трети XIX века перед лицом требований парламентской реформы торизм стал характеризоваться ярко выраженной антипопулистской позицией, которая фактически стала формой защиты королевской прерогативы. Очевидная для тори необходимость защищать корону от властных притязаний палаты общин стала важной чертой их публичной политической риторики, нашедшей яркое отражение в торийской политической публицистике. Наконец, хотя среди тори возникли существенные разногласия по вопросу парламентской реформы, «бреши в идентичности», которые в конечном итоге стали фатальными для правительства герцога Веллингтона, коренились не только в этом, но и в различных реакциях на меняющиеся экономические условия Великобритании и проблему эмансипации католиков. Все это позволяет говорить о том, что с таким трудом обретенная в первой трети XIX века «новая торийская идентичность» оказалась не соответствующей тем формам партийной организации тори, которые преобладали в изучаемый период.

Источники и принятые сокращения

1. AJ — *The Anti-Jacobin* Review and Magazine (1798—1821).
2. BEM — *Blackwood's* Edinborogh Magazine (1817—1902).
3. CS — *Speech on 1820,* 15 March // Speaches of the Right Hon. George Canning Delivered on Public Occasions in Liverpool / Ed. by. T. Kaye. — Liverpool : Anon., 1825.
4. JCS (1) — *The Speech* of the Right Hon. John Wilson Croker on the Reform Question on Friday, March 4, 1831. — London, 1831.
5. JCS (2) — *The Speech* of the Right Hon. John Wilson Croker on the Question that Reform Bill Do Pass on Tuesday, September 22, 1831. — London, 1832.
6. QR — *Quarterly* Review (1809—1906).
7. VR — *Voting* Results of the House of Commons, 1761—1820 / Ed. by D. Ginter. — London : Hodder&Stoughton, 1995. — Vol. VI. — XV, 622 p.
8. WHS — *The Speeches* of the Right Hon. William Huskisson. — London : John Murray, 1831. — Vol. 3. — 688 p.
9. WS — *The Speeches* of the Duke of Wellington in Parliament / Ed. by. Col. Girwood. — London : Whatley, 1854. — Vol. 1. — 760 p.

Литература

1. *Клочков В. В.* Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII в. / В. В. Клочков // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 324—341. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341.
2. *Austin M.* The Whigs in Opposition, 1815—1830 / M. Austin. — London : Longman, 1967. — 288 p.
3. *Clark J. C. D.* English Society 1660—1832 : Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime / J. C. D. Clark. — London : Longman, 2000. — 412 p. — ISBN 0-521-66180-3.
4. *Coley L.* In Defiance of Oligarchy : The Tory Party, 1714—1760 / L. Coley. — Cambridge : University Press, 1982. — 386 p.
5. *Gash N.* Lord Liverpool : the Life and Politic Career of Robert Banks Jenkinson, Second Earl of Liverpool, 1770—1828 / N. Gash. — London : Longman, 1984. — 408 p.
6. *O'Gorman F.* Party Politics in the Early Nineteenth Century (1815—1832) / F. O'Gorman, P. Fraser // English Historical Review. — 1987. — Vol. 102. — № 402 (January). — Pp. 54—71.
7. *O'Gorman F.* The Long Eighteen Century : British Political and Social History, 1688—1832 / F. O'Gorman. — London : Hodder&Stoughton, 1997. — 438 p. — ISBN 034056752X.
8. *Gunn J. A. W.* Influence, Parties and the Constitution : Changing Attitudes, 1783—1832 / J. A. W. Gunn // The Historical Journal. — 1974. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 320—327.
9. *Hill B. W.* British Parliamentary Parties, 1742—1832 : From the Fall of Walpole to the First Reform Act / B. W. Hill. — London : Penguin, 1985. — 316 p.
10. *Hilton B.* A Mad, bad and Dangerous People? England, 1783—1846 / B. Hilton. — Oxford : Clarendon Press, 2006. — 782 p. — ISBN 0-19-822830-9.
11. *Poole R.* «By the Law or by the Sword» : Peterloo Revisited / R. Poole // History. — 2006. — Vol. 91. — № 302. — Pp. 250—263.
12. *Sack J.* From Jacobite to Conservative : Reaction and Orthodoxy in Britain, 1760—1832 / J. Sack. — Cambridge : University Press, 1993. — 292 p. — ISBN 0-521-43266-9.

Material resources

Blackwood's Edinborogh Magazine (1817—1902).

Ginter, D. (1995). *Voting Results of the House of Commons, 1761—1820, VI.* London: Hodder&Stoughton. XV, 622 p.

Girwood, Col. (ed.). (1854). *The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament, 1.* London: Whatley. 760 p.

Jacobin Review and Magazine (1798—1821).

Kaye, T. (ed.). (1825). Speech on 1820, 15 March. In: *Speaches of the Right Hon. George Canning Delivered on Public Occasions in Liverpool.* Liverpool: Anon.

Quarterly Review (1809—1906).

The Speech of the Right Hon. John Wilson Croker on the Reform Question on Friday, March 4, 1831. (1831). London.

The Speech of the Right Hon. John Wilson Croker on the Question that Reform Bill Do Pass on Tuesday, September 22, 1831. (1832). London.

The Speeches of the Right Hon. William Huskisson, 3. (1831). London: John Murray. 688 p.

References

Austin, M. (1967). *The Whigs in Opposition, 1815—1830*. London: Long-man. 288 p.

Clark, J. C. D. (2000). *English Society 1660—1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime.* London: Longman. 412 p. ISBN 0-521-66180-3.

Coley, L. (1982). *In Defiance of Oligarchy: The Tory Party, 1714—1760.* Cambridge: University Press. 386 p.

Gash, N. (1984). *Lord Liverpool: the Life and Politic Career of Robert Banks Jenkinson, Second Earl of Liverpool, 1770—1828.* London: Longman. 408 p.

Gunn, J. A. W. (1974). Influence, Parties and the Constitution: Changing Attitudes, 1783—1832. *The Historical Journal, 17 (2):* 320—327.

Hill, B. W. (1985). *British Parliamentary Parties, 1742—1832: From the Fall of Walpole to the First Reform Act.* London: Penguin. 316 p.

Hilton, B. (2006). *A Mad, bad and Dangerous People? England, 1783—1846.* Oxford: Clarendon Press. 782 p. ISBN 0-19-822830-9.

Klochkov, V. V., Nazarova, V. S. (2021). Origin of Sovereignty and Boundaries of Royal Prerogative in Tory Political Controversy in Great Britain in Last Third of 18th Century. *Nauchnyi dialog, 9:* 324—341. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-324-341. (In Russ.).

O'Gorman, F., Fraser, P. (1987). Party Politics in the Early Nineteenth Century (1815—1832). *English Historical Review, 102 (402) (January):* 54—71.

O'Gorman, F. (1997). *The Long Eighteen Century: British Political and Social History, 1688—1832.* London: Hodder & Stoughton. 438 p. ISBN 034056752X.

Poole, R. (2006). «By the Law or by the Sword»: Peterloo Revisited. *History, 91 (302):* 250—263.

Sack, J. (1993). *From Jacobite to Conservative: Reaction and Orthodoxy in Britain, 1760—1832.* Cambridge: University Press. 292 p. ISBN 0-521-43266-9.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022,
одобрена после рецензирования 04.05.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Куринских П. А. Фольклоризм в культуре жизнеобеспечения населения австрийских Альп в XXI веке / П. А. Куринских // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 463—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-463-481.

Kurinskikh, P. A. (2022). Folklorism in Culture of Subsistence of Population of Austrian Alps in 21st Century. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 463-481. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-463-481. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY LIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-463-481

Фольклоризм в культуре жизнеобеспечения населения австрийских Альп в XXI веке

Куринских Полина Александровна
orcid.org/0000-0002-5756-3643
научный сотрудник,
лаборатория этносоциальных исследований
polina_alexandrowna@mail.ru

Субтропический научный центр
Российской академии наук
(Сочи, Россия)

Благодарности:
Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФИЦ СНЦ РАН № FGRW-2021-0014

Folklorism in Culture of Subsistence of Population of Austrian Alps in 21st Century

Polina A. Kurinskikh
orcid.org/0000-0002-5756-3643
researcher,
Ethnosocial Research Laboratory
polina_alexandrowna@mail.ru

Federal Research Centre
the Subtropical Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Sochi, Russia)

Acknowledgments:
The publication was prepared as part of the implementation of the State task of the FRC SSC RAS № FGRW-2021-0014

© Куринских П. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности и механизмы сохранения традиционной культуры австрийских горных крестьян. Выделены и описаны характерные черты жизнеобеспечения австрийских крестьян, его производственный цикл, особенности быта. Показано, что в основе системы жизнеобеспечения региона находится сельское хозяйство, базирующееся на отгонных формах скотоводства и глубинной переработке его продукции на уровне локальных ферм. Обосновывается тезис о том, что на территории австрийских Альп сохранение традиционных объектов связано с их реконтекстуализацией. Анализируется ряд других аспектов культуры жизнеобеспечения современных австрийских горных крестьян, включая традиции и обычаи. Опираясь на данные полевых исследований, автор приводит примеры сохранения и презентации национальной культуры некоторых населенных пунктов Австрии (регион Цель ам Зее, федеральная земля Зальцбург). Показан аспект реконтекстуализации, связанный с сохранением обрядности. Акцентировано внимание на таком факторе, как содействие творческим коллективам. Практическая значимость работы заключается в возможности заимствования опыта интеграции инновационных форм «сельской культуры» для сохранения жизнеобеспечения и раскрытия рекреационного потенциала в регионах России, в том числе на Черноморском побережье.

Ключевые слова:
культура жизнеобеспечения; историко-культурное наследие; традиционная культура; фольклоризм; Австрия; Альпы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features and mechanisms of preservation of the traditional culture of the Austrian mountain peasants are considered. The characteristic features of the life support of the Austrian peasants, their production cycle, features of life are singled out and described. It is noted that the core of the region life support system is agriculture, based on distant pasture forms of cattle breeding and deep processing of its products at the level of local farms. The thesis is substantiated that the preservation of traditional objects on the territory of the Austrian Alps is associated with their recontextualization. Based on field research data, the author gives examples of the preservation and presentation of the national culture of the settlements of some places in Austria (the Zell am See region, the federal state of Salzburg). The article shows another aspect of recontextualization — the preservation of rituals, which is determined by the production cycle. Attention is focused on such a factor as the promotion of creative teams. This gives impetus to the development of innovative forms of life support culture. The practical significance of the work lies in the possibility of borrowing the experience of integrating innovative forms of "rural culture" to preserve life support and unlock the recreational potential in the regions of Russia, including the Black Sea coast.

Key words:
life support culture; historical and cultural heritage; traditional culture; folklorism; Austria; Alps.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 39+719:712.2(436)“2001/2022”

Фольклоризм в культуре жизнеобеспечения населения австрийских Альп в XXI веке

© Куринских П. А., 2022

1. Введение = Introduction

Фольклоризм в настоящее время рассматривается как один из ключевых факторов существования и развития традиционной и современной культуры. Эти явления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому актуальность исследования проявлений фольклоризма определяется трансформацией традиционной культуры, её реконструкцией в соответствии с современными тенденциями, включая процессы глобализации культуры, её коммерциализации и популяризации. В европейской практике наибольшей популярностью пользуется демонстрация форм «живой культуры», одной из которых является фольклоризм как свидетельство этнокультурного процесса, направленного на «включение» элементов традиционной культуры жизнеобеспечения в формируемый парками сегмент регионального рынка услуг.

В западной научной литературе широко известны разработки по проблематике фольклоризма. В достаточной степени полно раскрыты методологические и терминологические подходы в трудах Х. Мозера, Х. Баузингера, Г. Смидченса и других исследователей [Bausinger, 1993; Istenič, 2011; Moser, 1962; Šmidchens, 1999 и др.]. В российской историографии фольклоризм изучается в основном в работах по литературе [Екимова, 1994], музыке [Бобрицких, 2005], живописи [Виницкая, 2013], декоративно-прикладному искусству [Колобкова, 2011]. В то же время количество трудов, рассматривающих взаимосвязь фольклоризма и традиционных знаний, этнической культуры, незначительно. Подчеркнем, что в исследованиях по истории, этнологии, социальной и культурной антропологии данные проблемы, а также вопросы, касающиеся генезиса фольклоризма у этнических групп, вплоть до последнего времени не являлись объектом и предметом исследований. Данные факторы также определяют актуальность проблематики.

Однако в научной литературе проблематика фольклоризма в связи с жизнеобеспечением населения не рассматривалась. В статье мы используем термин *жизнеобеспечение*, при этом отметим, что для современной немецкой историографии не характерно употребление таких понятий, как «система жизнеобеспечения» и «культура жизнеобеспечения». Среди немецких работ особо следует отметить труды Б. Тчёфэна [Tschöfen, 1997], Ф. Липпа [Lipp, 2004], М. Юнгмайера [Jungmeier et al., 2004] и др. В отечественной истори-

CC BY

ографии данная тематика получила освещение в работах В. И. Козлова [Козлов, 1991] в 1980-е годы и активно изучается в настоящее время [Садовой, 2015; Белозёрова, 2017; Чернова, 2015; Куринских, 2019].

Объектом исследования являются элементы современной культуры жизнеобеспечения, предметом — реконтекстуализиция культуры жизнеобеспечения через фольклоризм. Цель исследования состоит в выявлении особенностей того, как сохраняются отдельные элементы жизнеобеспечения и традиционной культуры горных крестьян Австрии. Для этого необходимо решить ряд задач: 1) рассмотреть исторические особенности жизнеобеспечения австрийских горных крестьян (Bergbauern), производственного цикла, быта; 2) проанализировать некоторые аспекты традиций и обычаев современных горных австрийских крестьян как составляющих культуру их жизнеобеспечения. Научная проблема заключается в корреляции стремления к сохранению традиционного жизнеобеспечения и этнической культуры автохтонным населением Австрии, с одной стороны, и их трансформации под воздействием современных социальных технологий, включая фольклоризм, — с другой.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании использовано обобщённое определение, основанное на работах европейских этнографов [Moser, 1962; Bausinger, 1993; Šmidchens, 1999; Istenič, 2011]. Для понятия «фольклоризм» характерна ретрансляция наиболее зрелищных, отдельных элементов народной культуры для более широкой публики. В ходе такой ретрансляции допускается изъятие некоторых элементов из первоначального контекста и помещение в другую среду (культурную, географическую, социальную) для решения задачи возрождения традиционных знаний, этнической самоидентификации, получения экономической, политической выгоды [Куринских, 2019].

В контексте нормативно-правовых документов Германии и Австрии (например, Альпийской конвенции [Alpenkonvention, 1995], Deklaration Bevölkerung und Kultur [Deklaration…, 2006]) и подписанных этими странами международных конвенций, направленных на сохранение природного и историко-культурного наследия, фольклоризм рассматривается как явление традиционной культуры и как проявление управленческих технологий для решения не столько культурных, сколько социально-экономических проблем альпийских регионов. Также следует отметить тот факт, что прослеживаются устойчивые тенденции в сохранении памятников историко-культурного наследия, создании условий для устойчивого развития сельских и городских анклавов (через развитие рекреационного потенциала территории).

CC BY

В данном исследовании были проанализированы следующие источниковые материалы: нормативно-правовые документы международного и межгосударственного уровней [Alpenkonvention, 1995; Deklaration…, 2006; Bundesgezetz: Landwirtschaftgesetz, 1960], публикации СМИ [Das harte…], экспедиционные данные, собранные автором [АА], а также историографические работы на немецком языке. Перевод всех текстов сделан автором статьи.

Методологической основой исследования стал системный подход, анализ историографических и полевых источников. Из социологических методов исследования нами использовалось фокусированное, нарративное интервью. Ещё одним качественным методом исследования стало наблюдение.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Традиционная система жизнеобеспечения австрийских крестьян

В австрийских Альпах система расселения сформировалась в раннем средневековье. Для населения была характерна дисперсная система расселения, обусловленная природно-климатическими и орографическими условиями. Система жизнеобеспечения характеризовалась наличием трёх территориальных кластеров, что определяло хозяйственное освоение и производственный цикл. Это долинные комплексы; горные (субальпийские, альпийские луга) пастбища; земельные участки, расположенные в разорванном контуре по склонам гор, используемые под зерновые, сенокос, отчасти выпас скота. В связи с географической отдалённостью лугов Высокого Тауэрна шло формирование системы самообеспечения населения на основе местных ресурсов с организацией комплексного хозяйства, которое базировалось на отгонных формах скотоводства, и земледельческого.

На частных и общинных альпийских лугах персонал, как правило, состоял из близких родственников. Это было связано с тем, что традиционно крестьянская семья была большой. Дети, не наследующие владение, работали на подворье или становились наемными рабочим у родственников. При необходимости персонал для работы на общинных лугах нанимался на месте [Jungmeier et al., 2004, S. 60].

Обязанности работников отличались многообразием форм, что обусловило и множество их наименований. Так, в 1930 году официально различались следующие категории: *Senner, Sennerin* (*нем.* альпийские пастухи и пастушки, занимавшиеся переработкой молока в масло и сыр (здесь и далее перевод наш. — *П. К.*); *Hirte* (*нем.* пастухи, задача которых состояла в том, чтобы пасти скот) и *Beihirte* (*нем.* находящиеся при них помощники); *Rindhirte* (*нем.* пастухи для крупного рогатого скота); *Kuhhirte, Schafhirte* (*нем.* пастухи для коров и овец соответственно); *Putzer* (*нем.* чистильщи-

CC BY

ки); *Zubote* (*нем.* помощники пастухов). Все эти категории были выстроены в иерархическом порядке. Существовала градация между пастухами для коров, крупного рогатого скота, овец или коз. На молочных лугах работали в основном *Sennerin* (*нем.* пастушки), *Senner* (*нем.* пастухи) и *Hirtenbuben* (*нем.* мальчики-помощники), задачей которых был ежедневный выпас скота с целью истощения лугов. Согласно интервью в СМИ, категории пастухов *Halter* и *Senner(in)* различаются [Das harte…, 2009], в частности, тем, что Senner (*нем.* пастухи) обычно были заняты в отрасли молочной промышленности, которая недоступна в тех местах, где работают Halter (*нем.* пастухи). Последние имели более свободный график работы, никем не регламентированный. Хотя в некоторых районах в обязанности Halter (*нем.* пастухи) входила дойка коз [Hänsel, 2004, S. 43]. Главным образом они работали на лугах, предназначенных для выпаса волов, молодняка и лошадей. Следует отметить, что в источниках не содержится данных о разделении обязанностей между мужчинами и женщинам [Jungmeier et al., 2004, S. 100].

Жизнь на высокогорных альпийских лугах носила циклический характер и требовала создания определенных условий для проживания. Остановимся подробнее на традиционных постройках данного региона. Размеры и деление зданий были функционально обусловленными и напрямую связанными с природно-климатическими особенностями. Место для постройки выбиралось с точки зрения безопасности, учитывались лавиноопасность, наличие источника воды, расположение и доступность лугов для выпаса. Помещения по размерам были двух типов: либо малы, либо настолько крупны, насколько это было необходимо для содержания скота внутри помещения. Строительный материал находился на месте, поэтому деревянные постройки преобладают под границей с лесом, а каменные — над ней. При этом каменные здания встречались реже, чем деревянные. Преимущественно строительство велось на равнинах. Дефицит равнинной площади приводил к объединению домохозяйств и формированию деревень. В качестве примера можно привести Гшлёссе или Гшильде (*нем.* Gschlöss, Gschild). На горных лугах, где существовала лавиноопасность, здания сооружались под уступами скал или искусственными защитными конструкциями. Общепринятым считалось возведение построек на нижнем краю луга. С одной стороны, это имело значение для сохранения кратчайшего расстояния между домохозяйством и лугом, с другой — упрощало поиск необходимого для строительства дерева. Климатические особенности (ветры, лавины) обусловили и тип построек: низкие с плоской конструкцией крыши. Маленькие окна препятствовали охлаждению помещения.

Тип постройки также зависел от географических особенностей региона. Так, для высокогорного Тауэрна характерна полоса хвойных лесов,

CC BY

длина сосновых и лиственничных стволов давала возможность *Blockbau* (*нем.* срубной постройки). Использование длинных бревен было отличительной чертой построек в данном месте по сравнению с постройками в других альпийских регионах. Кривизна лиственничных стволов позволяла использовать и другие типы постройки, например, *Fachwerk* (*нем.* фахверк). Особенность сруба состояла в том, что этот тип строения обходился без вертикальной несущей конструкции. Он состоял из горизонтально расположенных бревен, соединяющихся концами в статичное крепкое строение. Существует несколько типов срубов. Их классификация зависит от формы брёвен: *Rundholzblockbau* (*нем.* строительство из круглого бруса); *Kantholzblockbau* (*нем.* строительство из прямоугольного бруса).

В начале XX века срубный тип постройки сменил брусовый, не являющийся традиционным для строительства в районе альпийских высокогорных лугов, хотя по способу возведения построек этот вид являлся наиболее доступным. В некоторых местах преобладают хижины, построенные традиционным для региона срубным способом. Исключение составляют местности, где существует недостаток древесных материалов. В этом случае здания строились из камня. Особенностью является так называемый «сухой метод» строительства, при котором для возведения стен использовались необработанные камни без связующих средств. Камни укладывались слой за слоем, что обеспечивало устойчивость конструкции.

Несмотря на достаточное для строительства количество древесины, жители старались использовать и материалы от старых горных хижин, что позволяло экономить не только древесину, но и время. Отдельные бревна использовались при перестройках до трех-четырех раз, например, в Dorfer Tal Кальзер (*нем.* долина Kalser) дерево, из которого построены старейшие хижины, датируется XIV—XV веком.

Все альпийские постройки в первую очередь носят целевое назначение, что отражается на их размерах, форме и внешнем виде. Здания использовали несколько месяцев в году, поэтому они построены проще, чем в сельских районах. Таким образом, на горных лугах возводились различные типы зданий для разнообразных функций. Простейшей формой были «времянки» — временные жилища, которые строили на экстремальных высотах из отборного камня и обкладывали каменной плиткой. Наиболее сложной постройкой были относительно большие *Sehnhütte* (*нем.* пастушьи хижины), в которых персонал проводил весь сезон. Хижина состояла из жилой комнаты, хлева, места для переработки молока и склада молочной продукции [Jungmeier et al., 2004, S. 100].

Создать общую картину австрийских горно-луговых построек сложно. С одной стороны, существует много региональных различий, которые за-

CC BY

фиксированы в ряде документов [Positionpapier…, 2013; Almhütte…, 2018], но они не позволяют экстраполировать типы построек на другие регионы. Сложность описания альпийских построек заключается в их функциональной направленности, которая периодически менялась. Например, хлев для свиней превращался в сарай для хранения сельскохозяйственных инструментов. Хижины перестраивались, расширялись, поэтому отдельные части постройки имеют разный возраст.

Особенности построек зависели от типа использования лугов. Наиболее старые постройки — жилое помещение и хлев — располагались, как правило, по соседству и имели раздельные входы с фронтонами по сторонам. Другой вариант: постройка имела жилую часть с фронтонами по сторонам, а хлев устраивался со стороны водосточного желоба. Этот тип послужил основой для создания другого типа — *Sennerei* (*нем.* двухэтажное здание, в котором размещалось предприятие по переработке молока). Данный тип сооружений был наиболее распространен на пастушьих и смешанных лугах. Хлев располагался в подвальном этаже. Здание строилось из камня, вдавалось внутрь склона, пол был земляным, мелкие сучья рубились на кусочки и утапливались в землю. Жилая зона находилась на верхнем этаже и представляла собой сруб. Этот базовый тип со временем дополнялся рядом пристроек: прихожей для хранения сена, маленькой комнатой для пастушек (пастушков), хлевом для свиней или телят.

Чем дальше постройка находилась от домохозяйства и центральных горно-луговых зданий, тем была скромнее конструкция. *Hirten-Unterstand* (*нем.* временное убежище пастухов) — простейшая форма горно-луговых построек, которая состояла из одной комнаты, размером не превышающей 2 кв. м, шириной и высотой не более роста человека. Фолькер Хэнзель (Volker Hänsel) самой ранней и простой формой построек считает *Almhütte* (*нем.* хижины), которые служили местом ночлега. Скот находился на свободном выпасе в течение дня и ночи на пастбищах, там же происходила дойка [Hänsel, 2004].

Характерным для альпийского региона является сооружение так называемых *пфренгеров* (Pfrenger, Pfrender, Pfränder), которые представляют собой каменные загоны для крупного рогатого скота. Это, по сути, временные стоянки, построенные для сосредоточения скота в одном месте во время непогоды. По форме они максимально соответствовали форме участка. В основном постройки располагались в центре луга вблизи источника воды. Пфренгеры являются последним типом исконно альпийской архитектуры. Так обозначают самые верхние уровни прежнего отгонно-пастбищного скотоводства (на высоте более 2000 метров) [Jungmeier et al., 2004, S. 115—116].

CC BY

Halterhüttn (*нем.* хижины пастухов, перегоняющих молодняк) представляли собой простые маленькие постройки для ночевки максимум двух человек и приготовления пищи. Они служили убежищем от непогоды. Хижины были построены, как правило, из дерева на каменном фундаменте. Сруб сооружался из необработанных балок. В Мальнитце (Malnitz) и Петербауме (Peterbaum) были зафиксированы случаи использования и дальнейшей перестройки Halterhütte в Sehnhütte и наоборот. Иногда при непогоде Halter сооружали лишь как дощатую перегородку на скалах.

Горно-луговые здания всегда находились в отдалении друг от друга, но порой включались в поселения, которые если позволяли географические условия, трансформировались в деревни. Дополнительными постройками на высокогорных лугах были хлева и *Heuhütte* (*нем.* постройки для хранения сена). Достаточно редко хлев находился отдельно от жилого помещения, в этом случае стилистически постройки походили друг на друга и строились из одного и того же материала. Различают хлевы для телят, коз, свиней (в этом случае размеры помещения не превышают 25 кв. м) и хлев для крупного рогатого скота, размер которого был примерно в 10 раз больше.

Традиционно в местах схождения лавин и прочих стихийных бедствий, а также в местах гибели людей, работающих на высокогорных альпийских лугах (в немецком языке существует устойчивое обозначение — *Almleute*), ставили памятные таблички — деревянные кресты, призванные напомнить проходящим этой тропой о трагедии и об опасности данного места. Так, *Zirbenkreuz* (*нем.* крест из европейского кедра) в Фельбертауэрн (Felbertauern) служит напоминанием о шести перегонщиках скота, 250 головах крупного рогатого скота, 50 головах коз и лошадей, снесенных лавиной летом 1879 года. Опасные для стоянок места отмечали *Gedanktafeln* (*нем.* памятными табличками). Зачастую на них указывалась причина их установки. Подобные таблички сохранились во Фросництале, Раурисе и на некоторых других лугах.

Следует отметить и типы своеобразных «ограничителей» для скота, иначе — «разделителей» территорий. Это заборы и ограды, формы и способы постройки которых менялись в течение столетий. В 1910 году были задокументированы три основные формы оград, которые и сейчас можно встретить на территории национального парка. Одной из старейших форм является так называемый *Schrankzaun* (*от нем.* Verschränken — скрестить) — наиболее устойчивый тип ограды, при котором доски складываются крест-накрест. В *Ringzaun* (*нем.* кольцевой ограде) поперечно расположенные балки опираются на две перпендикулярно стоящие сваи ограды. Свое название ограда получила благодаря кольцам из сосновых сучков (так называемым *Ringe*), которыми скреплялись балки на сваях. Третьей формой традиционных для

CC BY

местности оград является наиболее мобильная — так называемая *Girschtenzaun*, — при которой расколотая древесина (так называемая *Girschten*) наслаивалась друг на друга под углом и опиралась на перпендикулярно расположенные доски [Jungmeier et al., 2004, S. 130—132].

В настоящее время устойчива точка зрения, что старинные постройки создают культурный ландшафт территории альпийского региона Австрии. Поэтому администрацией регионов принимаются меры по их сохранению.

Традиционные формы животноводства и производства сельскохозяйственных продуктов у альпийских крестьян. В настоящее время восстановление жилых и хозяйственных построек прошлого — один из первых этапов подготовки лугов к выпасу скота. К этой деятельности привлекаются все мужчины нескольких домохозяйств, расположенных по соседству. В течение недели луга очищаются от камней и бревен, появившихся в результате бурь и схода лавин, заготавливаются дрова для хижин, выкорчевываются кусты, скашивается трава на опушке леса. Восстанавливались и (или) устанавливались заново заборы и ограды. В цикл подготовки также входило приучение крупного рогатого скота к горным тропам, для чего перед выгоном на настилы в коровниках укладывались ветки и камни, которые коровы вынуждены были перешагивать.

Исторически работа на высокогорных альпийских лугах носит циклический характер. Как только это позволял травяной покров (в зависимости от высоты, на которой расположены пастбища, — с начала мая до конца июня), производился выгон скота на горные пастбища. Несмотря на то, что данное время является традиционным для выгона скота, безусловно, учитывались погодные условия и высота расположения пастбища. Существовали свои приметы, например, благоприятным временем являлись дни с понедельника по среду или суббота, но пятница считалась несчастливой, хотя пастухи и считали возможным выгон скота в случае, если они не ели мяса в этот день. По другому поверью, выпас стоит начинать при возрастающей луне, тогда он будет успешным, но первый день выгона не должен быть под знаком овна, тельца или козерога.

В это время на лугах также функционировали сыроваренные молочные предприятия: осуществлялась переработка молока в сыр и масло [Hänsel, 2004, S. 38—40].

Далее по календарному циклу шел сенокос, который в Австрийских Альпах продолжался от 4 до 6 недель с конца июля по август. Единовременно выкашивались только площади с очень хорошей травой, поэтому на сенокос ходили раз в два или три года. Обычно «в луга» шли 6 взрослых членов семей мужского пола (зафиксировано в Шлиедерлера, Кальзе). Из Мальнитца было сообщено, что практически все мужчины ушли на не-

CC BY

сколько недель «в луга» на первый покос. Вне зависимости от региона сенокос традиционно считался мужским делом, задачей пастухов было не допускать скот на выпас на сохраненные для выкоса земли, для чего они обносились забором [Jungmeier, 2004, S. 39]. Сложность территории обусловила разработку и усовершенствование ряда орудий труда. Крутизна горных сенокосов способствовала изобретению крестьянами Кальзера специальных скоб для подъема (так называемых *Kalser Mähder-Eisen*), которые позволили ставить ногу горизонтально. В Мёллтале они были названы *Fusseisen* (*нем.* ножная скоба) или *Vierzack* (*нем.* четырехзубец).

Ранний выход на сенокос, до формирования травяного покрова, вероятные щели от эрозии, находящиеся под слоем снега, обусловили усовершенствование конструкции косы, а также производство других видов орудий труда, например, своеобразного топора для покоса. Также активно использовались грабли, вилы и штепсель для тяги сена. Транспортировка сена осуществлялась в основном зимой. В зависимости от географического расположения в разных населенных пунктах изобретались свои приспособления. Например, отличительной особенностью общины Тристан является удалённость горных лугов, вследствие этого перевоз сена осуществлялся в тяжелейших условиях, зимой — на санях и дополнительных повозках.

Кульминацией летнего сезона являлся *Almabtrieb* (*нем.* отгон скота с высокогорья в долину), который сопровождался рядом ритуалов. Накануне в усадьбу с песнями и танцами приходили помощники, задачей которых было подготовить блюда из манной крупы, муки, молока, масла, изюма, сахара. Из молока последнего надоя изготавливались сладкие «Schotten», в которые добавлялись изюм, цукаты, анис и корица. В день отгона крупные коровы украшались так называемыми «Pumpern» (*нем.* колокольчики), размер которых варьировался в зависимости от степени достатка семьи. На быков надевали «Grössing» (*нем.* еловая макушка), украшенную яркими цветными лентами. Все украшения использовались только в этот день. *Halter* (*нем.* пастух) вёл скот, используя посох, некоторых быков вели за веревку, привязанную к носовому кольцу животного.

3.2. Опыт сохранения и презентации традиционной культуры в отдельных населенных пунктах австрийских Альп

Все элементы культуры жизнеобеспечения австрийских горных крестьян являются объектами историко-культурного наследия. Это регулируется не только австрийским законодательством, но и рядом межнациональных конвенций, среди которых Декларация «Население и культура» и Альпийская конвенция. Основополагающими постулатами документов является жестко регламентированная процедура сохранения материального и нематериального историко-культурного наследия. Она включает в себя как сохранение

CC BY

имеющихся объектов: горно-луговые постройки, дороги, часовни и т. д., — так и возведение новых зданий с максимальным сохранением техник строительства, тождественных историческим. Для этого нанимают мастеров, владеющих этими техниками, выделяются субсидии на обучение ими молодого поколения. Кроме того, большое внимание уделяется и сохранению нематериального наследия: диалектов, традиционной кухни, ремесел.

Финансирование выделяется не только за счет государственных средств. Например, на территории Альп в трёх федеральных землях располагается национальный парк «Высокий Тауэрн». Администрацией особо охраняемой природной территории также введена грантовая поддержка, направленная на сохранение историко-культурного наследия.

Начиная с XIX века сельскохозяйственные предприятия в горной области активно поддерживались на законодательном уровне. Исключением не стало и прошедшее столетие. Так, например, в 1960 году в законе о сельском хозяйстве закреплена база для специфического содействия предприятиям горных областей [Bundesgezetz: Landwirtschaftgesetz, 1960]. Землепользование горных областей сохраняет культурный ландшафт в постоянных поселениях и на высокогорных альпийских лугах, следовательно, гарантирует будущую пользу сельскохозяйственных угодий. Стоит акцентировать внимание и на том, что горные сенокосы — это важный природный механизм, защищающий ландшафт от лавин и прочих стихийных бедствий. Поэтому программа сохранения культурных ландшафтов вписывается в концепцию устойчивого развития регионов и основывается на поддержке биоразнообразия и динамического равновесия биосистем.

Население поддерживает функционирование и дальнейшее развитие сельских областей, что сохраняет необходимую инфраструктуру. Кроме того, высокогорные альпийские луга являются объектом, составляющим основу иностранного туризма [Bundesgezetz: Landwirtschaftgesetz, 1960].

Элементы фольклоризма в традиционной культуре альпийских горных крестьян. Йозеф Плонер обращает внимание на то, что настойчивая ретрансляция крестьянской повседневной культуры в национальном парке «Высокий Тауэрн» осуществляется не в музейной форме, а в форме так называемого «живого» наследия, «живой традиции». Целью ретрансляции является воссоздание образа горного крестьянина с учетом сложных социальных и экономических условий периферийных альпийских регионов [Ploner, 2006, S. 13].

Впервые вопросы сохранения традиционных построек и архитектурного наследия были подняты в 1990-е годы. Тогда в рамках многолетнего исследования был проведен анализ данных опроса о виде, состоянии и текущем использовании существующего строительного фонда, составлены

CC BY

проекты локальных и региональных планов с подробными рекомендациями по поддержанию и реконструкции строительного фонда, архитектурных ансамблей с уточнением форм занятости населения. При реализации планов проводились исследования, выявлявшие отношение населения к изменениям, по итогам которых был зафиксирован рост заинтересованности местного населения в сохранении построек [Lennartz, 1995, S. 64].

В настоящее время многие постройки используются как выставочные и культурные центры. Тем не менее, несмотря на использование высокогорных лугов как объекта туристического показа, существуют нормы, устанавливающие ряд ограничений для исключения нанесения вреда выпасу скота [Almhütte…].

Региональной специфике строительства уделяется особое внимание. Перенастил крыш лиственничным гонтом был выведен в отдельную программу финансирования. Это связано с тем, что данный промысел является традиционным для региона, где крыши укладывались именно лиственичным гонтом на протяжении нескольких столетий, он долговечен и хорошо хранит тепло. Поддержка носила и социальный характер, поскольку в рамках программы пожилые крестьяне, владеющие техниками настила гонтом, смогли передать свои навыки и умения молодому поколению [Jungmeier et al., 2004, S. 60]. Другой традиционной деятельностью является изготовление сыра. Поэтому, несмотря на упадок пастушьего хозяйства, на альпийских высокогорных лугах продолжают возводиться сыроварни [Almhütte…].

Составляющей культуры является праздничный цикл, с одной стороны. С другой — в данном цикле проявляются элементы фольклоризма. Речь идет о различных элементах фестивальной программы, например, о воспроизведении отдельных ремесел. По мнению исследователя фольклоризма Ханса Мозера, демонстрация традиционных и функционально определенных элементов народной культуры вне контекста культурной группы, а также демонстрация народных мотивов в другом социальном статусе и намеренная имитация и создание народнообразных элементов вне всякой традиции являются основными формами фольклоризма [Moser, 1962, S. 182].

В австрийских Альпах большое внимание уделяется сохранению так называемой «живой культуры». Праздник *Almabtrieb* (*нем.* отгон скота с высокогорья) является одним из элементов *Bauernherbst* (*нем.* «Крестьянская осень»). Праздник в полной мере связан с традиционным циклом, который начинается весной с отгона скота на пастбища. В течение весны и лета крестьяне проживают в горах, затем отгоняют скот в долину. Это составляет суть праздника «Крестьянская осень». Так, федеральная земля Зальцбург административно разделена на 119 общин, которые входят в один штатутарштадт (Зальцбург) и 5 политических округов. Каждая из общин ежегодно

CC BY

готовит план праздничных мероприятий, приуроченных к периоду уборки урожая. Обычно это традиционная крестьянская ярмарка, демонстрация местных ремесел, музыкальные и кулинарные фестивали. *Almabtrieb* (*нем.* отгон скота с высокогорных пастбищ) занимает центральное место в этих мероприятиях. В соответствии с традициями коровы украшаются яркими венками, изготавливаемыми теперь в основном из современных материалов, шествие сопровождается песнями и шутками. При этом организуется большая пиар-кампания, освещение празднования в федеральных и региональных СМИ. Во многом это связано с необходимостью привлечения туристов. Мероприятия объединены в единую систему, продумана логистика, подготовлена информация о состоянии номерного фонда отелей для каждого населенного пункта, бронирование можно осуществить на специально созданном ресурсе. В течение празднования «Крестьянской осени» туристы знакомятся с особенностями культуры австрийцев: наблюдают за приготовлением различных напитков (к примеру, шнапса или компота из яблок), пробуют традиционные блюда на крестьянском дворе, которые у них есть возможность приготовить собственноручно. Пиар-кампании, привлечение туристов, возможность не только наблюдать, но и самим что-то сделать — все это напрямую связано с фольклоризмом. В настоящее время в европейской науке популярно определение фольклоризма Х. Баузингера, который он рассматривает как «ностальгические», «народные» традиции, «продаваемые культурной индустрией» [Šmidchens, 1999, С. 52].

Местные общины также заинтересованы в презентации своей культуры. Например, в альпийском Цель-ам-Зее, расположенном в пределах федеральной земли Зальцбург, практически все исторические постройки функционируют. Большая часть из них переоборудована под рестораны, отели. В архитектуре исторического центра прослеживается реконтекстуализация старых зданий, на многих постройках указана дата строительства, новые постройки выполняются в стиле «старого города», старые здания бережно отреставрированы. Забота о многих постройках передается из поколения в поколение. В настоящее время в исторических зданиях расположены гостиницы и кафе, но интерьер в основном сохранен. Колорит придают оригинальные и отреставрированные старинные вещи, расположенные в холлах, коридорах, залах. Вещи различны: лыжи, сделанные в XVIII веке, скобы для подъёма в гору, традиционная кухонная утварь, *Perchtenmasken* (*нем.* традиционные маски перхты), вилы и т. п. Все это бережно хранится разными поколениями и создаёт местный колорит, что в свою очередь привлекает внимание туристов.

Часть построек сохраняет свою функцию: в период выпаса там живут пастухи. Наиболее ярким примером является *Fürthemoar Alm*. Аутентичная

CC BY

застройка луга, расположенного на высоте 1803 метра над уровнем моря, была осуществлена в 1779 году. Первыми поселенцами стала семья Дика Абергера. С 1949 года луг заработал как малое предприятие замкнутого круга: на лугу осуществлялся выпас крупного и малого рогатого скота: коров, овец и коз, — из молока делались сыры, творог. С течением времени здесь была возведена часовня, вокруг которой строились дома. Она сохранилась вплоть до настоящего времени и открыта для всех верующих и желающих ее посетить. Луг до сих пор находится в собственности потомков Дика Абергера, сейчас они специализируются на животноводстве и производстве экопродуктов. В настоящее время здесь сохранены все старинные постройки. В двух хлевах, расположенных немного поодаль от других построек, летом содержится скот, зимой, после отгона, постройки закрываются. В загоне для птиц живут куры и гуси, на ферме разводят кроликов.

Гостям предлагается ознакомиться с бытом горных крестьян. В хижине в качестве экспонатов выставлены предметы, принадлежащие нескольким поколениям семьи. Под ресторан обустроили одну из построек. В основе меню — семейные рецепты. Все продукты (хлеб, сыр, мясные и молочные продукты) производятся на месте. *Fürthermoar Alm* как место посещений и экскурсий пользуется большим спросом. Летом возможности показа традиционных форм производства сельскохозяйственных продуктов расширяются. Сюда привозят школьников и туристов для демонстрации особенностей культуры жизнеобеспечения австрийских горных крестьян.

4. Заключение = Conclusions

Резюмируя, отметим следующие аспекты:

(1) Основой системы жизнеобеспечения альпийского региона традиционно остается сельское хозяйство, базирующееся на отгонных формах скотоводства и глубинной переработке его продукции на фермах.

(2) Элементы фольклоризма проявляются в современных формах праздничного цикла: отгона скота с высокогорных полей и приуроченных к ним фестивальных мероприятий. Сохранение нематериального культурного наследия посредством проводимой политики «живой культуры» обеспечивает устойчивый туристический поток.

(3) Прослеживается федеральный курс, направленный на сохранение преемственности традиций сельского населения австрийских Альп и придание устойчивости развитию местной сельской экономики на основе сохранения и поддержки форм презентации традиционной культуры, в частности, ярким примером выступает позиционирование национальной культуры (как основы фольклоризма). Так, на территории Цель-ам-Зее проходит апробацию ряд социальных технологий, направленных на поддержку

рекреационной стратегии развития прилегающих сельских анклавов: сохранение традиционных построек, стилизацию новых зданий, грантовую поддержку ремесленных мастерских, ферм, проведение фестивалей.

(4) На территории австрийских Альп, включая национальный парк «Высокий Тауэрн», сохранение объектов традиционной культуры неразрывно связано с их реконтекстуализацией. Обустройство старых горных хижин, изменение их функционального назначения, сохранение обрядности, определяемой производственным циклом, поддержка творческих коллективов придают импульс развитию инновационных форм культуры жизнеобеспечения.

(5) Опыт интеграции инновационных форм «сельской культуры» в программы устойчивого развития Альпийского региона, раскрытия рекреационного потенциала экорегиона путем сохранения культуры жизнеобеспечения сельского населения может быть востребован на российской части Черноморского побережья через осознанное формирование устойчивой системы коммуникаций между органами сельского управления, бизнес-структурами, природоохранными организациями, учреждениями науки и культуры.

Источники

1. АА — *Архив* автора: Куринских П. А. Материалы экспедиционных поездок (МЭП). Цель-ам-Зее. ФЗ / П. А. Куринских // Личный архив П. А. Куринских.

2. *Almhütte* Stockachalm in Prägraten am Großvenediger [Electronic resource]. — Access mode : http://www.pension-osttirol.at/Stockach%20Alm.php (accessed 12.11.2018).

3 *Alpenkonvention* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.alpconv.org/de/startseite/konvention/rahmenkonvention/ (accessed 02.02.2021).

4. *Das harte* Leben der Halter // derStandart.at 2.10.2009 [Electronic resource]. — Access mode : http://derstandard.at/1254310464877/Das-harte-Leben-der-Halter (accessed 07.12.2021).

5. *Deklaration* „Bevölkerung und Kultur“ [Electronic resource]. — Access mode : http://www.cipra.org/de/alpmedia/positionen/87 (accessed 02.02.2019).

6. *Tourismus* und Freizeitwirtschaft in Zahlen. Österreichische und internationale Tourismus- und Wirtschaftsdaten [Electronic resource] // Wirtschaftskammer Österreich, Bundessparte Tourismus und Freizeitwirtschaft. — 2020. — № 56. — Access mode : https://www.wko.at/branchen/tourismus-freizeitwirtschaft/tourismus-freizeitwirtschaft-in-zahlen-2020.pdf (accessed 06.08.2019).

Литература

1. *Белозёрова М. В.* Традиционное природопользование шапсугов : перспективы возрождения / М. В. Белозёрова // Научный диалог. — 2017. —№ 11. —С. 328—339. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-328-339.

2. *Бобрицких Л. Я.* Фольклоризм песен Владимира Высоцкого / Л. Я. Бобрицких // Народная культура и проблемы ее изучения : материалы научной конференции (Воронеж, 15 мая 2002 г.). — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2005. — С. 81—90. — ISBN 5-86937-002-7.

3. *Виницкая Н. В.* Сказочно-мифологический жанр в русской художественной культуре XX века / Н. В. Виницкая // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6 (43). — С. 428—430.

4. *Екимова Т. А.* Фольклоризм детской литературы (постановка проблемы) / Т. А. Екимова // Вестник Челябинского государственного университета. — 1994. — № 1. — С. 85—91.

5. *Козлов В. И.* Жизнеобеспечение этноса : Содержание понятия и его экологические аспекты / В. И. Козлов // Этническая экология. Теория и практика. — Москва : Наука, 1991. — С. 3—43.

6. *Колобкова И. В.* Проблема фольклоризма в современном народном декоративном искусстве (на материалах современной глиняной игрушки) : автореферат диссертация … кандидата искусствоведения : 17.00.04 / И. В. Колобкова. — Санкт-Петербург, 2011. — 27 с.

7. *Куринских П. А.* Опыт по сохранению традиционной культуры и взаимодействию общества и государства в национальных парках Австрии (на примере национального парка «Высокий Тауэрн») / П. А. Куринских // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 366—378. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-366-378.

8. *Садовой А. Н.* Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) / А. Н. Садовой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 32. — С. 13—25.

9. *Чернова И. В.* Культура жизнеобеспечения и хозяйство потомков жителей деревни Ананьино (по этнографическим и архивным материалам) / И. В. Чернова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2015. — № 1 (5). — С. 65—70.

10. *Bausinger H.* Europa der Regionen : Kulturelle Perspektiven / H. Bausinger // Leviathan. — 1993. — Vol. 21. — № 4. — S. 471—492.

11. *Bundesgezetz :* Landwirtschaftgesetz // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. — 1960. — № 47 (27. Juli). — 1889 s.

12. *Hänsel V.* Vom Leben auf der Alm : Kleine Schriften des Landwirtschaftsmuseums Schloss Trautenfels am Steiermärkischen Landesmuseum Joanneum / V. Hänsel. — Trautenfels : Verein Schloss Trautenfels, 2004. — 96 s.

13. *Istenič S. P.* Texts and contexts of folklorism / S. P. Istenič // Traditiones, Journal of the Institute of Slovenian Ethnology and Institute of Ethnomusicology SRC SASA. — 2011. — № 40 (3). — Pp. 51—73.

14. *Jungmeier M.* Almen. Wissenschaftliche Schriften : Natur, Kultur und Nutzungen / M. Jungmeier, J. Drapela. — Klagenfurt: Verlag Carintia GmbH & Co KG, 2004. — 187 s.

15. *Lennartz S.* Tourismusentwicklung in den Alpen : Bilanz, Gefahren, Perspektiven / S. Lennartz. — Bensberg : Thomas-Morus-Akademie Verlag, 1995. — 160 s.

16. *Lipp F. C.* Tracht in Österreich. Geschichte und Gegenwart / F. C. Lipp. — Wien : Brandstätter, 2004. — 272 s.

17. *Moser H.* Vom Folklorismus in unserer Zeit / H. Moser // Zeitschrift für Volkskunde. — 1962. — № 58. — S. 177—209.

18. *Ploner J.* Kultur? Ja, natürlich. Formierung und Repräsentation von kulturellem Erbe in der Nationalparkregion Hohe Tauern / J. Ploner. — Wien : Verlag des Instituts für Europäische Ethnologie, 2006. — 152 s.

19. *Positionpapier.* Almwirtschat aus der Sicht der Almbewirtschafter, Naturschutzabteilung, Land- und Forstwirtschaft, Landesumweltanwaltschaft, Alm- und Bergbauernverein // Amt der Salzburger Landesregierung Abteilung Lebensgrundlagen und Energie. 2013.

20. *Šmidchens G.* Folklorism Revisited / G. Šmidchens // Journal of Folklore Research. — 1999. — № 36 (1). — Pp. 51—70.

21. *Tschöfen B.* Berg, Kultur, Moderne : Volkskundliches aus den Alpen / B. Tschöfen. — Wien : Sonderzahl, 1999. — 357 s.

Material resources

AA — *Author's* archive: Kurinskikh, P. A. Materials of expedition trips (MEP). The goal is am See. FZ. In: *Personal archive of P. A. Kurinskikh.* (In Russ.).

Almhütte Stockachalm in Prägraten am Großvenediger. Available at: http://www.pension-osttirol.at/Stockach%20Alm.php (accessed 12.11.2018). (In Germ.).

Alpenkonvention. Available at: https://www.alpconv.org/de/startseite/konvention/rahmenkonvention/ (accessed 02.02.2021). (In Germ.).

Das *harte* Leben der Halter. *DerStandart.at 2.10.2009.* Available at: http://derstandard.at/1254310464877/Das-harte-Leben-der-Halter (accessed 07.12.2021). (In Germ.).

Deklaration „Bevölkerung und Kultur". Available at: http://www.cipra.org/de/alpmedia/positionen/87 (accessed 02.02.2019). (In Germ.).

Tourismus und Freizeitwirtschaft in Zahlen. Österreichische und internationale Tourismus- und Wirtschaftsdaten. (2020). *Wirtschaftskammer Österreich, Bundessparte Tourismus und Freizeitwirtschaft, 56:* Available at: https://www.wko.at/branchen/tourismus-freizeitwirtschaft/tourismus-freizeitwirtschaft-in-zahlen-2020.pdf (accessed 06.08.2019). (In Germ.).

References

Bausinger, H. (1993). Europa der Regionen: Kulturelle Perspektiven. *Leviathan, 21 (4):* 471—492. (In Germ.).

Belozyorova, M. V. (2017). Traditional Shapsugs' Natural Resource Use: Prospects for Revival. *Nauchnyy dialog, 11:* 328—339. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-328-339. (In Russ.).

Bobritskikh, L. Ya. (2005). Folklore of Vladimir Vysotsky's songs. In: *Folk culture and problems of its study: materials of a scientific conference (Voronezh, May 15, 2002).* Voronezh: Voronezh State University. 81—90. ISBN 5-86937-002-7. (In Russ.).

Bundesgezetz: Landwirtschaftgesetz. (1960). *Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich, 47 (27. Juli):* 1889 s. (In Germ.).

Chernova, I. V. (2015). Culture of life support and economy of the descendants of the inhabitants of the village of Ananyino (according to ethnographic and archival materials). *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences", 1 (5):* 65—70. (In Russ.).

Ekimova, T. A. (1994). Folklore of children's literature (problem statement). *Bulletin of Chelyabinsk State University, 1:* 85—91. (In Russ.).

Hänsel, V. (2004). *Vom Leben auf der Alm: Kleine Schriften des Landwirtschaftsmuseums Schloss Trautenfels am Steiermärkischen Landesmuseum Joanneum*. Trautenfels: Verein Schloss Trautenfels. 96 s. (In Germ.).

Istenič, S. P. (2011). Texts and contexts of folklorism. Traditiones. *Journal of the Institute of Slovenian Ethnology and Institute of Ethnomusicology SRC SASA, 40 (3):* 51—73.

Jungmeier, M., Drapela, J. (2004). *Almen. Wissenschaftliche Schriften: Natur, Kultur und Nutzungen.* Klagenfurt: Verlag Carintia GmbH & Co KG. 187 s. (In Germ.).

CC BY

Kolobkova, I. V. (2011). *The problem of folklore in modern folk decorative art (based on the materials of modern clay toys)*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 27 p. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1991). Life support of an ethnos: The content of the concept and its ecological aspects. In: *Ethnic ecology. Theory and practice.* Moscow: Nauka. 3—43. (In Russ.).

Kurinskikh, P. A. (2019). Experience of Preservation of Traditional Culture and Interaction between Society and State in National Parks of Austria (by Example of National Park "Hohe Tauern"). *Nauchnyy dialog, 11:* 366—378. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-366-378. (In Russ.).

Lennartz, S. (1995). *Tourismusentwicklung in den Alpen: Bilanz, Gefahren, Perspektiven.* Bensberg: Thomas-Morus-Akademie Verlag. 160 s. (In Germ.).

Lipp, F. C. (2004). *Tracht in Österreich. Geschichte und Gegenwart.* Wien: Brandstätter. 272 s. (In Germ.).

Moser, H. (1962). Vom Folklorismus in unserer Zeit. *Zeitschrift für Volkskunde, 58:* 177—209. (In Germ.).

Ploner, J. (2006). *Kultur? Ja, natürlich. Formierung und Repräsentation von kulturellem Erbe in der Nationalparkregion Hohe Tauern.* Wien: Verlag des Instituts für Europäische Ethnologie. 152 s. (In Germ.).

Positionpapier. Almwirtschat aus der Sicht der Almbewirtschafter, Naturschutzabteilung, Land- und Forstwirtschaft, Landesumweltanwaltschaft, Alm- und Bergbauernverein. (2013). In: *Amt der Salzburger Landesregierung Abteilung Lebensgrundlagen und Energie.* (In Germ.).

Sadovoy, A. N. (2015). Traditional culture and nature management (autochthonous population of the Black Sea coast of the Caucasus in the XIX century). *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 32:* 13—25. (In Russ.).

Šmidchens, G. (1999). Folklorism Revisited. *Journal of Folklore Research, 36 (1):* 51—70.

Tschöfen, B. (1999). In: *Berg, Kultur, Moderne: Volkskundliches aus den Alpen.* Wien: Sonderzahl. 357 s. (In Germ.).

Vinitskaya, N. V. (2013). The fabulous-mythological genre in the Russian artistic culture of the XX century. *The world of science, culture, education, 6 (43):* 428—430. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.05.2022,
одобрена после рецензирования 17.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мамяченков В. Н. Производство товаров широкого потребления промышленностью Среднего Урала в 1971—1980 годах / В. Н. Мамяченков, Е. С. Куликова, М. И. Львова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 482—498. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-482-498.

Mamyachenkov, V. N., Kulikova, E. S., Lvova, M. I. (2022). Production of Consumer Goods by Industry of Middle Urals in 1971—1980. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 482-498. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-482-498. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-482-498

Производство товаров широкого потребления промышленностью Среднего Урала в 1971—1980 годах

Мамяченков Владимир Николаевич
orcid.org/0000-0001-6070-8746
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления
mamyachenkov@mail.ru

Куликова Елена Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2280-8700
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного
и муниципального управления
e.s.kulikova@mail.ru

Львова Майя Ивановна
orcid.org/0000-0002-8695-6737
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного
и муниципального управления
minlvova@mail.ru

Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Production of Consumer Goods by Industry of Middle Urals in 1971—1980

Vladimir N. Mamyachenkov
orcid.org/0000-0001-6070-8746
Doctor of History, Professor,
Department of State
and Municipal Administration
mamyachenkov@mail.ru

Elena S. Kulikova
orcid.org/0000-0002-2280-8700
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of State
and Municipal Administration
e.s.kulikova@mail.ru

Maya I. Lvova
orcid.org/0000-0002-8695-6737
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of State
and Municipal Administration
minlvova@mail.ru

Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

© Мамяченков В. Н., Куликова Е. С., Львова М. И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена непреходящим теоретическим и практическим интересом, проявляемым российским обществом к исследуемому в статье историческому периоду. В статье использованы материалы фондов двух региональных архивов: Текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Подчеркивается, что исследуемое десятилетие явилось пиком исторического периода, известного под названием «застойного», став последним относительно благополучным десятилетием в истории СССР. Утверждается, что 1970-е годы занимают особое место в истории бывшего СССР. Авторы констатируют, что политика «разрядки» обеспечила стране определенную внешнеполитическую стабильность. Акцентируется внимание на том, что развитие стагнационных явлений в экономике страны в 1970-х годах хорошо просматривается при анализе производства товаров широкого потребления на примере практически любого ее региона, в том числе Среднего Урала. Доказывается, что за исследуемое десятилетие существенного улучшения в обеспечении населения региона продовольственными промышленными товарами не произошло. Делается вывод, что в большинстве и других сфер производства товаров широкого потребления наблюдались аналогичные стагнационные явления.

Ключевые слова:
промышленность; отрасли; Свердловская область; Средний Урал; период застоя; показатели; стагнация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the enduring theoretical and practical interest shown by Russian society in the historical period studied in the article. The novelty of the study is seen in the fact that the materials from the funds of two regional archives are used in the article: the Current Archive of the Territorial Authority of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region, some of which are introduced into scientific circulation for the first time. It is emphasized that the decade under study was the peak of the historical period known as “stagnant”, becoming the last relatively prosperous decade in the history of the USSR. The authors state that the policy of “détente” provided the country with a certain foreign policy stability. Attention is focused on the fact that the development of stagnation phenomena in the country’s economy in the 1970s is clearly visible when analyzing the production of consumer goods on the example of almost any of its regions, including the Middle Urals. It is proved that during the decade under study there was no significant improvement in providing the population of the region with industrial food products. It is concluded that similar stagnation phenomena were observed in most and other areas of consumer goods production.

Key words:
industry; industries; Sverdlovsk region; Middle Ural; indicators; stagnation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.9+94:68(470.54)“1971/1980”

Производство товаров широкого потребления промышленностью Среднего Урала в 1971—1980 годах

© Мамяченков В. Н., Куликова Е. С., Львова М. И., 2022

1. Введение = Introduction

Десятилетие 1971—1980 годов осталось в исторической памяти населения нашей страны как период так называемого «застоя», причем в своей наивысшей фазе. Мы выбрали для исследования десять полных лет, исключив вторую половину 1960-х и начало 1980-х годов как малорепрезентативные. Действительно, в первом случае экономические показатели еще испытывали сильное, хотя и быстро угасающее влияние «косыгинской» экономической реформы 1965 года, а во втором — «застойный» период явно стремился к упадку (особенно под влиянием начавшейся войны в Афганистане, которая, как и любая война такого масштаба, серьезно подорвала экономику страны).

Кроме того, выбранный нами период примечателен еще и тем, что тогда отчетливо выделялись две противоположные тенденции: стремление государства к максимальным темпам развития экономики, прежде всего, экстенсивными методами — с одной стороны, и нарастание стагнационных процессов в той же экономике и социальной жизни — с другой. Как нам представляется, именно сочетание и противоборство указанных тенденций, их противоречивость и определили историческое содержание эпохи 1970-х годов.

Действительно, в рассматриваемое нами десятилетие началось активное строительство Байкало-Амурской магистрали протяженностью 3200 км, был построен и начал работу мощный завод по производству грузовых автомобилей КамАЗ в городе Набережные Челны, на полную мощность заработал другой автогигант — ВАЗ — в городе Тольятти, введен в строй ряд других крупных предприятий. Были достигнуты также впечатляющие результаты в освоении космического пространства: орбитальные пилотируемые полеты, исследование Луны и планет Солнечной системы беспилотными аппаратами и т. д., — и в атомной энергетике (в частности, введен в строй первый блок Чернобыльской АЭС). Наконец, в 1977 году советский атомный ледокол «Арктика» достиг Северного полюса.

В то же время наряду с перечисленными громкими достижениями в экономике Советского Союза постепенно происходило снижение темпов ее роста, то есть роста национального дохода и валового внутреннего про-

CC BY

дукта. Кроме того, все это сопровождалось крайней неэффективностью использования сырьевых ресурсов и серьезным технологическим отставанием от развитых стран Запада. При этом происходило фактическое «замораживание» уровня жизни населения страны, ухудшалось обеспечение его продуктами питания и непродовольственными промышленными товарами (товарами широкого потребления — далее ТШП). Одной из главных проблем стал постоянно растущий товарный дефицит, на фоне которого в стране угрожающими темпами развивалась «теневая» экономика.

Говоря об актуальности избранной нами темы, следует прежде всего отметить тот факт, что степень ее изученности представляется нам явно недостаточной. В настоящее время ощущается явная нехватка работ объективно-аналитического характера, основанных на достоверных (прежде всего — архивных) фактологических и статистических данных. Предлагаемая статья основана на архивных материалах и официальных сведениях статистического характера.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Создавая данную работу, авторы ставили перед собой цель — на основе имеющегося в нашем распоряжении архивно-статистического и фактологического материала проанализировать особенности и общее состояние производства товаров широкого потребления промышленностью Свердловской области в так называемое «застойное» десятилетие истории Советского Союза.

Во введении к нашей статье мы уже дали некоторые характеристики упомянутого периода. Относительно же территориальных рамок предлагаемого исследования отметим, что словосочетания *Свердловская область* и *Средний Урал* выступают здесь синонимами, обозначающими один и тот же регион, расположенный на границе Европы и Азии и соединяющий Южный и Северный Урал.

Характеризуя источниковую базу и историографию рассматриваемой нами проблемы, можно сказать, что обе они достаточно обширны. При этом основу ***источниковой базы*** настоящей статьи составили, прежде всего, статистические справочники, опубликованные Свердловским областным статистическим управлением (Свердлоблстат, а в наши дни — Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области — ТОФСГССО) [Свердловская …, 1976; Основные …, 1979; Свердловская область …, 1981; Свердловская область в цифрах …, 1986].

Кроме того, по исследуемой нами тематике следует отметить два энциклопедических издания [Уральская …, 2000; Екатеринбург …, 2002], юбилейный справочник Средне-Уральского книжного издательства [Свердловская

область за 50 лет …, 1984], а также некоторые электронные ресурсы [E1RU]. Использовались также данные бюджетных обследований населения, которые проводились теми же статистическими органами ежегодно [Бюджеты …, 1990], и некоторые другие статистические сведения, хранящиеся в фондах текущего архива ТОФСГССО [Текущий …] и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) [Центр …].

Если говорить об ***историографии*** исследуемой проблемы, то она включает в себя научные труды таких авторов, как А. В. Бакунин, Ю. А. Буранов, Р. Г. Пихоя [История …, 1988—1990], С. А. Беляев [Беляев, 1975], И. М. Ветлугин [Ветлугин, 1975], В. В. Запарий [Запарий, 2001], А. Я. Корсаков [Корсаков, 1972], Б. В. Личман, М. Е. Лукина [Личман и др., 2009], О. А. Перелешина [Перелешина, 1975], Я. П. Рябов, М. Р. Скулкин [Рябов и др., 1971], В. А. Саматов, В. Г. Андреева, Е. П. Зверев [История …, 1983], А. М. Свисткова, М. Н. Степанов, М. Д. Шарыгин [Свисткова и др., 1976], Е. Л. Шувалов [Шувалов, 1974] и ряда других.

Кроме того, определенная информация о развитии среднеуральской промышленности (в том числе производящей ТШП) содержится в литературе мемуарно-публицистического характера: например, в публикациях бывших руководителей Свердловской области Б. Н. Ельцина и Я. П. Рябова [Ельцин, 1981; Рябов, 2000], а также в некоторых сборниках научных работ [Материально-бытовое …, 1981; Материальное …, 1988].

В то же время работ аналитического характера, посвященных заявленной теме немного, среди них две работы одного из авторов данной статьи [Мамяченков, 2011; Мамяченков, 2012]. Отдельно следует сказать о работах, посвященных функционированию в Советском Союзе «теневой» экономики на фоне острого дефицита ТШП. В частности, статьи Т. И. Корягиной [Корягина, 1990] и И. В. Маметьева [Маметьев, 2020]. Оба упомянутых автора (как, впрочем, и абсолютное большинство других), по сути, едины в главном: в условиях преимущественного развития производств группы «А» (средства производства) по сравнению с производствами группы «Б» (предметы потребления) теневая экономика восполняла непреходящий дефицит ТШП.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Динамика производства товаров широкого потребления в 1970-х годах: постепенное нарастание стагнации

1970-е годы занимают особое место в истории бывшего СССР. Это были годы, когда, по бытующему мнению, в социально-экономической жизни страны на фоне завершившейся политической «оттепели» 1960-х и сворачивания толком так и не начавшейся экономической «косыгинской» реформы стали нарастать стагнационные («застойные», как их назвали

CC BY

впоследствии) явления. Все эти события происходили в достаточно противоречивой форме, так как и внешнеполитические, и внутренние условия, казалось бы, должны были благоприятствовать экономическому росту и социальному развитию советского общества.

Действительно, политика «разрядки» обеспечила стране определенную внешнеполитическую стабильность, а мощный пропагандистский аппарат — относительную стабильность умонастроений. Но система командно-административного управления, господствовавшая в стране, по определению, на наш взгляд, служила тормозом ее развития и неизбежно вела к стагнации, которая в перспективе должна была привести к развалу самой государственности.

Развитие стагнационных явлений в экономике страны в 1970-х годах хорошо просматривается при анализе производства ТШП на примере практически любого ее региона, в нашем случае — Свердловской области. Для начала проанализируем региональную динамику темпов роста производства средств производства (так называемая группа «А») и предметов потребления (группа «Б») (табл. 1).

Таблица 1

Динамика темпов роста производства средств производства (группа «А») и предметов потребления (группа «Б») предприятиями Свердловской области в 1971—1980 годы, в % к предыдущему году

Годы	Вся промышленность	Группа «А»	Группа «Б»
1971	106	106	105
1972	106	106	104
1973	106	106	104
1974	106	105	106
1975	107	107	108
1976	104	104	101
1977	103	103	104
1978	103	103	102
1979	101	101	102
1980	103	103	104

Источник: [Свердловская …, 1981, с. 28—29].

Приведенная таблица наглядно демонстрирует стабильное снижение темпов роста промышленного производства в регионе на протяжении всего исследуемого десятилетия. Это подтверждается, например, дневниковыми записями А. С. Черняева, работавшего в исследуемый нами период в должности заместителя заведующего Международным отделом ЦК

CC BY

КПСС, а в дальнейшем — в 1986—1991 годах — помощника Генерального секретаря партии и первого Президента СССР М. С. Горбачева.

29 ноября 1975 года он записал в своем дневнике: «160 млрд рублей — потери в национальном доходе из-за двух неурожайных лет (а в 1975 году засуха такая, какой не было 100 лет). Будут трудности с молоком и мясом. Опасность массового падежа. Возможен новый неурожай в 1976 году. Главное же: “Б” так и не опередила “А”, вопреки решениям XXIV съезда. <...> В легкую промышленность не дали того, что обещали даже приблизительно. За ее счет соревнуемся с США в гонке вооружений. И опять на 1976 год закладывается рост “Б” только на 2,7 %! Не умеем работать! Действительно, печально, когда вкладываем суммы в производство мощнейших тракторов К-700 и Т-150, а навесных орудий к ним не делаем. И используются они лишь на 50 % своих возможностей. Или: вбухиваем несметные деньги в производство хлопка, но текстильное, швейное, красильное хозяйство настолько устарело, что конечная продукция ложится мертвым товаром в магазинах» [Черняев, с. 228].

Приведенные данные (табл. 1) подтверждают слова А. С. Черняева: судя по представленным цифрам, темпы роста производства товаров группы «Б» резко упали именно в 1976 году. При этом надо учесть, что снижались не только темпы роста, но по многим позициям и абсолютные масштабы производства. В частности, снижение объемов выпуска ТШП наглядно демонстрирует таблица 2. Изучая ее, следует также иметь в виду и то, что такое снижение происходило еще и на фоне роста численности населения области с 4318 тыс. чел. в 1971 году до 4483 тыс. — в 1980-м [Свердловская …, 1976, с. 3; Свердловская …, 1981, с. 3], и это, естественно, только усугубляло дефицит продовольствия и вообще всех ТШП, производимых промышленностью.

Говоря о хроническом отставании производства ТШП, можно также сослаться на мнение Т. И. Корягиной (доктора экономических наук, работавшей в свое время в должности заведующей отделом НИЭИ при Госплане СССР), которая в своей научной статье отметила следующее: «Начиная с середины 1960-х годов все более заметным стал рост денежных доходов населения. Только с 1971 по 1985 год они увеличились в 3,1 раза (по всему СССР. — *В. М., Е. К., М. Л.*). Темпы наращивания материально-технической базы отраслей группы “Б”, а также сферы услуг явно отставали от динамики потребностей и финансовых ресурсов населения» [Корягина, с. 112].

В таблице 2 хорошо видно, что за исследуемое десятилетие значительного улучшения в обеспечении населения Свердловской области продовольственными промышленными товарами, скорее всего, не произошло, за исключением производства виноградных вин (если, конечно, вино рассматривать как

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 2

Производство некоторых товаров широкого потребления промышленными предприятиями Свердловской области в 1971—1980 годы

Виды товаров	Годы									
	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980
хлебобулоч. изделия, *тыс. т*	697	690	661	643	655	633	623	651	641	644
макаронные изделия, *тыс. т*	21	25	25	23	25	26	26	26	27	27
кондитер. изделия, *тыс. т*	58	59	61	65	66	69	71	72	74	76
мясо и субпродукты, *тыс. т*	86	90	86	92	107	75	85	93	88	88
колбасные изделия, *тыс. т*	60	62	65	68	70	70	73	72	70	67
масло животное, *тыс. т*	2,4	2,6	2,6	2,1	1,6	1,2	3,4*	3,5*	2,6	1,7
молоч. продукция, *тыс. т***	476	466	522	549	564	562	619	636	564	575
консервы, *млн усл. банок*	7,6	6,9	7,1	8,5	13,7	9,0	8,9	8,7	8,4	7,0
мука, *тыс. т*	795	853	927	784	943	943	816	789	808	790
крупа, *тыс. т*	33	39	33	33	42	53	43	41	42	45
маргарин и жиры, *тыс. т*	31	32	32	33	34	35	38	41	40	42
папиросы, *млрд шт.*	8,0	8,9	9,4	9,7	9,8	10,4	9,9	8,7	7,9	8,5
вино виноградное, *млн дал*	3,4	3,7	2,9	4,0	4,2	4,6	4,6	2,8	4,5	5,2
ткани шерстяные, *млн пог. м*	10,3	10,9	11,1	11,0	11,3	11,7	11,6	11,3	11,0	11,3
ткани льняные, *млн пог. м*	3,4	3,7	4,2	4,4	4,4	4,4	4,3	3,9	3,2	1,7
бельевой трикотаж, *тыс. шт.*	167	140	190	158	145	170	170	115	97	85
верхний трикотаж, *млн шт.*	7,1	6,1	6,4	6,7	6,8	6,4	6,7	6,9	6,6	6,3
чулоч.-нос. изделия, *млн пар*	7,7	7,0	6,6	5,3	4,6	5,3	5,8	5,7	6,3	6,5
валяная обувь, *млн пар*	1,9	1,9	1,8	1,8	1,9	1,8	1,8	1,8	1,6	1,7
обувь кожаная, *млн пар*	16,3	15,8	15,7	16,0	15,5	15,5	14,9	14,3	13,9	13,1
посуда металлич., *тыс. т*	22	25	27	28	29	29	29	29	29	29
э/утюги, *тыс. шт.*	385	368	374	389	404	402	411	414	401	381

CC BY

Окончание табл. 2

Виды товаров	Годы									
	1971	**1972**	**1973**	**1974**	**1975**	**1976**	**1977**	**1978**	**1979**	**1980**
э/чайники, *тыс. шт.*	395	440	475	535	681	650	683	708	713	748
э/лампы настольные, *тыс. шт.*	220	89	141	56	81	87	116	134	159	186
кровати металлич., *тыс. шт.*	286	258	182	175	168	175	179	184	181	174
диван-кровати, *тыс. шт.*	88	86	83	76	64	69	59	54	57	57
стулья и кресла, *тыс. шт.*	912	858	823	962	948	895	827	719	708	768
столы, *тыс. шт.*	276	251	257	330	340	320	348	303	301	284
шкафы, *тыс. шт.*	126	106	125	154	130	146	154	165	125	140
велосипеды, *тыс. шт.*	248	259	268	277	285	290	297	306	305	307
мотоциклы, *тыс. шт.*	64	66	69	71	75	78	80	86	89	94
стир. машины, *тыс. шт.*	321	215	208	250	278	322	327	350	362	368
спички, *тыс. ящ.*	681	736	776	780	845	886	905	832	717	776
тетради, *млн шт.*	130	120	131	131	131	131	131	131	131	131
пианино, *тыс. шт.*	7,7	7,9	8,0	8,0	8,3	8,5	8,7	8,9	8,9	9,0

Динамика требует проверки и уточнения. ** В пересчете на молоко.
Источники: [Свердловская …, 1976, с. 51—52, 55; Свердловская …, 1981, с. 54—56].

продовольствие). При этом следует все-таки отметить снижение потребления хлебопродуктов (в данном случае позитивный фактор), а также рост потребления макаронных и кондитерских изделий, различных круп и особенно молокопродуктов. Дискуссионным при этом остается вопрос о том, насколько улучшилось качество питания населения и улучшилось ли оно вообще.

Как нам представляется, городское население при этом находилось в более приемлемых условиях, о чем свидетельствует следующий факт: структура потребления белков, жиров и углеводов рабочими и служащими промышленных предприятий Свердловской области за исследуемое нами десятилетие даже несколько улучшилась и стала фактически оптимальной. При этом суточная калорийность потребляемых продуктов питания хотя и снизилась с 3025 до 2873 килокалорий, но тем не менее тоже приблизилась к норме (2800 килокалорий) [Текущий …, табл. 22]. Судя по всему, на периферии положение было хуже.

Не лучше выглядит и динамика производства непродовольственных промышленных товаров, особенно в части изделий легкой промышлен-

CC BY

ности (тканей, трикотажа и обуви) и мебели. Существенный рост произошел разве что в производстве мотоциклов (примерно в 1,5 раза) и электрочайников. Что касается мотоциклов, то здесь все понятно: в то время их производитель — Ирбитский мотоциклетный завод — работал в основном на экспорт, а поэтому пользовался повышенным вниманием региональных властей.

Один из авторов настоящей статьи в 1977 году посетил этот известный среднеуральский завод и наблюдал конвейерное производство знаменитых мотоциклов «Урал» в количестве около 300 единиц в сутки. В настоящее время этот завод, к сожалению, находится в состоянии полного упадка.

3.2. Доходы работников промышленной сферы: полная корреляция с ростом производства

Одна из неписаных, но, безусловно, всеми признаваемых доктрин советской экономики гласила, что между темпами роста производства и заработной платы работников должны были существовать так называемые «ножницы», то есть различие в этих темпах, причем обязательно в пользу темпов роста производительности труда. Чтобы дать представление о доходах населения Среднего Урала в исследуемом периоде и получить возможность проанализировать и сравнить темпы роста указанных доходов с темпами роста производства, мы составили таблицу 3, в которую свели данные по зарплате и общим доходам семей рабочих и служащих именно промышленных предприятий Свердловской области (в том числе, естественно, и предприятий группы «Б», то есть производящих ТШП).

Строгий математический анализ таблиц 1 и 3 объективно показывает, что упомянутые выше «ножницы» в указанных таблицах находились в пределах 20 %: около 50 % — темпы роста производства и около 30 — заработной платы. При этом темпы роста производства предприятий группы «А» были несколько выше 50 %, а группы «Б» — несколько ниже. Однако с учетом всех других доходов семей эта разница в 20 % фактически нивелировалась. Таким образом, никакого движения вперед не происходило, и получается, что в экономике региона, действительно, имела место стагнация.

Более того, *реальные* доходы населения (и это один из загадочных феноменов советской экономики) оказались даже выше тех, которые учитывались органами государственной статистики. Данный феномен наглядно демонстрируют цифры, приведенные нами в таблице 4. Судя по ее материалам, денежные накопления населения Свердловской области росли очень высокими темпами, увеличившись за исследуемое десятилетие примерно в 2,7 раза, то есть на 170 %.

Объяснить такой быстрый рост денежных доходов населения можно, на наш взгляд, двумя значимыми факторами в экономике СССР:

CC BY

Таблица 3

Денежные доходы семей рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области в 1971—1980 годы, *руб.*

Годы	Среднедушевой доход семьи	Денежный доход средней семьи	В том числе:				
			Зарплата обследуемого	Зарплата других членов семьи	Пенсии, пособия и стипендии	Дотации и другие поступления от государства	Прочие доходы (в том числе от ЛПХ)
1971	1 091	3 437	1 772	1 135	205	172	153
1972	1 134	3 548	1 822	1 175	227	169	155
1973	1 184	3 646	1 866	1 179	243	179	179
1974	1 322	4 005	2 063	1 298	270	190	184
1975	1 365	4 109	2 089	1 347	307	190	176
1976	1 408	4 183	2 125	1 328	304	216	210
1977	1 463	4 271	2 148	1 348	328	223	224
1978	1 493	4 375	2 195	1 388	345	216	245
1979	1 564	4 489	2 278	1 421	335	187	268
1980	1 591	4 550	2 287	1 483	345	182	253

Источник: [Текущий …, динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969—1978 годов, табл. 2; Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979—1993 годов, табл. 6] (расчеты авторов).

— наличием мощной «теневой» экономики, функционировавшей абсолютно бесконтрольно со стороны государства (по крайней мере, никаких налоговых платежей оно от нее не получало). Проявления такой экономики, так или иначе, отмечались во всех сферах экономики «официальной», начиная с нелегального валютообмена и заканчивая организацией «подпольных» производств ТШП (прежде всего — повышенного спроса). Государство рассматривало «теневую» экономику как незаконное явление и преследовало ее участников в уголовном порядке, так как сырье для таких производств добывалось обычно путем расхищения государственной (общественной) собственности. В эпоху «застоя» такие хищения стали приобретать массовый характер, что размывало нравственные устои советского общества;

— существованием у значительной части населения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в виде участков плодородной земли, нередко с жилыми и хозяйственными постройками, а также домашнего скота (включая крупный рогатый) и птицы. Более значительные ЛПХ (до 0,3 га и даже

CC BY

более) были практически у всех жителей села. Население же городов либо владело (часто нелегитимно) небольшими участками земли в виде так называемых «огородов», либо создавало различные садовые товарищества, в которых площадь земельных участков находилась в пределах 0,04—0,06 га. В исследуемый нами период налоговые платежи от владельцев перечисленных ЛПХ находились на минимальном уровне, так как в условиях жесткого товарного дефицита государство было вынуждено снисходительно относиться к гражданам, имеющим ЛПХ.

Таблица 4

Темпы роста денежных вкладов населения Свердловской области в сберегательных кассах в 1971—1980 годы, *на конец года*

Годы	**1971**	**1972**	**1973**	**1974**	**1975**	**1976**	**1977**	**1978**	**1980**
Число вкладов, *тыс.*	1704	1767	1839	1940	2039	2121	2204	2282	2456
Сумма, *млн руб.*	836	944	1069	1245	1443	1608	1800	1988	2270
В том числе:									
город	728	822	930	1090	1265	1414	1581	1652	2005
село	108	122	139	155	178	194	219	236	265
Средний размер вклада, *руб.*	490	534	581	642	707	758	817	871	924
В том числе:									
— город — село	490 492	534 536	580 591	642 643	707 711	758 759	814 834	869 884	920 962
Среднедушевой размер вклада, *руб.*	194	218	245	286	330	374	418	462	505

Источники: [Свердловская …, 1981, с. 19; Свердловская …, 1986, с. 18—19; Центр …, ф. 4, оп. 83, д. 264, л. 2; оп. 89, д. 212, л. 53; оп. 113, д. 649, л. 217; д. 677, л. 169] (расчеты авторов).

Таким образом, довольно значительная часть населения, помимо официальных, имела и так называемые неучтенные доходы либо от своего ЛПХ, либо от незаконной деятельности в денежной или натуральной форме. В стране образовалась даже прослойка так называемых «подпольных миллионеров», доходы которых измерялись немыслимыми для простых граждан суммами. Логическим следствием быстрого роста денежных доходов населения в условиях рыночной экономики был бы тоже достаточно быстрый рост инфляции, вызванный повышением покупательной способности населения. Но термин *инфляция* применительно к плановой советской экономике с административно устанавливаемыми ценами был запрещен к употреблению: советская официальная экономическая наука рассматрива-

CC BY

ла инфляцию как явление, присущее только капиталистической экономике. В доказательство власти ссылались на стабильность товарных цен.

Тем не менее в свете вышесказанного представляется странным то обстоятельство, что соответствующие выводы, которые можно и должно было сделать советской академической науке еще на рубеже 1970—1980-х годов, так и не были сделаны. Правда, весьма вероятно, что попытки донести до власть предержащих такие выводы предпринимались, но никаких последствий это не имело. Судя по всему, руководство страны к этому времени уже не имело политической воли начинать радикальные социально-экономические реформы. Последовавшая затем афганская война обострила надвигающий системный кризис.

4. Заключение = Conclusions

Исследованное нами десятилетие, которое часто именуют «застойным», знаменовало собой расцвет командно-административной системы управления обществом, в том числе его экономикой.

Свердловская область представляла собой типичный старопромышленный регион, специализирующийся на развитии, прежде всего, горнодобывающей и металлургической промышленности, металлообработке, машиностроении и химии. При этом производство ТШП, не будучи приоритетным, играло тем не менее определенную роль в экономике региона. Однако его динамика в исследуемом десятилетии носила в целом стагнационный характер, что соответствовало общему состоянию экономики региона и всего СССР и усугубляло общий социально-экономический кризис.

При этом надо понимать кризис 1970-х именно как кризис стагнационного типа, то есть как кризис экономики, достигшей уже определенного (и не самого низкого) уровня развития, экономики, которая все-таки способна обеспечить населению определенный (и тоже не самый низкий) уровень потребления. В свете этого парадоксальным выглядит тот факт, что, несмотря на довольно острый дефицит продуктов питания, калорийность последнего за исследуемое десятилетие даже приблизилась к норме за счет улучшения структуры потребления белков, жиров и углеводов.

На фоне упомянутых стагнационных явлений темпы роста доходов граждан значительно превышали темпы роста производства товаров. Отрицание же официальной наукой инфляции как объективного экономического явления провоцировало жестокий товарный дефицит: природа, как известно, не терпит пустоты. Игнорировать же и маскировать наличие товарного дефицита в советском обществе было уже невозможно, хотя предпринимались и такие попытки: достаточно вспомнить продажу товаров «по предварительным заказам» и нереализуемые «витринные» товары.

Источники и принятые сокращения

1. *Бюджеты* семей рабочих и служащих Свердловской области, Уральского района, РСФСР за 1980, 1985—1989 гг. — Свердловск : Свердлоблстат, 1990. — 18 с.

2. *Екатеринбург* : энциклопедия / гл. ред. В. В. Маслаков. — Екатеринбург : Академкнига, 2002. — 728 с.

3. *Основные* показатели жизненного уровня населения Свердловской области в 1978 г. — Свердловск : Свердлоблстат, 1979. — 41 с.

4. От «оборонки» до мебельных гарнитуров : как завод имени Калинина начал обставлять советские квартиры // *E1RU* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.e1.ru/text/business/2021/08/29/70081748 (дата обращения 15.05.2022).

5. *Свердловская* область в цифрах за 1971—1975 годы : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1976. — 191 с.

6. *Свердловская* область в цифрах. 1976—1980 годы : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. — 144 с.

7. *Свердловская* область в цифрах. 1981—1985 : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1987. — 128 с.

8. *Свердловская* область за 50 лет : цифры и факты. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1984. — 256 с.

9. *Свердловская* область за 50 лет : (Цифры и факты) / Редкол.: В. Г. Чуфаров (пред.) и др. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1984. — 255 с.

10. *Текущий* архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области (ТОФСГССО). Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969—1978 гг. ; Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979—1993 гг.

11. *Уральская* историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — 640 с.

12. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 (Обком КПСС).

Литература

1. *Беляев С. А.* Эффект реконструкции : (Опыт предприятий Свердл. обл.) / С. А. Беляев, Н. П. Широков. — Москва : Экономика, 1975. — 55 с.

2. *Ветлугин И. М.* О преодолении культурно-бытовых различий между городом и деревней (на материалах Среднего Урала) / И. М. Ветлугин // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973 гг. — Москва, 1975. — С. 445—452.

3. *Ельцин Б. Н.* Средний Урал : рубежи созидания / Б. Н. Ельцин. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. — 155 с.

4. *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII — начала XX века / В. В. Запарий. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. — 496 с. — ISBN 5-7691-0976-9.

5. *История* народного хозяйства Урала : в 2 ч. / [А. В. Бакунин, Ю. А. Буранов, Р. Г. Пихоя и др. ; редакционная коллегия : М. А. Сергеев (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1988—1990.

6. *История* советского Урала, 1946—1975 : Учеб. Пособие / Подгот. В. А. Саматов В. Г. Андреева Е. П. Зверев и др. ; науч. ред. В. А. Саматов. — Свердловск : УрГУ, 1983. — 80 с.

7. *Корсаков А. Я.* Развитие и размещение промышленности на Среднем Урале / А. Я. Корсаков. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1972. — 96 с.

8. *Корягина Т. И.* Теневая экономика в СССР / Т. И. Корягина // Вопросы экономики. — 1990. — № 3. — С. 110—120.

9. *Личман Б. В.* Индустриальное развитие Урала с середины 1960 до середины 1980 годов / Б. В. Личман, М. Е. Лукина // История науки и техники в системе современных знаний : материалы научной конференции, посвященной 10-летию кафедры истории науки и техники УГТУ-УПИ, Екатеринбург, 14 декабря 2009 г. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2009. — С. 160—164.

10. *Маметьев И. В.* Особенности теневой экономики в СССР эпохи «застоя» / И. В. Маметьев // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2020. — № 1 (69). — С. 65—70. — DOI: 10.24143/1812-9498-2020-1-65-70.

11. *Мамяченков В. Н.* Потребление непродовольственных товаров населением Свердловской области (1946—1991) / В. Н. Мамяченков // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2011. — Выпуск 12. — С. 199—212.

12. *Мамяченков В. Н.* Потребление продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленности Свердловской области в 1946—1991 гг. / В. Н. Мамяченков // Девятые Татищевские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 19—20 апреля 2012 года). — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2012. — С. 299—303.

13. *Материально-бытовое* положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975) : Межвузовский сборник / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [Редкол. : Саматов В. А. (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : УрГУ, 1981. — 170 с.

14. *Материальное* благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917—1985 гг.) : сборник научных трудов / АН СССР, Уральское отделение ; редкол. : Р. П. Толмачева (отв. ред.) и др. — Свердловск : УрО АН СССР, 1988. — 143, [2] с.

15. *Перелешина О. А.* Новые задачи старопромышленного района : (Основные проблемы развития народнохоз. комплекса Урала) / О. А. Перелешина. — Москва : Знание, 1975. — 64 с.

16. *Рябов Я. П.* Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС / Я. П. Рябов. — Москва : Русский биографический институт, 2000. — 397 с.

17. *Рябов Я. П.* Некоторые проблемы повышения эффективности производства / Я. П. Рябов, М. Р. Скулкин. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1971. — 166 с.

18. *Свисткова А. М.* Уральский экономический район : Курс лекций / А. М. Свисткова, М. Н. Степанов, М. Д. Шарыгин. — Пермь : Пермский университет, 1976. — 82 с.

19. *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы / А. С. Черняев. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 1047 с.

20. *Шувалов Е. Л.* Урал индустриальный : Книга для учащихся / Е. Л. Шувалов. — Москва : Просвещение, 1974. — 191 с.

Material resources

Budgets of families of workers and employees of the Sverdlovsk region, Ural district, RSFSR for 1980, 1985—1989. (1990). Sverdlovsk: Sverdloblstat. 18 p. (In Russ.).

Chufarov, V. G. (ed.). *Sverdlovsk region for 50 years: (Figures and facts).* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 255 p. (In Russ.).

Current archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region (TOFSGSSO). Dynamic series for industrial workers and employees

1969—1978; Dynamic series for industrial workers and employees 1979—1993. (In Russ.).

Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4 (Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).

From the "defense industry" to furniture sets: how the Kalinin plant began to furnish Soviet apartments. *E1RU.* Available at: https://www.e1.ru/text/business/2021/08/29/70081748 (accessed 15.05.2022). (In Russ.).

Maslakov, V. V. (ed.). (2002). *Yekaterinburg: Encyclopedia.* Yekaterinburg: Akademkniga. 728 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in figures for the years 1971—1975: a statistical collection. (1976). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 191 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in numbers. 1976—1980: statistical collection. (1981). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 144 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in numbers. 1981—1985: statistical collection. (1987). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 128 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region for 50 years: figures and facts. (1984). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 256 p. (In Russ.).

The main indicators of the living standard of the population of the Sverdlovsk region in 1978. (1979). Sverdlovsk: Sverdloblstat. 41 p. (In Russ.).

Ural Historical Encyclopedia. (2000). Yekaterinburg: Akademkniga. 640 p. (In Russ.).

References

Belyaev, S. A., Shirokov, N. P. (1975). *Reconstruction effect: (Experience of enterprises of the Sverdlovsk region).* Moscow: Ekonomika. 55 p. (In Russ.).

Chernyaev, A. S. (2008). *Joint outcome. A diary of two epochs. 1972—1991.* Moscow: ROSSPEN. 1047 p. (In Russ.).

History of the national economy of the Urals: [in 2 hours]. (1988—1990). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. (In Russ.).

History of the Soviet Urals, 1946—1975: Textbook. Manual. (1983). Sverdlovsk: USU. 80 p. (In Russ.).

Korsakov, A. Ya. (1972). *Development and placement of industry in the Middle Urals.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 96 p. (In Russ.).

Koryagina, T. I. (1990). Shadow economy in the USSR. *Questions of Economics, 3:* 110—120. (In Russ.).

Lichman, B. V., Lukina, M. E. (2009). Industrial development of the Urals from the mid-1960s to the mid-1980s. In: *The History of Science and Technology in the system of modern knowledge: materials of the scientific conference dedicated to the 10th anniversary of the Department of History of Science and Technology of USTU-UPI. Yekaterinburg, December 14.* Yekaterinburg: UMC UPI. 160—164. (In Russ.).

Mametyev, I. V. (2020). Features of the shadow economy in the USSR of the era of "stagnation". *Bulletin of the Astrakhan State Technical University, 1 (69):* 65—70. DOI: 10.24143/1812-9498-2020-1-65-70. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2011). Consumption of non-food products by the population of the Sverdlovsk region (1946—1991). In: *Document. Archive. History. Modernity, 12.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 199—212. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2012). Food consumption in the families of workers and employees of industry of the Sverdlovsk region in 1946—1991. In: *The ninth Tatishchev*

CC BY

Readings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 19—20, 2012). Yekaterinburg: Publishing House of the UMC UPI. 299—303. (In Russ.).

Pereleshina, O. A. (1975*). New tasks of the old industrial district: (The main problems of the development of the national economy. complex of the Urals).* Moscow: Znanie. 64 p. (In Russ.).

Ryabov, Ya. P. (2000). *My twentieth century. Notes of the former Secretary of the CPSU Central Committee.* Moscow: Russian Biographical Institute. 397 p. (In Russ.).

Ryabov, Ya. P., Skulkin, M. R. (1971). *Some problems of increasing production efficiency.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 166 p. (In Russ.).

Samatov, V. A. (ed.). (1981). *The material and living situation of the workers of the Urals in the conditions of socialism (1937—1975): Interuniversity collection / Ural State University named after A. M. Gorky.* Sverdlovsk: USU. 170 p. (In Russ.).

Shuvalov, E. L. (1974). *Ural industrial: A book for students.* Moscow: Prosveshchenie. 191 p. (In Russ.).

Svistkova, A. M., Stepanov, M. N., Sharygin, M. D. (1976). *Uralsky economic district: A course of lectures.* Perm: Perm University. 82 p. (In Russ.).

Tolmacheva, R. P. (ed.). (1988). *Material well—being of the workers of the Ural Soviet village (1917—1985) [Text]: collection of scientific papers / USSR Academy of Sciences, Ural Branch.* Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. 143, [2] p. (In Russ.).

Vetlugin, I. M. (1975). On overcoming cultural and everyday differences between the city and the countryside (based on the materials of the Middle Urals). In: *Problems of the history of the modern Soviet village. 1946—1973.* Moscow. 445—452. (In Russ.).

Yeltsin, B. N. (1981). *Middle Urals: frontiers of creation.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 155 p. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2001). *Ferrous metallurgy of the Urals of the XVIII — early XX century.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 496 p. ISBN 5-7691-0976-9. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.03.2022,
одобрена после рецензирования 02.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Симоненко Е. С. Сэм Хьюз и преодоление кризиса комплектования канадской армии в разгар Первой мировой войны (1915—1916) / Е. С. Симоненко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 499—514. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-499-514.

Simonenko, E. S. (2022). Sam Hughes and Overcoming Recruiting Crisis of Canadian Army at Height of First World War (1915—1916). *Nauchnyi dialog, 11(5):* 499-514. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-499-514. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-499-514

Сэм Хьюз и преодоление кризиса комплектования канадской армии в разгар Первой мировой войны (1915—1916)

Симоненко Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0001-7329-5346
кандидат исторических наук,
межинститутская кафедра
естественно-научных
и социально-гуманитарных дисциплин
eka-1982.82@mail.ru

Приморская государственная
сельскохозяйственная академия
(Уссурийск, Россия)

Sam Hughes and Overcoming Recruiting Crisis of Canadian Army at Height of First World War (1915—1916)

Ekaterina S. Simonenko
orcid.org/0000-0001-7329-5346
PhD in History, Associate Professor,
Inter-Institutional Department of Natural
Sciences and Social
and Humanitarian Disciplines
eka-1982.82@mail.ru

Primorskaya State
Agricultural Academy
(Ussuriysk, Russia)

© Симоненко Е. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется процесс преодоления кризисных явлений в ходе комплектования канадской добровольческой армии в разгар Первой мировой войны в контексте деятельности министра милиции и обороны Сэма Хьюза. Хронологические рамки обусловлены началом кризиса комплектования канадской добровольческой армии (октябрь 1915) и завершением деятельности С. Хьюза на посту министра милиции и обороны (ноябрь 1916) в связи с вынужденной отставкой. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые в отечественной историографии формулируются взгляды и анализируется мобилизационная активность министра С. Хьюза в изучаемый период. Прослеживаются усилия С. Хьюза по преодолению кризиса комплектования и стимулированию набора в ряды канадской добровольческой армии. Изучается реакция прессы и общественности на мобилизационную активность С. Хьюза в разгар войны. Выясняются причины, обстоятельства и последствия отставки С. Хьюза с поста министра. Доказано, что за время руководства военным министерством С. Хьюзу удалось добиться впечатляющих результатов, однако из-за бурного темперамента и личных амбиций, он нередко выходил за рамки своих полномочий, что в итоге и предопределило его отставку.

Ключевые слова:
история Канады; Первая мировая война; Сэм Хьюз; министр милиции и обороны; канадская добровольческая армия; кризис комплектования армии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of overcoming crisis phenomena during the recruitment of the Canadian volunteer army at the height of the First World War is analyzed in the context of the activities of the Minister of Militia and Defense Sam Hughes. The chronological framework is due to the beginning of the crisis in the recruitment of the Canadian volunteer army (October 1915) and the completion of S. Hughes's activities as Minister of Militia and Defense (November 1916) in connection with the forced resignation. The relevance of the study is due to the fact that for the first time in Russian historiography, views are formulated and the mobilization activity of Minister S. Hughes is analyzed during the crisis in the recruitment of the Canadian volunteer army at the height of the First World War. The efforts of S. Hughes to overcome the recruitment crisis and stimulate recruitment into the ranks of the Canadian Volunteer Army are traced. The reaction of the press and the public to the mobilization activity of S. Hughes at the height of the war is studied. The reasons, circumstances and consequences of the resignation of S. Hughes from the post of minister are clarified. It is proved that during the leadership of the War Department, S. Hughes managed to achieve impressive results, however, due to his stormy temperament and personal ambitions, he often went beyond his powers, which ultimately predetermined his resignation.

Key words:
history of Canada; World War I; Sam Hughes; Minister of Militia and Defense; Canadian Volunteer Army; recruitment crisis.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(71)“1915/16”

Сэм Хьюз и преодоление кризиса комплектования канадской армии в разгар Первой мировой войны (1915 — 1916)

© Симоненко Е. С., 2022

1. Введение = Introduction

В годы Первой мировой войны процесс мобилизации канадских добровольцев происходил под началом министра милиции и обороны Сэма Хьюза. Решительный характер С. Хьюза и авторитарный стиль его руководства предопределили характер канадской мобилизации. Фактически она вышла из-под контроля британских властей вследствие отказа министра от официального мобилизационного плана, предусматривавшего слишком медленные темпы комплектования войск. Таким образом, личные усилия С. Хьюза по организации процесса мобилизации способствовали ее полному успеху в начале войны [Симоненко, 2021, с. 430]. Однако его тщеславие и сложный характер усугубляли ситуацию. Премьер-министр Канады Р. Борден в своих мемуарах не раз подтверждал «абсурдную склонность» С. Хьюза не только выполнять функции министра, бывшего по должности гражданским чиновником, но и играть роль военного командира. Следует пояснить, что С. Хьюз не имел профессионального военного образования и возглавлял канадскую милицию как гражданское лицо. Тот факт, что он имел чин полковника и в доминистерский период командовал пехотным батальоном, не имел большого значения, поскольку в Канаде практика назначения парламентариев на высшие командные должности в милиции была обычным явлением [Симоненко, 2018, с. 43]. С другой стороны, по мнению Р. Бордена, его неиссякаемая энергия и находчивость были большим достоянием: ни один другой человек не смог бы за аналогичный период достичь того, чего добился он в обучении и организации первого канадского контингента [Borden, 1938, p. 462—463]. Несмотря на усилия министра, к осени 1915 года в Канаде обозначился первый с начала войны кризис добровольческого набора.

2. Материал, методы и обзор = Material, Methods, Review

Цель данной работы — проанализировать деятельность министра милиции С. Хьюза, направленную на преодоление кризиса комплектования канадской добровольческой армии в разгар Первой мировой войны (1915—1916), и оценить ее последствия. Для достижения поставленной

CC BY

цели автор формулирует ряд задач: проследить усилия С. Хьюза по преодолению кризиса комплектования и стимулированию набора в ряды канадской добровольческой армии; изучить реакцию прессы, а также широкой канадской и британской общественности на мобилизационную активность С. Хьюза; выяснить причины, обстоятельства и последствия отставки С. Хьюза с поста министра.

Историографическую основу работы составляют труды канадских авторов, где изучаются представления и деятельность министра милиции и обороны С. Хьюза в разгар Первой мировой войны в разных исторических контекстах. В рамках официальной истории канадских вооруженных сил в годы войны А. Фортескью Дугид исследует проблему управления канадскими войсками на британских островах, а также механизм создания специального органа управления отрядами под контролем властей доминиона [Duguid, 1938]. С. Дж. Харрис восстанавливает детали партийной критики со стороны Либеральной партии Канады, недовольной предельной централизацией власти С. Хьюза в военном министерстве [Harris, 1988]. Дж. Льюис предпринимает попытку оценить роль министра милиции в консервативном правительстве Р. Бордена на фоне статистики набора в армию канадских добровольцев в разгар войны [Lewis, 1919]. В ходе изучения политики и стратегии канадской обороны Ч. Стейси описывает условия и обстоятельства отправки канадских воинских формирований за пределы доминиона в ходе имперских конфликтов. Особое внимание уделяется материальным факторам несения заграничной службы, в том числе ставкам оплаты их услуг [Stacey, 1940]. Наконец, А. Б. Кейт и Д. Винс выясняют причины и обстоятельства отставки С. Хьюза с поста министра в разгар войны, а также описывают процесс реструктуризации канадского военного ведомства после его ухода с поста [Keith, 1921; Vince, 1950].

В процессе подготовки статьи автор обращается к различным видам исторических источников: периодической печати, исторической статистике, публицистике и источникам эпистолярного жанра. Основу источниковой базы составляют публикации британской и канадской прессы за 1915—1916 годы, позволяющие детально изучить реакцию канадской общественности на усилия С. Хьюза по преодолению кризиса добровольческого набора. Кроме того, в них активно дискутировался вопрос о стиле руководства министерства и личности самого министра. Газетные публикации дополняют историко-статистические сборники под редакцией Дж. Хопкинса, в которых содержится статистика мобилизационной активности за 1915—1916 годы, а также выдержки военных речей С. Хьюза [CAR, 1916]. В источниках публицистического характера, которые представляют собой политические обзоры британского движения «Круглого

CC BY

стола», содержатся факты, иллюстрирующие состояние канадской добровольческой армии в разгар войны. Наконец, в работе используется личная переписка С. Хьюза с премьер-министром Канады Р. Борденом, по которой можно проследить причины и обстоятельства его отставки [LAC, 1916].

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Усилия С. Хьюза по стимулированию набора в армию

Будучи проницательным политиком и опытным военным руководителем, министр С. Хьюз первым отметил едва заметные симптомы кризиса комплектования канадской добровольческой армии и решил «по горячим следам» принять энергичные меры для стимулирования военного набора. В начале ноября 1915 года, выступая перед Лигой по вербовке гражданских лиц, он со свойственной ему уверенностью заявил, что надеется увидеть канадцев в решающем марше на Берлин [Hamilton Daily Times, 1915, 23 Sept., p. 1.]. Тогда же министр объявил о создании специального штата инспекторов, чья главная задача заключалась в посещении военных баз и военных учебных частей, где они должны были выявлять случаи недобросовестных отказов от поступления на службу. В конце декабря 1915 года министерство милиции и обороны опубликовало списки штабных офицеров и гражданских чиновников с указанием их персональных данных, в том числе семейного положения и степени годности к военной службе за пределами Канады. Такие же списки были составлены и в отношении гражданского персонала и канцелярских служащих Главного штаба, где напротив каждой фамилии, помимо всего прочего, указывался факт наличия или отсутствия добровольного желания поступить на действительную службу. Эта «бумажная работа» была проделана после того, как министр обратил внимание на занятость в различных военных ведомствах большого количества гражданских лиц, годных к военной службе. Он заявил, что хотел бы предоставить им возможность выполнить свой гражданский долг. По замыслу С. Хьюза, освободившиеся должности должны были временно занять гражданские лица, признанные негодными к военной службе, и солдаты, по разным причинам вернувшиеся с фронта. Благодаря энергичным действиям министра и патриотизму канадского населения, в 1915 году на фронт было отправлено почти 190 тыс. человек, или в среднем по 3,4 тыс. человек в неделю [Reynold's Newspaper, 1915, 5 Dec., p. 3]. Вместе с первым контингентом и подкреплениями к концу года общее число канадцев, находившихся под ружьем, достигло более 212 тыс. человек [CYB 1915, p. 685].

1916 год начался с новогоднего обращения премьер-министра Р. Бордена к нации, в котором сообщалось, что Канада должна была отправить на фронт в общей сложности полмиллиона человек. Этот призыв полу-

CC BY

чил закрепление на законодательном уровне 12 января 1916 года и означал неизбежность дополнительного набора [Ibid., pp. 685—686]. С. Хьюз понимал, что к тому времени все возможные «запасы» профессиональных военных были исчерпаны, поэтому предложил привлекать в армию в качестве офицеров сильных духом людей, построивших успешный бизнес или профессиональную карьеру. Они должны были возглавить новые батальоны для службы за границей. «На сегодняшний день, говорил министр, самыми лучшими солдатами являются инженеры, адвокаты, подрядчики, одним словом, дельцы, которые в свое время прошли военную подготовку» [Blairmore Enterprise, 1916, 11 Feb., p. 2]. Министр был уверен, что все его усилия в создания «гражданской» армии увенчаются успехом. По его замыслу, в течение года каждая канадская провинция должна была набрать от 2 до 5 батальонов таких добровольцев.

В начале января 1916 года генерал С. Хьюз отправился в тур по городам Канады, в ходе которого намеревался произносить патриотические речи и тем самым стимулировать набор добровольцев. Начав поездку со своего избирательного округа в провинции Онтарио, он в течение двух дней проехал по нескольким городам и произнес два десятка патриотических речей. В своих обращениях к жителям он говорил о том, что его ведомство набирает на службу по 1000 человек в день и что если пополнение канадской армии продолжится теми же темпами, то война закончится до начала следующей зимы [Taxation and recruiting in Canada, 1916, p. 542]. При этом он жестко раскритиковал тех молодых людей призывного возраста, которые не хотели поступать на службу. В конце февраля 1916 года в газете «Нью-Йорк Таймс» появилось интервью С. Хьюза, в котором он с возмущением рассказал, что на днях встретил 600 молодых людей, выходивших с катка. «Эти крепкие молодые парни, говорил он, должны поступить на службу, надеть униформу и сражаться с немцами вместо того, чтобы заниматься болтовней на хоккейном матче» [CAR 1916, p. 258].

3.2. Реакция канадской и британской прессы на усилия С. Хьюза

Достижения С. Хьюза на посту министра были значительными и не вызывали сомнения ни у его политических оппонентов, ни у той части канадской общественности, которая разделяла его имперские взгляды. Однако после отправки первого контингента за границу наметился всплеск критики в адрес министра со стороны либеральных печатных изданий. Так, в одном из августовских выпусков «Торонто Стар» появилась «сенсационная» статья. В ней утверждалось, что все военное имущество, произведенное в Канаде и отправленное вместе с первым контингентом в Англию, власти метрополии забраковали как не соответствовавшее британским стандартам. Издание утверждало, что в утиль отправились канадские транс-

CC BY

портные вагоны, пушки, велосипеды, солдатская обувь и многое другое. В будущем такая же участь должна была постигнуть канадские винтовки Росса, которые, по слухам, британские власти планировали заменить на Ли-Энфилд [Ibid., p. 255]. Спустя неделю военное министерство опубликовало официальное опровержение таких газетных утверждений.

Еще одним печатным органом, энергично критиковавшим министра, стала либеральная «Торонто Глоуб». В редакционных статьях С. Хьюз подвергался критике, прежде всего, за опрометчивые речи и неэффективное управление милицией. В нескольких статьях 1915–1916 годов в экспрессивной манере его осудили за «заносчивость, хвастовство и за то, что он вмешивается не в свои дела». Министра упрекали в том, что он считал себя военным гением и подражал Наполеону, а также стремился командовать канадскими отрядами во Франции. «Было бы преступлением, самым ужасным и кровавым военным преступлением, … разрешить генералу Сэму Хьюзу распоряжаться жизнями солдат на фронте» [Ibid., p. 256]. По мнению издания, судьба канадской армии на бельгийском и французском фронтах под его руководством была предопределена. Для того чтобы предотвратить это «преступление», «Глоуб» требовала отставки министра. Однако этими публикациями либералы не достигли цели: С. Хьюз оставался равнодушным к партийной критике. Более того, он заявил, что никогда не делал ошибок, рекомендуя или отказывая в назначении или повышении по службе. Следуя этому убеждению, он приказал издать в декабре 1915 года указ о том, что без его одобрения в будущем не будет производиться никаких серьезных назначений [Harris, 1988, p. 117—118].

Особое внимание в канадской прессе уделялось проблеме вмешательства министра в полномочия имперских военных властей. Летом 1916 года в интервью корреспонденту «Оттава Джорнэл», подробно описывая свою мартовскую поездку в Англию, С. Хьюз сделал особый акцент на своей встрече с Г. Китченером. Он сообщил, что в ходе разговора с британским фельдмаршалом он высказал мысль о том, что командование должно отказаться от дальнейшей обороны Ипра. Свою точку зрения министр мотивировал тем, что, во-первых, британская армия оставалась в том регионе, руководствуясь больше сентиментальными, а не стратегическими соображениями, и, во-вторых, в ходе операций в окрестностях бельгийского города британские войска могли понести огромные потери. По свидетельству С. Хьюза, Г. Китченер находился под сильным впечатлением от его слов и попросил изложить все в письменном виде. Кроме того, он пообещал, что доведет высказанную точку зрения до главнокомандующего британской армией Дугласа Хейга [Ottawa Journal, 1916, 9 Jun., p. 2]. Между тем данный инцидент, казалось, не имел дальнейшего развития: на следующий

CC BY

день С. Хьюз получил срочную телеграмму из Оттавы и вынужден был вернуться на родину. Публикация этого интервью заставила Р. Бордена сделать официальное заявление, полностью опровергавшее слова министра милиции. Премьер-министр заявил, что после тяжелых потерь, которые понесли британские и канадские отряды на Ипре, правительство доминиона сделало запрос в британский генштаб и получило ответ, что эта позиция имеет очень важное стратегическое значение и ее защита должна продолжаться во что бы то ни стало [Lacomb Guardian, 1916, 7 Jul. 7, p. 4].

История получила продолжение после того, как в середине июня в канадской прессе было опубликовано письмо, написанное С. Хьюзом 24 марта 1916 года и адресованное Г. Китченеру. В нем министр обращал внимание на то, что позиции канадских войск на Ипре не были должным образом укреплены и солдаты находились под открытым огнем неприятеля. Послание заканчивалось словами надежды на то, что этот вопрос будет поставлен на обсуждение главнокомандующего Д. Хейга. После публикации письма на министра обрушился шквал критики. Его обвинили в том, что он вмешивается не в свои дела и пытается повлиять на политику объединенного штаба британской и французской армий. По мнению канадских изданий, генерал был не прав и со стратегической точки зрения: бельгийский город Ипр был «ключом, которым можно было открыть ворота, ведущие на территорию французского побережья и в Англию» [CAR 1916, p. 260—261].

Манера поведения и стиль высказываний министра продолжали подвергаться нападкам со стороны прессы и его политических оппонентов. Примечательно, что несколько особенно резонансных обвинений рассматривалось в палате общин парламента в присутствии премьер-министра Р. Бордена, который оправдывал С. Хьюза тем, что он добросовестно и честно выполнял свою работу, находясь в своем кабинете с раннего утра до позднего вечера. Под его руководством офицеры отлично справлялись со своими обязанностями и достигли прекрасных результатов [Lacomb Guardian, 1916, 7 Jul., p. 4.]. Между тем существовала и другая сторона медали. С. Хьюз нередко сам становился жертвой газетчиков, давая им повод манерой своей речи. По обыкновению он не стеснялся в выражениях, говорил прямо и открыто. В прессе слова министра обычно сопровождались ироническими комментариями корреспондентов, которые нередко искажали первоначальный смысл его высказываний. Публика охотно их читала, составляя искаженное представление о предмете разговора и личности интервьюера.

Если в канадских изданиях С. Хьюз, как правило, подвергался жесткой критике, то английская пресса всегда отдавала канадскому министру должное, высоко оценивая его достижения. Первой в череде похвальных публикаций стала статья в лондонской «Дэйли Экспресс». В ней говорилось, что

CC BY

генерал сделал для создания канадских экспедиционных сил столько, сколько не могли сделать ни правительство, ни другие выдающиеся люди. Но основная серия хвалебных статей вышла, когда министр находился с рабочей поездкой в Англии в июле — сентябре 1916 года. Лондонская «Дэйли Мэйл» сообщила своим читателям, что за несколько месяцев С. Хьюз превратил слабую канадскую милицию в одну из эффективных вооруженных сил в мире. «Лондон Пост» убеждала, что он заботился о том, чтобы в канадской армии не было фаворитизма и политического патронажа [CAR 1916, p. 260—264]. Канадский министр в сопровождении Д. Ллойда Джорджа, для которого эта поездка на фронт стала первой после назначения на пост военного министра, инспектировал канадскую дивизию [Belfast News-Letter, 1916, 8 Aug., p. 8]. Он так понравился английским наблюдателям, что в газетах стали появляться одобрительные характеристики его личности и деятельности. Йоркширская «Лидс Меркьюри» назвала его «Китченером великолепной канадской армии», который был неутомим во время своего визита на фронт, с неослабевающим интересом вникая в каждую деталь [Leeds Mercury, 1916, 6 Sept., p. 6]. Вероятнее всего, писала лондонская «Рейнольдс», Англия получит обещанные Канадой полмиллиона солдат [Reynold's Newspaper, 1916, 13 Aug., p. 2]. В американской прессе можно было встретить сходные высказывания. Один американский офицер, инспектировавший канадские отряды в Европе, видел заслугу канадского генерала в том, что «до него в Канаде была милиция, а при нем в доминионе появилась полноценная армия», за это он предлагал продвинуть С. Хьюза в звании до полевого маршала [Blairmore Enterprise, 1916, 11 Feb., p. 3].

3.3. Проблема контроля над канадскими отрядами за границей

Еще одной проблемой для канадских властей стала попытка С. Хьюза установить личный контроль над канадскими вооруженными силами, находившимися за границей. Это намерение министра выходило за рамки его обычных полномочий, но рассматривалось им как способ привлечь в ряды канадских добровольцев тех, кто отказывался служить на европейским континенте под началом британских офицеров и британского командования. Впервые этот вопрос был поставлен на повестку дня еще в самом начале войны. До этого момента специального контроля над такими силами не требовалось, поскольку их численность была незначительной, а время службы было непродолжительным. Так, канадцы, сражавшиеся в Ю. Африке, получали жалованье и контролировались имперскими властями, а «Канада просто компенсировала разницу между имперской шкалой оплаты труда и своей собственной» [Stacey, 1914, p. 68].

Когда началась война, между С. Хьюзом и фельдмаршалом Г. Китченером была достигнута договоренность о том, что канадский контингент

CC BY

по прибытии в Плимут перейдет под командование британского генерала Э. Олдерсона, который возглавлял войска доминиона в Ю. Африке. Однако вскоре министр милиции попытался установить личный контроль над канадскими отрядами в Англии и Франции путем назначения «собственного агента», которым стал богатый бизнесмен из Монреаля полковник Дж. Уоллес Карсон [Vince, 1950, p. 3—4]. Ситуация осложнялась тем, что для координации контроля над канадскими отрядами в Англии правительство доминиона назначило своего официально представителя, которым стал канадский бригадный генерал Дж. Макдугалл.

Канадские власти вынуждены были произвести разграничения полномочий своих представителей на материке: Дж. Карсон был назначен «агентом министра милиции по содержанию складов оборудования и других предметов снабжения», а Дж. Макдугалл отвечал за «все назначения, обучение, дисциплину, а также запасы и оборудование». Вскоре «агент» С. Хьюза занял ведущее положение, так как Дж. Макдугалл значительно уступал Дж. Карсону в способностях, энергии, силе. Ограничив свою деятельность наблюдением за обучением и фактической отправкой подкреплений, он позволил последнему решать политические вопросы, которые расширили полномочия Дж. Карсона, включив в них «все и вся». Ситуация еще более осложнялась наличием отдельного командования, ответственного за обучение и общее управление войсками гарнизона Шорнклиффа, который был преимущественно канадским. С августа 1915 года его возглавил канадский генерал-майор С. Стил. Позже он жаловался канадскому верховному комиссару в Лондоне Дж. Перли, что ему пришлось работать в очень сложной ситуации: «Мне было очень тяжело … Фактически, меня постоянно отвлекали и игнорировали». Конечным результатом этой путаницы стало то, что министерство милиции в Оттаве вело переписку со всеми тремя генералами. Вдобавок к этому в 1916 году Макс Эйткен благодаря своей энергии и способностям оказал большое влияние на С. Хьюза, вследствие чего был назначен «генеральным представителем Канады на фронте» [Vince, 1950, p. 4—5].

К 1916 году острая необходимость в полной реорганизации и немедленном разделении военных и гражданских «администраторов» стала очевидной. Еще в декабре 1915 года Дж. Карсон сообщил С. Хьюзу, что в системе управления канадскими отрядами на британских островах существовало «множество злоупотреблений, ошибок и нелепостей», с которыми нужно было разбираться на месте, и, по его мнению, был только один способ исправить ситуацию — организовать специальный орган канадского управления войсками с реальными полномочиями [Duguid, 1939, p. 128—129]. Он разработал конкретные рекомендации по созданию своеобразного филиала канадского министерства милиции и обороны на британских островах, ко-

CC BY

торый должен был состоять из самого генерала, фактически исполнявшего обязанности канадского военного министра в Великобритании, генерал-адъютанта, генерал-квартирмейстера и генерального инспектора. Генерал отправил С. Хьюзу телеграмму с припиской: «Жду вашего разрешения, чтобы воплотить их в жизнь, и надеюсь, что у вас будет возможность ненадолго отправиться в Англию, чтобы лично контролировать эти вопросы и лично санкционировать все изменения на месте» [Vince, 1950, p. 6]. В итоге в сентябре 1916 года без консультации с канадским правительством С. Хьюз создал в Лондоне Армейский совет по управлению канадскими войсками за границей. Когда об этом стало известно, Р. Борден приказал министру возвращаться домой, заявив о назначении Дж. Перли на пост министра заграничных сил доминиона. С. Хьюз резко протестовал против кандидатуры Дж. Перли, убеждая, что его друг М. Эйткен достоин занять этот пост. Этот инцидент явился «последней каплей» и послужил предлогом для его будущей отставки. Этого повода Р. Борден, судя по его воспоминаниям, ожидал, глядя «на встревоженную публику, рассерженный парламент, враждебный кабинет». 3 апреля 1916 года в своем дневнике он записал: «Совершенно очевидно, что Хьюз не может оставаться в правительстве» [Borden, 1938, p. 559—560].

3.4. Отставка С. Хьюза с поста министра милиции

В начале октября 1916 года С. Хьюз возвратился Канаду и обнаружил, что правительство фактически отстранило его от военного руководства, распределив обязанности между заместителями. По словам Дж. Хопкинса, «прежняя суета в департаменте, изображавшая напряженную работу, и бесконечный поток просителей, закончились» [CAR 1916, p. 265]. В начале ноября С. Хьюз совершил свой последний официальный визит в должности министра по городам Канады. В Торонто его встретил шквал критики от тех, кто осуждал его чрезмерную активность, но были и те, кто поддерживал его стремления. Так, только что вернувшийся с фронта полковник Р. Гатри объявил, что слишком много людей критикуют С. Хьюза, при этом сами ничего не делают. «Где была бы Канада сегодня, вопрошал полковник, если бы не действующий министр милиции?» [Ibid.]. На собрании в методистской церкви в Торонто, устроенном в честь прихожан, сражавшихся на фронте, министр впервые упомянул о возможности введения в доминионе всеобщей воинской повинности. Он заявил, что, если к следующей весне департамент милиции не наберет еще 100 тыс. человек, власти вынуждены будут обсуждать конскрипцию. При этом С. Хьюз заметил, что, по его мнению, следовало освободить от конскрипции те военные округа, которые добросовестно выполняли все квоты по набору [Ibid].

9 ноября в разгар поездки по стране С. Хьюз получил письмо от Р. Бордена, в котором тот объявил ему об отставке. Премьер указал на то, что

CC BY

министр управлял своим ведомством так, как будто оно было не частью правительства, а руководящим органом, которому все должны были подчиняться [Letter from Borden to Hughes, 1916, 9 Nov., f. 9]. Однако были и другие причины для отставки, прямо в письме не указанные. Например, С. Хьюза критиковали за то, что он слишком часто ездил в Европу и не занимался текущими делами департамента. Его причастность к скандалам в сфере снабжения армии военным имуществом и продовольствием, печально известный фаворитизм в назначениях, его неосмотрительное поведение — все это создавало большие политические трудности, но, несмотря на протесты членов кабинета, Р. Борден позволял ему «до поры до времени идти свои путем» [Lewis, 1919, p. 46—47].

11 ноября С. Хьюз направил премьер-министру Канады заявление об отставке, не устояв перед искушением опровергнуть аргументы, изложенные последним в письме от 9 ноября. Однако, удовлетворенный решением министра, Р. Борден не ответил на это послание [Letter from Borden to Hughes, 1916, 11 Nov., f. OC 318 (2)]. Новость об отставке С. Хьюза произвела фурор в политических и военных кругах Канады [London Evening Mail, 1916, 15 Nov., p. 5]. Она сопровождалась цитатами из прощальных речей бывшего министра, произнесенных в день отставки, где он открыто раскритиковал канадские и британские власти. С. Хьюз заявил, что власти доминиона позволили контролировать свои войска британским генералам, в свою очередь обвинив метрополию в отказе от канадского снаряжения. Со всей ответственностью министр заявил, что были забракованы канадские винтовки, грузовики и вагоны, упряжь и седла для лошадей, форменная одежда, обувь и др., но, самое главное, они были заменены аналогами более плохого качества [Pall Mall Gazette, 1916, 11 Nov., p. 1]. В заключение С. Хьюз открыл «секрет», что в первые месяцы войны Германия потратила 50 млн долларов, чтобы воспрепятствовать набору в Канаде и других союзных странах [Lewis, 1919, p. 46]. Однако это не помешало ему набрать и отправить на европейский континент почти 250 тыс. человек [Temper of the Country Canada, 1916, p. 322].

После ухода С. Хьюза департамент милиции был подвергнут серьезной реструктуризации, в результате которой в Канаде возникли два военных ведомства, каждое из которых возглавлял свой министр [Keith, 1921, p. 77]. 23 ноября 1916 года во главе министерства милиции и обороны был назначен министр без портфеля Эдвард Кемп. Круг полномочий нового министра сократился: впредь он не имел права вмешиваться в дела, связанные с состоянием и содержанием канадских отрядов за пределами доминиона. Напротив, министр заграничных вооруженных сил Дж. Перли, назначенный на должность 28 октября 1916 года, должен был заниматься вопросами, связанными с нахождением канадских отрядов в Европе [CYB 1916—1917, p. 692].

CC BY

Год спустя, в ноябре 1917 года, Э. Кемп сменил Дж. Перли на посту, так как последнему было сложно совмещать полномочия Верховного комиссара и военного министра. Освободившееся место занял генерал Сидни Мьюбёрн, известный либеральный деятель, вхождение которого в кабинет Р. Бордена было результатом создания коалиционного правительства.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в разгар войны министру милиции и обороны С. Хьюзу удалось добиться впечатляющих результатов. Он сумел преодолеть присущую жителям Канады инертность и в кратчайшие сроки создать полноценную добровольческую армию. Во многом благодаря своей предприимчивости и удивительному трудолюбию он смог преодолеть кризис и набрать, экипировать и транспортировать в Европу четверть миллиона человек. В условиях дефицита профессиональных военных С. Хьюз сделал ставку на создание так называемой «гражданской» армии, привлекая на службу чиновников, бизнесменов и лиц других гражданских профессий. Одним из эффективных методов вербовки гражданских добровольцев стали поездки министра по стране и произнесение патриотических речей. Реакция канадской и британской прессы на усилия С. Хьюза оказалась диаметрально противоположной. Если в канадских печатных изданиях министра нещадно критиковали за несдержанный нрав, агрессивный стиль руководства и стремление распространить свою власть над канадскими отрядами за пределами доминиона, то в британской прессе, наоборот, отмечалась его напористость, целеустремленность в достижении целей, а также способность обеспечить стабильную мобилизацию войск. Канадское правительство оказалось солидарно с местной прессой, обвинив С. Хьюза в том, что, обладая темпераментом военного диктатора, он неоднократно выходил за рамки своих полномочий. Это в конечном счете и предопределило его отставку.

Источники и принятые сокращения

1. CAR 1916 — *The Canadian* Annual Review, War Series 1916 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. — Vol. 16. — 929 p.

2. CYB 1915 — *The Canada* Year Book 1915. — Ottawa : Census and Statistics Office, 1916. — 707 p.

3. CYB 1916 — 1917 — *The Canada* Year Book 1916—1917. — Ottawa : Census and Statistics Office, 1917. — 720 p.

4. LAC — *Library* and Archives Canada. Letter from Sir Robert Laird Borden, Prime Minister of Canada, to Sir Sam Hughes, Minister of Militia and Defense, November 9, 1916. MG27-IID23. — Vol. 1. — File 9.

5. LAC — *Library* and Archives Canada. Letter from Sir Sam Hughes, Minister of Militia and Defense, to Sir Robert Laird Borden, Prime Minister of Canada : Letter of Resignation, November 11, 1916. — MG26-H. Vol. 69. File OC 318 (2). Pp. 35887—35890. Reel C-4314.

6. *Canada's* Kitchener Has a Kindly Word for Tommy // Leeds Mercury [newspaper]. — 1916. — September 6. — P. 6.

7. *Canada's* Part. A Story of Duty and Devotion to the Empire // Reynold's Newspaper [newspaper]. — 1916. — August 13. — P. 2.

8. *Canada's* 190,000. According to a Statement Issued to-day by Sir Sam Hughes // Reynold's Newspaper [newspaper]. — 1915. — December 5. — P. 3.

9. *Discuss* Continuation of Kitchener's Plans? // Ottawa Journal [newspaper]. — 1916. — June 9. — P. 2.

10. *Resignation* of Sir Sam Hughes. A Conflict of Authority // London Evening Mail [newspaper]. — 1916. — November 15. — P. 5.

11. *Robert* Laird Borden : His Memoirs / Ed. by H. Borden. — Toronto : The Macmillan Company of Canada, 1938. — 2 vols. — xxii, 1061 p.

12. *Sir* Sam Hughes Says They Will Gan Their Way to Berlin // Hamilton Daily Times [newspaper]. — 1915. — September 23. — P. 1.

13. *Sir* Sam Hughes, the Minister of Militia, Made Some Remarkable Statements To-day in Address to the Empire Club // Pall Mall Gazette [newspaper]. — 1916. — November 11. — P. 1.

14. *Taxation* and recruiting in Canada // The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire. — 1916. — Vol. 6. — № 23. — Pp. 539—542.

15. *Temper* of the Country Canada // The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire. — 1916. — Vol. 6. — № 22. — Pp. 319—326.

16. *Tribute* to General Hughes. U.S. Officer Declares the Canadian Army Deserves a Field Marshal // Blairmore Enterprise [newspaper]. — 1916. — February 11. — P. 3.

17. *Unfortunate* Coincidence in Sir Sam Careers // Lacomb Guardian [newspaper]. — 1916. — July 7. — P. 4.

18. *Want* strong Men. Sir Sam Looking for Good Officers for New Battalions // Blairmore Enterprise [newspaper]. — 1916. — February 11. — P. 2.

19. *What* Canada Has Done. Mr. Lloyd George's Tribute // Belfast News-Letter [newspaper]. — 1916. — August 8. — P. 8.

Литература

1. *Симоненко Е. С.* Сэм Хьюз и мобилизация канадских добровольцев для участия в войне (август 1914 — октябрь 1915) / Е. С. Симоненко // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 429—443. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-429-443.

2. *Симоненко Е. С.* Сэм Хьюз и его концепция имперской обороны в Канаде накануне Первой мировой войны / Е. С. Симоненко // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2018. — № 4 (61). — С. 40—46.

3. *Duguid A. F.* Official History of the Canadian Forces in the Great War 1914—1919 / A. F. Duguid. — Ottawa : J. O. Patenaude, I.S.O., 1938. — Vol. 1. — 567 p.

4. *Harris S.* Canadian Brass : The Making of a Professional Army, 1860—1939 / S. Harris. — Toronto : University of Toronto Press, 1988. — 271 p. — ISBN 0802057659.

5. *Keith A. B.* War Government of the British Dominions / A. B. Keith. — Oxford : At the Clarendon Press, 1921. — 353 p.

6. *Lewis J.* Canada at War / J. Lewis // Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations. By Various Authors. — Toronto : United Publishers of Canada, 1919. — Vol. 2. — 374 p.

7. *Stacey C. P.* The Military Problems of Canada ; a Survey of Defense Policies and Strategic Conditions Past and Present / C. P. Stacey. — Toronto : Issued for the Canadian Institute of international affairs by the Ryerson Press, 1940. — 184 p.

8. *Vince D. M.* The Acting Overseas Sub-Militia Council and the Resignation of Sir Sam Hughes / D. M. Vince // The Canadian Historical Review. — 1950. — Vol. 31. — № 1. — Pp. 1—24.

Material resources

Borden, H. (ed.). (1938). *Robert Laird Borden: His Memoirs, 2*. Toronto: The Macmillan Company of Canada. xxii, 1061 p.

Castell Hop-kins, J. (ed.). (1918). *The Canadian Annual Review, War Series 1916, 16*. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 929 p.

Canada's Kitchener Has a Kindly Word for Tommy. (1916). *Leeds Mercury [newspaper]. September 6*. P. 6.

Canada's Part. A Story of Duty and Devotion to the Empire. (1916). *Reynold's Newspaper [newspaper]. August 13*. P. 2.

Canada's 190,000. According to a Statement Issued to-day by Sir Sam Hughes. (1915). *Reynold's Newspaper [newspaper]. December 5*. P. 3.

Discuss Continuation of Kitchener's Plans? (1916). *Ottawa Journal [newspaper]. June 9*. P. 2.

Library and Archives Canada. Letter from Sir Robert Laird Borden, Prime Minister of Canada, to Sir Sam Hughes, Minister of Militia and Defense, 1 (9). (1916). November 9. MG27-IID23.

Library and Archives Canada. Letter from Sir Sam Hughes, Minister of Militia and Defense, to Sir Robert Laird Borden, Prime Minister of Canada: Letter of Resignation, 69. (1916). November 11, 1916. MG26-H. Vol. 69. File OC 318 (2). 35887—35890. Reel C-4314.

Resignation of Sir Sam Hughes. A Conflict of Authority. (1916). *London Evening Mail [newspaper]. November 15*. P. 5.

Sir Sam Hughes Says They Will Gan Their Way to Berlin. (1915). *Hamilton Daily Times [newspaper]. September 23*. P. 1.

Sir Sam Hughes, the Minister of Militia, Made Some Remarkable Statements To-day in Address to the Empire Club. (1916). *Pall Mall Gazette [newspaper]. November 11*. P. 1.

Taxation and recruiting in Canada. (1916). *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire, 6 (23):* 539—542.

Temper of the Country Canada. (1916). *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire, 6 (22):* 319—326.

The Canada Year Book 1915. (1916). Ottawa: Census and Statistics Office. 707 p.

The Canada Year Book 1916—1917. (1917). Ottawa: Census and Statistics Office. 720 p.

Tribute to General Hughes. U.S. Officer Declares the Canadian Army Deserves a Field Marshal. (1916). *Blairmore Enterprise [newspaper]. February 11*. P. 3.

Unfortunate Coincidence in Sir Sam Careers. (1916). *Lacomb Guardian [newspaper]. July 7*. P. 4.

Want strong Men. Sir Sam Looking for Good Officers for New Battalions. (1916). *Blair-more Enterprise [newspaper]. February 11*. P. 2.

What Canada Has Done. Mr. Lloyd George's Tribute. (1916). *Belfast News-Letter [newspaper]. August 8*. P. 8.

CC BY

References

Duguid, A. F. (1938). *Official History of the Canadian Forces in the Great War 1914—1919, 1.* Ottawa: J. O. Patenaude, I.S.O. 567 p.

Harris, S. (1988). *Canadian Brass: The Making of a Professional Army, 1860—1939.* Toronto: University of Toronto Press. 271 p. ISBN 0802057659.

Keith, A. B. (1921). *War Government of the British Dominions.* Oxford: At the Clarendon Press. 353 p.

Lewis, J. (1919). Canada at War. In: *Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations. By Various Authors, 2.* Toronto: United Publishers of Canada. 374 p.

Simonenko, E. S. (2018). Sam Hughes and his concept of Imperial Defense in Canada on the eve of the First World War. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 4 (61):* 40—46. (In Russ.).

Stacey, C. P. (1940). *The Military Problems of Canada; a Survey of Defense Policies and Stra-tegic Conditions Past and Present.* Toronto: Issued for the Canadian Institute of international affairs by the Ryerson Press. 184 p.

Symonenko, E. S. (2021). Sam Hughes and Mobilization of Canadian Volunteers for War (August 1914 — October 1915). *Nauchnyi dialog, 12:* 429—443. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-429-443. (In Russ.).

Vince, D. M. (1950). The Acting Overseas Sub-Militia Council and the Resignation of Sir Sam Hughes. *The Canadian Historical Review, 31 (1):* 1—24.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022,
одобрена после рецензирования 21.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Слезин А. А. «Легкая кавалерия» комсомола в середине 1930-х годов : смена приоритетов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 515—532. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-515-532.

Slezin, A. A. (2022). "Light Cavalry" of the Komsomol in Mid-1930s: a Change of Priorities. *Nauchnyi dialog, 11(5):* 515-532. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-515-532. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-515-532

«Легкая кавалерия» комсомола в середине 1930-х годов: смена приоритетов

Слезин Анатолий Анатольевич
orcid.org/0000-0002-9559-7553
доктор исторических наук, профессор
anatoly.slezin@yandex.ru

Тамбовский государственный технический университет
(Тамбов, Россия)

"Light Cavalry" of Komsomol in Mid-1930s: a Change of Priorities

Anatoly A. Slezin
orcid.org/0000-0002-9559-7553
Doctor of History, Professor
anatoly.slezin@yandex.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

© Слезин А. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется деятельность молодежного движения юных контролеров «легкая кавалерия» в середине 1930-х годов. На основе архивных документов и публикаций 1930-х годов выявлены особенности решения «легкой кавалерией» новых задач на производстве, участия отрядов в организации стахановского движения. Показана специфика работы специальных молодежных объединений на железнодорожном транспорте, в сельской местности. Показано, что благодаря усилиям «легкой кавалерии» по организации стахановского движения, настойчивым действиям, направленным на повышение эффективности предприятий промышленности и транспорта, охрану колхозного урожая и имущества, был продемонстрирован ее солидный созидательный потенциал. Особое внимание уделено попыткам «легкой кавалерии» с 1934 года перестроить работу, усилив осуществление воспитательных функций и обмен опытом. Отмечается, что к концу изучаемого периода деятельность «легкой кавалерии» в большей степени понималась как школа воспитания нового человека. Делается вывод, что широкое противодействие многим начинаниям членов организации, сопряженное с отсутствием материальной заинтересованности и загруженностью другими поручениями, нивелировало решительный настрой как многих активистов, так и тех, кто призван был брать с них пример.

Ключевые слова:
легкая кавалерия комсомола; производство; стахановцы; железные дороги; воспитание нового человека.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of the youth movement of young controllers “light cavalry” in the mid-1930s are analyzed. On the basis of archival documents and publications of the 1930s, the features of the solution of new tasks in production by the “light cavalry”, the participation of detachments in the organization of the Stakhanov movement were revealed. The specificity of the work of special youth associations in railway transport, in rural areas is shown. It is revealed that thanks to the efforts of the “light cavalry” to organize the Stakhanov movement, persistent actions aimed at increasing the efficiency of industrial and transport enterprises, protecting collective farm crops and property, its solid creative potential is demonstrated. Particular attention is paid to the attempts of the “light cavalry” since 1934 to restructure the work, strengthening the implementation of educational functions and the exchange of experience. It is noted that by the end of the period under study, the activity of the “light cavalry” was more understood as a school for educating a new person. It is concluded that the widespread opposition to many undertakings of the members of the organization, coupled with a lack of material interest and a workload of other assignments, leveled the decisive attitude not only of many activists, but also of those who were called upon to follow their example.

Key words:
light cavalry of the Komsomol; production; Stakhanovites; railways; education of a new person.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.6

«Легкая кавалерия» комсомола в середине 1930-х годов: смена приоритетов

© Слезин А. А., 2022

1. Введение = Introduction

В конце XX века о советском молодежном движении если и вспоминали, то, как правило, в негативном свете. В настоящее время вопросы организации жизни молодых поколений приобрели новое звучание, в связи с чем обращение к историческому опыту деятельности молодежных движений видится сегодня актуальным. Очевидно, что, несмотря на многие негативные черты в деятельности молодежного движения в СССР, людям, живущим в XXI веке, есть чему поучиться, над чем задуматься, что подвергнуть глубокому анализу. Многофакторно, например, повлияла на общество деятельность курируемого комсомолом в 1920—1950-х годах движения юных контролеров «легкая кавалерия».

Первые проверяющие комсомольские структуры появились в середине 1920-х годов в государственных и советских учреждениях. В конце 1927 года ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ перед местными организациями были поставлены задачи заниматься исправлением не соответствующих ожиданиям граждан системы и методов работы государственного аппарата, рассматривать жалобы населения на недостатки и нарушения со стороны властных органов, бороться с сопротивлением администрации, добиваться рационального использования ресурсов. В ответ на данные требования в конце 1927 года во многих местах объявили о создании групп комсомольского контроля. К началу VIII съезда ВЛКСМ (май 1928 года) за многими из таких отрядов закрепилось название «легкая кавалерия». Коммунистические идеологи представляли их в виде молодежных групп помощи Рабоче-крестьянской инспекции, своеобразным «летучим» неофициальным контролем, участники которого должны были действовать в соответствии с названием легко, стремительно и при этом добровольно.

Актуальность изучения деятельности «легкой кавалерии» неразрывно связана с объективной необходимостью совершенствования государственного управления, поскольку его качество зависит в том числе от эффективности социального контроля, который призван мешать власти замыкаться на интересах самого аппарата. Гипотезой данного исследования является тезис о том, что опыт «легкой кавалерии» весьма ценен в разных сферах. Проверка нашего утверждения призвана повысить актуальность исследо-

CC BY

вания, внести новый вклад в изучение созидательного потенциала молодёжи как инновационно-мобильной социальной группы.

Научная новизна данного исследования обусловлена необходимостью преодоления стереотипов, игнорирующих созидательную роль «легкой кавалерии» в середине 1930-х годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В историографии последних лет выделим вывод П. А. Меркулова, считающего, что «легкая кавалерия» — это типологически та же самая опция, когда мы имеем дело с использованием в механизме государственного управления негосударственной структуры (как и ВЛКСМ), выполняющей государственные функции по указанию формально негосударственной структуры (ВКП (б)). Такая формула, как представляется П. А. Меркулову, позволяет снять противоречия, с которыми сталкивается исследователь системы государственного управления советского периода, оперирующий исключительно или по преимуществу категориями и понятиями формально-юридического характера [Меркулов, 2016, с. 124].

Из работ иностранных исследователей, упоминающих «легкую кавалерию», выделим монографию Сета Бернстейна. Хотя он и не рассказывает о движении подробно, интересны некоторые его выводы и наблюдения. Называя «легкую кавалерию» *добровольной молодежной инспекцией*, он приходит к заключению, что ее деятельность весьма расширяла полномочия молодежи. Резонно замечание С. Бернстейна о том, что, помимо участия «легкой кавалерии» в Рабоче-Крестьянской инспекции, бригады «кавалеристов» проводили рейды самостоятельно, подчас вступая в конфликт с руководителями предприятий, а иногда беспокоили и руководителей комитетов комсомола. Осознание «кавалеристами» своей причастности к осуществлению властных полномочий, по мнению С. Бернстейна, вызывало беспокойство у руководителей ЦК ВЛКСМ [Берстейн, 2018, с. 31, 32].

Стоит отметить обращение к истории «легкой кавалерии» и других современных исследователей [Добросоцкий, 2017; Ипполитов, 2014; Слезин, 2019; Стадник, 2018; Чемоданов, 2015 и др.]. Правда, рассматривая историю «легкой кавалерии», они, как правило, пиком ее деятельности называли рубеж 1920-х — 1930-х годов, указывая на ее глубокий кризис в дальнейшем.

Начало изучению работы «легкой кавалерии» в середине 1930-х годов положено статьей в журнале «Вопросы истории» [Слезин, 2020]. В ней было доказано, что одними из приоритетных направлений деятельности молодежного движения контролеров стали проверки качества бытового обслуживания трудящихся, преодоление произвола местной бюрократии, выявление необоснованных административно-управленческих расходов.

CC BY

В настоящем исследовании ставится цель выявить результативность работы «легкой кавалерии» середины 1930-х годов на новых для нее направлениях. В частности, предпринимается попытка показать изменение функций «легкой кавалерии» на производстве. Особое внимание уделяется работе специальных молодежных объединений на железнодорожном транспорте и в сельском хозяйстве, а также выяснению обстоятельств перестройки организации, после которой первоочередным для нее стало выполнение воспитательных функций. Поскольку новые задачи «легкой кавалерии» иногда в буквальном смысле противоречили первоначально провозглашенной роли ее деятельности как сугубо контрольного органа, до сей поры отечественная историография практически игнорировала анализ результатов работы «легкой кавалерии» на «нестандартных» для нее участках.

Источники настоящего исследования можно разделить на несколько групп: архивные документы, материалы периодической печати, брошюры и пособия, изданные в 1920—1930-е годы, воспоминания ветеранов. Важнейшими ресурсами стали материалы Российского государственного архива социально-политической истории и местных архивов (Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области), причем автор исследовал весь комплекс документов, начиная с рукописных актов обследования, заканчивая постановлениями и отчетами ЦК ВЛКСМ. Немаловажным источником послужила пресса того времени. Весьма информативными оказались брошюры, изданные в помощь начинающим «легким кавалеристам», в которых на основе отчетов и докладов комсомольских комитетов обобщался накопленный опыт работы движения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Новые задачи на производстве

Если в первые годы своей деятельности на производстве «кавалеристы» боролись главным образом за укрепление трудовой дисциплины, то с 1934 года важными направлениями деятельности комсомольцев стали вопросы использования и ремонта механизмов и оборудования, экономии сырья, борьбы с производственным браком, реализация рабочих предложений.

Одной из острых проблем в промышленности была недостаточно высокая эффективность использования импортного и отечественного оборудования. Характерный факт: «легкая кавалерия» завода Красный Октябрь (Каржач, Ивановская область) обнаружила в неотделанном корпусе 10 импортных ржавевших полуавтоматов. Комсомольцы не остановились на фиксации данного факта, а добились того, что полуавтоматы были протерты, смазаны, закрыты брезентом и передвинуты в сухое место. Подобных

CC BY

случаев известно множество. Нередко купленное чрезвычайно высокой ценой оборудование не могло быть введено в эксплуатацию из-за организационных ошибок. В частности, в Москве на заводе № 39 «легкая кавалерия» обнаружила 70 необходимых в производстве импортных станков, которые или простаивали в ремонте, или были просто заброшены [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 9]. Особое внимание комсомольцы уделяли выполнению производственных планов на ведущих предприятиях. В первом квартале 1935 года Ростовский завод сельскохозяйственных машин ежедневно недодавал 2—3 комбайна. Тогда в дело вступила «легкая кавалерия», которая провела рейд и выяснила, что задержки были обусловлены банальной нехваткой гаек. Комсомольцы прошлись по цехам и набрали 5 килограммов валявшихся на полу гаек [Федоров, 1936, с. 7]. Результаты рейда были опубликованы в заводской многотиражной газете и ситуация с крепежными материалами значительно улучшилась.

В начале 1934 года «кавалеристы» Арженской фабрики Рассказовского района ЦЧО вскрыли «разбазаривание» сукна. Несмотря на стремление руководства замять дело, комсомольцы добились проведения проверки фабрики комиссией партийного контроля. В результате были обнаружены незаконные торговые операции и факты бесхозяйственности, в связи с чем ряд руководителей-коммунистов были исключены из партии, а дело передано в суд [Докукин, 1935, с. 21].

Промышленные группы «легкой кавалерии» и в середине 1930-х годов считали необходимым уделять внимание укреплению трудовой дисциплины. В частности, комсомольцы добивались выполнения распоряжения С. Орджоникидзе о выходе мастеров и технического персонала на работу за полчаса до гудка, что повсеместно игнорировалось.

Интересны результаты рейда групп «легкой кавалерии» Москвы и Ленинграда по проверке распорядка рабочего дня на 46 заводах Ленинграда и 60 заводах Москвы. Например, на московской фабрике «Парижская коммуна» бригада, проанализировав деятельность 132 рабочих, установила, что из всего рабочего дня на личные потери (по вине рабочего) уходит от 3 до 15 %. От 10 до 30 % теряется по причине организационно-технических неполадок [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 9].

Типичной была ситуация на заводе «Красный гидропресс» (Таганрог), где 38 «кавалеристов» выставили дозор для проверки использования рабочего времени. Выяснилось, что ежедневно терялось около 110 минут [Федоров, 1936, с. 12]. Причинами простоев являлись систематические опоздания и досрочное окончание смены мастерами и рабочими.

«Легкую кавалерию» интересовал также вопрос о чрезмерно большой сверхурочной нагрузке подростков. Руководитель отряда завода № 24 име-

CC BY

ни Фрунзе выяснил, что сверхурочная работа является следствием простоев, обусловленных ошибками в планировании (недостатком деталей и материалов). Комсомольцы защищали права несовершеннолетних, в материалах рейда подчеркивалось, что сверхурочные работы у подростков — это «ненормальное явление» [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1121, л. 143].

Новшеством в работе «легкой кавалерии» стало продвижение рационализаторских предложений рабочих. Администрация часто не уделяла им должного внимания. Так, комсомольцы завода № 24 (Москва) обнаружили, что 800 рабочих предложений лежат на рассмотрении, из которых под влиянием «кавалерии» 150 были введены в производство.

В области охраны заводского имущества группы «легкой кавалерии» боролись как с явной его кражей и воровством готовой продукции, так и со скрытыми формами хищения (преждевременной заменой годных деталей, перерасходом топлива). Например, «кавалеристы» завода «ВАРЗ» обнаружили, что детали, пригодные для ремонта, выбрасывались разборочной бригадой в утиль. На консервном заводе № 2 (Одесса) было выявлено, что отдельным лицам из цеха вместе с костями выдавалась грудинка. На хлебозаводе № 8 (Москва) комсомольцы «вскрыли», что весовщик специально отпускал большее количество хлеба по сравнению с накладной, чтобы присваивать его себе [Там же, д. 1078, л. 10]. В результате расследований «легкой кавалерии» все виновные в подобных действиях были привлечены к ответственности.

Кроме того, «кавалерия» пыталась включиться в борьбу с браком на производстве. Так, на 2-м часовом заводе (Москва) рейд «легкой кавалерии» обнаружил, что из-за неправильной транспортировки 12 % всех выпускаемых будильников возвращаются обратно на завод как брак (с поломанными стрелками и стеклом) [Там же, л. 11].

3.2. «Легкая кавалерия» в стахановском движении

Одним из приоритетных направлений работы «легких кавалеристов» со второй половины 1935 года являлось стахановское движение. 11 января 1936 года ЦК ВЛКСМ принял постановление о проведении рейда «легкой кавалерии» для помощи в развитии стахановского движения. К участию в нем привлекались стахановцы, передовые рабочие, инженеры, студенты и все комсомольцы [В помощь …1933, с. 3]. Одной из главных целей данной кампании была борьба с саботажниками и «отсталыми элементами», тормозившими развитие стахановского движения. Приказы о всесторонней поддержке проведения рейда «легкой кавалерии» издали народные комиссариаты легкой промышленности, водного транспорта, путей сообщения. О поддержке рейда заявило Всесоюзное общество изобретателей. В первичных комсомольских организациях создавались бригады «легкой

CC BY

кавалерии» по следующим направлениям: 1) организация труда и рабочего места; 2) организация технического образования; 3) реализация рационализаторских предложений и изобретений; 4) нормирование и заработная плата [Там же, с. 6].

В качестве одной из главных целей данной кампании провозглашалась борьба с саботажниками и «отсталыми элементами», тормозившими развитие стахановского движения. Однако прежде всего заботились об увеличении числа стахановцев. В январе 1936 года оргбюро ЦК ВЛКСМ Азово-Черноморского края отмечало слабую работу в этом направлении. Так, в Шахтинском районе из 4356 комсомольцев было только 1079 стахановцев, в Ростовской организации из 8613 — 1882, в Новороссийской из 1980 — 500 стахановцев [Там же, с. 8]. Главным в работе комсомольских организаций на производстве должен был стать переход к стахановским бригадам, сменам, суткам и пятидневкам. В идеале все комсомольцы должны были стать стахановцами. На деле многие первичные комсомольские организации ограничивались разговорами и регистрацией отдельных рекордов.

По данным исследователя стахановского движения П. А. Чемоданова, в результате рейда по предприятиям Кировского края «легкая кавалерия» выявила 450 фактов, мешающих стахановскому движению (518 — на Воткинском машиностроительном заводе, 133 — на Ижевском заводе, 37 — на Кировском комбинате учебно-технического оборудования (КУТШО) и т. д.). Только в Ижевске в феврале 1936 года по результатам рейдов «легкой кавалерии» к уголовной ответственности были привлечены 19 работников административно-хозяйственного аппарата предприятий [Чемоданов, 2015, с. 39]. При этом встречались факты противодействия проведению рейдов. Так, директор КУТШО прогнал бригаду «кавалеристов», не разрешив ей завершить инспекцию [Там же]. Следует отметить, что продуктивная работа «легкой кавалерии» по развитию стахановского движения имела фрагментарный характер, в документах не прослеживается систематичность работы в данном направлении.

3.3. «Легкая кавалерия» на железных дорогах

На железнодорожном транспорте согласно постановлению ЦК ВЛКСМ 1934 года «легкой кавалерией» создавались специальные молодежные объединения. Работа бригад при эксплуатационных отделениях была нацелена на контроль над выполнением государственного плана перевозок, охраной грузов, вокзалов, элеваторов, предприятий общественного питания, магазинов. При политотделах под руководством помощников начальников также создавались «кавалерийские бригады» по контролю над секторами и отделениями дорог, борьбе с бюрократизмом, здравоохранению, торговле, дошкольным учреждениям и т. д.

CC BY

В 1934 году комсомольские организации восстановили движение «легкой кавалерии» на таких важных железнодорожных магистралях, как Западная, Юго-Восточная, Казанская и др. Всего на девяти крупнейших дорогах насчитывалось 9710 «кавалеристов», из них 7010 комсомольцев [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 15].

Наркомат путей сообщения ввиду стратегической важности бесперебойного функционирования железных дорог был вынужден прислушиваться к «сигналам» комсомольцев. Так, на Юго-Восточной железной дороге «кавалеристами» были организованы рейды по 34 станциям, в результате было обнаружено 72 нарушения трудовой дисциплины. По итогам рейда двое работников были арестованы, четверо приговорены к принудительным работам, семеро человек снято с должностей, на остальных наложили взыскания. Следует отметить, что наказания за различные проступки на железнодорожном транспорте были более суровыми, чем в других отраслях народного хозяйства, ввиду стратегического характера объекта.

Значительный размах на железнодорожном транспорте приобрела «чистка» рабочего персонала. Так, по материалам «легкой кавалерии» на станции Актарск (Рязано-Уральская железная дорога) было выявлено, что скрутчик являлся бывшим полицейским, работник товарной конторы, электромонтер и ревизор — детьми жандармов, а весовщик — «ключником царской семьи» [Там же, д. 1072, л. 3]. Сегодня, разумеется, возникают сомнения в правдоподобности подобных «разоблачений», но в то время «враги мерещились в каждом».

В 1930-е годы железнодорожный транспорт испытывал постоянные перегрузки, вследствие чего подвижной состав был сильно изношен. Поэтому неудивительно, что «легкая кавалерия» была призвана выявлять и исправлять эти проблемы. На Самаро-Златоустовской дороге 172 комсомольца проверили 109 паровозов, 4 состава, 157 стрелок. В итоге рейда они выяснили, что 27 паровозов не имеют сигналов, а у остальных этот механизм пришел в полную негодность, у большинства паровозов были неисправны тормозные колонки [Там же, д. 1078, л. 15].

«Легкая кавалерия» активно участвовала в борьбе с «растратчиками», в этой работе молодые люди проявляли особый энтузиазм. Так, группа «легкой кавалерии» депо Александровск 2-й задержала и передала органам ОГПУ 4-х воров с тюками кожи, причем при задержании один из кавалеристов был ранен. Не менее показательны случаи разоблачения руководства. Например, начальник станции Знаменка Казаков был привлечен к уголовной ответственности за задержку посевных грузов. Он пытался запугать «кавалеристов», угрожая арестами [Там же], но комсомольцы проявили в этом деле принципиальность.

CC BY

По-прежнему «легкой кавалерии» далеко не всегда сопутствовал успех. Часто на разоблачения «кавалеристов» просто не обращали внимания. В апреле 1934 года, проверяя планирование перевозок на Московском узле, «легкая кавалерия» вскрыла неплановую перевозку под видом «посевных грузов» (зеркальные шкафы, куклы и др.). «Кавалеристы» в стенгазете раскритиковали виновника — начальника сектора Моисеенко. Но меры приняты не были, а сам Моисеенко написал «кавалеристам» откровенно пренебрежительное письмо [Там же, л. 16]. В целом, несмотря на значительный размах деятельности, ЦК ВЛКСМ признавал, что «легкая кавалерия» на транспорте «еще не вышла из своего зачаточного состояния», отмечалась также недостаточная «зубастость» в работе [Там же, л. 18].

3.4. Комсомольский контроль на селе

В сельской местности главным объектом комсомольского контроля были колхозы. В архивном фонде Шехманского РК ВЛКСМ ЦЧО сохранились рукописные акты «легкой кавалерии» за 1934 год. Эти документы, несмотря на некоторое присущее им сгущение красок, дают отчетливую картину плачевного состояния колхозного хозяйства того времени [ГАСПИТО, ф. п. 1103, оп. 1, д. 31. л. 125, 145, 175].

Положительные отчеты о ситуации в колхозах встречаются гораздо реже. В то же время «легкая кавалерия» не только выполняла контролирующие функции в деревне, но и активно участвовала в работе колхозов. Так, в 1934 году по Удмуртской области Горьковского края на весеннем севе работало 690 групп «кавалеристов» с охватом 2486 человек [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 13].

Комсомольские организации Украины организовали массовый рейд проверки обеспечения машин запчастями к уборочной кампании. В Одесской области в рейде участвовало 2200 «кавалеристов», охвативших проверкой по 21 району области 648 колхозов и целый ряд МТС, МТМ, совхозов. Проверкой было установлено, что запчасти зачастую лежали на складах, Снабремонт Сельхозснаба, не зная настоящие потребности совхозов, МТС и колхозов засылал запчасти в излишнем количестве в одни хозяйства в ущерб другим. Кроме того, бригады «легкой кавалерии» выявили значительное количество неиспользованных запчастей и даже машин непосредственно в МТС, совхозах и колхозах. В колхозе «Коммунар» Нежинского района «Легкая кавалерия», выявив необходимые для ремонта запасные части, помогла оборудовать кузницу и организовала ремонт уборочных машин [Там же, л. 14].

Крупнейшим рейдом «легкой кавалерии» в деревне стала проводившаяся весной — летом 1934 года проверка зернохранилищ. Повсеместно проверялись районные конторы Заготзерно, элеваторы, заготовительные

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

пункты, зерносушилки, тарные базы, зернохранилища. В очередной раз ЦК ВЛКСМ рекомендовал работу проводить не «налетами» или «наскоками», а глубоко проверять ход подготовки баз, закрепив постоянную группу «легкой кавалерии» за каждой точкой до окончания рейда. На комсомольцев возлагалась работа по коренному изменению ситуации и оказанию практической помощи в устранении недочетов.

Таблица 1

Результаты рейда в Токаревском районе ЦЧО на 5 июля 1934 года

Колхоз	**Кол-во колхозных амбаров**	**Отремонтировано**	**Продезинфицировано**	**Количество весов**	**Отремонтировано**	**Количество повозок**	**Отремонтировано**
Красный воин	12	8	8	1	1	25	25
Память Ленина	12	6	—	2	2	16	8
Правильный путь	7	5	—	2	2	35	25
Парижская коммуна	7	6	—	3	3	12	12
им. Сталина	8	—	—	1	1	4	4
Победа революции	16	—	—	1	1	9	8
им. Сталина	13	9	—	2	2	32	20
другие колхозы	95	82	9	38	20	266	210
Итого по 18 колхозам	170	116	17	50	32	396	312

Источник: [ГАСПИТО, ф. п. 1160, оп. 1, д. 42, л. 20].

В проверке участвовало 99 членов «легкой кавалерии», из них 50 комсомольцев. Данные рейда, представленные в таблице 1, позволяют сделать вывод о слабой подготовке технической базы Токаревского района к выполнению зернопоставок. Особенно плохо обстояло дело с дезинфицированием амбаров. Также не хватало весов и повозок, ремонт амбаров был проведен далеко не всеми колхозами. Похожая картина наблюдалась и в других районах Центрально-Черноземной области.

В работе сельских групп «легкой кавалерии» укреплялась тенденция все недостатки и происшествия в социалистическом строительстве списывать на вредительство «чуждых элементов». В 1934 году в районной газете Уваровского района появилась статья с ярким названием: «Пожары там — где нет классовой бдительности». «Легкая кавалерия» якобы раскрыла причины большого пожара на мельнице, в результате которого сгорело 10 хат. То, что пожар вспыхнул в самый ветреный день, комсомольцы посчитали не простой случайностью, а проявлением кулацкого террора. По-

CC BY

казательно, что комсомольцы почти дословно повторяли тезисы И. В. Сталина, утверждая, что «кулак сейчас смирный, сладенький, пробирается в колхоз, чтобы оттуда напакостить, вредить, разорять, жечь» [Сталин, 1951, с. 229]. Молодые люди утверждали, что кулак Жбанов, работающий на мельнице, поджег её в самый ветреный день. На вопрос «Где была партийно-комсомольская группа?» комсомольцы также отвечали цитатой из выступления Сталина, утверждая, что они «приходят в телячий восторг от того, что нет никаких классовых врагов — можно сложить оружие и пойти на боковую — спать в ожидании пришествия бесклассового общества» [ГАСПИТО, ф. п. 1165, оп. 1, д. 26, л. 83; Сталин И. В, 1951, с. 351]. На самом деле установить настоящие причины пожара весьма сложно, и члены «легкой кавалерии» не слишком над этим и задумывались, гораздо проще было свалить все на происки кулака. Трагичность ситуации усугублялась тем, что власть навязывала молодежи именно такой образ мыслей.

В том же районе «легкая кавалерия» «разоблачила» председателя колхоза Аганова, который даже тогда, когда РК ВКП(б) и политотдел предлагали «вычистить» кулака, «решил до конца жить в любви и мире с матерым мироедом» [ГАСПИТО, ф. п. 1165, оп. 1, д. 26, л. 83]. Этот факт расценивался не только как политическая слепота, но и как явное потворство кулацким элементам.

Проверка «кавалеристами» готовности рабочего скота к весеннему севу по Намангинскому району Узбекистана выявила по 15 сельским советам «10 кулаков-конюхов, 32 лодыря-конюха и 2 прогульщика». Обратим внимание, что всех их сняли с работы, причем в первую очередь среди уволенных назывались «конюхи-кулаки» [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 13].

Вызывает большие сомнения и правильность заключения «кавалеристов» о причинах падежа скота в колхозе имени Молотова. Они установили, что «в кишлаке живет старик, бывший крупный волостной бай, который, пользуясь доверием отсталой части колхозников, организовал пасьбу скота на площади, зараженной сибирской язвой» [Там же].

В Уваровском районе «легкая кавалерия» расследовала дело о пожаре в селе Жемчужном, в результате которого сгорела изба колхозника. Проверка установила, что привезенная из колхоза пожарная бочка оказалась без воды. «Кавалеристы» выяснили, что водой из пожарной бочки конюхи поили лошадей, а сторож Назаров «не смотрел за порученным ему делом» [ГАСПИТО, ф. п. 1165, оп. 1, д. 26, л. 83]. В итоге комсомольцы заключили, что председателю не до пожарной охраны: он пьянствует с лесником. В другом колхозе бдительные комсомольцы обнаружили, что бочки с водой готовы, но нет пожарной машины [Там же, л. 52]. Несмотря на перекосы, проявляющиеся в преувеличенном внимании к классовой борьбе, с учетом

CC BY

частых случаев пожаров в деревне, подобная работа комсомольцев приносила немало пользы.

Комсомольцы обращали внимание отнюдь не только на «социально-чуждые элементы» в колхозе, но и на всевозможные проявления бесхозяйственности. Комсомольская ячейка Обловского маслозавода, взяв шефство над колхозом им Сталина, с сожалением констатировала, что «колхоз в целом представляет собой заброшенное место, где люди сидят, пишут, но ничего не делают» [Там же, л. 81]. Царила бесхозяйственность: лошади находились в плохом состоянии, корм выдавался нерегулярно, не было производственного плана. «Легкая кавалерия» сделала вывод, что виноват председатель колхоза т. Шаталов, который «безразлично смотрит на создавшееся положение» [Там же].

«Легкая кавалерия» колхоза имени Ленина Мечетинского района (Азово-Черноморский край) выявила, что посев велся семенами 80 % всхожести по неправильной норме [Федоров, 1936, с. 35]. В том же регионе группа комсомольцев Советской МТС составила подробные фотографии рабочего дня трактористов и выявила наиболее важные причины простоев и перерасхода топлива. Главной проблемой являлись частые поломки машин, а также большие потери топлива при заправке. Для преодоления этих недостатков комсомольская группа ввела специальный раздел в стенгазете под названием «Счет на минуты» [Там же, с. 31]. «Кавалеристы» сумели мобилизовать общественное мнение вокруг названных проблем, но не ясно, дало ли это положительные результаты. Множество подобных примеров доказывает, что неэффективное использование техники в колхозах было повсеместной практикой. Проблему, разумеется, надо было решать. И то, что «легкая кавалерия» обращала на нее внимание, надо расценить позитивно. Другое дело, что при обнаружении проблемы, как правило, сразу начинали раскручивать «вражеский след», искали виновных, а не пути решения проблемы.

Активно велась борьба с очковтирательством, под которым понималось прежде всего завышение отчетных данных. Так, колхоз имени Ворошилова Наманганского района рапортовал об окончании сева на площади 178 га. «Кавалеристы» же установили, что на 18 га сев не закончен [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 13].

Одним из наиболее важных направлений деятельности «легкой кавалерии» была охрана колхозного урожая и имущества, именно с этой деятельностью ассоциировались «кавалеристы» в глазах населения. Чтобы проверить бдительность колхозных сторожей, комсомольцы зачастую применяли неожиданные приемы. Так, в колхозе «Тревога» комсомольцы увели лошадь и поставили её в конюшню другого хозяйства. Пропажа была обнаружена только утром [ГАСПИТО, ф. п. 1165, оп. 1, д. 26, л. 102].

CC BY

К середине 1930-х годов положение в сельском хозяйстве несколько стабилизировалось, но его эффективность продолжала оставаться невысокой. Например, зачастую минеральные удобрения не вносились своевременно в почву. Так, в Старой Бухаре комсомольцы нашли «залежь» в 150 вагонов удобрений. По Самарканду была выявлена задержка 150 вагонов минеральных удобрений, не развезенных по колхозам [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1078, л. 12]. Подобные факты «легкая кавалерия» обнаружила в Центрально-Черноземной области, Удмуртии и других регионах.

Одной из продекларированных целей коллективизации было обеспечение сельского хозяйства тракторами и другой техникой. Но, как показала практика, техника в колхозах часто использовалась малоэффективно, а отношение к ней колхозников было пренебрежительным. Комсомольская проверка в Узбекистане (Нигиль-Юль) обнаружила нехватку 4 тракторов в МТС, работники которой не знали, где находится техника. «Кавалеристы» организовали розыск и нашли трактора совершенно заброшенными. На Ангарском участке МТС «легкая кавалерия» обнаружила тракторы, не востребованные в течение 20 дней. Работники МТС не только не охраняли их даже ночью, но и не знали, где они находятся. При аналогичном рейде «легкой кавалерии» в Буругусланской МТС (Средняя Волга) было найдено запчастей на 10 тысяч рублей. Комсомольцы выяснили, что найденных запчастей хватило для помощи четырем МТС [Там же, л. 13].

3.5. Воспитательная работа

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев считал, что серьезный вред авторитету «легкой кавалерии» наносит слабая организация воспитательной работы и обмена опытом. В июне 1934 года он отмечал у «легкой кавалерии» «замкнутость в своей практической работе, незнание опыта других групп “ЛК”, имеющих положительные результаты в работе» [Там же, л. 31].

В мае 1935 года на XI пленуме ЦК комсомола была провозглашена перестройка организации, направленная на первоочередное выполнение воспитательных функций. В отделах ЦК, обкомах и райкомах создавались сектора крестьянской, рабочей, учащейся молодежи, политической учебы. Перестройка комсомола должна была затронуть и «легкую кавалерию». Ведущими направлениями работы становились проверки состояния клубов, театров, библиотек, изб-читален, кинотеатров. Тем не менее группы комсомольцев распределялись часто не по принципу выполнения заданий, а в большинстве случаев «велением комсоргов».

ЦК ВЛКСМ обязал все комсомольские организации принять практические меры, обеспечивающие решения о восстановлении «легкой кавалерии» при первичных организациях и создании производственно-отраслевых бригад при горкомах и райкомах ВЛКСМ. В то же время само

CC BY

постановление ориентировало на изменение функций «легкой кавалерии». Не отрицалось, что она по-прежнему должна бороться с косностью и бюрократизмом государственного и торгово-кооперативного аппарата, искоренять «нечуткое отношение к рабочим, колхозникам и трудящимся». Тем не менее главные задачи групп «легкой кавалерии» формулировались по-новому: оказывать «помощь комсомольским организациям в улучшении воспитательной работы среди молодежи, добиваясь хорошего состояния клубов, театров, библиотек, изб-читален, кинотеатров, постановок, торговли и производства культ- и спортинвентаря, книжной торговли, улучшения детских яслей, садов, детдомов, школ, больниц и т. д.» [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1121, л. 133].

4. Заключение = Conclusions

С одной стороны, в середине 1930-х годов «легкая кавалерия» показала свою «живучесть». Преодолев кризисное состояние, она заставила учитывать результаты ее работы, по крайней мере, в городах, поскольку интенсивный рост производства не мог заслонить того факта, что многие предприятия работали неэффективно, зачастую не выполнялись производственные планы. Издержки форсированной индустриализации проявлялись в огромном количестве брака, несчастных случаев на производстве, заморозке капитальных вложений и низкой трудовой дисциплине. Неудивительно, что в этих условиях рейды «легкой кавалерии», связанные с производственными задачами, были понятны по своим целям многим советским гражданам, вызывали одобрение со стороны партийных и государственных органов.

Деятельность «кавалеристов» часто помогала выявлять и исправлять недостатки в колхозах и совхозах. «Легкая кавалерия» сыграла важную роль в стабилизации их функционирования. Причем нередко «кавалеристы» брались за такие проблемы, до которых больше никому не было дела.

Одной из важных задач, на которой был сделан акцент в деятельности «легкой кавалерии», стала воспитательная. В связи с этим усиливался организационный контроль за отрядами «легкой кавалерии». Комитетам комсомола было предложено персонально подобрать «легких кавалеристов» из числа активных членов ВЛКСМ и из передовой несоюзной молодежи, утвердить каждого кавалериста персонально на бюро горкома или райкома, рассмотреть планы работы каждой бригады и группы «легкой кавалерии».

С одной стороны, деятельность «легкой кавалерии» со временем стала носить более упорядоченный, профессиональный характер. Локальные «налеты» были фактически полностью вытеснены массовыми рейдами (как областными, республиканскими, так и всесоюзными). Все в большей степени

CC BY

комитеты комсомола требовали от отрядов «легкой кавалерии» жесткого следования планам работы, регулярно заслушивали отчеты об их исполнении.

С другой стороны, реальность демонстрировала, что невозможно бесконечно эксплуатировать инициативность и энтузиазм наиболее активных юношей и девушек. На местах новые требования к работе и моральному облику членов «легкой кавалерии» восприняли со значительно меньшим энтузиазмом. Вместо перестройки многие группы «кавалеристов» вообще прекратили свою работу. Примечательно, что в августе 1935 года ЦК ВЛКСМ, проанализировав работу «легкой кавалерии» в Курске, Харькове и ряде других комсомольских организаций, констатировал распространение «вредной теории» о потере значения «легкой кавалерии» в связи с перестройкой работы [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1121, л. 132]. В Красивском районе Центрально-Черноземной области комсомольцами колхоза «За реконструкцию» в 1935 году был проведен лишь один «налет», и тот по инициативе сельского совета [ГАСПИТО, ф. п. 1220, оп. 1, д. 3, л. 19]. Типичная ситуация запечатлена в докладной записке о состоянии «легкой кавалерии» на заводе № 29 (Запорожье). В ней говорилось, что «характерными чертами актива является безответственность, расхлябанность, болтовня», учеба «кавалеристов» не велась, соответственно, вывод был неутешительный: «По существу “легкой кавалерии” в организации нет» [РГАСПИ, ф. м. 1, оп. 23, д. 1121, л. 93].

Тем не менее благодаря усилиям «легкой кавалерии» по организации стахановского движения, настойчивым действиям, направленным на повышение эффективности предприятий промышленности и транспорта, охрану колхозного урожая и имущества, и после смены приоритетов в деятельности движения был продемонстрирован его огромный созидательный потенциал. Учтя опыт предшественников, возрожденные в середине XX века молодежные общественные объединения в сфере контроля политические цели перед молодыми людьми не ставили, а сфокусировали свое внимание на задачах по повышению эффективности народного хозяйства.

Источники и принятые сокращения

1. *В помощь* рейдовым бригадам «легкой кавалерии» по развитию стахановского движения. — Ростов на Дону : Крайсовпроф, 1936. — 15 с.

2. ГАСПИТО — *Государственный* архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П. 116. Оп. 1. Д. 42. Л. 20. Ф. П. 1103. Оп. 1. Д. 31. Л. 125, 145, 175. Ф. П. 1160. Оп. 1. Д. 42. Л. 20. Ф. П. 1165. Оп. 1. Д. 26. Л. 52, 81, 83, 102. Ф. П. 1220. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

3. *Докукин В.* «Легкая кавалерия» за работой / В. Докукин. — Воронеж : Воронежское областное книгоиздательство, 1935. — 37 с.

4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М. 1. Оп. 23. Д. 1065. Л. 108. Д. 1072. Л. 3. Д. 1078. Л. 7—18, 22—23, 30—31, 34. Д. 1121. Л. 93, 132, 133,143.

5. *Советская* деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. — Москва : РОСПЭН, 2001. — Т. 3. — Книга 1. — 864 с.

6. *Сталин И. В.* О работе в деревне. Речь от 11 января 1933 гг. / И. В. Сталин // Собрание сочинений. — 1951. — Т. 13. — С. 216—233.

7. *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. / И. В. Сталин // Собрание сочинений. — 1951. — Т. 13. — С. 282—379.

8. *Федоров М.* Легкая кавалерия за работой / М. Федоров. — Ростов-на-Дону : Азово-Черноморское книгоиздательство, 1936. — 48 с.

Литература

1. *Бернстейн С.* Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма / С. Бернстейн. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 302 с. — ISBN 978-5-8243-2264-4.

2. *Добросоцкий Н. И.* «Легкая кавалерия» комсомола : попытки возрождения во второй половине 1950-х годов / Н. И. Добросоцкий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2. — С. 90—93.

3. *Ипполитов В. А.* Деятельность групп «Легкой кавалерии» тамбовского комсомола в первой половине 1930-х гг. / В. А. Ипполитов // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. — 2014. — № 1. — С. 219—223.

4. *Меркулов П. А.* ВКП(б) и комсомол в 1920—1930-е гг. / П. А. Меркулов // Управленческое консультирование. — 2016. — № 11. — С. 120—127.

5. *Слезин А. А.* Коллективизация сельского хозяйства в 1928—1930 годах : роль «легкой кавалерии» / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 292—306. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-292-306.

6. *Слезин А. А.* «Легкая кавалерия» в середине 1930-х гг. : возрождая надежды на справедливость / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2020. — № 10—2. — С. 75—85. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi27.

7. *Стадник В. А.* К вопросу о кадровом составе и направлениях деятельности территориальных КК-РКИ в Донбассе (1932—1934 гг.) / В. А. Стадник // Журнал исторических, политологических и международных исследований. — 2018. — № 1. — С. 134—143.

8. *Чемоданов П. А.* Роль комсомольских организаций в развертывании стахановского движения в Кировском крае (Кировской области) в 1935—1941 гг. / П. А. Чемоданов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 10. — С. 38—42.

Material resources

Fedorov, M. (1936). *Light cavalry at work.* Rostov-on-Don: Azov-Black Sea Publishing House. 48 p. (In Russ.).

Dokukin, V. (1935). *"Light Cavalry" at work.* Voronezh: Voronezh Regional Publishing House. 37 p. (In Russ.).

Russian State Archive of Socio-Political History. F. M. 1. Op. 23. d. 1065. l. 108. D. 1072. l. 3. D. 1078. l. 7—18, 22—23, 30—31, 34. D. 1121. l. 93, 132, 133,143. (In Russ.).

Soviet village eyes CHEKA-OGPU-NKVD. Documents and materials, 3 (1). (2001). Moscow: ROSPEN. 864 p. (In Russ.).

Stalin, I. V. (1951). About work in the village. Speech of January 11, 1933. *Collected works, 13:* 216—233. (In Russ.).

CC BY

Stalin, I. V. (1951). Report report to the XVII Party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU(b) on January 26, 1934. *Collected works, 13:* 282—379. (In Russ.).

State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P. 116. Op. 1. d. 42. L. 20. F. P. 1103. Op. 1. D. 31. L. 125, 145, 175. F. P. 1160. Op. 1. D. 42. L. 20. F. P. 1165. Op. 1. D. 26. L. 52, 81, 83, 102. F. P. 1220. Op. 1. D. 3. L. 19. (In Russ.).

To help the light cavalry raid brigades to develop the Stakhanov movement. (1936). Rostov on Don: Kraisovprof. 15 p. (In Russ.).

References

Bernstein, S. (2018). *Brought up under Stalin. Komsomol members and the Defense of Socialism.* Moscow: Political Encyclopedia. 302 p. ISBN 978-5-8243-2264-4. (In Russ.).

Dobrosotsky, N. I. (2017). "Light Cavalry" of the Komsomol: attempts of revival in the second half of the 1950s. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice, 2:* 90—93. (In Russ.).

Ippolitov, V. A. (2014). Activity of the Light Cavalry groups of the Tambov Komsomol in the first half of the 1930s. *Issues of modern science and practice. V. I. Vernadsky University, 1:* 219—223. (In Russ.).

Merkulov, P. A. (2016). VKP(b) and Komsomol in the 1920s—1930s. *Managerial consulting, 11:* 120—127. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2019). Collectivization of Agriculture in 1928s—1930s: Role of "Light Cavalry". *Nauchnyi dialog, 3:* 292—306. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-292-306 (In Russ.).

Slezin, A. A. (2020). "Light Cavalry" in the mid-1930s: reviving hopes for justice. *Questions of History, 10—2:* 75—85. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi27. (In Russ.).

Stadnik, V. A. (2018). On the issue of personnel composition and activities of territorial CCRCTs in Donbass (1932—1934). *Journal of Historical, Political and International Studies, 1:* 134—143. (In Russ.).

Suitcases, P. A. (2015). The role of Komsomol organizations in the deployment of the Stakhanov movement in the Kirov Region (Kirov region) in 1935—1941. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities, 10:* 38—42. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.03.2022,
одобрена после рецензирования 10.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература
	10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
	10.01.08 Теория литературы. Текстология
	10.01.09 Фольклористика
	10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык
	10.02.03 Славянские языки
	10.02.04 Германские языки
	10.02.19 Теория языка
	10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история
	07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
	07.00.07 Этнография, этнология и антропология
	07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
	07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела
Текст
3.3. Тематическое название раздела
Текст

4. Заключение = Conclusions
Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения
(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).
ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:
1. АА — *Архив* авторов.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:
2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:
4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.
ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).
ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:
6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература
(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CONTENTS

Linguistics

Aksarina, N. A., Basova, L. V. Semantic Motivation of Nominative Relatives as a Problem of Modern Lexicography 9

Bagirova, E. P., Marandina, E. L. Verbal Representation of Ideas about Motherhood (in Russian Dialects of South of Tyumen Region). 26

Burova, E. E., Racheva, A. A., Chekmez, U. E. Story-"Record" vs Spontaneous Narrative in Light of a Comparative Analysis of Linguistic Features 48

Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. Category of Situationality in Narrative Model of Artistic and Legal Discourse 69

Dimitrieva, O. A. Features of Functioning of Bacchic Vocabulary in Novel of D. S. Merezhkovsky "Peter and Alexei". 99

Dyrkheeva, G. A., Badaraev, D. D., Khilkhanova, E. V. Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations 116

Litvinova, T. A., Kotlyarova, E. S., Zavarzina, V. A. Gender Factor in Associative Links of Words: Dictionary and Distributive-Semantic Model Data 136

Pavlov, S. G. Image of 'Holy Russia' in A. Blok's Poem "The Twelve": Experience of Linguistic Hermeneutics 157

Stepykin, N. I. Analysis of Associative Field "Politeness" According to Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness" 176

Media communications and journalism

Vidineeva, N. Yu. Specificity of Representation of Public Relations in Magazine "Koster" (1970—1980) 195

Gritsenko, A. N., Moroslin, P. V. New Metaphorical Models in Modern Sports Discourse .. 211

Ilyina, E. N. "Be Aware of Dogs!" in Context of Post-Folklore Linguistics 226

Nikonova, E. A. Citation as a Basis for Differentiating Mass Media Genres 243

Literary studies. Folklore

Dubova, M. A., Ivashevskaya, E. A., Larina, N. A. Motive of "Liberated Soul" as a World-Modeling Universal in Lyrics of S. Parnok 263

Zhatkin, D. N., Serdechnaya, V. V. Vadim Shershenevich as a translator, librettist and critic in a theatrical dialogue with Shakespeare 279

Zhitenev, A. A., Strelnikova, E. S. Neo-Mytho-Logic: Experience of Clarifying Modern Research Terminology 302

Kachorovskaya, A. E. Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus". 320

Kislova, L. S., Ratsen, T. N. "Lives of Others": Phenomenon of Simulated Reality in Contemporary Popular Literature 336

History

Anisimov, O. V. Constitutional Revolution in Naples 1820—1821 in Coverage of Russian Press 363

Babadzhanov, Kh. B. Military Industrialization of Uzbekistan in 1941—1945 384

Baryshnikov, M. N. S. I. Mamontov and Activities of Association of Nevsky Plant at End of 19th Century. 401

Zakh, V. A., Rafikova, T. N. Tarkhan Prison and Surrounding Tatars in Late 17th — Early 18th Centuries: Based on Excerpts from Scribe Books and Cartography by S. U. Remezov426

Klochkov, V. V., Nazarova, V. S., Ponomareva, M. A. Radicalism and Reformism in Political Controversy Tories in Great Britain in First Third of 19th Century 445

Kurinskikh, P. A. Folklorism in Culture of Subsistence of Population of Austrian Alps in 21st Century 463

Mamyachenkov, V. N., Kulikova, E. S., Lvova, M. I. Production of Consumer Goods by Industry of Middle Urals in 1971—1980 482

Simonenko, E. S. Sam Hughes and Overcoming Recruiting Crisis of Canadian Army at Height of First World War (1915—1916). 499

Slezin, A. A. "Light Cavalry" of the Komsomol in Mid-1930s: a Change of Priorities 515

TO AUTHORS 533

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 15.06.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,49. Тираж 500 экз. Заказ 15/06-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022

Свободная цена